

Институт российской истории РАН
Центр экономической истории ИРИ РАН
Научный совет РАН по экономической истории
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Центр экономической истории при Историческом факультете

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ Ежегодник 2022

Москва
2023

УДК 330.8; 94(47)
ББК 95,3; 63.3(2); 65
Э 40

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор), Л.И. Бородкин (научный редактор), Н.М. Арсентьев, Е.Т. Артемов, С.А. Афонцев, А.А. Бессолицын (ответственный секретарь), С.В. Журавлев, В.Н. Захаров, В.В. Кондрашин, Г.Е. Корнилов, С.К. Лебедев, П.В. Лизунов, М.Ю. Мухин, С.А. Саломатина, А.К. Сорокин, Г.Н. Ульянова

Э 40 Экономическая история: Ежегодник. 2022. — М.: Институт российской истории РАН, 2023. — 476 с.

ISBN

В очередном выпуске Ежегодника, включающем 15 статей, публикуются результаты научных изысканий в различных областях экономической истории дореволюционной, советской и современной России.

История предпринимательства представлена статьей, посвященной новому прочтению биографии московского дореволюционного предпринимателя Козьмы Солдатенкова. В раздел «Экономическая история Российской империи» включены работы, в которых анализируются вопросы внутренней торговли в России в 1860–1890-е гг., а также деятельность столичных акционерных электротехнических обществ в конце XIX – начале XX в. Отдельное исследование – о Русском гражданском населении Квантунской аренды (1898–1905). Статьи раздела «История финансов и банков» – о банках Российской императорской двора второй половины XVIII – начала XIX в. и Русско-Китайском банке (г. Инкоу, Китай) в начале XX в. Авторы работ по аграрной тематике охарактеризовали две модели старообрядческой хозяйственной культуры, а также состояние советской деревни накануне «Великого перелома» (1928–1929). В разделе «Экономика войны» – исследования, касающиеся развития оборонной промышленности Советской России в годы Гражданской войны и нефтяного ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). В рамках анализа принудительного труда в СССР рассмотрен сюжет, связанный с использованием труда осужденных специалистов в «шарашках» ОГПУ–МГБ СССР. История советской экономики затронута в статьях, раскрывающих работу Наркомата торговли и промышленности в 1918 г. и реорганизацию системы управления экономикой в период «хрущевского десятилетия». В разделе «Экономика переходного периода» рассмотрена проблема газификации Алтайского края в условиях рыночных реформ 1990-х гг. и анализируется Программа Грефа как стратегия первой постиндустриальной модернизации России.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также всех, кто интересуется отечественной и мировой экономической историей.

ISBN

© Коллектив авторов, 2023

© Институт российской истории РАН, 2023

Предисловие

Очередной выпуск Ежегодника традиционно посвящен широкой проблематике научных изысканий в области экономической истории России дореволюционного, советского и постсоветского периодов и включает 15 статей, подготовленных учеными Москвы, Екатеринбурга, Архангельска, Самары и Барнаула.

Издание открывает **раздел «История предпринимательства»**. В исследовании *Г.Н. Ульяновой и Е.М. Юхименко* на новом архивном материале детально восстановлена биография выдающегося деятеля отечественной истории и культуры — предпринимателя, благотворителя и издателя Козьмы Солдатенкова. Принадлежность к старообрядчеству оказала решающее влияние на формирование его личности, жизненных принципов, а также на круг деловых связей. В данной работе впервые представлена индустриальная и предпринимательская деятельность Солдатенкова и его семьи, включая деда и отца, освещены все направления его обширной благотворительности, поддержка им развития науки и культуры.

Раздел «Экономическая история Российской империи» включает три статьи. В работе самарских исследователей *П.С. Кабытова и Н.Ф. Тагировой* дан анализ современной российской историографии по вопросам развития внутренней торговли в годы активного государственного реформирования Российской империи (1860—1890-е гг.). Авторы отмечают наметившееся разнообразие направлений и исследовательских тем в этой области и воссоздают общую картину организации внутренней торговли в стране, главные формы и направления ее эволюции в период активной капиталистической трансформации.

В статье *А.А. Бессолицына* на основе архивных документов, статистических справочников, а также опубликованных отчетов компаний проанализирована деятельность официально зарегистрированных столичных акционерных электротехнических обществ. Именно в Санкт-Петербурге находились наиболее крупные и успешные компании, которые в условиях развернувшейся на рубеже XIX—XX вв. экономической модернизации развивались быстрыми темпами, обеспечивая электричеством смежные отрасли промышленности, а также частных потребителей.

Работа *Д.Б. Павлова* посвящена повседневным колониальным практикам России позднеимперского периода на основе изучения русского гражданского населения южной части Ляодунского полуострова Китая, которая находилась в российской аренде в 1898—1905 гг. под названием Квантунской области. Используя мемуары участников событий, их дневники, отечественную и зарубежную публицистику и другие источники, автор рассматривает численность этого социума, его социальный облик, среду обитания, повседневную жизнь, а также взаимоотношения с коренным китайским населением на всем протяжении русской аренды.

Открывающая **раздел «История финансов и банков»** статья *П.В. Лизунова* посвящена банкирам Российского императорского двора второй половины XVIII в. Это было время зарождения в России частного банкирского промысла, тесно связанного с Императорским двором. Придворные банкиры, в основном западноевропейские купцы, во второй половине XVIII — начале XIX в.

играли важную роль в деловой жизни страны. Благодаря своим связям с крупными заграничными банкирами они стали посредниками при заключении первых внешних российских займов.

В исследовании *В.Г. Шароновой* освещена деятельность Русско-Китайского банка в г. Инкоу (Китай, Южная Маньчжурия) в начале XX в. Отмечена ее связь не только с финансированием строительства Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), но и с многими аспектами русско-китайских отношений. В их числе – развитие русского и иностранного предпринимательства, а также сотрудничество с морскими и джоночной таможнями в Китае. Инкоу сыграл важную роль в укреплении позиций Российской империи в регионе, где русское градоначальство сумело создать налаженную коммерческую систему, в центре которой был Русско-Китайский банк.

В раздел «Аграрная история» включены две статьи. Автор первой из них – *В.В. Керов* исследует проблему факторов формирования хозяйственной культуры крестьян-старообрядцев. В поисках ответа на вопрос, в чем заключались различия хозяйственной культуры купечества и крестьянства на рубеже XIX–XX вв., автор пришел к выводу: в старообрядческой хозяйственной культуре и хозяйственном поведении невозможно выявить две различные модели, обусловленные социальной корреляцией. Предприниматели (купечество) и крестьяне – старообрядцы действовали в рамках единой модели хозяйственного поведения. Общей была и система конфессионально-этических факторов формирования старообрядческой хозяйственной культуры.

В статье *В.В. Кондрашина* на основе анализа разнообразных источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов, охарактеризован механизм втягивания советской деревни в сплошную коллективизацию. Обосновывается тезис о решающем значении в этом процессе кризиса хлебозаготовок. Хронологические рамки исследования охватывают период 1928–1929 гг., когда начавшийся в 1927 г. кризис хлебозаготовок достиг кульминации, а выход из него сделал неизбежным сплошную коллективизацию как средство получения необходимого количества товарного хлеба для продолжения форсированной индустриализации.

Раздел «Экономика войны» представлен статьями *М.Ю. Мухина* и *В.Н. Косторниченко*.

В исследовании *М.Ю. Мухина* рассмотрены основные тенденции развития отечественной оборонной промышленности в годы Гражданской войны. По мнению автора, на становление военных производств Советской России повлияло отсутствие у пришедших к власти большевистских лидеров сколько-нибудь разработанной в дореволюционный период программы практического переустройства экономики. Кроме того, важными факторами стали последствия поспешной и во многом неудачной эвакуации Петроградской группы заводов, утрата Советской республикой целого ряда производств во время Гражданской войны, а также поразивший в те годы РСФСР общеэкономический кризис. Тем не менее, сосредоточив основные усилия на выпуске наиболее востребованных элементов вооружения (прежде всего стрелкового) и легкой артиллерии, советскому руководству удалось в целом обеспечить РККА необходимыми ресурсами для победы в Гражданской войне.

Работа *В.Н. Косторниченко* посвящена анализу роли нефтяного ленд-лиза на разных этапах Великой Отечественной войны (1941–1945). Автором выявлена доля нефтепродуктов в общей массе поставок по ленд-лизу, исследовано значение снабжения авиатопливом, автобензином и т.п. Показана история вопроса, исследованы мотивы действий ведущих советских, американских, британских официальных лиц в сфере нефтяной политики. Особое внимание уделено влиянию нефтяного фактора на советско-британские и советско-американские отношения.

В разделе «**Принудительный труд в СССР**» – статья *О.Б. Мозохина*, охарактеризовавшего процесс использования труда осужденных специалистов в «шарашках» ОГПУ–МГБ СССР в 1920-х – начале 1930-х гг. Автор отмечает, что в результате борьбы с «вредительством» в тюрьмах оказалась масса специалистов, что создало трудности в решении задач по развитию народного хозяйства СССР. Решение данной проблемы стало возможным благодаря созданию особых конструкторских бюро, в которых в условиях тюремного режима можно было заставить специалистов работать на благо государства. Добросовестный труд специалистов в «шарашках» способствовал тому, что о досрочном освобождении этих людей, снятии с них судимости, о восстановлении их в правах и о награждении государственными наградами стали ходатайствовать сами органы государственной безопасности.

История советской экономики рассмотрена в статьях *Ю.П. Голицына* и *Е.Г. Водичева*.

Работа *Ю.П. Голицына* основана на неопубликованных мемуарах А.А. Бормана (сына известной общественной деятельницы и члена ЦК конституционно-демократической партии А.В. Тырковой-Вильямс), который будучи белогвардейским агентом, около полугода работал в центральном аппарате Наркомата торговли и промышленности. Связанные с деятельностью этого наркомата сюжеты и отражены в воспоминаниях. Это состав и организация работы первых советских чиновников; введение монополии внешней торговли; участие самого Бормана как эксперта в подготовке и проведении советско-украинских переговоров летом 1918 г. в Курске и Киеве; прием и переговоры НКТП с украинско-германской торговой делегацией и английской неофициальной миссией в июне-июле 1918 г. в Москве.

Екатеринбургский автор *Е.Г. Водичев* посвятил свою статью реформе системы управления экономикой СССР во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. Рассмотрен вопрос о сочетании объективных экономических потребностей децентрализации политических детерминант, а также факторов субъективного характера в качестве драйверов реформы и контрреформы в их исторической динамике. Констатируется, что реформа, не затрагивая существенных основ экономической модели, отражала разновекторное и усиливавшееся давление на высшее советское руководство со стороны различных акторов. Это стало предпосылкой корректировки институциональной платформы в системе принятия в стране управленческих решений.

Завершает сборник раздел «**Экономика переходного периода**». Объектом исследования *Е.В. Демчик* и *Е.С. Мирошкина* стала проблема реализации газификации Алтайского края в условиях кризисной ситуации 1990-х гг., вызванной

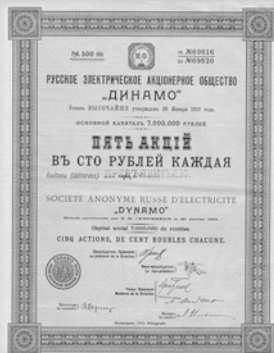
распадом СССР и системными преобразованиями в постсоветской России, известными как рыночные реформы. Прослежена динамика событий, выделены проявления кризисной ситуации, создавшие специфические условия для осуществления строительства газотранспортной системы. Сделан вывод о том, что 1990-е гг. стали важной вехой в истории газификации Алтайского края, которая продолжается и в наши дни.

В статье *И.М. Байдакова* анализируется первая долгосрочная стратегия развития России в XXI в. – Программа Грефа. Исследуется ее соответствие постиндустриальному этапу развития экономики страны. Данный этап характеризуется прямой зависимостью экономического развития страны от качества человеческого капитала государства. В этих условиях ключевую роль начинают играть социальная политика в обеспечивающих его воспроизводство сферах – образовании и здравоохранении, а также система пенсионного обеспечения, налоговая политика и поддержка государством инновационной деятельности. Реформы в этих сферах стали основополагающими инициативами Стратегии-2010. Автор приходит к выводу, что главной задачей Программы Грефа (первого долгосрочного плана развития РФ) стало обеспечение перехода от индустриального уклада к постиндустриальному.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также всех, кто интересуется отечественной и мировой экономической историей.

Ю.А. Петров, Л.И. Бородкин, А.А. Бессолицын

История предпринимательства

Ульянова Г.Н.
Юхименко Е.М.*

Московский предприниматель, меценат, старообрядец Козьма Терентьевич Солдатенков: новое прочтение биографии

Аннотация. В статье на новом архивном материале (использовано 38 дел из пяти архивов) детально восстановлена биография выдающегося деятеля отечественной истории и культуры — предпринимателя, благотворителя, издателя К. Т. Солдатенкова. Он был прихожанином храмов Рогожского кладбища, и принадлежность к старообрядчеству оказала решающее влияние на формирование его личности и жизненных принципов, круг деловых связей. В данной работе впервые столь подробно исследованы индустриальная и предпринимательская деятельность К. Т. Солдатенкова и его семьи, включая деда и отца, освещены все направления его обширной благотворительности, поддержка им развития науки и культуры.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, промышленность, торговля, текстильные фабрики, Российская империя, Москва, старообрядчество, Рогожское кладбище, К. Т. Солдатенков.

Введение

Необходимость рассмотрения биографии К.Т. Солдатенкова на архивных материалах

Одним из известнейших российских коммерсантов-благотворителей был Козьма Терентьевич Солдатенков¹. Он прожил 82 года, был москвичом и одним из богатейших людей России своей эпохи. Родился в 1818-м, скончался в 1901 г.

* Ульянова Галина Николаевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, galina.ulianova@gmail.com;

Юхименко Елена Михайловна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный исторический музей, em_yukhim@mail.ru

¹ Следует указать на особенность произношения данной фамилии. В современных изданиях, включая «Большую российскую энциклопедию», можно встретить написание: Солдатёнков; аналогичным образом поступила и Московская топонимическая комиссия, назвав два объекта в западной части Москвы: Солдатёнковский парк и бульвар Солдатёнкова. Однако в старообрядческой традиции (к которой, безусловно, принадлежали герои этой статьи), ориентированной на церковнославянский язык и дореформенные языковые нормы, буква «ё», введенная Н.М. Карамзиным в 1797 г., не употребляется. В старообрядческих текстах и документах XIX в. фамилия Солдатенков пишется также в варианте Салдатенков, но неизменно с «е». Произношение этой фамилии именно с «е» устойчиво существует и у современных старообрядцев, и на малой родине Солдатенковых — в Гуслицах. Корректное написание фамилии см.: Ульянова Г.Н., Юхименко Е.М. Солдатенковы // Православная энциклопедия. Т. 64. М., 2021. С. 709–714.

О нем один из современников сочинил такие шуточные стихи:

*Маститый коммерсант благой пример дает
Всем тем, кто капиталы в банках накаплиет —
Труды писателей он наших издает
И русских мастеров картины собирает².*

*Козьма Терентьевич Солдатенков (1818–1901).
Конец XIX – начало XX в. Офорт М.В. Рундальцева. ГИМ*

В этом стихотворении отражены три ипостаси деятельности Солдатенкова: во-первых, занятия коммерцией; во-вторых, занятия просветительством – книгоиздание; в-третьих, меценатство – коллекционирование картин русских художников. Сейчас знаменитые картины из собрания Солдатенкова (кисти Тропинина, Брюллова, Федотова, Левитана, Иванова и других художников), составляющие «золотой фонд» отечественной художественной культуры, можно видеть в Третьяковской галерее.

Самая большая ныне в Москве Боткинская больница, ранее носившая название Солдатенковской, была построена на деньги Козьмы Терентьевича. Сейчас там 1 800 коек, и 600 из них в нескольких корпусах были еще до революции созданы на деньги благотворителя Солдатенкова.

---

² *Мартьянов П.К.* Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиях. СПб., 1890. С. 197.

К сожалению, могилы Солдатенкова и его родных на Рогожском старообрядческом кладбище в Москве не сохранились – в ходе сталинской антирелигиозной кампании рушили храмы и некрополи старых кладбищ, гранитные и мраморные мавзолеи уничтожали, а гранит и мрамор отправляли на стройки 1930-х гг., в том числе и для отделки станций метро. На Рогожском кладбище были скрыты могилы Рябушинских, Кузнецовых (всем известных по Кузнецовскому фарфору) и Солдатенковых. Чудом частично сохранились надгробия Морозовых и Рахмановых.

Поэтому мы как историки полагаем, что нынешним культурным памятником Козьме Терентьевичу являются его деяния – больница, собрание картин и икон в Третьяковской галерее и более 200 изданных книг, среди которых – публикации средневековых рукописей.

Историк И.Е. Забелин, хорошо знавший Солдатенкова, по крайней мере, с начала 1850-х гг., как-то в дневниковых записях начала 1890-х назвал его «купцом-европейцем»³.

Несколько слов – о сложившемся в историографии каноне ранней биографии Солдатенкова. Насколько он соответствует фактам и реалиям эпохи?

Вослед надгробному слову Митрофана Павловича Щепкина (опубликовавшего прочувствованный некролог в газете «Русские ведомости» сразу после кончины Солдатенкова) многие родившиеся в советскую эпоху маститые авторы повторяют его слова про малограмотность, необразованность и несчастное детство Козьмы Терентьевича. Сказанная Щепкиным в публицистическом задоре фраза, гласящая, что Солдатенков «родился и вырос в очень грубой и невежественной среде Рогожской заставы, не получил никакого образования, еле обучен был русской грамоте и всю свою юность провел “в мальчиках” за прилавком своего богатого отца, получая от него медные гроши на дневное прокормление в холодных торговых рядах»⁴, продолжает кочевать из сочинения в сочинение.

Цитирования этой яркой фразы не избежали в своих сочинениях 1990-х гг. даже знающие эпоху специалисты: историки А.Н. Боханов, М.Л. Гавлин и искусствовед Н.Ю. Семенова⁵. Тем не менее сейчас, когда история купечества и история старообрядчества обрели за последние 30 лет значительную историографию и фактографию, можно объяснить столь негативный отклик профессора-статистика Щепкина о детстве Солдатенкова, во-первых, дворянским происхождением самого Щепкина, во-вторых, предвзятым отношением к старообрядчеству, и, в-третьих, в целом антимеркантилистским пафосом поколения русской интеллигенции второй половины XIX в. – купцы-нувориши раздражали, и только сочувствие к их гипотетическому бедному и голодному детству сглаживало это впечатление. Не стоит сбрасывать со счетов и ритуальную критику эпохи Николая I, ставшую общим местом после аналитики А.Н. Пыпина. К тому же сам Щепкин, родившийся в 1832 г. и писавший некролог в 1901 г. (т.е. через 70 лет после описываемого времени), мог не представлять реалий воспитания мальчика-купца в 1820-х – первой половине

³ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 179.

⁴ [Щепкин М.П.] Надгробное слово. К.Т. Солдатенков // Русские ведомости. 1901. № 133.

⁵ См., напр.: Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 17–18.

1830-х гг. и создал, скорее, типовой литературный образ в духе народнических воззрений своей молодости.

В других появившихся в мае 1901 г. некрологах такая резкость в суждениях отсутствовала. Еженедельник «Искры» писал: «Родился Козьма Терентьевич в 1818 г. в Москве, происходил из купеческой семьи, материально вполне обеспеченной, но, по-видимому, считавшей образование ненужной роскошью. Благодаря этому покойный Солдатенков получил домашнее образование и рано вышел на практическую дорогу. Но торговая деятельность не заглушила в нем природной жажды знания. Одаренный редкой энергией Солдатенков, не оставляя своих многочисленных дел, до самой смерти своей пополнял свое образование и не щадил своих огромных материальных средств на дела просвещения»⁶.

Еще один некролог (в газете «Русское слово») содержал такую характеристику: «Жизнь его — интереснейшая страница в истории ряда крупных русских людей, имена которых становятся достоянием всего культурного человечества. Помимо несомненных, из ряда вон выходящих коммерческих способностей, позволивших ему основать и упрочить существование серии миллионных предприятий, из которых некоторые, как, например, Кренгольмская мануфактура, по числу веретен считается чуть ли не первой в мире. К.Т., не получив ровным счетом никакого образования, сумел подбором знакомств и исключительную, доходившую до самозабвения, любовью к чтению развить себя до понимания мельчайших явлений в искусствах, литературе — изящной и научной; особенно интересовался покойный историей»⁷.

Хотелось бы приблизить рассмотрение вопроса к реалиям купеческой жизни второй четверти XIX в., о которых мы теперь, после 30 лет изучения, знаем. По вопросу грамотности и систематического обучения: Солдатенков принадлежал к старообрядцам, а эта группа населения демонстрировала высокий уровень грамотности, что было связано с необходимостью чтения богослужебных книг. Как показывает знакомство с архивными документами семьи, грамотными были дед, отец и дядя Солдатенкова. Это означает, что уже юношей Солдатенков мог (даже путем самообразования) приобщаться к литературе, истории, другим наукам. Насчет службы Солдатенкова «в мальчиках» в лавке отца — в 1820—1830-е гг., на которые пришлось отрочество Солдатенкова, многие подростки из купеческих семей именно таким образом приобщались к бизнесу, который в дальнейшем должны были унаследовать. Не все дети получали систематическое образование, хотя известно, что богатые купцы, как Третьяковы, приглашали на дом учителей, а купеческие дети из семей с более скромным достатком, как, например, Герасим Хлудов (род. в 1821 г.) и Николай Найденов (род. в 1834 г.), посещали городские и частные начальные училища. Но в целом идея обучения детей только начинала проникать в широкие слои русского общества. В Гостином дворе и Средних торговых рядах, где были лавки Солдатенковых, действительно осенью и зимой было холодно — любые обогревательные приборы и освещение (свечами, фонарями) запрещались во избежание пожара. Нельзя было даже разогреть еду и воду для чая в своих лавках — ходить на

⁶ Искры. 1901. № 21.

⁷ К.Т. Солдатенков (некролог) // Русское слово. 1901. № 137.

обед следовало в трактиры и кофейни или покупать горячие пироги у лотошников (их было множество), а кипяток брать в специальных водогрейных будках у собора Василия Блаженного и Спасской башни Кремля.

Яркая, крупная личность К.Т. Солдатенкова интересовала современников и представителей последующих поколений – о нем имеется немалая литература, в том числе научная⁸. Однако генеалогия и предпринимательская деятельность чаще представлены в пересказах наиболее общих сведений. Цель нашей статьи – дать жизнеописание выдающегося российского предпринимателя, максимально опираясь на архивные документы, которые до сих пор не были введены в научный оборот и даже прочитаны исследователями.

Генеалогия и ранняя предпринимательская история династии Солдатенковых. 1780–1850-е годы

Козьма Терентьевич Солдатенков родился 10(22) октября 1818 г. в Москве, умер 19 мая (1 июня) 1901 г. в своем имении Кунцево Московского уезда Московской губернии (ныне – в черте Москвы). Он известен как предприниматель, один из крупнейших благотворителей и меценатов в Российской империи, издатель, коммерции советник (1876), действительный член Императорской Академии художеств (с 1895 г.; почетный вольный общник с 1867 г.).

Козьма Терентьевич происходил из известной династии текстильных фабрикантов Солдатенковых (в первой половине XIX в. употреблялось также написание «Салдатенковы», как и слово «салдат» писалось через «а»), которая насчитывала четыре поколения за 100 лет. Козьма Терентьевич принадлежал к третьему поколению семьи.

Его дед, Егор Васильевич Солдатенков (16.05.1744–11.06.1830; могила сохранилась на Прокунинском кладбище, как установил краевед В. Ситнов⁹),

⁸ Толстяков А.П. Люди мысли и добра. М., 1984; *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX в. М., 1986; *Гавлин М.Л.* Российские Медичи: портреты предпринимателей. М., 1996; *Полунина Н., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы. М., 1997; Древности и духовные святыни старообрядчества: Иконы, богослужебные предметы, рукописные и печатные книги, облачения из собрания кафедрального Покровского собора на Рогожском кладбище / под общ. ред. Е.М. Юхименко. М., 2005; *Юхименко Е.М.*: 1) История Рогожского кладбища в Москве и Козьма Терентьевич Солдатенков // Традиционная книга и культура позднего русского Средневековья. Ч. 2: История, книжность и культура рус. старообрядчества. Ярославль, 2008. С. 100–113 (Мир старообрядчества. Вып. 7); 2) Старообрядческий центр за Рогожской заставою. 2-е изд. М., 2012; 3) Рахмановы: Купцы-старообрядцы, благотворители и коллекционеры. М., 2013; 4) Постоянная экспозиция «Русская икона XVI–XX вв.» // Церковно-исторический музей при Митрополии Русской православной старообрядческой церкви: Путеводитель. Исследования и материалы / сост. Е.М. Юхименко. М., 2015. С. 7–36; *Петров Ю.А.* Этноконфессиональный фактор в контексте московского предпринимательства, вторая половина XIX – начало XX в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сб. науч. тр. / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 2010. С. 688–698; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. Словарь купцов-благотворителей. М., 2014; *Титова Ю.В.* Роль Роль Козьмы Терентьевича Солдатенкова в становлении Румянцевского музея // Румянцевские чтения. Т. 2. М., 2021. С. 451–455.

⁹ *Ситнов В.*: 1) Династия Солдатенковых из Прокунина. К 115-летию кончины Козьмы Терентьевича Солдатенкова (1818–1901) // «Богородск-Ногинск. Богородское краеведение».

в 1769 г. — после издания указов 1767 и 1769 гг., разрешивших крестьянам «свободу рукоделия», т.е. ткачество мануфактурных изделий на станах — завел ткацкие станы для изготовления шелковой материи в деревне Прокунино Богородского уезда. (Следует уточнить, что в конце XVIII в., в результате административно-территориального передела Прокунино числилось некоторое время в Коломенском уезде, или в Коломенской округе, Московской губ. Сейчас территория бывшей деревни находится в составе Павловского Посада, на ее месте нынешняя ул. Гагарина.)

Прокунино находилось в ведомстве Департамента экономии, и Солдатенковы были экономическими крестьянами, т.е. принадлежали государству и платили ежегодный денежный оброк в казну. Экономическими (или казенными) эта категория крестьян называлась потому, что ими распоряжался Департамент экономии¹⁰. Экономические крестьяне, в отличие от крепостных (помещичьих) крестьян, обладали личной свободой. Они могли зарабатывать деньги для внесения денежного оброка в казну, занимаясь земледелием или промыслами. Как и многие крестьяне Богородского уезда, Солдатенковы завели ткацкие станы и весьма преуспели в производстве шерстяных и шелковых тканей.

По сведениям 1770–1774 гг., поданным в Мануфактур-коллегию, у Егора Васильева (под этим именем Солдатенков записан в документах) работало от трех до пяти станов (1770 и 1771 гг. — по три стана, 1772 — пять станов, 1773 — четыре стана; в 1771 и 1775 гг. станы не показаны), причем в 1773 г. из четырех станов два производили шелковые платки, а два — шерстяные сукна, каразею и кушаки¹¹. Однако в ведомости 1797 г., представленной в Мануфактур-коллегию, сказано, что основание крупного предприятия (типа рассеянной мануфактуры), где на 13 станах работали в собственных светелках 26 мастеров, производя шелковые ленты, платки и тафту, относится к 1784 г.¹² Вероятно, в первом случае речь шла о надомной работе индивидуальных ткачей, а во втором — уже о зарегистрированном предприятии.

Производство Солдатенковы, видимо, продавали в Богородском уезде и в Москве, находившейся в 80 км от Прокунина. Подкопив денег, Солдатенковы переселились в Москву, где в 1788 г. завели шелковую фабрику (по данным о шелковых мануфактурах, выявленных И.В. Мешалиным, а позже подтвержденным А.В. Ковальчуком в РГАДА), о чем в «Ведомости о состоянии шелковых фабрик с 1797 по 1802 г.» сказано: «[Фабрика] Московских купцов Терентия и Константина Егоровых детей Солдатенковых. [Заведена] в 1788 г. собственным капита-

---

URL: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/p-posad/vohna-2016/dinastiya-soldatyonkovyx-iz-prokunina.html> (дата обращения: 20.01 2023); 2) Еще раз о династии Солдатенковых из Прокунина (Работа над ошибками) // сайт «Богородск-Ногинск. Богородское краеведение». URL: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/p-posad/soldatenkov.html> (дата обращения: 20.01 2023).

¹⁰ «Казенные» крестьяне платили оброк в казну. В 1765 г. в число казенных были включены «экономические» крестьяне, ранее принадлежавшие монастырям и перешедшие под контроль государственной Коллегии экономии в 1764 г. после секуляризации монастырей. См.: Назаров В.Д., Федоров В.А., Тюкавкин В.Г. Крестьянство // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 135, 138, 140.

¹¹ Мешалин И.В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М.; Л., 1950. С. 130, 157.

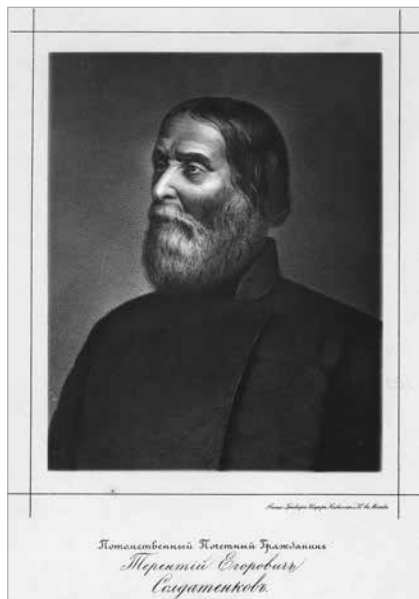
¹² Там же. С. 130.

лом»¹³. В 1797 г. московская фабрика Солдатенковых была оснащена десятью ткацкими станами и на ней трудились 46 рабочих¹⁴. Предприятие в 1797 г. произвело платков и разных шелковых изделий на сумму 20932 руб. и стояло по объему производства на 36-м месте среди 114 московских шелковых предприятий (производило 1% всех шелковых тканей в Москве). В 1799 г. было выпущено продукции на 24622 руб., и, по расчетам А.В. Ковальчука, стоимость изготовленной продукции в пересчете на одного работника у Солдатенковых составляла 455 руб. (при средней цифре для 35 предприятий, где число станов было от 10 до 30, – 428 руб.)¹⁵. В 1801 г. в бумагах Мануфактур-коллегии отмечено, что числятся «за купцом Егором Солдатенковым» две шелковые фабрики, «находящиеся в Москве и Вохонской волости»¹⁶.

Несколько слов о генеалогии первых двух поколений Солдатенковых.

*Константин Егорович Солдатенков.
Фотогравюра «Шерер и Набгольц».
Москва, конец XIX – начало XX в. ГИМ*

*Терентий Егорович Солдатенков.
Фотогравюра «Шерер и Набгольц».
Москва, конец XIX – начало XX в. ГИМ*

У Егора Васильевича было два сына. Старший сын, Терентий Егорович (20.10.1772–19.12.1850), поступил в московское купечество в 1795 г., позже стал московским купцом 1-й гильдии (с 1825 г.), потомственным почетным гражданином (с 1835 г.)¹⁷. Терентий Егорович Солдатенков имел двух сыновей:

¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 277. Оп. 16. Д. 8. Л. 41 об. – 42.

¹⁴ Ковальчук А.В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. М., 1999. С. 117, 268.

¹⁵ Там же. С. 243, 287.

¹⁶ РГАДА. Ф. 294. Оп. 3. Д. 804 («О предписании из мануфактур-коллегии считать шелковые фабрики, находящиеся в Москве и Вохонской волости, за купцом Егором Солдатенковым». 1801 г.).

¹⁷ Московский некрополь. Т. III. СПб., 1908. С. 138.

старшего Ивана (2.09.1812–11.05.1852), почетного гражданина и временно московского 1-й гильдии купца, женатого на Александре Осиповне (урожденной Сушкиной, дочери тульского купца, 17.04.1826–8.11.1846), и младшего Козьму (10.10.1818–19.05.1901). Козьма Терентьевич стал самым известным из Солдатенковых – коммерции советником, книгоиздателем и коллекционером. Третий сын Терентия Егоровича, Яков (1815–1818), умер в раннем детском возрасте, а дочь Елена (1811–25.03.1826) скончалась 14-летней, до взрослого возраста дожила еще одна дочь Марья.

На примере Солдатенковых видно, что брачные стратегии строились, прежде всего, на стремлении породниться с зажиточными энергичными купцами из старообрядческой среды.

Мать К.Т. Солдатенкова, Евдокия (Авдотья) Григорьевна (1778–23.11.1836), по предположению Е.М. Юхименко, происходила из рода Рахмановых и являлась дочерью Григория Леонтьевича Рахманова (1751–1808). Известный деятель старообрядчества Василий Григорьевич Рахманов, по словам самого К.Т. Солдатенкова, приходился ему родным дядей¹⁸. В переписке с Алексеем Алексеевичем Рахмановым (1821–1855) К.Т. Солдатенков называет своего адресата братом¹⁹. В конце XIX в. Козьму Терентьевича связывали близкие теплые отношения с семьей троюродного племянника Ф.С. Рахманова²⁰.

Второй сын – Константин Егорович (13.05.1779–11.01.1834), также был записан в московское купечество с 1795 г., в одном капитале со старшим братом (подробнее об этом будет сказано ниже). От первого брака (имя супруги неизвестно) Константин имел дочерей Марию (в замужестве Симонову, 18.01.1809–8.02.1870)²¹ и Евфросинию, умершую в раннем детском возрасте (1812–1817). Второй женой Константина Егоровича была Пелагея Никифоровна (1825–24.09.1851)²².

Брак Марии Константиновны Солдатенковой можно назвать династическим. Она вышла замуж за Федора Ивановича Симонова (около 1805–1846), купца-старообрядца, предки которого, как и Солдатенковы, поступили в купцы из крестьян. Согласно данным ревизской сказки, дед Федора Андрей Симонов (около 1733–1815) в 1781 г. поступил в 3-ю гильдию московского купечества «вдовствующей ея сиятельства графини Настасьи Степановны Головиной Гуслицкой волости деревни Борнышевой из крестьян по отпускнуной» (возможна ошибка писаря и это нынешняя деревня Барышово. – *Авт.*), т.е. происходил из окрестностей современного Орехово-Зуева. Именоваться фамильным прозвищем «Симоновы» ему и семейству было дозволено в 1802 г. (до этого, «Симонов» было указанием на имя его отца Симона)²³.

¹⁸ Юхименко Е.М. Рахмановы... С. 15–16.

¹⁹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 577. Карт. 1. Ед. хр. 2–3.

²⁰ См.: Юхименко Е.М. Рахмановы... С. 31–35, 175–186.

²¹ Московский некрополь. Т. III. С. 103.

²² Там же. С. 137–138.

²³ Материалы для истории московского купечества. Т. III: Сказки, поданные купеческим сословием к 4-й ревизии. М., 1886. С. 250; Т. V: Сказки, поданные купеческим сословием к 6-й ревизии. М., 1887. С. 256–257.

Его сын, Иван Андреевич Симонов, был уже купцом 2-й гильдии и владел вместе с братом Семеном, а потом единолично, фабрикой шелковых материй близ Таганки в Москве. На фабрике производилась плотная шелковая ткань типа тафты под названием «гарнитур». Она пользовалась успехом у покупателей, потому что шла и на платья, и на обивку мебели, и на шторы. Фабрика Симоновых была крупной. Например, в 1805 г. она продала товара на 35 тыс. руб., «сработав» 32 тыс. аршин, или почти 23 тыс. м, «гарнитуру и цветного атласу»²⁴.

Сын Ивана, Федор, широко развернул производство, купив еще две фабрики в с. Колюбакино Рузского уезда (куплена у сенатора Челищева) и в с. Константиново Подольского уезда Московской губ. В 1840-е гг. Ф.И. Симонов владел тремя предприятиями с общим числом рабочих более 1 300 чел.²⁵

Дочь М.К. Симоновой – Мария Федоровна (1830–1911), в замужестве Морозова, супруга Тимофея Саввича Морозова и мать знаменитого промышленника и мецената Саввы Морозова – приходилась К.Т. Солдатенкову двоюродной племянницей. После смерти мужа Т.С. Морозова она возглавила правление одной из крупнейших текстильных фирм в России – Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о»²⁶. По желанию дяди М.Ф. Морозова была назначена одной из четырех душеприказчиков. Сохранился фотопортрет К.Т. Солдатенкова, выполненный в известном фотоателее «Шерер и Набгольц» с дарственной надписью-автографом К.Т. Солдатенкова: «Сердечно моей любимой племяннице Машиньке на память в день ее ангела 12-го февраля 1867 г.»²⁷.

*Козьма Терентьевич Солдатенков.
Фотогравюра «Шерер и Набгольц».
Москва. 1867 г. С дарственной
надписью племяннице М.К. Симоновой
12 февраля 1867 г. ГИМ*

²⁴ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 105. Оп. 7. Д. 4588. Л. 8 об.

²⁵ Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816. С. 43, 236; Список купцов города Москвы, объявивших капиталы на 1830 год, с показанием имеющегося при них семейства, чем торговлю производят и где жительство имеют. [б.м., б.г.]. 2 гильдия. № 127; Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. СПб., 1833. С. 399; Самойлов Л. Атлас промышленности Московской губернии. М., 1845. С. 28, 11, 114.

²⁶ См.: Ульянова Г.Н. Владелица Никольской мануфактуры М.Ф. Морозова и ее судьба в контексте изучения истории предпринимательства в России // Человек в экономике: исторический дискурс. Материалы Всерос. науч. конф. по экономической истории, посвященной 80-летию профессора Н.Л. Клейн. Самара, 2007. С. 69–80.

²⁷ Государственный исторический музей: ГИМ 95171/11708 ИЗО И VI 16453.

Но вернемся к истории второго известного нам поколения Солдатенковых в конце XVIII в.

В июле 1795 г. сыновья Егора — 22-летний Терентий (20.10.1772—19.12.1850) и 16-летний Константин (13.05.1779—11.01.1834), тогда холостые, поступили в 3-ю гильдию московского купечества, «торг производили в отъезде шелковым товаром». Ревизская сказка по V ревизии (1795 г., сказка взята 7 августа, опубликована в разделе по Семеновской слободе, но в самой сказке сказано, что она помещена в книге Таганной слободы) гласила: «Авг[уста] 7. — 3 гил[ьдии] к[упец] Терентий Егоров, хол[ост] 22; у него бр[ат] родной Константин, хол[ост] 15; в к[упече]ство пр[и]были в 1795 г[ода] июля 30 д[ня] М[о]ск[овской] губ[ернии] Богород[ской] окр[уги] Вохонской вол[ости] дер[евни] Прокунина из эконом[ических] кр[естьян]; жит[ельство] Рогожской в пр[и]х[оде] ц[еркви] Сергия Чуд[отворца] ч[то] в Рогожской, св[оим] дв[ором]; т[орг] производ[ят] в отъезде шелковым товаром. (Ск[азка] в кн[иге] Таган[ной] сл[ободы])»²⁸.

В октябре 1797 г. Солдатенковы причислились во 2-ю гильдию уже всем семейством, во главе с отцом Егором Васильевичем²⁹. О чем в ревизской сказке, взятой в 1811 г., сказано: «Сент[ября] 28. — 2 гил[ьдии] к[упец] Егор Васильев с[ын] Солдатенков 59; у него дети; Терентий (22) 38, Константин (16) 32; пр[и]б[ыли] 797 г[ода] окт[ября] 27 д[ня] М[о]ск[овской] губ[ернии] Коломен[ского] уезда Вохонской вол[ости] дер[евни] Прокуниной из кр[естьян]; жит[ельство] в Рогожской, в св[оем] д[оме] — у с[ына] Тер[ентья] ж[ена] Авдотья Григорьева 32, дочери — Марья 7, Александра 1 ½, Елена 20 нед[ель]; — у с[ына] Констан[тина] дочери Марья 2, Афросинья 1 нед[еля]»³⁰.

Само же дело о причислении в купечество сохранилось в Архиве г. Москвы, и сведения из него приведены ниже. Но прежде чем перейти к изложению информации о смене Солдатенковыми статуса на купеческий, следует сказать о сложившейся к концу XVIII в. юридической практике словного перехода.

*Иван Терентьевич Солдатенков.
Фотогравюра «Шерер и Набгольц».
Москва, конец XIX — начало XX в. ГИМ*

²⁸ Материалы для истории московского купечества. Т. IV: Сказки, поданные купеческим сословием к 5-й ревизии. М., 1886. С. 399–400.

²⁹ Материалы для истории московского купечества. Сказки. Т. V. С. 194, 210.

³⁰ Там же. С. 194.

Как мы уже писали ранее, юридическая процедура перехода из крестьянского сословия в купеческое регламентировалась статьями Городового положения из «Жалованной грамоты городам» (1785)³¹. Для сословного перехода следовало, во-первых, получить согласие купеческой корпорации того города, куда желал поступить кандидат в купечество; во-вторых, оформить переход в Казенной палате соответствующего региона, с последующей подачей сведений в Сенат³².

Для казенных (экономических) крестьян, к которым относились Солдатенковы, надлежало подать в Казенную палату следующие документы: 1) заявление о желании причислиться в купечество, 2) справку о составе семьи и имуществе, 3) удостоверение сельской общины, что на кандидате в купечество «никаких поселянских повинностей и недоимки нет», и что после перехода его в город принадлежащий ему надел перейдет в пользу общины («после выбытия его земля, некогда им обрабатываемая, не останется впусе»), 4) обязательство внести в купеческое общество, куда он поступает, денежный залог в размере 3-годовой подати его по новому званию³³. Государство соблюдало свой фискальный интерес – купцы из крестьян были обязаны по статье 139 Городового положения платить подати по обоим сословиям до новой ревизии, окончательно узаконивавшей их новый сословный статус, – так называемый «двойной оклад»³⁴.

Вопрос о переходе из крестьянского сословия в купеческое при переселении из Московской и других губерний в Москву затронут в работах И.В. Мешалина, А.И. Аксенова, Г.Н. Ульяновой, И.А. Троицкой³⁵.

В соответствии с правилами перехода из крестьянства в купечество, Иван Васильевич Солдатенков подал заявление о причислении в купечество (в архивном деле отсутствует). По итогам рассмотрения дела в Казенной палате 21 октября 1797 г. последовал указ императора Павла I о записи «на законном основании» в московское купечество уволенных из экономических крестьян семейств Логина Иванова из села Кувякина Звенигородского уезда, а также Егора и Ивана Солдатенковых из деревни Прокунино Коломенского уезда (в архивном деле наличествует)³⁶.

³¹ См.: *Ульянова Г.Н.* Миграция в Москву в конце XVIII – начале XIX века по купеческим сказкам VI ревизии 1811 года // Миграции. Формирование Российского государства / под ред. П. Каталано, Ю.А. Петрова. М., 2015. С. 101–102.

³² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗ-1). Т. XXVIII. № 21484 (Указ 24 октября 1804 г. «О правилах для записки крестьян в купечество»).

³³ Там же.

³⁴ Там же. Т. XXVI. № 19576 (Указ 27 сентября 1800 г. «О взыскании Казенным палатам с записывающихся в купечество и мещанство крестьян и другого звания людей, всех узаконенных с них податей, впредь до ревизии, по обоим состояниям»).

³⁵ См.: *Мешалин И.В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губернии. С. 156, 179–220; *Аксенов А.И.*: 1) Генеалогия московского купечества XVIII в.: из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 62; 2) Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С. 165–184; *Ульянова Г.Н.* Миграция в Москву в конце XVIII – начале XIX века по купеческим сказкам VI ревизии 1811 года. С. 101–102; *Троицкая И.А., Ульянова Г.Н.* Социальная и территориальная мобильность московских купцов по сказкам VIII (1833–1834) и X (1857–1858) ревизий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. 2017. № 2(77). С. 94–109.

³⁶ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 5321. Л. 1.

Следуя процедуре поступления в купечество, старший брат Иван Васильевич (который был холостой) в устной форме (сказке) заявил в московском магистрате, что желает семейством, т.е. вместе с братом Егором (моложе Ивана на 10 лет) с женой и детьми, поступить в московское купечество, имея для этого достаточный капитал, о чем был составлен документ следующего содержания:

1797 года октября <...> [дата не проставлена. – Авт.] дня московского магистрата в 1-м департаменте записывающейся в московское купечество Коломенской округи деревни Прокуниной крестьянин Иван Васильев сын Салдатенков сею скаскою показал, что он собственного своего капитала имеет две тысячи дватцать пять рублей, от роду ему 57 лет холост, в семействе его состоит брат родной Егор 47-ми, у Егора жена Марья Васильева 45-ти, дети их дочери Пелагея 18-ти, Настасья 10-ти лет. К сей скаске вместо означенного Ивана Васильева за неумением его грамоте и писать по его прошению подьяканцелярист Алексей Иванов сын Богословский руку приложил³⁷.

Этот документ, помимо генеалогических сведений, содержит важную информацию о размере капитала – 2025 руб., что в 1797 г. было довольно крупной суммой.

При поступлении в купечество за Солдатенкова, по существующим правилам, было дано поручительство его знакомых купцов. Согласно законодательству, поручители, в случае неспособности лица (за которое поручились) платить налоги и подати, были обязаны их платить за него.

Свидетелями, поручившимися за благонаравие Ивана Васильевича, выступили трое – купец 1-й гильдии Григорий Александров, купец 2-й гильдии Михайла Иванов Самодуров и купец Василий Алексеев. Они представили в магистрат следующую бумагу:

1797 года октября <...> [дата не проставлена. – Авт.] дня московского магистрата в 1-м департаменте мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем в том, что Коломенской округи Вохонской волости деревни Прокуниной крестьянин Иван Васильев сын Салдатенков с семейством своим напредь сего в штрафах и подозрениях не бывал и ныне поведения хорошего, в чем и подписуемся. К сему свидетельству московской первой гильдии купец Григорей Александров руку приложил. К сему свидетельству московской второй гильдии купец Михайла Иванов сын Самодуров руку приложил. К сему свидетельству московской купец Василий Алексеев сын Алексеев руку приложил³⁸.

Найденная нами ранее в архиве «Ведомость о фабриках и заводах Москвы в 1805 году»³⁹ позволяет идентифицировать поручителей Солдатенковых и тем

³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 5321. Л. 4.

³⁸ Там же. Л. 6.

³⁹ Ульянова Г.Н. «По царству ископаемых, по царству животных, по царству прозябаемых, по царству произрастаемых». Ведомость о фабриках и заводах Москвы в 1805 году // Исторический архив. 2020. № 5. С. 149–179.

самым определить круг их коммерческих связей. Эти связи были весьма значимыми: купец 1-й гильдии Григорий Александров владел крупной шелковой фабрикой в Басманной части и имел «во обращении капитала до 200 000 р[ублей]»⁴⁰; Михайла Самодуров также принадлежал к семейству шелковых фабрикантов, фабрика которых была в Лафертовской (Лефортовской) части, его отец Иван Спиридонович имел «во обращении капитала до 30 000 рублей, в 1801 г. «торговал в Старом Снетошном ряду»⁴¹; Василий Алексеев, купец 3-й гильдии, по данным ревизии 1795 г., торговал в Серебряном ряду⁴².

По вопросу о причислении Солдатенковых в купечество 29 октября 1797 г. был составлен рапорт московской Купеческой гильдии, поданный в Московский магистрат. Он гласил:

*Московского магистрата в 1-й департамент из гильдии
Рапорт*

Во исполнение полученного Его Императорского Величества из одного департамента в гильдию указа Звенигородского уезда села Кувякина Логин Иванов з женою ево Анною Ивановою и дочерью их Марфою, Коломенского уезда Вохонской волости деревни Прокуниной Иван и Егор Васильевы дети Салдатенковы с Егоровою женою Марьею Васильевою и з детми их Пелагеею и Натальею в московское купечество в третью гильдию в прибылую книгу окладом с 1798 года причислены и написаны по желанию их — Иванов в Кадашевскую, а Салдатенковы в Таганную слободы. И в податех же государственных по купечеству, равно и по крестьянству податей, и в служениях гражданских росписка вместо присяги с поручительством взята, с которой копия при сем приложена. О внесении в городскую обывательскую книгу к господину градскому главе надворному советнику Василью Яковлевичу Жигареву из гильдии рапортом донесено. Старосты помощник Петр Алексеев.

Секретарь Алексеев.

*Октября 29 дня 1797 года*⁴³.

При записи в купечество Иван Солдатенков дал присягу. Об этом сообщает документ следующего содержания, вновь заверяемый тремя поручителями — купцами Иваном Шелапутиным, Иваном Прокофьевым и Семеном Малютиным:

⁴⁰ Согласно материалам 5-й ревизии, в 1801 г. Григорий Александров в 27 лет уже имел 1-ю гильдию (по Семеновской слободе) и был во 2-м департаменте магистрата ратманом. См.: Материалы для истории московского купечества. Сказки. Т. IV. Прил. 1. М., 1887. С. 3. В 1800 г. Григорий Александров, старообрядец, прихожанин храмов Рогожского кладбища, выступил одним из инициаторов создания единоверческой церкви. См.: Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. С. 39, 40, 42.

⁴¹ О Спиридоновых — в сведениях о службе в 1801 г. и ревизской сказке 1811 г., см.: Материалы для истории московского купечества. Сказки. Т. IV. Прил. 1. С. 8; Материалы для истории московского купечества. Сказки. Т. V. С. 190.

⁴² ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 7. Д. 4588. Л. 8 об., 10 об.; о В. Алексееве см.: Материалы для истории московского купечества. Т. IV. Сказки. С. 376–377.

⁴³ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 5321. Л. 8 об. — 9.

1797 года октября дня в московской гильдии присланной приказ Московского магистрата ис 1-го департамента Коломенской округи Вохонской волости экономической деревни Прокуниной крестьянин Иван Васильев Салдатенков дал сию по тое городского положения 6-й статьи вместо присяги росписку в том что быть мне Салдатенкову з братом Егором в московском купечестве по желанию моему в Таганной слободе и со оным купечеством всякие государственные подати плотить, равно и по крестьянству на прежнее жилище подати их платить же и гражданские службы с купечеством служить в равенстве, московскому купечеству убытка не доставить и ничего неблагопристойного и законом прописанаго не чинить и во всяких случаях поступать нам как добрым и честным людям принадлежит, а естли я з братом к платежу оных податей и когда явится не в состоянии, то все вышепенанные подати повинны за нас платить нижеподписавшиеся по нас поручители, в чем и подписуемся.

К росписке вместо означенного крестьянина Ивана Васильева сына Салдатенкова за неумением того грамоте и писать по ево прошению секретарь Михаил Васильев руку приложил.

По означенном крестьянине Иване Салдатенкове з братом в платеже податей порукою подписуюсь. Московской первой гильдии Семеновской слободы купец Иван Алексеев меншей Шелапутин, жительство имею в Таганке своим двором, торг имею в Снетошном ряду в полатке шелковым товаром.

По означенном крестьянине Иване Салдатенкове с братом в платеже податей порукою подписуюсь. Московской третьей гильдии купец Семеновской слободы Иван Назаров Прокофьев, жительство имею в Малой Алексеевской в наемном доме, торг имею в снетошном ряду в полатке шелковым товаром.

По означенном крестьянине Иване Салдатенкове порукою подписуюсь. Московской купец третьей гильдии Басманной слободы Семен Семенов сын Малютин, торг имею в москотильном ряду⁴⁴.

И вновь среди поручителей – торговцы шелком, в том числе Иван Алексеевич меньшей Шелапутин, чья семья (включавшая его двух братьев, Ивана большого и Филиппа, с семьями и во главе с матерью всех трех братьев) поступила в московское купечество в 1792 г. из купцов г. Покрова Владимирского наместничества и за пять лет перешла из 2-й в 1-ю гильдию, и Иван Прокофьев, также с братом и прочими членами семьи поступивший в московское купечество в 1792 г. из купцов г. Покрова⁴⁵. Фактически, Шелапутины, Прокофьевы и Солдатенковы происходили из одной местности (расстояние от Покрова до д. Прокунино – около 35 км), что располагалась к северо-востоку от Москвы, и, вероятно, все принадлежали к старообрядчеству⁴⁶, что порождало взаимную поддержку.

⁴⁴ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 5321. Л. 9.

⁴⁵ Материалы для истории московского купечества. Т. IV. Сказки. С. 407–408.

⁴⁶ К старообрядчеству, без сомнения, принадлежали Шелапутины; старший брат Иван Алексеевич (Большой) выступил в 1800 г. одним из инициаторов создания единоверческой церкви.

Еще состоя в крестьянском сословии, Солдатенковы купили дом в приходе Сергия в Рогожской, о чем было упомянуто в ревизской сказке. Нами было найдено еще одно интересное архивное дело, озаглавленное «По прошению московских купцов Салдатенковых о утверждении за ними двора по прошествии двугодичного времени». Документы повествуют о покупке в 1795 г. Терентием и Константином Солдатенковыми, детьми Егора, двора «за Земляным городом, в 18 части, в приходе церкви Сергия Чудотворца, что в Рогожской». Домовладение – в документе «крепостной ево двор со всяким в нем деревянным строением, состоящий за Земляным городом, в 18 части, в приходе церкви Сергия Чудотворца, что в Рогожской, на белой земле» – было приобретено «за пять тысяч рублей» у московского купца Ивана Дмитриевича Козина. Купчая была писана в палате Гражданского суда 22 ноября 1795 г., и в декабре 1797 г. Терентий Егорович, уже собственноручно подписавшийся как «московский купец», в прошении на имя императора Павла Петровича просит эту купчую «по прошествии от явки двугодичного срока» утвердить, поскольку «никаких препятствующих притчин не оказалось» и «по прошествии двугодичнаго времени» «никакого спору и противоречия не оказалось»⁴⁷.

Таким образом, в течение 1795–1797 гг. Солдатенковы стали полноправными москвичами, закрепившись в московском купечестве и обзаведшись собственным домом.

Как следует из документов, в московское купечество тогда же, когда и Егор Васильевич, т.е. 27 октября 1797 г., поступил во второй раз его старший брат Иван Васильевич. Не вполне понятно, до какого времени братья состояли в общем капитале, а когда разделились – в 1811 г. они имели отдельные капиталы. Иван поселился в доме брата Егора Васильевича в Рогожской, о чем сообщалось в ревизской сказке, взятой 28 сентября 1811 г.: «Сент[ября] 28. – 3 гил[ьдии] к[упец] Иван Васильев с[ын] Солдатенков 71; у него бр[ат] Егор, сост[оит] в особ[ом] к[апита]ле; пр[и]б[ыл] 797 г[ода] окт[ября] 27 д[ня] М[оск]овской губ[ернии] Коломен[ского] у[езда] Вохонской вол[ости] дер[евни] Прокуниной из кр[естья]н; жит[ельство имеет] в Рогожской ч[асти], в пр[и]х[оде] ц[еркви] Сергия чуд[отворца], ч[то] в Рогожской, в д[о]ме М[оск]овского к[упца] Егора Васильева Солдатенкова»⁴⁸.

По данным 1801 г. из московского магистрата, купец 3-й гильдии Егор (45 лет) и его старший брат Иван (57 лет), и сын Егора Терентий (22 года) торговали в Китай-городе, в Старом Свечном ряду изделиями своей шелковой фабрики. «Очередная книга», составленная в 1801 г.⁴⁹ как «перепись служащим и неслужащим из московского купечества» с обозначением занятий купцов, зафиксировала по Семеновской слободе следующие данные о Солдатенковых:

См.: Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. С. 21, 39, 40.

⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 5496. Л. 1.

⁴⁸ Материалы для истории московского купечества. Сказки. Т. V. С. 210.

⁴⁹ Об «Очередной книге» см.: Ульянова Г.Н. Предпринимательская деятельность московского купечества по данным ревизских сказок и «Очередной книги» (1795–1801 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2016. № 22(243). Вып. 40. С. 108–116.

«Иван Васильев Солдатенков 57 (797 г.); у него бр[ат] Егор 45, с[ын] Терентий 22; у Сергия в Рогожской св[ой] дв[ор]; т[орг] им[еет] в стар[ом] свешном р[я]д[у]»⁵⁰.

Позже Солдатенковы переключились с выпуска шелка на производство хлопчатобумажной ткани, имели в 1805 г. «миткалевую фабрику» (об этом подробно см. в разделе о фабрике).

Авторитет Терентия Солдатенкова в среде купечества укрепился, и на 1807 г. он был избран ратманом (выборным лицом в помощь главе городского общества от купечества; от нем. «Rathmann» – заседатель в ратуше или магистрате, см. Учреждение о губерниях), в связи с чем губернское правление обратилось в Московский магистрат, прося сообщить сведения, когда Т. Солдатенкову был выдан паспорт, по которому он в первых числах декабря 1806 г. «выехал в разные города по своим надобностям»⁵¹. Ратманом Терентий состоял, как указано позже в «Списке первостатейных и первой гильдии купцов г. Москвы» 1843 г., три года (на общественной должности заседателя Московской Гражданской палаты он был и в 1825–1828 гг.)⁵². На это из магистрата был послан ответ, что «Терентью Егорову Солдатенкову был дан пачпорт 1804 года декабря 15 дня на три года лично». Вероятно, Терентий по торговым делам в эти годы выезжал за пределы Московской губернии. При этом на справке, составленной 1 февраля 1807 г., была сделана приписка: «На прошлой же 1806 год по 3 гильдии, а на сей 1807 по 2 гильдии капитал объявлен от Ивана Васильева Солдатенкова с братом его Егором и показанным Терентием»⁵³.

После наполеоновского нашествия и пожара Москвы 1812 года фабрика Солдатенковых, как следует из «Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы» (1816), продолжала действовать, производя на 80 станах нанку и миткаль⁵⁴. Тем не менее Солдатенковым на несколько лет пришлось выйти из московского купечества и вернуться на родину – в 1818 г. Константин Васильевич и в 1819 г. Егор Васильевич перечислились в купечество подмосковного Богородска, о чем сообщала ревизская сказка, взятая по VII ревизии 10 января 1834 г.⁵⁵ В Богородске купеческий взнос за свидетельство был значительно ниже, чем в Москве, и основанием для поступления в местное купечество было то, что продолжало работу шелкоткацкое предприятие в Прокурине.

Егор Васильевич Солдатенков некоторое время состоял во 2-й гильдии богородского купечества. Ослабление московских активов и, возможно, временное сокращение производства на столичной фабрике могли быть связаны с общим кризисом московской промышленности после нашествия Наполеона в 1812 г., когда город был на две трети сожжен, и жители резко обеднели (что хорошо видно по ревизским сказкам, показавшим переход десятков хозяев из купеческих гильдий в мещанство). Все эти несчастные обстоятельства вызва-

⁵⁰ Материалы для истории московского купечества. Сказки. Т. IV. Прил. 1. С. 45–46.

⁵¹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 4182. Л. 1–4.

⁵² Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2154. Л. 26 об.

⁵³ Там же. Ф. 32. Оп. 11. Д. 4182. Л. 3.

⁵⁴ Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. С. 231.

⁵⁵ Материалы для истории московского купечества. Т. VII: Сказки, поданные купеческим сословием к 8-й ревизии. М., 1888. С. 137.

ли падение покупательной способности населения и наблюдавшееся после войны массовое разорение купцов-оптовиков, ранее покупавших продукцию Солдатенковых.

Снижение уровня жизни было столь ощутимым, что правительство не могло собирать требуемый объем налогов. Комитет министров был вынужден откликнуться и принять 21 марта 1816 г. положение под названием «О прекращении отпуска сумм из казны на содержание московской полиции и обращении оною на счет городских доходов», где содержалась пессимистичная фраза: «По разорении Москвы неприятелем доходы сей столицы совершенно расстроились так, что и содержание тамошней столицы принято до времени на счет казны»⁵⁶.

В 1825 г. Терентий и Константин Егоровичи Солдатенковы были из 2-й гильдии богородского купечества вновь причислены к московскому купечеству, теперь уже к 1-й гильдии⁵⁷. В ноябре 1824 г. Константин и Терентий Солдатенковы заключили договор о «составлении ими полного товарищества» с капиталом 50 тыс. руб. (по 25 тыс. руб. от каждого), и с 1825 г. начал действия торговый дом «Братья Терентий и Константин Егоровы Солдатенковы» с капиталом 50 тыс. руб. с условием: «жительство <...> иметь в одном доме до тех пор, пока производить будем общую торговлю»⁵⁸. В соглашении оговаривалось, что в случае ликвидации торгового дома каждый может самостоятельно поступить в 1-ю или 2-ю гильдию⁵⁹.

Источником их доходов с 1820-х гг. были не только оптовая торговля продукцией своей фабрики (и возможно, фабрик других владельцев), но также значительные вложения в недвижимость. Согласно ежегодным «Ведомостям о торговцах», составленным в Москве, Солдатенковы владели в Зеркальном ряду, важнейшем месте по торговле текстилем (пряденой бумагой и «панским товаром»), девятнадцатью лавками из 153 (1827), позже двадцатью лавками (1846)⁶⁰. Владение было общим, в документах лавки обозначены: «купцов Солдатенковых».

В 1827 г. в одной лавке они сами торговали текстилем, остальные сдавали внаем знакомым текстильным фабрикантам, преимущественно старообрядцам, землякам — уроженцам Богородского уезда, например, торговавшему «панским товаром» (в данном случае, текстильной продукцией, включая ткани, платки, ленты, кружева) «богородскому 2-й гильдии купцу» Савве Васильевичу Морозову (который стал во второй половине XIX в. крупнейшим текстильным магнатом в Российской империи), «богородскому 2-й гильдии купцу» Зиновию Максимову (также продававшему «панский товар»), крестьянину «Богородского уезда деревни Зуевой» Прокофию Иванову («панский товар»), богородским купцам Аввакуму Молчанову, Мирону Тюляеву и Василию

⁵⁶ ПСЗ-1. Т. XXXIII. № 26205.

⁵⁷ Описание дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы. Т. I: 1787–1863 гг. М., 1888. С. 40.

⁵⁸ ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 1. Д. 130. Л. 3–6.

⁵⁹ Об этом подробнее см.: Ульянова Г.Н. Преемственность как экономическое и моральное основание деятельности московских купеческих семейных фирм (XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 3(72). С. 107–115.

⁶⁰ ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 475. Л. 7–9, 13; Оп. 10. Д. 4098. Л. 8–9.

Борисову («панский товар») и др. Примерно половина арендаторов происходила из Богородского уезда, другая половина — из Москвы⁶¹.

Спустя 19 лет, в 1846 г., среди арендаторов вновь показаны, наряду с московскими купцами, известные текстильщики, часто происходившие из Богородского уезда, старообрядцы по Рогожскому и Преображенскому кладбищам, например: богородский купец Елисей Саввич Морозов, торговавший в трех лавках «бумажным товаром» (т.е. хлопчатобумажными тканями); купец Павловского Посада Богородского уезда Иван Семенович Лабзин (тот же товар, что у Морозова). Торговали шелковым товаром в арендованных у Солдатенковых лавках: временно московский 3-й гильдии и богородский 3-й гильдии купец Никита Семенович Зенин; богородская купчиха 2-й гильдии, вдова Авдотья Ивановна Коновалова, богородский 2-й гильдии купец Зиновий Семенович Максимов⁶².

Такие коммерческие связи расширяли круг общения Солдатенковых, укрепляли доверие арендаторов к ним как арендодателям, о чем говорит долгосрочность использования арендованных помещений съемщиками, иногда на протяжении двух поколений. Все это работало на высокую деловую репутацию семьи.

Солдатенковы владели лавками не только в Зеркальном ряду, но и в других рядах, например, в Щепетильном — по ведомости 1827 г. в принадлежавшей «купцу Солдатенкову» лавке московский купец 3-й гильдии Степан Акимов торговал «авошным» товаром⁶³.

В 1829 г., незадолго до кончины, Егор Васильевич, состоявший в богородском купечестве, передал все свое имущество «в собственность сыновьям своим купцам Терентью и Константину Солдатенковым» (о чем упомянуто в изданной в 1888 г. архивной описи, но само дело в архиве пока не обнаружено)⁶⁴.

О финансовом благополучии, достигнутом в начале 1820-х гг. проживавшими в Москве богородскими купцами братьями Константином и Терентием Солдатенковыми с семьями, свидетельствуют два найденных архивных дела. Они показывают, что Солдатенковы, имея достаточные средства, давали деньги в ссуду знакомым купцам. Это тоже пополняло их капиталы.

В марте 1820 г. Солдатенковы — Константин Егорович и его невестка, жена брата Терентия, Евдокия (в документе Авдотья) Григорьевна — выдали московскому купцу Ивану Семеновичу Быковскому 50 тыс. руб. асс. сроком на один год под залог его двухэтажного каменного дома (с антресолями и восемью подвалами) с двумя каменными одноэтажными флигелями и домовладения с хозяйственными постройками (включавшими конюшни, баню, оранжерею) в Таганке, в 4-м квартале Яузской части, № 519 (старый № 551), в приходе Всемилоственного Спаса, что в Чигасах (Вшивогорский пер., ныне Рюмин, близ ул. Гончарной)⁶⁵. Вероятно, Авдотья распорядилась своими личными капита-

⁶¹ ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 475. Л. 7–9, 13.

⁶² Там же. Оп. 10. Д. 4098. Л. 8.

⁶³ Там же. Оп. 9. Д. 271. Л. 3.

⁶⁴ Опись дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы. Т. I. С. 69.

⁶⁵ ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 5. Д. 5431. Л. 1–25.

лами, раз решила дать ссуду деньгами, и поэтому действовала здесь от своего имени, а не от имени мужа.

Но в марте 1821 г. Быковский не смог вернуть Солдатенковым долг. Заемное письмо содержало следующее условие: «А буде я, Иван, тех в заем данных мне денег на показанный срок им Салдатенковым не заплачу то вольно им Салдатенковым по сроке сию закладную где следует явить и удовольствие получить как закон повелевает на продаже»⁶⁶.

После двухлетнего ожидания Солдатенковы подали прошение в Московскую палату Гражданского суда, чтобы дом был продан с торгов для возврата им долга. В мае 1823 г. 1-й департамент Московской палаты Гражданского суда распорядился, чтобы Солдатенковы вступили во временное владение домом и «до окончательного об оном доме утверждения пользовались вместо процентов доходами, не вывозя из оноу ничего и не повреждая хозяйственных заведений»⁶⁷. Однако истцы заявили о своем нежелании вступать во временное владение и нести ответственность за имущество и постройки. В январе 1825 г. дом И.С. Быковского был продан с торгов за 71 691 руб. 11 $\frac{1}{4}$ коп.

Из трех участников аукциона двое были родственниками Солдатенковых: богородский купец Иван Григорьевич Рахманов (родной брат Е.Г. Солдатенковой), по доверенности жены Александры Карповны, и ардатовский купец Алексей Андреевич Рахманов⁶⁸. Такая заинтересованность вполне понятна: неподалеку, в приходе церкви Воскресения Христова в Таганке (домовладение № 673/старый № 621 5-го участка Яузской части) находилась приобретенная в 1801 г. усадьба Григория Леонтьевича Рахманова⁶⁹. За высшую цену дом приобрел И.Г. Рахманов⁷⁰. Однако для Солдатенковых возникла бюрократическая волокита: их закладная к тому времени оказалась просроченной, во временное владение заложенным домом они, видимо, не вступили, и 24 февраля 1825 г. по решению 2-го департамента Московского магистрата до прояснения всех формальностей вырученные от продажи (после уплаты необходимых налогов) 69 923 руб. были положены на хранение в Московский Опекунский совет⁷¹. На этом рассмотренное дело завершается, надо полагать, что позже Солдатенковы все-таки вернули себе отданную в залог сумму и проценты по ней.

Что касается купца И.С. Быковского, то надо отметить, что он обратился к Солдатенковым, поскольку те хорошо знали его — в первые два десятилетия XIX в. он был известным московским фабрикантом, совместно с братом Андреем владел крупной текстильной фабрикой, находившейся в Рогожской части (неподалеку от фабрики Солдатенковых) и упоминаемой в ведомости московских предприятий 1805 г. (оборот капитала до 20 тыс. руб., выпущено в год 3 200 штук миткаля, т.е. необработанной хлопчатобумажной ткани), а затем

---

⁶⁶ ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 5. Д. 5431. Л. 2 об.

⁶⁷ Там же. Л. 5 об.

⁶⁸ Об их родственных связях см.: Юхименко Е.М. Рахмановы... С. 17–18. Третьим участником торгов был московский купец Семен Лепешкин.

⁶⁹ Юхименко Е.М. Рахмановы... С. 15.

⁷⁰ ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 5. Д. 5431. Л. 14–14 об., 21.

⁷¹ Там же. Л. 23–23 об.

в «Ведомости о мануфактурах в России» (1816). Там, в частности, сообщалось, что по сведениям 1814 г., на фабрике (владельцем упоминается только Иван Быковский) на 220 станах трудились 529 рабочих, и было за год выпущено 297 180 аршин пике, миткаля, ситца и канифаса, а также 83 960 аршин платков, продано же в тот год продукции на сумму 361 965 руб.⁷² Однако по неизвестной причине, после смерти в 1817 г. отца двух братьев – Семена Ивановича, фабрика в Рогожской части стала угасать. Иван, имея большую семью (не менее девяти детей), нуждался в деньгах, так что заложил дом на Гончарной, доставшийся ему после смерти отца по разделу с матерью, братом и сестрой, потом потерял это домовладение, а позже, как показано в ревизских сказках, перешел из 2-й гильдии в низшую – 3-ю.

На то, что ссуда деньгами под залог имущества практиковалась Солдатенковыми в 1820-е гг. не единожды, указывает еще один пример, причем заимодавцами вновь выступали К.Е. Солдатенков и его невестка Е.Г. Солдатенкова. В марте 1822 г. они выдали 30 тыс. руб. сроком на один год «купецкой жене» Варваре Ивановне Антиповой за ее каменную лавку «в Москве в Китае городе на Ильинской улице в Овощном ряду под номером четвертым», которая досталась ей от матери, «купецкой жены» Татьяны Егоровны Пустоваловой⁷³. В декабре 1823 г., когда выплата по закладной была просрочена, лавка перешла во временное владение Солдатенковых, чтобы они могли пользоваться доходами со сдаваемой лавки в качестве процентов за просроченный залог, а в июне 1824 г. была ими «куплена в вечное владение», т.е. оформлена купчая по переходу лавки в связи с невозвратом суммы залога за нее⁷⁴. Приобретение оказалось выгодным, поскольку Овощной ряд (по табели о домах Китай-города начала 1820-х гг., Новый овощной щепетильный ряд) находился в Верхних торговых рядах, выходя фасадом на Красную площадь, а торцом на Ильинку – на таком проходном месте торговое помещение могло приносить значительный доход. В табели упоминалось, что владение состояло из лавки, палатки, погреба и шкафа (т.е. фактически было полноценным торговым помещением на трех уровнях)⁷⁵.

Таким образом, как показывают два вышеприведенных случая, наличие свободных капиталов позволяло Солдатенковым округлять свое состояние как в недвижимости (а ко времени получения в собственность лавки от Антиповой Солдатенковы уже владели 11 лавками в Зеркальном ряду⁷⁶), так и в финансовых активах.

После смерти Константина Егоровича Солдатенкова в 1834 г. семейный бизнес всецело перешел в руки Терентия и его сыновей – Ивана и Козьмы.

Солдатенковы являлись прихожанами храмов Рогожского кладбища (после 1846 г. принадлежавшего к Белокрыницкому согласию) и были похоронены на Рогожском кладбище. В Синодики Рогожского кладбища конца XVIII –

⁷² ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 7. Д. 4588. Л. 9 об.; Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. С. 226.

⁷³ ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 5. Д. 5631. Л. 1–13.

⁷⁴ Там же. Л. 7.

⁷⁵ Табель о домах Городской части. [б.м., б.г.] С. 5.

⁷⁶ Там же. С. 99–100.

первой половины XIX в. записан «Род московского купца Егора Васильева Салдатенкова»⁷⁷.

В 1835 г. семейство Терентия получило почетное гражданство как состоявшее «с платежом установленных повинностей, сряду десять лет» (формулировка закона 1 апреля 1832 г.) «в первой гильдии, <...> не подпав в течение сего времени несостоятельности и не быв опорочено судебным приговором» (почетное гражданство давало самый высокий статус среди лиц непривилегированных сословий, освобождая от подушного оклада, рекрутской повинности и телесного наказания в случае преступления, даруя право быть избираемыми «в высокие городские общественные должности»)⁷⁸.

С конца 1830-х гг. сыновья Терентия – Иван и Козьма – помогали отцу в семейном бизнесе. Согласно «Книге для записи купцов 1-й гильдии», в 1844 г. почетный гражданин «Терентий Егоров Солдатенков с сыновьями Иваном и Козьмой» благоприобретенного капитала объявил 15 тыс. руб. серебром, показал, что «живет в своем доме, у Сергия, торгует пряденою английскою бумагою и имеет фабрику миткалевую»⁷⁹. В 1846 г. Терентий вел также оптовую торговлю «пряденой бумагой» (бумажной пряжей) в Гостином дворе, в арендуемом у купцов Шестовых амбаре⁸⁰.

Таким образом, для первых двух поколений основными источниками приумножения капиталов были фабричное производство и сдача внаем недвижимости (лавок и амбаров) в Китай-городе – самом престижном коммерческом районе Москвы. То, что Терентий, занимаясь предпринимательством, достиг большого богатства, демонстрирует содержание его завещания.

Дело об оставшемся после смерти московского 1-й гильдии купца Терентия Егоровича Солдатенкова движимом и недвижимом имуществе было открыто во 2-м департаменте Московского городского магистрата 10 января 1851 г., а решение принято 14 февраля⁸¹. Т.Е. Солдатенков скончался после продолжительной болезни 19 декабря 1850 г. в возрасте 76 лет, в собственном доме (Рогожская часть, № 210)⁸².

Согласно составленному им еще 3 июня 1839 г. завещанию все движимое и недвижимое имущество отходило его сыновьям, Ивану и Козьме. На этом основании наследники, предъявив копию завещания, не позволили опечатать «движимое имение и капитал», когда для этого в особняк Солдатенкова явился квартальный надзиратель с «добросовестным свидетелем»⁸³. Иван и Козьма

⁷⁷ НИОР РГБ. Ф. 247. № 607. Л. 124; Книгохранилище Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви. № 11. Л. 96 об.

⁷⁸ Опись дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы. Т. I. С. 112; Материалы для истории московского купечества. Т. VIII: Сказки, поданные купеческим сословием к 9-й ревизии. М., 1889. С. 165, 300; см.: ПСЗ-П. Т. VII. № 5284. § 9.

⁷⁹ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3155. Л. 69 об.

⁸⁰ Там же. Ф. 14. Оп. 10. Д. 4084. Л. 10.

⁸¹ Там же. Ф. 32. Оп. 27. Д. 731. Л. 1–32.

⁸² Там же. Л. 2.

⁸³ Подобная практика была применена к наследству Алексея Алексеевича Рахманова (скончался 21 июня 1855 г.), пристальное внимание властей к его движимому и недвижимому имению, равно как и к наследству умершего годом ранее (11 июня 1854 г.) Федора Андреевича Рахманова, было обусловлено также подозрениями в финансовой поддержке Рахмановыми Бекрииничской иерархии. Заметим, что одним из душеприказчиков и в том и в другом случае

Терентьевичи подали в Рогожскую полицейскую часть Московской управы благочиния «Сведение» с объяснением своего отказа в опечатывании и обязательством беспрекословно оплатить долги, если таковые окажутся. Под документом стоят собственноручные подписи почетных граждан и временно московских 1-й гильдии купцов И.Т. и К.Т. Солдатенковых⁸⁴.

Т.Е. Солдатенков завещал все свое движимое и недвижимое имение («товары, денежный капитал, фабричные заведения и прочую всякого рода мою собственность, под каким бы она названием ни заключалась и где бы ни находилась») в полное и потомственное владение одним сыновьям, Ивану и Козьме, каждому по равной части, при условии, что «в случае смерти одного из них, другой наследует все без изъятия».

Завещатель выражал надежду, что братья будут жить в мире и согласии; «если (орфография источника. — *Авт.*) же по каким-либо обстоятельствам представится необходимость учинить им во всем между себя раздел», то его следовало бы произвести «по братской любви поровну, честно, мирно и друг для друга безобидно», а в случае возникновения между ними какого-либо несогласия, во избежание тяжб приказывал обратиться к «родственнику нашему» почетному гражданину, московскому купцу Василию Григорьевичу Рахманову и «решению его, как наставнику доброму, беспрекословно покориться» (причем Т.Е. Солдатенков отметил, что В.Г. Рахманов «только оказывал мне дружбы при жизни моей»). Если же В.Г. Рахманов не будет в живых, то в качестве третьей стороны должен был выступить другой родственник — Алексей Андреевич Рахманов.

Отдельным пунктом завещания Т.Е. Солдатенкова было внесение в Московский Опекунский совет 100 тыс. руб. асс. на дополнительное содержание замужней дочери Марьи Терентьевны Мартыновой, бывшей замужем за московским мещанином Владимиром Ивановичем Мартыновым. В случае ее смерти данный капитал должен был отойти ее детям; ничего сверх этого требовать от братьев она не имела права. Если на свете не будет ни Марьи Терентьевны, ни ее детей, капитал «возвращался к Ивану и Козме Терентьевичам». Свидетелями при составлении завещания выступили коммерции советники, почетные граждане и московские 1-й гильдии купцы Андрей Петрович и Петр Петрович Шестовы; почетные граждане — московские 1-й гильдии купцы Гаврила Прокофьевич Кувшинов и Иван Семенович Губкин, московские 2-й гильдии купцы Ларион Иванович Кондрашов и Михаил Иванович Воронин, а также московский 3-й гильдии купец Михаил Семенович Усков⁸⁵.

Этот документ содержит достаточно редко попадающиеся сведения. Размер завещательной массы был перечислен 2-м департаментом Московской палаты гражданского суда при утверждении завещания 26 января 1851 г.⁸⁶ Дом во 2-м квартале Рогожской части был оценен в 22 тыс. руб. серебром, «фабричное заведение, товар и прочая движимость» — 30 тыс. руб. серебром, ка-

---

выступал К.Т. Солдатенков, что потребовало от него решительности и настойчивости в реализации наследственных завещаний. См.: Юхименко Е.М. Рахмановы... С. 31–38.

⁸⁴ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 27. Д. 731. Л. 4–5.

⁸⁵ Там же. Л. 3–4.

⁸⁶ Там же. Л. 15 об. — 17.

питал «по векселям и другим документам» – 150 тыс. руб. серебром, в билетах Московского Купеческого банка – 48 571 руб. 43 к. серебром, Петербургского Коммерческого банка – 131 025 руб. серебром (всего 330 496 руб. 43 коп.), плюс назначенные в пользу М. Т. Мартыновой 28 428 руб. 28 ½ коп. серебром).

Во владение домом братья Солдатенковы вступили 18 февраля 1851 г.⁸⁷

Семейное дело унаследовали представители третьего поколения семьи – сыновья Терентия Солдатенкова, Иван Терентьевич (1812–1852; похоронен на Рогожском кладбище; могила утрачена)⁸⁸ и Козьма Терентьевич (1818–1901). Однако вместе вести бизнес им пришлось совсем недолго. В 1852 г. смерть брата Ивана, скончавшегося в возрасте 39 лет, стала ударом для Козьмы Терентьевича. В память о брате он делал щедрые пожертвования на благотворительность, выкупив несколько десятков человек из долговой тюрьмы (см. об этом далее на с. 45).

После смерти Ивана Козьма Терентьевич руководил семейным делом – бизнесом по оптовой торговле хлопком и шерстью – вместе с малолетним племянником Василием Ивановичем (20.2.1845–5.2.1910).

Официально в браке К. Т. Солдатенков не состоял – у него были многолетние отношения с француженкой Клеманс Карловной Дебуи, московской купчихой 2-й гильдии. Можно предположить, что брак не стал официальным, поскольку Козьма был старообрядцем, а Клеманс – католичкой. По российским законам один из супругов должен был перейти в веру другого, но для Козьмы и Клеманс это оказалось неприемлемым (более того, по законодательству они могли сочетаться только в официальном православии, т.е. менять веру надо было и ей, и ему). Солдатенков при жизни купил Клеманс дом поблизости от своего (на Мясницкой), а по завещанию оставил ей 150 тыс. руб. (вторую по величине сумму после основного наследника – племянника). Хорошо известны впечатления об этом союзе, содержащиеся в мемуарах П. И. Щукина: «Называл он ее Клемансой, а она его Кузей. <...> Клеманса Карловна очень плохо знала по-русски, а Козьма Терентьевич кроме русского не говорил ни на каком языке»⁸⁹.

Козьма Терентьевич заботился о племяннике с отеческим попечением, желая вырастить из него образованного человека. Осенью 1853 г. он даже обратился к профессору-историку Т. Н. Грановскому (знал его по кружку Станкевича), чтобы тот, видимо, направлял образование мальчика (которому тогда было восемь лет). Грановский упоминает об этом в письме к Фроловым: «Солдатенков просил меня взять на себя надзор за воспитанием его племянника. Я взял. Но дела еще мало»⁹⁰ (Грановский рано скончался и если помогал Солдатенкову с племянником, то не более полутора лет). Позже к Васе был нанят гувернер-немец.

К. Т. Солдатенков защищал имущественные интересы племянника и в 1861 г. подал прошение на имя Александра II о предоставлении ему как опекуну Василия крепостных актов на лавки в Китай-городе: № 66 – в Скобя-

⁸⁷ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 27. Д. 731. Л. 25.

⁸⁸ Московский некрополь. Т. III. СПб., 1908. С. 138.

⁸⁹ Воспоминания П. И. Щукина // Щукинский сборник. Вып. 10. М., 1912. С. 389.

⁹⁰ Т. Н. Грановский и его переписка. Т. II: Переписка Т. Н. Грановского. М., 1897. С. 431.

ном ряду и № 7 – в Верхнем Овощном, отошедшие Василию по смерти матери по произошедшему в 1856 г. разделу с прочими наследниками деда Василия – купца Филиппа Касаткина⁹¹. Оригиналы крепостных актов получить не удалось, поскольку их не оказалось в деле в магистрате, но копии были на руках у К. Т. Солдатенкова.

Василий обучался во 2-й московской гимназии (на Разгуляе), которую окончил в 1862 г. В свидетельстве, выданном для поступления в Московский университет, было сказано, что В. Солдатенков «при испытании в гимназии оказал познания: в русском и [церковно]славянском, немецком и французском языках – весьма удовлетворительные, в русской словесности, латинском языке, всеобщей и русской истории, географии, арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии и физике – удовлетворительные, в Законе Божиим как старообрядец испытанию не подвергался на основании циркулярного предписания начальства Московского учебного округа от 15 сентября 1861 г.»⁹².

Василий Солдатенков окончил университет по физико-математическому факультету со степенью кандидата в 1868 г.⁹³ Позже он служил чиновником особых поручений в Министерстве внутренних дел, и по выслуженному чину действительного статского советника был пожалован в дворянство в 1892 г.⁹⁴ Он много занимался благотворительностью; скончался в чине тайного советника на отдыхе во Франции (Канны) 5 февраля 1910 г.; был похоронен в склепе церкви в усадьбе Кунцево.

Московская фабрика Солдатенковых. 1788–1856 годы

До сих пор было совсем мало известно о ключевом бизнесе Солдатенковых с конца XVIII в. и до середины XIX в. – о приносившей основной доход московской фабрике. Впрочем, история российской промышленности и торговли в дореформенный период вообще пока изучена весьма слабо.

Как было сказано выше, предприятие существовало с 1788 г., вначале как шелковая фабрика, затем как бумаготкацкая. Это было связано с переориентацией европейской промышленности в целом с шелка на хлопок как более дешевое сырье (даже при условии транспортировки хлопка-сырца из Америки через Англию на парусниках).

И. В. Мешалин в своей монографии (изданной посмертно; автор скончался в возрасте 40 лет в январе 1942 г. от голода во время Ленинградской блокады) писал: «Братья Солдатенковы, бывшие крестьяне деревни Прокунина, также начали свое производство еще в 1788 г. и тоже позднее переселились в Москву. В 1807 г. их производство помещалось в 4 корпусах, вырабатывали на 49 станах шелковые ткани и на 30 станах миткаль при 110 наемных рабочих»⁹⁵.

⁹¹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 7. Д. 419. Л. 6, 9.

⁹² Там же. Ф. 418. Оп. 31. Д. 811. Л. 2.

⁹³ Там же. Л. 5.

⁹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 36. Д. 23568.

⁹⁵ Мешалин И. В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии... С. 157.

В 1805 г. миткалевая фабрика Терентия и Егора Солдатенковых выпускала до 400 штук миткалю, имея «капитала до 26 000 рублей»⁹⁶.

Численность работников фабрики Солдатенковых была значительной⁹⁷. Сравнение показателей по нескольким хронологическим срезам дает следующую картину:

- в 1797 г. – 46 рабочих⁹⁸,
- в 1807 г. – 110 рабочих (по И. В. Мешалину),
- в 1814 г. – 91 вольнонаемный работник (по «Ведомости о мануфактурах в России»),
- в 1825 г. в «Ведомости о фабриках, заводах и ремесленниках Рогожской части» показано 162 рабочих,
- в 1838 г. в «Именном списке всем вообще лицам, кои производят в Москве торговлю и промыслы и имеют у себя фабрики и заводы по свидетельствам и тем, кои за неимение оных подлежат оштрафованию, учиненном Московскою Торговою Депутациею при поверке ею торговли и промыслов» – 100 рабочих,
- в 1843 г. в «Атласе промышленности Московской губернии» Л. Самойлова – 131 рабочий⁹⁹.

Сведения из отчетов московского обер-полицмейстера за 1846 и 1847 г. дают цифры: соответственно – 125 рабочих (95 взрослых и 30 учеников) и 95 станок (число рабочих в 1847 г. не указано)¹⁰⁰.

К концу 1849 г., согласно ведомости о фабрике, поданной в канцелярию московского генерал-губернатора 8 февраля 1850 г., на предприятии трудилось 60 работников, в том числе 45 ткачей и 15 шпульников, а «мастером» был «сам хозяин» Терентий Егоров Солдатенков¹⁰¹. Впрочем, освидетельствовавший фабрику по предписанию канцелярии генерал-губернатора архитектор М. Д. Быковский в своем рапорте на имя генерал-губернатора А. А. Закревского сообщал о 64 рабочих – 45 ткачах, 15 шпульниках, 2 сновальщиках и 2 рабочих «при кручении пряжи», отмечая, как того требовали правила, что «все вольнонаемные, русские, иностранцев нет»¹⁰².

Подобная ведомость за первую половину 1850 г. говорит о производстве двух сортов миткаля (семичетвертном и пятичетвертном, что означало ширину куска 125 и 89 см) на 40 станках 40 ткачами (при работе также 10 шпульников, которые обеспечивали ткачам намотку шпулей для утка, т.е. поперечных нитей).

⁹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 7. Д. 4588. Л. 9 об.

⁹⁷ Далее будет повторен ряд цифр, уже приводимых в статье ранее, чтобы проследить динамику развития фабрики.

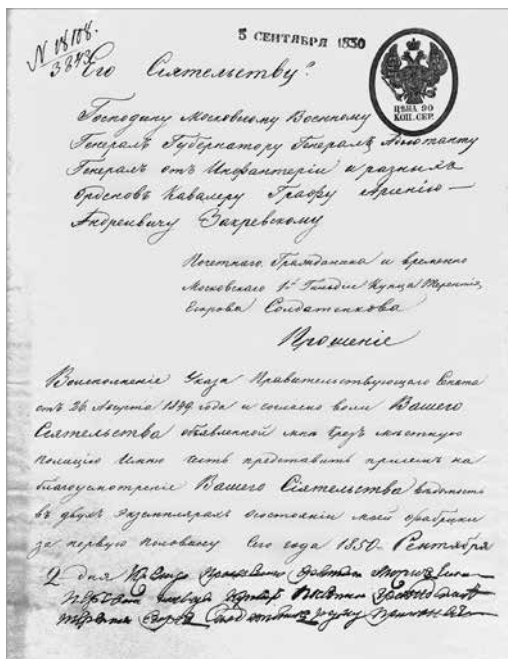
⁹⁸ Ковальчук А. В. Мануфактурная промышленность Москвы... С. 268.

⁹⁹ Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. С. 230; ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 55. Л. 38; Д. 6675. Л. 280; Самойлов Л. Атлас промышленности Московской губернии. С. 28; Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 год. М., 1848. Приложение № 12. Ведомость о фабриках и мануфактурах в Москве. № 208.

¹⁰⁰ Отчет московского обер-полицмейстера за 1846 год. М., 1847. Приложение № 14. Ведомость фабрикам и заводам в Москве находящимся. № 197; Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 год. Приложение № 12. № 208.

¹⁰¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 24. Д. 3955. Л. 4.

¹⁰² Там же. Л. 8.

Прошение на имя генерал-губернатора А.А. Закревского при подаче ведомости о фабрике за первую половину 1850 г.
Подпись-автограф
Терентия Солдатенкова.
ЦГА Москвы

В качестве сырья Солдатенковы использовали английскую и русскую бумажную пряжу, которой в 1846 г. было закуплено 700 пуд. (11467 кг в метрических мерах) на 16 тыс. руб. серебром и в 1847 г. — на 20 тыс. руб. серебром¹⁰³.

Далее рассмотрим сведения о применявшемся на фабрике Солдатенковых оборудовании. Весь период действия предприятия это были ручные ткацкие станы, которых в ведомости 1814 г. показано 80, в 1843 г. — 100, в 1846 и 1847 гг. — 95. В 1849 г. действовали 45 станков, в 1850-м — только 40.

Что касается выпускаемой продукции, то в 1805 г. фабрика числилась «миткалевой» (миткаль — необработанная хлопчатобумажная ткань, которая далее продавалась для набивки другим фабрикантам); в 1814 г. производила нанку и миткаль; в 1832 г. среди производимых товаров указаны демикотон, нанка, холстинка и плис. Согласно «Именному списку» 1838 г., купец 1-й гильдии Терентий Солдатенков торговал в лавке в Гостином дворе Китай-города «бумагой» (т.е. хлопчатобумажными тканями и пряжей) и владел бумаготкацкой «нанковой» фабрикой в Рогожской части¹⁰⁴.

В данных о фабрике в 1840-е гг. упомянута различная продукция, например, в 1843 г. — тик, миткаль и брючная материя. В 1846 г. фабрика вновь обозначена как «нанковая» (среди шести подобных московских фабрик), а в 1847 г. — как бумажно-ткацкая¹⁰⁵.

¹⁰³ Отчет московского обер-полицмейстера за 1846 год. Приложение № 14. № 197; Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 год. Приложение № 12. № 208.

¹⁰⁴ ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 6675. Л. 280.

¹⁰⁵ Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. С. 399; ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 6675. Л. 280; Самойлов Л. Атлас промышленности Московской губернии. С. 28;

Ведомость 1850 г. содержит более подробные сведения об ассортименте продукции, произведенной в 1849 г., и упоминает четыре вида ткани:

- 1) «плис бумажный, за аршин по 19½ коп. серебром» (вырабатывался на 25 станах, выпущено за год 54 150 аршин на сумму 10 559 руб. 25 коп. серебром);
- 2) холстинку, за аршин по 16 коп. серебром (вырабатывался на 8 станах, выпущено 16 800 аршин на сумму 2 688 руб. серебром);
- 3) миткаль тонкий шестичетвертной по 18 коп. серебром (вырабатывался на 5 станах, выпущено 7 500 аршин на сумму 1 350 руб. серебром);
- 4) миткаль семичетвертной по 15½ коп. серебром (вырабатывался на 7 станах, выпущено 11 760 аршин на сумму 1 822 руб. 80 коп. серебром).

Всего же на 45 станах было произведено 90 219 аршин хлопчатобумажной ткани на сумму 16 420 руб. 5 коп. серебром¹⁰⁶. В ведомости также сказано, что фабрика находится в «каменном двухэтажном корпусе» в домовладении № 210 в Рогожской части, принадлежащем Т.Е. Солдатенкову, и используется в качестве сырья «бумага пряденая английская и русская», закупаемая в Москве, и сбыт изделий также производится в Москве.

Следует добавить, что отчет московского обер-полицмейстера за 1846 г. дает также информацию о том, что «произведения фабрики сбываются» не только в Москве, а «в Москве и по разным российским ярмаркам». По этим же сведениям виден размер прибыли: сырья закуплено в год на 16 тыс. руб. серебром, товара произведено на 39 930 руб. серебром, рабочим выплачено жалованья 7 000 руб. серебром за год, «на содержание фабрики издержано» 2 100 руб. серебром¹⁰⁷, т.е. прибыль (без учета прочих издержек) составила 14 830 руб. серебром.

Эти и последующие факты из архивных документов важно привести, поскольку сведения о продукции московских фабрик этого периода в научной литературе крайне скудны (за исключением трудов И.В. Мешалина и приводившего самые обобщенные сведения по опубликованным источникам экономиста К.А. Пажитнова¹⁰⁸).

Объем продукции известен за ряд предыдущих лет начиная с 1814 г., когда было выработано нанки 30 тыс. аршин (21 336 м) и миткаля 24 300 аршин (17 282 м), но стоимость продукции неизвестна. В 1843 г. стоимость продукции составила довольно крупную сумму – 35 925 руб.; 1846 г. – 39 930 руб.; 1847 г. – 38 477 руб. серебром¹⁰⁹, и, как показано выше, в 1849 и 1850 гг. объем производства превосходил показатель 1814 г. вдвое, но при этом стоимость произведенной продукции была не столь значительна. Даже на пике производства, судя по имеющимся данным, Солдатенковы стабильно находились в группе средних предприятий по объему производимой продукции, занимая, напри-

Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 год. Приложение № 12. № 208.

¹⁰⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 24. Д. 3955. Л. 4.

¹⁰⁷ Отчет московского обер-полицмейстера за 1846 год. Приложение № 14. № 197.

¹⁰⁸ Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. М., 1958. С. 13–74.

¹⁰⁹ Самойлов Л. Атлас промышленности Московской губернии. С. 28; Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 год. Приложение № 12. № 208.

мер, в 1843 г. 43-е место среди 137 бумаготкацких и набивных предприятий Москвы.

Взлет фабричного производства Солдатенковых пришелся на 1820-е – первую половину 1840-х гг., т.е. эпоху ручного ткачества и повышения спроса на хлопчатобумажные ткани. Н.А. Найденов в своих «Воспоминаниях о виденном, слышанном и испытанном» даже называет Солдатенковых среди «главных ткацких фабрикантов» 1820-х гг.¹¹⁰

По местонахождению фабрики имеются следующие сведения: по алфавитным спискам 1818 г., «Указателю жилищ и зданий г. Москвы» 1826 г. и архивному списку фабрик Рогожской части 1825 г. показано владение № 462 в 4-м квартале Рогожской части (на Новоселенской улице, которая шла от ул. Воронцовской до Покровского вала); «Алфавитные списки» 1818 г. дают № 464 также с указанием Новоселенской улицы (но тут возможна опечатка в номере дома)¹¹¹. По «Ведомости учета фабричных и ремесленных заведений» Рогожской части (1825), нанковая и пестрядная фабрика, владельцами которой были московские 1-й гильдии купец Терентий и 2-й гильдии купец Константин Солдатенковы, размещалась в 4-м квартале, в доме № 462, владельцами которого являлись они же – «богородские купцы Солдатенковы, а ныне московские 1-й гильдии»¹¹².

В 1840-е гг. бумаготкацкая фабрика купца 1-й гильдии Терентия Егорова Солдатенкова с Новоселенской улицы переместилась во 2-й квартал Рогожской части, в домовладение № 210 в 1-м Безымянном пер. (ныне Гжельский пер., на месте современного владения № 15–17), что показано в отчетах обер-полицмейстера. В том же владении по «Алфавитному указателю...» А. Хотева проживали Иван и Козьма Солдатенковы, а в соседнем доме № 208 – их сестра Марья Терентьевна Мартынова¹¹³. Может возникнуть вопрос, почему Солдатенковы не переехали жить и не перенесли фабрику ближе к центру – представляется, что в этом случае решающим фактором была близость жилища и производства к Рогожскому кладбищу (после переезда оно находилось в двух километрах). В 1842 г. стоимость недвижимости, включая фабричные здания, оценивалась в 21 714 руб. серебром¹¹⁴.

Владение № 210, по плану А. Хотева, представляло собой вытянутый протяженный участок с несколькими зданиями и прудом.

Как уже было сказано, в 1850 г. скончался Терентий Егорович, в 1852 г. умирает Иван Терентьевич, жена которого Александра скончалась в 1846 г. Состав семьи Солдатенковых сокращается до двух человек – Козьмы Терентьевича и его малолетнего племянника-сироты Василия. Ревизская сказ-

¹¹⁰ *Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном: в 2 т. Т. 1. М., 1903. С. 48.

¹¹¹ Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы домам и землям равно казенным зданиям, с показанием в котором квартале и на какой улице или переулке состоит. М., 1818. Рогожская часть. С. 21; *Соколов В.* Указатель жилищ и зданий в Москве, или Адресная книга с планом. М., 1826. С. 329.

¹¹² ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 55. Л. 38, 68 об.

¹¹³ *Хотев А.* Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы. М., 1852–1853. С. 161, 165.

¹¹⁴ *Нистрем К.М.* Московский адрес-календарь для жителей Москвы. Т. 4: Алфавитный указатель домовладельцев с оценкой их домов. М., 1842. С. 169.

ка, датированная 31 октября 1857 г., гласила: «П[отомственный] п[очетный] гр[ажданин], вр[еменно] 1 гил[ьдии] к[упец] Семен[овской] сл[ободы] Козьма Терентьев Солдатенков 39; у него: родной его племянник, с[ын] умершего брата его Ивана, Василий 12 лет 8 месяцев, отец Терентий Егоров, умер 1850 г. декабря 19 дня, брат Иван, умер 1852 г. мая 8 дня»¹¹⁵.

В этих условиях надо было менять жизненную стратегию.

В 1856 г. 37-летний Козьма Терентьевич принимает решение о фактической ликвидации собственного производства и передаче фабричного корпуса «в арендное содержание» на три года знакомому купцу, почетному гражданину Семену Александровичу Алексееву с изменением профиля производства — с бумаготкацкого на сукноткацкое. В совместном прошении К.Т. Солдатенкова и С.А. Алексеева, поданном в канцелярию московского генерал-губернатора 9 октября 1856 г., арендатор сообщал: «Я же Алексеев на этой снятой мною в аренду фабрике производить намерен суконноткацкую фабрикацию, на которой должно быть 50 станов, рабочих мужеского пола 100 человек, да мальчиков, так называемых шпульников, 30, дров на годовое отопление всей фабрики должно быть до семидесяти сажень швырковых¹¹⁶, которые обязываюсь, по возможности, заменять торфом». Солдатенков и Алексеев просили фабрику за Солдатенковым более «не почитать», а Алексееву «в доме его Солдатенкова производство суконноткацкой фабрики дозволить» и снабдить его о том свидетельством¹¹⁷.

Таким образом, продолжительность существования фабричного дела Солдатенковых составила 68 лет на протяжении трех поколений семьи.

Сопоставление истории фабрики с данными о состоянии Терентия Егоровича, отраженными в его завещании, приводит к мысли, что в 1850-е гг. Солдатенковы уже входили в число зажиточных купеческих династий с солидной предпринимательской репутацией. Интерес к продолжению производственной деятельности угасал, поскольку в условиях начавшейся промышленной революции надо было либо модернизировать производство (расширять помещение, покупать паровую машину, чтобы иметь механический привод), либо менять область приложения своих предпринимательских способностей и интересов. К тому же сработал неблагоприятный демографический фактор — из большой прежде семьи после 1852 г. остались в живых только К.Т. Солдатенков и его племянник Василий.

Все это повлияло на решение закрыть фабрику. Но заработанные предыдущими поколениями семейства капиталы — около 430 тыс. руб. серебром, единственным наследником и распорядителем которых (в качестве опекуна племянника, наследовавшего после отца) стал Козьма Терентьевич, позволили ему остаться в текстильной промышленности, где в это время происходили институциональные изменения в форме и бытовании предприятий, и даже выйти на новый уровень. Со второй половины 1850-х гг. Козьма Терентьевич фактически прекращает развитие семейного текстильного бизнеса и начинает

¹¹⁵ Материалы для истории московского купечества. Т. IX: Сказки, поданные купеческим сословием к 10-й ревизии. М., 1889. С. 274.

¹¹⁶ Швырковые дрова — колотые однополенные небольшого размера.

¹¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 24. Д. 3955. Л. 14—14 об.

выступать в роли управляющего — крупного менеджера в текстильных, железнодорожных и страховых акционерно-паевых компаниях.

Предпринимательская деятельность Козьмы Терентьевича Солдатенкова. Конец 1850-х – 1901 годы

Несмотря на то, что К.Т. Солдатенков в детстве и юности не получил систематического образования, он от природы имел острый развитый ум, что помогло ему — при раннем включении в семейное дело — хорошо разбираться во всех тонкостях бизнеса.

Козьма Терентьевич был чрезвычайно любознателен и стремился самообразованием компенсировать то, что не получил в годы юности. Например, из переписки Т.Н. Грановского с Еленой Станкевич известно о том, что весной 1854 г. Грановский прочитал 35-летнему К.Т. Солдатенкову и 33-летнему И.Е. Забелину курс лекций по древней (античной) истории¹¹⁸. С начала 1850-х гг. Солдатенков собирал картины русских художников, проявляя хороший художественный вкус, чему способствовало общение с другим купцом-коллекционером Н.П. Боткиным, художественным критиком Н.А. Рамазановым, жившим в Риме художником А.А. Ивановым (продавшим Солдатенкову эскиз для картины «Явление Христа народу», другие свои работы, а также помогавшим ему выбирать для покупки картины прочих пансионеров Академии художеств в Риме; Иванов также послал в Москву заказанные по просьбе Козьмы Терентьевича у римского фотографа снимки античных древностей)¹¹⁹. В результате его коллекция картин и скульптур насчитывала к 1901 г. 1258 предметов — столько было передано по завещанию Румянцевскому музею¹²⁰.

Солдатенков расширял свой кругозор в заграничных путешествиях — в 1851 г. он посетил Всемирную выставку в Лондоне (путь туда занимал почти месяц в один конец), в 1851 и 1858 гг. был в Риме. Весной 1852 г. он вновь побывал в Европе, откуда прибыл, как сообщала «Коммерческая газета» 17 июня, в Кронштадт «на почтовом пароходе “Прусский орел” из Штеттина»¹²¹.

Он с большим энтузиазмом посещал достопримечательности, музеи, картинные галереи. В 1864 г. Солдатенков стал одним из основателей (и избранным казначеем) Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее и увлеченно посещал регулярные научные заседания, где обсуждались вопросы научного издания ценных рукописей, музейфикации предметов старины¹²².

¹¹⁸ Т.Н. Грановский и его переписка. Т. II. С. 302.

¹¹⁹ Александр Андреевич Иванов: его жизнь и переписка 1806–1858 гг. СПб., 1880. С. 273, 277, 279–288, 298, 301, 304, 462.

¹²⁰ Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. 1862–1912: исторический очерк. М., 1913. С. 115.

¹²¹ Коммерческая газета. 1852. № 72.

¹²² Устав и Протоколы заседаний Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1874. С. 11–28.

Взлет личной предпринимательской карьеры Козьмы Терентьевича Солдатенкова начался в 1857 г., когда он в компании с фабрикантом немецкого происхождения Людвигом Кнопом и москвичами братьями Хлудовыми учредил Товарищество Кренгольмской мануфактуры в Эстляндии¹²³, быстро ставшее ведущим предприятием хлопчатобумажной отрасли и приносящее на продажах пряжи и миткаля значительную прибыль. В 1882 г. годовое производство предприятия составило 9,6 млн руб., на нем трудились 4850 рабочих, а оборудование включало 290 882 веретена, 2 200 ткацких станков, пять турбин в 42 л.с.¹²⁴ Солдатенков более 40 лет был в руководстве Кренгольмской мануфактуры, поставлявшей пряжу и миткаль (необработанную хлопчатобумажную ткань) на предприятия Москвы и губернии. К.Т. Солдатенков, Г.И. Хлудов и Л. Кноп являлись тремя директорами Кренгольмской мануфактуры в 1863–1883 гг., К.Т. Солдатенков, А.Л. Кноп и И.К. Прове – в 1883–1901 гг.¹²⁵

В 1858 г. К.Т. Солдатенков вместе с шестью другими известными предпринимателями – Л.Г. Кнопом, А.И. Хлудовым, И.В. Ценкером, Г.А. Марком, Л.Л. Преном и И. Жадимеровским – стал учредителем Московского страхового от огня общества, специализировавшегося на страховании заводов и фабрик, а также всех других видов имущества – домов, мебели, домашней утвари, белья, машин всех родов (включая фабричное оборудование), а также «товаров в домах, лавках, амбарах, на судах и отдельно сложенных»¹²⁶. В последующие годы К.Т. Солдатенков был директором это общества¹²⁷. Страхование предприятий в первые пореформенные десятилетия было новым и рискованным делом. Тем не менее учредители, благодаря своему авторитету в среде текстильных фабрикантов, смогли постепенно стабилизировать свою деятельность и к концу XIX в. по объему страховых сумм входили в пятерку ведущих российских компаний, занимая по объему страховых сумм пятое место после 1-го и 2-го страховых обществ, обществ «Саламандра» и «Надежда».

В 1863 г. Козьма Терентьевич вошел в число учредителей акционерного Общества Московско-Рязанской железной дороги, созданного для строительства, владения и последующего руководства на срок 80 лет железной дорогой на участке Москва – Рязань (с тремя ответвлениями – к Николаевской дороге, к р. Москве у Коломны и к р. Оке у Рязани). Основной капитал этого общества был огромным – 15 млн руб. Учредителями, наряду с Солдатенковым, выступили генерал-адъютанты Н.Н. Анненков и С.А. Юрьевич, гофмейстер А.И. Сабуров, тайный советник К.И. Арсеньев, генерал-майор М.Ю. Поливанов, статский советник А.Я. Сафронов, инженер-полковник А.К. Красовский, коллежский секретарь В.И. Жадимеровский, московский купец Г.А. Марк, астраханские купцы Сапожниковы¹²⁸.

¹²³ ПСЗ-II. Т. XXII. № 32100.

¹²⁴ Указатель Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 года в Москве. М., 1882. С. 213.

¹²⁵ Кренгольмская мануфактура. Историческое описание, составленное по случаю пятидесятилетия ее существования, исполнившегося 30 апреля 1897 г. СПб., 1907. С. 15.

¹²⁶ ПСЗ-II. Т. XXXIII. № 33108.

¹²⁷ История торговли и промышленности в России Т. 1. Вып. 4: Исторический очерк развития торговых учреждений в России. Страховые учреждения. СПб., 1911. С. 22–23.

¹²⁸ ПСЗ-II. Т. XXXIV. № 34754.

В 1864–1884 г. Солдатенков состоял членом Московского отделения Мануфактурного совета.

С 1870-х гг. Козьма Терентьевич играл активную роль в банковской деятельности, которая в пореформенный период становится важнейшей областью кредитования бизнеса. Коснемся вопроса кратко, ибо подробно эта сторона его деятельности представлена в монографии Ю.А. Петрова «Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г.»¹²⁹.

В ноябре 1869 г. он стал одним из учредителей Московского Учетного банка (учредителями также были: торговые дома «Вогау и К°», «Петра Боткина сыновья», «Ценкер и К°», «Стукен и Шпис», а также Л. Кноп, К.Ф. Гершке, А. Шиллинг, С. Сазиков, А. Спиридонов, К.А. Попов, А.И. Абрикосов, К. Катуар, П. Пирлинг, И. Шукин)¹³⁰. Банк официально открыл свои действия 2 января 1870 г. Козьма Терентьевич занимал пост одного из трех директоров Учетного банка на протяжении 30 лет.

В феврале 1870 г. К.Т. Солдатенков также выступил в роли одного из учредителей петербургского Волжско-Камского банка (прочими учредителями стали А. Милютин, И. Кононов, И. Первушин, А. Тарасов, А. Голяшкин, И. Лихачев, братья М. и А. Полежаевы, И. Варгунин, Т. Морозов, братья Н. и Д. Пастуховы).

Козьма Терентьевич вошел в советы этих двух ведущих российских банков. Участие в банковской деятельности было напрямую связано с большой ролью Солдатенкова в промышленном предпринимательстве – эти банки занимались кредитованием текстильных фабрикантов¹³¹.

С течением времени Солдатенков стал крупным пайщиком (акционером) и членом правления (одним из трех или пяти директоров) ряда московских текстильных предприятий – Товарищества ситценабивной мануфактуры «Э. Циндель», Товарищества Даниловской мануфактуры, Товарищества ситцевой мануфактуры А. Гюбнера. Он входил в число учредителей Трехгорного пивоваренного товарищества (учр. в 1875 г.) в Москве¹³².

Например, Солдатенков в 1880–1890-е гг. был одним из трех директоров учрежденного в 1876 г. Товарищества Даниловской мануфактуры (вместе с Ф.Л. Кнопом и Н.И. Шукиным)¹³³, в тот же период – одним из пяти директоров учрежденного в 1874 г. Товарищества «Э. Циндель» (вместе с И.К. Прове, Ю.И. Мейером, Э.А. Шлумбергером, Г.Л. Штекером).

В 1876 г. Козьма Терентьевич получил звание коммерции советника за исключительные заслуги на поприще предпринимательства, специализируясь, главным образом, на торговле хлопком и шерстью (в виде сырья и фабрикатов)¹³⁴. О росте капиталов и социального статуса Солдатенкова свидетельствовал его переезд из семейного дома в Рогожской части на периферии Москвы

¹²⁹ Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1998.

¹³⁰ Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях и облигациях) России. СПб., 1871. С. 194.

¹³¹ Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы... С. 24, 43, 122–123, 296, 318.

¹³² Двадцатипятилетие Трехгорного пивоваренного товарищества в Москве. 1875/76–1900/901 гг. М., 1901. С. 1.

¹³³ Вестник финансов, промышленности и торговли: указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов. 1889. Т. III. СПб., 1889. С. 763–765.

¹³⁴ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1260. Л. 26 об.

на престижную Мясницкую улицу, где он в 1857 г. приобрел у д.с.с., камергера, князя А.Д. Львова старинную дворянскую усадьбу с садом¹³⁵, которой владел до смерти в 1901 г., завещав племяннику.

В 1865 г. Козьма Терентьевич купил у графа Василия Львовича Нарышкина часть усадьбы Кунцево (площадью 130 дес., с парком)¹³⁶. Сам он жил в главном доме, а в последней трети XIX в. устроил дачи для сдачи в аренду богатым знакомым, преимущественно московским коммерсантам, среди которых были Шукины, Боткины, В.Д. Коншин, Абрам Абрамович Морозов, а также профессор-филолог Ф.И. Буслаев¹³⁷.

Усадьба Кунцево. Открытое письмо. Начало XX в.

По воспоминаниям П.И. Шукина, «Солдатенков жил в Кунцеве весело: задал лукулловские обеды и сжигал роскошные фейерверки. <...> По воскресеньям и праздникам, до Петрова дня, перед главным домом, где возвышается колонна с вензелем императрицы Екатерины II, парни и девки из деревни Мазилова и села Крылатского водили хороводы, за что получали от Солдатенкова платки, пряники, орехи и другие подарки»¹³⁸.

Что касается владения коммерческой недвижимостью, то Солдатенков также являлся владельцем торговых помещений, приносивших значительный доход от сдачи их в аренду: в 1872 г. ему принадлежали амбар в Гостином дворе и 16 лавок в Средних торговых рядах на Красной площади.

¹³⁵ Завещание К.Т. Солдатенкова // История Московского Купеческого общества. Т. V. Вып. 2. Прил. С. 234–235.

¹³⁶ Там же. С. 235.

¹³⁷ Шукин П.И. Воспоминания. М., 1997. С. 20.

¹³⁸ Там же. С. 18.

Таким образом, источниками богатства Козьмы Солдатенкова были унаследованная от предыдущих двух поколений фабрика (давала доход до конца 1850-х гг.), коммерческая недвижимость, жалование крупнейшего менеджера банков и промышленных предприятий, дивиденды от ценных бумаг (по описи завещания, он имел их на сумму 2 млн руб.).

Общественная деятельность: просветительство и меценатство

К.Т. Солдатенков за заслуги на предпринимательском и общественном поприщах был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени (1864), Св. Станислава 2-й степени (1878), Св. Анны 2-й степени (1881), Св. Владимира 4-й степени (1885)¹³⁹.

О высоком его авторитете среди предпринимателей говорит тот факт, что Солдатенков избирался выборным Московского Биржевого комитета (1870–1881) и старшиной там же (1855–1858), а также гласным (депутатом) Московской городской думы (1863–1873). Природный ум, развитый страстной любовью к чтению, позволил Солдатенкову стать крупной и яркой фигурой общественной и художественной жизни.

Однако энергичный общественный темперамент молодого Солдатенкова привлек не только восхищенное внимание современников, но и стал заметен органам полицейского надзора.

Принадлежность к старообрядчеству, по всей видимости, стала причиной учреждения над Солдатенковым в 1861 г. негласного полицейского надзора. К примеру, в 1854 г. Министерство внутренних дел, стремясь предотвратить всякую поддержку учрежденной в 1846 г. Белокриницкой иерархии, проводило «особое секретное исследование о сношениях московских раскольников с буковинскими», в ходе которого в столицу были вызваны В.Г. Рахманов и А.А. Досужев; в 1854–1855 гг. подозрение в связях с «зарубежными раскольниками» привело к следствиям по духовным завещаниям Ф.А. и А.А. Рахмановых (К.Т. Солдатенков в обоих случаях являлся душеприказчиком); в 1856 г. состоялось высочайшее повеление, «коим воспрещено раскольников увольнять за границу», по этой причине в 1857–1858 гг. было отказано в выдаче паспорта И.И. Рахманову и А.А. Рахмановой, несмотря на врачебные предписания о необходимости лечения за границей, причем в последнем случае в прошении Рахмановых упоминался К.Т. Солдатенков, который вопреки циркуляру получил разрешение на выезд¹⁴⁰. То, что для Солдатенкова в этом деле все же допускалось послабление, видно и из вновь обнаруженных материалов.

В ЦГА Москвы имеется дело канцелярии московского военного генерал-губернатора по секретной части «Об учреждении негласного наблюдения за почетным гражданином Солдатенковым», содержащее рапорт московского обер-полицмейстера от 20 марта 1861 г., направленный генерал-губернатору

¹³⁹ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1260. Л. 26 об.

¹⁴⁰ Подробнее см.: Юхименко Е.М. Рахмановы... С. 29–40.

П.А. Тучкову. В нем сказано, что по поручению шефа жандармов было установлено «секретное наблюдение за почетным гражданином Солдатенковым» с тем, чтобы это наблюдение «было совершенно негласное», и «Солдатенков не был помещаем в список о лицах, состоящих под надзором»: «Поручив полицмейстеру третьего отделения иметь за Солдатенковым секретное, совершенно негласное, наблюдение, имею честь донести об этом вашему Высокопревосходительству для сведения»¹⁴¹.

Там же упоминалось, что К.Т. Солдатенков, «состоящий под секретным полицейским наблюдением и проживающий в Сретенской части, пятого квартала, в своем доме, ходатайствует о выдаче ему полицейского свидетельства для получения паспорта на выезд за границу в Германию, Австрию, Англию и Францию» (8 июля 1875 г.). На что получен ответ, что «препятствий для выезда за границу не имеется».

Подобные запросы о выдаче свидетельства Солдатенков делал регулярно — его выезды за границу были почти ежегодными (в архивных делах фиксируются поездки 1875, 1877, 1878 гг., а в переписке — 1851, 1858 гг. и др.)¹⁴².

В делах Секретного отделения Канцелярии московского генерал-губернатора также содержится отношение от 18 сентября 1861 г., которым министр народного просвещения А.В. Головнин просил московского военного генерал-губернатора «доставить ему сведения, не принадлежит ли почетный гражданин Козьма Солдатенков к каким-либо раскольничьим сектам»¹⁴³.

На запрос последовал ответ генерал-губернатора В.А. Долгорукова (составленный на основании рапорта обер-полицейстера): «Имею честь донести, что почетный гражданин Козьма Терентьевич Солдатенков не принадлежит ни к какой из наиболее вредных сект, как-то духоборцев, молоканов (называющих себя духовными христианами), иудействующих и вообще к последователям тех толков, кои не приемля Священства и брака, не молятся и за Царя, не принадлежит, и не скопец он; состоит в поповщине, но в совращении Православных в раскол изобличаем не был»¹⁴⁴.

Надзор был прекращен 22 августа 1883 г., что подтвердил товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией генерал-лейтенант П.В. Оржевский¹⁴⁵. Основанием к тому послужило ходатайство генерал-губернатора в МВД, где имеется следующая характеристика К.Т. Солдатенкова (содержится в рапорте обер-полицейстера А.А. Козлова генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову):

С 1861 г. в Москве находится под секретным надзором потомственный почетный гражданин, коммерции советник Козьма Терентьевич Солдатенков, известный Вашему Сиятельству из донесения моего от 31 марта 1880 г. за № 1456. Надзору этому подчинен он по отношению управлявшего бывшим 3-м Отделением Собственной Его Императорского Величества

¹⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 51. Д. 38. Л. 1—2.

¹⁴² Там же. Л. 4—5.

¹⁴³ Там же. Д. 58. Л. 1—2.

¹⁴⁴ Там же. Л. 2.

¹⁴⁵ Там же. Л. 6.

канцелярии от 24 февраля 1881 г., номер 293, с тем, однако же, чтобы он не был вносим в ведомость о состоящих под надзором лицах.

Об учреждении надзора обер-полицеймейстером донесено бывшему московскому военному генерал-губернатору 20 марта 1861 г., № 229. Господин Солдатенков пользуется репутацией безукоризненно честного нравственного деятеля, состоит членом во многих благотворительных общественных учреждениях и, по своему положению и весьма значительному состоянию, дающему ему возможность делать большие пожертвования на дела благотворительности, пользуется общим уважением. Кроме того, как человек образованный, он имеет большое влияние на своих единомышленников по расколу, направляет их действия в духе правительства, по своим же политическим убеждениям он истинный патриот и всецело предан Монарху, что он заявил, содействуя своим влиянием учреждению общества добровольной охраны из старообрядцев.

Все это вместе, а равно имея в виду 22-хлетнее состояние г[осподина] Солдатенкова под надзором, во время которого вполне выяснилась его благонадежность, побуждает меня ходатайствовать перед Вашим Сиятельством о снятии с г[осподина] Солдатенкова вышеупомянутого надзора.

Генерал лейтенант Козлов¹⁴⁶.

В документе в качестве свидетельства лояльности К.Т. Солдатенкова называется его участие в деятельности «Общества добровольной охраны» (до 1 декабря 1882 г. — «Братство Святой дружины»), организованной после царевубийства 1881 г. для обеспечения охраны государя и августейшего семейства (существовало до 1886 г.). Многие видные купцы-старообрядцы, включая К.Т. Солдатенкова, состояли членами Покровского отдела «Общества добровольной охраны», участвовали в охране во время коронационных торжеств в Москве в мае 1883 г.¹⁴⁷

Уже в первой половине XIX в. складываются поведенческие стереотипы верхушки купечества, подразумевавшие благотворительные пожертвования в пользу бедных, и постепенно благотворительность становится важным критерием для оценки общественным мнением отдельных личностей или семейств.

Солдатенков начал свою благотворительную деятельность с того, что в начале 1850-х гг. стал выдавать пособия в память своих деда и бабушки жителям д. Прокунино — по 50 руб. каждой девушке, вышедшей замуж, и каждому новобранцу¹⁴⁸. В своем завещании он предназначил «Обществу крестьян деревни Прокуниной, близ Павловского Посада» еще 15 тыс. руб. на эти цели (расходовались только проценты), с использованием остатка сумм после выдачи пособий «на уплату лежащих на крестьянах деревни Прокуниной земских повинностей»¹⁴⁹.

Благотворительность становится одним из важных направлений деятельности К.Т. Солдатенкова в 1850-е гг.

¹⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 51. Д. 58. Л. 4–6.

¹⁴⁷ Подробнее см.: Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. С. 87.

¹⁴⁸ К.Т. Солдатенков (некролог) // Русское слово. 1901. № 127.

¹⁴⁹ Завещание К.Т. Солдатенкова. С. 236–237.

Свидетельства о его филантропических поступках содержатся в переписке хорошо знавшего Козьму Терентьевича историка Т.Н. Грановского с рядом корреспондентов. В частности, о К.Т. Солдатенкове Грановский упоминал в письме к своему другу Н.Г. Фролову¹⁵⁰. Грановский писал: «Солдатенков выкупил в память брата из тюрьмы содержащихся за неуплату податей, более чем на 30 тыс. руб. сер[ебром] в один раз. Сверх того он сделал много действительно добрых дел»¹⁵¹. Во время эпидемии холеры в Москве в августе 1854 г. Козьма Терентьевич помогал делами и деньгами пострадавшим, о чем находим также в письме Грановского Фролову: «В Москве сильно действует холера, и не торопитесь приездом. В конце июня мы впятером обедали у Солдатенкова в Сокольниках, а через две или три недели двух, и самых здоровых, Четверикова и Филатова, унесла холера. <...> Солдатенков и в этом случае показал себя человеком с сердцем. Он не только не шадил денег на пособия другим, но не жалел себя»¹⁵².

В 1866 г. он основал в Москве «Богадельню коммерции советника К.Т. Солдатенкова в память 19 февраля 1861 г.», которую содержал на собственные средства более 30 лет. Будучи потомком крестьян, Козьма Терентьевич в названии заведения увековечил важнейшее историческое событие — день освобождения от крепостного права 19 февраля 1861 г.¹⁵³

Богадельня имени К.Т. Солдатенкова на 4-й Мещанской улице в Москве. Около 1910 г. Из «Альбома зданий, принадлежащих Московскому городскому общественному управлению»

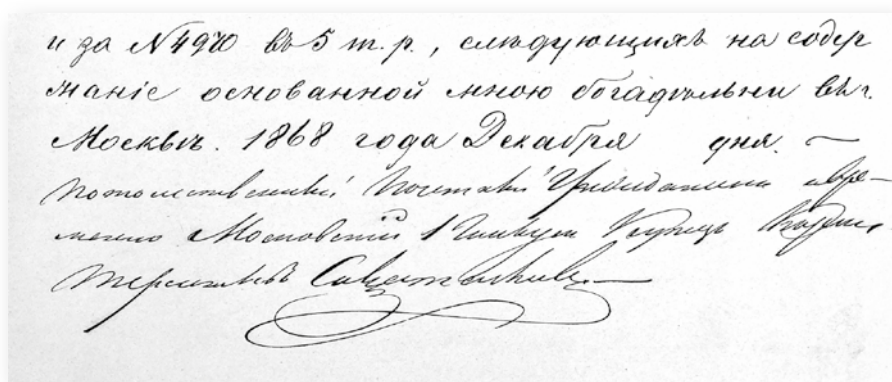
¹⁵⁰ Н.Г. Фролов был географ и издатель. Грановский и Фролов подружились, когда вместе слушали лекции в Берлинском университете в конце 1830-х гг.: Фролов — по естественной истории, философии и географии, а Грановский, посланный в Берлин для приготовления к профессорскому званию, — по истории, философии, юриспруденции и географии.

¹⁵¹ Т.Н. Грановский и его переписка. Т. II. С. 429.

¹⁵² Там же. С. 433.

¹⁵³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 114. Д. 3. Л. 1—32.

В богадельне, которую Солдатенков обеспечил каменным двухэтажным зданием стоимостью 60 тыс. руб. на 4-й Мещанской улице, нашли приют 100 человек, причем по условию благотворителя предпочтение отдавалось «постоянным жителям города и заезжим всех сословий и исповеданий, но преимущественно из бывших дворовых людей» (сейчас в здании по адресу: ул. Мещанская, 13, детский сад). По завещанию Солдатенков оставил 285 тыс. руб. на содержание этой богадельни. С 1911 г. после смерти единственного племянника Солдатенкова, богадельня перешла в ведение Московского городского самоуправления. По решению Московской городской думы, ею заведовал внучатый племянник Козьмы Терентьевича – Константин Васильевич Солдатенков, избранный пожизненным попечителем¹⁵⁴.

Подпись-автограф Козьмы Терентьевича Солдатенкова под документом о финансировании богадельни. 1868 г. ЦГА Москвы

При жизни Солдатенков также регулярно жертвовал небольшие суммы (1000 руб. каждый год в 1870–1882 гг.) на содержание Николаевского дома призрения вдов и сирот купеческого сословия. На эти деньги приобреталась провизия для улучшенного стола: телятина, домашняя птица и дичь, красная рыба. Он дал 10 тыс. руб. на Алексеевскую психиатрическую больницу (1889) и 5 тыс. руб. – на постройку богадельни попечительства о бедных Яузской части (1900).

На протяжении многих лет Солдатенков вносил деньги на развитие Румянцевского музея и Московского университета – в октябре 1861 г. 3000 руб. серебром «на публичную библиотеку», затем по 1000 руб. ежегодно, вплоть до кончины, – «на содержание музеума»¹⁵⁵. По завещанию Московскому университету в 1901 г. перешло 65 тыс. руб. на восемь стипендий студентам: по две – на каждый факультет и с выбором стипендиатов самими университетом. Пожертвование поступило в 4½-процентных облигациях Рязанско-Уральской железной дороги. В 1902 г. эти ценные бумаги душеприказчиками по завещанию (В.И. Солдатенковым, А.Л. Кнопом и Ф.С. Рахмановым) были конвертированы в более выгодные бумаги – облигации были проданы и с добавлени-

¹⁵⁴ Общественное призрение Московского городского управления. М., 1914. С. 68.

¹⁵⁵ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 192. Д. 26. Л. 3, 5.

ем процентов по купонам за полученные наличные деньги в сумме 67 500 руб. куплены 67 свидетельств государственной 4-процентной ренты (по 1000 руб. каждое). По положению о стипендиях, размер каждой из них «определялся количеством получаемых с капитала процентов за год»¹⁵⁶.

В качестве щедрого жертвователя он состоял почетным членом совета Московского коммерческого училища; членом Комитета для оказания пособий семействам убитых, умерших от ран и изувеченных в Балканскую войну воинов; членом попечительного совета Художественно-промышленного музея, почетным членом «Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета», членом совета Благотворительного общества при Басманной больнице.

Согласно завещанию Солдатенкова¹⁵⁷ более 2 млн руб. предназначалось на устройство и содержание бесплатной больницы для бедных «без различия званий, сословий и религий» под названием «больница Солдатенкова». Московское городское общественное управление, получив в 1902 г. деньги, выделило под больницу 11 десятин земли (около 12 га) на Ходынском поле, неподалеку от Петровского парка. К 1912 г. были построены шесть корпусов на 245 коек: терапевтический, хирургический, дифтеритный, скарлатинный, для смешанной инфекции и приемный, а в 1913 г. — еще три корпуса: скарлатинный, для рожистых больных, тифозный (на 202 койки)¹⁵⁸.

Больница имени К.Т. Солдатенкова на Ходынском поле (ныне Боткинская). Фото 1912 г. Из «Альбома зданий, принадлежащих Московскому городскому общественному управлению»

¹⁵⁶ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 233. Д. 36. Л. 1–10.

¹⁵⁷ Завещание К.Т. Солдатенкова. С. 234–239.

¹⁵⁸ См.: Городская больница имени К.Т. Солдатенкова в Москве с 14 иллюстрациями и 9 планами. Составил главный доктор больницы Ф.А. Гетье. [б.м.], 1911; Отчет московской городской больницы имени К.Т. Солдатенкова за [1912–1915] год. М., [1913–1917].

Таким образом, больница могла принять с учетом уплотнения в палатах до 600 больных одновременно. Солдатенковская больница (ныне Городская клиническая больница имени С.П. Боткина, расположена по адресу: 2-й Боткинский пр., д. 5) была открыта 23 декабря 1910 г.

Видный деятель царской России, московский губернатор в 1904–1912 г. Владимир Федорович Джунковский считал открытие больницы одним из важнейших московских событий начала XX в.: «23 декабря Москва получила в дар еще новое грандиозное учреждение. Последовало торжественное открытие новой, устроенной по последним методам образцовой больницы на пожертвованный для сего Солдатенковым капитал. Больница эта была сооружена на Ходынском поле, вне города, в здоровой местности и составила гордость Москвы»¹⁵⁹.

Операционная в больнице имени К.Т. Солдатенкова на Ходынском поле. Фото 1914 г.

В декабре 1920 г. Солдатенковскую больницу переименовали в больницу имени С.П. Боткина. Историческую справедливость по отношению к основателю больницы частично восстановили лишь в 1993 г.: у здания администрации появился небольшой памятник купцу Солдатенкову. С 2020 г. в Москве, в Кунцево, существует бульвар Солдатенкова.

Козьма Терентьевич также оставил 1,3 млн руб. Московскому Купеческому обществу для устройства «Ремесленного училища Солдатенкова»¹⁶⁰. В завещании было обозначено, что учебное заведение будет служить «для бесплатного обучения в оном детей мужского пола без различия их состояния и вероиспо-

¹⁵⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 527.

¹⁶⁰ ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3018. Л. 1–5.

ведения разным ремеслам, относящимся к техническому производству»¹⁶¹ и таким образом способствовать развитию российской промышленности путем подготовки квалифицированных мастеров, знакомых с новейшей техникой.

Душеприказчиками сумма была внесена в 4½-процентных государственных бумагах, а именно — в облигациях 4½-процентного внутреннего займа 1893 г. (на сумму 827 800 руб.) и 4½-процентного внутреннего консолидированного железнодорожного займа 1-го выпуска 1890 г. (149 300 руб.) и 2-го выпуска 1892 г. (247 800 руб.). Консолидированный заем включал бумаги Общества Курско-Киевской железной дороги, Общества Киево-Воронежской железной дороги и Общества Рязанско-Уральской железной дороги. Эти ценные бумаги Солдатенков хранил в Московском Учетном банке. В 1903 г. по распоряжению старшины Купеческого общества С.А. Булочкина эти облигации на сумму 1 221 900 руб. были конвертированы путем обмена на свидетельства 4-процентной государственной ренты¹⁶². На этом примере можно видеть, что Козьма Терентьевич как опытный финансист хранил свои капиталы в доходных бумагах, а приобретение им бумаг тех железнодорожных компаний, в руководстве которых он сам состоял, говорит о надежности разных направлений бизнеса, в которых он участвовал.

Один миллион рублей, согласно завещанию, был обращен в ценные бумаги и составил неприкосновенный фонд, на проценты с которого содержалось училище, и 300 тыс. руб. пошли на постройку здания (на Донской улице Московским Купеческим обществом был куплен участок А.А. Колесниковой за 35 тыс. руб., участки из владений Пряждильно-ткацкого училища — за 55 225 руб., остальное потрачено на оборудование и строительство нового здания¹⁶³).

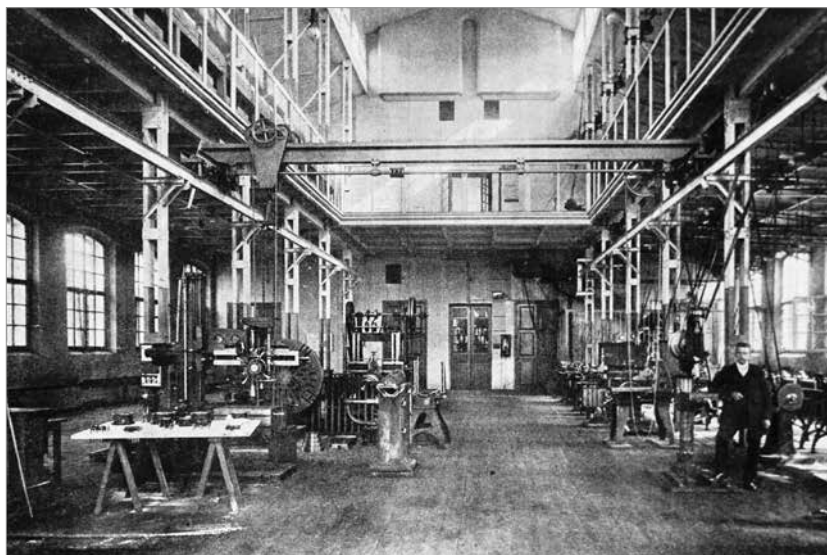
*Ремесленное училище имени К.Т. Солдатенкова на Донской улице в Москве.
Фото около 1913 г. Из книги «История Московского Купеческого общества»*

¹⁶¹ ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3018. Л. 1.

¹⁶² История Московского Купеческого общества. Т. V. Вып. 2. С. 320–321.

¹⁶³ ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 4. Д. 4895. Л. 3–5, 55.

Училище с электротехническим и литейным отделениями на 320 учеников открылось 1 ноября 1909 г. на Донской улице, в трехэтажном особняке, построенном по проекту академика архитектуры С.У. Соловьева (сейчас в здании, на углу Донской улицы и Малого Калужского переулка, размещен факультет химической технологии и экологии Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина). Оба отделения были рассчитаны на пятилетний курс обучения, причем два первых класса были общеобразовательными, а три последних — специальными. Для овладения техническими навыками в училище существовало пять учебных мастерских: 1) слесарно-механическая, 2) столярно-модельная и деревообделочная, 3) литейная, 4) кузнечная, 5) мастерская для точных работ и изготовления инструментов. Занятия в училище шли с 8 час. 30 мин. утра и до 5 час. 45 мин. вечера, включали лекции и уроки в классах, а также практику на ткацкой фабрике. Только на покупку оборудования было затрачено 80 тыс. руб. Первый выпуск из училища состоялся весной 1913 г.¹⁶⁴

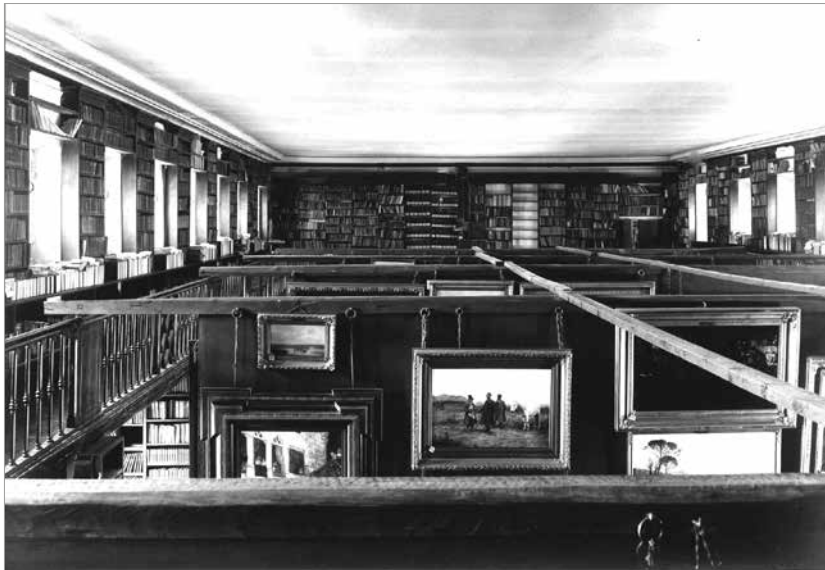
Слесарно-механическая учебная мастерская в училище имени К.Т. Солдатенкова

Солдатенков был крупнейшим меценатом и книгоиздателем.

Его известное с середины 1850-х гг. собрание, включавшее более двух с половиной сотен живописных полотен русских и европейских художников, по завещанию было передано в московский Румянцевский музей с условием помещения всех предметов «в отдельной зале музея, с наименованием таковой “Солдатенковской”». Коллекция признавалась современниками второй по значению после Третьяковской галереи¹⁶⁵.

¹⁶⁴ История Московского купеческого общества. Т. V. Вып. 2. С. 325–338.

¹⁶⁵ Картинная галерея К.Т. Солдатенкова // Картинные галереи Европы. Т. I. СПб., 1862. С. 210–214.

*Галерея Солдатенкова в Румянцевском музее (в доме Пащикова). 1908 г.
Из альбома «Московский публичный Румянцевский музей»*

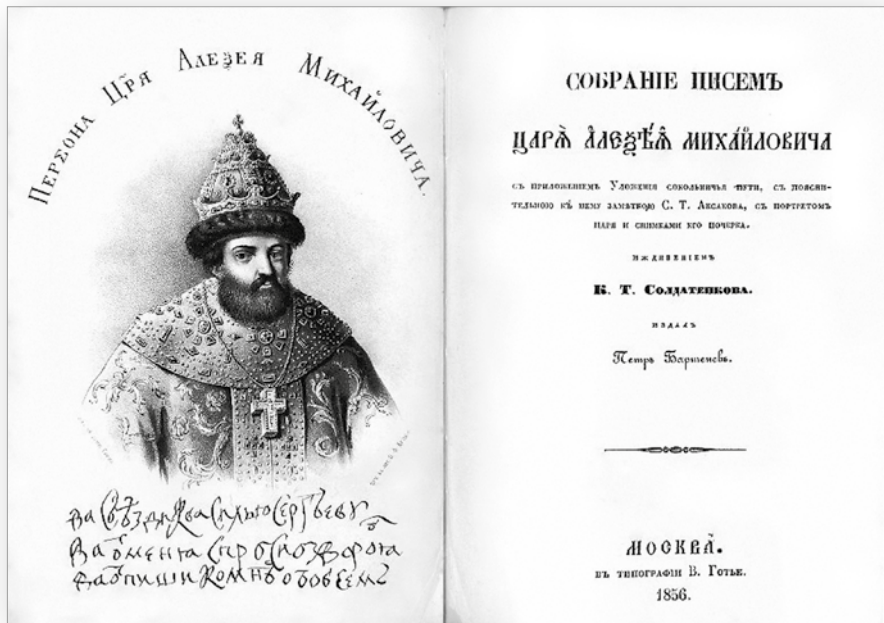
К. Т. Солдатенков собрал одну из наиболее значительных частных коллекций живописи. Современники ставили Солдатенкова в один ряд с П. М. Третьяковым, С. И. Мамонтовым, П. И. Шukiным – в числе самых знаменитых меценатов России, называя его за богатство и щедрое покровительство искусствам «Козьмою Медичи»¹⁶⁶. К 1901 г. в коллекции насчитывалось 269 полотен, в том числе работы В. А. Тропинина («Автопортрет на фоне окна с видом на Кремль»), К. П. Брюллова («Вирсавия»), А. А. Иванова (эскиз картины «Явление Христа народу»), П. А. Федотова («Завтрак аристократа», «Вдовушка»), В. Г. Перова («Чаепитие в Мытищах, близ Москвы», «Похороны»), И. И. Левитана («Весна – большая вода»), Н. Н. Ге («Тайная вечеря»), И. К. Айвазовского («Чумацкий обоз в степи»), И. Н. Крамского («Пасечник») и др., а также скульптуры М. А. Чижова, М. М. Антокольского, Н. А. Лаврецкого, Н. А. Рамазанова. Галерея была доступна для посетителей.

Книгоиздательская фирма была основана Солдатенковым в 1856 г. под духовным влиянием профессора Московского университета историка Т. Н. Грановского. Солдатенков познакомился с Грановским, будучи совсем молодым человеком, в 1840-х гг., когда сблизился с кружком либеральной интеллигенции, увлекавшейся философией и литературой¹⁶⁷. Книгоиздательством Козьма Терентьевич занимался не ради прибыли, а ради просвещения: себе издатель оставлял всего 5% годового дохода для покрытия издержек, а основная выручка шла для издания новых книг. Ближайшим сотрудником Солдатенкова по

¹⁶⁶ Зилоти В. П. В доме Третьякова: мемуары. М., 1992. С. 107.

¹⁶⁷ См.: Левандовский А. А. Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989.

книгоизданию стал Н.Х. Кетчер, а компаньоном до 1862 г. был Н.М. Щепкин, сын М.С. Щепкина.

Собрание писем царя Алексея Михайловича, подготовленное к печати П. Бартеневым. 1856 г. Одна из первых книг, изданных иждивением К.Т. Солдатенкова

Издательство Солдатенкова в течение полувека выпустило более 200 наименований книг. В некрологе, опубликованном в газете «Русское слово» 20 мая 1901 г., отмечалось, что «громадная заслуга К.Т. перед русским обществом — в его издательской деятельности, К.Т. тратил бешеные деньги на издание капитальнейших сочинений»¹⁶⁸.

За свои заслуги в области культурно-просветительской деятельности он в 1867 г. был избран почетным членом Общества любителей российской словесности.

Издательство Солдатенкова публиковало произведения художественной литературы (Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, У. Шекспира, Гомера), исторические сочинения (И.Е. Забелина, В.О. Ключевского, Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина) и др. Купец-коллекционер А.П. Бахрушин так отзывался об этой деятельности Солдатенкова: «Издal много серьезных и солидных сочинений, которые без него лежали бы долго в рукописях или даже еще не были бы начаты, потому что издание этих трудов потребовало бы больших сумм, которых авторы, конечно, не имели, а потому подобные сочинения и могли быть изданы государством или очень богатыми людьми. Но одного

¹⁶⁸ Искры. 1901. № 21.

богатства еще мало, надо быть человеком образованным и сочувствующим наукам, каким и явился уважаемый Кузьма Терентьевич Солдатенков»¹⁶⁹.

К.Т. Солдатенков был связан дружескими и деловыми отношениями с известными учеными, деятелями культуры, писателями (И.С. Аксаковым, Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым и др.). В тесном общении (с 1855 г.) он состоял с историком И.Е. Забелиным, который нередко записывал в своем дневнике: «у Солдатенкова обедали» (1865), «был Козма Терентьевич Солдатенков с визитом» (1879), «был у Солдатенкова в амбаре» (1887), «обедал у Солдатенкова» (1888), «Был К.Т. Солдатенков. Сидел больше часу» (1888), «был Солдатенков и сказал, что у Рахманова есть две иконы Рублева: Единородный и Триипостасное божество» (1888). Забелин по заказу Солдатенкова написал книгу «Кунцово и древний сетуньский стан»¹⁷⁰.

Десять лет спустя после кончины Солдатенкова автор памятной заметки в журнале «Церковь» написал: «Неослабевающий интерес к жизни и доходившая до самозабвения любовь к знанию составляли отличительные черты этого большого русского человека. Лица, знавшие К.Т., утверждают, что умелым подбором знакомств и неутомимым чтением К.Т. добился того, что все время находился в курсе самых последних и тончайших течений в изящной и научной литературе»¹⁷¹.

Козьма Терентьевич оказывал поддержку начинающим художникам. Особенно К.Т. Солдатенкова на Мясницкой и дача в Кунцеве стали притягательными культурными очагами для московской купеческой элиты.

Важной страницей жизни К.Т. Солдатенкова была поддержка Румянцевского музея, в 1861 г. переведенного в Москву из Петербурга. Козьма Терентьевич первым откликнулся на обращение московского генерал-губернатора П.А. Тучкова о сборе пожертвований для скорейшего устройства в Москве первого публичного музея. В течение 40 лет Солдатенков поддерживал его материально (ежегодно перечислял по 1 000 руб.), завещал ему свою библиотеку, собрание живописи и скульптуры. В поздравительном адресе К.Т. Солдатенкову в связи с сорокалетием его благотворительной деятельности в музее, подписанном директором Румянцевского музея И.В. Цветаевым, подчеркивалось, что Солдатенков первый и единственный из частных лиц Москвы заявил о намерении «вносить в помощь такому просветительному учреждению по тысяче рублей ежегодно». И далее: «И эта жертва Ваша в значительной мере способствовала разрешению вопроса об открытии Московского Публичного Музея». Кроме того, Совет музея, «с глубокой благодарностью вспоминая эту беспримерную в их истории щедрость, идущую от частного лица», единогласно постановил поместить портрет Солдатенкова «в Публичной читальне Музеев на вечные времена»¹⁷².

¹⁶⁹ Бахрушин А.П. Из записной книжки А.П. Бахрушина: Кто что собирает. М., 1916. С. 23.

¹⁷⁰ Забелин И.Е.: 1) Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 80, 118, 134, 137, 139–140; 2) Кунцово и древний сетуньский стан. Исторические воспоминания. М., 1873.

¹⁷¹ Церковь. 1911. № 20. С. 482.

¹⁷² Цит. по: Титова Ю.В. Роль Козьмы Терентьевича Солдатенкова в становлении Румянцевского музея. С. 451–455.

Закономерным финалом многолетней благотворительной поддержки стала передача по завещанию коллекций Солдатенкова Румянцевскому музею. Козьма Терентьевич выразил желание принести в дар свое собрание картин с условием экспонирования в отдельном «Солдатенковском» зале (после 1924 г. собрание было распылено и ныне предметы находятся в Третьяковской галерее, Русском музее и др. собраниях) и ценную библиотеку, насчитывавшую 8 тыс. книг и 15 тыс. журналов (ныне – в РГБ).

Козьме Терентьевичу принадлежало ценное собрание икон, в основном составлявших убранство его домашней молельной. Самыми ценными считались список Тихвинской иконы Богоматери 1383 г. и «Спас Эммануил», приписываемый кисти Андрея Рублева¹⁷³.

Один из столпов рогожского старообрядчества

По семейной традиции К.Т. Солдатенков деятельно участвовал в жизни старообрядческой общины Рогожского кладбища. П.И. Мельников-Печерский отмечал, что «в 1830-е гг. в рогожском обществе существовал кружок богачей, вышедших из Гуслицкой волости, особенно же из Вохны. Земляки связаны были между собою дружбою, единомыслием, а некоторые даже родством. Все были сваты друг с другом»¹⁷⁴.

Согласно «Статистическому описанию Рогожского кладбища» 1845 г. (современное местонахождение этого источника неизвестно) выходцами из гуслицкой местности Вохна были главные столпы московского старообрядческого купечества: Федор Андреевич Рахманов, в 1840-х гг. принявший самое активное участие в восстановлении трехчинной иерархии; Терентий Егорович Солдатенков, «имевший до 13 миллионов ассигнациями, несколько домов и миткалевую фабрику»; Федор Иванович Симонов, Иван Никитич Царский, а также Аллилуевы, Досуевы и Кулаковы¹⁷⁵.

В 1840 г., во время голода, Т.Е. Солдатенков вместе с Рахмановыми, П.Д. Шелапутиным и В.Е. Соколовым вошел в организованную по настоянию московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына компанию для продажи хлеба по умеренной цене. На эти цели они собрали до миллиона рублей, что позволило избежать сильного подорожания, но все же своим старообрядцам купцы продавали хлеб по еще более низкой цене, чем приобрели еще большее уважение рогожского общества и гуслицкого населения¹⁷⁶.

Имея финансовые возможности, Т.Е. Солдатенков, безусловно, участвовал в рогожских делах, благоукрашении храмов, обустройстве поселка, однако, вследствие отсутствия раннего рогожского архива, погибшего в пожа-

¹⁷³ Толль Н.П.: 1) Икона Божией Матери Умиления из собрания Солдатенковых. Praha, 1932; 2) Икона Спасителя из собрания К.Т. Солдатенкова. // Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études Byzantines. [Vol.] VI. Praha: Kondakov Institute, 1933. S. 209–217.

¹⁷⁴ Мельников П.И. Очерки поповщины // П.И. Мельников. Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1909. С. 301.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же. С. 302–303.

ре 13 июня 1840 г., мы располагаем лишь крайне скудными сведениями. На средства предпринимателя на Рогожском кладбище была основана небольшая богадельня – Солдатенковская палата. В конце XIX в. эта палата называлась именем Козьмы Терентьевича и ремонтировалась на его средства. В ризнице Покровского храма до настоящего времени хранится фелонь из полуразрезного золотного бархата с вкладной надписью на подкладке: «За упокой Евдокии Григорьевны Салдатенковой 1836 декабря 1 дня». В 1852 г. в ризницу поступил заупокойный парчовый покров Ивана Терентьевича Солдатенкова¹⁷⁷.

В последней четверти XIX в. К.Т. Солдатенков как человек большого общественного авторитета многократно представлял интересы рогожской общины и шире – всего старообрядчества – перед властями. В ходе Великих реформ императора Александра II в 1874 г. был принят важный закон – «Правила о метрической записи браков, рождений и смерти раскольников», и в 1875 г. для разработки основного комплекса оставшихся проблем (свободы богослужения, образования, гражданских прав, статуса общин) при МВД была образована специальная межведомственная комиссия под председательством князя А.Б. Лобанова-Ростовского.

17 июня 1875 г. съезд выборных Рогожской общины избрал комиссию в составе самых видных прихожан: К.Т. Солдатенкова, Т.С. Морозова, Р.Д. Мартынова, Т.И. Назарова, И.И. Бутикова, Д.О. Милованова, П.К. Мельникова и И.И. Шибаева. Члены Рогожской общины проявили большую активность, стремясь довести до сведения чиновников свои нужды и пожелания. Эта деятельность рассматривалась ими как направленная во благо всего старообрядчества.

В 1885 г. К.Т. Солдатенков входил в состав комиссии по временным алтарям. Старообрядцы принимали участие в широко распространенной в последней четверти XIX – начале XX в. практике поднесения подарков членам императорской фамилии и высшему чиновничеству по случаю Пасхи или памятных дат. В частности, на средства Козьмы Терентьевича ювелирной фирме И.П. Хлебникова был заказан драгоценный трехстворчатый складень стоимостью 3840 руб. серебром для поднесения в 1879 г. московскому генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову по случаю 50-летия его службы в офицерских чинах¹⁷⁸.

В 1881 г., когда старообрядцам разрешили принести присягу новому императору в храмах Рогожского кладбища со старообрядческим духовенством, Солдатенков пожертвовал походную церковь для временного алтаря в Рождественском храме, перед которым проходила присяга. Небольшой складной иконостас для собственной домашней моленной владельцем был заказан (возможно, во Франции) «во времена всевозможных гонений и запрещений на старообрядцев» (то есть во второй трети XIX в.).

На Рогожском кладбище походная церковь пробыла до закрытия временных алтарей в 1885 г., затем ее вернули в домовый храм К.Т. Солдатенкова,

¹⁷⁷ Юхименко Е.М. История Рогожского кладбища в Москве и Козьма Терентьевич Солдатенков. С. 100–113.

¹⁷⁸ НИОР РГБ. Ф. 246. Карт. 3. Ед. хр. 6. Л. 14.

после смерти которого в 1901 г. она перешла к его племяннику Василию Ивановичу Солдатенкову, продавшему ее М.Ф. Морозовой. Более десяти лет походная церковь находилась в домовом храме Морозовых в Трехсвятительском переулке. Перед смертью владелица (скончавшаяся 18 июля 1911 г.) завещала походную церковь своему духовнику о. Е.Т. Мелехину, после смерти которого в 1912 г. ее приобрел А.И. Морозов для специально построенного придела (освящен в 1915 г.) в храме во имя пророка Захарии в Богородске¹⁷⁹. Дальнейшие следы этого складного иконостаса были потеряны.

Однако в 2013 г. в ходе организации церковно-исторического музея в Рогожском духовном центре памятник удалось обнаружить в иконохранилище Митрополии РПСЦ на Рогожском¹⁸⁰. Принадлежность этого уникального памятника была точно установлена благодаря расшифровке изображений на одной из икон – на ней представлены св. Бессребренник Козма, св. Василий Декаполит (спостник Прокопия Декаполита), св. мученик Терентий, преподобномученица Евдокия, преподобная Мария Египтяныня – святые, соименные представителям рода Козьмы Терентьевича Солдатенкова: его отцу Терентию Егоровичу, матери Евдокии Григорьевне и, видимо, сестре Марии Терентьевне (род. в 1804 г.) и племяннику Василию Ивановичу (1845–1910).

Необычны внешние признаки данного иконостасного комплекса, датированного 40–70-ми гг. XIX в. (что подтверждает гипотезу о его изготовлении за пределами России): иконы, выполненные в смешанной технике (использовались не только темперные, но и масляные краски), написаны на тонкой кипарисовой доске, буквально фанере, и вставлены в большие однотонно окрашенные фанерные листы большей толщины. Полозья на горизонтальных краях этих листов указывали на то, что детали могли монтироваться в горизонтальные тьябла. Сохранились 18 икон:

1. Царские врата «Благовещение. Евангелист Матфей. Евангелист Лука. Евангелист Иоанн с Прохором. Евангелист Марк»; 2. Дверь в жертвенник «Первомученик архидиакон Стефан»; 3. Дверь в диаконник «Разбойник Рах»;

Местный и Страстной ряды – 4. Положение во гроб; 5. Воскресение; 6. Христос перед Пилатом; 7. О Тебе радуется; 8. Моление о чаше; 9. Тайная вечеря; 10. Святые Жены мироносицы;

Деисусный ряд – 11. Св. Иаков, брат Господень, 12. Св. Василий Великий, 13. Апостол Петр, 14. Распятие («надписание» выполнено на 4-х языках: иврите, греческом, латинском, церковнославянском); 15. Избранные святые: св. Бессребренник Козма, св. Василий Декаполит (спостник Прокопия Декаполита), св. мученик Терентий, преподобномученица Евдокия, преподобная Мария Египтяныня; 16. Апостол Павел; 17. Св. Иоанн Златоуст; 18. Св. Григорий Двоеслов.

Несмотря на свою безусловную занятость коммерческими делами, коллессионированием и книгоиздательством, К.Т. Солдатенков находил возможность принимать активное участие во внутренней жизни общины. С 1860 г. он постоянно входил в число выборных Рогожской общины, в 1878–1882, 1887–

¹⁷⁹ Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставой. С. 85.

¹⁸⁰ Юхименко Е.М. Постоянная экспозиция «Русская икона XVI–XX вв.». С. 7–36.

1888 г. был старшиной выборных (т.е. получил при голосовании наибольшее количество голосов). Как выборный Козьма Терентьевич подписывал многие прошения и записки рогожан, адресованные в высокие инстанции: в частности, благодарственное письмо министру внутренних дел графу Д.А. Толстому от 11 сентября 1882 г., докладную записку членам Государственного совета от 9 февраля 1883 г.

Ценные сведения о постоянном личном участии К.Т. Солдатенкова в решении проблем, с которыми сталкивалась Рогожская община в 1880-е гг., содержит сделанное попечителем Рогожского богаделенного дома московским 1-й гильдии купцом В.М. Михайловым описание под названием «Трехлетие попечительства Рогожской старообрядческой общины (1885–1888)»¹⁸¹. Согласно этому источнику, Солдатенков присутствовал почти на всех совещаниях выборных; как человек авторитетный, представлял общину перед властями и разъяснял им старообрядческую точку зрения. Так, 26 ноября 1885 г. столпам московского старообрядчества пришлось доказывать законность постановки временных алтарей в храмах Рогожского кладбища московскому военному генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову: «...Словесно просили Долгорукова. Тимофей Савич Морозов сказал: “Ваше сиятельство, монаршую милость мы не нарушили 3-го мая 1883 года”. И речь продолжалась четверть часа. Солдатенков Козьма Терентьевич сказал князю: “Ваше сиятельство, мы – христиане, жить не можем без тела и крови Христовой и жить не будем. Это наша пища и пр<очее>”»¹⁸².

К числу важнейших обязанностей попечителей и выборных относилась забота о поддержании в порядке храмов и их благоуукрашении. Масштабные работы по обновлению интерьеров Покровского и Рождественского храмов были проведены в 1873–1874 и 1887–1895 гг. В течение 1897–1899 гг. шла реставрация интерьеров и церковного убранства летнего Покровского храма. Для руководства и контроля за работами на заседании выборных 16 марта 1897 г. была создана специальная комиссия. В нее были избраны К.Т. Солдатенков, Т.И. Назаров, В.М. Михайлов, И.И. Шibaев, И.И. Новиков, Е.Т. Малышев, И.Л. Силин при участии старшины выборных И.А. Пуговкина и попечителей Ф.С. Рахманова и В.А. Шibaева. Можно предположить, что К.Т. Солдатенков, знаток и собиратель икон, не был в стороне и от предшествовавших реставрационных работ.

Благодаря личным пожертвованиям Козьмы Терентьевича Покровский храм пополнился редчайшими иконами. На сегодняшний день из их числа известны шесть: московских писем «Спас Эммануил» конца XV в., в серебряном позолоченном окладе того же времени, и «Преподобные Савва Освященный, Антоний Великий, Евфимий Великий, Герасим иже на Иордани, Феодосий Великий и Харитон Исповедник» конца XV – начала XVI в.; «Богоматерь Донская с преподобным Кириллом Белозерским на поле» первой половины – середины XVI в., в серебряном позолоченном окладе того же времени;

¹⁸¹ НИОР РГБ. Ф. 775 (Чуванов). № 243. Описание см.: Юхименко Е.М. От Аввакума до Агафьи. Наследие старообрядчества: Каталог выставки / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 2021. С. 260. № 270.

¹⁸² НИОР РГБ. Ф. 775 (Чуванов). № 243. Л. 25 об.

подписная работа искусного мастера строгановской школы Никифора Савина «Погребение святого Иоанна Богослова» конца XVI – начала XVII в.; строгановской школы «Богоматерь Владимирская с праздниками в 16 клеймах» первой половины XVII в.; ярославского письма «Святой Иоанн Предотеча¹⁸³ в пустыне» третьей четверти XVII в., в серебряном позолоченном окладе второй половины XVII в.¹⁸⁴

Являясь душеприказчиком по завещаниям некоторых рогожских прихожан, К.Т. Солдатенков способствовал передаче в храмы Рогожского кладбища поминальных вкладов. 23 декабря 1876 г. он вместе с А.Ф. Рахмановой (как душеприказчики Х.И. Шелапутиной) передал Тихвинскую икону Богоматери в окладе и ризе (по распоряжению попечителей И.И. Бутикова и П.Е. Кулакова поставлена в Покровском храме на первом столпе с правой стороны) и надгробный покров «по золотому фону серебряными цветами с 4 кистями», который стали использовать при погребении других умерших¹⁸⁵.

30 сентября 1878 г. Козьма Терентьевич пожертвовал за упокой души вдовы своего дяди В.Г. Рахманова – А.Ф. Рахмановой большую икону Грузинской Божией Матери в окладе с венцом, икону Владимирской Божией Матери и покров золотой с серебряными цветами и четырьмя кистями, а также на сороковой день по ее кончине – серебряный подсвечник с надписью: «Господи, упокой душу рабы Твоя Агафии» и серебряную кружку с крышкой с надписью: «Со святыми упокой душу рабы Твоя Агафии, 27 сентября 1878 года». Иконы были поставлены, видимо, в Рождественском храме на первом столпе на левой стороне сзади клироса, покров помещен в ризницу, а подсвечник и кружка «оставлены при конторе для выдачи по умершим на поставление при пении соборных понихид»¹⁸⁶.

К.Т. Солдатенков участвовал и в благоустройстве рогожской библиотеки – в 1890 г. внес 265 руб. на приобретение шкафов и витрин и на столярные работы. Рогожская община заботилась о состоянии кладбища. Не оставался в стороне от этих проблем и Козьма Терентьевич. В 1887 г. на его пожертвования была «возобновлена» общая могила 1771 г. (умерших во время чумной эпидемии), положившая начало всему кладбищу.

В 1895 г. К.Т. Солдатенков решил поставить памятник на своем родовом участке. 10 мая 1895 г. он подал прошение на имя московского генерал-губернатора о разрешении «поставить намогильный памятник над умершими моими родными, похороненными на Рогожском кладбище». К документу прилагался и план (проект) памятника¹⁸⁷. Несмотря на высокий статус просителя, московские власти проявили необходимую бдительность. 17 июня 1895 г. из канцелярии московского обер-полицмейстера в канцелярию московского генерал-губернатора было направлено донесение: «Вследствие отношения за № 1451, по делу о постановке коммерции советником Солдатенковым памятника над могилами умерших его родственников, похороненных на Рогожском

¹⁸³ Название иконы дано в соответствии с дореформенной (и старообрядческой) традицией.

¹⁸⁴ Древности и духовные святыни старообрядчества. Кат. 5, 8, 20, 43, 59, 80.

¹⁸⁵ Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. С. 182.

¹⁸⁶ Там же. С. 186–187.

¹⁸⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 85. Д. 89. Л. 1.

кладбище, канцелярия обер-полицмейстера имеет честь уведомить, что так как памятник этот по внешнему фасаду имеет вид часовни, то от Солдатенкова затребованы дополнительные сведения: будет ли памятник и внутри иметь устройство часовни, будут ли в нем помещены образа и совершаться панихиды и другие службы, но сведений этих от Солдатенкова до сего времени не получено; по получении же означенных сведений исполнительное донесение будет немедленно представлено»¹⁸⁸.

Полученные вскоре разъяснения Козьмы Терентьевича о том, что «молений внутри памятника совершаемо не будет», полицейский чин признал удовлетворительными и 22 июня 1895 г. отправил великому князю Сергею Александровичу рапорт, в котором указал, что «в постановке этого памятника на условиях, изложенных в означенном отзыве (Солдатенкова. — *Авт.*), препятствий не встречается»¹⁸⁹. С технической стороны, согласно заключению строительного отделения Московского губернского правления, также не оказалось никаких препятствий.

Для решения вопроса в МВД были отправлены все собранные бумаги, имевшие положительное заключение, однако из Петербурга пришел отрицательный ответ. Министр внутренних дел И.Л. Горемыкин писал: «По соглашению с обер-прокурором Св. Синода я признаю не подлежащим удовлетворению ходатайство коммерции советника Козьмы Солдатенкова о разрешении поставить, согласно представленному им плану, памятник в виде часовни над могилами умерших его родственников, похороненных на Рогожском раскольническом кладбище в Москве, тем более что, по имеющимся сведениям, на означенных могилах существуют мраморные памятники в виде гробниц, настолько хорошо сохранившиеся, что в замене их новым памятником необходимости не представляется»¹⁹⁰.

По всей видимости, этот отказ стал предметом обсуждения в московской старообрядческой среде, поэтому Алексей Викулович Морозов два года спустя в аналогичном прошении сразу указал, что «как склепа под памятником, так равно и часовни в самом памятнике устраиваемо не будет»¹⁹¹. На этот раз министр И.Л. Горемыкин дал положительное заключение, но счел необходи-

¹⁸⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 85. Д. 89. Л. 3.

¹⁸⁹ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁹⁰ Там же. Л. 8–8 об.

¹⁹¹ Там же. Ф. 16. Оп. 87. Д. 157. Л. 1. Само прошение на имя московского генерал-губернатора формулировалось так: «Желая построить памятник на Преображенском в Москве кладбище на могилах усопших моих родителей Викула Елисеевича и Евдокии Никифоровны Морозовых, имею честь ходатайствовать пред Вашим Императорским Высочеством о разрешении на постановку такого, согласно представляемым при сем чертежам, при чем имею честь присовокупить, что как склепа под памятником, так равно и часовни в самом памятнике устраиваемо не будет». См.: там же. О состоянии родового участка Морозовых был получен рапорт смотрителя Преображенского богаделенного дома Никифорова от 22 сентября 1897 г.: «...перед могилами родителей потомственного почетного гражданина Алексея Викуловича Морозова имеется мраморный крест в 5 аршин 9 вершков вышины и 1 аршин 14 вершков в основании, совершенно новый, над могилами же их памятника не имеется». См.: Там же. Л. 4. Строительное отделение Московского губернского правления уточнило, что участок огорожен железной решеткой длиною 8 и шириною 4 сажени, а с правой стороны от креста, «над могилою сына умерших Морозовых, Федора, стоит гранитный памятник вышиною более 5 аршин». См.: Там же. Л. 5.

мым пояснить отличие дела А. В. Морозова от дела Козьмы Терентьевича: «Отклоняя в минувшем году ходатайство Солдатенкова о постановке памятника над могилами его умерших родственников на Рогожском кладбище, я имел в виду главным образом предположенное устройство этого памятника в виде часовни, в которой, ввиду значительности ее размеров, могли с удобством совершаться раскольнические богомоления; между тем проектированный ныне Морозовым памятник над могилами его родителей, судя по представленным им чертежам, едва ли предназначен служить для указанной цели, а потому я не усматриваю препятствий к разрешению просителю поставить упомянутый памятник на Преображенском кладбище под условием недопущения совершения в нем богомолений»¹⁹².

Доныне хорошо сохранившийся памятник в виде небольшой часовни по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля был возведен на родовом участке Морозовых-Викуловичей к марту 1899 г., окончательную отделку завершили в начале лета того же года¹⁹³.

Случай же 1895 г. еще раз наглядно показывает, что высокое общественное положение К. Т. Солдатенкова никак не влияло на решение тех вопросов, которые относились к сфере общей государственной политики по отношению к старообрядчеству.

Духовником Козьмы Терентьевича был старообрядческий иерей Петр Федорович Драгунов (ок. 1820—17.08.1901), поставленный в священники в 1853 г., в схиме священноинок Павел; в 1883—1884 и 1885—1888 гг. входил в штат храмов Рогожского кладбища и был настоятелем причта. Профессор Московской духовной академии Н. И. Субботин, неприязненно относившийся к старообрядчеству, писал об о. Петре в первый год действия Устава причта Рогожского кладбища (1883): «Здесь он начал действовать самостоятельно и властно, опираясь на могущество своего духовного сына, всевластного распорядителя старообрядческих дел, С-ва, который питает к нему большое расположение»¹⁹⁴.

В данной цитате, без сомнения, речь идет о К. Т. Солдатенкове, и в этом случае важно свидетельство современника, пусть даже и не беспристрастного, о роли в старообрядческих делах известного промышленника и коллекционера. Тот же автор в связи с появившимся известием, что старообрядческий епископ-мученик Конон завещал свой архив К. Т. Солдатенкову, написал: «К. Т. Солдатенков есть, конечно, центр, куда сходятся все умственные, нравственные и иные сокровища раскола, на нем зиждется сила и процветание древнего благочестия: поэтому завещание Конона, если оно существует, вполне понятно»¹⁹⁵.

Историк И. Е. Забелин, которого с Солдатенковым связывали многолетние дружеские отношения, записал в своем дневнике под 12 ноября 1879 г. о случае, когда ему было отказано в приеме: «Был Козма Терентьевич Солдатенков с визитом за то, что я был у него вчера и не застал, т. е. он отказал, говорит “люди не ведали”, да нельзя было ему, ожидал важных людей с кладбища»¹⁹⁶.

¹⁹² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 87. Д. 157. Л. 7—7 об.

¹⁹³ Там же. Л. 12.

¹⁹⁴ См.: Братское слово. Т. 1. М., 1884. С. 221.

¹⁹⁵ Там же. С. 160.

¹⁹⁶ Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. С. 120.

Н.И. Субботину, посетившему Рогожское кладбище, принадлежит еще одно свидетельство о старообрядческих устоях в жизни Солдатенкова: «С западной стороны, по направлению к главным воротам, тянется ряд красивых домиков (келий), принадлежащих богатым и влиятельным прихожанам кладбища – Солдатенкову, Бутикову, Шибаеву и др., куда имеют они проезд в нарочитые дни и праздники и где в былые времена проводили все дни говенья»¹⁹⁷.

В особняке Солдатенкова на Мясницкой улице, где помещались его богатейшие коллекции картин и залы имели вид музейных, находилась домашняя моленная, расписанная художником В.Е. Раевым, в которой сам хозяин исполнял обязанности уставщика.

К.Т. Солдатенков умер 19 мая 1901 г., в 9 часов утра (после приступа хронической почечной болезни и воспаления легких в последнюю неделю жизни – наступил, несмотря на все усилия врачей во главе с профессором А.А. Остроумовым, «паралич сердца», как сообщалось в газетах), и был похоронен на Рогожском кладбище. Многолюдные похороны также свидетельствовали о масштабе его личности. Журнал «Церковь» писал: «Погребение коммерции советника Козьмы Терентьевича Солдатенкова состоялось 22 мая на Рогожском кладбище, при громадном стечении молящихся и публики. Вынос тела состоялся из имения покойного, Кунцево, в 10 часов утра. Гроб всю дорогу до Москвы несли представители московского купечества и родные К.Т. Среди провожавших было много крестьян, пришедших отдать последний долг своему благодетелю. На гроб было возложено более 70 венков¹⁹⁸ и, между прочим, князем Голицыным, городским головой, был возложен венок “отъ города Москвы”. Похоронная процессия, пройдя чрез всю Москву, в 3 часа дня прибыла на Рогожское кладбище. В Покровском храме было совершено длившееся два часа отпевание, которое совершали три священника и четыре диакона. Разрешительную молитву прочел духовник К.Т., о. Петр Драгунов. За отпеванием присутствовала буквально “вся Москва”: представители купечества, кредитных учреждений, профессора, среди которых, между прочим, был бывший впоследствии первым председателем нашей первой Государственной Думы С.А. Муромцев. Громадная толпа заполняла площадь между храмами»¹⁹⁹.

В последний путь благодетеля провожали тысячи людей. Из имения Кунцево 22 мая 1901 г. «дубовый полированный гроб» пять часов (с 10 часов утра до 15 часов дня) несли на руках, проделав пешком через всю Москву путь около 10 км до Рогожского кладбища. Выражая огромное уважение к заслугам Солдатенкова перед обществом и русской культурой, на отпевании присутствовали профессор Московского университета И.В. Цветаев и С.А. Муромцев, редактор «Русских ведомостей» В.М. Соболевский, депутаты Московской

¹⁹⁷ [Субботин Н.И.] На Рогожском кладбище // Братское слово. Т. 2. М., 1885. С. 231.

¹⁹⁸ Венки были серебряные (один из них поступил от фирмы Кнопов) и цветочные. Из Кунцева их везли на Рогожское кладбище «на трех возах» в составе похоронной процессии.

¹⁹⁹ Козьма Терентьевич Солдатенков (19 мая 1901–19 мая 1911) [Некролог] // Церковь. 1911. № 20. С. 483.

городской думы из именитого купечества – Савва Т. Морозов, П.П. Боткин, В.Г. Сапожников²⁰⁰.

Скончавшийся в возрасте 82 лет Козьма Терентьевич Солдатенков был похоронен на Рогожском кладбище в семейной усыпальнице, рядом с родителями.

Единственный на Рогожском кладбище участок Солдатенковых находился на участке С, № 357, следовательно именно здесь были погребены: Терентий Егорович (20.10.1772–19.12.1850), его жена Евдокия Григорьевна (1778–23.11.1836), его брат Константин Егорович (13.05.1779–11.01.1834) с женой Пелагеей Никифоровной (1825–24.09.1851), дочь Елена Терентьевна (1811–25.03.1826), сын Иван Терентьевич (2.10.1812–11.05.1852) и невестка Александра Осиповна (17.04.1826–8.11.1846)²⁰¹. Примечательно, что участок Солдатенковых примыкал к участку Рахмановых (№ 309), другой части этого рода. В настоящее время на основании соотнесения опубликованного плана Л. Фихтера 1885–1886 гг. и сохранившихся старых надгробий Ю.В. Титовой удалось установить приблизительное место захоронения Солдатенковых.

В течение нескольких недель после кончины Козьме Терентьевичу была посвящена серия прочувствованных некрологов, но, как замечали современники спустя десять лет после смерти благотворителя, вклад Солдатенкова в культуру и просвещение был недостаточно оценен: «Если бы такой человек появился там, “за границей”, и если бы он сделал половину того, что сделал К.Т., его имя красовалось бы в народном Пантеоне, и о нем была бы написана не одна монография. У нас же о К.Т. написали лишь несколько “теплых слов” во время его смерти, желая этим “отдать долг”»²⁰².

Благодарная память о К.Т. Солдатенкове сохранялась в рогожской общине. В 1911 г. общее собрание членов Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища решило создать в помещении гостиницы при Рогожском кладбище портретную галерею старшин и попечителей. Девятого апреля 1912 г. попечители Г.М. Кузнецов, С.Т. Соловьев и Я.М. Филатов доложили Совету общины «о желательности поместить в залах гостиницы Рогожского кладбища» портреты умерших священников – о. Елисея Мелехина и о. Иоанна Власова, а также К.Т. Солдатенкова, Т.С. Морозова и М.Ф. Морозовой. Совет единогласно постановил «просить попечителей обратиться к наследникам почивших с просьбою о прислании фотографических карточек и полученные карточки увеличить, сделать соответствующие рамы существующего размера и по изготовлении поместить оные в залах гостиницы»²⁰³. В настоящее время Е.М. Юхименко удалось обнаружить значительную часть этой фотогалереи, включая портрет К.Т. Солдатенкова²⁰⁴.

²⁰⁰ Похороны К.Т. Солдатенкова // Русское слово. 1901. № 139.

²⁰¹ Юхименко Е.М. План Рогожского некрополя и список захоронений 1885–1886 гг. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. Вып. 4. М., 2010. С. 703, 715, 724.

²⁰² Церковь. 1911. № 20. 15 мая. С. 481–483.

²⁰³ Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. С. 164–165.

²⁰⁴ Юхименко Е.М. От Аввакума до Агафьи... С. 44–45.

24 сентября 1916 г. Совет общины заслушал и принял к исполнению предложение председателя Совета И.А. Пуговкина «о приведении могилы К.Т. Солдатенкова в должный порядок и вождении лампы пред могильным крестом за счет общины»²⁰⁵. В Покровском храме бережно сохранялись древние иконы, подаренные Козьмой Терентьевичем. Они помещались в специальном киоте, доныне носящем его имя.

Заключение

Солдатенков был одним из крупнейших российских благотворителей. По официальным данным, он пожертвовал более 5 млн руб. Львиная доля благотворительных пожертвований поступила после смерти филантропа согласно условиям его завещания.

В завещании, составленном 13 февраля 1901 г., Козьма Терентьевич, кроме пожертвований на «Солдатенковские» больницу, училище и богадельню, наметил около 20 пунктов денежных выдач учебным, лечебным и благотворительным заведениям, всего на 600 тыс. руб. Крупнейшими были пожертвования: 100 тыс. руб. – Богаделенному дому при Рогожском кладбище; 20 тыс. руб. – Арнольдовскому училищу глухонемых; 85 тыс. руб. – на стипендии и плату за обучение бедных студентов Московского университета; 40 тыс. руб. – на стипендии ученикам московских гимназий; 20 тыс. руб. – на научные премии Российской Академии наук (полный список пожертвований приведен в книге Г.Н. Ульяновой «Благотворительность московских предпринимателей»²⁰⁶).

Согласно духовному завещанию Солдатенкова, его богатейшая коллекция живописи и графики и библиотека поступили в Румянцевский музей, а особняк, иконы и вся обстановка моленной перешли племяннику Василию Ивановичу. В результате поисков потомков К.Т. Солдатенкова (по линии воспитанного им после смерти родителей племянника Солдатенкова) Ю.В. Титовой удалось установить следующее. Надежда Григорьевна Солдатенкова, вдова Василия Ивановича, со старшей дочерью Варварой эмигрировали из СССР в 1927–1928 гг., им удалось вывезти из СССР иконы из собрания Козьмы Терентьевича, часть из которых (около 35 икон) позднее попали в Национальную галерею в Праге. В настоящее время потомки К.Т. Солдатенкова живут во Франции, Бельгии, США.

В годы Великой Отечественной войны в особняке Солдатенкова на Мясницкой, дом 37, находилась Ставка Верховного главнокомандования.

Кончина Козьмы Терентьевича вызвала поток газетных публикаций со словами благодарности благотворителю. Современники высоко оценивали такие его качества, как «отзывчивость на все хорошее», «бесконечное доверие и любовь к людям». Газета «Русское слово» писала: «Добродушную фигуру белого, как лунь, старца с мягко светившимися умными глазами знала вся Москва». Еженедельник «Искры» отмечал: «Покойный был известен как идей-

---

²⁰⁵ НИОР РГБ. Ф. 246. Карт. 18. Ед. хр. 14. Л. 65 об.

²⁰⁶ Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей... С. 429–431.

ный издатель, выдающийся финансист и более всего как замечательный по своим нравственным качествам человек».

Не раз современники и потомки поминали Козьму Терентьевича Солдатенкова добрым словом за его дела на благо родной Москвы. Популярный журнал «Искры» отметил в некрологе: «Одаренный редкой энергией К.Т. Солдатенков, не оставляя своих многочисленных дел, до самой смерти своей пополнял свое образование и не щадил своих огромных материальных средств на дела просвещения».

Современник так отозвался о деловой жизни К.Т. Солдатенкова: «Исключительный коммерческий ум, гениальные финансовые способности и неизменно-корректный образ действий доставили К.Т. высокое и почетное место в купеческих кругах Москвы»²⁰⁷.

Библиография

- Александр Андреевич Иванов: его жизнь и переписка 1806–1858 гг. / сост. М.П. Боткин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. 539 с.
- Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: из истории формирования русской буржуазии. М.: Наука, 1988. 188 с.
- Аксенов А.И.* Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М.: Наука, 1993. 217 с.
- Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989. 187 с.
- Вестник финансов, промышленности и торговли: указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов. 1889. Т. III. СПб.: Типография Министерства финансов, 1889. 987 с.
- Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX в. М.: Искусство, 1986. 382 с.
- Гавлин М.Л.* Российские Медичи: портреты предпринимателей. М.: Издательский центр «Тerra», 1996. 317 с.
- Гейлер И.К.* Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях и облигациях) России. СПб.: Типография В. Безобразова и компании, 1871. 550 с.
- Двадцатипятилетие Трехгорного пивоваренного товарищества в Москве. 1875/76–1900/901 гг. М.: [б.и.], 1901. 81 с.
- Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1997. 733 с.
- Древности и духовные святыни старообрядчества: Иконы, богослужебные предметы, рукописные и печатные книги, облачения из собрания кафедрального Покровского собора на Рогожском кладбище / под общ. ред. Е.М. Юхименко. М.: Интербук-Бизнес, 2005. 281 с.
- Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2001. 383 с.
- Забелин И.Е.* Кунцово и древний сетуньский стан. Исторические воспоминания. М.: Типография Грачева и К°, 1873. 256 с.
- Зилоти В.П.* В доме Третьякова: мемуары. М.: Высшая школа, 1992. 253 с.
- История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4: Исторический очерк развития торговых учреждений в России. Страховые учреждения. СПб.: Типография Н.В. Гаевского, 1911. 36 с.
- Картинная галерея К.Т. Солдатенкова // Картинные галереи Европы. Т. I. СПб.: М.О. Вольф, 1862. С. 211–214.
- Ковальчук А.В.* Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 429 с.
- Кренгольмская мануфактура. Историческое описание, составленное по случаю пятидесятилетия ее существования, исполнившегося 30 апреля 1907 г. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1907. 210 с.
- Левандовский А.А.* Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М.: Изд-во МГУ, 1989. 251 с.

²⁰⁷ См.: Церковь. 1911. № 20. С. 482.

- Мартыанов П.К.* Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиях. СПб.: Типо-литография Р. Голике, 1890. 248 с.
- Мельников П.И.* Очерки поповщины // П.И. Мельников. Полн. собр. соч. Т. 7. СПб.: Изд. Товарищества А.Ф. Маркс, 1909. 590 с.
- Мешалин И.В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 257 с.
- Назаров В.Д., Федоров В.А., Токавкин В.Г.* Крестьянство // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 127–150.
- Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном: в 2 т. Т. 1. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1903. 117 с.
- Нистрем К.М.* Московский адрес-календарь для жителей Москвы. Т. 4: Алфавитный указатель домовладельцев с оценкой их домов. М.: Типография С. Селивановского, 1842. 266 с.
- Общественное призрение Московского городского управления. М.: Московская городская управа, 1914. 103 с.
- Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 425 с.
- Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. М.: РОССПЭН, 1998. 366 с.
- Петров Ю.А.* Этноконфессиональный фактор в контексте московского предпринимательства, вторая половина XIX – начало XX в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 688–698.
- Полунина Н., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы. М.: Независимая газета, 1997. 528 с.
- Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. 1862–1912: исторический очерк. М.: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. 252 с.
- Самойлов Л.* Атлас промышленности Московской губернии. М.: Московское отд-ние Мануфактурного совета, 1845. 128 с.
- Соколов В.* Указатель жилищ и зданий в Москве, или Адресная книга с планом. М.: Типография Августа Семена при Имп. Медико-Хирургической академии, 1826. 741 с.
- Т.Н. Грановский и его переписка. Т. II: Переписка Т.Н. Грановского. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897. 496 с.
- Титова Ю.В.* Роль Козьмы Терентьевича Солдатенкова в становлении Румянцевского музея // Румянцевские чтения. Т. 2. М.: Пашков дом, 2021. С. 451–455.
- Толстяков А.П.* Люди мысли и добра. М.: Книга, 1984. 255 с.
- Толь Н.П.* Икона Божией Матери Умиления из собрания Солдатенковых. Praha: Kondakov Institute, 1932. 20 s.
- Толь А.П.* Икона Спасителя из собрания К.Т. Солдатенкова. // Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études Byzantines. [Vol.] VI. Praha: Kondakov Institute, 1933. S. 209–217.
- Троицкая И.А., Ульянова Г.Н.* Социальная и территориальная мобильность московских купцов по сказкам VIII (1833–1834) и X (1857–1858) ревизий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. 2017. № 2(77). С. 94–109.
- Указатель Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 года в Москве. М.: Типография Мартынова, 1882. 596 с.
- Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. Словарь купцов-благотворителей. М.: Форум; Неолит, 2013. 494 с.
- Ульянова Г.Н.* «По царству ископаемых, по царству животных, по царству прозябаемых, по царству произрастаемых». Ведомость о фабриках и заводах Москвы в 1805 году // Исторический архив. 2020. № 5. С. 149–179.
- Ульянова Г.Н.* Владелица Никольской мануфактуры М.Ф. Морозова и ее судьба в контексте изучения истории предпринимательства в России // Человек в экономике: исторический курс. Материалы Всерос. науч. конф. по экономической истории, посвященной 80-летию профессора Н.Л. Клейн. Самара: Изд-во Самарского гос. экономического ун-та, 2007. С. 69–80.
- Ульянова Г.Н.* Миграция в Москву в конце XVIII – начале XIX века по купеческим сказкам VI ревизии 1811 года // Миграции. Формирование Российского государства. Материалы Международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» / под ред. П. Каталано, Ю.А. Петрова. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2015. С. 94–116.

- Ульянова Г.Н. Предпринимательская деятельность московского купечества по данным ревизских сказок и «Очередной книги» (1795–1801 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2016. № 22(243). Вып. 40. С. 108–116.
- Ульянова Г.Н. Преемственность как экономическое и моральное основание деятельности московских купеческих семейных фирм (XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 3(72). С. 107–115.
- Ульянова Г.Н., Юхименко Е.М. Солдатенковы // Православная энциклопедия. Т. 64. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2021. С. 709–714.
- Хотев А. Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы. М.: Тип. «Ведомостей Московской городской полиции», 1852–1853. 184 с.
- Щукин П.И. Воспоминания: Из истории меценатства России / под ред. С.О. Шмидта. М.: Гос. исторический музей, 1997. 318 с.
- Юхименко Е.М. История Рогожского кладбища в Москве и Козьма Терентьевич Солдатенков // Традиционная книга и культура позднего русского Средневековья. Ч. 2: История, книжность и культура русского старообрядчества. М.: Ремдер, 2008. (Мир старообрядчества. Вып. 7). С. 100–113.
- Юхименко Е.М. План Рогожского некрополя и список захоронений 1885–1886 гг. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. Вып. 4. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 701–746.
- Юхименко Е.М. Постоянная экспозиция «Русская икона XVI–XX вв.» // Церковно-исторический музей при Митрополии Русской православной старообрядческой церкви: Путеводитель. Исследования и материалы / сост. Е.М. Юхименко. М.: [б.и.], 2015. С. 7–36.
- Юхименко Е.М. Рахмановы: купцы-старообрядцы, благотворители и коллекционеры. М.: Изд. дом ТОНЧУ, 2013. 520 с.
- Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. 2-е изд. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 280 с.
- Юхименко Е.М. От Аввакума до Агафьи // От Аввакума до Агафьи: Наследие старообрядчества. Каталог выставки / науч. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М.: Славия, 2021. С. 11–47.

Экономическая история Российской империи

Кабытов П.С.
Тагирова Н.Ф.*

Внутренняя торговля в Российской империи 1860–1890-е гг.: итоги и перспективы изучения

Аннотация. В статье дан анализ современной российской историографии развития внутренней торговли Российской империи в годы ее активного государственного реформирования (1860–1890-е гг.). Авторы отмечают наметившееся разнообразие направлений и исследовательских тем в этой области. Среди новых направлений в изучении внутренней торговли авторы называют исследование этноконфессиональной специфики, взаимосвязи экономической политики и аккультурации народов отдаленных территорий, институциональных, культурологических и гендерных аспектов. Слабоизученными, по мнению авторов, остаются аспекты внутренней торговли: конъюнктура рынков разных товаров, цены и ценовое регулирование различных товаров в городах и сельских ярмарках, изменения в уровне жизни и потребительского стандарта жизни населения. На основе обобщенной характеристики историографических и источниковедческих работ авторы воссоздают общую картину организации внутренней торговли в стране, главные формы и направления ее эволюции в период активной капиталистической трансформации. Авторы рассматривают период 1860–1890-х гг. как феномен, в котором одновременно проявлялись широкая частная благотворительность, обусловленная сохранением духовно-нравственных и религиозных основ в обществе, быстрое накопление капитала и торговой прибыли. При этом другая сторона переустройства во внутренней торговле, которая проявлялась в инвестировании свободных средств в банковский и промышленный бизнес, формировалась в прежних институциональных формах, но явной стала уже в XX в. Цель авторов: выявить место и роль ярмарок, бирж и магазинов во внутренней торговле.

Ключевые слова: внутренняя торговля, рынок, ярмарки, биржи, магазины, купечество, цены, Российская империя, пореформенный период, капиталистическая модернизация.

Пореформенный период стал для России временем кардинальных трансформаций во всех сферах социально-экономической жизни. На фоне промышленного переворота, первых шагов индустриализации, развития пароходства и бурного железнодорожного строительства, сдвигов в сельском хозяйстве и экономико-правовом положении крестьянства торговля, казалось, менее всего подвергалась изменениям и по инерции сохраняла традиционный характер. Но, на самом деле, в секторе внутреннего товарооборота зарождались кардинальные перемены, органично связанные с созданием современной транспортной системы, рождением новейших форм кредитно-денежного обращения, способов продвижения товаров и их географического распределения. Синтез традиций и новаций в товарном обмене, значительная мозаичность и региональные особенности формировали многоуровневый и многоступенчатый мир торговли.

Историография. В советской историографии внутренняя торговля исследовалась в контексте главной научной проблемы – формирования и развития

* Кабытов Петр Серафимович – доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, donkabyitov2012@yandex.ru;
Тагирова Наиля Фаридовна – доктор исторических наук, профессор, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, tag-nailya@yandex.ru

Всероссийского рынка и рыночных отношений. В этом направлении ученые достигли многого в выявлении товарного ассортимента, форм торговли и участников обмена. Советские историки обоснованно базировали исследования на постулатах объективности географического и территориального разделения труда, роста промышленного и сельскохозяйственного производства, активизации государственной политики (чаще в области внешней торговли) и улучшения транспортного сообщения. При этом в изучении экономической истории пореформенной России преимущество было отдано рассмотрению проблем эволюции промышленности и сельского хозяйства. Торговые отношения в исследованиях чаще всего находились на периферии. Тема торговли была «растворена» в общих работах, в которых анализировались различные аспекты капиталистической модернизации России (Н.М. Дружинин, А.М. Анфимов, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, А.С. Нифонтов, К.Н. Тарновский, И.М. Соловьева, Э.А. Истомина).

Специализированных работ по торговле было значительно меньше. Их авторами чаще были экономисты (Н.Д. Кондратьев, С.Г. Струмилин, П.И. Лященко). Эта исследовательская практика сохранялась в течение многих десятилетий. Из исторических исследований отметим научные труды Г.А. Дихтяра, Б.А. Кругляка, Т.М. Китаниной, в которых рассмотрена торговая политика, формы обмена, прежде всего ярмарочная торговля. Правовое пространство торговли и рынка, в частности, коммерческое право, акционерное законодательство исследовал Л.Е. Шепелев.

Сама постановка проблемы формирования и развития Всероссийского рынка в марксистской интерпретации ограничивала исследователя, ставя его в условия поиска доказательств того, что внутренняя торговля эволюционирует аналогично промышленному и аграрному развитию. Тем самым она проходит те же стадии капиталистического роста: от простейших форм к сложным, от натурального и денежного обмена — к товарно-денежному, т.е. от эквивалентного к неэквивалентному с получением прибыли. Рыночная торговля, по их мнению, была одним из проявлений капиталистического общества. Торговля в этом процессе рассматривалась как один из источников первоначального накопления капитала, формирования Всероссийского национального рынка, начало которого исследователи чаще всего ссылаясь на работы В.И. Ленина, относили примерно к середине XVII, иногда к рубежу XVI–XVII вв.

В научных трудах историков советского периода, да и в современной российской историографии все еще сохраняются разные концептуальные представления о времени начала и завершения формирования Всероссийского рынка. Это, с нашей точки зрения, обусловлено тем, что до сих пор все еще не определены главные критерии его сформированности. Исследователи чаще выделяют согласованные колебания цен на основные сельскохозяйственные товары, главным образом зерно — Б.Н. Миронов (1985), И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов (1980), сельскохозяйственные орудия; рабочие руки и землю; объемы товарной массы, формы и способы обмена и производственно-кредитных отношений в аграрном секторе (А.П. Корелин).

Авторы конкретно-исторических исследований констатируют отсутствие прямолинейности в развитии торговых отношений; отмечают неравномерность

и сохранение вплоть до начала XX в. локальных рынков, одновременное формирование рынков — региональных и Всероссийского, «мирное сосуществование» простейших форм обмена с интегрированными в мировое финансовое пространство. У исследователей пока нет единого мнения и о мотивах всплеска и бурного вовлечения в товарный обмен всех категорий российского населения в 1860–1880-е гг. Был ли он обусловлен только лишь внешними обстоятельствами (необходимостью уплаты налогов, например) или внутренними процессами. Рассмотрение вопросов торговли в рамках проблемы развития рыночных отношений, по всей вероятности, сужает исследовательское поле ученых и тем самым не позволяет им выйти из круга обозначенных дискуссионных проблем.

Итоговое историографическое представление о развитии всероссийского аграрного рынка в России представлено в статье Н.Б. Селунской с аналогичным названием в энциклопедии «Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.»¹.

Особым событием в мировой историографии стал выход в свет многотомного труда известного французского исследователя Ф. Броделя «Материальная цивилизация и капитализм» (переведен на русский язык в конце 1980-х гг.). «Играм обмена» автор посвятил специальный том, в котором, рассмотрев деятельность отдельных торговых династий, работу мелких рынков и базаров, представил процесс возникновения и функционирования в XV–XVII вв. локальных миров-экономик в странах Западной Европы, как постепенно размывались их границы, открывая дорогу мировому рынку. Ф. Бродель выявил роль главных участников локальных миров-экономик и мирового рынка, купцов-негоциантов, ведущих крупные торговые операции по всему миру без специализации, и местных мелких торговцев, не порывавших связей с производством кустарных и иных товаров, удовлетворявших спрос населения определенной территории. Проведенный исследователем микроанализ купли-продажи на основе торговых документов городов Франции, Испании заложил новые векторы исследований рынка в исторической науке.

Современная историографическая ситуация характеризуется тем, что историки отошли от решения крупных научных проблем, связанных с определением уровня развития рыночных отношений. В изучении темы можно наметить несколько самостоятельных направлений. Сохраняется **традиционная** историко-экономическая проблематика, но на разных уровнях. Анализ товарного ассортимента, объемов торговли, направлений товарных потоков, изменения в географии движения грузов под воздействием общей государственной и тарифной железнодорожной политики, в частности, представлен в научных трудах Т.М. Китаниной² (правительственный уровень), И.Н. Слепнева, Р.А. Кончакова (отраслевой уровень), М.И. Роднова³, В.М. Рыкова (региональный уровень). Эти авторы сосредоточили внимание в плоскости исследования ин-

¹ Селунская Н.Б. Всероссийский аграрный рынок // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 2008. С. 461–462.

² Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.

³ Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.) Уфа, 2021.

ституты и инфраструктуры, их влияния на развитие торговли. К тому же направлению, вероятно, можно причислить работы экономистов, которые анализируют общую эволюцию торговли и ее роль в развитии экономической сферы⁴.

Активно развивается направление исследований в рамках **институциональной** теории, поведенческой экономики — это стимулировало и дало новый импульс изучению истории российского предпринимательства⁵. Научно-прикладной характер таких исследований обусловлен нормативными рамками соответствующих отраслей экономического знания. Стереотипы и модели поведения предпринимателей и различных групп населения интересуют, прежде всего, экономистов в контексте устойчивости институтов и прочности ментальных установок⁶.

В современных исторических исследованиях понятие «Всероссийский рынок» применительно к пореформенному периоду встречается не часто и, главным образом оттого, что это воспринимается новейшими историками уже как данность. Историки изучают предпринимательство в рамках теории модернизации, обращая внимание на углубление капиталистических (предпринимательских, организационных, правовых начал) в торговле. В том же контексте исследуется деловой мир и организация предпринимательской деятельности главных акторов торговли — купцов в регионах России. В последние годы подготовлен ряд диссертаций, в которых представлен анализ ярмарочной торговли в различных регионах страны. Причем, как правило, исследователи отмечают как экономический, так и культурный аспекты ярмарочной торговли (Т.К. Щеглова, И.И. Лейман, О.Н. Сидорчук, Т.С. Пустогачева, О.Н. Сенютина, И.К. Загидуллин и др.).

В исторических исследованиях, написанных по истории торговли и предпринимательства, большая часть сюжетов может рассматриваться и сквозь призму социальной теории. Эти научные труды сближаются с исследованиями по поведенческой экономике.

В настоящее время активно развивается и другое направление исследований. Внутренняя торговля в империи, анализируемая через призму культурологического подхода, выглядит более рельефно в том случае, если речь идет об организации локального рыночного пространства, а также при изучении роли гендерного фактора. Внутренняя торговля может рассматриваться здесь через хронотоп⁷. Культурологическая концепция хронотопа предполагает исследование рубежных (пограничных) состояний, связей и переходов в российской культуре и на этой основе выявление типов, распространяемых практик поведения. Тем самым внимание исследователя смещается от изучения пространства-времени к исследованию философско-эстетических, социокуль-

⁴ Александров Ю.Л. Эволюция торговли и ее роль в развитии экономики. Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Новосибирск, 2003.

⁵ Работ о предпринимательстве достаточно много; первые из них: *Клейн Н.Л.* Предприниматели и предпринимательство в России. Очерки истории. Самара, 1994; *Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века.* М., 1997.

⁶ *Аузан А.А.* Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М., 2022.

⁷ *Марасанова В.М.* Московские культурные практики в сфере торговли XIX века // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2(119). С. 159–166.

турных и нравственно-психологических феноменов, имевших место в эпохи перемен и их рубежей. Опираясь на мнение М.М. Бахтина, историки и культурологи справедливо подчеркивают персонализированный характер ощущений пространства и времени. И этот своеобразно понимаемый творческой личностью момент времени и есть хронотоп, отраженный в историческом источнике, художественном произведении или ином культурном памятнике.

Этот хронотоп может быть разным в столицах и провинции, различных социальных и культурных сообществах, гендерах⁸.

В контексте данного подхода В.М. Марасанова рассмотрела московские торговые практики XIX в. При описании особенностей торговли в Первопрестольной она акцентировала внимание на таких аспектах, как влияние железных дорог, характеристика товарного ассортимента, форм торговли. При этом автор представила интересные наблюдения – относительно локализации торгового пространства в Москве и специализации рыночных мест. В частности, обозначены вехи формирования оптово-посреднического центра в Китай-городе, постепенного обрастания его финансовыми учреждениями и банками, расположенными на соседних улицах – Никольской, Ильинке, Варварке.

Верхние торговые ряды (современный ГУМ. – *Авт.*) постепенно определились как места розничной торговли и географического размещения современных магазинов – пассажей⁹.

Торговля продуктами питания, овощами, мясом, рыбой перемещалась на окраины Москвы, где функционировали Сухаревский, Смоленский, Хитровский рынки, Болотная, а также районные рынки и ярмарки. Наличие более 15 тыс. торговых заведений в конце XIX в. свидетельствовало о географическом размещении в Первопрестольной различных вариантов старомосковских торговых мест и дорогих европейских магазинов, а также о пространственной локализации торговли в городском ландшафте¹⁰.

Наряду со столицами эти процессы проходили и в провинции. Образы, восприятие традиционных форм торговли – ярмарок и базаров на материалах Сибири рассматривают авторы коллективной монографии «Базар и город: пространства, образы»¹¹. Данная работа представляет интерес как междисциплинарное, своего рода историко-социологическое исследование. Базар рассматривается в ней как вневременная составляющая социальной жизни.

Культурно-этнографические, этноконфессиональные аспекты на региональных материалах позволили историкам выявить неисчислимо множество самых разных вариантов торговой жизни (И.К. Загидуллин, Л.М. Свердлова – Казанская губерния, Нижегородская ярмарка, Тагирова Л.Ф., Роднов М.И. – Южный Урал). И, конечно, особо выделим публикации по истории армянского, азербайд-

⁸ *Летина Н.Н.* Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.). Автореф. дис. ... канд. культурологии. Ярославль, 2009.

⁹ *Ульянова Г.Н.* Верхние торговые ряды на Красной площади в Москве в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 49–75.

¹⁰ *Марасанова В.М.* Московские культурные практики... С. 159.

¹¹ *Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е.* Базар и город: пространства, образы. Иркутск, 2019; Рецензия С. Мулиной и Н. Суворовой на книгу: Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: пространства, образы. Иркутск, 2019. 288 с. // Российская история. 2022. № 1. С. 225–230.

жанского, еврейского¹² предпринимательства, специфике торгового дела караимов¹³. Исследователи выявляют модели поведения и деловую хватку предпринимателей — евреев, караимов, татар и других народов. Историки стран ближнего зарубежья изучают традиции торговли в азиатских территориях Российской империи: Ш. Юсуф анализирует формирование торговых династий в Таджикистане, которое было органично связано с инкорпорацией народов Средней Азии в общероссийское пространство¹⁴. В этой связи интересным направлением может стать изучение межконфессионального и межэтнического торгового взаимодействия различных групп населения пореформенного времени.

Торговая повседневность получила освещение в работах региональных историков. Исследователь К.А. Абдрахманов на примере работы оренбургских купцов рассмотрел внутрифирменные отношения, исследовал опыт взаимоотношений (доверия/недоверия) приказчиков и наемных работников при организации торговых караванов в Среднюю Азию¹⁵. Казанские историки (Загидуллин И.К., Багаутдинова Х.З., Байбулатова Л.Ф.) рассматривают вопросы организации дня отдыха торговых служащих¹⁶.

К числу наиболее активно развиваемых научных направлений начала XXI в. по истории торговли следует отнести региональные исследования. В этой связи значительный интерес представляют монографии и статьи, в которых анализируются деятельность ярмарок и магазинов, организация торговой жизни в Степном крае, на Кавказе¹⁷, в Западной и Восточной Сибири¹⁸, Поволжье¹⁹ и на Южном Урале, в Польше²⁰, Дагестане²¹, на Европейском Се-

¹² *Хаздан С.Е.* Владельцы еврейских типографий и книжное дело в Российской империи // Берковские чтения — 2015. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы III междунар. науч. конф. М., 2015. С. 552–556.

¹³ *Прохоров Д.А.* Деятельность караимов — представителей торгово-промышленного капитала в Таврической губернии в середине XIX — начале XX вв. // Труды по европейской истории и культуре: материалы XXII междунар. ежегод. конф. по иудаике / отв. ред. В.В. Мочалова. Сер. Академическая серия. М., 2016. С. 286–309.

¹⁴ *Юсуф Ш.* Деятельность производственно-торговых предприятий и формирование торговых сословий в Таджикистане в конце XIX и начале XX вв. // Вестник Таджикского национального университета. 2018. № 6. С. 33–42.

¹⁵ *Абдрахманов К.А.* Трудовая повседневность купечества Оренбургской губернии в пореформенный период (1865–1914 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2019.

¹⁶ *Загидуллин И.К., Багаутдинова Х.З., Байбулатова Л.Ф.* Проблема дня отдыха торговых заведений мусульман в петициях татар Казани в конце XIX — начале XX в. // Эхо веков. 2015. № 3–4. С. 47–65.

¹⁷ *Корнилов А.А.* Купечество Терской области во второй половине XIX — начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012.

¹⁸ Торговля по правилам и без: власть и торговцы в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 2021.

¹⁹ *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX — начало XX вв.). М., 1999. С. 13–153; *Корнеева Ю.В.* Из истории развития торговли в городах Среднего Поволжья во второй половине XIX века // Новый исторический вестник. 2017. № 3(53). С. 53–62.

²⁰ *Скубневский П.А.* Польша в системе общероссийского рынка во второй половине XIX — начале XX в. // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII — начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов: сб. науч. тр. Омск, 2015. С. 104–110.

²¹ *Далгат Э.М., Абдулаева М.И.* Роль торговли в экономической интеграции города и села в Дагестане во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 2(39). С. 14–22.

вере²² и в других регионах. Активизации исследований в этой области способствовали периодические всероссийские конференции «Торговля, купечество и таможенное дело», проводившиеся в Курске (2009), Коломне (2013), Нижнем Новгороде (2015)²³.

Современная научная литература по истории торговли в Российской империи воспроизводит многообразную, неравномерно развивавшуюся, разновекторную торгово-экономическую жизнь. В ней отмечается, что явным системообразующим стержнем торговой жизни были общегосударственные задачи, которые решались различными способами на разных российских экономических пространствах в 1860–1890-е гг. Осмысление и обобщение этих работ позволяет сформулировать вывод о сложном переплетении и одновременном развитии в рассматриваемый период в Российской империи рынков – локальных региональных и Всероссийского. В унисон этим фактам в экономической теории выдвинуты положения о многоуровневой организации рыночных отношений – о существовании элементарных и сложно организованных рынков, наличии простейших и новейших форм торговой деятельности.

В современной англоязычной литературе торговля рассматривается как равнозначный промышленному развитию фактор модернизации. Этот тезис был сформулирован английским историком С. Чапманом²⁴ в начале 1990-х гг. Другой английский историк – Р.С. Томпстон, рассматривая эволюцию внешней и внутренней торговли в России на протяжении XIX – начала XX в., сосредоточил свое внимание на деятельности иностранных (преимущественно британских) торговых компаний в России.

В целом в XIX в., как отмечает У. Бернстайн, торговля внутри страны считалась важнее внешней торговли²⁵. По мере роста торговли развивалась мировая экономика, возрастали тарифные барьеры между странами. Экономическая конкуренция и соперничество на внешних рынках росли. У. Бернстайн приводил высказывание французского экономиста XIX в. Ф. Бастиа о том, что «если через границу не пускать товары, там пройдут солдаты»²⁶. Модернизация мировой экономики и изменения в торговле и внешняя политика неразрывно связаны друг с другом.

Еще одно направление в изучении локальных сюжетов, преимущественно в контексте культурных традиций, рассматривается в работах немецкого историка Г. Хаусманна, а также американской исследовательницы Дж. Хартлей²⁷. Особенность этих работ состоит в целостном описании Волги, Волжского бассейна как географического и культурного пространства, где краткие характеристики торговли вплетены в общее описание.

²² *Лейман И.И.* Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007.

²³ Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.) / сост. А.И. Раздорский. Курск, 2009.

²⁴ *Chapman S.D.* Merchant Enterprise in Britain From The Industrial Revolution to World War I. Cambridge, 1992.

²⁵ *Бернстайн У.* Великолепный обмен. История мировой торговли / пер. с англ. М., 2014. С. 444.

²⁶ Там же. С. 445.

²⁷ *Hartley J.* The Volga: a History of Russia's Greatest River // Российские исследования. Т. 2. 2021. № 1. P. 58–72; *Hartley J.M.* The Volga: A History of Russia's Greatest River. California, 2020.

Взаимное переплетение внешней политики, внешнеполитических интересов России и экономической политики страны в региональном аспекте представлено авторами коллективной монографии «Центр – регионы»²⁸. Внимание авторов сосредоточено на эпохе царствования последнего российского императора Николая II (1894–1917), торговая политика в ней рассмотрена лишь косвенно.

Изучение торговли в контексте научной проблемы «центр – регионы, центр – периферия» в российской историографии восходит к началу 1990-х гг. В этот период формировались международные научные коллективы, изучавшие имперский опыт управления и хозяйствования в региональном разрезе²⁹.

Отметим также работу международного коллектива по изучению истории Черного моря, одним из результатов которой стала публикация монографий. В частности торговле на восточном побережье Черного моря и прилегающим районам Азова и Области Войска Донского на протяжении конца XVIII – начала XX в. посвящен отдельный труд³⁰.

Поисковые исследовательские инициативы предпринимают и музеи. Так, при содействии Музея предпринимателей, меценатов и благотворителей (Москва) предпринято издание серии книг под общим названием «Московские поставщики», где представлены картины развития торговых и промышленно-экономических связей с Москвой предпринимателей из регионов.

На фоне методологического плюрализма научно значимым и перспективным для отечественной историографии может быть концепция аккультурации. Она была предложена оренбургским историком С.В. Любичанковским для анализа государственной политики в отношении народов центрально-азиатских и урало-поволжских территорий Российской империи, входивших во второй половине XIX в. в общее политическое и экономическое пространство. Торговую политику, приспособленную к нормам обычного права, вероятно, возможно рассматривать как одно из средств аккультурации населения, особенно применительно к фронтальным на тот момент территориям Нижней и Средней Волги, Южного Урала, Казахской степи.

Для современной российской историографии все-таки в большей степени характерна фрагментарность в изучении проблем внутренней торговли. В научных трудах преобладают региональные и локальные микросюжеты. Наблюдается отход от анализа «коротких» отрезков времени.

Историю российской торговли изучают на междисциплинарном историко-правовом уровне. Становление в России торгово-промышленного права, его эволюцию на протяжении длительного времени (XIX – первая треть XX в.) рассмотрела И.В. Поткина. В центре ее внимания – развитие институтов права, в том числе в сфере образования. Ссылаясь на западных историков П. Грегори, Р. Камерона, исследовательница подчеркивает: предпочтения людей, социальные институты и технологии оказывали определя-

²⁸ Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917 гг.). 2-е изд. СПб., 2021.

²⁹ Russian Empire. Space. People. Power. 1700–1930. Indiana, 2007.

³⁰ The Port-Cities of the Eastern Coast of the Black Sea. From the Azov to the Caucasus, Late XVIII – early XX centuries / G. Harlaftis, V. Konstantinova, I. Lyman. URL: <https://books.blacksea.gr/en/4>.

ющее воздействие на экономическую деятельность и экономическое развитие в целом³¹.

Вместе с тем заметим, что для пореформенной России предпочтения, институты и технологии, вероятно, были связаны с освоением новых правовых практик и приспособлением населения к индустриально-технологическим новациям. Конечно, институциональные перемены становятся заметными далеко не сразу. От их появления до включения в повседневную практику — апробации и продвижения в экономическую систему — проходит не одно десятилетие. Первая университетская кафедра торгового права в России, отмечает И.В. Поткина, была открыта в 1876 г. в Московском университете³². «Пионером новых идей», «реформатором в области частноправовых отношений» она называет ее первого руководителя А.И. Каминку.

Торгово-промышленное право является важнейшей частью формальных (законодательных) институтов. В России в пореформенные годы торговое право еще только складывалось. Тем не менее реальная торговая деятельность формировалась под воздействием условий жизни. Анализ государственного законодательства в сфере торговли, изменений в налоговой политике и налогообложении (Ю.А. Петров, М.Ф. Шацилло, Е.С. Кравцова, О.И. Марискин) позволил установить длительность этих процессов. Закон о государственном промысловом налоге был утвержден в 1898 г. От открытия кафедры права до принятия закона прошло 22 года. В последние годы появились исследования, авторы которых анализируют местное торговое право. Например, правосубъектность участников торговли рассматривает Н.А. Биленко. Торговые отношения как проявление повседневной жизни и опыт взаимодействия торговцев с местной властью анализируются Т.Г. Яковлевой. Она отмечает, что в Восточной Сибири торговцы через такое взаимодействие «учились применять законы в повседневной жизни»³³.

Влияние новой транспортной сети и железнодорожного строительства на торгово-экономическую жизнь страны, его революционизирующий характер изучается активно уже давно. Вместе с железными дорогами и пароходами в российскую глубинку приходили телеграф, коммерческие банки с вексельным оборотом, трансфертами, кредитами. Экономические и институциональные результаты таких перемен, формирование новой банковской, почтовой, складской инфраструктуры, логистики и экономико-географических ориентиров тоже стали предметом современных исследований³⁴.

К примеру, М.И. Роднов отмечает, что в г. Уфе, уже через год после открытия отделения крупного Волжско-Камского коммерческого банка (1873), в торговых расчетах оптовых и даже розничных продавцов и покупателей активно использовались чеки и распространилась оплата через банк. Вкупе

³¹ Поткина И.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России XIX — первая треть XX в. М., 2009. С. 3.

³² Там же. С. 5.

³³ Яковлева Т.Г. Торговля по правилам и без... С. 417.

³⁴ Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России / под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2004. С. 118–248; Роднов М.И., Дегтярев А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX — начале XX вв. Уфа, 2008.

с железнодорожным сообщением через Уфу (1888) это дало взрывное, стремительное развитие торговли. Если в 1870–1880-е гг. уфимское купечество через Волжско-Камский банк переводило ежегодно от 2 до 3 млн руб., то уже в 1890-е гг. — от 5 до 6 млн руб.³⁵

Китайский исследователь Чжан Гуансян, продолжая традиции советской историографии, рассматривает роль транспорта в движении товарных грузов на протяжении более чем полувека — со второй половины XIX до начала XX в. включительно. Опираясь на российские исследования, он отмечает наличие конкуренции между водным и железнодорожным транспортно-грузовым сообщением, подчеркивает преобладающую роль водных путей вплоть до 1890-х гг., фиксирует более длинный путь продвижения товаров именно по воде, что объясняет большей дешевизной и приспособленностью к нуждам торговли именно портовой, а не железнодорожной инфраструктуры. Водные пути сообщения выдерживали конкуренцию благодаря развитию новых технологий: строительство пароходов, увеличение водоизмещения судов и т.д.³⁶

Отдельное внимание Ч. Гуансян уделил движению товарных грузов по волжскому водному пути к российской столице — Санкт-Петербургу и Москве (древней столице). В его исследовании воспроизведены статистические данные российских ученых о движении товарного хлеба. Его привоз в 1836–1860-х гг. в Москву из низовьев Волги возрос с 7,1 до 10 млн пуд. В следующие три десятилетия (1860–1880-е гг.) водный транзит зерна в столицы через Нижний Новгород увеличился с 6 до 8,9 млн пуд. Железнодорожные поставки из Рыбинска в Москву в конце XIX в. ежегодно составляли 20–30 млн пуд.³⁷

Санкт-Петербург также зависел от привоза хлеба волжским водным путем. Эти потребности были обусловлены не только необходимостью снабжения местного населения, но и продовольственным обеспечением войск, а также экспортными поставками в балтийские порты. Местом распределения волжского хлеба был Рыбинск. Во второй половине XIX в. подвоз хлеба к этому порту по воде снижался: с 16,5 (1855–1866) до 14 (1867–1875), 11 (1877) и 8 млн пуд. (1879)³⁸. Вместе с тем по железной дороге в Петербург ежегодно ввозилось 25–30 млн пуд. хлеба из всех поступающих, в среднем, 64 млн пуд. История хлебной торговли в разных регионах страны рассматривается как основа внутренней торговли в целом³⁹. Именно хлеб обеспечивал и продовольственную безопасность России, и ее лидирующее место на мировом зерновом рынке к началу XX в., и результаты экономического развития Российской империи в целом.

³⁵ Роднов М.И. Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX — начало XX веков). Уфа, 2020. С. 44, 51.

³⁶ Чжан Гуансян. Роль Волжского водного пути в российской торговле зерном и лесом во второй половине XIX — начале XX в. // Российская история. 2021. № 3. С. 41–50.

³⁷ Там же. С. 46.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Носова Е.А. Хлебная торговля Западной Сибири во второй половине XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007; Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века.; Тагирова Н.Ф. Организация зерновой торговли в России (начало XX в.). Опыт сетевого анализа // Экономическая история. Ежегодник. 2013. М., 2014. С. 74–89; Роднов М.И., Десярев А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии...

Исследователи также рассматривают пространственные изменения в организации местных рынков в связи с появлением сети железных дорог. В пореформенные годы некоторые традиционные пункты стали утрачивать торговораспределительные функции, уступая позиции новым железнодорожным станциям. Эти процессы, осознаваемые уже в 1870-е гг. и активно изучаемые Императорским Русским географическим обществом, в современной историографии рассматриваются на примере Поволжья, Южного Урала, украинских и в целом западных губерний империи⁴⁰.

В 2000-е гг. исследователи приступили к научной разработке истории взаимодействия, конкуренции и сотрудничества частного бизнеса и государства. На региональном уровне эти вопросы изучают М.Н. Барышников, М.И. Роднов, В.М. Рынков, К. Мацузато (Япония). Пожалуй, главной точкой пересечения интересов здесь были государственные закупки на зерновом рынке продовольствия военным ведомством для армии, участие земств в этой работе (К. Мацузато). Но эта проблема применительно к пореформенному периоду все еще остается недостаточно изученной.

Организационно-правовые аспекты взаимодействия бизнеса и государства в сфере торгового дела рассматривает М.Н. Барышников на примере Русского общества пароходства и торговли. Перевозки пассажиров из России в Турцию в 1857–1876 гг. он исследует в контексте паломнического движения, фиксируя успешную деятельность компании. Баланс интересов частной инициативы с государственной поддержкой, соединенных между собой, стал основой успеха компании. Сочетание религиозных и торговых интересов исследуют И.К. Загидуллин, О.М. Сенюткина, В.Н. Шкунов⁴¹. М.И. Роднов пишет об определяющем влиянии конкуренции и рыночных отношений в сфере малого и среднего торгового зернового бизнеса. Конкуренция, по его мнению, проявлялась не только в торговле, но и в сельхозпроизводстве. А межрегиональная конкуренция предопределяла структуру посевов зерновых культур⁴².

Стержневой темой изучения продолжает оставаться организация внутренней торговли второй половины XIX в., прежде всего ярмарок⁴³. Феномен ярма-

⁴⁰ См., напр.: *Tagirova N.* The Volga – Don Road to the Black Sea: evolution and reality of the XIX century // *Between Grain And Oil From the Azov to the Caucasus: the Port-Cities of the Eastern Coast of the Black Sea. Late, Late 18th – Early 20th Centuries. Black Sea History Project Working Papers. Vol. 3.* G. Harlaftis, V. Konstantinova, I. Lyman (eds). Grete, 2020. P. 33–60.

⁴¹ *Сенюткина О.Н., Загидуллин И.К.* Нижегородская ярмарочная мечеть – центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX – начало XX вв.). Н. Новгород, 2006; *Шкунов В.Н.* Русская православная церковь в системе внешней торговли России с древнейших времен до 1917 года. Ульяновск, 2013.

⁴² *Роднов М.И.* Уфимский хлеб на зерновом рынке Волжского бассейна (вторая половина XIX – начало XX в // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.)*. Н. Новгород, 2018. С. 374.

⁴³ *Плаксин И.М.* Курская Коренная ярмарка: от местного торга к международному и обратно // *Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI–XIX вв.: сб. материалов Третьей междунар. науч. конф. / ред.-сост. А.И. Раздорский. М.; Коломна, 2015. С. 21–29; см.: Филатова С.В.* Ярмарка как основная площадка и способ социальной коммуникации в конце XVIII – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья) // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф. ...*

рок связан с их жизнеспособностью и активным развитием в условиях глубокой рыночной модернизации производства и обменных отношений.

Другое, активно развиваемое направление историографии проблемы внутренней торговли, – история предпринимательства, предпринимательских и купеческих династий. В семейном бизнесе (таковым на практике и являлось купеческое дело) производство товаров и торговля часто выступали слитно. Специализация внутри членов одной семьи – по производственной или торговой части – позволяла полноценно и обоснованно выстраивать маркетинговую политику. Еще одна особенность заключается в том, что многие монополизировавшие финансовый рынок России в начале XX в. крупные бизнес-структуры, финансовые организации и банки в пореформенный период складывались как торговые семейные дома и семейные предприятия. Так обстояло дело с бизнесом семейств Л.И. Гицбурга, Л.С. Полякова, А. Рафаловича и др. Эта практика была обусловлена тем, что в российском законодательстве долгое время торговля товарами и деньгами не была разграничена как разные виды бизнеса⁴⁴.

Гендерные аспекты купеческого бизнеса, тесно связанного с торговлей, рассматривают Г.Н. Ульянова, З.З. Мухина⁴⁵.

В целом современное представление о развитии внутренней торговли в России в пореформенные годы многообразно, но достаточно мозаично.

Современную историографию характеризует также расширение источниковой базы. Обобщающих статистических источников по внутренней торговле России во второй половине XIX в. нет, что существенно затрудняет количественное измерение объемов внутренней торговли по стране и ее отдельным районам. Для определения масштабов внутренней торговли чаще используют публиковавшиеся с 1885 г. сведения о налоговом обложении, посреднической торговле, т.е. совокупного розничного и оптового товарооборота. Однако эти данные не являются полными в силу изменений в понимании термина «торговые предприятия», а также не включения в налогооблагаемую базу казенных винных предприятий⁴⁶. А потому мы можем лишь приблизительно говорить об объемах внутренней торговли Российской империи на протяжении 1860–1890-х гг.

Нормативно-правовые источники для изучения торговой жизни исследователи подразделяют, в основном, на две большие группы. К первой относят законодательные и нормативные акты органов государственной власти России. Направленные на регулирование торговой деятельности государственные законы создавали границы торгового пространства, регламентировали нормы поведения внутри него. Главным документом, который регулировал внутрен-

⁴⁴ Лизунов П.В.: 1) Банкирский дом «И.Е. Гицбург» и его владельцы. СПб., 2017; 2) Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII – начало XX вв.). Архангельск, 2002. С. 241–242.

⁴⁵ Ульянова Г.Н.: 1) Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е гг.: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. С. 140–169; 2) Купчихи, дворянки, магнатки: женщины-предпринимательницы в России XIX века. М., 2021; Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 2018.

⁴⁶ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 196.

ную торговлю России было «Положение о сборах за право торговли и других пошлин» (1863, 1865) и «Положение о государственном промысловом налоге» (1898). Действовали также Уставы: торговый; судопроизводства и торговли; о промышленности; о питейном сборе; об обеспечении народного продовольствия и др. Все эти источники введены в научный оборот.

Вторую группу составляют подзаконные акты, связанные с применением законов на практике, и материалы⁴⁷. Среди последних – документы локального характера, содержат историческую информацию, которая может ярко высветить отдельные стороны местной торговой жизни страны. Это отчеты различных ведомств, связанных с торговой деятельностью, и материалы заседаний различных органов власти (в том числе местных), судопроизводства и проч.

Ведомственная документация разрознена. Министерство коммерции существовало в России в 1802–1811 гг., после этого сфера торговли была передана в ведение Министерства внутренних дел (до 1819 г.), затем – Министерства финансов, впоследствии – Министерства промышленности и торговли (1905).

На местном уровне вопросами торговли ведали губернские администрации. Их характеристики дают региональные историки. Годовые отчеты губернаторов как источник для изучения внутренней торговли проанализировал А.С. Минаков, отметивший, что «Циркуляр Министерства финансов» от 13 июня 1853 г. вводил в отчеты обязательные разделы. Первым пунктом годового отчета, в котором можно почерпнуть сведения о торговле в районе, был раздел «Естественные и производительные силы губернии». К докладу добавлялось Приложение (27 таблиц), в которое включались сведения «Об оборотах на ярмарках» и «О справочных и торговых ценах на разные роды хлеба в течение года». В заключительной ведомости приводились справочные и торговые цены на зиму, весну, лето и осень. В том числе в отчеты были включены поездные цены на рожь, пшеницу, овес, гречу, просо, горох, ячмень, а с 1847 г. сообщались цены на картофель⁴⁸.

19 июня 1870 г. была утверждена новая программа губернаторского отчета в составе двух частей – текстовой и статистической. Статистическая часть называлась «Обзор губернии» и включала таблицы. Здесь был представлен раздел «Естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность ее населения». В этом разделе имелся подпункт «Торговля». Инструкция 1897 г. делала основной упор уже не на аналитическую, а на обзорную часть⁴⁹. Инструкции по составлению торговых обзоров часто не соблюдали на местах, подходили к составлению данного раздела творчески и нестандартно. Так, в Орловской губ. местные власти проявили инициативу, усовершенствовав сбор данных для отчета. С 1887 г. уездные исправники стали представлять сведения о состоянии в виде ответов на специальные вопросники. В них наряду с вопросами о сельхозпроизводстве, промысло-

⁴⁷ Яковлева Т.Г. Торговля по правилам и без... С. 26–27.

⁴⁸ Минаков А.С. Годовые отчеты губернаторов как источник по торгово-экономической истории России XIX – начала XX вв. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. ... С. 216.

⁴⁹ Там же. С. 218.

вых занятиях, капитальном строительстве, чрезвычайных происшествиях и проч. отражалась информация и о торгово-экономической деятельности населения.

Н.А. Биленко опубликовал источниковедческое исследование о Журналах генеральной поверки торговли и промышленных заведений. Во второй половине XIX в. журналы составляли чиновники особых поручений Казенных палат империи. Автор обосновал информационный потенциал источника на материалах Тульской губ. и классифицировал их как документы фискально-административного учета⁵⁰. Контроль за работой местной торговли и промышленности осуществляли городские думы (по «Положению о торговых пошлинах» 1863 г.), а в крупных городах на помощь к торговым депутациям дум командировались чиновники Казенных палат. В обновленное Положение 1865 г. была внесена специальная глава — о порядке наблюдения за торговлей, где фактически узаконивалось положение чиновников, составлявших Журналы. Их содержание менялось на протяжении пореформенного периода. Н.А. Биленко подробно описывает их структуру.

Картографические источники для изучения внутренней торговли современные историки используют фрагментарно и довольно редко. Между тем для изучения торговли Российской империи рубежа XIX–XX вв. полноценный информационный материал может дать «Торгово-промышленная карта Европейской России», составленная В.П. Семеновым-Тян-Шанским на основании множества источников, собранных им по оборотам промышленности и торговли. Карта вошла в качестве приложения к изданию Центрального статистического комитета МВД «Торговля и промышленность Европейской России по районам в 1900 г.». Ученый собрал картотеку (свыше 600 тыс. карточек), составленную на основе губернских и уездных данных — сведений о налоговом обложении предприятий промышленности и торговли, транспортной статистике. Ученый выделил только в европейской части страны 1065 микрорайонов, которые затем сгруппировал в 75 групп и подгрупп. Проведенная им работа свидетельствует о том, насколько разнообразной была торговля в Европейской России к концу XIX в. В каждом районе В.П. Семенов-Тян-Шанский выделял уровни или степени интенсивности торгово-промышленной жизни (показатель, полученный от деления годового оборота местности на число ее жителей). На низшем уровне интенсивность жизни составляла 10 руб. в год на чел., на высших уровнях — 500 руб.⁵¹ Картографические традиции изучения продолжают сегодня историки—«клиометристы»⁵². Оптовый и розничный

⁵⁰ Биленко Н.А. Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений как исторические источники для изучения внутренней торговли Российской империи второй половины XIX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 4–9.

⁵¹ Ерошкин А.Н. «Торгово-промышленная карта Европейской России» // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М., 2009. С. 933–934.

⁵² Саломатина С.А. Внутренние товарно-денежные потоки Российской империи во второй половине XIX века: сетевой и геоинформационный анализ // Историческая информатика. 2022. № 4. С. 155–178. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39037; Саломатина С.А., Гарскова И.М., Валетов Т.Я. Ведущие финансовые центры Российской империи в конце XIX века по статистике межрегиональных банковских переводов: сетевой и геоинформацион-

посреднический товарооборот в России в 1899 г.⁵³ в совокупности составлял 7 345 млн руб., причем на оптовый оборот приходилось 39,3% (2 884 млн руб.), на розничный – 4461 (50,7%). Эти статистические данные, на которые опираются современные исследователи, ввели в научный оборот С.Г. Струмили и Г.А. Дихтяр. На основании издания «Статистики прямых налогов и пошлин. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий и дополнительный налог с не отчетных предприятий за <...> год», подготовленного Департаментом окладных сборов Министерства финансов, С.Г. Струмили вычислил объемы внутреннего товарооборота, а затем эти данные уточнил Г.А. Дихтяр, исключивший из его расчетов обороты по нетоварным операциям на конец XIX в.

На современном этапе представляется актуальным исследование не только традиционных источников по данной теме, но и документов самих торговцев, к примеру, путем анализа рекламы, размещенной на страницах периодической печати страны. Важное значение приобретает также изучение личных архивов, визуальных источников и интернет-источников. Такой подход позволит получить новые знания об эволюции внутренней торговли Российской империи XIX – начала XX в.

Ярмарки. Наиболее распространенной и типичной формой торговли в России второй половины XIX в. была ярмарка. В длинной череде повседневных забот радостным событием для сельских жителей становилась ярмарка, или «ярмонка». История ярмарочной торговли уходит корнями в древнее прошлое.

По определению В.И. Даля, ярмарка – это «большой торговый съезд и привоз товаров в срочное в году время, годовой торг, длящийся неделями»⁵⁴; синоним понятия – «большой сельский базар». Таким образом, базар и ярмарка – два вида одной и той же периодической торговли. Даль выделял ярмарки общие (в нашем понимании универсальные) и частные (специализированные). Словарь Брокгауза и Ефрона называет ярмарки «наиболее древней формой общения продавцов и покупателей. Они проводились на богомольях и во время храмовых праздников. Торговля здесь часто имела меновой, то есть безденежный характер»⁵⁵. Со временем ярмарки приобрели функции важных торгово-распределительных центров, куда к определенному сроку свозились с разных мест разнохарактерные товары, иногда из очень отдаленных районов и даже из чужих стран, оттуда товары развозились в другие места. Товаром запасались заранее, от ярмарки к ярмарке. К этому же времени приурочивались расчеты торговцев между собой.

Во второй половине XIX в. на всю Россию были известны ярмарки: Нижегородская, Ирбитская чайная, в Лебедяни, Мензелинская. Иногда ярмарки проводились в губернских городах и уездных центрах. Но, как правило, их функции

ный аспекты // Там же. 2021. № 4. С. 104–126. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37027.

⁵³ Россия 1913 год... С. 197–198.

⁵⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Репринт. Т. 4. М., 1991. С. 679.

⁵⁵ Россия: Энциклопедический словарь. Репринт. Л., 1991. С. 323.

выполняли базары. На базаре чаще совершали розничные сделки, покупали и продавали продукты питания и изделия кустарных промыслов и др.

Путь развития института российской ярмарки был иным, по сравнению с Западной Европой. Там он сформировался примерно в XII–XIII вв., начиная с простейших форм обмена между жителями небольших территорий. Затем из них выделились торги регионального масштаба, часть из которых эволюционировала в международные ярмарки. Ф. Бродель описал «безансонские ярмарки с их весьма мудреным механизмом, где объектом сделок были лишь деньги, кредиты и платежные средства». Их эстафету, как отмечал Бродель, подхватили биржи и торговые выставки⁵⁶. К концу XIX в. ярмарки в Западной Европе трансформировались преимущественно в коммерческие собрания, выставки, аукционы и расчетные палаты. Иной была восточная торговля, где столетиями в неизменном виде сохранялись атмосфера праздника, шума и гомона, а также шли знакомство, общение продавцов и покупателей с одновременной торговлей. В России ярмарки стали терять свое значение по мере развития паромного судоходства, сооружения железнодорожной инфраструктуры, активной деятельности государственных и частных банков и других кредитных учреждений. Крупные ярмарки к концу XIX в. превратились в «дисконтные центры», куда привозили не распроданный на местах товар. Но мелкие ярмарки не исчезали, еще долго сохраняя свою важность для населения, особенно отдаленных территорий.

Всего по обобщенным данным, в конце XIX в. в России были зарегистрированы 16 тыс. ярмарок (16 604) в 6 830 пунктах (в Европейской России – 14 048, Привисленском крае – 1 877, на Кавказе – 143, в Сибири – 447, Среднеазиатских владениях – 89). Большинство ярмарок (примерно две трети) – однодневные (10 667), около $\frac{1}{3}$ – собирались от двух до семи дней. Свыше недели вело торговлю лишь 3,15% ярмарок. Более месяца функционировали только 11 ярмарок империи. Те же тенденции просматривались и в оборотах: свыше 70% ярмарок продавали товаров на сумму не более 5 тыс. руб.

В советской историографии содержатся противоречивые сведения о роли ярмарок в торговле. В марксистском понимании ярмарки уступали место более развитым формам обмена – биржам, магазинам и т.д., следовательно, первоначальные их роль и значение сходили на нет. Современные исследователи приводят разноречивые данные советских историков о доле в общем товарообороте ярмарочной торговли: С.Г. Струмилин считал, что в конце XIX в. на ее долю приходилось 7–10%, Б.Н. Миронов применительно к середине XIX в. определял такой оборот товаров от 47 до 59% всей товарной массы. Эти положения нашли отражение и в учебной историко-экономической литературе.

В 1990-е гг. Б.А. Кругляк, используя материалы украинских и белорусских губерний начала XX в., пришел к выводу, что роль и судьба ярмарок в России не столь однозначны. По его мнению, они сумели «мирно вращаться в капиталистическую торговую систему»⁵⁷. В новейших научных трудах деятельность яр-

⁵⁶ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 29.

⁵⁷ Кругляк Б.А. Ярмарочная и базарная торговля в России в конце XIX – начале XX в. // Отечественная история. 1993. № 2. С. 165–172.

марок анализируется чаще по регионам, без выявления общих тенденций их деятельности. И это не случайно, в разных районах Российской империи ситуация складывалась различно.

В российской историографии сильно разнятся и количественные данные. По мнению Б.Н. Миронова, в середине XVIII в. существовало 627, в 1790-е гг. – уже 4044, а в 1850-х гг. – 5620 ярмарок. Эти же сведения приводят Н.В. Козлова и В.Р. Тарловская. На рубеже XIX–XX вв. число всех российских ярмарок (без Финляндии) составляло около 18,5 тыс.; их оборот – 1,1 млрд руб.; 84% ярмарок находилось на территории европейской части империи⁵⁸. Судя по подсчетам С.М. Ледрова, численность ярмарок в стране за пореформенные годы утроилась! Лидером по стоимостным оборотам ярмарочной торговли был Московский район, на долю которого приходилось проданных товаров на сумму 175 537 тыс. руб.

С.В. Филатова рассмотрела влияние на развитие ярмарок правовых ограничений: до 1863 г. лавочный торг в селениях был запрещен городским обывателям, а в тех торговых заведениях, собственниками которых стали крестьяне, торговлю ограничили лишь немногими предметами крестьянского обихода. Автор также указывает на существовавшие риски: разбои на дорогах; опасность везти большие суммы наличных денег; пьянство, распространение азартных игр. Но при этом С.В. Филатова отмечает и привлекательность ярмарок для населения, их популярность благодаря своим позитивным функциям – культурно-развлекательной и коммуникативной⁵⁹.

В 1876 г. была проведена перепись всех ярмарок, продолжавшихся три дня и более. Число их достигло 2825, а оборот (по продаже) составил 400 млн руб. Причем только на одной Нижегородской ярмарке товаров продали на 141 млн руб. Столь значительные размеры крупной ярмарочной торговли, свободной от всяких сборов, явно наносили ущерб постоянной торговле, облагавшейся налогом. В этой связи правительство решило распространить торговое обложение и на ярмарочную торговлю. 26 апреля 1883 г. был издан закон, по которому торговля на ярмарках, продолжавшихся более семи дней, облагалась торговым сбором. Для его взимания все ярмарки разделялись на пять разрядов (в зависимости от продолжительности): I – Нижегородская ярмарка, II – остальные, длившиеся более 21 дня; III – 15–21; IV – 8–14; V – менее 7 дней. Сумма дохода государства от этого налога оказалась небольшой – 300 тыс. руб. в год⁶⁰. Подобные правовые регламентации создали условия для мелких сезонных торгов, не облагаемых налогом.

На фоне расцвета простых и удобных для окраин ярмарочных торгов иначе складывалась судьба крупных ярмарок, продолжительность которых превышала 7–10 дней.

Региональные особенности ярмарочной торговли. В 1860–1890-е гг. ярмарки переживали одновременно «взлет» и трансформацию. «Взлет» связан с ростом

⁵⁸ Ледров С.М. Ярмарки Нижегородской губернии в конце XVIII–XIX вв. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф. ... С. 332.

⁵⁹ Филатова С.В. Ярмарка как основная площадка... С. 365–366.

⁶⁰ Там же. С. 368.

их числа и вовлечением в процесс купли-продажи новых (в смысле социальном, этноконфессиональном и географическом) представителей. На окраинах страны ситуация в ярмарочной торговле пореформенного периода складывалась по-разному. Вероятно, важными были как время присоединения данных территорий к Российской империи, так и степень интеграции в ее экономическое пространство. В Польше ярмарочная торговля сокращалась⁶¹, а в Дагестане стабилизировалась⁶², на Алтае наблюдались противоположные тенденции: в Буинском уезде ярмарки оставались единственным средством обеспечения товарами (причем, сохранялась меновая торговля), тогда как в других горных и предгорных районах региона ярмарки постепенно сокращались, уступая место более современным формам обмена⁶³. Территории, недавно вошедшие в состав империи и только включенные в общее экономическое пространство страны, как правило, переживали процесс численного роста ярмарок (Туркестанский край). Развитие ярмарочной торговли в Степи исследователи объясняют, с одной стороны, отсутствием стабильного транспортного сообщения, с другой – преимущественно кочевым образом жизни населения. Кроме того, государственная политика по интеграции территорий в общее пространство содействовала развитию именно ярмарок, где по «Временному Положению об управлении степными областями 1867–1868 гг.» можно было торговать на ярмарках без уплаты всяких пошлин.

Неразвитость ярмарочной торговли, видимо, обусловлена и природными условиями – как в Восточной Сибири, где суровый климат и малая плотность населения делали привлекательнее не ярмарки, но расположенные в городах (административных центрах) магазины и лавки, которые удовлетворяли потребности местных жителей.

Вне зависимости от динамики ярмарочной торговли в регионах в пореформенные годы здесь появились новые товары – книги и чай.

Приведем несколько примеров: в Акмолинской обл. (современный Восточный Казахстан, а в 1860-е гг. – Туркестанский край) число ярмарок в рассматриваемый период возросло с 3 (1858) до 334 (1913), а оборот 15 крупных ярмарок уже в конце XIX в. превышал 17 млн руб.⁶⁴ Здесь в процесс бурного роста ярмарок вовлекались местные народы, из числа которых вырастали свои бай, завязывались связи с разными национальными группами, и даже просматривалось проникновение национальных торговцев из окраинных провинций в столичную экономическую жизнь: местные разбогатевшие торговцы приобретали в собственность складские помещения на Нижегородской ярмарке, участвовали в финансировании строительства мечети в Санкт-Петербурге

⁶¹ Скубневский П.А. Польша в системе общероссийского рынка... С. 110.

⁶² Далгат Э.М., Абдулаева М.И. Роль торговли в экономической интеграции города и села... С. 14–22.

⁶³ Пустогачева Т.С. Развитие торговли в горном и предгорном Алтае во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 20.

⁶⁴ Шеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века и их роль в российско-азиатской торговле. Дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2002; Керейбаева А.С., Мамырбеков А.М., Левченко Т.П., Зиядин М.Т. Ярмарочная торговля купечества степного края во второй половине XIX – начале XX веков // Былые годы. 2019. Т. 3. № 53 С. 1201–1210.

и т.д.⁶⁵ Исследователи отмечают просветительские начала и продвижение культуры местными разбогатевшими купцами: Х. Бехметев спонсировал строительство мечети в Санкт-Петербурге, а Б. Ескаев организовал типографию.

Обзоры же Дагестанской обл. (приложения к «Отчетам военного губернатора») фиксировали стабильную ситуацию: в 1892 г. здесь насчитывалось 32 сельских базара во всех 9 округах, а в 1912 г. — 35⁶⁶.

В Западной Сибири железнодорожное строительство сопровождалось активным хозяйственным освоением, развитием ярмарок и одновременным сопровождением новых средств популяризации торговли. В Сибири в 1878 г. уже действовала Центральная контора объявлений, правда, там рекламировалась преимущественно винно-водочная продукция, но Сибирский торгово-промышленный календарь печатал рекламные сведения о самых разнообразных продуктах.

Трансформация ярмарок проявлялась, с нашей точки зрения, в удивительной приспособляемости этого вида торговли к реалиям времени и места. В степи продавали скот (коней, баранов, крупный рогатый скот), ярмарки здесь напоминали собой своеобразный город из множества юрт, где находились торговцы скотом. Кочевавшие отряды скотоводов к определенному дню сгоняли свои стада на продажу или обмен. Численность поголовья скота могла составлять до 5–10 тыс. голов.

За деньги от продажи барана можно было получить галантерейный или мануфактурный товар. Здесь в лавке (напоминавшей магазин) давали кредит или продавали в кредит товар, который потом развозили (разносили) по соседним аулам, приискам, селам знающие спрос и желания своих покупателей разносчики. На Руси их бы назвали «коробейники».

Обеспеченные торговцы из казахов формировали свои «кадры» — перевозчиков верблюдов, стражников караванов и гуртов. На таких ярмарках фактически формировалось новое направление обмена — торговое скотоводство. Купцы и предприимчивые крестьяне соседних регионов пользовались такой возможностью. В степном Заволжье на этом бизнесе выросли впоследствии целые предпринимательские династии (Шихобаловых-Курлиных и др.), возникли скотопромышленность и салотопенное дело (салотопенные заводы на р. Самара). Ситуация складывалась так, что возможно было за несколько лет активной работы на этом поприще «сколотить» миллионные состояния, чем воспользовались и в Степном крае, и в Заволжье.

Так ярмарка выступала точкой/местом обмена не просто товарами, но точкой пересечения двух разных миров (стилей жизни) — оседлого и кочевого, местом коммуникации представителей разных культур и знакомства с разными традициями, языками и материальными запросами и одновременно — развития капиталистической торговли.

«Приспосабливаясь» к местным условиям, ярмарки продвигали в глубинке не только российские (в том числе технические) новинки, но одновременно —

⁶⁵ Керембаева А.С., Мамырбеков А.М., Левченко Т.П., Зиядин М.Т. Ярмарочная торговля купечества степного края... С. 1207.

⁶⁶ Далгат Э.М., Абдулаева М.И. Роль торговли в экономической интеграции города и села... С. 15.

иные способы торговли (лавки и магазины, работавшие на ярмарках), формы расчета (денежный оборот, продажа в кредит).

Безусловно, в пространстве местного и всероссийского обмена просматривалась естественная целесообразность: ярмарки создавали не только социальные, но территориальные сети. Даты проведения ярмарок в европейской части страны издавна были приурочены к дням религиозных праздников. Они могли длиться несколько дней, давая возможность торговцам-оптовикам посетить сразу несколько торговых мест в разных губерниях. В Центральной России у каждой ярмарки были свои рыночные и промежуточные зоны влияния, сложившиеся еще в XVII–XVIII вв. Так, Ю.А. Мизис отмечает наличие сетевой структуры, например, между Козловом – Воронежем – Тамбовом – Моршанском, расстоянием примерно в 100 км. Почти с того же времени начали появляться династии купцов-посредников, которые «соединяли» города российского центра с периферией⁶⁷ (Т.С. Пустогачева отмечает, что на Алтае, в горных и предгорных районах существовали целые ярмарочные районы, а ярмарочные цепи давали возможность вести торговлю круглогодично)⁶⁸.

В Степном крае торговцы устраивали ярмарки, ориентируясь на работу таких крупных, как Нижегородская и Ирбитская. Закупая здесь партии промышленных и мануфактурных товаров (гвозди и другие металлические, скобяные изделия, галантерею и др.), они обеспечивали продвижение российских промышленных товаров от производителя к потребителю. О масштабах этой торговли можно судить по косвенным данным, по росту оборотов трех главных ярмарок – Константиновской (Акмолинской), Атбасарской и Таинчикульской. В 1880–1890-е гг. они сосредоточили до 70% стоимости всех привозимых в край товаров. На Константиновской ярмарке оборот вырос с 218 тыс. (1862) до 2,5 млн руб. (1870-е гг.) и 3 млн руб. (1880-е гг.)⁶⁹. Акмолинские купцы покупали склады и другие пригодные для хранения товаров помещения на Ирбитской и Нижегородской ярмарках. Исследователи отметили возможность и распространение кредитных отношений, когда, взяв товар, оптовик мог расплатиться за него через год на следующей ярмарке. Существование такого кредита говорило об устойчивости подобных контактов и высокой степени доверия среди участников сделки⁷⁰.

Рассмотрим эволюцию крупной ярмарочной торговли. Еще в начале XX в. член Государственного совета Российской империи В.И. Денисов изучал историю пяти ярмарок всероссийского значения – Нижегородской, Ирбитской, Харьковской, Киевской, Сибирской. В его труде представлен общий обзор ярмарок – хмелевых, степных, конских⁷¹.

⁶⁷ Мизис Ю.А. Внутренние торговые связи между городами Центрального Черноземья в XVII – начале XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. ... С. 90–92.

⁶⁸ Пустогачева Т.С. Развитие торговли в горном и предгорном Алтае... С. 12.

⁶⁹ Керембаева А.С., Мамырбеков А.М., Левченко Т.П., Зиядин М.Т. Ярмарочная торговля купечества степного края... С. 1207.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Денисов В.И. Ярмарки. СПб., 1911.

Их позитивный эффект, считал В.И. Денисов, состоял в освобождении ку-старя от «экономически разорительной зависимости от скупщика»⁷², а таким крупным (с мировым значением) ярмаркам, как Нижегородская, «еще долго придется играть» особую роль. «У нас нет специализированной торговли, — писал автор, — поэтому на ярмарке каждый выступает и покупателем, и продавцом одновременно»⁷³.

Современные исследователи внесли уточнения и дополнения в данные суждения В.И. Денисова. Действительно Нижегородская (в прошлом — Макарьевская) ярмарка продолжала сохранять особое значение во внутренней и международной торговле империи. Эта ярмарка обычно работала летом, с 15 июля, но все лавки здесь открывались 25 июля, в день св. Макария. По времени она была связана с Ирбитской ярмаркой. Такую последовательность проведения торгов, позволявшую купцам переезжать с одной ярмарки на другую, исследователи называют «ярмарочной цепью», подчеркивая тем самым единство и связанность внутреннего товарооборота, что было важно для фиксации начальных стадий развития национальных рынков. Но с 1880-х гг. оптовая торговля постепенно стала концентрироваться в Москве, где создавалась складская инфраструктура, обеспеченная логистикой железнодорожных перевозок. Эти обстоятельства постепенно вели к снижению роли Нижегородской ярмарки. Сказались и деятельность коммивояжеров, и введение дифференцированных тарифов.

Дифференцированный тариф для дальних грузов (так называемый Челябинский тариф 1893 г.) сделал несущественной разницу между водными и дальними железнодорожными перевозками. Традиционная логистика, как было отмечено выше, начала утрачивать свое значение с 1880-х гг.

Уже в конце XIX в. на ярмарке в Нижнем Новгороде предприниматели торговали, в основном, «по образцам». Наличный товар был представлен лишь пушниной, льном, металлическим полотном. Так ярмарка преобразовывалась в крупный выставочный центр, где можно было познакомиться с товаром, подписать необходимые документы, заключить сделки. К развитию специализированной торговли подталкивали и внешние перемены, если сюда продолжали ездить закупщики товара из степных районов, которые, пользуясь новой конъюнктурой, покупали складские помещения, заключали сделки в кредит. А покупатели товаров для Персии, Баку, Бухары стали приобретать товар из Одессы, привозимый по морю, существенно снижая тем самым объемы закупок на Нижегородской ярмарке. Она уже утратила свое присутствие и на востоке, и юге Российской империи, вместе с тем сохранила экспорт в Америку пушнины (до 80%), из тканей — преимущественно сукна; торговля хлопчатобумажными тканями сошла на нет, переместившись в Москву. Данный факт был обусловлен прямой заинтересованностью московских текстильных фабрикантов в выходе на восточные рынки сбыта своих изделий через всероссийское торжище. Не менее прочными были также торговые связи Нижегородской ярмарки с Поволжьем. До 80% приезжавших из этих рай-

⁷² Денисов В.И. Ярмарки. С. 1.

⁷³ Там же. С. 2.

онов торговцев имели связи с ярмаркой на протяжении свыше 10 лет, среди них 15% — свыше 50 лет. Фабрикант, если хотел, чтобы его товар пользовался широким спросом, должен был обязательно презентовать его на Нижегородской ярмарке. Поэтому не случайно в 1896 г. Нижний Новгород стал местом проведения XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки, последней и самой крупной в имперской России⁷⁴.

Еще одна новая функция Нижегородской ярмарки — это дисконт: сюда привозили то, что не было распродано в других торговых местах.

Для Поволжья ярмарка в Нижнем Новгороде по-прежнему сохраняла свое главное значение. Сюда пришел мелкий и средний продавец. Российский покупатель-оптовик ушел в Москву. Ярмарка сохраняла свое значение, писал В.И. Денисов, но уже «не определяла направления нашего торгового оборота»⁷⁵.

Обозначенные процессы и изменения на Нижегородской ярмарке увидеть было не просто. Рациональность поведения и избирательность купцов определялись и ее всероссийским охватом. По мнению современных исследователей, «всероссийскость» была видна в наличии «ярмарочной цепи», подстроенной под Нижний и связанной практически с другими крупными сезонными торгами всех районов Российской империи. Особенно это заметно «в связке» с Ирбитской ярмаркой: на Нижегородской ярмарке выписывались векселя, а на Ирбитской — они оплачивались.

Еще одна «всероссийская черта», отмеченная современными историками, проявлялась в усилении коммуникативных связей на Нижегородской ярмарке за счет прихода сюда мелких и средних торговцев, особенно из Поволжья, Центрального и Нечерноземного регионов, на долю которых приходилось 89% от всех ярмарочных торговых предприятий в 1890 г.⁷⁶, а также Кавказа и Сибири. Эта ярмарка собирала до 250 тыс. чел. Если в 1851 г. там торговали 2 470 фирм, то в 1870 г. — 4 060, т.е. этот показатель возрос более чем в 1,5 раза. В 1895 г. на ярмарке были представлены 118 торговых домов и 36 товариществ из 41 губернии⁷⁷.

Вторая по значению ярмарка страны — Ирбитская тоже вела отсчет своей истории с начала XVII в. (с 1613 г.) и проводилась с 25 января по 1 марта. Пик расцвета ярмарки в Сибири пришелся на 1880 г., когда ее обороты достигали 65–70 млн руб.⁷⁸ Железные дороги «урунили» ее значение: западные поставщики и покупатели (с Южного Урала), сократив закупки в Ирбите, стали вести операции в других районах⁷⁹. Проведение железнодорожного пути Екатеринбург — Тюмень в 110 км еще более «усугубило» положение ярмарки. Затем

⁷⁴ Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка в системе межрегиональных торговых связей России в XIX — начале XX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв.: сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф. ... С. 344.

⁷⁵ Денисов В.И. Ярмарки. С. 13.

⁷⁶ Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка... С. 341.

⁷⁷ Там же. С. 338.

⁷⁸ Денисов В.И. Ярмарки. С. 28.

⁷⁹ М.И. Роднов пишет об этом в связи с пуском железнодорожного сообщения в Уфе (1889) и с новой ориентацией грузов на Самару и Оренбург. См.: Роднов М.И. Волжско-Камский коммерческий банк... С. 50, 59.

ей был нанесен «новый удар» – пуск Сибирской железной дороги и введение с 1896 г. бандерольной рассылки «чая, одного из главных продуктов ирбитской торговли»⁸⁰. Изменился также рынок металлов и чугуна, который велся теперь «по образцам». Но ярмарка сохранила свое значение, снижение оборотов стало заметным лишь со второй половины 1890-х гг., при сохранении мирового значения как ярмарки пушнины и мехов. Район ее влияния оставался большим – Германия, Франция, Китай, Англия, вся Европейская Россия, Сибирь. Здесь обменивались товарами торговцы из киргизских степей, Туркестана, Маньчжурии и Монголии. Туркестанские и монгольские поставщики привозили на ярмарку свои товары домашнего обихода, по пути собирая с должников оплату – шкуры. Торговля здесь часто носила меновой характер.

Ирбитская ярмарка стала выполнять еще и распределительную функцию, как и нижегородская, но для своего района. Ирбитские фирмы самостоятельно закупали товары в московских фирмах и привозили в Сибирь, тем самым освобождая уральские и сибирские фирмы от дальних поездок. Формировался такой распределительный центр.

Третьей ярмаркой в XIX в. (после Нижегородской и Ирбитской) считалась Коренная – в Курской губ. Пик расцвета этой ярмарки пришелся на 1850–1860-е гг., хотя уже тогда многие предрекали ее скорое падение, которое было связано с продвижением торговли на юг. На первое место в этом регионе начал выходить Харьков, который, «находясь на половине торгового пути от севера к югу России и из кочевых степей к западу Европы», стал «естественным внутренним торговым перекрестком России». Последними ударами для Коренной были сооружение Московско-Курской железной дороги (1868) и перевод ярмарки в губернский центр – Курск (1877), где она окончательно потеряла «выдающееся значение для оптовой торговли и превратилась в торжковую или базарную»⁸¹.

В Харькове проходили ярмарки: Крещенская (6 января – 12 февраля), Троицкая (июнь), Успенская (15 августа – 1 сентября), Покровская (1 октября – 1 ноября). Там продавали преимущественно мануфактурные (т.е. промышленные) товары или сырье.

Троицкая ярмарка на Южном Урале, приуроченная ко времени стрижки овец, была главной шерстяной ярмаркой Юга и Кавказа, на осенних ярмарках торговали также сукном, бумагой.

Проходившая в Киеве Сретенская ярмарка (5–25 февраля) к концу XIX в. уже представляла собой явление нового порядка. Во время ее проведения предприниматели заключали контракты (на сахар, хлеб, меха, металл, каменный уголь, соль, лес). К началу XX в. ярмарка стала центром учета годового производства сахарной промышленности и ценовым барометром. Здесь же могли заключать подряды на сдачу в аренду земли и договоры по продаже городской земли, имений. Во время Сретенской ярмарки, как и Нижегородской, иногда проходили собрания акционеров.

⁸⁰ Денисов В.И. Ярмарки. С. 29.

⁸¹ Плаксин И.М. Курская Коренная ярмарка: от местного торга к международному и обратно. С. 25.

В Польше были распространены специализированные ярмарки – шерстяная (продавали за три дня до 70 тыс. пуд.), хмелевая (за три дня до 6 тыс. пуд.), где организовывали торговлю по типу аукционов. С 1887 г. здесь работали склады-магазины Госбанка. Магазин принимал на год партии от 1 до 45 мешков хмеля, беря за хранение комиссию в 1,5 коп. за пуд. Хмеля привозили сюда до 20 тыс. пуд. Действовал городской (2 коп. за пуд.) и гербовый сбор⁸². Однако, отмечал В.И. Денисов, торговля хмелем пошла здесь успешно лишь после устранения германских продавцов-конкурентов средствами запретительного тарифа для ввоза импортного товара.

Из всех названных выше тенденций в качестве главной следует отметить развитие специализированной торговли на ярмарках. Особенно это заметно в торговле скотом (лошадьми, баранами). Прежде всего отметим региональные ярмарки – Донскую (район Приднепровья, Кавказа, Волго-Донских территорий) и Мензелинскую (Волго-Камский район). Причем для разных нужд (армейских, рабочих, для скачек и т.д.) существовали свои рынки. На Мензелинской ярмарке (26 декабря – 6 января) продавались верховые лошади (жеребята, одиночки и табунами). Симбирская ярмарка была известна породистыми лошадьми. Сюда приезжали покупатели из Москвы, из-за границы (Австро-Венгрии). Скот покупали для армейских нужд. Продавцы пригоняли до 1 тыс. голов из степных районов Зауралья, Петропавловска, Троицка, Бузулука. Непроданное поголовье гнали дальше, на следующие ярмарки (Самара, Буинск, Сарапул), которые были привязаны по срокам к Симбирской ярмарке.

Ярмарочная специализированная торговля всегда «привязана» к местным условиям: в Архангельске торговали рыбой, в лесном крае, в Козьмодемьянске (Казанская губ.) совершали самые большие сделки лесом. Лесом торговали в Гродно, а затем в Минске.

Как видим, в организации ярмарочной торговли в пореформенные годы постепенно, а потому не всегда заметно, происходили значительные перемены. Они были связаны с поиском института ярмарки как традиционного сезонного торга, своего места в условиях менявшихся обстоятельств, из которых главным, пожалуй, можно назвать железнодорожное строительство. Новые транспортные коммуникации создавали возможности постоянного, а не сезонного обмена, преимущества скоростного передвижения. Железнодорожные станции, со временем обраставшие своей складской инфраструктурой, изменяли логистику движения товара, становились средоточием других новаций времени (банковские операции), тем самым теснили классическую ярмарку. Крупные ярмарки, уже имевшие свой бренд, наработанные сетевые контакты и связи, искали и, как правило, находили свою специализацию, приспособлялись к велениям времени и развивали выставочную деятельность. Однако для успешности такого преобразования важен был субъективный фактор – активные предприниматели либо местная государственная власть, заинтересованные в развитии дела чиновники.

⁸² Денисов В.И. Ярмарки. С. 50–51.

Другая тенденция объяснялась развитием мелких и средних ярмарок, ориентированных на местного покупателя. Рост числа ярмарок особенно был заметен в Степном крае, Заволжье, отчасти в Западной Сибири, районах активного хозяйственного освоения. Либеральное ярмарочное законодательство, упрощенная система регистрации, беспошлинная торговля создавали благоприятные дополнительные возможности для развития здесь купли-продажи традиционными товарами. Часто в источниках (губернаторских отчетах) отмечалось, что ярмарки похожи на базары (или неотличимы от них). Базары – сельские (еженедельные) и городские (проводившиеся 2–3 раза в неделю) по организации напоминали ярмарки, но были значительно меньшими по масштабу. Базары представляли собой разновидность оптово-розничной и иногда розничной торговли, что свидетельствовало о начавшейся дифференциации в сфере внутренней торговли. Но наиболее заметные перемены здесь, отмечают все исследователи, связаны с биржевой торговлей.

Купля-продажа товаров на ярмарках могла быть разной – от мелкой розничной покупки до крупной сделки, называемой оптовой торговлей. Как правило, оптовый торг вели купцы 1-й гильдии, знавшие дело, имевшие свободную наличность или репутацию серьезного делового человека. Такой купец – фактически профессиональный торговец, ездил по стране, формировал партии товаров (через местных скупщиков), сам определял товарный ассортимент, объемы закупок и цены. Купец-оптовик (в европейской традиции – негоциант) действовал в одиночку или с членами своей семьи. Занимались этой деятельностью товарищества и торговые дома (как организационные формы торговли), однако их было немного.

Биржевая торговля. Биржи представляли собой принципиально новое явление во внутренней торговле Российской империи. Хотя отчет их истории идет с начала XVIII в., с повелений Петра I, силою государственных установлений власть не могла воздействовать на развитие организованной биржевой торговли⁸³.

В начале XIX в. в стране действовало шесть бирж – Московская, Санкт-Петербургская, Рыбинская, Одесская, Варшавская, Архангельская. Места их расположения представляли собой крупные торговые центры и порты всероссийского значения – морские (Петербург, Одесса, Архангельск) и речные (Рыбинск). На время работы Нижегородской ярмарки открывалась Нижегородская ярмарочная биржа (1848) и действовала как филиал Московской биржи.

В течение первой половины XIX столетия биржи открывались по инициативе с мест, одновременно получая законодательное, институциональное, организационно-правовое оформление. К началу пореформенного периода определились правила создания этих представительных организаций торгового сословия (биржевых комитетов, утверждение уставов), юрисдикция (подчинение с 1864 г. департаменту торговли и мануфактур Министерства финансов).

Развитие, а затем и расцвет биржевых торгов связан с пореформенным периодом. Биржи как всесословные (а не только купеческие) самоуправляемые

⁸³ См.: Лизунов П.В. Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII – начало XX вв.).

организации предпринимателей в 1860-е гг. стали возникать инициативно на местах. За это десятилетие открылись восемь новых бирж — Иркутская, Киевская, Тульская, Казанская, Рижская, Ростовская Харьковская, Самарская (Иркутская и Тульская оказались нежизнеспособными). В 1870-е гг. в регионах страны были образованы еще пять бирж: Астраханская, Саратовская, Ревельская, Перновская и Орловская. Новые уставы регистрировали также работавшие давно Московская и Варшавская биржи.

В 1880-е гг. работали 11 (наибольшее число) бирж: Либавская, Нижегородская, Бакинская, Елецкая, Таганрогская, Лодзинская, Царицынская, хлебные — Калашниковская (Петербург), Московская, Воронежская, Елизаветградская.

Рождение и распространение биржевой торговли было связано с необходимостью переноса торгов с ярмарки, базара или пристани в новое, специально построенное здание, с легализацией (значит, и налогообложением) всех сделок, ведением учета и отчетности, использованием новых возможностей (телеграфа, банковских услуг и т.д.). Одновременно это было время роста экономического могущества местной бизнес-элиты и осознания ею своих региональных возможностей и потребностей. Все это проявлялось в сборе средств на строительство зданий бирж, в представительстве интересов в органах местного управления. Это было время осознания торгующим сословием (классом) своих групповых интересов. Практически все современные исследователи биржевой торговли отмечают, что первое время «теория и практика», традиции и новые преимущества оптовой торговли были разделены.

Например, биржа в Рыбинске уже в 1840-е гг. притягивала к себе почти четверть продаваемого в Европейской России зерна, но сделки велись на местной пристани. Построенное в дореформенное время (на условиях частногосударственного партнерства, при котором доля частных средств не превышала $\frac{1}{7}$ части) здание биржи начали активно использовать лишь в 1880-х гг. Если в 1849 г. были куплены всего 146 биржевых билетов, то в 1880-е гг. их число колебалось в пределах 525—1 210⁸⁴.

В Рыбинске, небольшом уездном городке, торговля хлебом кормила многих. Если в зимнее время число горожан не превышало 17 тыс., то летом оно возрастало до 100 тыс. чел.⁸⁵

Похожей была ситуация и в Самаре. Официально здесь открыли биржу в 1869 г. Хотя торговля активно велась на пристани Волги примерно с 1850 г., собственное здание биржа получила два десятилетия спустя. Несмотря на официальное открытие биржевых торгов, наличие собственного здания, привычка вести торговлю в прежних местах (на ярмарках, пристанях) еще долгие годы сохранялась. И только в 1880-е гг. биржевые здания повсеместно стали использовать по прямому назначению.

Городские биржи были преимущественно универсальными, хотя главный товар определялся практически сразу: Киев — сахар; Витебск — лен и лес;

⁸⁴ Новоторцева А. М. История Рыбинской биржи (По материалам отчета профессора А. С. Невзорова) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 3(45). С. 12—17.

⁸⁵ Там же. С. 13.

Одесса – хлеб и валюта; Феодосия, Николаевск, Самара, Саратов, Рыбинск – хлеб; Кременчуг, Херсон – мука, лес.

Профессор Юрьевского университета А.С. Невзоров по завершении командировки по 15 городам России, где действовали биржи (1896), дал описание торговых мест и первую характеристику биржевой деятельности. Министерство финансов, проводившее совещание относительно биржевой торговли в начале 1890-х гг., пришло к заключению: «влияние бирж на экономическую жизнь ошибочно преувеличено»⁸⁶.

Биржевая торговля – дело профессиональное. Здесь работали специалисты – эксперты, маклеры, артельщики – люди, знавшие реальное положение торговли в данной местности, примерный расклад групповых интересов покупателей и продавцов. Эта сторона биржевой жизни пореформенного периода недостаточно полно отражена в современной историографии⁸⁷. Наибольшая часть исследователей анализируют деятельность бирж как представительных, а не экономических организаций.

Существуют и противоположные оценки их роли в конце XIX в.: как неотъемлемого института внутренней торговли (П.В. Лизунов) или представительной организации, а не экономической (Л.М. Епифанова⁸⁸, И.А. Шандра). И.А. Шандра в статье, посвященной деятельности украинских и белорусских бирж рассматриваемого периода, пишет об их преобладающей общественно-политической, представительской, а не экономической функции. Полагаем, что выводы, сделанные на основании региональных материалов, некорректно переносить на всю империю. В целом современные исследователи достаточно много внимания уделяют правовым аспектам работы товарных, особенно фондовых, бирж (В.А. Шерстобитова, Р.М. Старовецкий, П.В. Лизунов, Г.А. Жолобова и др.).

Всего в конце рассматриваемого периода в империи работала 31 биржа. Это были товарные биржи, и как видим, некоторые из них – специализированные (хлебные), т.е. биржевая (организованная оптовая) торговля становилась естественным регулирующим рыночным механизмом хозяйственной жизни страны⁸⁹.

Магазины. Магазиновая, лавочная и в целом розничная торговля применительно к истории 1860–1890-х гг. исследована российскими учеными недостаточно. Вероятно, это обусловлено тем, что правовое пространство функционирования магазинной торговли не было разработано, да и сам институт как устойчивая, сложившаяся практика розничной торговли с постоянными ценами находился на стадии становления. В словаре В.И. Даля «магазин» – здание

⁸⁶ Шандра И.А. Биржи как форма представительства интересов предпринимателей пореформенного периода (На примере украинских и белорусских губерний) // Ученые записки Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Т. 20. Витебск, 2015. С. 62.

⁸⁷ Щербинин С.С. Становление и развитие биржевой торговли в России. 1703–1914 гг. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011.

⁸⁸ Епифанова Л.М. Московская биржа как представительная организация крупной буржуазии (1870–1913 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 235–261.

⁸⁹ Лизунов П.В. Биржи // Экономическая история с древнейших времен до 1917 года Т. 1. М., 2008. С. 233–234.

или помещение для склада или хранения каких-либо запасов⁹⁰. Слово «магазин» («магазей», «гамазей») употреблялось в качестве синонима слова «лавка» и рассматривалось и как место хранения и продажи товара.

На становление и развитие магазинной торговли серьезно повлияли произошедшие в XIX в. поистине революционные изменения в транспортной и финансовой инфраструктуре страны. Модернизация в экономике ускорила процесс производства товаров, поэтому возникла необходимость их продажи в стационарных торговых предприятиях, перехода к цивилизованным формам торговли. Сеть магазинной торговли возникала, как правило, в центральных районах столичных и губернских городов. Они располагались на главных улицах — артериях города и соседствовали как с ресторанами, трактирами, так и с гостиницами, а также с культурно-просветительными учреждениями и банками. В XIX в. магазины открывались по инициативе предпринимателей практически во всех губернских и уездных городах, а также в крупных торгово-промышленных селах. Основой для их создания в столицах были торговые ряды (пассажи) и гостиные двory, которые, как правило, размещались в центре городских пространств (например, Солодовниковский и Александровский, Лубянский, галерея Голицына и др.). В Москве торговое пространство находилось у стен Китай-города, между Красной площадью и улицами Никольской, Ильинкой и Варваркой. Сюда же можно включать и рынок на Охотном ряду, Лубянку с фруктовой ярмаркой и Балчуг.

Модные магазины и мастерские по производству одежды находились в Китай-городе, на Тверской, Кузнецком мосту и Мясницкой. 76 розничных магазинов Верхних торговых рядов предлагали покупателям модную одежду, белье, шляпы, платки, зонтики, кружева и прочие товары. Трансфером французской моды в Москве занималась модельер Надежда Ламанова (Андруцкая), которая ежегодно ездила в Париж и закупала товары у местных модельеров. Она владела и магазином галантерейных товаров на Большой Дмитровке.

В губернских городах предприниматели располагали свои магазины в зданиях на центральных улицах и в исторической части. Горожанин, отправляясь за товарами в магазины, обычно говорил, что он едет в город. Эта формула по традиции сохранялась и в советский период. К концу XIX в. магазины занимали целые улицы, выстраиваясь один за другим. Так было в Твери, Новгороде, Воронеже, Самаре, Казани, Симбирске и других городах. Развитие магазинной торговли отвечало возросшим потребностям населения, которое могло приобрести товары, не дожидаясь проведения очередной ярмарки. К тому же резко возрос потребительский спрос городского и сельского населения как на товары отечественного фабричного и заводского производства, так и на импортные «колониальные» товары.

Магазины часто имели персонифицированный характер и назывались по имени «магазинщика» — его владельца. Такая практика применялась и к пассажирам. Таковым был, например, пассаж московского предпринимателя Попова на Кузнецком мосту, д. 13. В Самаре 1880-х гг. магазин купца Санина приобрел широкую известность — уже тогда ценники имелись на всех его товарах.

⁹⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 287.

Губернская статистика того времени учитывала все торговые точки, включая аптеки и трактиры, не делались различия между каменными и деревянными строениями. Только в 1898 г. «Положение о государственном промысловом налоге» разделило предприятия стационарной торговли в зависимости от оборотов на четыре разряда. В первый вошли оптовые магазины и склады, остальные разряды предполагали смешанную оптово-розничную и розничную торговлю (лавки и магазины), различия определялись размером годового оборота – от 300 до 10 тыс. руб. Критерием для оптовых предприятий также служило наличие наемных работников и служащих. Торговыми считались и заведения, которые имели торговый патент, но фактически не были связаны с торговыми операциями (кредитные, страховые компании и т.д.).

В новейшей российской историографии принято рассматривать магазинную торговлю на микроуровне – отдельной фирмы, предпринимателя, продающих те или иные группы товаров (например, Елисеевский магазин в Москве и Петербурге). Исследователи фиксируют появление в торговом пространстве «новых» товаров – колониальных (заморских) и чая. Книги в Европейской России распространяли земские книжные склады – продавали их библиотекам и школам со скидкой. Кроме того, существовала разветвленная сеть офеней, развозивших книги в регионы России. Книги продавали и на ярмарках, но чаще в магазинах, в том числе при типографиях, их печатавших. В Москве книжный рынок существовал на Никольской. Книги можно было купить в книжном магазине в Верхних торговых рядах, у решеток университета и Александровского сада, а также в книжном магазине Пассажа в Санкт-Петербурге. Букинистической торговлей занимались в Москве Т.Ф. Большаков и предприниматели династии Шибаловых, на Сретенке у Сухаревой башни и Китайгородской стены. В Санкт-Петербурге в 1874 г. И.Г. Мартынов открыл книжный магазин «Букинист».

Торговля чаем активизировалась как в двух столицах, так и в других городах: Одессе, Астрахани, Самарканде, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Казани, Самаре, Уфе, Челябинске, Перми, Кунгуре, Екатеринбурге, Тюмени, Кургане, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Кяхте, Сретенске, Благовещенске.

Предприниматели вели торговлю со складов, через коммивояжеров, а также через собственные конторы. Расфасованный чай, произведенный на фабриках товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К°», через масштабную торговую сеть, охватившую большую часть Российской империи, стал доступным для всех категорий ее населения. Реклама товарищества сообщала покупателям, что через свои конторы фирма «внимательно следит за качеством обращающегося продукта и за потребностями спроса и предложения на чайном рынке». Ежегодно только развешенного чая продавалось до 28 млн фунтов.

«Движение» чая на региональном рынке на примере Самарской губ. исследовано П.С. Кабытовым и Е.И. Чепурновой. Они отмечают, что во второй половине XIX в. чай продавался не только в губернских, но и уездных городах, а также в крупных торговых центрах⁹¹. История чайной торговли в одном из

⁹¹ Кабытов П.С., Чепурнова Е.И. Китайский чай в структуре самарской торговли // Центр и периферия. 2017. № 1. С. 4–8.

многонациональных районов России – Уфимской губ. рассмотрена в статье М.И. Роднова и В.Н. Макаровой⁹².

Новым явлением в торговле стало включение магазинов в социокультурную сферу городского пространства. Так, в Пассаже Санкт-Петербурга, в котором можно было купить все, помимо магазинов были открыты кафе, ресторан, концертно-лекционный зал, позднее трансформировавшийся в театр. Здесь же находились выставка восковых фигур и зверинец. Посетители могли ознакомиться с разнообразными панорамами. Так Пассаж стал еще и излюбленным местом отдыха и общения горожан.

В последние десятилетия в исследовании проблем внутренней торговли в России 1860–1890-х гг. наметились разнообразные направления и исследовательские темы. Среди них – региональный подход в изучении этно-конфессиональной специфики, взаимосвязи экономической политики и аккультурации народов отдаленных территорий, институциональных, культурологических и гендерных аспектов. Слабо изученными аспектами внутренней торговли, по нашему мнению, остаются: конъюнктура рынков различных товаров, а также их цены и ценовое регулирование в городах и сельских ярмарках; изменения в уровне жизни и потребительского стандарта жизни населения.

Внутренняя торговля Российской империи в 1860–1880-е гг. представляла собой сложное переплетение традиций и новаций. Первые проявлялись в сохранении всех прежних видов и форм торговли, сложившихся практик, налогового обложения торговцев и промыслов. Среди новых явлений особенно заметными стали формы, связанные с разделением оптовой и розничной торговли (биржи, магазины, торгово-промышленные выставки), а также способы оплаты (безналичные расчеты). Рубежом здесь, пожалуй, можно назвать 1880-е гг., а событиями – развитие железнодорожного сообщения и распространение в провинции региональных отделений столичных банков и компаний.

Из общего пространства внутреннего обмена, помимо столиц, быстро и ярко высветились новые экономические центры, имевшие все преимущества современной эпохи. Это меняло траектории передвижения и пункты притяжения товаров и, в свою очередь, – конфигурации местных региональных рынков. Карта торговой жизни империи становилась более разнообразной. Новые центры обустроивались сопутствующей инфраструктурой, что выдвигало на историческую сцену новых капиталистов, как правило, владевших современными технологиями обмена (банковскими, прежде всего). Все это было очевидным для людей того времени, стремившихся «держать руку на пульсе»: экономические изменения стали изучать и власть, и бизнес, и научные сообщества (Русское географическое и Вольное экономическое общества, Московское общество сельского хозяйства и др.). Однако реальные последствия перемен обозначились уже в новом столетии.

В первые пореформенные десятилетия проявилась тенденция «либерализации» внутренней торговли, позволившая всем сословиям заниматься этим видом

⁹² Роднов М.И., Макарова В.Н. Торговля чаем в Уфимской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Самарского университета. Сер. История, педагогика, филология. 2016. № 2. С. 25–33.

деятельности («Положение о сборах пошлин за право торговли» 1863 г.). Институциональная «свобода», свободные рыночные «ниши» в новых торговых местах, с одной стороны, и наличие семейных торговых капиталов среди небольшой части торгующего сословия — с другой, создали благоприятные для быстрого роста практически в каждом регионе богатой «прослойки». Она состояла преимущественно из местных купцов, богатых крестьян, которые сумели воспользоваться ситуацией, быстро нарастить обороты и получить первые миллионы.

Часть этих людей уже в дореформенные годы владели лавками, магазинами, складами, вели торговлю традиционными (*дедовскими*) способами — на веру. В новые времена они быстро внедряли те новации, которые несла с собой эпоха (расчеты по векселям, использование заемных банковских средств). Зачастую, имея традиционную юридическую форму торгового дома, предприниматели углубляли специализацию (например, монополизируя торговлю таким «новым» товаром, как чай) или (иногда одновременно) расширяли свой бизнес за счет вложения средств в другие сферы (банковское дело (С. Поляков, В. Кокорев, И. Гинцбург⁹³), промышленное производство, земельные приобретения в России либо за границей). Такие торговцы в условиях пореформенного времени объективно становились активными сторонниками модернизации.

Пореформенные годы в истории российской внутренней торговли стали судьбоносными. Сложившийся, привычный и достаточно стабильный уклад дал «серьезную трещину», проявлявшуюся в течение жизни всего одного-двух поколений, которые увидели новые, дотоле неведомые горизонты и перспективы развития бизнеса. Те, кто сумел овладеть ими, рискуя при этом, составили когорту первых российских «миллионщиков». Это первое поколение миллионеров было глубоко религиозным, этноконфессиональным (евреи, мусульмане, старообрядцы), активно занималось благотворительностью. Вероятно, осознание несправедности быстрых «бешеных денег» (выражение А.Н. Островского) наложило отпечаток на мировоззрение этого поколения российских торговцев, которые наряду с бизнесом активно включались в социокультурную сферу. Среди них мы видим благотворителей, меценатов, устроителей школ и училищ, церквей, монастырей и т.д. Сфера обмена, невероятно расширившаяся благодаря «открытию мира» и регионов через железные дороги и новые товары, стала одним из основных факторов модернизации всей российской экономики.

Власть, осознавая сложность начавшихся «тектонических сдвигов» в торговле, не торопилась с утверждением новых правил: ее выжидательную позицию отражали институциональная неопределенность, достаточная лояльность к старому и осторожность в отношении всего нового. Это иллюстрирует биржевая торговля, которая в регионах «перетянула на свою сторону» привычную, припортовую торговлю и сделки на вере на свою сторону в течение 15–25, иногда и более лет. Лишь в 1898 г., после принятия «Положения о государственном промысловом налоге», власть четко обозначила свои налоговые (фискальные) интересы в торговле.

⁹³ См.: Морозан В.В. Деловая жизнь на юге России в XIX — начале XX века. СПб., 2014; Роднов М.И. Волжско-Камский коммерческий банк.; Лизунов П.В. Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» и его владельцы.

Библиография

- Chapman S.D.* Merchant Enterprise in Britain From The Industrial Revolution to World War I. Cambridge: Cambridge Union Press, 1992. 339 p.
- Hartley J.* The Volga: a History of Russia's Greatest River // Российские исследования. Т. 2. 2021. № 1. С. 58–72.
- Hartley J.M.* The Volga: A History of Russia's Greatest River. California: California Press, 2020. 352 p.
- Russian Empire. Space. People. Power. 1700–1930. Indiana: Indiana University Press, 2007. 538 p.
- Tagirova N.* The Volga – Don Road to the Black Sea: evolution and reality of the XIX century // Between Grain And Oil From the Azov to the Caucasus: the Port-Cities of the Eastern Coast of the Black Sea. Late, Late 18th – Early 20th Centuries. Black Sea History Project Working Papers. Vol. 3 / G. Harlaftis, V. Konstantinova, I. Lyman (eds). Grete: Centre of Maritime History; Institute for Mediterranean Studies-Foundation of Research and Technology, 2020. P. 33–60.
- Абдрахманов К.А.* Трудовая повседневность купечества Оренбургской губернии в пореформенный период (1865–1914 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург: [б.и.], 2019. 323 с.
- Александров Ю.Л.* Эволюции торговли и ее роль в развитии экономики. Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Новосибирск, 2003.
- Аузан А.А.* Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: Изд-во АСТ, 2022. 160 с.
- Бернштейн У.* Великолепный обмен. История мировой торговли / пер. с англ. М.: Изд-во АСТ, 2014. 508 с.
- Биленко Н.А.* Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений как исторические источник для изучения внутренней торговли Российской империи второй половины XIX в. // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 4–9.
- Богородицкая Н.А.* Нижегородская ярмарка в системе межрегиональных торговых связей России в XIX – начале XX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф. (Нижегород, 28–30 сентября 2017 г.). Н. Новгород: ИП Якушов, 2018. С. 338–345.
- Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 128 с.
- Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е.* Базар и город: пространства, образы. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2019. 288 с.
- Далгат Э.М., Абдулаева М.И.* Роль торговли в экономической интеграции города и села в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 2(39). С. 14–22.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Репринт. Т. 2. М.: Русский язык, 1989. 780 с.; Т. 4. 1991. 685 с.
- Денисов В.И.* Ярмарки. СПб.: Типография В.Ф. Киришбаума, 1911. 139 с.
- Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Очерки истории Юго-Востока Европейской России / под ред. П.С. Кабытова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 296 с.
- Ерошкин А.Н.* «Торгово-промышленная карта Европейской России» // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М.: Изд-во РОССПЭН, 2009. С. 933–934.
- Епифанова Л.М.* Московская биржа как представительная организация крупной буржуазии (1870–1913 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М.: Российская политическая энциклопедия («РОССПЭН»), 1999. С. 235–261.
- Заидуллин И.К., Багаутдинова Х.З., Байбулатова Л.Ф.* Проблема дня отдыха торговых заведений мусульман в петициях татар Казани в конце XIX – начале XX в. // Эхо веков. 2015. № 3–4. С. 47–65.
- Кабытов П.С., Чепурнова Е.И.* Китайский чай в структуре самарской торговли // Центр и периферия. 2017. № 1. С. 4–8.
- Керейбаева А.С., Мамырбеков А.М., Левченко Т.П., Зиядин М.Т.* Ярмарочная торговля купечества степного края во второй половине XIX – начале XX веков // Былые годы. 2019. Т. 3. № 53. С. 1201–1210.
- Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Изд-во «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. 608 с.

- Корнеева Ю.В.* Из истории развития торговли в городах Среднего Поволжья во второй половине XIX века // Новый исторический вестник. 2017. № 3(53). С. 53–62.
- Корнилов А.А.* Купечество Терской области во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012.
- Лейман И.И.* Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007.
- Кругляк Б.А.* Ярмарочная и базарная торговля в России в конце XIX – начале XX в. // Отечественная история. 1993. № 2. С. 165–172.
- Летина Н.Н.* Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.). Автореф. дис. ... канд. культурологии. Ярославль, 2009.
- Ледров С.М.* Ярмарки Нижегородской губернии в конце XVIII–XIX вв. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф. (Ниžний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.). Н. Новгород: ИП Якушов Ю.И., 2018. С. 330–338.
- Лизунов П.В.* Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII – начало XX вв.). Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002. 245 с.
- Лизунов П.В.* Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» и его владельцы. СПб.: Изд-во «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2017. 288 с.
- Марасанова В.М.* Московские культурные практики в сфере торговли XIX века // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2(119). С. 159–166.
- Мулина С., Суворова Н.* Рецензия на: Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: пространства, образы. Иркутск, 2019 // Российская история. 2022. № 1. С. 225–230.
- Мизис Ю.А.* Внутренние торговые связи между городами Центрального Черноземья в XVII – начале XVIII в. Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.) / сост. А.И. Раздорский. Курск: Курский гос. ун-т, 2009. С. 90–92.
- Минаков А.С.* Годовые отчеты губернаторов как источник по торгово-экономической истории России XIX – начала XX вв. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.) / сост. А.И. Раздорский. Курск: Курский гос. ун-т, 2009. С. 215–220.
- Морозан В.В.* Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века. СПб.: Изд-во «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2014. 614 с.
- Мухина З.З.* Русская крестьянка в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 736 с.
- Новоторцева А.М.* История Рыбинской биржи (По материалам отчета профессора А.С. Невзорова) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 3(45). С. 12–17.
- Носова Е.А.* Хлебная торговля Западной Сибири во второй половине XIX века. Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.
- Плаксин И.М.* Курская Коренная ярмарка: от местного торга к международному и обратно // Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI–XIX вв.: сб. материалов Третьей междунар. науч. конф. / ред.-сост. А.И. Раздорский. М.; Коломна: Московский гос. обл. социально-гуманитарный ин-т, 2015. С. 21–29.
- Поткина И.В.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России XIX – первая треть XX в. М.: Изд-во «НОРМА», 2009. 302 с.
- Прохоров Д.А.* Деятельность караймов – представителей торгово-промышленного капитала в Таврической губернии в середине XIX – начале XX вв. // Труды по еврейской истории и культуре: материалы XXII междунар. ежегод. конф. по иудаике / отв. ред. В.В. Мочалова. Сер. Академическая серия. М.: Изд-во Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2016. С. 286–309.
- Пустогачева Т.С.* Развитие торговли в горном и предгорном Алтае во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- Роднов М.И., Дегтярев А.Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX вв. Уфа: Изд-во Уфимской гос. акад. экономики и сервиса, 2008. 258 с.
- Роднов М.И.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.) Уфа: ДизайнПресс, 2012. 224 с.
- Роднов М.И.* Уфимский хлеб на зерновом рынке Волжского бассейна (вторая половина XIX – начало XX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материа-

- лов Четвертой междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.). Н. Новгород: ИП Якушов Ю.И., 2018. С. 370–375.
- Роднов М.И.* Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков). Уфа: КнигаПринт, 2020. 238 с.
- Роднов М.И., Макарова В.Н.* Торговля чаем в Уфимской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 2. С. 25–33.
- Россия: Энциклопедический словарь. Репринт. Л.: Лениздат, 1991. 922 с.
- Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 1995. 416 с.
- Селунская Н.Б.* Всероссийский аграрный рынок // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2008. С. 461–462.
- Сенюткина О.Н., Загидуллин И.К.* Нижегородская ярмарочная мечеть – центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX – начало XX вв.). Н. Новгород: Изд-во Нижегородского исламского медресе, 2006. 182 с.
- Скубневский П.А.* Польша в системе общероссийского рынка во второй половине XIX – начале XX в. // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов: сб. науч. тр. Омск: Омский аграрный ун-т им. П.А. Столыпина, 2015. С. 104–110.
- Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: Московский обществ. науч. центр; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. 312 с.
- Тагирова Н.Ф.* Организация зерновой торговли в России (начало XX в.). Опыт сетевого анализа // Экономическая история. Ежегодник. 2013. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 74–89.
- Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.) / сост. А.И. Раздорский. Курск: Курский гос. ун-т, 2009. 375 с.
- Ульянова Г.Н.* Верхние торговые ряды на Красной площади в Москве в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 49–75.
- Ульянова Г.Н.* Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е гг.: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М.: Ин-т рос. истории РАН, С. 140–169.
- Ульянова Г.Н.* Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 352 с.
- Филатова С.В.* Ярмарка как основная площадка и способ социальной коммуникации в конце XVIII – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.). Н. Новгород: Нац. Исследов. Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 363–370.
- Хаздан С.Е.* Владельцы еврейских типографий и книжное дело в Российской империи // Берковские чтения – 2015. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы III Междунар. науч. конф. М.: Науч. и издат. центр «Наука» Российской академии наук, 2015. С. 552–556.
- Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917 гг.). 2-е изд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2021. 660 с.
- Чжан Гуансян.* Роль Волжского водного пути в российской торговле зерном и лесом во второй половине XIX – начале XX в. // Российская история. 2021. № 3. С. 41–50.
- Шандра И.А.* Биржи как форма представительства интересов предпринимателей пореформенного периода (На примере украинских и белорусских губерний) // Ученые записки Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Т. 20. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2015. 232 с.
- Щеглова Т.К.* Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века и их роль в российской-азиатской торговле. Дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул: [б.и.], 2002. 527 с.
- Щербинин С.С.* Становление и развитие биржевой торговли в России. 1703–1914 гг. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011.
- Юсуф Ш.* Деятельность производственно-торговых предприятий и формирование торговых условий в Таджикистане в конце XIX и начале XX вв. // Вестник Таджикского национального университета. 2018. № 6. С. 33–42.
- Яковлева Т.Г.* Торговля по правилам и без: власть и торговцы в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 462 с.

Бессолицын А.А.*

Столичные электротехнические общества в дореволюционной России: деятельность, прибыли, дивиденды

Аннотация. В статье на основе архивных документов, статистических справочников, а также опубликованных отчетов проанализирована деятельность официально зарегистрированных столичных акционерных электротехнических обществ. Именно в Санкт-Петербурге находились наиболее крупные и успешные (в основном преобразованные из филиалов германских и бельгийских акционерных обществ) компании, которые в условиях развернувшейся на рубеже XIX–XX вв. экономической модернизации получили мощный импульс развития и обеспечивали электричеством другие отрасли промышленности, а также частных потребителей. Развитие в столице электротехнических предприятий стало приоритетным не только по причине официального утверждения их уставов в Департаменте торговли Министерства финансов (после 1906 г. — в Министерстве торговли и промышленности). Дело в том, что именно здесь располагались ведущие промышленные предприятия обрабатывающих отраслей, работавшие на оборону, получавшие крупные государственные заказы и являвшиеся основными потребителями электроэнергии. Это, в свою очередь, позволяло акционерным электротехническим и электрическим компаниям получать высокие прибыли, наращивать свои акционерные капиталы, выпускать дополнительные акции и выплачивать ежегодные дивиденды акционерам. Основные показатели деятельности анализируемых акционерных обществ представлены в 16 таблицах.

Ключевые слова: электротехническая отрасль, модернизация, акционерные компании, основной капитал, чистая прибыль, дивиденд.

Введение

Модернизация рассматривается в научной литературе как процесс общественных преобразований, в результате которого менее развитые общества приобретают характерные черты более развитых¹. Ключевым фактором российской дореволюционной модернизации стало техническое и особенно — военно-техническое превосходство Запада, которое вынуждало заимствовать его технику и перенимать необходимые для ее использования экономические и социальные порядки².

Концентрированное выражение государственной политики в области модернизации содержится в секретном докладе императору Николаю II министра финансов С.Ю. Витте «О положении нашей промышленности» (февраль 1900 г.). Доклад дает возможность в обобщенном виде представить реальную ситуацию в стране и конкретные правительственные меры по развитию индустриализации. В нем отсутствует слово «модернизация», но он раскрывает ее

* Бессолицын Александр Алексеевич — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Центр экономической истории ИРИ РАН, A_Bessolitsyn@mail.ru

¹ См.: Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 1380–1382.

² Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. С. 33.

смысл и позволяет довольно ясно судить о государстве как инициаторе модернизационного процесса в Российской империи³.

Развернувшаяся на рубеже XIX–XX вв. масштабная модернизация экономики России стала следствием реформ 1870–1880 гг., направленных, прежде всего на развитие промышленного потенциала страны. В первую очередь это коснулось столичного региона и Санкт-Петербурга, в котором были сосредоточены крупные промышленные предприятия в основном обрабатывающих отраслей, ориентированные на получение государственных заказов в интересах укрепления обороноспособности государства.

В свою очередь развитие промышленности стимулировало рост энерговооруженности предприятий столицы и Северо-Западного промышленного района. Это дало толчок к учреждению акционерных электротехнических и электрических компаний, трансформировавшихся в основном из филиалов иностранных фирм (прежде всего немецких и бельгийских). Отметим, что на петербургскую промышленность приходилось свыше 17% всего иностранного капитала, вложенного в промышленность России. При этом в столице сосредоточилось почти 50% всего иностранного капитала, инвестируемого в металлообрабатывающую и машиностроительную отрасли⁴.

Преобразование филиалов иностранных компаний в российские акционерные общества положило начало формированию на рубеже веков новой отрасли. Она включала собственно электротехнические предприятия, производившие динамо-машины, аккумуляторы, электродвигатели, трансформаторы и иное оборудование, кабельные и электроламповые заводы, фабрики по производству телефонного и телеграфного оборудования, а также электрические трамваи и предприятия, обеспечивавшие электричеством частных потребителей, государственные и общественные учреждения, другие отрасли промышленности.

Одним из первых дореволюционных исследователей, оценивших влияние иностранного, прежде всего германского, капитала на развитие российской электротехнической промышленности, был экономист, общественный деятель и журналист В.С. Зив. На основании компетентных бельгийских и немецких источников, а также докладов правлений соответствующих обществ он пришел к выводу, что фактическими хозяевами предприятий по электрическому освещению являлись немцы⁵. Это же касалось и электротехники, в которой германская электротехническая промышленность заняла почти монопольное положение. Автор обратил внимание на тот факт, что почти все электротехнические компании, так или иначе, были связаны с участием германского капитала⁶. Всего В.С. Зив дал характеристику семи электротехническим предприя-

³ *Vimpe С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 4. Кн. 1. М., 2006. С. 316–328.

⁴ *Загоруйко М.М.* «Виккерс» в России: Материалы для разработки проблематики иностранного капитала и государственно-частного партнерства в военной, нефтяной и электротехнической отраслях промышленности России и СССР. Волгоград, 2012. С. 21.

⁵ *Зив В.С.* Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. 1: Германские капиталы. Пг., 1915. С. 10.

⁶ Там же. С. 28–29.

тиям и семнадцати электрическим, которые «выросли» из филиалов немецких фирм⁷.

Эту точку зрения разделял известный специалист в области изучения экспансии германских капиталов в русскую электроиндустрию В.С. Дякин, считавший, что решающие позиции в русской электротехнической промышленности в годы первого подъема захватил именно германский капитал⁸.

Дореволюционный российский экономист и исследователь германских капиталов И.И. Левин, рассуждая об электротехнических предприятиях, подчеркивал, что все они «пользуются почти исключительно немецкими товарами. Не говоря уже о сырье и полуфабрикатах, по возможности и готовые продукты привозятся в Россию в форме частей»⁹.

Однако позднее, по мере трансформации иностранных филиалов в российские акционерные общества, начался процесс локализации промышленного производства на территории России. Так, уже к 1913 г. более половины электрических машин и электрооборудования, используемых в стране, производилось на ее заводах¹⁰. При этом наибольшее развитие получило производство кабелей как одного из наиболее простых видов электротехнических изделий. Накануне Первой мировой войны кабельное производство в России почти полностью покрывало ее внутреннюю потребность в электрических проводах¹¹.

Самые крупные и успешные электротехнические предприятия располагались в Санкт-Петербурге. Согласно опубликованным данным статистики акционерного дела за 1897 г. в России официально действовали девять электротехнических обществ, а правления шести из них (67%) были в столице¹². По сведениям Департамента окладных сборов Министерства финансов, на 1 января 1908 г. насчитывалось всего 20 электротехнических и электрических компаний. Правления 11 из них (55%) находились в Санкт-Петербурге¹³. Наконец, по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов на 1917 г. из 55-ти акционерных электротехнических и электрических предприятий правления 34-х из них (62%) находились в Петрограде¹⁴.

Таким образом, на протяжении становления и развития электротехнической отрасли в России на рубеже XIX–XX вв. Петербург лидировал по количеству расположенных в нем правлений соответствующих акционерных обществ.

⁷ Зив В.С. Иностранные капиталы... Вып. 1. С. 103–104.

⁸ Дякин В.С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971. С. 31.

⁹ Левин И.И. Германские капиталы в России. СПб., 1914. С. 68.

¹⁰ Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 39.

¹¹ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 143.

¹² Подсчитано по: Статистика акционерного дела. Вып. 1. СПб., 1897. С. 55–56.

¹³ Подсчитано по: Акционерные, паевые и другие отчетные предприятия, подлежащие обложению государственным промысловым налогом на 1-е января 1908 г. СПб., 1908. С. 143–144, 192–193.

¹⁴ Подсчитано по: Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов / под. общ. ред. В.В. Лаврова. М., 1917. С. 323–337.

Целью данной статьи является анализ деятельности столичных электротехнических акционерных компаний, занимавших в отрасли ведущее положение. Возникнув, в основном, как филиалы германских, частично бельгийских и французских компаний, в начале XX в. эти учреждения трансформировались в российские акционерные общества. Заняв лидирующие позиции на отечественном электротехническом и электрическом рынках, эти общества активно наращивали основной капитал, получали прибыль и ежегодно выплачивали дивиденды акционерам.

В данном исследовании на основе документов Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА Москвы), официальных статистических сборников и опубликованных отчетов акционерных обществ показан процесс становления и развития практически всех официально учрежденных (с правлениями в столице) акционерных электротехнических обществ.

Основная часть

Наиболее крупным и успешным столичным электротехническим обществом являлась фирма немецкого инженера и предпринимателя Карла Сименса «Общество электрического освещения» или «Общество 1886 года» (с 1900 г. официальное наименование – «Общество электрического освещения 1886 года»). Именно его В.С. Зив считал «ядром всей электротехнической промышленности России»¹⁵. Достаточно сказать, что это Общество, построив первые городские электростанции в стране, поставляло свет в более чем половину торговых-промышленных заведений Петербурга и Москвы¹⁶.

Связи русской группы К. Сименса с властью практически на всех этапах деятельности фирмы в России, а также его заказы, клиенты и поставщики рассмотрены в исследовании С.К. Лебедева¹⁷. Автор пришел к выводу: «Практически повсюду можно было встретить если не изделия с маркой “Сименс и Гальске”, то, по крайней мере, имя “Сименс” и особенно в новой промышленности на Юге России»¹⁸. Более подробно деятельность электротехнических обществ в дореволюционной России проанализирована в моей статье, специально посвященной историографии этой проблемы¹⁹.

Относительно «Общества 1886 года» следует указать, что официально оно начало действовать после того, как было опубликовано следующее объявление

¹⁵ Зив В.С. Иностранные капиталы... Вып. 1. С. 10.

¹⁶ Поткина И.В. В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах. СПб., 2022. С. 318.

¹⁷ См.: Лебедев С.К. К вопросу о связях русской группы Сименса: заказы, клиенты, поставщики // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России. Сборник статей памяти М.М. Шумилова. СПб., 2004. С. 63–80.

¹⁸ Там же. С. 68.

¹⁹ См.: Бессолицын А.А. Формирование электротехнической отрасли в России на рубеже XIX–XX вв. (историография проблемы) // Экономическая история: Ежегодник, 2021. М., 2022. С. 435–451.

его правления (протокол № 1 от 5 февраля 1887 г.): «Об открытии высочайше утвержденного Общества электрического освещения и приобретении от фирмы “Сименс и Гальске” всех сделанных ею устройств по электрическому освещению Петербурга»²⁰.

Главным в деятельности «Общества 1886 года» являлось устройство центральных электрических станций частного потребления в Петербурге²¹. В объявлении подчеркивалось: «Правление доводит до всеобщего сведения, что оно ныне же принимает на себя обязательство предоставить желающим названное освещение с 1 августа 1887 г. в районе Невского проспекта и Большой Морской улицы. Единовременное устройство приспособлений электрического освещения производится по 25 руб. с лампы без декоративных принадлежностей при годовой прокатной цене в 15 руб. При этом лампы эксплуатируются трех типов в 25, 16 и 9 свечей с платой за лампо/час первых – 5, вторых – 3,5 и третьих – 2,5 коп., плюс налог в пользу города, который будет назначен Думой»²².

Именно это Общество первым среди всех электротехнических компаний официально начало публиковать свои ежегодные отчеты в «Вестнике финансов, промышленности и торговли». В частности, в отчете за первый операционный год (1887) оно показало чистую прибыль в размере 118 231 руб., а также ее распределение среди акционеров, которые получили в дивиденд по 15,5 руб. на акцию²³.

Общество активно сотрудничало с другой электротехнической компанией – «Сименс и Гальске», основанной Вернером Сименсом, братом К. Сименса еще в 1853 г. Компания первоначально занималась постройкой телеграфных линий, в том числе прокладкой подводной телеграфной линии в Кронштадт, а позднее основала электрические машиностроительные заводы в Петербурге²⁴.

Основной капитал «Общества 1886 года» первоначально был заявлен в сумме 3 млн руб., разделенных на 6000 акций по 500 руб. каждая²⁵. По мнению В.С. Дякина, исследовавшего действовавшие в России германские электрофирмы, для фирмы «Сименс и Гальске» кроме захвата перспективной концессии смысл организации «Общества 1886 года» заключался в обеспечении для себя постоянного рынка сбыта продукции. По договору, заключенному между фирмами, «Общество 1886 года» обязывалось покупать необходимое оборудование только у «Сименс и Гальске» под угрозой выплаты, в противном случае, неустойки в размере 50% стоимости приобретенного на стороне оборудования²⁶.

Это общество уже в начале деятельности (1887) заключило с Петербургской городской управой договор «Об общих условиях пользования энергией от центральных станций “Общества электрического освещения” в Петербур-

²⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1243. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

²¹ *Симонов Н.С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М., 2016. С. 44.

²² ЦГИА СПб. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

²³ Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты торговых и промышленных предприятий. 1888. № 46. С. 896–897.

²⁴ *Каган-Шабшай Я.Ф.* Московская электротехническая промышленность. М., 1910. С. 23–24.

²⁵ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1888. № 46. С. 896–897.

²⁶ *Дякин В.С.* Германские капиталы в России... С. 19, 22.

ге». Позднее он был подтвержден городской думой (постановление от 12 мая 1895 г.)²⁷. Такой же договор был заключен и с Московской городской управой в апреле 1887 г.

Согласно этим подписанным документам «Обществу 1886 года» предоставлялось право прокладывать по улицам подземные электрические провода для освещения частных помещений. Тариф был назначен в 50 коп./кВт-час — для технических целей и в 65,5 коп./кВт-час — для освещения с незначительными скидками за продолжительность горения. Первая московская Центральная станция общего пользования (мощностью 100 кВт) была построена в 1888 г. на углу Большой Дмитровки и Георгиевского переулка и обошлась Обществу в 80 тыс. руб. Разрешение на ее строительство выдала Московская городская управа. Наконец в 1895 г. Московская управа заключила с Обществом первое полноценное концессионное соглашение на электрическое освещение «любых районов Москвы, где только горожане пожелают»²⁸. Длительность договора — 50 лет, стоимость — 15 тыс. руб. в год. Эту сумму за аренду земли Общество обязывалось выплачивать Московскому городскому общественному управлению, за 50 лет она должна была составить 750 тыс. руб.²⁹

Финансовое положение компании в начале 1890-х гг. оставалось весьма неустойчивым. Как следует из протокола заседания ее правления от 10 сентября 1891 г., из общего числа абонентов в 100 чел. исправно платили по счетам за 1891—1892 гг. только 52 чел. (52%). Остальные либо вообще отказывались платить — 26 чел. (48%, сумма 2614 руб.), либо предъявляли претензии по начисленным платежам — 18 чел. и одна организация — Волжско-Камский банк (4054 руб.), либо являлись несостоятельными должниками — 4 чел. (270 руб.). Таким образом, из общей суммы платежей в 13334 руб. «Общество 1886 года» смогло реально получить только 6393 руб. или около 48%³⁰.

Однако оно действовало достаточно умело и там, где это было возможно, шло на уступки потребителям, чтобы сохранить свое влияние, а главное, расширить клиентскую базу. Так, в письме директора-распорядителя Ф.Л. Кристена от 21 мая 1892 г. подчеркивалось: «Уступая неоднократным и настойчивым заявлениям квартирантов дома по Б. Морской 16, Кирпичному пер. 8 и Мойке 61, одних из самых старых абонентов Общества, правление оно же решило с 1-го июня 1892 г. понизить для них существующий тариф, как для устройства электрического освещения, так и для эксплуатации его.

Новые условия:

1. Заключение договора на предмет пользования электрическим током от центральных станций Общества, с 1 июня по срок контракта на занимаемое помещение или на срок не менее 2-х лет.
2. За каждую вновь установленную лампочку накаливания с проводником, патроном и выключателем взимается 15 руб.
3. За каждую вновь установленную Обществом дуговую лампу, от 6 до 10 ампер, взимается 150 руб.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 60. Л. 118—119.

²⁸ Симонов Н.С. Развитие электроэнергетики Российской империи... С. 47—48.

²⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 4. Д. 4008. Л. 21—24.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 27. Л. 113—114.

4. Счетчики часов горения доставляются Обществом за наличные деньги в размере 125 руб. одновременно или на прокат за плату по 12 руб. в год.
5. За каждый час горения лампы накаливания в 25 свечей Обществом взимается по 3 коп.; в 16 свечей по 2 с четвертью коп. и в 10 свечей по 1¼ коп.
6. За освещение лампами с вольтовой дугой, плата остается прежняя 15 коп. за час горения 6-ти амперной лампы, 20 коп. за 8-ми амперную и 25 коп. за 10-ти амперную, что соответствует плате в 4,5 коп. за 100 ватт-часов (1 киловатт).
7. Расчет с потребителями электрического освещения производится первого числа каждого месяца»³¹.

По договору, заключенному правлением «Общества 1886 года» с Петербургской городской управой 23 июня 1887 г. и постановлению Городской думы от 12 мая 1895 г. были определены общие условия пользования электрической энергией от центральных станций Общества и определена стоимость этой энергии:

- «1) Казенные, общественные и частные помещения, находящиеся в районе сети проводов, могут, по соглашению с Обществом, пользоваться электрической энергией с центральных станций Общества ежедневно, в течение целых суток.
- 2) За пользование освещением уплачивается: посредством ламп накаливания без различия силы их света, по 6,5 коп., а посредством ламп с вольтовой дугой, по 5 коп., за каждые 100 ватт-час. электрической энергии, отсчитанной счетчиком.
- 3) Для абонентов, пользующихся электрическим освещением, устанавливаются скидки, в зависимости от годового расхода электрической энергии каждой лампы (от 5 до 20%) в соответствии с показаниями счетчика»³².

Помимо работы с частными клиентами «Общество 1886 года» оказывало услуги бизнесу и городскому управлению. В частности в письме в «Комитет по управлению С.-Петербургским Большим Гостиным Двором от 21 мая 1897 г. Общество представило смету на эксплуатацию электрического освещения в районе Гостиного Двора и Перинной линии при исключительном праве прокладки проводов и отпуска тока в вышеназванном районе от станции Общества в течение 10 лет со дня заключения договора.

Условия:

1. Общество обязуется безвозмездно установить в районе Гостиного Двора 35 фонарей с вольтовыми дугами силою каждый при постоянном токе по 10 ампер, при переменном – по 15 ампер. Фонари будут установлены вокруг здания Гостиного Двора и по внутренним линиям.
2. Общество обязуется установить бесплатно 100 ламп накаливания по указанию Комитета в 16 нормальных свечей каждая.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 32. Л. 6.

³² Там же. Д. 60. Л. 118.

3. Магистральные кабели в районе Гостиного Двора будут проложены под землей.
4. В течение срока договора, Общество обязуется отпускать ток для торговцев Гостиного Двора с платою по 1,8 коп. за 100 ватт-часов по счетчику»³³.

В письме также подчеркивалось, что «Общество имеет в Петербурге четыре станции, от которых освещает улицы и отпускает ток абонентам уже 10 лет. В настоящее время Общество строит в С.-Петербурге Центральную станцию силою более чем на 100 тыс. ламп. Общество освещает также и г. Москву, где имеет станцию силою более чем на 300 тыс. ламп. Среди акционеров Общества есть много представителей крупных торговых фирм России. Основной капитал Общества составляет 6 млн руб., которые постановлено Общим собранием акционеров от 3 июля 1897 г. увеличить до 10,5 млн руб.»³⁴.

Подобная гибкая политика в отношении как частных абонентов, коммерческих организаций, так и органов городского управления, пользовавшихся услугами «Общества 1886 года», способствовала росту его доходов и влияния на энергетическом рынке. Такую же политику Общество проводило и в Москве. В числе абонентов на 1 апреля 1896 г. значилось 762 частных лиц, организаций и фирм с общим количеством 21 261 шт. ламп накаливания. В их числе были известные в коммерческих кругах личности: Л.Г. Кноп (главный учредитель и директор-распорядитель Кренгольмской мануфактуры), П.П. Буре (глава Торгового Дома «Павел Буре»), Н.С. Перлов (директор «Товарищества чайной торговли Василий Перлов с сыновьями»), К.В. Рукавишников (московский городской голова, член совета Московского купеческого и Московского учетного банков) и др.

В числе торговых и акционерных компаний среди абонентов значились: «Тов-во “Эйнем”», «Тов-во А.И. Абрикосова», «А. Сиу и К^о» (кондитерский магазин), «Бр. Третьяковы», «Тов-во В. Морозова», «Тов-во Н.Н. Коншина», Верхние и Средние торговые ряды. Клиентами «Общества 1886 года» стали крупнейшие Московские банки и страховые общества: Московский международный торговый банк, Русское страховое общество, Московская контора Государственного банка, а также Театр Корша, гостиница и ресторан «Петергоф» и даже дом генерал-губернатора Москвы – на ул. Тверской³⁵.

Интересна и география распространения в Москве электричества в конце XIX в.: улицы Моховая, Большая Лубянка, Петровка, Тверская, Большая Дмитровка, Ильинка, Варварка, Кузнецкий мост, Неглинный проезд и др.³⁶

В конце XIX в. встал вопрос о расширении предприятия. Председатель правления в ходе экстренного общего собрания акционеров 5 марта 1896 г. высказал предложение о желательности иметь для большей независимости собственный электротехнический завод. После переговоров с фирмой «Сименс и Гальске» было достигнуто соглашение о передаче «Обществу 1886 года» ее петербургских заводов со всеми активами и пассивами (50% продажной цены владельцы фирмы согласились принять акциями Общества).

³³ ЦГИА СПб. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 84. Л. 46–47.

³⁴ Там же. Л. 47.

³⁵ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 722. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–14.

³⁶ Там же.

Приобретение заводов на таких условиях было выгодно для Общества. Покупная цена определялась приблизительно в 4 млн руб. Для проведения этой сделки правление предлагало ходатайствовать перед правительством о выпуске новых акций на 8,1 млн руб. — для доведения акционерного капитала до общей суммы в 10 млн руб., разделенных на 20 000 акций. При этом подчеркивалось, что акции могут быть именными или на предъявителя. Последние можно было передавать от одного лица другому без всяких формальностей³⁷. Увеличив основной капитал, «Общество 1886 года» заявило, что готово участвовать в сделках, связанных со слиянием и поглощением. Это и было продемонстрировано на примере поглощения небольшого «Общества Шуваловского электрического освещения», расположенного в пригороде Санкт-Петербурга. «Это общество, существовавшее с 1910 г. и снабжавшее ток жителей северных пригородов Петербурга, — пишет В.С. Дякин, — было ничтожно само по себе, но имело большое стратегическое значение, поскольку <...> владело концессией на прокладку кабелей по территории этих пригородов и преграждало путь любому, кто хотел бы передавать в Петербург ток со станций, расположенных на водопадах Вуоксы»³⁸. В результате в мае 1913 г. произошел его окончательный захват «Обществом 1886 года»³⁹.

Политика, направленная на расширение влияния Общества среди других электрических компаний, проводилась достаточно последовательно. Согласно отчету правления за 22-й операционный год (1 января — 31 декабря 1908 г.) к уже существовавшим электрическим станциям в Петербурге и Москве были подключены 129 644 лампы накаливания, 136 дуговых фонарей, 742 мотора (3 352 лошадиные силы), 1 трансформатор для трамвая, 258 вентиляторов и других аппаратов, что составляло всего 84 370 гектоватт. Число потребителей возросло с 16 074 до 19 659, т.е. всего за год — на 3 585 чел. Количество произведенной энергии составило 42 199 006 кВт-час, которые по роду потребления распределились: 55,7% — для освещения, 28,6% — моторов, 15,7% — потребностей трансформаторных станций трамваев.

Приход за 1907 г. составил 5 452 555, а чистый доход — 2 560 903 руб. На уплату дивиденда по привилегированным акциям 9,5% на капитал 9 млн (855 тыс.) руб. на одну акцию приходилось 47,5 руб., а по обыкновенным акциям 6,5% (585 тыс.) руб. — 32,5 руб.; всего 2 560 903 руб.⁴⁰ Это был лучший показатель не только среди других столичных энергетических компаний, но и в стране в целом.

К 1911 г. основной капитал «Общества 1886 года» вырос до 30 млн руб., разделенных на 60 тыс. акций по 500 руб. каждая⁴¹. И если чистый доход Общества за январь 1911 г., включая Петербургское, Пригородное, Московское и Лодзинское отделения, составил всего 166 744 руб., то в конце года он возрос до 215 897 руб., т.е. всего за год — в 1,3 раза⁴².

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 72. Л. 2–8.

³⁸ Дякин В.С. Германские капиталы в России... С. 160.

³⁹ Там же. С. 161.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 902. Л. 3, 5–6.

⁴¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 14. Д. 207. Л. 36.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 1243. Оп. 19. Д. 5. Л. 6, 94.

К июню 1914 г. основной капитал был увеличен до 50 млн руб., посредством выпуска 20 тыс. акций, причем стоимость 1 акции нового выпуска возросла до 535 руб.⁴³

Рост акционерного капитала за 29 лет и выплата дивидендов в «Обществе 1886 года» продемонстрированы в таблице 1.

Таблица 1

Акционерный капитал и дивиденд «Общества электрического освещения 1886 года» (1887–1915)

№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Дивиденд (%)	№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Дивиденд (%)
1	1887/88	3 000 000	3,0	15	1901/1902	6 000 000	1,5
2	1888/89	3 000 000	0	16	1902/1903	6 000 000	2,5
3	1889/190	3 000 000	0	17	1903	6 000 000	3,5
4	1890/91	3 000 000	0	18	1904	15 000 000	5,8
5	1891/92	3 000 000	0	19	1905	15 000 000	5,8
6	1892/93	3 000 000	0	20	1906	15 000 000	6,8
7	1893/94	3 000 000	3	21	1907	15 000 000	7,8
8	1894/95	1 900 000	5,5	22	1908	18 000 000	8,0
9	1895/96	1 900 000	6,0	23	1909	24 000 000	8,1
10	1896/97	6 000 000	4,5	24	1910	30 000 000	7,9
11	1897/98	6 000 000	2,0	25	1911	30 000 000	8,4
12	1898/99	6 000 000	3,0	26	1912	40 000 000	8,6
13	1899/1900	6 000 000	3,0	27	1913	40 000 000	8,6
14	1900/01	6 000 000	1,0	28	1914	50 000 000	8,6
				29	1915	50 000 000	8,5

Рассчитано по: РГИА. Ф. 23. Оп. 14. Д. 207. Л. 154; Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов / под. общ. ред. В.В. Лаврова. М., [на 1917 г.]. С. 334.

Как следует из показателей таблицы, основной капитал Общества вырос за период с 1887 по 1915 гг. с 3 до 50 млн руб., т.е. в 17 раз, а дивиденды в процентном отношении – с 3 (1887) до 8,5% (1915), т.е. почти в три раза. Средний размер дивиденда за 21 год (1894–1915), когда он начал выплачиваться ежегодно, составил 5,8%.

Ситуация начала меняться с началом Первой мировой войны, когда германские акционеры вынуждены были передать 65% акций швейцарским банкам⁴⁴. Кроме того, в 1915 г. в «Обществе 1886 года» ввели «особое правление», что позитивно сказалось на его деятельности в военные годы. Прибыль за 1914 г. составила 6 838 719 руб.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 1243. Оп. 19. Д. 5. Л. 92, 95.

⁴⁴ Дякин В.С. Германские капиталы в России... С. 225.

Согласно протоколу заседания «особого правления» от 5 марта 1915 г. на уплату дивиденда было выделено:

- по привилегированным акциям (11%) на нарицательный капитал в 9 млн руб. – 990 тыс. руб.;
- по обыкновенным акциям (8%) на нарицательный капитал в 31 млн руб. – 2 млн 480 тыс. руб. и еще по обыкновенным акциям (4%) на нарицательный капитал в 10 млн руб. – 400 тыс. руб.⁴⁵ Таким образом, средний размер начисленных дивидендов составил 7,6%.

«Общество 1886 года» продолжило успешно работать и в 1916 г. Только за январь этого года чистый доход составил 293 756 руб., т.е. практически не изменился по сравнению с довоенным периодом. За декабрь 1916 г. был получен доход в размере 299 678 руб., что свидетельствовало о стабильной деятельности в течение всего года⁴⁶. Общая сумма основных капиталов Общества и контролируемых им предприятий составила более 66 млн руб. или 73% всех основных капиталов, вложенных в русскую электрическую промышленность⁴⁷.

В 1898 г. Сименсы учредили еще одно акционерное общество, получившее название «Сименс и Гальске» с правлением в Санкт-Петербурге. Цель Общества определялась как «приобретение, продолжение действий и расширение деятельности, существующей в С.-Петербурге фабрики Торгового дома “Сименс и Гальске”, основанного в 1853 г. Вернером фон Сименсом»⁴⁸.

Деятельность Торгового дома Сименса в России началась с применения новой для того времени телеграфной техники. В частности, Сименс получил разрешение на прокладку телеграфной линии «С.-Петербург – Варшава» и в период Крымской войны (1854–1856) осуществил телеграфное соединение городов Николаев и Севастополь. За эту работу фирма получила официальное звание «Контрагента на постройку и ремонт Императорских русских телеграфов» и право для его служащих носить особую форму⁴⁹.

В 1879 г. фирма учредила в Петербурге кабельный завод, который в 1906 г. был реорганизован в Акционерное общество «Соединенные кабельные заводы»⁵⁰. В 1885 г. Торговому дому «Сименс и Гальске» разрешили производить работы в телеграфно-строительной мастерской. В ней изготавливали телеграфные принадлежности, электрические железнодорожные звонки и прочие относящиеся к электричеству приборы. Мастерская, в которой трудились до 300 рабочих, была оборудована пятью паровыми машинами⁵¹.

В 1883 г. компания Сименса начала производить в России динамо-машины и электродвигатели. Страна удовлетворяла потребности в электродвигателях и лампах, в основном за счет продукции этой фирмы. Помимо поставки промышленного электрооборудования, компания «Сименс» участвовала в пуске трамвайных линий и построила в России несколько заводов и электро-

⁴⁵ ЦГА Москвы. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1085. Л. 16–17.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1243. Оп. 19. Д. 11. Л. 4, 70.

⁴⁷ Зув В.С. Иностранные капиталы... Вып. 1. С. 13.

⁴⁸ Акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске». Исторический очерк. СПб., 1912. С. 3.

⁴⁹ Там же. С. 3.

⁵⁰ Там же. С. 5–6.

⁵¹ РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 2147. Л. 2–3.

станций. Как отмечал дореволюционный исследователь электротехнической промышленности Я.Ф. Каган-Шабшай, «до 1894 г. весь Московский район, а также еще 16 губерний, в основном центральной России, обслуживался из Петербурга и только после 1894 г. фирма “Сименс и Гальске” открывает Московское отделение, которое начинает обслуживать фабрично-заводскую промышленность Московского района»⁵².

В Центрально-промышленном районе фирма «Сименс и Гальске» оснастила оборудованием 65 текстильных, хлопчатобумажных, льняных, суконных и шелковых фабрик и одновременно устроила там электрическое освещение⁵³.

Основной капитал Общества был определен в 4 млн руб., разделенных на 8000 акций по 500 руб. каждая⁵⁴. В числе акционеров на 1898 г. значились: «Дойче банк» – 830 акций (40 голосов); Русский для внешней торговли банк – 300 (15); Санкт-Петербургский учетный и ссудный банк – 200 (10); Санкт-Петербургский международный коммерческий банк – 1847 (40), а также 18 частных лиц⁵⁵.

Таблица 2

Результаты деятельности АО «Сименс и Гальске» за 1898–1916 гг.

№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Дивиденд (%)	№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Дивиденд (%)
1	1898/99	4 000 000	5	10	1908	4 000 000	–
2	1899/1900	4 000 000	5	11	1909	4 000 000	–
3	1900/01	4 000 000	2¼	12	1910	5 000 000	5
4	1902	4 000 000	–	13	1911	5 000 000	6
5	1903	4 000 000	–	14	1912	5 000 000	6
6	1904	4 000 000	–	15	1913	5 000 000	6
7	1905	4 000 000	–	16	1914	5 600 000	6
8	1906	4 000 000	–	17	1915	5 600 000	8
9	1907	4 000 000	–	18	1916	7 000 000	8

Рассчитано по: Акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске». Отчет за 1898/99 г. СПб., 1900. С. 1; Отчет за 1899/1900. СПб., 1901. С. 1; Отчет за 1900/1901. СПб., 1902. С. 3; Отчет за время с 1 янв. По 31 дек. 1916 г. Пг., 1917. С. 1; Акционерно-паевые предприятия России... [на 1912 г.]. С. 192; 1913. С. 344; 1914. С. 386; 1915. С. 534; 1917. С. 330.

Из показателей таблицы следует, что основной капитал Общества долгое время оставался неизменным и только с 1910 г. начал увеличиваться. Это повлияло на размер выплаченных дивидендов, которые за семь лет (1910–1916) выросли с 5 до 8% годовых. В феврале 1917 г. Временное правительство приня-

⁵² Каган-Шабшай Я.Ф. Московская электротехническая промышленность. С. 24.

⁵³ Поткина И.В. В преддверии катастрофы... С. 318.

⁵⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 456. Л. 1–3.

⁵⁵ Там же. Л. 54.

ло решение о закрытии АО, поэтому было образовано его «временное управление». Ликвидация дел Общества была возложена на «особое правление».

Рост прибылей электротехнических заводов «Сименс и Гальске» и образованного в 1899 г. Общества «Шуккерт и К^о» к 1913 г. позволили преобразовать последнее в Акционерное общество «Сименс – Шуккерт». При содействии германских банков акционерный капитал общества «Шуккерт и К^о» был увеличен сразу с 3 до 15 млн руб.⁵⁶

Таблица 3

**Результаты деятельности Русского общества «Шуккерт и К^о»
и Акционерного общества «Сименс – Шуккерт» за 1910–1916 гг.**

№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Количество акций	Стоимость одной акции (руб.)	Прибыль (руб.)	Дивиденд (руб.)	Дивиденд (%)
1	1910/11	2 000 000	8 000	250	–	80 000	4
2	1911/12	2 000 000	8 000	250	167 396	88 775	5
3	1913	15 000 000	60 000	250	1 297 426	900 000	6
4	1914	15 000 000	60 000	250	1 180 066	750 000	5
5	1915	15 000 000	60 000	250	1 848 135	900 000	6
6	1916	10 000 000	100 000	100	3 465 790	1 125 000	7,5

Расчитано по: Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 331; РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1376. Л. 6, 26; РГИА. Ф. 23. Оп. 14. Д. 732. Л. 1; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1912. № 15. С. 490–491; 1914. № 36. С. 2119–2120; 1916. № 36. С. 2061; 1917. № 32. С. 865–866.

Как следует из таблицы, результаты работы Общества после его акционирования в 1913 г. значительно улучшились. Стабильно, вплоть до 1916 г., росла общая и чистая прибыль, что позволяло выплачивать дивиденды, размер которых в рублевом исчислении тоже увеличивался. На уплату дивидендов за 1915 г. были перечислены в денежном выражении 900 тыс. руб. (на 17% больше, чем в 1914 г.), на вознаграждение членам правления – еще 46 900 руб. (вместо 7 086 руб. в 1914 г., т.е. более чем в шесть раз), а на выдачу наградных – 35 тыс. руб. (рост почти вдвое)⁵⁷.

Отметим, что согласно статистическим сведениям об электротехнических предприятиях за 1901–1911 гг., Русское общество «Шуккерт и К^о» до своего преобразования в акционерное (1913) входило в группу убыточных предприятий⁵⁸.

Состав предприятия «Сименс – Шуккерт» включал завод динамо-машин и завод военных и морских приборов (оба в Петрограде), где производили машины и аппараты для электрических станций; электродвигатели и принадлежности к ним. Общество также занималось устройством электрическо-

⁵⁶ Зив В.С. Иностранные капиталы... Вып. 1. С. 30.

⁵⁷ Русское акционерное общество «Сименс – Шуккерт». Отчет за время с 1 янв. по 31 дек. 1915 г. Пг., 1916. С. 1.

⁵⁸ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1376. Л. 5.

го освещения (например, на судах и т.д.), передачей электрической энергии и ее распределением; устройством электрической железной дороги, трамваев и подъездных путей; электрическим оборудованием фабрик, заводов, шахт⁵⁹.

В феврале 1917 г. было принято решение о закрытии Русского акционерного общества «Сименс – Шуккерт». Временное управление им и ликвидация его дел были возложены, как и в «Обществе 1886 года», на «особое правление». Учредителем нового общества выступило Министерство торговли и промышленности, инициировавшее разработку проекта соответствующего устава. По нему АО «СИМЕНС» (в состав которого вошло и АО «Сименс и Гальске») имело целью продолжение работы названных предприятий, равно производство, продажу и установку всякого рода предметов, находящих применение в электротехнике и механике, а также эксплуатацию электротехнических, металлургических и механических заводов и предприятий.

Основной капитал нового Общества должен был состоять из 25 млн руб., разделенных на 250 тыс. именных акций по 100 руб. каждая. Правление располагалось в Петрограде. В Уставе отмечалось: «Члены правления в большинстве, директора-распорядители и заведующие, а также управляющие недвижимыми имуществами общества должны быть русскими подданными неиудейского вероисповедания». Особо подчеркивалось, что «подданные воюющих стран от управления Обществом устраниются». 27 мая 1917 г. его устав утвердило Министерство торговли и промышленности⁶⁰. В соответствии с ним АО «Сименс – Шуккерт» продолжило свою деятельность и после 1917 г., о чем свидетельствует наличие ведомости на выплату служащим Московского отделения жалованья за ноябрь 1918-го. Этот список включал 126 чел., общая сумма выплат достигала 107 533 руб. При этом минимальная месячная зарплата составляла 430, максимальная – 3 500 руб.⁶¹ Однако уже в 1919 г. Общество было национализировано и получило наименование: «Завод динамо-машин (бывший Сименс – Шуккерт)». Завод продолжал работать и в годы Гражданской войны. В этот период в Московском отделении числились по списку 963 рабочих и 22 ученика, всего 985 чел. Почасовая оплата составляла от 2,5 до 4,35 руб. в зависимости от категории рабочего. Всего за первое полугодие 1919 г. было выплачено 4 135 305 руб.⁶²

Ведущим предприятием в производстве кабельной продукции в России, где тоже присутствовал германский капитал, стало официально учрежденное в Петербурге в 1906 г. Акционерное общество «Соединенные кабельные заводы». Это Общество, имевшее непосредственное отношение к Сименсам, было образовано еще в 1879 г. Тогда немецкий промышленник Карл Сименс основал на Васильевском острове «Кабельный завод торгового дома “Сименс и Гальске”». Первоначально завод изготавливал угольные стержни для дуговых ламп. Это был первый в России завод, на котором был организован промышленный выпуск кабельной продукции. Кабельная промышленность в дореволюционной России преимущественно принадлежала иностранному капиталу

⁵⁹ Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917]. С. 331.

⁶⁰ РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 1167. Л. 1–2.

⁶¹ ЦГА Москвы. Ф. 590. Оп. 1. Д. 313. Л. 8–10.

⁶² Там же. Д. 327. Л. 25.

и работала по зарубежной технической документации. Несмотря на 80%-ю долю немецкого капитала в “Соединенных кабельных заводах”, предприятие действовало по русскому уставу, а его акции не котировались на берлинской бирже. Поэтому в 1906 г. завод перешел в собственность акционерного общества “Соединенные кабельные заводы”, основанного акционерным обществом “Сименс и Гальске” совместно с Санкт-Петербургским международным коммерческим банком, также в учреждении нового АО участвовала одна из крупнейших компаний русской электротехнической отрасли “Всеобщая компания электричества”»⁶³.

Общество имело заводы в Петербурге (кабельный, меднопрокатный, проволоочный) и занималось производством медной и бронзовой проволоки, проволоки для электрических трамваев и реостатов, различного типа проводников для передачи электрической энергии и всякого рода кабелей. К 1913 г. Общество имело склады и представительства в Москве, Варшаве, Одессе, Киеве, Риге, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге. В Петербурге на Кожевенной линии, д. 39 начали строить новый меднопрокатный завод, и после его запуска численность персонала выросла с 1300 (1915) до 3000 чел. (1917). Однако объемы производства к концу 1916 г. начали снижаться из-за дефицита сырья и топлива и продолжали падать вплоть до завершения Гражданской войны⁶⁴.

Несмотря на то, что Общество не повышало заявленный при учреждении основной капитал, тем не менее, работало с прибылью, что позволяло выплачивать акционерам достаточно высокие дивиденды.

Таблица 4

Акционерный капитал и дивиденд АО «Соединенные кабельные заводы» за 10 лет

№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Дивиденд (%)	№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Дивиденд (%)
1	1906	6 000 000	—	6	1911	6 000 000	8
2	1907	6 000 000	—	7	1912	6 000 000	8
3	1908	6 000 000	—	8	1913	6 000 000	10
4	1909	6 000 000	—	9	1914	6 000 000	15
5	1910	6 000 000	8	10	1915	6 000 000	25

Рассчитано по: Акционерно-паевые предприятия России... [на 1913 г.]. С. 351; 1915. С. 535; 1917. С. 331–332.

Из показателей таблицы видно, что АО «Соединенные кабельные заводы» выдало за 1915 г. максимальный дивиденд в размере 25% (против 15% за 1914 г.), что составляло 25 руб. на акцию. Кроме того, на вознаграждение членам правления было перечислено еще 72 тыс. руб. При этом в отчете Общества за 1915 г. отмечалось, что чистая прибыль выросла по сравнению с 1914 г. на 171 777 руб. и достигла 2 238 370 руб.⁶⁵

⁶³ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 94. Л. 2.

⁶⁴ Там же. Л. 26.

⁶⁵ Русское акционерное общество «Всеобщая компания электричества». Отчет за 14-й операционный год с 1 янв. по 31 дек. 1915 г. Пг., 1916. С. 1.

В 1897 г. в Санкт-Петербурге было учреждено Акционерное общество аккумуляторных заводов «Тюдор». Целью его создания стали производство разного рода электрических аккумуляторов, а также устройство электрического освещения в поездах и вагонах.

Основной капитал составил первоначально 600 тыс. руб., разделенных на 1200 акций по 500 руб. каждая. Он был увеличен сначала в 1903 г. — на 100 тыс. руб. (протокол общего экстренного собрания от 12 сентября 1903 г.), потом в 1908 г. — еще на 500 тыс. руб. (протокол общего собрания от 19 апреля 1908 г.) и, наконец, в 1912 г. — сразу до 2,4 млн руб., разделенных на 4800 акций по 500 руб. каждая⁶⁶. Подобное увеличение акционерного капитала мотивировалось значительно увеличившимися оборотами Общества в результате получения крупных заказов, в особенности по освещению электричеством ж/д поездов⁶⁷.

Последнее увеличение основного капитала состоялось на основании решения чрезвычайного собрания Общества (протокол от 22 сентября 1916 г.), когда основной капитал увеличили с 2,4 до 5 млн руб. путем выпуска дополнительных 5200 акций по цене 500 руб., на сумму 2,6 млн руб.⁶⁸

Отметим, что уже в начале своей деятельности Общество работало достаточно эффективно. В официальных статистических сведениях о группе электротехнических заводов за 1901–1911 гг. АО русских аккумуляторных заводов «Тюдор» числилось в разделе «Прибыльные предприятия»⁶⁹.

Таблица 5

Основные показатели деятельности акционерного общества аккумуляторных заводов «Тюдор» за 1897–1916 гг.

№	Год	Основной капитал (руб.)	Количество акций	Стоимость акций (руб.)	Чистая прибыль (руб.)	Дивиденд (%)
1	1897	600000	1200	500	62350	6
2	1898	600000	1200	500	—	6
3	1900	600000	1200	500	37439	3
4	1904	600000	1200	500	77654	6
5	1910	1200000	2400	500	151985	12
6	1911	1200000	2400	500	—	14
7	1912	2400000	4800	500	347484	10
8	1913	2400000	4800	500	400697	12
9	1914	2400000	4800	500	—	9
10	1915	2400000	4800	500	—	10
11	1916	5000000	5200	500	—	—

Рассчитано по: Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 333; РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 2253. Л. 15, 25, 28, 56; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 27. С. 1067; 1913. № 29. С. 1511; АО «Тюдор». Отчет за период с 1 января 1900 г. по 31 декабря 1900 г. СПб., 1901.

⁶⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 393. Л. 28, 84, 112, 120.

⁶⁷ Там же. Л. 120.

⁶⁸ Там же. Оп. 28. Д. 2253. Л. 56.

⁶⁹ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1376. Л. 5.

Таким образом, за 10 лет средний дивиденд, выплаченный акционерам Общества, составил 8,8%. Помимо дивидендов оно выплачивало дополнительно 15% от чистой прибыли на вознаграждение членов правления. За 1912 г. эта сумма составила 20 584, а за 1913 г. — 27 575 руб.⁷⁰

Как видно из показателей таблицы, Общество продолжало успешно работать и в годы Первой мировой войны. Более того, из состава его руководства были выведены все иностранные подданные. Об этом специально докладывалось в письме в правление «Первого общества подъездных железных путей в России» от 29 января 1915 г.: «Все акционеры Общества “Тюдор” и Русского общества “Сименс — Шуккерт” с местопребыванием в Петрограде, а также все члены правлений названных обществ в настоящее время все русские подданные»⁷¹.

Тем не менее вопрос о ликвидации дел АО русских аккумуляторных заводов «Тюдор» рассматривался на заседании Особого комитета по борьбе с немецким засильем (Журнал № 33 от 15 декабря 1916 г.). Здесь было принято решение применить схему реорганизации Общества через предоставление наличной группе русских акционеров возможности сохранить предприятие в своих руках «с устранением неприятельских подданных»⁷².

Еще одной из ведущих электротехнических компаний, созданной с участием германского капитала, являлось Русское общество «Всеобщая компания электричества», учрежденное в 1901 г. с основным капиталом 1 млн руб. АО занималось производством электрических аппаратов, двигателей, динамо-машин, трансформаторов, счетчиков электрической энергии, а также устройством всякого рода электрических сооружений. Помимо Петербурга и Москвы отделения компании работали еще в 16 городах империи⁷³. Общество также стало собственником заводов «Унион» в г. Риге⁷⁴.

Данные таблицы показывают, что Общество работало достаточно стабильно. Основной капитал за 15 лет (1901—1915) вырос в 12 раз (с 1 до 12 млн руб.), а начиная с 1908 г. стабильно выплачивались дивиденды, в среднем — 8,2% за год.

На основании постановления чрезвычайного собрания акционеров от 16 октября 1912 г. Общество произвело выпуск дополнительных 16 тыс. акций по 250 руб. каждая на общую сумму в 4 млн руб., с правом на дивиденд с 1 января 1913 г.⁷⁵

Если за 1913 г. было выплачено в дивиденд на акцию по 23,5 руб., то за 1914 и 1915 гг. — уже по 25 руб. на акцию⁷⁶. Стабильно росла прибыль: за 1912 г. она составила 1 295 618 руб., за 1914 г. — уже 2 066 593 руб., а к 1915 г., т.е. всего за три года, возросла до 2 238 370 руб., т.е. почти в два раза⁷⁷. Кроме того, за 1914 г. в качестве вознаграждения членам правления (всего 6 чел.) было выплачено еще 72 тыс. руб.⁷⁸

⁷⁰ Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты обязанных публичною отчетностью предприятий. Официальный орган Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности. 1912. № 29. С. 1511; 1913. № 36. С. 2135—2136.

⁷¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 2253. Л. 7.

⁷² Там же. Л. 64.

⁷³ Там же. С. 324.

⁷⁴ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 29. С. 1221—1222.

⁷⁵ Там же. 1913. № 1. С. 36.

⁷⁶ Там же. 1914. № 29. С. 1537; 1915. № 34. С. 1982—1983; 1916. № 36. С. 2109—2110.

⁷⁷ Там же. 1913. № 27. С. 1282; 1915. № 34. С. 1982—1983; 1916. № 36. С. 2109—2110.

⁷⁸ Там же. 1915. № 34. С. 1982—1983.

Таблица 6

Акционерный капитал и дивиденд русского акционерного общества «Всеобщая компания электричества» за 15 лет деятельности

№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Дивиденд (%)	№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Дивиденд (%)
1	1901	1 000 000	—	9	1909	7 000 000	6
2	1902	1 000 000	—	10	1910	7 000 000	7
3	1903	1 000 000	—	11	1911	8 000 000	8
4	1904	1 000 000	4,5	12	1912	8 000 000	9
5	1905	6 000 000	—	13	1913	12 000 000	9,4
6	1906	6 000 000	—	14	1914	12 000 000	10
7	1907	6 000 000	—	15	1915	12 000 000	10
8	1908	6 000 000	6				

Расчитано по: Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 29. С. 1221–1222; Акционерно-паевые предприятия России... [на 1913 г.] С. 76–77; 1915 г. С. 526–527; 1917 г. С. 324.

Акционерный капитал Общества в 1915 г. достиг 12 млн руб.⁷⁹ Уже после Февраля 1917 г. (на 30 июня) оно заявило основной капитал в размере 24 млн руб., разделенных на 240 тыс. акций по 100 руб. каждая⁸⁰. Впрочем, подтверждения этого увеличения в официальных документах нет.

Общее представление о росте основного капитала электротехнических предприятий, расположенных в Санкт-Петербурге, большинство акций которых находились в руках немецких подданных, дает таблица 7.

Таблица 7

Деятельность столичных электротехнических обществ, созданных с участием немецкого капитала за 1901–1913 гг.

№	Акционерное электротехническое общество	Рост основного капитала (млн руб.)						
		1901 г.	1905 г.	1906 г.	1909 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
1	«Всеобщая компания электричества»	1,0	6,0	6,0	7,0	8,0	8,0	12,0
2	«Соединенные кабельные заводы»	—	—	4,8	4,8	4,8	6,0	6,0
3	«Сименс и Гальске»	5,6	5,6	5,6	5,6	5,6	5,6	5,6
4	«Сименс – Шуккерт»	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	3,0	15,0
5	«Тюдор»	0,6	0,7	1,2	1,2	1,2	1,2	2,4
6	Всего	9,2	14,3	19,6	20,6	21,6	23,8	41

Расчитано по: Зив В.С. Иностранные капиталы... С. 26.

⁷⁹ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 36. С. 2110.

⁸⁰ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 459. Л. 265.

Итак, всего за 12 лет (1901–1913) основной капитал только пяти акционерных электротехнических компаний возрос с 9,2 до 41 млн руб., т.е. почти в 4,5 раза. А если учесть размер основного капитала в ведущей энергетической компании «Общества 1886 года», который с 1887 по 1915 г. вырос с 3 до 50 млн руб., т.е. в 17 раз, то становится очевидным, что германские капиталы играли существенную роль в создании и развитии в столице как электротехнических, так и электрических компаний.

Помимо немецких капиталов в этом процессе участвовали бельгийские, французские, швейцарские и шведские. В 1899 г. приступило к работе «Бельгийское акционерное общество “Электрическое освещение С.-Петербурга”» (с 1914 г. – Петрограда. – А.Б.), с основным капиталом 10 млн 485 тыс. фр. (3 879 450 руб.), разделенных на 41 940 привилегированных акций, по 250 фр. каждая, и 20 тыс. – простых. Сведений об увеличении основного капитала нет. Согласно официальным данным за 1912–1917 гг. его размер не увеличился. Дивиденд за 1911 г. выплачен с прибыли 3 025 981 фр. (1 119 612 руб.). Предприятие имело концессию на электрическое освещение части Санкт-Петербурга, а также в его распоряжении находилась Центральная электрическая станция города и управление электрической сетью по адресу: ул. Фонтанка, д. 104⁸¹.

По официальным статистическим сведениям о предприятиях по электрическому освещению с разделением на прибыльные, непостоянной доходности, бездоходные, убыточные и др. с указанием акционерного, запасного, резервного и других капиталов за 1901–1911 гг., «Бельгийское акционерное общество “Электрическое освещение С.-Петербурга”» входило в Первый раздел прибыльных предприятий с полученной чистой прибылью за 1901 г. 2 млн 250 тыс. фр. (832 500 руб.), которая за 1911 г. выросла до 3 млн 900 тыс. фр. (1 млн 443 тыс. руб.)⁸². Дивиденд в 6% (по 15 фр. на акцию) за 1912 г. выплачен с прибыли 3 487 394 фр. (1 290 335 руб.), а за 1913 г. он составил также 6% (по 15 фр. на акцию) с чистой прибылью 3 630 550 фр. (1 343 154 руб.)⁸³. В годы войны сведения о деятельности Общества не обновлялись, хотя оно и не числилось как прекратившее свою работу в России.

В 1901 г. швейцарскими гражданами Луи Ф. Дюфлоном и Юлием Дизереном, а также русским подданным, потомственным дворянином, инженером А.В. Константиновичем было учреждено «С.-Петербургское акционерное общество электромеханических сооружений “Дюфлон, Константинович и К^о”» («ДЕКА»), преобразованное из Товарищества на вере «Дюфлон, Константинович и К^о», открытого в 1892 г. Поэтому официальное наименование Общества – «Электромеханических сооружений акционерное общество, бывш. т-во “Дюфлон, Константинович и К^о”».

Общество создавалось для содержания и развития действий электромеханического завода Товарищества с основным капиталом в 750 тыс. руб.,

⁸¹ Подсчитано по: там же. Оп. 14. Д. 600. С. 246; Акционерно-паевые предприятия России... [на 1912 г.]. С. 246.

⁸² РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1354. Л. 2.

⁸³ Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 335; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. № 31. С. 1667–1668; 1914. № 36. С. 2129.

разделенных на 1 500 акций по 500 руб. каждая⁸⁴. В 1913 г. основной капитал был увеличен до 1 млн 500 тыс. руб. посредством выпуска дополнительных 7 500 акций по 100 руб.⁸⁵

Основная продукция завода – электрооборудование для русского военно-морского флота. Электромеханический завод получал выгодные заказы от Военного и Морского ведомств на установку прожекторов, монтаж электродвигателей и систем управления башен главного калибра на броненосце «Ростислав». На заводе делали дирижабли, радиостанции, электрические насосы, вентиляторы и т.д. Помимо этого, завод монтировал электроосвещение в императорских театрах, поставлял приборы Франко-Русскому судостроительному заводу, был посредником на поставку в разные районы России загранично-го электрооборудования.

Общество работало стабильно. За 1904 г. (четвертый операционный год) чистая прибыль составила 210 687 руб. В дивиденд на 1500 акций были выплачены 75 тыс. руб., что составило 10% годовых⁸⁶. Дивиденды стабильно выплачивались и в дальнейшем, и в 1912–1915 гг. их средний размер составил чуть более 12% (см. табл. 8).

Таблица 8

**Основные показатели деятельности АО электромеханических сооружений
«Дюфлон, Константинович и К^о» за 1910–1915 гг.**

№	Год	Основной капитал (руб.)	Количество акций	Стоимость акций (руб.)	Чистая прибыль (руб.)	Дивиденд (%)
1	1910	750 000	1 500	500	—	3
2	1911	750 000	1 500	500	33 981	—
3	1912	750 000	1 500	500	236 774	12
4	1913	1 500 000	1 500 7 500	500 100	251 414	12,5
5	1914	1 500 000	1 500 7 500	500 100	347 956	10
6	1915	1 500 000	15 000	100	670 565	14

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 233. Л. 6–7, 129–130, 135, 144, 195–196, 245, 252; Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 336.

Помимо дивидендов Общество выплачивало вознаграждения членам правления, служащим и мастеровым. По итогам 1912 г. на эти цели потратили 54 408 руб.; в 1913 г. – 32 968; в 1914 г. – 29 412; в 1915 г. – 71 381⁸⁷.

Завод акционерного общества «Дюфлон, Константинович и К^о» работал и в Москве. Он специализировался на изготовлении центробежных насосов и вентиляторов высокого давления, судовых башен, прожекторов, аккумуляторов для подводных лодок, а также производил всевозможные электрические

⁸⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 233. Л. 6–7.

⁸⁵ Там же. Л. 129–130.

⁸⁶ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 22. С. 706–707.

⁸⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 233. Л. 137, 196, 245, 252.

машины переменного и постоянного тока и др. Число рабочих и служащих на заводе достигало 300 чел., а годового оборот – 1,1 млн руб.⁸⁸

Русское акционерное общество «Эриксон Л.М. и К^о», учрежденное в 1904 г. шведским подданным Лорсом-Магнусом Эриксоном, начало работу в 1905 г. с основным капиталом 500 тыс. руб., разделенных на 2000 именных или на предъявителя акций по 250 руб. каждая, «имеющего целью эксплуатацию, принадлежащей Л.М. Эриксону и находящейся в С.-Петербурге телефонной фабрики для изготовления телефонных, телеграфных изделий, а также их покупку и продажу»⁸⁹. Общество работало достаточно стабильно, регулярно увеличивая объем основного капитала и выплачивая дивиденды.

Размеры основного капитала, количество акций, их стоимость и размер ежегодного дивиденда в процентах к основному капиталу продемонстрирован в таблице 9.

Как видно из показаний таблицы, средний размер дивиденда Общества за 11 лет (1905–1915) составил 9%, а в рублевом отношении оставался в пределах от 10 до 20 руб. на акцию⁹⁰. Чистая прибыль тоже росла. Если за 1913 г. она составила всего 285 194 руб., то по итогам работы за 1915 г. уже достигла 770 411 руб., т.е. увеличилась в 2,7 раза, что позволило перечислить в дивиденд акционерам 400 тыс. руб.⁹¹

Таблица 9

Результаты деятельности АО «Эриксон Л.М. и К^о» за 1905–1915 гг.

№	Год	Основной капитал (руб.)	Количество акций	Стоимость акции (руб.)	Размер дивиденда (%)
1	1905–1909	500 000	2000	250	6
2	1910	1 000 000	4000	250	6
3	1911	1 000 000	4000	250	4
4	1912	2 000 000	8000	250	8
5	1913	2 000 000	8000	250	8
6	1914	2 000 000	8000	250	8
7	1915	4 000 000	16 000	250	10

Рассчитано по: РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 21. Л. 91, 95, 113, 119, 132, 143; Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 337.

В годы войны часть компаний с иностранным участием, прежде всего немецких и австрийских, вынуждена была прекратить свою деятельность. Тем не менее филиалы фирм стран-союзниц (французские, бельгийские и др. – А.Б.) продолжали работать в России. В Петрограде, вплоть до 1915 г. действовало ответственное агентство анонимного бельгийского общества «Трамваев и приме-

⁸⁸ Каган-Шабшай Я.Ф. Московская электротехническая промышленность. С. 7.

⁸⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 447. Л. 21.

⁹⁰ Там же. Л. 113.

⁹¹ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1914. № 37. С. 2208; 1916. № 36. С. 2116–2117.

нения электричества», учрежденное в Льеже в 1898 г. с основным капиталом в 10 млн фр. (3 млн 700 тыс. руб.), с акциями по 500 фр. (185 руб. за акцию).

Предприятие работало в различных регионах страны по эксплуатации и устройству электрических трамваев и освещения в Севастополе, Кременчуге, Ярославле, Екатеринодаре и других городах. Дивиденды составляли: за 1910/11 г. — 4%; 1911/12 г. — 5%; 1912/13 г. — 7,4%; 1913/14 г. дивиденды не выплачивались, хотя фирма получила прибыль в 1005 257 фр. (почти 372 тыс. руб.)⁹².

Первым полностью отечественным акционерным предприятием в сфере электротехники, учрежденным в Санкт-Петербурге, стало специализировавшееся на кабельном производстве Товарищество «М.М. Подобедов и К^о». Отметим, что с его деятельностью связано учреждение еще ряда акционерных электротехнических компаний и в Петербурге, и в Москве.

Кабельное производство возникло в 1878 г. как единоличное предприятие инженера М.М. Подобедова, но только в 1895 г. оно было реорганизовано в Товарищество на вере с основным капиталом в 1 млн руб. К 1910 г. оборот Товарищества составлял также около 1 млн руб., а число занятых на заводе рабочих достигло 250 чел.⁹³ В июле 1912 г. в отдел торговли Министерства торговли и промышленности было подано прошение об увеличении основного капитала до 2 млн руб. посредством выпуска 10 тыс. дополнительных паев. В прошении указывалось, что такое увеличение вызывается неуклонным возрастанием оборотов Товарищества, выразившимся в следующих цифрах: 1909 г. — 1 млн 73 тыс. руб.; 1910 г. — 1 млн 282 тыс. руб.; 1911 г. — 1 млн 608 тыс. руб.; за первые шесть месяцев 1912 г. рост составил 25% против 1911 г.

Также требовались средства для оборудования новых заводов, предназначенных для производства свинцованных кабелей. В результате чистая прибыль Товарищества на 31 декабря 1911 г. превысила 120 тыс. руб.⁹⁴

Таким образом, деятельность этого Товарищества можно считать вполне успешной, и в 1912 г. его преобразовали в АО «Русские кабельные и металлопрокатные заводы». Согласно новой редакции устава все договоры и обязательства, совершенные по прежнему наименованию фирмы (Товарищество «М.М. Подобедова и К^о»), сохраняли силу для компании с ее новым названием⁹⁵.

Более того, в отчетах Общества даже указывалось, что оно открыло свои действия в 1895 г. в соответствии с утвержденным уставом Товарищества «М.М. Подобедова К^о»⁹⁶. Кроме предприятия, расположенного в Санкт-Петербурге, Общество открыло кабельный завод в Москве. К 1912 г. здесь числились 337 рабочих, причем число работавших мужчин и женщин было примерно одинаковым — соответственно 174 и 163⁹⁷.

⁹² Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 80–81.

⁹³ *Каган-Шабшай Я.Ф.* Московская электротехническая промышленность. С. 34–35.

⁹⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 14. Д. 258. Л. 1, 19.

⁹⁵ Там же. Л. 100–114.

⁹⁶ Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 329.

⁹⁷ Подсчитано по: ЦГА Москвы. Ф. 627. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–91.

К 1916 г. основной капитал Общества достиг 3 млн руб., разделенных на 30 тыс. акций по 100 руб. каждая. Оно ежегодно выплачивало дивиденд, размер которого неуклонно возрастал (см. табл. 10).

Таблица 10

Результаты деятельности АО «Русские кабельные и металлопрокатные заводы» за 1910–1915 гг.

№ .	Год	Размер основного капитала (руб.)	Количество акций	Стоимость одной акции (руб.)	Дивиденд (%)
1	1910	1 000 000	10 000	100	10
2	1911	1 000 000	10 000	100	10
3	1912	2 000 000	20 000	100	12
4	1913	2 000 000	20 000	100	12
5	1914	3 000 000	30 000	100	12
6	1915	3 000 000	30 000	100	20

Рассчитано по: РГИА. Ф. 23. Оп. 14. Д. 258. Л. 19; Акционерно-паевые предприятия России... [на 1914 г.]. С. 352; 1915. С. 532; 1917. С. 329.

Показатели таблицы свидетельствуют: основной капитал Общества за шесть лет (1910–1915) вырос с 1 до 3 млн руб., а средний размер дивиденда за тот же период составил 12,6%, что превысило показатели других электротехнических обществ. Во многом это было достигнуто за счет заказов Военного ведомства. В частности в отчете Общества за 1915 г. отмечалось, что выпуск различных проводов для военных надобностей (полевых телефонных, телеграфных, саперных, минных и т.п.) к концу года возрос в 3–6 раз по сравнению с 1914 г.⁹⁸

В 1912 г. в Санкт-Петербурге было учреждено «Русское акционерное общество “Динамо”» (действия открыты в 1913 г.). По уставу Общество учреждалось с целью устройства и эксплуатации электрических силовых и прочих станций, для снабжения электрической энергией правительственных, общественных и частных учреждений и лиц как в целях освещения, так и доставки двигательной силы, а также для изготовления принадлежностей и торговли означенными материалами. Основной капитал был определен в размере 2,5 млн руб., разделенных на 25 тыс. акций по 100 руб. каждая⁹⁹. В состав акционеров вошли всего 16 организаций и частных лиц, в том числе: Товарищество для эксплуатации электричества «М.М. Подобедов и К^о» в лице правления – 8 050 акций, 30 голосов; Торговый дом «Н. Глебов и К^о» в лице Н.Н. Глебова – 4 350 акций, 30 голосов, а также отдельно Н.Н. Глебов – 50 акций и 1 голос¹⁰⁰.

⁹⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 14. Д. 258. Л. 92–94.

⁹⁹ Там же. Оп. 12. Д. 1707. Л. 11–13.

¹⁰⁰ Там же. Л. 52.

Устав Общества был высочайше утвержден 26 января 1913 г, а действия открыты 6 февраля 1913 г.¹⁰¹ Уже в марте 1914 г. на чрезвычайном собрании акционеров был поставлен вопрос о расширении деятельности АО и увеличении его основного капитала до 7 млн руб., т.е. почти в три раза, посредством выпуска несколькими сериями 70 тыс. дополнительных акций по цене 100 руб. каждая¹⁰².

В апреле 1916 г. основной капитал был снова увеличен с 7 до 10 млн руб. Наконец последнее его увеличение состоялось в марте 1917 г. — до 20 млн руб. Таким образом, всего за три года работы основной капитал Общества увеличился в восемь раз, а его обороты только за один год (за 1916, по сравнению с 1915-м) — на 160%, и по расчетам на 1917 г. предполагался их дальнейший рост. Были сделаны значительные затраты на производство взрывателей на Петроградском заводе компании, связанные с приобретением и приспособлением нового оборудования¹⁰³.

Помимо предприятия в столице в состав Общества вошел Московский электромеханический завод, который производил электрические машины и металлические изделия. Численность рабочих на предприятии к 1916 г. составляла 2218 чел.¹⁰⁴ Кроме московского завода АО открыло представительства в Киеве и Баку и склады товаров — в Петрограде, Москве, Варшаве, Харькове, Екатеринославе, Екатеринбурге, Юзовке, Киеве и Баку.

Основные показатели деятельности Общества «Динамо» представлены в таблице 11.

Таблица 11

Результаты деятельности акционерного общества «Динамо» за 1913–1917 гг.

№	Год	Размер основного капитала (руб.)	Количество акций	Стоимость одной акции (руб.)	Размер дивиденда (%)
1	1913	2500000	25000	100	7
2	1914	7000000	70000	100	4
3	1915	7000000	70000	100	7
4	1916	10000000	100000	100	—
5	1917	20000000	200000	100	—

Рассчитано по: РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1707. Л. 163–164; Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 325; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 36. С. 2048–2049.

В рублевом выражении чистая прибыль Общества за 1914 г. (второй операционный год) составила 478516 руб., а в дивиденд было перечислено 196667 руб. Чистая прибыль за 1915 г. возросла до 1368316 руб., т.е. поч-

¹⁰¹ РГИА. Оп. 12. Д. 1707. Л. 75.

¹⁰² Там же. Л. 75, 81.

¹⁰³ Там же. Л. 114, 163–164.

¹⁰⁴ Отдел промышленности Министерства торговли и промышленности. Список фабрик и заводов г. Москвы и Московской губернии. Составлен фабричными инспекторами Московской губернии по данным 1916 г. М., 1916. С. 50.

ти в три раза. При этом в дивиденд в рублевом выражении перечислили 478 300 руб.¹⁰⁵, т.е. он увеличился почти в 2,5 раза.

В 1900 г. открыло действия «Санкт-Петербургское (после 1914 г. – Петроградское. – А.Б.) общество электрических сооружений». Первоначально основной капитал был утвержден в размере 6 млн руб., разделенных на 24 тыс. акций по 250 руб. Целью учреждения Общества по уставу являлись «установка станций для освещения, устройство электрических машин и других приборов для эксплуатации электрической силы во всех видах»¹⁰⁶.

Таблица 12

Результаты деятельности акционерного общества «Петроградское общество электрических сооружений» за 1910–1915 гг.

№	Год	Основной капитал (руб.)	Прибыль (руб.)	Дивиденд на акцию (руб.)	Размер дивиденда (%)
1	1910	6 000 000	1 040 606	–	6
2	1911	6 000 000	–	19,5	8
3	1912	11 600 000	1 396 132	23,6	10
4	1913	11 600 000	1 522 838	23,5	10
5	1914	11 600 000	1 738 234	25,5	10,2
6	1915	11 600 000	1 261 763	18,25	7,3

Рассчитано по: РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 1610. Л. 25–26, 37, 45, 71; Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 328.

Согласно показателям таблицы, прибыль Общества вплоть до 1914 г. включительно стабильно возрастала, а вслед за ней стабильно рос дивиденд как в сумме, выплаченной на акцию, так и в процентном отношении. Лишь за 1915 г. размер получаемой прибыли и соответственно дивидендов снизился с 10,2 до 7,3%. Однако и в годы войны, помимо дивидендов, Общество регулярно выплачивало премии членам правления и служащим. По итогам работы в 1912 г. вознаграждение, выплаченное членам правления, составило всего 6231 руб., а в 1913 г. – уже 15807 руб., в 1914 г. – примерно та же сумма – 15540 руб., а также дополнительно на премии служащим выделили 37410 руб.¹⁰⁷

В 1908 г. открыло действия «Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов», с основным капиталом в 1,2 млн руб., который в 1913 г. был увеличен до 3 млн руб., разделенных на 30 тыс. акций по 100 руб. каждая, и оставался неизменным до 1917 г.¹⁰⁸ Общество эксплуатировало станции беспроволочного телеграфа в ряде городов, а также имело завод в Петрограде, который выпускал радиотехническую аппаратуру (радиостанции, радиопеленгаторы и т.д.). В 1917 г. на заводе работали 494 чел.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 680. Л. 38–39, 63.

¹⁰⁶ Там же. Д. 1610. Л. 4, 6.

¹⁰⁷ Подсчитано по: там же. Л. 25–26; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. № 28. С. 1391–1392; 1914. № 28. С. 1455.

¹⁰⁸ Акционерно-паевые предприятия России... [на 1912 г.]. С. 181; 1914. С. 360; 1917. С. 330.

Если в начальный период своей деятельности Общество показывало убытки (за 1910–1911 гг. суммарно они составили 172 556 руб.), то начиная с 1912 г. стало работать с прибылью, о чем свидетельствуют регулярные выплаты дивиденда, размер которого за пять лет (1912–1916) увеличился в 2,5 раза. Размер получаемой прибыли и выплаченных дивидендов – в таблице 13.

Таблица 13

Акционерный капитал, чистая прибыль и дивиденд «Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов» в Петербурге (1910–1915)

№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Количество акций	Стоимость одной акции (руб.)	Чистая прибыль/убытки (руб.)	Размер дивиденда (%)
1	1910	1 200 000	12 000	100	– / 133 498	–
2	1911	1 200 000	12 000	100	– / 39 058	–
3	1912	1 800 000	18 000	100	139 801 / –	6
4	1913	3 000 000	30 000	100	142 173 / –	6
5	1914	3 000 000	30 000	100	1 304 379 / –	15
6	1915	3 000 000	30 000	100	1 016 017 / –	15

Рассчитано по: Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 330; РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 1827. Л. 35, 40, 50, 71, 80.

В 1910 г. было учреждено «Акционерное общество электромеханического и телефонного завода “Н.К. Гейслер и К^о”», с основным капиталом 750 тыс. руб., разделенных на 1 500 акций по 500 руб. каждая.

Цель Общества по уставу состояла «в приобретении, содержании и развитии действий принадлежащего Торговому дому «Н.К. Гейслер и К^о» электромеханического завода в С.-Петербурге»¹⁰⁹. Завод производил телефонные и телеграфные аппараты, измерительные приборы, электрическую сигнализацию, разные точные приборы и т.д. На заводе работали до 850 чел. Для покрытия сделанных займов при постройке и оборудовании нового заводского корпуса в сумме 242 тыс. руб. Общество увеличило основной капитал на 250 тыс. руб. (до 1 млн руб.) посредством дополнительного выпуска акций по номинальной цене 500 руб. каждая¹¹⁰.

Согласно отчетам правления, приведенным в таблице, Общество работало стабильно и ежегодно его показатели росли. Чистый доход за шесть лет (1911–1916) возрос более чем в шесть раз, а средний размер дивидендов составил за тот же период 13,5%, что было выше, чем в других предприятиях данной отрасли. Если в среднем на акцию приходилось по 60, то в 1916-м – по 90 руб., всего – 180 тыс. руб. При этом дополнительно директора-распорядители получили вознаграждения на сумму в 15 тыс. руб.¹¹¹

С началом Первой мировой войны заказы Военно-Морского и Военного ведомств существенно увеличились. Резко возросло производство военных телефонов, артиллерийских приборов, судовой водонепроницаемой телефонной

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 777. Л. 1–3.

¹¹⁰ Там же. Л. 55, 68.

¹¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 1242. Оп. 4. Д. 23. Л. 4–5.

аппаратуры, приборов управления ходом корабля. Мировая война чрезвычайно благоприятно повлияла на развитие предприятия: военными заказами завод был загружен чуть ли не на 90%, выпускалось около 200 различных видов изделий. 50% из этого количества приходилось на артиллерийские приборы, судовую водонепроницаемую телефонию.

Таблица 14

**Основные показатели деятельности Акционерного общества
электромеханического и телефонного завода «Н.К. Гейслер и К^о»
за 1911–1916 гг.**

№	Год	Основной капитал (руб.)	Количество акций	Стоимость акций (руб.)	Чистая прибыль (тыс. руб.)	Дивиденд (%)	Дивиденд (тыс. руб.)
1	1911	750 000	1500	500	73 767	12	37 500
2	1912	750 000	1500	500	246 440	13	90 000
3	1913	1 000 000	2000	500	251 079	14	120 000
4	1914	1 000 000	2000	500	286 756	12	120 000
5	1915	1 000 000	2000	500	338 544	12	120 000
6	1916	1 000 000	2000	500	478 554	18	180 000

Рассчитано по: Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 324–325; ЦГИА СПб. Ф. 1242. Оп. 4. Д. 25. Л. 1, 9, 34, 37, 42, 53; РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 507. Л. 7, 9; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. № 19. С. 735–736.

1916 г. был годом полной загрузки завода. В этот момент в действии находилось около 420 различных типов приводных станков, 93 электромотора мощностью около 300 лошадиных сил. Некоторые мастерские работали почти круглые сутки, день и ночь рабочие не отходили от станков. Интенсивность производства поднялась до невероятных пределов.

Торговля завода к 1914–1915 гг. также развернулась довольно широко: отделения имелись почти во всех крупнейших центрах России и Сибири. В продаже телефонии завод удачно конкурировал с Сименсом и Эриксоном, предлагая более низкие цены. Это было возможно благодаря гигантским прибылям, которые завод получал от военных заказов на судовые и артиллерийские приборы¹¹².

Завод общества «Н.К. Гейслер и К^о» продолжил работать и после 1917 г., о чем свидетельствуют ведомости на выдачу заработной платы личному составу электромеханического и телефонного заводов за период с декабря 1917 г. по декабрь 1918 г. Общий фонд заработной платы за этот период составил 5 507 руб., а ее размер варьировался от 232 до 475 руб. в месяц на человека¹¹³.

¹¹² Булатов В.Ф. История петербургского приборостроительного завода им. А.А. Кулакова. URL: https://computer-museum.ru/connect/ppz_kulakova.htm (дата обращения: 23.06.2023).

¹¹³ ЦГИА СПб. Ф. 1242. Оп. 8. Д. 4. Л. 4–5.

В 1912 г. открыло действия «Петербургское арматурно-электрическое общество» (с 1914 г. — Петроградское. — А.Б.), с основным капиталом в 1,4 млн руб., разделенных на 14 тыс. акций по 100 руб. Цель учреждения: «Для устройства, приобретения и содержания в Петербурге и губернии арматурно-электрических, медно-литейных и металлических заводов и мастерских»¹¹⁴.

В состав предприятия входили арматурно-электрический и механический завод в Петрограде и телеграфный и телефонный завод в Москве. Здесь производили электрическую арматуру, телефонные и телеграфные аппараты, предметы механического производства.

Общество работало с переменным успехом. Если за 1912 г. был выплачен дивиденд в 5%, то за 1913—1915 гг. дивиденды не выплачивались, хотя в 1913-м АО получило прибыль в размере 126 555 руб. Правда, 1914 г. оказался провальным, поскольку Общество получило убытки на сумму 153 088 руб., но уже в 1915 г. прибыль вновь начала расти и достигла суммы в 32 250 руб.¹¹⁵ Судя по отчетам, Общество не увеличивало основной капитал¹¹⁶.

В 1912 г. было учреждено «Акционерное общество электрических аккумуляторов “Рекс”», с основным капиталом 1,6 млн руб., разделенных на 16 тыс. акций по 100 руб. каждая. Причем акции могли быть по желанию владельцев именными или на предъявителя.

Предприятие производило аккумуляторные батареи для подводных лодок, автомобилей, учебных лабораторий, а также бытового назначения. Кроме того, в Петербурге были открыты специализированный магазин (наб. р. Фонтанки, д. 5) и завод (Московское шоссе, д. 6)¹¹⁷. Однако работу Общества нельзя назвать стабильной. Уже за первый операционный год (1913) был получен убыток в 723 руб.¹¹⁸ В 1914 г. убытки достигли 97 082 руб., однако, в 1915 г. получили, наконец, прибыль в 48 280 руб. Тем не менее дивиденды за весь период деятельности Общества (1912—1916) не выплачивались¹¹⁹. Основной капитал не пересматривался и по сведениям за 1916 г. оставался в прежнем размере¹²⁰.

«Русское общество электрических дорог и электрического освещения» (правление в Санкт-Петербурге, предприятие — в Нижнем Новгороде) учреждено в 1897 г., с основным капиталом 1 млн руб.; действия были открыты в 1898 г. Состав предприятия: эксплуатация трамвая в Нижнем Новгороде с двумя элеваторами и устройство электрического освещения. Начиная с 1904 г. Общество стабильно показывало прибыль и выплачивало ежегодные дивиденды. Только за четыре года (1911—1914) средний размер дивидендов составил 11,2% (см. табл. 15).

¹¹⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 1607. Л. 21.

¹¹⁵ Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 327.

¹¹⁶ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1915. № 39. С. 2542—2543.

¹¹⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1381. Л. 1—4.

¹¹⁸ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1914. № 39. С. 2349—2350.

¹¹⁹ Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 328.

¹²⁰ Там же.

В 1905 г. учреждено «Северное электромеханическое общество» с акционерным капиталом 1 млн руб., разделенных на 10 тыс. акций по 100 руб. каждая. Складочный капитал принадлежал Торговому дому «Н. Глебова и К°», который преобразовали в акционерное общество. В 1911 г. основной капитал был увеличен до 1,3 млн руб. ввиду расширения дела¹²¹. Сведений о деятельности Общества за 1915–1916 гг. не имеется.

Таблица 15

Акционерный капитал и дивиденд «Русского общества электрических дорог и электрического освещения» за 1904–1916 гг.

№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Количество акций	Стоимость одной акции (руб.)	Чистая прибыль (руб.)	Дивиденд (руб.)	Дивиденд (%)
1	1904	1 000 000	4 000	250	116 204	15	6
2	1911	1 000 000	4 000	250	223 910	–	10
3	1912	1 000 000	4 000	250	–	25	10
4	1913	1 000 000	4 000	250	–	–	10
5	1914	1 500 000	6 000	250	252 095	25	15

Рассчитано по: Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 23. С. 803–804; 1913. № 20. С. 779–780; 1915. № 23. С. 1020; Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 79.

«Русское акционерное общество электрических районных станций» с правлением в Петрограде было учреждено в 1913 г., с основным капиталом 4 млн руб., разделенных на 8 000 акций по 500 руб. каждая; цель: «для производства, передачи на расстояние и эксплуатации электрической энергии»¹²². Размер акционерного капитала, прибыли и дивидендов за четыре года деятельности Общества отражены в таблице 16.

Таблица 16

Акционерный капитал и дивиденд «Русского акционерного общества электрических районных станций» за 1913–1916 гг.

№	Год	Акционерный капитал (руб.)	Количество акций	Стоимость одной акции (руб.)	Чистая прибыль (руб.)	Дивиденд (руб.)	Дивиденд (%)
1	1913	4 000 000	8 000	500	–	160 000	–
2	1914	4 000 000	8 000	500	487 751	200 000	4
3	1915	4 000 000	8 000	500	–	180 000	4
4	1916	4 000 000	8 000	500	532 262	180 000	4

Рассчитано по: РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1797. Л. 78; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1915. № 35. С. 2165–2166; 1917. № 24. С. 612–613.

¹²¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 78. Л. 1, 5, 72.

¹²² Там же. Д. 1797. Л. 3, 16.

Итак, прибыль Общества росла, дивиденды как в рублях, так и в процентном отношении выплачивались стабильно. Кроме того, на уплату вознаграждения членам правления ежегодно выделяли от 10 до 15 тыс. руб. и на формирование фонда вспомоществования служащих компании — дополнительно до 15 тыс. руб.¹²³ Основной капитал не пересматривался.

АО электрических сооружений «Н.И. Акимов в С.-Петербурге» было учреждено в 1912 г., с основным капиталом в 100 тыс. руб., на 1000 акций по 100 руб. каждая. Акции распределялись между учредителем и приглашенными им лицами по взаимному соглашению. Учреждение создавалось «для приобретения, эксплуатации и дальнейшего развития технической конторы, складов, магазинов электрических материалов, завода по изготовлению электрических аппаратов и для торговли предметами означенного производства»¹²⁴. Сведения о дальнейшей деятельности Общества отсутствуют.

«Русское акционерное общество электрических сооружений» было учреждено в Петербурге в 1913 г., с основным капиталом 120 тыс. руб., разделенных на 2400 акций по 50 руб., из них 800 привилегированных акций на сумму 40 тыс. руб.¹²⁵ В 1915 г. основной капитал был увеличен до 1 млн 120 тыс. руб.¹²⁶

В письме правления в Министерство торговли и промышленности подчеркивалось, что в числе акционеров и служащих Общества все являются русскими подданными, и «Общество чисто русское самостоятельное дело, не находящееся ни в какой связи с враждебными нам государствами»¹²⁷.

В отчете за 1913/1914 г. показана чистая прибыль в размере 6953 руб.; за 1914/1915 г. — 19778 руб.; 1915/1916 г. — 41331 руб., т.е. за три года выросла в шесть раз. Дивиденд на привилегированные акции за 1916 г. составил 7%¹²⁸.

Уже в годы Первой мировой войны в сфере электроэнергетики были учреждены несколько относительно небольших акционерных обществ, в их числе «Русское электрическое общество “Асеа”» (1914). Состав продукции предприятия включал полное оборудование электрических трамваев, холодильников, поставку динамо-машин и моторов, а также оптовую торговлю электрическими принадлежностями; действия были открыты в 1915 г. Основной капитал Общества — 600 тыс. руб., разделенных на 6000 акций по 100 руб. каждая. Дивиденды были выплачены только в 1915 г., в размере 7%¹²⁹, прибыль составила 59226 руб. Из этой суммы для вознаграждения членов правления Общества перечислили 3500 руб., а ежегодное вознаграждение директора-распорядителя составляло 7000 руб. и еще — дополнительно 2,5% от чистой прибыли при гарантии ежегодного дохода в 5000 руб.¹³⁰

АО «Электропровод» (открыто в 1914 г.; акционерный капитал в 100 тыс. руб.) имело склады в 12 городах и в основном занималось торговлей электри-

¹²³ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1797. Л. 78; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 24. С. 612–613.

¹²⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1450. Л. 1–4.

¹²⁵ Там же. Оп. 28. Д. 2556. Л. 10.

¹²⁶ Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 330.

¹²⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 2556. Л. 4.

¹²⁸ Там же. Л. 29, 41, 46, 53.

¹²⁹ Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 323.

¹³⁰ РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 158. Л. 71–72.

ческими проводами. Дивиденд не выплачивался¹³¹. Тем не менее по итогам работы за 1915 г. Общество получило прибыль в размере 13 218 руб.¹³²

В составе АО «Эрг» (открыто в 1916 г.; основной капитал в 250 тыс. руб.) был завод для выделки арматурно-электрических аппаратов¹³³. АО «Русский Сокол» (действия открыты в 1916 г.) имело основной капитал в 200 тыс. руб., разделенных на 1 000 акций по 100 руб. каждая¹³⁴.

В 1916 г. было образовано АО «Электрическая энергия», с основным капиталом в 300 тыс. руб., разделенных на 3 000 акций (именных или на предъявителя) по 100 руб. каждая. По уставу все акции распределялись между учредителями и приглашенными ими к участию в Обществе лицами по взаимному соглашению. Первоначально фирма была создана в 1905 г. как Товарищество на вере «Электрическая энергия» (мастерская для производства гальванических элементов и техническое бюро для исполнения всякого рода работ по всем отраслям электротехники)¹³⁵. «Акционерное общество электрических аккумуляторов “Бэта”» открыло действия в феврале 1915 г. в Петрограде. Цель этого учреждения по уставу: «для производства, эксплуатации и продажи аккумуляторов разных типов и др. предметов электрического оборудования». Основной капитал Общества составил 150 тыс. руб., разделенных на 1 500 акций по 100 руб. каждая¹³⁶.

Наконец уже в начале 1917 г. было учреждено АО «Соединенные электромеханические заводы», имевшее основной капитал в 750 тыс. руб., разделенных на 7 500 акций по 100 руб. каждая. Как отмечалось в уставе Общества, оно создавалось «для продолжения и развития действий принадлежащего Торговому дому “Ванштейн, Вишняк и К^о – Соединенные электромеханические заводы измерительных приборов БИП” для изготовления всякого рода электрических приборов, аппаратов и машин, а также всевозможной электрической аппаратуры»¹³⁷.

Отдельное место в формировании электротехнической отрасли занимали электрические компании, формировавшиеся в основном в пригородах столицы. Чаще всего это были небольшие акционерные общества, ориентированные на обслуживание населения дачных поселков и пригородных районов, что свидетельствовало о стремлении получить дачниками и жителями этих мест все блага цивилизации, но при этом не платить за электроэнергию по столичным тарифам. Данные общества, как правило, не ставили целью получения коммерческой выгоды, а старались обслуживать абонентов исходя из минимальных расценок, что порождало конфликты с ведущими электрическими компаниями, стремившимися накануне Первой мировой войны монополизировать электротехнический рынок.

¹³¹ Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 336.

¹³² Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 32. С. 1586–1587.

¹³³ Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 336.

¹³⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 1019. Л. 2.

¹³⁵ Там же. Д. 505. Л. 4, 15.

¹³⁶ Там же. Оп. 14. Д. 625. Л. 3–4.

¹³⁷ Там же. Оп. 13. Д. 1158. Л. 5.

В 1909 г. было учреждено «Сестрорецкое паевое электрическое товарищество» в Петербургской губ. (правление располагалось в Петербурге), с основным капиталом в 30 тыс. руб., распределенных на 600 паев по 50 руб. каждый¹³⁸. Цель этого учреждения: «Устройство электрического освещения в Сестрорецкой приморской дачной местности и прилегающих к нему селениях»¹³⁹.

В г. Павловске (Петербургская губ.) в 1911 г. было образовано «Павловское акционерное электрическое общество» (основной капитал 60 тыс. руб., разделенных на 1200 акций по 50 руб. каждая) с целью «приобретения, устройства и эксплуатации в г. Павловске электрических станций»¹⁴⁰. Чрезвычайное собрание АО от 5 ноября 1911 г. увеличило уставной капитал на 40 тыс. руб. (путем выпуска 800 акций по 50 руб. каждая). В 1913 г. он был снова увеличен — до 1 млн 120 тыс. руб. (протокол чрезвычайного собрания от 12 июня 1913 г.) путем дополнительного выпуска 20 тыс. акций по 50 руб. каждая¹⁴¹. В результате Общество получило свидетельство о том, что оно переименовано в «Русское акционерное общество электрических сооружений» на основании высочайше утвержденного 23 августа 1913 г. положения Совета министров (от 14 февраля 1915 г.)¹⁴².

В прошении об увеличении основного капитала также содержалось ходатайство на имя министра торговли и промышленности о том, чтобы не увеличивать стоимость одной акции. В прошении, написанном из опасения поглощения крупнейшим столичным «Обществом 1886 года» Павловского общества, указывалось: «Изменение номинала неминуемо повлечет за собой аннулирование нашего соглашения с фабрикантами и принесет значительный убыток. В противоположность конкуренту всех русских электрических предприятий “Обществу 1886 года”, наше дело до сих пор не носило характера синдикатского, к тому же Павловское общество работает исключительно на русские деньги, привлекая местных капиталистов г. Павловска и других окрестных городов. В противовес тому же Обществу 1886 года, дивиденд коего составляет почти 12%, Павловское общество до сих пор ставило себе целью и ныне стремится предоставить окрестным фабрикам ток от 3,5–4 коп. за киловатт, рассчитывая при этом на дивиденд в 5–6%»¹⁴³. Поэтому Общество просило оставить при увеличении основного капитала прежнюю номинальную цену акции — 50 руб.

В рапорте министра торговли и промышленности в Правительствующий сенат от 17 января 1914 г. указывалось о разрешении выпуска акций по цене 50 руб.¹⁴⁴ Далее Общество работало под названием «Русское акционерное общество электрических сооружений», с правлением в Петрограде и основным капиталом, увеличенным до 1 млн 120 тыс. руб. В отчете за 1913/1914 г. чистая

¹³⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 479. Л. 1–3.

¹³⁹ Там же. Л. 2.

¹⁴⁰ Там же. Д. 905. Л. 1–4.

¹⁴¹ Там же. Л. 75, 126–127.

¹⁴² Там же. Л. 150.

¹⁴³ Там же. Л. 127.

¹⁴⁴ Там же. Л. 142.

прибыль Общества составила 6953 руб., за 1914/1915 г. она выросла до 19778, а за 1915/1916 г. — до 41 331 руб.¹⁴⁵

Сведения о выплате дивидендов за эти годы отсутствуют, однако, в докладе правления общему собранию от 5 ноября 1916 г. отмечалось, что дивиденд на привилегированные акции на сумму 40 тыс. руб. был выплачен в размере 7% годовых, что составило 2 800 руб.¹⁴⁶

«Шуваловское общество электрического освещения» Петербургской губ. — еще одно пригородное электрическое общество — было учреждено уже в 1905 г., но начать свою деятельность оно смогло только в 1910 г. — возникли сложности с формированием основного капитала, состоявшего из 120 тыс. руб., разделенных на 2400 акций по 50 руб. каждая. Общество создавалось для устройства и эксплуатации электрических станций для освещения дачных поселков — Шувалово, Озерки и Парголово¹⁴⁷. «Шуваловское общество» просуществовало до 1913 г., а затем было поглощено «Обществом 1886 года», являвшимся, по сути, монополистом на столичном рынке электроэнергии¹⁴⁸.

Заключение

Таким образом, в столице (вместе с пригородами) на рубеже XIX—XX вв. были официально учреждены 32 акционерных электротехнических и электрических акционерных компании. Часть из них (в основном небольших компаний) в годы Первой мировой войны в силу разных причин вынуждена была прекратить свою деятельность. Однако большинство фирм, в том числе имевших иностранное (в основном немецкое и частично бельгийское) происхождение, продолжили работать и в новых условиях, несмотря на введение «внешнего управления».

Основной капитал, заявленный при учреждении акционерных обществ в столице и пригородах, согласно проведенным подсчетам, составлял первоначально порядка 49 млн руб. Капитал 28 столичных и 3 пригородных компаний, продолжавших работать в 1916 г., возрос до 147 млн руб., т.е. более чем в три раза. При этом шесть крупнейших компаний («Общество 1886 года», «Сименс и Гальске», «Электрического освещения Санкт-Петербурга», «Петроградское общество электрических сооружений», «Всеобщая компания электричества», «Тюдор»), с первоначальным основным капиталом 18,5 млн руб., к 1917 г. нарастили его до 89,5 млн руб., т.е. почти в 4,5 раза.

В целом увеличение основного капитала столичных обществ можно оценить как умеренное (в среднем в два-три раза за весь период работы). Более того, девять компаний (28% от общего числа) вообще не повышали свой акционерный капитал. Правда, это были в основном небольшие общества, начавшие свою деятельность (существенно не влиявшую на ситуацию на электротехническом и электрическом рынке) либо накануне, либо уже в годы вой-

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 2556. Л. 29, 40—41, 46.

¹⁴⁶ Там же. Л. 52—53.

¹⁴⁷ Акционерно-паевые предприятия России... [на 1917 г.]. С. 333.

¹⁴⁸ См.: Бессолицын А.А. «Слияние и поглощение»: монополизация электротехнического рынка России в начале XX века // Экономическая история. 2021. Т. 17. № 3. С. 209—226.

ны, такие как: «Электропровод» (основной капитал в 100 тыс. руб.), «Русский Сокол» (200); «Электрическая энергия» (300); «Бэта» (150) и др. Однако ряд ведущих столичных компаний смогли нарастить капитализацию в несколько раз. Например, телефонная компания «Эриксон Л.М. и К^о» увеличила капитал с 500 тыс. (1905) до 4 млн руб. (1916), т.е. за 11 лет в восемь раз; «Общество 1886 года» — с 3 млн (1887) до более чем 50 млн руб. (1916), т.е. в 17 раз; «Всеобщая компания электричества» — с 1 млн (1901) до 24 млн руб. (1916), т.е. за 15 лет — в 24 раза и т.д.

О результатах работы акционерных обществ свидетельствует и размер выплаченного акционерам дивиденда. Надо отметить, что средний размер дивидендов за 20 лет (1885—1904) во всех отраслях обрабатывающей промышленности в России вырос с 6,7 до 7,03%¹⁴⁹. Что касается электротехнических и электрических компаний, то первоначально финансовый отчет единственного на тот момент официально зарегистрированного электротехнического предприятия — «Общества 1886 года» — был опубликован только в конце 1888 г. Согласно этому отчету на акционерный капитал в 1 млн руб. за 1887 г. с чистой прибыли в 48 752 руб. дивиденды были выплачены на сумму 30 тыс. руб. (на 2 000 акций, по 15 руб. на каждую)¹⁵⁰. Таким образом, размер дивиденда составил чуть более 3%.

Однако уже в начале XX в. размер выплачиваемых дивидендов в постоянно развивавшейся электротехнической отрасли существенно возрос. Подсчеты показали, что по итогам 1915 г. средний размер дивидендов по 23 столичным компаниям (без учета образованных уже в годы войны и трех небольших пригородных обществ) составил 7,4%. С учетом того, что в семи компаниях в силу разных причин дивиденды за 1915 г. не выплачивались (хотя и было заявлено о полученной чистой прибыли), начисленный дивиденд достигал в среднем 10,7%. Это было сопоставимо с другими ведущими отраслями производства в России. Исключение составляли только нефтепромышленные компании. Так, Товарищество «Бр. Нобель» выплатило на дивиденд за 1915 г. из расчета 30% годовых¹⁵¹.

В целом электротехнические компании столицы на протяжении всего исследуемого периода развивались стабильно, способствуя росту производства на предприятиях смежных отраслей промышленности.

Библиография

- Актеры российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение / Рос. акад. наук, Уральское отд., Ин-т истории и археологии. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 313 с.
- Акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске». Исторический очерк. СПб.: [б.и.], 1912. 15 с.

¹⁴⁹ Соловьева А. М. Прибыли крупной промышленной буржуазии в акционерных обществах России // История СССР. 1984. № 3. С. 44.

¹⁵⁰ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1888. № 46. С. 897—898.

¹⁵¹ См.: Биржа и русская промышленность. Ежегод. изд. Независимый, беспарт., прогрессивный орган (Прил. к журн. «Биржа»). 1917. № 1—2. С. 7.

- Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным / под общ. ред. В.В. Лаврова. М.: М. Лавров, 1912–1917; [на 1917 г.]. 1917. 613 с.; [на 1912 г.]. 1912. 274 с.; [на 1913 г.]. 1913. 504 с.; [на 1914 г.]. 1914. 575 с.
- Акционерные, паевые и другие отчетные предприятия, подлежащие обложению государственным промысловым налогом на 1-е января 1908 г. по данным, извлеченным из делопроизводства Департамента окладных сборов Министерства финансов / сост. П.П. Виткович. СПб.: [б.и.], 1908. 227 с.
- Бессолицын А.А.* «Слияние и поглощение»: монополизация электротехнического рынка России в начале XX века // Экономическая история. 2021. Т. 17. № 3. С. 209–226.
- Бессолицын А.А.* Формирование электротехнической отрасли в России на рубеже XIX–XX вв. (историография проблемы) // Экономическая история: Ежегодник. 2021. М.: ИРИ РАН, 2022. С. 435–451.
- Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 4. Кн. 1. М.: Наука, 2006. 702 с.
- Дякин В.С.* Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л.: Наука, 1971. 287 с.
- Загорulyко М.М.* «Виккерс» в России: материалы для разработки проблематики иностранного капитала и государственно-частного партнерства в военной, нефтяной и электротехнической отраслях промышленности России и СССР: монография / М.М. Загорulyко, В.В. Булатов, В.Н. Косторниченко. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 360 с.
- Зив В.С.* Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. 1: Германские капиталы. Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва фин., 1915. 104 с.
- Казан-Шабий Я.Ф.* Московская электротехническая промышленность. М.: тип. «Печ. Дело» Ф.Я. Бурче, 1910. 35 с.
- Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства в России. М.: Эпифания, 1994. 848 с.
- Красильщиков В.А.* Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций / РАН, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: РОССПЭН, 1998. 263 с.
- Лебедев С.К.* К вопросу о связях русской группы Сименса: заказы, клиенты, поставщики // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России. Сборник статей памяти М.М. Шумилова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 63–80.
- Левин И.И.* Германские капиталы в России. СПб.: тип. Ред. период. изд. М-ва ф-в, 1914. 85 с.
- Отдел промышленности Министерства торговли и промышленности. Список фабрик и заводов г. Москвы и Московской губернии. Составлен фабричными инспекторами Московской губернии по данным 1916 г. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1916. 188 с.
- Поткина И.В.* В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах. СПб.: Нестор-История, 2022. 380 с.
- Русское акционерное общество «Всеобщая компания электричества». Отчет за 14-й операционный год с 1 янв. по 31 дек. 1915 г. Пг.: [б.и.], 1916. 1 с.
- Русское акционерное общество «Сименс – Шуккерт». Отчет за время с 1 янв. по 31 дек. 1915 г. Пг.: [б.и.], 1916. 1 с.
- Симонов Н.С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 320 с.
- Соловьева А.М.* Прибыли крупной промышленной буржуазии в акционерных обществах России // История СССР. 1984. № 3. С. 34–49.
- Статистика акционерного дела в России. Вып. 1: Состав директоров правлений на 1897 г. / Изд. Н.Е. Пушкина. СПб.: тип. М-ва путей сообщения, 1897. 300 с.
- Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2008. 1470 с.

Павлов Д.Б.*

Русское гражданское население Квантунской аренды (1898–1905)

*Русские собирались широко развивать дело культуры,
обращая пустынную китайскую территорию
в благоустроенный край.*

Э. Ашмед-Бартлетт,
британский журналист (1905)

*Аннотация. Статья посвящена повседневным колониальным практикам России позд-
неимперского периода на основе изучения русского гражданского населения южной ча-
сти Ляодунского полуострова Китая, которая находилась в российской аренде в 1898–
1905 гг. под названием Квантунской области. Основываясь на мемуарах участников
событий, их дневниках, отечественной и зарубежной публицистике и других источ-
никах, автор рассматривает численность этого социума, его социальный облик, среду
обитания, повседневную жизнь, а также взаимоотношения с коренным китайским на-
селением на всем протяжении русской аренды.*

*Ключевые слова: Российская империя, колониализм, русское гражданское население
Квантунской аренды.*

В марте 1898 г. в развитие российско-китайского союзного договора 1896 г. Россия подписала с Китаем конвенцию о 25-летней (с возможностью продления) безвозмездной аренде южной оконечности Ляодунско-го полуострова (включая 28 обитаемых окрестных островов) общей площадью около 3,2 тыс. кв. км, с населением более 270 тыс. чел. и правом военного и гражданского управления ею. В русских официальных документах за арендованной территорией закрепилось название Квантунской области, которая в 1903 г. была превращена в административный центр вновь образованного Дальневосточного наместничества. Квантунская аренда явилась последним колониальным мегапроектом Российской империи.

В рамках освоения этой территории русское правительство задалось целью преобразовать китайскую крепость Ляюшунь (Порт-Артур) в первоклассную военно-морскую базу для Тихоокеанской эскадры с мощными береговыми укреплениями, а рядом возвести благоустроенный город-порт, крупный центр евроазиатской торговли, получивший название Дальний. Оба города должны были стать конечными пунктами тысячекилометрового ответвления КВЖД, впоследствии названного Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД). «Только прочно укрепившись в Порт-Артуре и связав его железнодорожной ветвью с Россией, — писал в 1900 г. императору министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев, — мы можем твердо ставить свою волю в делах Дальнего Востока и, если потребуется, поддержать ее силой»¹.

* Павлов Дмитрий Борисович — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, dravlov2003@mail.ru

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 165. Оп. 1. Д. 596. Л. 7 об. — 8. Всеподданнейшая записка Муравьева с отметкой об одобрении императором. С.-Петербург, 27 января 1900 г. № 69 (копия).

Масштаб геополитических и геоэкономических ожиданий, связанных с приобретением Квантуна, объем вложенных в этот проект казенных средств (в общей сложности не менее 110 млн руб., или примерно 6% среднегодового расхода всего имперского бюджета), бурная застройка обоих городов и превращение Порт-Артура в центр управления русским Дальним Востоком — все это свидетельствовало о тайном намерении официального Петербурга утвердиться в этой части Китая навсегда. Не удивительно, что современники, русские публицисты и квантунцы-мемуаристы, воспринимали арендованную территорию как «далекую азиатскую окраину» России, а то и как «новый русский край».

Решение намеченных задач сопровождалось наращиванием военного присутствия России на Квантуне (с 11,3 тыс. солдат, матросов и офицеров в 1900 г. до 45–50 тыс. к началу войны с Японией), а также появлением и быстрым ростом его пришлого гражданского населения, которое составляли семьи офицеров и, отчасти, солдат; чиновники, предприниматели, коммерсанты, церковнослужители, железнодорожные, портовые и почтово-телеграфные служащие, сотрудники банков и торговых фирм, инженеры, техники и рабочие, врачи и младший медперсонал, их домочадцы. Все они, по словам современника, явились «из центра России на эту далекую азиатскую окраину для водворения нашей власти и насаждения русской культуры на этом малонаселенном, неприветливом, малопродуктивном и вовсе не благоприятном в климатическом отношении полуострове»².

В первые годы до Порт-Артура переселенцы подолгу добирались морем — переход из Европы через три океана занимал до полутора месяцев. «Мы, — вспоминал ветеран-артурец, — [летом 1898 г.] ехали туда, как едут на необитаемый остров. Мы, назначенные туда на службу, везли с собой такие предметы, которые потом выбрасывали, вплоть до запасов чая и риса»³.

С вводом в строй ЮМЖД летом 1903 г. дорога стала заметно короче — от московского Курского вокзала по Нижегородской линии до Квантуна начали курсировать товарные, пассажирские и скорые поезда, преодолевавшие этот 8850-километровый путь за 13–16 суток.

Если в 1900 г. русское гражданское население Квантуна еще не превышало тысячи человек, то к середине 1901 г. перевалило за три тысячи (3286 чел.) и включало 1838 мужчин, 744 женщины и 704 детей⁴. Всеподданнейший отчет Главного начальника области вице-адмирала Е.И. Алексеева за 1900–1901 гг. зафиксировал в его «владениях» уже 10326 русских гражданских подданных⁵ (из них около 6 тыс. крестьян обоего пола по происхождению) при полном

² Хвостов А. Русский Китай. Наша первая колония на Дальнем Востоке // Вестник Европы. 1902. № 10. С. 653.

³ Д-т. Прошлое Порт-Артура. Воспоминания до войны 1904 г. СПб., 1908. С. 64.

⁴ Памятная книжка Квантунской области на 1901–1902 гг. Ч. 1. Порт-Артур, 1901. С. 62. По области это население распределялось следующим образом: в Порт-Артуре — 2354 чел.; Дальнем — 724; в городах: Талиенван — 91; Цзинь-чжоу (в русском написании чаще — Кинь-чжоу) — 8; Бицзыво — 9; на остальной территории — 100. См.: там же.

⁵ Порт-Артур и Дальний, 1894–1904: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов / сост., авторы Введения и комментариев И.В. Лукоянов, Д.Б. Павлов. М.; СПб., 2018. С. 244.

отсутствии русских сельских поселений, из чего следует, что здешняя диаспора была почти исключительно городской. Из гражданских вне городов жили главным образом железнодорожники, причем Николай II, принимая весной 1903 г. военного министра А.Н. Куропаткина перед его поездкой на Дальний Восток, высказал заинтересованность в дальнейшем заселении «русским элементом» полосы отчуждения КВЖД⁶. По характеристике Алексева, существенную часть русской неслужилой диаспоры Квантуна составляли «искатели приключений, покинувшие родину ради крупных заработков на далекой окраине» — публика, сетовал он, «довольно беспокойная», склонная к «нарушениям общественной тишины, дракам и ссорам»⁷. К январю 1903 г. в Порт-Артуре постоянно проживало уже около 18 тыс. (17 709) русских гражданских⁸ и примерно 2000 — в Дальнем, а всего в Квантунской области — немногим более 20 тыс. чел.⁹ В подавляющем большинстве это были этнические русские.

Упрочение в Маньчжурии российского влияния сопровождалось стремительными изменениями в жизни края. По словам очевидца, эта жизнь закипела с «лихорадочною быстротою, где каждый день приносит с собою что-нибудь новое и прибавляет новый камень к великой русской созидательной работе, — за <...> один год произошло столько перемен, сколько, кажется, при других условиях жизни не бывает и за 10 лет»¹⁰. Крупнейшим русским городом в Маньчжурии стал Харбин — основанная в 1898 г. «столица КВЖД». На второе место выдвинулся Порт-Артур не только как крепость и военноморская база, но и как средоточие коммерческой и деловой жизни Квантуна, перевалочный пункт в торговле с Америкой, портами Китая, Японии и Кореи; по словам современника, «все дороги ведут на Порт-Артур и через Порт-Артур»¹¹. Третьим в неофициальном списке крупнейших русских городов этой части Китая стал активно застраивавшийся Дальний, который, однако, поначалу виделся квантунцам лишь каким-то дачным пригородом Порт-Артура. Предначертанную министром финансов С.Ю. Витте роль крупного транзитного хаба евроазиатской торговли¹² ему еще предстояло сыграть.

⁶ Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 130 (запись от 10 апреля 1903 г.). В 1903 г. на КВЖД работали более 18 тыс. русских и почти 21 тыс. китайцев. См.: *Василенко Н.А.* Первостроители КВЖД. К 100-летию магистрали. URL: cyberleninka.ru/article/n...kvzhd-k-100...magistrali.

⁷ Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи... С. 244.

⁸ *Тиреер.* Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 1. С. 188.

⁹ Для сравн.: в начале XX в. численность русского гражданского населения Харбина составляла 15,5 тыс. чел. В других областях Поднебесной русские колонии были крайне малочисленны: в полуторамиллионном Пекине — немногим более 120 чел., в 700-тысячном Тяньцзине — 32 чел., включая семью русского консула. См.: *Василенко Н.А.* Первостроители КВЖД. К 100-летию магистрали; *Янчевецкий Д.Г.* У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента «Нового края» на театре военных действий в Китае в 1900 г. с приложением книги А.В. Верещагина «В Китае. Воспоминания и рассказы 1901–1902 гг.». М., 2013. С. 38.

¹⁰ *Рунич С.* В Маньчжурии // Исторический вестник. 1904. Т. 95. № 2. С. 610.

¹¹ Там же. Т. 96. № 4. С. 236.

¹² Подробнее о планах С.Ю. Витте относительно экономического проникновения в Китай и его роли в разработке дальневосточной политики России см.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008. С. 94–103.

Однако по уровню благоустройства и комфорта эти города было бы справедливо расположить в обратном порядке. В интересующие нас годы улицы 45-тысячного Харбина не были замощены и в сезон дождей неприятно поражали путешественников непролазной грязью; хаотично и как-то «судорожно» (по выражению Н.Г. Гарина-Михайловского) застроенная столица КВЖД тогда не имела ни электричества, ни водопровода, ни уличного освещения¹³. О благоустроенных набережных, дачных пригородах, оранжереях или спортивных сооружениях, как в Порт-Артуре и тем более в Дальнем, здесь тогда не было и речи.

Порт-Артур в момент перехода под русскую аренду весной 1898 г., по свидетельству очевидцев, представлял собой «очень небольшой и весьма грязный китайский городок, весь сосредоточивавшийся в районе называемого ныне Старого города»¹⁴, с населением в 4–5 тыс. чел. Согласно описаниям начала XX в. и сохранившимся фотографиям, он и дальше оставался архитектурно малопривлекательным, с «наскоро и кое-как переделанными для русских китайскими серыми домиками»; «все какие-то лачуги, не то на китайский манер, не то на русский, не то на японский <...> Улицы узенькие. Два экипажа с трудом разъезжаются»¹⁵. Однако в 1903–1904 гг., после массового сноса китайских фанз в ходе борьбы с холерной эпидемией 1902 г., столица Квантунской области и Дальневосточного наместничества в соответствии с вновь разработанным и высочайше утвержденным в мае 1901 г. градостроительным планом стала расширяться, преобразовываться и благоустраиваться на европейский лад. «За пять лет русского владения, – вспоминал Д.В. Никитин, – город Порт-Артур сильно изменился. Старый туземный городок <...> остался, конечно, со своими кривыми и узкими улицами, но в китайских одноэтажных домах, прежде так уныло смотревших на улицу своими сплошными глухими стенами, проделаны были окна и двери, появились крылечки русского образца, заpestрели вывески магазинов, ресторанов <...> Словом, старый город обрусел. Новый город <...> строился по американскому образцу. Проводились широкие прямые улицы с мостовыми и тротуарами чисто столичного типа, с площадями, парками и бульварами, с готовой канализацией, водоснабжением и электрической проводкой»¹⁶.

Незадолго до Русско-японской войны Порт-Артур представлял собой город с населением 42,5 тыс. чел., включая порядка 23,5 тыс. постоянных жителей – китайцев. По населению он был сопоставим с тогдашними губернскими городами – Калугой, Уфой, Тамбовом, Смоленском, Рязанью и превосходил своих ближайших российских «соседей» – Хабаровск и Владивосток. 360 из

¹³ Гарин Н.Г. Дневник во время войны // Гарин Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 6. Пг., 1916. С. 80–81.

¹⁴ Лобач-Жученко Б.М. Порт-Артур. СПб., 1904. С. 6. См. также: Котвич Вл., Бородовский Л. Лядун и его порты: Порт-Артур и Да-лянь-вань (историко-географический очерк). СПб., 1898. С. 38.

¹⁵ Ларенко П.Н. Страдные дни Порт-Артура. Хроника военных событий и жизни в осажденной крепости с января 1904 по январь 1905 г. Ч. 1. СПб., 1906. С. 24; Верещагин А.В. В Китае. Воспоминания и рассказы 1901–1902 гг. // Янчевецкий Д.Г. У стен недвижного Китая... С. 414.

¹⁶ Никитин Д. (Фокагитов). Как началась война с Японией // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 48.

более 3 200 домов, имевшихся в Порт-Артуре, были частными¹⁷. «Любопытный факт» заметил очевидец: «Китайцы, не стесняемые властями, но присмотревшиеся к новой городской архитектуре, сами начали возводить свои жилища в европейском вкусе: обыденных своих домов без окон не строили вовсе»¹⁸.

Как и замыслили «отцы города», Порт-Артур включал «старую» (китайскую) и «новую» (русскую) части (к западу от китайской), соединенные шоссе по дамбе через речку Лун-хэ. Были разбиты бульвар, названный Николаевским, городской сад с крытой оранжереей и обширным, в 33 десятины, питомником, в котором к 1903 г. произрастало до миллиона растений, включая несколько тысяч деревьев. Остатки китайских кварталов Старого города ожидал снос (в будущем здесь предполагалось сосредоточить службы и учреждения военно-морской базы), новая жилая часть обустраивалась по-европейски, повсеместно улицам давались русские названия: Широкая, Морская, Пушкинская, Солдатская, Матросская, Саперная, Торговая, Банковская набережная и т.д. В МИД еще в 1898 г. подумывали переименовать и сам город в Свято-Никольск, Николаямирск и т.п., но эта инициатива петербургских дипломатов высочайшего одобрения не получила. Горожан обслуживали 160 китайских рикш и русских легковых и ломовых извозчиков, действовала телефонная сеть. В ближайшем пригороде появились «Дачные места» и заведенные русскими молочные фермы, ориентированные на европейского потребителя (традиционная китайская кухня не знает молочных продуктов).

В старой части Порт-Артурса находились китайский базар, уставленный лавками-навесами, судоремонтные мастерские с китайско-русским персоналом, верфь, сухой док (еще один, бóльший, строился под Золотой горой у входа на внутренний рейд), коммерческая гавань и портовое управление. В 1902–1903 гг. в коммерческую гавань Порт-Артурса ежегодно заходили 730–760 грузовых судов, половина – под русским флагом. С приходом русских, помимо ранее существовавших полукустарных чугунолитейных и неплохо оснащенных доковых мастерских, городскую промышленность стали составлять типография, пекарни, скотобойня, табачная фабрика, лесопилка, паровая мельница Н.И. Тифонтая, пивзавод Ф.И. Ноюкса, два завода по спиртоочистке, казенный завод пищевого льда. На этих предприятиях и в порту трудились 3–4 тыс. русских рабочих, большинство которых с 1901 г. были заняты сборкой миноносцев, построенных на столичных Невском и Ижорском заводах и доставленных в Порт-Артур в разобранном виде. Всего их вышло с верфи 12, последние – уже во время Русско-японской войны. С ее началом, весной 1904 г., порт-артурский пролетариат пополнили мастеровые Обуховского сталелитейного завода, Балтийского судостроительного и других питерских машиностроительных предприятий, всего – более тысячи человек, привлеченных высокими заработками и набранных по вольному найму. Последняя их партия в 850 чел. прибыла в Порт-Артур 8(21) апреля 1904 г.¹⁹ Общая численность рус-

¹⁷ Айранетов О.Р. Автор, время и события «Дневника» // Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 27.

¹⁸ Тиреер. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 2. С. 229.

¹⁹ Ларенко П.Н. Страдные дни Порт-Артурса... Ч. 1. С. 113.

ского рабочего люда на Квантуне приблизилась, таким образом, к 5 тыс. чел. В период осады рабочие занимались преимущественно ремонтом боевых судов, большим подспорьем в работе стали пневматические сверла, приспособления для клепки и другие привезенные ими с собой механизмы²⁰. Работали посменно, в период осады – главным образом по ночам, многие пострадали от вражеских артобстрелов.

Еще в предвоенные годы в Порт-Артуре появились капитальные здания. Это были штаб области и другие правительственные учреждения; казармы (трехэтажное каменное здание Квантунского флотского экипажа на 6 тыс. чел., возведенное перед самой войной и сохранившееся до наших дней, британец Фрэнсис Маккулах признал лучшей постройкой такого рода на всем Востоке); особняки начальствующих лиц; корпуса учебных заведений (некоторые из них также сохранились).

Летом 1898 г. в Старом городе была построена деревянная Никольская церковь с колокольней (так называемая отрядная; еще пять полковых и госпитальных храмов занимали приспособленные помещения²¹). В 1903 г. на Соборной горке в присутствии военного министра А.Н. Куропаткина состоялась торжественная закладка белораморного храма Николая Чудотворца на 2 тыс. прихожан по типу российских кафедральных соборов, но до войны успели закончить только его фундамент.

Учредили свои отделения Русско-Китайский и Ярославско-Костромской поземельный банки. Здесь же находились две из трех областных сберкасс; железнодорожный вокзал непритязательной архитектуры (станция Порт-Артур относилась к низшему, 5-му, разряду и не имела ни депо, ни железнодорожных мастерских); лечебницы и амбулатории; сеть средних учебных заведений (реальное училище, женская гимназия, военная школа, Пушкинское городское училище с китайским отделением); читальни и библиотеки; гостиницы и рестораны («Саратов», «Звездочка», «Петергоф» и др.); лавки и магазины; до 700 представительств торговых домов и фирм (немецких – «Кунст и Альберс», «Сиэтак, Блок и К°», американских – «Торговой компании», «Кларксон и К°», российских – «А.М. Кондаков», «Чурин и К°», «М. Гинсбург и К°», «И.Т. Пташников», Горно- и лесопромышленного товарищества, китайских – «Бисмарк и К°», «Тифонтай» и др.)²². Начали действовать почта и телеграф²³,

²⁰ Подгурский Н. Из воспоминаний об осаде Порт-Артура // Военный сборник. 1906. № 5. С. 222.

²¹ Памятная книжка Квантунской области на 1902–1903 гг. Порт-Артур, 1902. С. 37.

²² По оценке П.Н. Ларенко, порт-артурское купечество «менее всего могло быть названо русским», поскольку наряду с иностранцами (немцами, американцами, японцами) в нем преобладали армяне, греки, молдаване и другие уроженцы Юга России. См.: Ларенко П.Н. Страдные дни Порт-Артура ... Ч. 1. С. 25. Б.М. Лобач-Жученко подчеркивал роль немецких фирм в торговой жизни Порт-Артура, особенно до ввода в строй ЮМЖД в 1903 г. См.: Лобач-Жученко Б.М. Порт-Артур. С. 20.

²³ Удобное, быстрое (по тогдашним меркам) и по цене доступное населению почтово-телеграфное сообщение с внешним миром, включая Россию, на Квантуне наладилось не сразу. Первая почтовая контора с апреля 1898 г. действовала в Порт-Артуре, а с 1901 г. – в Талиенване и Дальнем. До открытия регулярного движения по южной ветке КВЖД почта из Европейской России в основном доставлялась морем на иностранных пароходах за 35–45 дней, с пуском магистрали – по железной дороге за 20–25 суток. Квантунский телеграф напрямую с российским был соединен только в 1902 г. До этого телеграммы с территории аренды

метеостанция, пожарная часть с обозом и каланчой, фотоателье, контора нотариуса, лавки часовщиков, ювелиров. Общий доход городского хозяйства, считая и поступления от продажи земельных участков в Новом городе, в 1901 г. превысил 1,3 млн руб., совокупный торговый оборот частных артурских фирм – 35 млн руб. за тот же год²⁴. Специальная комиссия разрабатывала проект прокладки городской конно-железной дороги либо электрического трамвая.

Все это в той или иной степени обслуживал русский персонал²⁵, наиболее многочисленный в портовых, строительных, железнодорожных, почтово-телеграфных и медицинских учреждениях с соответствующими культурными и общественными запросами. Отвечая им, осенью 1901 г. турне по русской Маньчжурии, включая Порт-Артур и Дальний, совершил хор «Славянская капелла» под руководством певицы (сопрано) и дирижера М.Д. Агреновой-Славянской²⁶. В январе 1904 г., благодаря выделенной наместником субсидии, в Порт-Артуре гастролировала выставка произведений русских и французских художников, привезенная из Иркутска²⁷.

В Порт-Артуре появились разнообразные общества – спасения на водах, любителей древонасаждения, велосипедистов-туристов, теннис-клуб и др. Любительские концерты и спектакли давали «Общество хорового пения» и «Артистический кружок». В Дальнем под руководством жены градоначальника действовало «Общество вспомоществования впавшим в нужду соотечественникам», а в Порт-Артуре с 1902 г. под началом В.А. Стесселя (супруги генерала А.М. Стесселя) – многолюдное (свыше 130 членов) «Квантунское благотворительное общество» со скромным приютом для русских детей-сирот. До прихода русских светской общественной жизни на Квантуне вовсе не существовало – китайские сельские и городские общества ограничивались устройством и проведением религиозных празднеств.

На Суворовском (или Казачьем) плацу Квантунское скаковое общество под руководством директора порт-артурского отделения Русско-Китайского банка В.И. Мосса дважды в год устраивало скачки. Здесь же при не меньшем

отправлялись либо через Владивосток, куда доставлялись морем за неделю, либо за большие деньги (1 руб. 25 коп. за слово) по подводной линии монополиста – Датской телеграфной компании. С вводом в строй собственного телеграфа тарифы стали составлять: 15 коп. за слово в Центральную Россию, 10 коп. – в Сибирь и 5 коп. – по Квантунской области и Маньчжурии.

²⁴ Подсчитано по: *Tureer*. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 2. С. 230–231.

²⁵ Практиковался и наем западноевропейцев, которых в 1901 г. на всей территории аренды постоянно проживало 1180 чел. Так, в Дальнем, в Управлении по постройке коммерческого порта, на различных инженерных и технических должностях трудились британские, прусские, австрийские и итальянские подданные. Учитывая это, в городе за счет русской казны планировали возвести англиканскую, католическую и лютеранскую церкви. Заметный вклад в застройку Дальнего внес молодой берлинский архитектор Хуго Георг («Георгий Робертович») Юнгхендель. В частности по его проекту была построена лучшая гостиница города – «Дальний».

²⁶ *Иванов И.Е.* Впечатления из военно-походной жизни за время оккупации Маньчжурии в 1900–1903 гг. СПб., 1907. С. 31.

²⁷ ИРЛИ (Пушкинский Дом). Рукописный отдел. Ф. 265 (Архив журнала «Русская старина»). Оп. 2. Д. 1621 (Воспоминания Н.Ф. Мельницкого). Тетрадь 1. Л. 26.

стечении публики проходили военные смотры и парады, главным из которых считался проводимый 16 марта – в годовщину вступления в Порт-Артур русских войск.

Русская театральная жизнь на Квантуне ведет отсчет с конца 1890-х гг., когда музыкально-драматические вечера в Порт-Артуре начал проводить антрепренер и драматург К.П. Мирославский. С 1903 г. в здании здешнего матросского клуба («чайной»; до прихода русских в нем размещался китайский театр) представления давал театр под руководством отставного штабс-капитана Н.Г. Осипова²⁸. Поначалу театр, на манер цирка, пробавлялся гимнастами, фокусниками, борцами, кафешантанными танцовщицами и лишь изредка – оперетками и одноактными водевилями. Со временем из России сюда стали наезжать профессиональные труппы с пьесами Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, А.Ф. Писемского. В январе 1904 г. в Новом городе открылся театр-варьете некоего Г.П. Виньерато, с участием, как он печатно объявлял, «лучших артистов и артисток, приглашенных из Европейской России»²⁹. С началом войны актеры выехали в Россию, театры закрылись, антрепренер Осипов вернулся на военную службу.

В общем за считанные годы убогое, разоренное японцами в войне 1894–1895 гг. китайское поселение превратилось в более или менее европеизированный город, который, правда, еще почти не имел ни мощеных мостовых и тротуаров (преобладали узкие деревянные; в обычное время на улицах – пыль столбом, после дождя – «грязь невылазная»³⁰), ни электрического освещения – электрифицирован был только порт, улицы освещали 120 керосиновых фонарей. Телефонная сеть, водозабор из речки Лун-хэ и канализация работали по временной схеме. Недостаток пресной воды восполняли два казенных опреснителя, а также 12 городских колодцев, из них восемь общественных, причем вода во всех случаях была невысокого качества. Воду Лун-хэ многие приезжие вообще считали «полуотравленной» сельскохозяйственными стоками, и состоятельные артурцы предпочитали привозную японскую минеральную воду. Экологическая обстановка была не лучше: «В хорошую тихую погоду весь город покрыт облаком густого черного дыма, несущегося с нашей Тихоокеанской эскадры и торговых судов, стоящих на внутреннем рейде, под самым городом. Дышать положительно нечем. Чуть прошел по городу, как тебя облепит сажей до такой степени, что весь делаешься черным, как араб», – жаловался очевидец³¹.

Зато Дальний уже во второй половине 1900 г. удивлял приезжих «грандиозным видом и строго выдержанным своим стилем»³², впечатляя «блестящей чистотой, изящным типом архитектуры своих построек, хорошими мостовыми и вообще образцовым благоустройством»³³. «Точно в сказке, – востор-

²⁸ Преснякова Л.В. Театр в Порт-Артуре. URL: portfolio.vvsu.ru/files/39EE0A32-515E-4C60-86C6.

²⁹ Новый край. 1904. 1 января. С. 1.

³⁰ Щеголев И. Воспоминания порт-артурца, 1903–1904 г. Одесса, 1905. С. 5.

³¹ Там же. С. 7.

³² Дьяков Н.А. Год на крейсере «Адмирал Нахимов» (судовые заметки и впечатления 1899–1900 гг.). СПб., 1904. С. 199.

³³ Рунич С. В Маньчжурии // Исторический вестник. 1904. Т. 96. № 4. С. 238.

гался полковник А.В. Верещагин: — дома, дома, один лучше другого. Разные постройки, церковь, присутственные места, биржа, конторы, доки, пристани, сады, электрическая станция <...> Выстроены и сухие доки, облицованные гранитом, — длинные, широкие, вмещающие в себя громадных морских гигантов»³⁴.

Писатель и журналист Д.Г. Янчевецкий, который в 1899 г. обнаружил в здешних полудиких местах лишь несколько китайских лачуг, «гаолян на полях и устриц на берегу», спустя два года увидел растущий город с широкими замощенными проспектами и площадями, освещенными электричеством улицами. Они были застроены кирпичными домами европейской архитектуры в два-три этажа и носили русские названия³⁵ (Петербургская набережная, Московское шоссе, Красная площадь, Инженерный проспект, Самсониевский бульвар, Часовенная улица и т.д.).

Эти восторги разделяли и далекие от русофильства иностранцы. «Беспристрастный наблюдатель, — писал британский журналист, — не может не восхищаться тем, что создала Россия <...> где менее 5 лет тому назад не видно было ничего, кроме нескольких несчастных китайских фанз, стоит теперь цветущая гавань и город Дальний <...> русские собирались широко развивать дело культуры, обращая пустынную китайскую территорию в благоустроенный край. Красивые здания, в которых применена вся роскошь современного комфорта, росли очень быстро, пока Дальний со своими домами из красного кирпича и хорошо мощеными дорогами не стал похожим на английский приморский город [следует понимать как высшую похвалу. — *Д.П.*]. Отличные гостиницы могли приютить приехавшего с запада путешественника <...> большой театр строился близ берега моря, были уже построены собор, больница и городское управление <...> С этим быстрым потоком культуры нахлынули сюда и китайцы; они тысячами наводнили Дальний»³⁶. Его соотечественнику и коллеге в циклопических портовых сооружениях Дальнего увиделось «что-то римское, характеризующее колосса-строителя — Империю, расточающую свои неисчерпаемые богатства»³⁷.

Импозантный, архитектурно интересный, лучший «между массой основанных за последнее время русских городов» — такими эпитетами награждали Дальний как рядовые соотечественники, так и специалисты-архитекторы³⁸. Того же взгляда придерживаются и современные исследователи³⁹. Немногие критики, в большинстве — представители военного ведомства, указывали на чуждый русскому глазу вычурный «готически-китайский» стиль архитектуры Дальнего, особенно его административной части.

³⁴ *Верещагин А.В.* В Китае... С. 463—464.

³⁵ *Янчевецкий Д.* В Дальнем. Впечатления корреспондента // Новый край. 1901. 11 марта. С. 4.

³⁶ *Ашмед-Бартлетт Э.* Осада и сдача Порт-Артура / пер. с англ. СПб., 1907. С. 11—13.

³⁷ *Маккулах Ф.* Среди казаков / пер. с англ. // Русская старина. 1915. Т. 161. Кн. 1. С. 204.

³⁸ *Семенов В.Н.* Благоустройство городов. М., 1912. С. 173.

³⁹ См.: *Левочкин С.С.* Город Дальний в истории российского градостроительства в Маньчжурии // Россия и АТР. 2000. № 4. С. 96—107; *Крадин Н.П.* Дальний (Далянь). Город европейского типа на востоке Азии // Архитектурное наследие. 2003. Вып. 45. С. 162—173; и др.

По характеристике руководства Общества КВЖД, Дальний строился в «прекрасной здоровой местности»⁴⁰ на берегу Виктория-бэй — одной из бухт юго-западной части обширного Талиенванского залива на месте нескольких китайских деревушек, фактически — в чистом поле. Поземельные отношения с коренным населением удалось урегулировать безболезненно — земля была выкуплена за высокую, даже по российским меркам, цену — до 136 руб. за дес. пашни при внутрироссийских ценах тех же лет — в 93–95 руб. за дес. В 1899–1900 гг. была проведена трассировка улиц будущего города, разбивка его площадей и скверов, начаты работы в порту. Город и его инфраструктура создавались из расчета 100 тыс. жителей, в дальнейшем ожидался четырехкратный (до 400 тыс.) рост его населения. Согласно справке городских властей, представленной военному министру А.Н. Куропаткину, посетившему Дальний, к середине 1903 г. в нем реально насчитывалось 34060 постоянных жителей (из них 26950 китайцев, остальные — русские, японцы и западноевропейцы). И многим современникам он казался несообразно малолюдным — «городом мертвых» назвал его британец Ф. Маккулах после посещения осенью 1903 г.

Как бы там ни было, остается фактом, что за какие-то 4–5 лет русской аренды китайское население Талиенванской бухты увеличилось в 15–20 раз — с 1,5–2 до почти 27 тыс., не считая трудно поддающейся количественному учету армии сезонных китайских рабочих. Только весной 1900 г. их сюда явилось порядка 12 тыс., а в летний строительный сезон на заработки на Квантун прибывало и до 100 тыс. чел.

Китайская миграция была стихийной и добровольной — русско-китайская конвенция 1898 г. формально не нарушала верховных прав богдыхана на арендованные Россией земли, его подданные могли находиться на территории русской аренды без ограничения срока и свободно пересекать ее границы.

Как и в Порт-Артуре, главные застройщики Дальнего, архитекторы В.В. Сахаров и К.Г. Сколимовский, отказались от возведения обычного для тогдашнего Китая европейского «сеттльмента», отделенного глухой стеной от китайских кварталов. Коренное население имело право селиться в любом районе города, правда, при условии, чтобы их дома в его европейской части или примыкавшие к ней, были построены «по европейскому образцу». В 1903 г. город занимал около 500 дес. и был поделен на китайскую и европейскую зоны, соединенные парком. Европейская зона была четырехчастной и включала административный городок, части коммерческую и гражданскую, а также «город-сад» к западу от них, застроенный коттеджами и особняками состоятельных горожан. К моменту визита военного министра был практически отстроен самый компактный (всего 57 тыс. кв. саженей, или 25,7 га) административный городок; наибольшей по площади была ближайшая к Рабочей гавани коммерческая часть (215,3 тыс. кв. саженей), что не удивительно — в 1903 г. одних торговых заведений в Дальнем насчитывалось 658⁴¹.

⁴⁰ Порт-Артур и Дальний, 1894–1904: последний колониальный проект Российской империи... С. 394.

⁴¹ Годом раньше их было порядка ста, включая 15 русских и 75 японских. См.: *Туреер*. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 3. С. 196.

«В настоящее время, — сообщал министру градоначальник далее в той же справке, — в г. Дальний, помимо жилых домов для служащих по постройке порта и города <...> сооружены, между прочим, следующие здания: церковь-школа, дом градоначальника, инженерное управление, коммерческое агентство, временное полицейское управление, камера мирового судьи, арестный дом, барачная больница, гостиница, общественное собрание, начальные школы, помещение для Русско-Китайского банка, литография и фотография, спортивные устройства»⁴². Вероятно, учитывая скептический настрой Куропаткина относительно перспектив Дальнего и вообще ревнивое отношение русского генералитета к щедрым расходам на него казны (в ущерб, как считали в военных кругах, наращиванию оборонного потенциала Порт-Артура⁴³), в этот свой перечень градоначальник Сахаров не включил ряд других, уже построенных либо близких к сдаче, крупных объектов. Это были первоклассный вокзал с главными мастерскими ЮМЖД, чугунолитейный, трубопрокатный и кирпичный заводы, первая во всей Маньчжурии электростанция, капитальные морские набережные, крытый рынок. На морском побережье соорудили общественный пляж, в ближних пригородах планировались дачный поселок и ипподром, в дальних — военный санаторий. В том же 1903 г. были введены в строй портовые сооружения «первой очереди» стоимостью 10,8 млн руб. (общие траты на постройку города к тому времени приблизились к 19 млн руб.), благодаря которым по грузообороту порт Дальнего вышел на второе место в Китае после Шанхая. И это — при его далеко не идеальных морских условиях: сильных прибрежных течениях, нестабильной и труднопредсказуемой ледовой обстановке и т.д. По завершении строительства годовой грузооборот дальнинского порта должен был достичь 190 млн пудов (более 3 млн т), что превышало оборот любого из действовавших в самой России — в крупнейшем петербург-кронштадтском он составлял тогда 164 млн пудов.

В марте 1903 г. Правление Общества КВЖД (фактический хозяин и главный застройщик Дальнего) поддержало ходатайство начальника русской духовной миссии в Пекине епископа Иннокентия (И.А. Фигуровского) о переносе его архиерейской кафедры в Дальний. Под ее здание была выделена часть Английского сада близ собора во имя святой благоверной мученицы Александры, заложенного в начале того же года⁴⁴. Еще в 1902 г. на русском кладбище Дальнего появилась часовня в честь Архистратига Михаила, позднее перестроенная в церковь.

Пожалуй, самыми яркими событиями светской жизни русского социума на Квантуне были балы, которые давались и в Порт-Артуре, и в Дальнем. В крепости, с участием нескольких сот гостей, они проходили в Морском клубе либо в Военном собрании. Клуб моряков занимал старую китайскую баш-

⁴² Цит. по: *Авилов Р.С.* Город Дальний глазами военного министра А.Н. Куропаткина // *Вестник С.-Петербургского университета. История.* 2022. Т. 67. № 4. С. 1126.

⁴³ По подсчетам генерала Г.И. Тимченко-Рубана, к 1904 г. на эти нужды обоим военным ведомствам из казны было недодано свыше 38 млн руб. См.: *Тимченко-Рубан Г.И.* Нечто о Порт-Артуре и вообще об организации крепостной обороны. СПб., 1905. С. 90.

⁴⁴ Из протокола заседания Правления Общества КВЖД 4/17 марта 1903 г. № 2777 // Порт-Артур и Дальний, 1894—1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи... С. 334—335.

ню близ резиденции наместника, для Военного собрания было построено специальное здание по проекту петербургского архитектора А.И. фон Гогена, эскиз которого был помещен на первой полосе столичного архитектурного журнала «Зодчий». Более камерные балы в Дальнем устраивались в домедворце главного инженера ЮМЖД.

Один из первых балов квантунскому обществу 14 мая 1900 г. дал вице-адмирал Е.И. Алексеев, недавно назначенный Главным начальником Квантунской области, а в 1903 г. ставший дальневосточным наместником. На этом балу, который красочно описал Д.Г. Янчевецкий, блистали «молодость и красота, чины и заслуги Порт-Артура, Дальнего и Талиенвана» — командование крепости, порта и Тихоокеанской эскадры, начальники частей и управлений русской военной и областной гражданской администрации, русские и иностранные дипломаты, видные представители китайского финансово-промышленного мира и купечества, которых хозяин праздника, наравне с другими, принимал с «искренним радушием русского боярина». Веселились до четырех часов утра. Во время заключительного котильона «дамам были поднесены на память, кроме разных котильонных значков, лент с надписями, веев с вышитыми русскими военными флагами, изящные золотые сувениры в виде морских атрибутов, кортиков, палашей, якорей и т.д.»⁴⁵. Балы такого масштаба были явлением сравнительно редким — их по специальным поводам устраивали только высшие военные, морские и гражданские чины.

Еженедельные балы обставлялись во всех смыслах скромнее, но и те — не без «изюминки». «Бал в военном клубе, по субботам, — вспоминал Н.Ф. Мельницкий, — сопровождался всегда театральным представлением, где активное участие принимала М-те Стессель, надо отдать справедливость, весьма недурно игравшая на сцене. Репертуар состоял из пьес русских драматургов: Озерова, Толстого, Чехова, Грибоедова, Чирикова, Андреева и Гоголя, а также лучших английских, французских и немецких <...> Балы бывали очень оживленны и, благодаря преобладанию военного элемента, были весьма живописны. Вид офицеров в их разнообразных формах с звенящими шпорами танцующих мазурку <...> Оркестры в П.-Артуре были лучшие на всем Д. Востоке»⁴⁶.

С 1899 г. в Порт-Артуре начали издавать газету «Новый край», пригласившую к сотрудничеству «все интеллигентные силы нового русского края». Благодаря ежегодной 5-тысячной правительственной субсидии вскоре из двухполосного малоформатного бюллетеня она превратилась в полноценную шестистолбцовую газету, обзавелась собственными постоянными корреспондентами, типографией, книжными магазином и складом, переплетной мастерской, в которых работали два десятка русских и китайцев. Газета выходила трижды в неделю (с 1 января 1904 г. ежедневно) тиражом более тысячи экз. Ее создатель и владелец, подполковник П.А. Артемьев, годами ходил обер-аудитором на судах Тихоокеанской эскадры и был хорошо осведомлен о жизни региона. Газета знакомила читателей с важнейшими событиями в мире и, осо-

⁴⁵ Янчевецкий Д.Г. У стен недвижного Китая... Ч. 1. С. 12–14.

⁴⁶ ИРЛИ. Рукописный отдел. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1621. Тетрадь 1. Л. 25–26.

бенно, в Поднебесной, публиковала подробные обзоры русскоязычной литературы по дальневосточной тематике. По словам Д.Г. Янчевецкого, «Новый край» выступил «достойным выразителем русских интересов в многоязычном и воинственном хоре английских, немецких, французских, китайских и японских газет, во множестве издающихся на Дальнем Востоке». Всего вышло 247 ее номеров, последний – 21 декабря 1904 г. (3 января 1905 г.), за два дня до сдачи крепости.

Широкий отклик получила горячо поддержанная газетой идея русско-китайского музея в Порт-Артуре. Весной 1901 г. был создан общественный «Комитет по его образованию и устройству», высокий статус которого подчеркивал состав: председатель – начальник штаба войск Квантунской области генерал-лейтенант В.С. Волков, секретарь и казначей – чиновник особых поручений Главного начальника области барон Г.А. Стюарт. В состав Комитета вошел и вскоре получивший европейскую известность В.Ф. Руднев, будущий командир крейсера «Варяг», в 1904 г. героически погибшего в Чемульпо, а тогда – капитан 2-го ранга, старший помощник командира артурского порта⁴⁷. Музей, по мысли его инициаторов, должен был состоять из двух отделений – русского и китайского. В первом предполагалось экспонировать книги и предметы, которые могли бы «заинтересовать местное китайское население относительно России», во втором – «все, представляющее интерес и необходимое для русских, приехавших в Порт-Артур и желающих заняться изучением края»⁴⁸. Комитет собрал свыше 8 тыс. руб. добровольных пожертвований на постройку музейного здания на специально выделенном участке в Новом городе. С началом Русско-японской войны его собранная по подписке коллекция была вывезена и ныне хранится во Владивостоке в фондах Военно-исторического музея Тихоокеанского флота.

Важнейшим условием реализации амбициозных планов России на арендованной территории было выстраивание добрососедских отношений с подданными богдыхана, которых, по данным русской администрации, на полуострове изначально проживало немногим более 272 тыс.⁴⁹ Не менее значимым это обстоятельство было и для русских обывателей, которые контактировали с туземным населением каждодневно, на работе и в быту. Во вновь созданные колониальные административные учреждения (традиционные китайские органы волостного и сельского управления продолжали действовать в прежних формах и составе), в учебные и промышленные заведения Квантуна китайцев назначали переводчиками, учителями, судьями низшего звена, полицейскими, стражниками на железной дороге, техниками, печатниками, курьерами; десятки тысяч наемных «кули» являлись основными производителями развернутых на полуострове масштабных строительных и ремонтных работ; преимущественно китайскими во все время русской аренды оставались городские: розничная торговля и общественное питание, сфера бытовых услуг, надомное

⁴⁷ Памятная книжка Квантунской области на 1901–1902 гг. Ч. II. Порт-Артур, 1901. С. 72.

⁴⁸ Лобач-Жученко Б. М. Порт-Артур. С. 31.

⁴⁹ А. М. Хвостов со ссылкой на военных рекогносцировщиков приводит несколько большую цифру – 274945 душ обоего пола. См.: Хвостов А. Русский Китай... С. 657.

ремесло и мелкое производство⁵⁰, пассажирский и грузовой извоз. У крестьян окрестных деревень русские покупали зелень, овощи, рыбу и другую снедь, нанимали китайцев в качестве домашней прислуги, носильщиков, сторожей, наконец, нередко просто жили с ними бок о бок.

Согласно наблюдениям Н.Г. Гарина-Михайловского, поначалу курс в отношении китайского населения не был до конца осмыслен⁵¹. Осенью 1899 г., напутствуя Главного начальника Квантуна перед его отъездом к месту службы, Николай II предписал ему приучать «туземное население края к новым формам управления», но делать это «исподволь, без ломки и насилия»⁵². С верховными властями Поднебесной и с крупным китайским купечеством чиновники русской администрации стремились обходиться подчеркнуто уважительно и «прияженно»⁵³, видя свою сверхзадачу в том, чтобы неспешно прививать коренному населению Квантуна «принципы русской гражданственности» и культуры – в широком значении этого слова. Об этом на высочайшее имя писал адмирал Алексеев, называя «одной из неотложных нужд» новой администрации края издание в Порт-Артуре газеты на китайском языке⁵⁴. Об издании такой же газеты в Дальнем помышлял министр финансов Витте. Комиссар по гражданской части подполковник А.И. Вершинин (фактически, гражданский губернатор области) полагал: «Чтобы китайцы мирились с русским владычеством над ними, необходимо широко согласовать наши законы с их обычным правом»⁵⁵. «Стоит только проявить в высокой степени человек-

⁵⁰ Инвентаризация экономики вновь приобретенной территории, которую русские власти провели в первые же месяцы аренды, дала следующие результаты: торговых заведений европейских – 20, китайских – 548; заводов кирпичных – 9, минеральных вод – 1, растительного масла и бобовых жмыхов – 5, соляных варниц – 5, столярных, кузнечных и слесарных мастерских – 73, красильных – 9, прачечных – 27; ресторанов, харчевен, трактиров европейских – 6, китайских – 30, булочных, кондитерских и пекарен – 15. См.: Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи... С. 15. К этому можно прибавить небольшой чугунолитейный завод и несколько кожевенных мастерских в Бицзыво, на которые указывает А.М. Хвостов. См.: *Хвостов А.* Русский Китай... С. 685.

⁵¹ По итогам своего трехдневного пребывания в Порт-Артуре в октябре 1898 г. он пришел к таким заключениям: «Очевидно, здесь наша задача не столько победить, сколько внести культуру <...> Чувствуется два противоположных направления. Одно за то, чтобы признавать за побежденными без войны китайцами полную равноправность, их право жить, как они хотят жить. За это направление моряки <...> и инженеры путейские во главе с очень умным, талантливым и очень дельным инженером Кербедзом [товарищем председателя Общества КВЖД]. Другое направление за то, что мы, русские, пришли сюда жить, и будем жить, и заставим все и вся сообразоваться с нами, и ни с кем сообразоваться не будем. В этом направлении многое уже сделано и, вероятно, все остальное делается: энергично вводится русское денежное обращение, уже принят в торговлю русский вес». См.: *Гарин-Михайловский Н.Г.* По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры // *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собр. соч. Т. 5. М., 1958. С. 344.

⁵² Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи... С. 236.

⁵³ См.: *Яргаев М.Х.* «Поддержание прияженных отношений с Китаем должно быть целью нашей политики». Две записки министра иностранных дел Российской империи графа М.Н. Муравьева председателю Совещания об управлении Квантунской областью Д.М. Сольскому. 1898 г. // Исторический архив. 2006. № 4. С. 117–126.

⁵⁴ Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи... С. 263.

⁵⁵ Цит. по: *Ларенко П.Н.* Страдные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 400.

ность, посмотреть на китайцев как на меньшую братию, помочь им выбраться из пут косности и предрассудков, разумно направить его деятельность, как под сению русской державы край пойдет к процветанию, вступив на путь цивилизации и культуры», — суммировал такой подход офицер-публицист Г. Козьмин («Стрелок») ⁵⁶ по итогам своей поездки по «русской» Маньчжурии.

Порт-артурская печать утверждала, что между русской властью и китайским населением с самого начала установились «самые нормальные и добрососедские отношения» ⁵⁷; то же констатировал и другой весьма осведомленный артурец ⁵⁸. При этом русские наблюдатели отнюдь не игнорировали глубинные отличия западной культуры, включая русскую, и сложившегося веками китайского обихода. По впечатлению того же Г. Козьмина, китайцы, «имея свои идеалы в прошлом <...> не подвигаются вперед и чураются европейской цивилизации, как и всего иноземного. Отсюда их тысячелетний застой, отсюда очень заметная отсталость от культурных стран <...> Окруженный Великою и иными стенами, он как бы замуровался от всего мира» ⁵⁹. Это, однако, не стало препятствием к их мирному сосуществованию с явившимися с севера чужеземцами. «Простой китайский народ доволен владычеством русских, — свидетельствовал судовой священник Н.А. Дьяков, посетивший Порт-Артур и Дальний в 1900 г., — так как видит от них увеличение своих заработков, видит больше порядка и мягкой гуманности, пользуется благотворительностью и медицинской помощью» ⁶⁰.

В том же 1900 г. жизнь испытала отношение квантунских китайцев к русским на прочность — с 1899 г. Китай охватило восстание ихэтуаней, или «боксеров». Казалось, что Квантун с утвердившимися на нем, по терминологии китайских инсургентов, русскими «заморскими дьяволами» был обречен стать таким же очагом их антиевропейской и антиколониальной борьбы, как захваченный немцами в 1897 г. Циндао или занятый в 1898 г. британцами Вэйхайвэй. Тем более что в 1900 г. отряды «боксеров» вошли в нейтральную зону Ляодунского полуострова и начали действовать в непосредственной близости русской аренды. Но даже в такой обстановке коренное население Квантуна не проявило склонности бунтовать — настолько, что в конце мая — начале июня

⁵⁶ Козьмин Г. Дальний Восток: Воспоминания и рассказы. СПб., 1904. С. 203.

⁵⁷ Новый край. 1900. 1 янв. С. 3. Российские источники фиксируют лишь два эпизода «открытого сопротивления» местного населения русским властям: в январе 1899 г. при сборе податей в деревне Лиу-цзя-тунь (в иной транскрипции — Лиуцзяцзянь) поблизости от тогда еще автономного городка Цзинь-чжоу (Киньчжоу) и в не названном селении близ Бицзыво, наведение порядка в которых войсками сопровождалось жертвами со стороны китайцев (в первом случае были убиты 35 крестьян, во втором — порядка 20-ти). По уверениям русских властей, эти волнения стали следствием подстрекательства и провокаций местных китайских чиновников, недовольных утратой доходов и власти. Чиновник Министерства финансов Д.М. Позднеев сообщал С.Ю. Витте в марте 1899 г., что «цзиньчжоуские власти разослали <...> по всему Ляодуну своих эмиссаров и объявляли через них, что по договору России с Китаем русские не имеют права взимать податей с населения, что при их попытках к этому надлежит оказать им сопротивление». См.: Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи... С. 341.

⁵⁸ См.: Хвостов А. Русский Китай... С. 664.

⁵⁹ Козьмин Г. Дальний Восток: Воспоминания и рассказы. С. 331.

⁶⁰ Дьяков Н.А. Год на крейсере «Адмирал Нахимов» (судовые заметки и впечатления 1899–1900 гг.). СПб., 1904. С. 193.

1900 г. русское командование, по высочайшему повелению, направило на суда Тихоокеанской эскадры двумя отрядами порядка 4 тыс. штыков, или до трети расквартированных тогда на полуострове войск, в Таку (Дагу) для подавления восстания в составе международной коалиции и вызволения иностранных дипломатов, осажденных «боксерами» в Пекине и Тяньцзине.

Наиболее показательны отношение русской гражданской администрации к коренным жителям Квантуна в культурно-образовательной и социальной сферах, а также в медико-санитарном обслуживании. Хотя главную цель ее политики в области просвещения определяло стремление «создать в этой отдаленной окраине русскую культуру и упрочить здесь русское влияние»⁶¹, скоротечная насильственная русификация туземного населения, уничтожение его традиционного уклада, подавление и вытеснение религии, обычаев и языка не предусматривались ни в теории, ни на практике. Вновь появившиеся средние учебные заведения области были ориентированы как на образование русских детей по внутрироссийским светским стандартам (вводить церковно-приходские школы на Квантуне не стали), так и на культурное взаимодействие пришлого населения с коренным. Здесьнее учебное дело, писал окружной инспектор училищ Главному начальнику края весной 1901 г., должно «положить начало к более близкому и рациональному общению русских с окружающими их коренными жителями страны <...> Особенностью школ для русских должно быть возможное стремление к изучению китайского и английского языков <...> Цель школы для китайцев – научить их русской грамоте и разговорной речи, не лишая их возможности к своему национальному обучению»⁶². Учебная программа на Квантуне, докладывавал адмирал Алексеев царю, создается с таким расчетом, чтобы «окончившие полный курс китайцы могли составить контингент лиц, вполне подготовленных для занятия низших должностей по администрации в области и на железной дороге»⁶³.

В соответствии с этим на полуострове продолжали беспрепятственно действовать ранее существовавшие без малого 300 начальных народных школ, в которых около 3 тыс. китайских учеников изучали иероглифику и национальную словесность под руководством китайских учителей. Первая русская школа, рассчитанная на 60 китайских детей, была открыта в июне 1899 г. в китайском городке Бицзыво, и местное население отнеслось к ней «весьма сочувственно»⁶⁴. В октябре того же года в Порт-Артуре заработало Пушкинское русско-китайское училище, в котором Дмитрий Янчевецкий и Владимир Гаккель учили русскому языку около сотни юных китайцев (в момент открытия училища их было 30), а на вечерних курсах – и взрослых. К 1901 г. подобных школ на Квантуне стало три, из-за наплыва китайских учеников планировали открыть и четвертую. «Количество желающих поступить в школы настоль-

⁶¹ Записка окружного инспектора училищ Приамурского края [действительного статского советника В.П. Маргаритова] начальнику Квантунской области. 19 апреля / 2 мая 1901 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи... С. 28.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 253.

⁶⁴ Хвостов А. Русский Китай... С. 673.

ко значительно, в особенности в Порт-Артуре и Цзинь-чжоу, — писал в 1901 г. адмирал Алексеев царю, — что многим приходится отказывать за неимением места <...> Большую часть учеников составляют дети наиболее образованных и состоятельных китайцев»⁶⁵.

В отличие от туземных начальных школ, двух-четырёхлетнее обучение во всех этих, созданных русскими, средних учебных заведениях было бесплатным. В них наряду с основами русского языка китайские мальчики получали базовые знания по арифметике, географии, истории, знакомились с обязанностями волостного писаря, полицейского, переводчика⁶⁶, а в школе в Цзинь-чжоу (Киньчжоу) — еще и агронома-садовода, для чего русские власти выделили школе опытное поле в 13 дес. за городской стеной (выращенные на нем саженцы бесплатно раздавали местным жителям). Русские дети изучали китайский язык в том же Пушкинском училище Порт-Артура (на него отводился ежедневный урок; с 1904 г. четырежды в неделю стал преподаваться и английский язык), а взрослые — на бесплатных вечерних курсах при том же учебном заведении. Китайский язык учили и в русских войсках, где испытывали нужду в надежных переводчиках, — в специальных полковых школах под руководством учителей-китайцев.

Результаты не заставили себя ждать: к 1903 г. более тысячи артурских китайцев уже были способны сносно объясниться по-русски. «Русская ассимиляция в Маньчжурии, — отмечал очевидец, — выражается также в принятии китайцами русских имен <...> Китайцы, вращающиеся среди русских, вполне усваивают себе это исключительно русское обращение по имени и отчеству, так что даже на вывесках в Порт-Артуре или в Харбине не редкость встретить надпись вроде такой: “Шанхайский портной Степан Семенович Суй-фу-цзян”. А некоторые китайцы даже заводят себе европейские визитные карточки, на которых красуются надписи в таком роде: “Семен Иванович Ван-фу-сян”, “Матвей Петрович Син-цзян-тай” и т.п.»⁶⁷. Русское влияние сказалось и в том, что непременным атрибутом приемов в домах маньчжурских богачей и знати стало шампанское. До более глубокой ассимиляции дело, впрочем, не дошло, да за столь короткий срок и вряд ли могло дойти. Среди тамошних обывателей вообще имел хождение взгляд, что «когда поживешь в Китае подольше, то убедишься, что нам китайца никак не переделать на свой лад, — а, напротив, китаец пересилит, русский непременно там окитается», и подобные примеры, действительно, были⁶⁸.

До русской аренды Квантун не знал ни органов санитарного надзора, ни вообще каких-либо медицинских учреждений⁶⁹; местные жители по традиции лечились дома, лишь в крайних случаях обращаясь к соотечественникам-знахарям. Одной из первых задач русской администрации полуострова стала

⁶⁵ Порт-Артур и Дальний, 1894–1904: последний колониальный проект Российской империи... С. 253.

⁶⁶ Козьмин Г. Дальний Восток: Воспоминания и рассказы. С. 180.

⁶⁷ Рунич С. В Маньчжурии // Исторический вестник. 1904. Т. 95. № 2. С. 622, 624–625.

⁶⁸ Верещагин А. В. В Китае... С. 442.

⁶⁹ Россов П. Русский Китай. Очерки занятия Квантуна и быта туземного населения. Порт-Артур, 1901. С. 119.

борьба с эпидемиями. Уже осенью 1899 г. в Порт-Артур из России был направлен отряд врачей и медсестер в связи с поразившей китайцев эпидемией чумы. Весной 1900 г. такой же отряд был командирован в Дальний для ликвидации последствий вспышки сыпного тифа среди приехавших китайских рабочих. К 1901–1902 гг. для обслуживания всего гражданского населения, независимо от подданства, в ведении областного гражданского комиссара была создана сеть больничных стационаров и амбулаторий, которая охватывала не только «русские» Порт-Артур и Дальний, но и китайские города полуострова – Талиенван и Цзиньчжоу (Киньчжоу). Характерно, что исключительно китайцы получили право лечиться в них по льготному, половинному, тарифу⁷⁰.

«Первоначально китайское население с большой недоверчивостью относилось к нашему амбулаторному и особенно больничному лечению, – делится наблюдениями начальник штаба артурской крепости, – но отношение это изменилось впоследствии, благодаря китайцам, лечившимся в больницах: сдержанность, подозрительность и недоверие уступили место приветливости и чувству признательности»⁷¹.

Русская администрация Квантуна стремилась врачевать и застарелые местные социальные язвы. Ее попечением в Порт-Артуре были закрыты игорные притоны и опиумокурильни, контрабандные партии наркотиков уничтожались⁷², была упорядочена и поставлена под медицинский контроль неизбежная для портовых городов туземная проституция, введен запрет на ввоз и торговлю дешевым низкокачественным спиртом не только китайского или японского, но и русского производства⁷³.

С 1901 г. на 10 верст окрест Артура была запрещена вырубка новых деревьев и кустарников, ранее почти дочиства сведенных местным населением. Главное же, что десятки тысяч простых китайцев находили в «русских» городах Квантуна заработок, который нередко (у чернорабочих-«кули», например) втрое-вчетверо превышал обычные для Китая расценки на работы соответствующей категории⁷⁴. Все это также не могло не способствовать привлекательности «русского» Квантуна для китайцев. «Местное население с присущей китайцам практичностью, – пишет Б.М. Лобач-Жученко, – быстро поняло, что завладевшие их землей русские представляют для них неисчерпаемый источник заработка и наживы между тем, как прежние китайские власти их только грабили <...> в Квантунскую область хлынул мощный поток китайской рабочей массы из внутренних провинций Китая. Таким образом, занятие края,

⁷⁰ Памятная книжка Квантунской области на 1901–1902 гг. Ч. II. Порт-Артур, 1901. С. 9.

⁷¹ *Хвостов А.* Русский Китай... С. 674.

⁷² Там же. С. 665.

⁷³ *Позднеев Д.М.* Торговля города Порт-Артур. СПб., 1902. С. 13.

⁷⁴ «В Китае чернорабочий не знает, что такое поденная плата выше 10 копеек, – приводил С. Рунич слова маньчжурского предпринимателя из соотечественников, “человека толкового и практичного”, – а у нас здесь самый заваливший рабочий в день копеек 30–35 зарабатывает. Уж на что в портовых городах заработная плата рабочим высокою считается. А ведь у нас она куда выше, чем в Тянь-цзине или Шанхае». См.: *Рунич С.* В Маньчжурии // Исторический вестник. 1904. Т. 95. № 3. С. 956. Г.И. Тимченко-Рубан подтверждает, что в 1900 г. в Дальнем чернорабочему платили 35 коп. в день, а каменщику – 45 коп. См.: *Тимченко-Рубан Г.И.* Нечто о Порт-Артуре и вообще об организации крепостной обороны. С. 105.

совершившееся мирным путем, не только не повело к разорению туземных жителей, но послужило только к увеличению их благосостояния, не говоря уже о том, что сотни тысяч русских денег пошли вглубь Китая»⁷⁵.

Однако повседневное общение и взаимовосприятие пришлого населения Квантуна с коренным бывали и не столь безоблачными; взаимные знакомство и «притирка» требовали времени. Китайцы, «эти грязные и до крайности неряшливые люди вначале казались мне какими-то странными животными в образе человека, — признавался интендантский чиновник, — но <...> когда я хорошенько пригляделся к ним, я стал видеть в них таких же людей, как и мы, имеющих душу, сердце и разум. Многие из них оказались даже весьма образованными». Осознав это, мемуарист стал избегать пользоваться услугами рикш, видя в таком способе передвижения унижение человеческого достоинства китайских возчиков⁷⁶.

«Русский простолоудин, — свидетельствовал другой русский артурец, — называет обыкновенно китайца ”хóдя”, что значит друг, и редко, разве обозлившись на что-нибудь, обзовет его ”манзою”, в переводе бродягой <...> Нередко увидите вы, как извозчик или рядовой вытянет манзу с плеча бичом или нагайкой. Желтолицый отскочет, почешет ушибленное место и обыкновенно засмеется при этом. Но оборони вас Бог не только толкнуть китайца рукою, но даже дотронуться до него рукою же: это кровная обида, не прощаемая китайцами»⁷⁷.

Министр Куропаткин в своем дневнике с досадой отмечал, что к китайцам «и русский рабочий, и русский городовой, и русский солдат, и русский офицер относится с несколько презрительным снисхождением, а в некоторых случаях просто грубо. <...> Думаю, что и побои были в ходу»⁷⁸. «Мы же если и бьем [китайца] палкой, то и приглаживаем рублем», — откровенничал с журналистом Ларенко некий служащий КВЖД⁷⁹.

По воспоминаниям очевидцев (Е. К. Ножина, Д. В. Никитина, Я. У. Шишко и др.), в годы Русско-японской войны артурцы нередко подозревали здешних китайцев в шпионаже в пользу Японии. Кроме того, среди китайцев, сообщает морской офицер Н. К. Подгурский, «ловили часто японцев переодетых и с косяю, живших в тех же фанзах и направлявших дело шпионства»⁸⁰. С легкой руки начальника Квантунского укрепрайона генерала А. М. Стесселя охота на таких действительных или мнимых туземных «сигнальщиков», пишет Ножин, «превратилась в какой-то спорт», почти психоз, который захватил не только гарнизон, но и мирных обывателей (сам мемуарист от него, впрочем, вскоре излечился)⁸¹.

⁷⁵ Лобач-Жученко Б. М. Порт-Артур. С. 8.

⁷⁶ Шеголев И. Воспоминания порт-артурца... С. 12–13.

⁷⁷ Тиреер. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 1. С. 187. «Единственно, чего не выносят китайцы, — соглашается Н. Г. Гарин-Михайловский, — это грубого обращения. За пощечину (“лицо потерял”, — говорит китаец) одному вся артель бросает работу». См.: Гарин Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 77.

⁷⁸ Цит. по: Авиллов Р. С. Город Дальний глазами военного министра А. Н. Куропаткина. С. 1128.

⁷⁹ Ларенко П. Н. Страдные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 19.

⁸⁰ Подгурский Н. Из воспоминаний об осаде Порт-Артура // Военный сборник. 1906. № 4. С. 191.

⁸¹ Ножин Е. К. Правда о Порт-Артуре. Ч. 1. СПб., 1906. С. 19–20.

Вместе с тем в своем подавляющем большинстве коренное население Квантуна продолжало вести себя столь же лояльно в отношении русских, как и в предвоенный период⁸². Организованная русскими властями летом 1904 г. перепись китайского населения Порт-Артура прошла совершенно спокойно, китайцы по-прежнему массово привлекались к крепостным работам.

С началом Русско-японской войны Порт-Артур стал пустеть. Днем 26 января (8 февраля) 1904 г., за считанные часы до первой ночной атаки японскими миноносцами русской эскадры, зафрахтованный японским консулом в Чифу британский коммерческий пароход вывез из Артура всех здешних японцев⁸³, побросавших свои лавочки и товары (по январской 1903 г. переписи их здесь легально проживало 678 чел.; «нелегалы», выдававшие себя за китайцев, понятно, остались). После первого, всего 40-минутного, но интенсивного обстрела города японской эскадрой в полдень 27 января (9 февраля) «ожидали с минуты на минуту высадки японцев и осады Порт-Артура, — вспоминала Г.А. Твердовская. — В городе и окрестностях была паника; кто мог — старался поскорее покинуть город. На вокзале постоянная давка; вагоны переполнены; едут не только в багажных вагонах, но и на открытых платформах. Уезжают больше женщины с детьми. Но в дороге многие дети погибли от холода»⁸⁴. Очевидец писал о «тысячной толпе», с 28 января бравшей приступом поезда; «ни полиция, ни жандармы сделать ничего не могли»⁸⁵. Одним из первых в бега подался «контингент шумной веселой публики»⁸⁶ — порт-артурских прожигателей жизни и искателей приключений. Семьи русских офицеров, которые в большинстве жили прямо в расположении воинских частей, получили приказ вернуться в Россию с предоставлением прогонных до Иркутска, причем деньги выдавали только женщинам⁸⁷. Мичман И.И. Ренгартен по пути из Петербурга в Порт-Артур в 20-х числах февраля 1904 г. встречал на станциях «поезда, переполненные артурскими жителями; рассказы их были полны страхов»⁸⁸.

Первая волна отъезжающих, впрочем, вскоре сошла на нет. Хотя с 27 января (9 февраля) 1904 г. приказом наместника крепость была объявлена на осадном положении, «жизнь нашего с лишком наполовину опустевшего города»⁸⁹ начинает все же входить как бы в обычную колею», записал в дневни-

⁸² Это вынуждены признать даже англоязычные авторы, склонные по поводу и без раздувать русско-китайскую вражду. В годы Русско-японской войны «маньчжурские китайцы», пишет, например, Розмари Квестед, «ненавидели русских не до такой степени, чтобы стремиться к замене их другим завоевателем, и потому, неся тяжелые жертвы и терпя разорение, придерживались более или менее последовательного нейтралитета». См.: *Quested R.K.I. Sino-Russian Relations: a short history*. Sydney; London; Boston, 1984. P. 85.

⁸³ *Подгурский Н.* Из воспоминаний об осаде Порт-Артура. С. 176.

⁸⁴ *Твердовская Г.* «Маленькая сестричка» // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 107.

⁸⁵ *Щеголев И.* Воспоминания порт-артурца... С. 53.

⁸⁶ *Ларенко П.Н.* Страдные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 58–59.

⁸⁷ *Ножин Е.К.* Правда о Порт-Артуре. Ч. 1. С. 7; *Корсаков В.В.* Скорбные дни. Дневник-хроника русской жизни в Китае за время русско-японской войны. М., 2012. С. 65 (запись от 15 мая 1904 г.).

⁸⁸ *Ренгартен И.И.* Воспоминания порт-артурца. СПб., 1910. С. 4.

⁸⁹ А.П. Холмогоров оценивал число гражданских жителей крепости в период осады, включая китайцев, в 15–20 тыс. См.: *Холмогоров А.П.* В осаде (воспоминания порт-артурца). СПб., 1905. С. 32.

ке 17 февраля (1 марта) 1904 г. русский артурец. «По вечерам и по праздникам видны гуляющие, и улицы кажутся довольно оживленными. Два раза в неделю играет на бульваре и в Новом городе музыка; в это время там собирается много публики, слышны веселые разговоры, смех — будто войны и нет. Вместо уехавших прибывают новые лица, чины разных ведомств, добровольцы, между которыми видны студенческие и гимназические формы. Вернулись многие из уехавших под впечатлением первого страха»⁹⁰. «До бомбардировок города [осадной артиллерией], — вторил ему священник А.П. Холмогоров, — жизнь в нем текла совершенно обычно. Было порядочное движение на улицах, шла бойко торговля, кипел трудовой жизнью порт <...> Работали как обычно разные присутственные места и канцелярии»⁹¹. Пасху (в 1904 г. она пришлась на 28 марта по старому стилю, или 10 апреля по новому) в Порт-Артуре встретили весело — «на “этажерке”, местном сквере, гремела музыка, толпа была нарядна и беспечна»⁹².

По-настоящему страданные дни крепости начались в апреле-мае. Порядок в городе вместе с полицией стали поддерживать дружины рабочих, ремесленников, торговцев, интеллигенции, которые были сведены в три батальона общей численностью в 3 тыс. чел. Обязанности дружинника исправно выполнял и самый титулованный гражданский житель Порт-Артура — почтенный главноуполномоченный Красного креста, 62-летний егермейстер И.П. Балашов. Во время ежедневных учений дружинников городская торговля на несколько часов замирала⁹³. Гостиницы и конторы торговых фирм их владельцы охотно отдавали под госпитали. Если не считать плавучих лазаретов и госпиталей морского ведомства, в период осады в городе в общей сложности действовало полтора десятка госпиталей, сестрами милосердия в которые добровольно шли работать отказавшиеся уезжать жены и дочери офицеров. Многие женщины трудились в надомных швейных мастерских и прачечных. Во время осады дружинники привлекались к крепостным работам, выносили раненых и убитых с передовой.

У жителей Дальнего начавшийся вооруженный конфликт, похоже, поначалу не вызвал особых тревог. Во всяком случае, епископ Иннокентий, живший в городе в феврале 1904 г., сетовал на царившие в нем «беспечность и непробудный разгул»⁹⁴. Настроения резко изменились, когда 23 апреля (6 мая) 1904 г. три японских дивизии высадились у городка Бицзыво, в 85 км к северу от Дальнего. В приказе градоначальнику инженер-штабс-капитану В.В. Сахарову от 27 апреля (10 мая) начальник Квантунского укрепрайона А.М. Стессель в припадке самонадеянности распорядился «мирному населению городов Дальнего и Талиенвана спокойно оставаться на местах жить, так как им не угрожает никакой опасности от неприятеля»⁹⁵; вопре-

⁹⁰ Ларенко П.Н. Страданные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 80.

⁹¹ Холмогоров А.П. В осаде (воспоминания порт-артурца). С. 32.

⁹² Ренгартен И.И. Воспоминания порт-артурца. С. 25–26.

⁹³ См.: Ларенко П.Н. Страданные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 138–139.

⁹⁴ Цит. по: Дацышен В.Г. Митрополит Иннокентий (Фигуровский) // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 29.

⁹⁵ Цит. по: Ларенко П.Н. Страданные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 122.

ки настойчивым просьбам Сахарова эвакуацию русских дальнинцев морем в Порт-Артур или в Шанхай Стессель тогда запретил (то же – относительно вывоза их имущества)⁹⁶. Стессель «не пускает жителей в Артур и предоставляет передаться японцам», – возмущался Сахаров (дневниковая запись от 24 апреля 1904 г.)⁹⁷.

Несмотря на успокоительные заявления Стесселя, горожане правдами и неправдами ринулись вон из города, первыми – китайцы и западноевропейцы (японцев их консул организованно вывез еще накануне войны), из русских подданных – преимущественно женщины и дети. В конце апреля – начале мая из Дальнего в Порт-Артур ушли два десятка китайских шаланд с мирными жителями, русскими и китайцами. Поезд с 200 русскими обывателями, включая детей, был отправлен на север 28 апреля, но оказался вынужден вернуться – состав обстреляли японские разведки, полотно оказалось повреждено. Для спасения хотя бы части имевшегося в городе продовольствия на случай его внезапного оставления было решено втайне от командования укрепрайона использовать в качестве временного хранилища одну из пригородных (под Артуром) китайских деревень. Дело было поручено Ф.С. Мымину – помощнику секретаря градоначальника⁹⁸. Вскоре туда потянулись продовольственные обозы.

Военная обстановка стремительно ухудшалась, и уже 25 апреля (8 мая) Сахаров, по настоянию Стесселя, приказал затопить в порту землечерпательный кран, две баржи и несколько катеров. 1(14) мая по приказу того же Стесселя из Порт-Артура в Дальний была направлена комиссия военных инженеров для выяснения, «какие крупные сооружения г. Дальнего, как, например, док и мол, следует уничтожить и в какой мере, в случае оставления нами г. Дальнего»⁹⁹. Из порта и города кинулись экстренно выводить коммерческий флот, вывозить уголь, продовольствие, станки, стройматериалы, тяжелую строительную технику, медикаменты, даже электрические провода. 5(18) мая 1904 г. артурский инженер-капитан М.И. Лилье записал в дневнике: «Сегодня, к всеобщему удивлению, из города Дальнего благополучно пришла землечерпательная машина»¹⁰⁰, немного позднее оттуда же в Порт-Артур прибыли коммерческие пароходы «Амур», «Зея», «Буря» и плавучий паровой кран «Талиенван»¹⁰¹.

⁹⁶ Не ограничившись этим, 7(20) мая Стессель дал устное распоряжение гражданскому комиссару Порт-Артура подполковнику А.И. Вершинину срочно вывезти в Дальний все гражданское население крепости, которое он рассматривал не более чем «обузу». Однако под давлением коменданта генерала К.Н. Смирнова, в тот же день это свое нелепое и, по сути, преступное распоряжение Стессель отменил, заявив, что его неверно поняли. Впоследствии в частных разговорах Стессель не раз заявлял, что судьба гражданских ему безразлична – это, мол, дело коменданта крепости и ее гражданских властей. См.: *Ножин Е.К.* Правда о Порт-Артуре. Ч. 1. С. 129–132.

⁹⁷ Материалы к истории осады крепости Порт-Артур (Дневник инженер-штабс-капитана В.В. Сахарова) // Военный сборник. 1907. № 1. С. 213.

⁹⁸ *Ножин Е.К.* Правда о Порт-Артуре. Ч. 1. С. 189.

⁹⁹ Цит. по: *Лилье М.И.* Дневник осады Порт-Артура. М., 2002. С. 25.

¹⁰⁰ Там же. С. 27.

¹⁰¹ *Ларенко П.Н.* Страдные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 131–132. «Зея» и «Буря» затонули в начале октября 1904 г. в результате попаданий японских снарядов, «Амур» сгорел в ноябре.

Для более действенных мер времени уже не хватило. Молы, док, набережные и другие капитальные сооружения дальнинского порта и города, вся городская инфраструктура оставались почти неповрежденными. Противнику достались целые склады стройматериалов и других припасов, немало строительной техники, свыше 250 нагруженных товарных вагонов, много дорогостоящего железнодорожного имущества. Главной же его добычей стал оборудованный по последнему слову техники порт, куда из Японии начала прибывать и без задержки перегружаться на железнодорожные платформы тяжелая осадная артиллерия для обстрелов Порт-Артура; всего таким образом было доставлено около 200 стволов. В общем, как и опасался министр Куропаткин в 1903 г., Дальний, став «легким призом» японцев, был превращен ими в важнейшую военную базу, без которой осада крепости не могла стать успешной.

Для жителей Порт-Артура известие об оставлении русскими войсками Цзиньчжоуской позиции вечером 13(26) мая 1904 г. стало громом среди ясного неба. Положение Дальнего сделалось безнадежным, дальнинцев охватила паника. По приказу Стесселя следующей же ночью в Порт-Артур были спешно выведены оставшиеся в городе 470 мужчин, 92 женщины и 57 детей, всего — свыше 600 русских подданных¹⁰². За неимением железнодорожных вагонов, занятых ранеными, и недостатком телег, они, повыскакивав из дома в чем были, в большинстве покидали Дальний пешком, оставляя имущество неприятелю. Шли они долго, терзаемые голодом, жаждой и, особенно, страхом и неизвестностью; последние добрались до Порт-Артура лишь к вечеру 14(27) мая. «Жаль смотреть на этих измученных людей», — записал в дневнике П.Н. Ларенко¹⁰³. «Состоятельные жители Артура, — сообщает Е.К. Ножин, — стали жертвовать деньгами для оказания немедленной помощи в одну ночь разорившимся дальнинцам»¹⁰⁴.

Квалифицированных рабочих, прибывших из Дальнего, определили в артурский порт, больничный персонал — в Мариинскую больницу Красного креста, блюстителей порядка в полном составе зачислили в полицию Порт-Артура. Благодаря такому неожиданному пополнению гражданское население Порт-Артура приблизилось к довоенному уровню.

Дальнинский градоначальник штабс-капитан В.В. Сахаров и полицмейстер коллежский асессор (лейтенант флота в запасе) Е.Е. Меньшов также прибыли в Артур самостоятельно — верхами¹⁰⁵. Одним из последних город по железной дороге покинул военный инженер капитан М.А. Зедгенидзе, который по пути сумел повредить все семь мостов 60-километрового пере-

¹⁰² Материалы к истории осады Порт-Артура (Дневник инженер-штабс-капитана В.В. Сахарова). С. 218; *Ножин Е.К.* Правда о Порт-Артуре. Ч. 1. С. 191.

¹⁰³ *Ларенко П.Н.* Страдные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 136.

¹⁰⁴ *Ножин Е.К.* Правда о Порт-Артуре. Ч. 1. С. 196.

¹⁰⁵ Впоследствии оба приняли участие в обороне Порт-Артура. Сахаров, награжденный Георгиевским крестом, скончался 13(26) октября 1904 г. от брюшного тифа в Мариинской больнице; бывший полицмейстер Меньшов в ноябре 1904 г. был назначен смотрителем одного из артурских госпиталей; его дальнейшая судьба неизвестна.

гона до Порт-Артура¹⁰⁶. 16(29) – 19 мая (1 июня) 1904 г. 1-я японская дивизия, не встречая сопротивления, вступила в Дальний. Повесив для острастки нескольких китайских мародеров, японцы быстро взяли ситуацию в нем под контроль. Как свидетельствует британский очевидец, дальнинские «виллы были сожжены и разорены, театры закрыты, парки запущены», «общественные здания и дворцы – превращены в госпитали и помещения для штабных офицеров»¹⁰⁷.

Новую волну отъезда русского гражданского населения Порт-Артура вызвали его обстрелы японской осадной артиллерией, которые начались 25 июля (7 августа) 1904 г. К тому времени покинуть крепость можно было уже только морем – железнодорожное сообщение японцы перерезали еще 26 апреля (9 мая) (последний поезд из Порт-Артура, на котором крепость окончательно покинул наместник, сумел проскочить на север 23 числа). 24 апреля (7 мая) была прервана и почтово-телеграфная связь, и почту обитателям крепости, включая частную переписку, стали время от времени доставлять на джонках, которым удавалось пробраться из китайского порта Чифу – резиденции ближайшего русского консульства¹⁰⁸. Выезд из крепости был сопряжен с серьезным риском для жизни. «Блокада Порт-Артура становится так тесна, – записал в дневнике со слов артурского очевидца врач русской дипмиссии в Пекине в начале сентября 1904 г., – что многие китайские шаланды, занимающиеся провозом из Артура русских, попадают в руки японцев. Китайцы-контрабандисты тотчас же убиваются японцами, а взятые русские отправляются в плен»¹⁰⁹.

На улицах Порт-Артура стало еще меньше русских, особенно женщин и детей. Однако среди оставшихся гражданских упадка духа и подавленности еще не наблюдалось: «Во время бомбардировки почти все жители высыпают на пристань, на форты и на горы, чтобы полюбоваться на красивую

¹⁰⁶ 2(15) декабря 1904 г. инженер-капитан Зедгендзе был смертельно ранен на порт-артурском форте № 2, находясь рядом со своим непосредственным начальником, генералом Р.И. Кондратенко. В 1947 г. дом в Кобулету (ул. Ленина, 12), где он родился и провел юношеские годы, стал музеем. На доме ему как герою обороны Порт-Артура установлена мемориальная доска с текстом на грузинском и русском языках.

¹⁰⁷ *Ашмед-Бартлетт Э.* Осада и сдача Порт-Артура. С. 13–14.

¹⁰⁸ По свидетельству будущего адмирала, а тогда флотского лейтенанта, Д.В. Никитина, который работал в этом консульстве шифровальщиком, такой контрабандный и весьма рискованный из-за японской блокады способ доставки корреспонденции, налаженный консулом П.Г. Тидеманом, действовал «правильно, регулярно и непрерывно до самых последних дней существования русского Порт-Артура». Плавание китайских лодочников по 140-мильному маршруту Чифу – Порт-Артур – Чифу обычно занимало 6–7 дней и стоило русской казне 50–60 шанхайских долл. за рейс; помимо гонорара отличившиеся владельцы джонок награждались особо ими ценимыми русскими серебряными медалями на станиславской или анненской лентах. См.: *Никитин Д. (Фокагитов).* В дни осады Порт-Артура. С. 80. Правда, гражданские артурцы были недовольны Тидеманом, обвиняя его в едва ли не преступном бездействии.

¹⁰⁹ *Корсаков В.В.* Скорбные дни. Дневник-хроника русской жизни в Китае за время русско-японской войны. С. 122 (запись от 3 сентября 1904 г.). Е.К. Ножин, ссылаясь на рассказ одной из артурских беженок, уточняет, что в плен японцы забирали только русских мужчин – женщин и детей под угрозой расстрела принуждали возвращаться в Артур. См.: *Ножин Е.К.* Правда о Порт-Артуре. Ч. II. СПб., 1907. С. 446–448.

картину, и очень редко кто прячется»¹¹⁰. К осени 1904 г. общественная жизнь артурцев совершенно прекратилась. «В парках давно уже не играет музыка, и никто там не гуляет, музыканты частью перебиты, ни клубов, ни вечеров в частных домах теперь нету. Встречаемся редко и только случайно», — отмечал очевидец в ноябре 1904 г.¹¹¹

Между тем, несмотря на героическое сопротивление осажденных, кольцо японской блокады неумолимо сжималось. Артиллерийские обстрелы крепости и порта становились все более ожесточенными, порой продолжаясь непрерывно до полусуток. В такие часы вся местность превращалась «в огненное море и клокотала, как смола в котле <...> Порт-Артур вместе со своими гигантскими горами дрожал от непрерывного грохота выстрелов»¹¹². Массированный огонь тяжелой артиллерии обращал в руины не только укрепления Порт-Артура, но и сам город. В октябре 1904 г. в результате попадания японского снаряда сгорели склад и контора крупнейшего на Дальнем Востоке русского коммерсанта М.А. Гинсбурга, многолетнего поставщика Тихоокеанской эскадры. Еще раньше от японских снарядов пострадала единственная в крепости паровая мельница — китайца Н.И. Тифонтая, русского подданного, купца 1-й гильдии, тоже одного из главных снабженцев русской армии. Та же участь постигла склады торгового дома «Чурин и К^о». «Артур теперь, — записал очевидец, — в особенности Старый город, почти весь в развалинах. Вот [отрядная] церковь <...>: несколько снарядов попало в нее, крыша провалилась, стены покосились, балки с потолка разлетелись в щепки <...> стены кругом, как решето, продырявлены осколками <...> Все магазины, дома, склады разбиты, разрушены, сожжены <...> Страшный разгром»¹¹³.

Особенно смертоносными были 11- и 12-дюймовые снаряды, которые легко пробивали даже бетонные казематы, не говоря о кирпичных стенах домов. Любоваться картиной обстрелов обыватели прекратили, спасаясь от убийственного огня, перебирались в подвалы, рыли блиндажи, искали естественных укрытий. Первыми установленными жертвами японских обстрелов из числа гражданских стали 11 мирных жителей, погибших в Новом городе еще 26 февраля 1904 г.: жена военного следователя баронесса Франк (Пфейлицер), присяжный поверенный Сидорский, их юная гостыя мадмуазель Валевич, приехавшая из Дальнего за покупками, и восемь китайцев. Согласно официальным данным, общее число жертв японских обстрелов за все время осады крепости составило: среди русских «некомбатантов» — 12 мужчин, 6 женщин и один ребенок, среди китайцев — 34 мужчины и 4 женщины; раненых никто не считал¹¹⁴. Погибших гражданских предавали земле на воинских захоронениях. До наших дней сохранилась лишь могила девицы Валевич на русском кладбище Даляня¹¹⁵.

¹¹⁰ *Кравченко Н.И.* На войну! Письма, воспоминания, очерки военного корреспондента. СПб., 1905. С. 30.

¹¹¹ *Ларенко П.Н.* Страдные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 411.

¹¹² *Шеголев И.* Воспоминания порт-артурца... С. 134, 137.

¹¹³ *Шишко Я.У.* Дальний Восток и Порт-Артур. Рассказы участника обороны Порт-Артура. М., 1905. С. 104, 106.

¹¹⁴ *Ларенко П.Н.* Страдные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 603.

¹¹⁵ *Окороков А.В.* Русские захоронения в Китае. М., 2023. С. 341.

С осени 1904 г. в крепости стал ощущаться недостаток продовольствия, подвоз которого с началом сухопутной осады практически прекратился. «Часто на базаре ничего не было, — вспоминал А.П. Холмогоров, — а если и было, то продавалось по баснословной цене. Так, в конце осады корову продавали по 750–1 000 р.; свинью 400–500 р., поросенка 100 р., курицу — 25 р., яйцо — 3 р., фунт конины 1 р. 60 к. — 2 р. Чеснок, бывший в чести как противоцинготное средство, продавался по 300 р. пуд»¹¹⁶. Других овощей жители Порт-Артура не видели, исчезли и морепродукты, в каждодневном рационе артурцев возобладали консервы, конина, ослятина, низкокачественный хлеб, все — в ограниченном количестве. Из-за недостатка рублевой наличности в оборот пошли «стессельские кредитки» (квитанции; доверием они не пользовались и широкого хождения не получили) и, особенно, чеки Русско-Китайского банка, который продолжал обслуживать население до последнего дня обороны крепости. Впоследствии эти чеки свободно обменивались на рубли в Шанхайском отделении этого банка.

23 декабря 1904 г. (5 января 1905 г.), вопреки мнению Военного совета и неожиданно для жителей крепости и гарнизона, уполномоченный Стесселем офицер подписал Акт о капитуляции Порт-Артура. По данным британского журналиста, состоявшего при японской осадной армии, на момент сдачи в городе помимо войск находились 99 русских гражданских чиновников, 13 православных священников и 3 654 мирных жителей¹¹⁷, всего — около 3 800 некомбатантов. На следующий день японские караулы заняли областные правительственные и общественные учреждения, которые, понятно, прекратили работу. По условиям капитуляции русские власти предоставили японцам сведения не только о военных, но и обо всех оставшихся в крепости гражданских — их числе, поле, подданстве и профессии (ст. 5 Акта). Их личные и имущественные права Акт не ограждал, гражданским при выезде разрешалось взять с собой лишь что-то из движимого имущества (ст. 10). Недвижимость они оставляли без гарантий ее сохранности и неприкосновенности, т.е. бросали на произвол судьбы. Капитуляция крепости, справедливо заключал Ножин, «в том виде, как она совершилась, внесла полное расстройство и хаос в жизнь гражданскую, общественную, частную и завершилась разорением населения»¹¹⁸.

Немногочисленными свидетелями символического вступления японских войск в Порт-Артур 31 декабря 1904 г. (13 января 1905 г.), по общему впечатлению очевидцев, зрелища довольно будничного, стали иностранные корреспонденты, аккредитованные военные наблюдатели и небольшая группа горожан, включая нескольких русских сестер милосердия. Настроение обывателей было гнетущим, оживленно обсуждалось одно — как выехать на родину: оставаться в захваченной японцами крепости никто не желал¹¹⁹. 30 декабря 1904 г.

¹¹⁶ Холмогоров А.П. В осаде (воспоминания порт-артурца). С. 37; Шишко Я.У. Дальний Восток и Порт-Артур. С. 110. Довоенные продуктовые цены при обычном месячном заработке рядового артурца в 30–70 руб. выглядели так: мясо — 10–12 коп. фунт, курица — 40–50 коп.

¹¹⁷ Ашмед-Бартлетт Э. Осада и сдача Порт-Артура. С. 403, 487.

¹¹⁸ Ножин Е.К. Конец осады Порт-Артура. Эпilog. СПб., 1907. С. 477.

¹¹⁹ Ларенко П.Н. Страдные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 531.

(12 января 1905 г.) жители Порт-Артура прочитали объявление «гражданского комитета японской армии» о том, что после 14 января нового стиля «русские и другие иностранные подданные» вправе «свободно выезжать на шаландах» за свой счет¹²⁰. Стали составлять списки желающих уехать. По сведениям Ларенко, всего записалось 1842 чел. (1181 мужчин, 374 женщины и 287 детей). Затем большинство из них были перевезены по железной дороге в Дальний, откуда бесплатно доставлены в Чифу или Нагасаки на японских коммерческих пароходах. Остальных порт-артурским властям удалось переправить в Китай своими силами, за что гражданский комиссар А.И. Вершинин впоследствии был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

По итогам войны права на квантунскую аренду перешли Японии, русские на 40 лет покинули полуостров. С их уходом и утверждением японцев квантунские города стали постепенно ояпониваться, многие их сооружения перестраивались, возводились новые, хотя в целом Порт-Артур и ставший Дайреном Дальний продолжали развиваться по заложенным его основателями архитектурно-планировочным лекалам.

Фундамент разрушенного православного Александровского собора в Дальнем японцы вывезли, «не желая на освященном камне строить своего здания»¹²¹; сохранившаяся небольшая православная церковь в окружении лучшего в городе парка, также заложенного русскими, содержалась в образцовом порядке, но годами стояла пустой.

Незадолго до Первой мировой войны в слегка перестроенном здании бывшего русского Военного собрания Порт-Артура японцы разместили музей его осады и сдачи с «массой мелочей, характеризующих жизнь осажденных, до пары дамских туфель включительно»¹²². После перехода крепости под китайскую юрисдикцию здесь расположился краеведческий музей, который находится в нем и поныне. Характерно, что его сотрудники убеждены, что работают в здании японской постройки.

* * *

Экспансию Российской империи в Дальневосточном регионе западные историки целенаправленно изучают уже более полувека¹²³. За это время в их трудах за Россией закрепилась репутация «самого ненасытного империалиста» на Дальнем Востоке¹²⁴, в лучшем случае – равного по алчности другим великим державам участника «порыва» (*rush*) к обретению баз и концессий в Китае¹²⁵.

¹²⁰ Ларенко П.Н. Страдные дни Порт-Артура... Ч. 1. С. 585.

¹²¹ Ивашкевич А. У недавних победителей: Порт-Артур и Дайрен // Исторический вестник. 1912. Т. 127. № 3. С. 1005.

¹²² Там же. С. 1004.

¹²³ Одним из первых на эту тему стал сборник под редакцией Джорджа Ленсена «Russia's Eastward Expansion», в котором Эндрю Малоземофф выступил с обзорной статьей, посвященной идеологии российской восточной экспансии второй половины XIX в. См.: Russia's Eastward Expansion / ed. by G. Lensen. N.J., 1964. P. 90–96.

¹²⁴ Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895. Powers, Perceptions and Primacy. Cambridge, 2003. P. 308.

¹²⁵ Quested R.K.I. Sino-Russian Relations: a short history. P. 82.

Созидательная миссия России в Маньчжурии целенаправленно замалчивается¹²⁶, цели истолковываются предвзято. «Завышенно амбициозный» (*over-ambitious*) дальневосточный курс официального Петербурга, по мнению западных авторов, основывался не столько на экономических или демографических факторах, сколько на военно-стратегических¹²⁷, т.е. рационального целеполагания, по сути, не имел. Иначе говоря, это была империалистическая экспансия в чистом виде, которая, по словам немецкого историка Дитриха Гайера, вылилась в «военный захват, территориальную аннексию и русификацию»¹²⁸.

Британская исследовательница Розмари Квестед, опираясь исключительно на китайские источники, установленный Россией на Квантуне режим квалифицирует как «военно-оккупационный» с «совершенно обособленными» друг от друга русским и китайским сообществами¹²⁹.

Оценки Квантунской аренды как «классической колонии нового времени» в 1990-е гг. звучали и в отечественной историографии¹³⁰.

Такие суждения лишь отчасти справедливы, многое в них нуждается как минимум в существенной корректировке. С одной стороны, аренда Российской империей Квантуна в 1898 г. явилась результатом ее дальневосточной колониальной экспансии, была не более чем промежуточным решением и имела в виду со временем включить его в свой состав.

В этом отношении китайская политика Петербурга была аналогична курсу Лондона и Берлина с тем, однако, важным отличием, что Россия вошла на Квантун мирно и без кровопролития, с согласия и одобрения китайского правительства, тогда как Германия и Великобритания оформили свои концессионные отношения с Пекином задним числом, уже после бесцеремонного военного захвата — соответственно Циндао (Цзяочжоу) в ноябре 1897 г. и Вэйхайвэя в мае 1898 г. При этом Берлин 6 марта 1898 г. арендовал Циндао на 99 лет, а Великобритания соседний с ним Вэйхайвэй 7 июля того же года заняла до тех пор, пока русские не уйдут из Квантуна. В Лондоне были убеждены, что «оккупация Россией Порт-Артура дискредитирует Англию на всем Дальнем Востоке», поэтому захват Вэйхайвэя рассматривали как способ сохранить свой международный престиж¹³¹. Тем не менее в 1905 г., когда Россия

¹²⁶ Даже такой добросовестный и осведомленный автор, как американский профессор Дж. Ленсиен, между делом мог сообщить: «По Симоносекскому договору, который подвел итоги войны, Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним (Дайреном), а также остров Формоза и Пескадорские острова Китай уступил Японии». См.: *Korea and Manchuria Between Russia and Japan 1895–1904. The Observation of Sir Ernest Satow, British Minister Plenipotentiary to Japan (1895–1900) and China (1900–1906) / selected and edited with a historical Introduction by George A. Lensen. Tokyo; Tallahassee, 1966. P. 3.* На самом деле, в 1895 г., когда Япония и Китай заключили Симоносекский мир, Дальнего не было и в проекте. Он был основан русскими лишь в 1899 г., а Дайреном стал называться в 1905 г., перейдя под японскую юрисдикцию.

¹²⁷ *Quested R.K.I. The Russo-Chinese Bank: multi-national financial base of tsarism in China. Birmingham, 1977. P. 62–63.*

¹²⁸ *Geyer D. Russian Imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914 / trans. from German. Yale, 1987. P. 196, 197.*

¹²⁹ *Quested R.K.I. «Matey» Imperialism? The Tsarist Russians in Manchuria, 1895–1917. Hong Kong, 1982. P. 103–122, 156.*

¹³⁰ *Дацышен В.Г. Андреевский флаг над Порт-Артуром // Азия и Африка сегодня. 1998. № 3(488). С. 67.*

¹³¹ *Young L.K. British Policy in China 1895–1902. Oxford, 1970. P. 71, 72.*

рассталась с квантунской арендой, англичане отнюдь не ушли, а навязали Пекину продление договора до 1930 г.

Насколько нам известно, повседневная колониальная практика западных великих держав в Китае и ее результаты в «человеческом измерении» остаются не изученными. Некоторой иллюстрацией к ней могут послужить следующие факты. Немцы под предлогом антисанитарии туземных жилищ принудительно выселили китайцев из Циндао, сосредоточив всю местную торговлю и промышленность в своих руках (об этом в 1902 г. писал журнал «Der ferne Osten»¹³²). Созданный же англичанами в 1899 г. в Вэйхайвэе китайский «полк самообороны» к 1901 г. разбежался — свыше 800 его дезертиров предпочли вступить в ряды китайской армии¹³³.

Современные отечественные китаеведы именуют Порт-Артур и Дальний времен русской аренды «трансляторами русской культуры» в Китае¹³⁴. Действительно, как показано выше, русские стремились достигать своих целей в добрососедском сосуществовании с китайским населением, опираясь не столько на военные и вообще силовые, сколько на экономические и административные методы. В ходе освоения арендованной территории российские власти учитывали, но не копировали колониальные методы других великих держав¹³⁵.

В материалах, отображающих повседневность русского сообщества Квантуна, не звучат идеи какого-либо целенаправленного притеснения, угнетения или подавления коренных жителей. Не найдем мы их и в обширном документальном массиве российских властей, связанном с приобретением и последующим окультуриванием этой территории. По емкому замечанию А.М. Хвостова, «задача наша — поднять ее [этой колонии] благосостояние и разумно эксплуатировать ее»¹³⁶, и именно в такой последовательности. Впрочем, до «разумной эксплуатации» Квантуна дело так и не дошло.

Полуостров стал полем успешного управленческого эксперимента, объектом гигантских финансовых вложений метрополии. Одним из видимых признаков эффективности принятого курса стали бесконфликтное сосуществование пришлого (русского) населения с коренным и быстрый рост последнего за счет стихийной внутрикитайской миграции. Этому не помешала даже отмеченная адмиралом Алексеевым склонность части русских переселенцев к девиантному поведению. Установлению «приятельных» отношений с китайцами была подчинена и политика русских колонизаторов в сфере образования и культуры. Ее доминантой стала органическая русификация коренных жителей на почве российско-китайского межкультурного общения с прицелом на широкое вовлечение китайцев в управление краем. Свой вклад в это общение внесло и русское гражданское

¹³² Козьмин Г. Дальний Восток: Воспоминания и рассказы. С. 106–107.

¹³³ Young L. K. British Policy in China 1895–1902. P. 74.

¹³⁴ Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVIII – начале XX вв.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник С.-Петербургского университета. 2010. Сер. 13. Вып. 2. С. 11.

¹³⁵ Так, Комиссия по выработке правил управления Дальним, работавшая с лета 1899 г., в числе прочего изучала опыт французского администрирования в своем селтльменте в Шанхае, британского – в Тяньцзине, германского – в Циндао. См.: Самойлов Н.А. Российские планы управления городом Дальний на рубеже XIX и XX вв. // Вестник С.-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. Вып. 4. Ч. 1. С. 147.

¹³⁶ Хвостов А. Русский Китай... С. 654.

население полуострова со своим неподдельным интересом и открытостью к восприятию истории Китая, его культуры и языка. Как показывают сохранившиеся документы, речь не шла ни об обособлении русского сообщества Квантуна от китайцев, ни об обнищании коренного населения в результате его эксплуатации пришлым; скорее наоборот. Это отчетливо видели и современники-иностранцы: в отличие от британцев, заявил в Порт-Артуре Н.Г. Гарину-Михайловскому в 1898 г. один из них, доказывая неэффективность колониального курса Российской империи, «русские дают, но не могут, не умеют брать»¹³⁷.

Политика русской колониальной администрации привела не только к росту оборонного потенциала арендованной Россией территории, но и к впечатляющим изменениям в ее социальной сфере и общественной жизни, экономике, в городской и транспортной инфраструктуре, в среде обитания жителей. О колоссальном общекультурном прогрессе края за годы русской аренды в один голос говорили и русские, и иностранные наблюдатели. Все это, а также характер взаимоотношений русского социума Квантуна с коренным населением полуострова подтверждают ранее сформулированный нами тезис о том, что тип здешнего русского колониального управления есть основания отнести к модернизационному¹³⁸. Его конечным бенефициаром стал Китай.

Библиография

- Geyer D.* Russian Imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914 / trans. from German. Yale: University Press, 1987. 385 p.
- Korea and Manchuria Between Russia and Japan 1895–1904. The Observation of Sir Ernest Satow, British Minister Plenipotentiary to Japan (1895–1900) and China (1900–1906) / selected and edited with a historical Introduction by George A. Lensen. Tokyo; Tallahassee: Sophia University, 1966. 296 p.
- Paine S.C.M.* The Sino-Japanese War of 1894–1895. Powers, Perceptions and Primacy. Cambridge: University Press, 2003. 412 p.
- Quesled R.K.I.* «Matey» Imperialism? The Tsarist Russians in Manchuria, 1895–1917. Hong Kong: University, 1982. 430 p.
- Quesled R.K.I.* Sino-Russian Relations: a short history. Sydney; London; Boston: G. Allen & Unwin, 1984. 194 p.
- Quesled R.K.I.* The Russo-Chinese Bank: multi-national financial base of tsarism in China. Birmingham, 1977. 69 p.
- Russia's Eastward Expansion / ed. by G. Lensen. N.J.: Prentice-Hall, Inc., 1964. 184 p.
- Young L.K.* British Policy in China 1895–1902. Oxford: Clarendon Press, 1970. 356 p.
- Авилов П.С.* Город Дальний глазами военного министра А.Н. Куропаткина // Вестник С.-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. № 4. С. 1118–1133.
- Ашмед-Бартлетт Э.* Осада и сдача Порт-Артура / пер. с англ. и с прим. Генштаба полковника Хвостова. СПб.: изд. В. Березовский, 1907. 492 с.
- Гарин Н.Г.* Дневник во время войны // *Гарин Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. 6. Пг.: изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1916. С. 1–361.
- Гарин-Михайловский Н.Г.* По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры // *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собр. соч. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1958. С. 7–560.

¹³⁷ *Гарин-Михайловский Н.Г.* По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры. С. 346.

¹³⁸ Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи... С. 39 (Введение).

- Дацышен В.Г.* Андреевский флаг над Порт-Артуром // Азия и Африка сегодня. 1998. № 3(488). С. 65–68.
- Дацышен В.Г.* Митрополит Иннокентий (Фигуровский) // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 24–36.
- Дневник генерала А.Н. Куропаткина / вступит. ст. О.Р. Айрапетова. М.: ГПИБ, 2010. 455 с.
- Д-т.* Прошлое Порт-Артура. Воспоминания до войны 1904 г. СПб.: изд. П.А. Артемьев, 1908. 108 с.
- Дьяков Н.А.* Год на крейсере «Адмирал Нахимов» (судовые заметки и впечатления 1899–1900 гг.). СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1904. 231 с.
- Иванов И.Е.* Впечатления из военно-походной жизни за время оккупации Маньчжурии в 1900–1903 гг. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. 98 с.
- Ивашкевич А.* У недавних победителей: Порт-Артур и Дайрен // Исторический вестник. 1912. Т. 127. № 3. С. 993–1005.
- Козьмин Г.* Дальний Восток: Воспоминания и рассказы. СПб.: изд. В. Березовский, 1904. 331 с.
- Корсаков В.В.* Скорбные дни. Дневник-хроника русской жизни в Китае за время русско-японской войны. М.: ГПИБ, 2012. 164 с.
- Котвич Вл., Бородовский Л.* Ляо-дун и его порты: Порт-Артур и Да-лянь-вань (историко-географический очерк). СПб.: изд. А. Ильин, 1898. 48 с.
- Кравченко Н.И.* На войну! Письма, воспоминания, очерки военного корреспондента. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1905. 181 с.
- Крадин Н.П.* Дальний (Далянь). Город европейского типа на востоке Азии // Архитектурное наследство. 2003. Вып. 45. С. 162–173.
- Ларенко П.Н.* Страдные дни Порт-Артура. Хроника военных событий и жизни в осажденной крепости с января 1904 по январь 1905 г. СПб.: [б.и.], 1906. Ч. I. 356 с.; Ч. II. 462 с.
- Левашко С.С.* Город Дальний в истории российского градостроительства в Маньчжурии // Россия и АТР. 2000. № 4. С. 96–107.
- Лиле М.И.* Дневник осады Порт-Артура. М.: Центрполиграф, 2002. 366 с.
- Лобач-Жученко Б.М.* Порт-Артур. СПб.: изд. С.А. Чиколлини, 1904. 31 с.
- Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
- Максулах Ф.* Среди казаков / пер. с англ. Н. Мельниченко // Русская старина. 1915. Т. 161. Кн. 1. С. 203–208.
- Материалы к истории осады крепости Порт-Артур (Дневник инженер-штабс-капитана В.В. Сахарова) // Военный сборник. 1907. № 1. С. 211–230.
- Ножин Е.К.* Конец осады Порт-Артура. Эпилог. СПб.: изд. Акционерного О-ва Дела, 1907. 487 с.
- Ножин Е.К.* Правда о Порт-Артуре. СПб.: изд. П.А. Артемьев, 1906–1907. Ч. I. 444 с.; Ч. II. 519 с.
- Окороков А.В.* Русские захоронения в Китае. М.: Институт Наследия, 2023. 424 с.
- Памятная книжка Квантунской области на 1901–1902 гг. Порт-Артур: тип. А.Я. Опарина, 1901. 119 с.
- Памятная книжка Квантунской области на 1902–1903 гг. Порт-Артур: тип. Г.К. Иогансон, 1902. 176 с.
- Подгурский Н.* Из воспоминаний об осаде Порт-Артура // Военный сборник. 1906. № 4. С. 173–200; № 5. С. 203–236.
- Позднеев Д.М.* Торговля города Порт-Артур. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1902. 53 с.
- Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сб. документов / сост., авторы Введения и комментариев И.В. Лукоянов, Д.Б. Павлов. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 522 с.
- Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1955. 414 с.
- Ренгартен И.И.* Воспоминания порт-артурца. СПб.: Комис. по заведыванию капиталом им. гр. С.А. Строганова, 1910. 256 с.
- Россов П.* Русский Китай. Очерки занятия Квантуна и быта туземного населения. Порт-Артур: изд. кн. скл. «Новый край», 1901. 38 с.
- Рунц С.* В Маньчжурии // Исторический вестник. 1904. Т. 95. № 2. С. 608–632; № 3. С. 952–982; Т. 96. № 4. С. 235–271.
- Самойлов Н.А.* Российские планы управления городом Дальний на рубеже XIX и XX вв. // Вестник С.-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. Вып. 4. Ч. 1. С. 144–150.
- Самойлов Н.А.* Россия и Китай в XVIII – начале XX вв.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник С.-Петербургского университета. 2010. Сер. 13. Вып. 2. С. 3–15.
- Семенов В.Н.* Благоустройство городов. М.: тип. П.П. Рябушинского, 1912. 184 с.

- Тимченко-Рубан Г.И.* Нечто о Порт-Артуре и вообще об организации крепостной обороны. СПб.: тип. Главного управления уделов, 1905. 123 с.
- Тиреер.* Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 1. С. 179–194; № 2. С. 225–232; № 3. С. 187–200.
- Хвостов А.* Русский Китай. Наша первая колония на Дальнем Востоке // Вестник Европы. 1902. № 10. С. 653–694.
- Холмогоров А.П.* В осаде (воспоминания порт-артурца). СПб.: типо-лит. В.В. Комарова, 1905. 72 с.
- Шишко Я.У.* Дальний Восток и Порт-Артур. Рассказы участника обороны Порт-Артурского гарнизона. М.: изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1905. 135 с.
- Щеголев И.* Воспоминания порт-артурца, 1903–1904 г. Одесса: тип. Южно-Русского Об-ва печатного дела, 1905. 208 с.
- Янчевецкий Д.Г.* У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента «Нового края» на театре военных действий в Китае в 1900 г. с приложением книги А.В. Верещагина «В Китае». М.: ЭКСМО, 2013. 480 с.
- Яраев М.Х.* «Поддержание приятельских отношений с Китаем должно быть целью нашей политики». Две записки министра иностранных дел Российской империи графа М.Н. Муравьева председателю Совещания об управлении Квантунской областью Д.М. Сольскому. 1898 г. // Исторический архив. 2006. № 4. С. 117–126.

История финансов и банков

Лизунов П.В.*

Банкиры Российского императорского двора второй половины XVIII – начала XIX в.

Аннотация. В середине XVIII столетия в России зарождался частный банкирский промысел, тесно связанный с Императорским двором. Придворные банкиры, в основном западноевропейские купцы, во второй половине XVIII – начале XIX в. играли важную роль в деловой жизни страны. Они приобретали и поставляли из-за границы различные товары для Российского двора и учреждений, кредитовали вельмож и купцов. Благодаря связям с крупными заграничными банкирами они являлись посредниками при заключении первых внешних российских займов. Они осуществляли оплату облигаций и процентов по государственным долгам, вели расчеты с европейскими банкирами. Придворным банкирам доверялись поддержка вексельного курса, в значительных размерах – продажа или покупка векселей на бирже, выдача аккредитивов и векселей, перевод казенных денег за границу для финансирования армии и флота, на жалованье и разные расходы послам и консулам. Сильной позиция придворных банкиров оставалась фактически до середины XIX в.

Ключевые слова: придворный банкир, купец, Российский императорский двор, вексель, Контора придворных банкиров и государственных комиссионеров.

Введение

Количество научных публикаций о банкирах Российского императорского двора на сегодняшний день ограничивается лишь несколькими статьями и небольшими разделами в авторских и коллективных монографиях. Наиболее значимыми являются работы таких известных историков, как Б.В. Ананьич, В.Н. Захаров, С.К. Лебедев, В.В. Морозан¹. Однако по-прежнему остается еще немало слабо или совсем не изученных сюжетов. Целью данной публикации является попытка проследить историю института придворных банкиров от предпосылок его возникновения до официального закрытия.

В XVIII и даже в начале XIX в. понятие «банкир» в России трактовалось несколько иначе, чем в наше время и даже во второй половине XIX в. Оно впервые встречается в изданном 16 января 1721 г. «Регламенте или Уставе Главно-

* Лизунов Павел Владимирович – доктор исторических наук, профессор, Гуманитарный институт Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, pavelvl@mail.ru

¹ Ананьич Б.В., Лебедев С.К.: 1) Ричард Сутерланд – банкир Екатерины II // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Т. 1. М., 1990. С. 18–21; 2) Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798–1811 гг.) // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 125–147; 3) Частный коммерческий кредит и деловая культура. Институт придворных банкиров // Кредит и банки в России до начала XX века. Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005. С. 122–153; Захаров В.Н. Предпринимательская деятельность английского купца Вилима Гома в России во второй половине XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К 80-летию юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой. М., 1994. С. 273–290; Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). СПб., 2001. С. 69–77.

го магистрата». В VII гл. «О разделении гражданства» читаем, что «банкиры, (которые дают на вексели деньги)» относятся к 1-й гильдии или первостатейным купцам². В «Городовом положении» 1785 г. уточнено: банкирами считались те купцы, «кои деньги переводят, и для сего звания капитала от 100 до 200 000 рублей за собой объявят»³.

М.Д. Чулков в предисловии к своему фундаментальному труду «Историческое описание Российской коммерции» дает следующее определение «банкира», характерное в то время более для Западной Европы: «БАНКИР, денежный или деньгами торгующий купец, дает и принимает в долг деньги, пишет желающим в чужие края и в другие государства вексели. Купцу по силе торговых европейских прав и уставов прежде сорока лет от рождения его банкиром быть не позволяется». В четвертом томе «О торговле при Санктпетербургском порте» в главе «О разделении гражданства» Чулков еще раз повторяет, каких купцов в России, в том числе иностранных, следует считать таковыми: «Банкиры, которые дают на вексели деньги»⁴.

В «Словаре Академии Российской» – первом толковом словаре русского языка, изданном в 1789–1794 гг., записано: «*Банкир* <...> Который переводит деньги. У нас не употребительно кроме как *Банкир придворной*, который отправляет денежные переводы по повелению двора, или правительства»⁵. Это определение не изменилось и в переизданном в 1806–1822 гг. «Словаре Академии Российской»⁶.

В манифесте от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» разъяснялось, чем один купец отличается от другого купца и давалось определение «купца-банкира». В манифесте зафиксировано, что «закон отныне не смешивает подрядчика, откупщика, или лавочника с действительным купцом, под именем коего разумеется торгующий только оптом по государству, или к порту или за границу, также кораблехозяин, банкир, основывающий свою торговлю на вексельном переводе и курсе»⁷.

Несколькими строками ниже указано, что действительный купец 1-й гильдии именуется «*первостатейным купцом*». То есть особых отличий первостатейного купца от банкира, кроме ведения последним вексельных операций, не было, как и отдельных законоположений о самом банкирском промысле.

Как видим, понятие «банкир» довольно часто встречалось в официальных документах и употреблялось в обиходе в XVIII – начале XIX в. Однако

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-1). Т. VI. № 3708. С. 295.

³ Там же. Т. XXII. № 16 188. С. 364.

⁴ [Чулков М.Д.] Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого, и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. I. Кн. I. СПб., 1781. С. 23; Т. IV. Кн. I. М., 1785. С. 174.

⁵ Словарь Академии Российской. Ч. I: от А до Г. СПб., 1789. С. 94.

⁶ Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. I: С–Д. СПб., 1789. С. 96.

⁷ ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22418. С. 976.

в алфавитно-предметном указателе к первому «Полному собранию законов Российской империи» рядом со словом «банкиры» нет номеров томов, статей и страниц законов, где его можно было найти. Стояла лишь отсылка к слову «купцы». Так же, как напротив слов «банкиры придворные» была отсылка к выражению «агенты казенных дел», хотя так в «Регламенте Главного магистрата» именовались гофмаклеры⁸.

Впрочем, и в первой половине XIX столетия в России банкиром именовался «купец, переводящий деньги посредством векселей из одного места в другое», а синонимом было слово «меновщик»⁹. Пока торговля товарами и деньгами осуществлялась одновременно одним лицом, его уместно называть «купец-банкир», по аналогии с английским – «Merchant-banker», французским – «Marchand-banquier», немецким или голландским – «Handelsbankier».

Братья Дмитрий и Осип Соловьевы – комиссары Петра I в Архангельске и Амстердаме

Одними из первых российских купцов-банкиров можно считать братьев Дмитрия (1670?–1728?) и Осипа (1671?–1747) Алексеевичей Соловьевых, деятельность которых можно рассматривать как предтечу придворных банкиров. Об их происхождении, месте и времени рождения, нет точных сведений. По одной из версий их отец Алексей Соловьев (?–1679?) был архангельским посадским человеком, вероятно, связанным с торговлей¹⁰. Расходятся сведения и о начале их жизненного пути. Возможно, что в молодости они служили в кабальных холопах у Л.К. Нарышкина или являлись дворовыми людьми князя А.Д. Меншикова. Вероятно, что у кого-то из этих вельмож братья могли познакомиться с Петром I и вызвать его доверие. 6 сентября 1705 г. царь назначил Дмитрия комендантом, а Осипа – вице-комендантом Важского уезда и Устьянских волостей.

В мае 1707 г. Петр I отправил Осипа Соловьева в Голландию в ранге комиссара по приему и реализации российских казенных товаров, иногда называя его «фактором нашим»¹¹. Фактически он являлся русским торговым и финансовым агентом. В Голландии Соловьев сумел быстро и успешно приспособиться к западноевропейскому образу жизни. Важную роль в этом сыграли знания голландского языка и особенностей внешней торговли, полученные им, веро-

⁸ ПСЗ-I. Т. XLII. Ч. 1. Указатель алфавитный. СПб., 1830. С. 3, 104, 1034–1040.

⁹ [Ренофанц И.И.] Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов или краткое истолкование встречающихся в них слов: военных, морских, политических, коммерческих и разных других из иностранных языков заимствованных, коих значения не каждому известны. Книжка подручная для каждого сословия, пола и возраста. СПб., 1837. С. 33.

¹⁰ Любимов С.В. Родословия князей Ханджери, баронов Черкасовых и баронов Соловьевых. Тула, 1914. С. 8; Шумилов Н.А. Архангельский родословец: (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли). Архангельск, 2009. С. 91.

¹¹ Декларация о возмещении хлеба, конфискованного на кораблях нейтральных государств, из запасов ржи // Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБПВ). Т. XII. Вып. 2 (июль-декабрь 1712 г.). М., 1977. С. 50.

ятно, еще в Архангельске. В Амстердаме Соловьев открыл русский торговый дом под фирмою «Соловьев» («Soloffioff», или «Soltoffioff») по продаже как государственных, так и собственных товаров¹². Полученные от продажи российских казенных товаров деньги Осип Соловьев направлял туда, куда требовал Петр I. Сохранилась часть деловой переписки Соловьева с государем. В собственноручных или подписанных Петром I письмах содержались различные поручения по переводу или выдаче денег Б.И. Куракину, А.Д. Меншикову и другим вельможам. Кроме того, имелись поручения по покупке, постройке и страхованию кораблей, найме специалистов и выдаче им жалованья, содержанию отправленных за границу молодых людей на учебу, по приобретению товаров, продуктов, предметов и произведений искусства и проч.¹³ На имя Соловьева переводились деньги на приобретение за границей лекарств и медицинского оборудования¹⁴.

В Голландии Осип Соловьев удачно занимался торговыми и банковскими операциями, спекулировал на биржах — Амстердамской и Лондонской. Он установил тесные контакты с европейскими купцами и банкирами, имел своих корреспондентов в Англии, а также в Гамбурге, Лиссабоне, Берлине, Франкфурте и других городах Европы. К середине 1717 г. стоимость имущества Соловьева в Голландии составляла, по неполным данным, 336 022 гульд. Кроме того, он располагал акционерным и банковским капиталом на сумму 16 504 ф. ст., размещенным в Англии¹⁵. Он даже официально стал амстердамским бюргером.

Стараниями Дмитрия Соловьева доход с важных смоляных промыслов увеличился двадцатикратно. В январе 1710 г. он был назначен Петром I обер-комиссаром «ведать приемом и отпуском и покупкой и в отпуск за море на продажу» всех казенных товаров в Архангельске. Таким образом, один брат ведал закупкой и отправкой российских товаров за границу, другой — их продажей в Западной Европе, что давало им возможность воспользоваться своим положением в корыстных интересах.

В письмах и бумагах Петра I, его сподвижников и учреждений нередко упоминалось имя Осипа Соловьева. Так, вице-канцлер барон П.П. Шафиров 16 июля 1711 г. от Прута просил Петра I отписать к Осипу Соловьеву, чтобы он через купцов в Амстердаме организовал ему «кредит в Царь-

¹² [Схельтема Я.] Петр Великий, император России в Голландии и в Заандаме в 1697 и 1771 гг. / пер. А.С. Лацинского // Русская старина. 1916. Июнь. С. 340. В оригинале — «Rusfisch huis van negotie, dat van soltoffiof of solowieff». См.: [Scheltema J.] Peter de Groote, Keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam, in 1697 en 1717. Amsterdam, 1814. P. 60.

¹³ Письма императора Петра I к комиссару Осипу Алексеевичу Соловьеву // Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО). Т. XI. СПб., 1873. С. 41–52; Сентябрь 12. О.А. Соловьеву // ПБПВ. Т. XII. Вып. 2 (июль-декабрь 1712 г.). М., 1977. С. 124; Января 19. Осипу Соловьеву // Там же. Т. XIII. Вып. 1 (январь-июнь 1713 г.). М., 1992. С. 33, 202.

¹⁴ О переводе на вексель 6000 руб., на покупку лекарств // Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого (ДПС). Т. VI. Год 1714-й. Кн. I (январь-июль). СПб., 1888. С. 338; О выдаче комиссаром Осипом Соловьевым в Амстердаме тамошним купцам Исаку Клифурту и Ван-дер-Потию 8000 руб. на покупку аптекарских материалов // ДПС. Т. V. Кн. I (январь-июнь). СПб., 1892. С. 490.

¹⁵ Серов Д.О. Строители империи. Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 101.

град от 5 до 10 тысяч червонных, ибо <...> русские деньги здесь, почитай, не ходят»¹⁶.

В одном из писем Петр I писал Соловьеву: «...Чтож пишете о картинах, что их с 80 уже купил, однако ж и впредь старайся их еще покупать, ибо нам надобно их довольное число, но смотрите только, чтоб были хорошей работы, а из купленных осмидесяти, которые ты станешь посылать в Петербург, пришлите к нам в Шверин картин пять или шесть разных манеров, которые мы осматривая, будем тебе писать, какие впредь надобно покупать; да прознай, жив ли в Амстердаме славной живописец Фан Дор-Верф, и о том отпиши к нам, и постарайся достать его работы картины две, или три»¹⁷. Только в 1716 г. Осип Соловьев приобрел для Петра I в Голландии 121 полотно разных художников, в основном голландских¹⁸.

Отправляли О. Соловьеву письма с различными поручениями Правительствующий сенат, А.Д. Меншиков, А.В. Макаров и др. Так, Меншиков давал распоряжения о выдаче по векселям денег чрезвычайному послу в Копенгагене князю В.Л. Долгорукову, посланнику в Голландии князю Б.И. Куракину и другим лицам. Меншиков пересылал Соловьеву векселя, выданные иностранными купцами в России на амстердамских и гамбургских купцов. Он должен был принять у них на счет государя деньги, на которые купил бы и отправил бы в Петербург алмазы, оборудование для шпалерного производства, детали для фонтанов и каскадов и проч. Содержались в письмах Меншикова и личные просьбы о приобретении для него некоторых вещей¹⁹.

Через Соловьева по распоряжению Сената отпускались деньги от продажи за границей казенных товаров на нужды светлейшего князя Меншикова, «куда его светлость требовать от него будет на какие государевы нужные расходы, сколько когда понадобится, без задержания». Отчеты с указанием, «сколько куда или на вексель переведено от него денег», Соловьев должен был отправлять в Сенат «для счету»²⁰.

Сенат 9 ноября 1711 г. дал согласие часть жалованья вице-адмирала Корнелиуса Крюйса по его просьбе в размере 4000 ефимок отправлять при посредничестве Осипа Соловьева в Амстердам²¹. На имя Соловьева через вексели переводились деньги для русского корпуса, находившегося с 1712 г. в Померании²².

¹⁶ П.П. Шафиров Петру I. 16 июля 1711 г. // ПБПВ. Т. XI. Вып. 2 (июль-декабрь 1711 года). М., 1964. С. 356.

¹⁷ [Голиков И.И.] Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Сочинения И.И. Голикова. 2-е изд. Т. 6. М., 1838. С. 502.

¹⁸ Кузнецов Ю.И. Голландская живопись XVII–XVIII веков в Эрмитаже. Очерк-путеводитель. Л., 1979. С. 6.

¹⁹ Письма к Осипу Алексеевичу Соловьеву // СИРИО. Т. XI. С. 61–65.

²⁰ О предписании обер-комиссару Соловьеву отпускать, по письмам светлейшего князя, деньги, вырученные из товаров, в Берлин и другие места // ДПС. Т. II. Год 1712-й. СПб., 1883. С. 53–54.

²¹ О выдаче жалованья 2800 р. вице-адмиралу Корнелиусу Креусу с денежного двора // ДПС. Т. I. Год 1711-й. СПб., 1880. С. 311.

²² ПСЗ-I. Т. IV. № 2589. С. 868; О переводе в Гамбург на векселя денег с поступивших в казенные пошлины с товаров в гор. Архангельск // ДПС. Т. II. С. 264.

В письмах Соловьеву, отправленных кабинет-секретарем Петра I А.В. Макаровым, содержались предписания государя доставить сведения о потраченной сумме денег на покупку кораблей в Голландии, приобрести и отправить в Петербург 150 ящиков оконных стекол и 10 тыс. «ценинных плиток» (многоцветных поливных изразцов). В письме, отправленном 17 сентября 1714 г., Макаров сообщал Соловьеву, что его послания «до его царского величества все исправно доходят, а что не было долго на оные ответу, и тому не иное что причиною, толко отлучение от Ревеля в Финляндию, откуда корреспонденция вся была пресечена». В них также содержались разные личные просьбы Макарова о присылке некоторых вещей²³.

Во время своего второго визита в Амстердам в декабре 1716 г. Петр I остановился в доме, который снимал Осип Соловьев по адресу – Хереграхт (Heeregracht), 527, а тот на время перебрался на дачу, близ леса Харлеммерхаут (Haarlemmerhout).

В августе 1717 г. Осип Соловьев по приказу государя был взят под стражу и этапирован из Амстердама в Петербург²⁴. При аресте были изъяты все торговые книги (Книги) и коммерческая переписка Соловьева и также отправлены в российскую столицу. По словам И.Г. Фоккеродта, это стало причиной упадка русской торговли в Амстердаме. Многие голландские негоцианты стали опасаться иметь дело с русским купечеством, а некоторые воспользовались удобной ситуацией, чтобы не платить по своим долгам. После этого случая, как полагал Фоккеродт, ни одному русскому купцу не удалось снискать в Голландии доверия и завести какое-нибудь крупное торговое учреждение²⁵.

Дмитрий Соловьев еще ранее оказался под следствием. В 1716 г. по доносу бывшего архангельского вице-губернатора А.А. Курбатова он был обвинен во всевозможных финансовых махинациях и «многую утрату казенного интереса». Братья под пытками сознались во всем. По уверению Д.Н. Бантыш-Каменского, несчастному Осипу Соловьеву «изломали руки и ноги»²⁶. Возможно, чтобы избежать дальнейших жестоких мук, братья оговорили себя и признали свою вину. К декабрю 1718 г. были подведены предварительные итоги расследования. Оказалось, что Соловьевы нанесли ущерб казне на огромную сумму в 709 620 руб. 11 января 1719 г. «за похищение казны и за подложные торги и за утайку пошлин» Петр I распорядился конфисковать имущество братьев²⁷. Их быстрое обогащение давало основание для предположения о его сомнительном происхождении.

Под стражей Соловьевы находились до 22 октября 1721 г., когда были освобождены на поруки. Собственноручный указ Петра I, направленный Сенату днем ранее, гласил: «Соловьевых сводить на сем: понеже ведают оные, что достойны смерти по своим делам, того б ради те вины заслужили, а осо-

²³ Письма кабинет-секретаря А.В. Макарова // СИРИО. Т. XI. С. 65–74.

²⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 83.

²⁵ [Фоккеродт И.Г.] Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоанна Готтгольфа Фоккеродта // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1874. Кн. 2. С. 77.

²⁶ [Бантыш-Каменский Д.Н.] Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Бантыш-Каменским. Т. 3: Р–Ф. М., 1847. С. 281.

²⁷ Серов Д.О. Строители империи... С. 117.

бливо Осип во установлении торгов впредь в другия государства. Также чтоб взять крепкие, надежные поруки, чтоб не ушел, понеже он написан бургиером амстердамским»²⁸.

По утверждению историка и писателя Е.П. Карновича, Петр I убедился в невинности Соловьевых и просил у них прощения, обещал возместить все их убытки²⁹. Еще в феврале 1722 г. государь назначил Дмитрия Соловьева одним из руководителей Главного магистрата, а Осипа Соловьева 5 апреля пожаловал ассессором Коммерц-коллегии. В этой должности он оставался до своей отставки в 1738 г. Также Петр I распорядился возвратить братьям часть конфискованного имущества. Императрица Екатерина I указом от 27 января 1727 г. возвела братьев Соловьевых в баронское достоинство³⁰. Перечисленные царские милости выглядят не вполне логично с предъявленными ранее обвинениями и наказаниями.

Предположительно, что в 1728 г. Дмитрий Соловьев скончался. В 1747 г. Осип Соловьев отправился в Амстердам, с целью востребовать долги, но смерть застала его в дороге на 72-м году жизни. Тело доставили в Петербург, где оно было погребено³¹.

Исаак Липман – обер-гофкомиссар при Дворе императрицы Анны Иоанновны

Следующую веку зарождения института придворных банкиров следует отнести к времени правления Анны Иоанновны. В годы ее царствования придворным финансовым агентом – обер-гофкомиссаром становится купец Исаак (Вульф-Исаак Исаак, Леви, Ицка) Липман (Липпман, Либман, Либерман, Leirman, Liebman, Liberman), кредитор Рейнгольда Густава Левенвольде и фактотум Эрнеста Иоганна Бирона. Когда в 1737 г. при содействии Анны Иоанновны Бирон стал герцогом Курляндии, руководя ею из Петербурга, он доверил Липману управлять финансами герцогства³².

О рождении, происхождении и жизни Липмана до его появления в Петербурге почти ничего не известно. Очень мало подлинных сведений – и о времени его пребывания в России. Некоторые из них явно тенденциозны, другие чересчур преувеличены. Многим имя Липмана знакомо по историческому роману известного писателя первой половины XIX в. И.И. Лажечникова «Ледяной дом», в котором этому герою уделено немало места. Автор представил Липмана в весьма неприглядном виде – человеком малообразованным и подлым, готовым на все низости и злодеяния, коварным и лукавым наушником и интриганом³³.

²⁸ Цит.: Серов Д.О. Строители империи... С. 119.

²⁹ Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С. 153.

³⁰ Протокол Верховного тайного совета. 1-го января 1727 г. // СИРИО. Т. 63. СПб., 1888. С. 1.

³¹ [Бантыш-Каменский Д.Н.] Словарь достопамятных людей русской земли... Т. 3. С. 282–283.

³² [Wunderbar R.J.] Geschichte der Juden in den Provinzen Liv- und Kurland, seit ihrer frühesten Niederlassung daselbst bis auf die gegenwärtige Zeit. Nach den authentischen Quellen bearbeitet. Mitau, 1853. S. 23.

³³ Лажечников И.И. Ледяной дом. М., 1835.

Иной точки зрения придерживается современный американский литератор, уроженец Москвы Л.И. Бердников, называя Липмана «честным евреем», всегда готовым «протянуть страждущему руку помощи»³⁴. Однако некоторые источники, на которые ссылается Бердников, вызывают сомнения.

По всей видимости, Липман оказывал различные финансовые услуги Анне Иоанновне и Бирону еще в бытность их в Курляндии. Это была типичная фигура незаменимого «придворного еврея», «фактора» («Hoffaktor») или «финансового агента» («Kammeragent»), известная при дворе почти каждого европейского правителя XVII–XVIII вв. Сфера их деятельности была весьма разнообразна. Они добывали для своих покровителей деньги, покупали и продавали вещи, исполняли всевозможные щекотливые поручения, были подчас их доверенными лицами. Удивительное совпадение! У прусского короля Фридриха I, имевшего несколько придворных факторов, одного из них звали Иоста Либман. Своего привилегированного положения тот сумел добиться, удовлетворяя страсть Фридриха I к драгоценным камням, доставляя их ему в кредит³⁵. Однако нет никаких данных о каком-либо родстве этих двух факторов.

О появлении Липмана в Петербурге упоминает в своем «Дневнике» камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц, датируя событие 23 июня 1721 г.: «Вскоре после меня приехал <...> с почтою из Ревеля наш (вероятно, голштинский. — П.Л.) жид Липман»³⁶. Вскоре Липман стал поставщиком Российского императорского двора. 7 февраля 1723 г. по указу, подписанному лично Петром I, «дано иноземцу купцу Вулфу Липману за взятые у него алмазные вещи, за перо да за пряжку, которые куплены детям его величества их величествам государыням, цесаревнам, 900 червонных»³⁷.

Оставался Липман поставщиком драгоценностей для Российского двора и впоследствии. По распоряжению Екатерины I через Липмана были заказаны два сервиза стоимостью 4000 руб.³⁸ В 1728 г. он поставил для Петра II различных золотых и серебряных с бриллиантами предметов на 31 801 руб., среди которых был перстень для великой княгини Натальи Алексеевны, стоимостью 8 800 руб.³⁹

Положение Липмана особенно укрепилось при Анне Иоанновне и ее фаворите Бироне. 8 марта 1731 г. императрица пожаловала Липмана «в наши обер-гофкомиссары»⁴⁰. Датский ученый, богослов фон Хавен (Гавен), совер-

³⁴ Бердников Л.И. Леви Липман. Казус Липмана // Евреи России в ливреях и без них. Литературные портреты (XV – начало XX вв.). Т. 1. М., 2022. С. 105–122.

³⁵ Лозинский С.Г. Социальные корни антисемитизма в Средние века и в Новое время. М.; Л., 1929. С. 124; Евреи Западной Европы. Немецко-польская гегемония // Книжки Восхода. 1905. Кн. X. С. 195.

³⁶ [Берхгольц Ф.-В.] Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год. Ч. 1: 1721-й год. 2-е изд. М., 1858. С. 45.

³⁷ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. С. 122.

³⁸ Описи серебра двора его императорского величества. Т. 2: Описи золотых и серебряных вещей, хранящихся в кладовых императорских Зимнего, Аничковского и Гатчинского дворцов. Обработаны бароном А.Е. Фелькерзам. СПб., 1907. С. 224.

³⁹ Протокол Верховного тайного совета. 5 июля 1728 г. О выдаче жиду Липману 31 801 руб. 31 коп. за взятые у него вещи // СИРИО. Т. 84. СПб., 1893. С. 47.

⁴⁰ Курукин И.В. Анна Иоанновна. ЖЗЛ. М., 2014. С. 197.

шивший в 1736–1737 гг. путешествие в Россию и описавший его в своих путевых записках, сообщал: «Есть в Петербурге один придворный еврей (Hof Jude), который занимается вексельными делами»⁴¹. Историк и литературовед XIX в. П.П. Пекарский полагал, что Хавен имел в виду Липмана. Впрочем, по мнению современных историков Ю.Н. Беспятых и В.Е. Возгрин, это был статский советник барон Исай Петрович Шафиров, сын вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. Этот отрывок текста Хавена Беспятых перевел так: «в Петербурге есть придворный еврей, которого держат для переписки», в Возгрин по-другому: «живет в Петербурге один еврей-придворный, которого держат для ведения корреспонденции»⁴². Однако еще прадед Шафирова – польский еврей Шафир после присоединения в 1654 г. Смоленска к России принял православие, получив при крещении имя Павел и отчество Филиппович⁴³. Соответственно, его потомки были христианами, а не иудеями.

Коммерческая деятельность Липмана была весьма разносторонней. При его содействии переводились деньги за границу, приобретались на огромные суммы разные товары и вещи для Двора, в том числе драгоценности для императрицы Анны Иоанновны и ее фаворита Бирона⁴⁴.

В 1730 г. Липман представил казне за взятые у него для Высочайшего двора драгоценности счет на 45 тыс. руб., в 1733 г. – 158 055 руб., в 1834 г. – не менее 95 370 руб.⁴⁵ Полномочный министр Великобритании при Российском дворе Эдвард Финч доносил статс-секретарю короля Георга II лорду Гаррингтону: «Я слышал, будто еврей Липман, покупавший драгоценности для герцога, высказал, что ценность их – если все на лицо – доходит до трех миллионов рублей, т.е. более чем до 650 000 ф. ст. – сумма огромная, почти невероятная, даже если стоимость их удвоена»⁴⁶.

Липман пользовался услугами ювелира Иеремии Позье, которому помог освободиться от зависимости петербургского «бриллианщика» француза Бенуа Граверо. После окончания девятилетнего срока обучения последний не хотел отпускать своего бывшего ученика. И только ссуда, данная Липманом, помогла Позье вернуть накопившиеся долги мастеру и открыть собственную ювелирную мастерскую. В своих записках Позье не без основания полагал, что Липман «пользовался большим почетом при дворе регента Бирона»⁴⁷.

⁴¹ Пекарский П.П. Примечания и дополнения // Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1862. С. 13.

⁴² Хавен П. фон: 1) Путешествие в Россию // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 337, 377; 2) Путешествие в Россию / пер. с дат., вступл., примеч., коммент. В.Е. Возгрин. СПб., 2007. С. 41–42, 253.

⁴³ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 216.

⁴⁴ Именной указ Анисиму Маслоу об уплате из доимочного сбора 158 055 руб. по счету купца Либмана за вещи, купленные у него для императрицы // СИРИО. Т. 106. Юрьев, 1899. С. 579–580; Именной указ А. Маслоу о взносе, из имеющихся в его ведении доимочного сбора, 18 733 руб. 75 коп. в счет следуемых купцу Либману денег за взятые в «комнату» Ея В-ва алмазы // Там же. Т. 108. Юрьев, 1900. С. 40, 94–95.

⁴⁵ Архив Правительствующего сената. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. II: 1725–1740. СПб., 1875. С. 222, 327, 347, 358.

⁴⁶ Эд. Финч – лорду Гаррингтону. С.-Петербург 15 ноября 1740 г. // СИРИО. Т. 85. СПб., 1893. С. 375.

⁴⁷ Записки придворного брильянщика Иеремии Позье о пребывании его в России. С 1729 по 1764 г. // Русская Старина. 1870. Т. I. № 1. С. 58–59.

Существенным источником обогащения Липмана служили постоянные празднования при Дворе Анны Иоанновны. Балы, маскарады, куртаги, рауты, оперы, свадьбы, именины «высоких персон», фейерверки и прочие увеселения сменяли друг друга. Придворные дамы и кавалеры были вынуждены тратить огромные средства на свои туалеты и на выезды, просяживая на них целые деревни и занимая деньги у Липмана и его «конфидентов» Фермана, Вульфа и др.⁴⁸

Липман одалживал деньги частным лицам, в том числе иностранным дипломатам. Испанский посланник при Российском дворе герцог Джеймс Фитцджеральд де Лириа-и-Херика из-за отсутствия в Мадриде банкиров, которые могли бы выдать векселя для отправки их в Россию, был вынужден брать деньги у Липмана под векселя на государственное казначейство в Испании. Хотя в Мадриде поначалу не хотели платить Липману по векселям де Лириа, но затем оплата долга была произведена. После этого случая испанскому дипломату пришлось столкнуться с отказом в кредите других займодавцев в России. Кредиторы не соглашались брать у него векселя, опасаясь, что с ними может случиться то же, что и с Липманом⁴⁹.

При посредничестве этого лица переводились «через вексель» деньги для академических студентов, отправленных за границу. Так, в марте 1740 г. по указу императрицы Анны Иоанновны были отправлены 600 руб. в г. Фрайбург «для пропитания» студентам Дмитрию Виноградову, Михаилу Ломоносову и Густаву Рейзеру⁵⁰.

Липман поставлял в большом количестве вино из Лифляндии в Петербург. В 1739 г. на Отдточный двор от него поступили 20 тыс. ведер вина, в 1740 г. — 30 тыс.⁵¹ По утверждению секретаря саксонского посольства при Дворе Екатерины II Георга Гельбига, Бирон, пользовавшийся в денежных делах услугами обер-гофкомиссара, делил с ним «барыши, сообща получаемые при помощи монополий и других утеснений торговли»⁵².

К получаемым Бироном и Липманом доходам автор биографии Елизаветы Петровны А.В. Степанов добавлял и «всевозможные биржевые бенефисы»⁵³.

Эрнст Адольф Герман — автор книги «Из истории русского государства», отмечал, что «своекорыстие <...> придворного еврея Липмана, обогащавшегося на счет страны; вымогательство огромных сумм, которые шли то на постыдные удовольствия, то на выкуп имений герцога, то на постройку великолепных дворцов», что «с каждым годом все более и более увеличивало

⁴⁸ Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский // Древняя и новая история России. 1877. Т. 2. № 7. С. 216.

⁴⁹ Письма о России в Испанию первого испанского посланника при нашем дворе Дука де Лириа // Оснадацатый век. Исторический вестник, издаваемый Петром Бартевым. Кн. 3. М., 1869. С. 101–102, 119.

⁵⁰ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 4: (1739–1741). СПб., 1887. С. 349.

⁵¹ См.: СИРИО. Т. 126. Юрьев, 1907. С. 381, 390, 421, 422; Т. 128. Юрьев, 1909. С. 496, 497; Т. 130. Юрьев, 1912. С. 24–26.

⁵² Гельбиг Г. Русские избранники / пер. и прим. В.А. Бильбасова. Берлин, 1900. С. 108.

⁵³ [Степанов А.В.] Елизавета Петровна, ее происхождение, интимная жизнь и правление. Сочинение А.В. Степанова. Новые материалы по биографии российских коронованных особ, составленные на основании заграничных документов. Т. III. Лондон, 1895; Гельбиг Г. Русские избранники. С. 108. [Степанов А.В.] Елизавета Петровна... С. 40.

неудовольствие народа, и в особенности знати, против правительства, на которое смотрели, как на иностранное»⁵⁴.

Как указано в некоторых источниках, Анна Леопольдовна хотела арестовать Бирона, и его об этом предупреждал Липтон⁵⁵.

Французский посол маркиз де ла Шетарди в своем доношении министру иностранных дел Франции Жан-Жаку Амело сообщал, что Бирон во всем действовал с одобрения Липмана, слывшего «человеком чрезвычайно хитрым и способным распутывать и заводить все возможные интриги». Шетарди писал: «Этот еврей, единственный поверенный всех тайн герцога, своего повелителя; он присутствует обыкновенно на всех его совещаниях с кем бы то ни было. Одним словом, можно сказать, что именно Либерман управляет Российской империей»⁵⁶. Впрочем, эту оценку Липмана приписывали также поверенному в делах Франции в России в 1737 г. Эдуарду Фонтону де л'Этан-ла-Виллю или саксонскому послу при Российском дворе в 1737–1740 гг. Ульриху Фридриху Зуму⁵⁷.

Однако, по мнению историка В.М. Строева, приписываемая Липману роль была выдумкой, одной из сплетен Шетарди, подхваченная некоторыми авторами исторических сочинений⁵⁸. Так, историк и публицист князь П.В. Долгоруков, утверждал: «Самые высокопоставленные и влиятельные лица старались угодить этому фавориту фаворита, который не раз ссылал людей в Сибирь по капризу. Он торговал своим влиянием, продавая служебные места, и не было низости, на которую он не был бы способен. Когда Бирона арестовали, он поспешил сообщить регентше о том, где были помещены капиталы курляндского герцога, и выдать все тайные проекты и политические планы последнего. Благодаря этой подлости ему удалось в течение года правления регентши сохранить свое положение обер-гофкомиссара»⁵⁹.

Безусловно, Липман имел определенный вес при Дворе Анны Иоанновны. По прошению Липмана Комитет министров в январе 1739 г. велел Комиссии о строении отвести «место около Ямской (кроме того места, где похоронен калмыцкий хан), для погребения жидов»⁶⁰.

Однако влияние Липмана не распространялось на дела политические. Иначе он был бы отправлен в ссылку вместе с Бироном, когда к власти пришла Анна Леопольдовна – регентша малолетнего государя Иоанна Антоновича.

⁵⁴ Герман Э. Царствование Анны Иоанновны. 1730–1740 // Русский архив. 1866. № 5. С. 671.

⁵⁵ Пекарский П.П. Примечания и дополнения // Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 13–14.

⁵⁶ См.: Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов... С. 52; От маркиза де-ла-Шетарди г. Амело. 19 февраля (1 марта) 1740 г. // СИРИО. Т. 86. СПб., 1893. С. 238.

⁵⁷ Россия. Новости. Приложена к письму г. де-ла-Вилля от 19 февраля 1740 г. // СИРИО. Т. 86. СПб., 1893. С. 237–238; Безыменная записка из тома «Русское государство», обнимающего события от 1717–1731 года. 30 сентября 1738 г. // Там же. Т. 20. СПб., 1877. С. 110; Голицын Н.Н. История русского законодательства о евреях. Т. 1: 1649–1825. СПб., 1886. С. 285.

⁵⁸ Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны. Историческое исследование приват-доцента В. Строева. Ч. 2. Вып. 1. СПб., 1910. С. 26.

⁵⁹ [Долгоруков П.В.] Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. Из записок князя. 2-е изд. М., [б.г.] С. 131.

⁶⁰ Журнал января 23 дня // СИРИО. Т. 126. Юрьев, 1907. С. 84.

Липман, несмотря на близость с Бироном, сохранил должность обер-гофкомиссара и после смерти Анны Иоанновны, и падения ее фаворита. Он оказывал услуги и новой правительнице – Анне Леопольдовне. Липман поставлял для нее драгоценности и товары с Лейпцигской ярмарки⁶¹. 13 января 1741 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» даже было опубликовано опровержение необоснованных слухов, появившихся в ряде иностранных газет об опале этого человека: «обер-комиссар господин Липман коммерцию свою по-прежнему продолжает и при всех публичных случаях у здешнего Императорского двора бывает»⁶².

В сохранившихся официальных документах периода, наступившего после свержения Анны Леопольдовны, имя Липмана встречается редко. С приходом к власти Елизаветы Петровны, в декабре 1741 г. купцам Якову Вульффу (Вольф) и Эрнсту Бардевику (Бардевих), а также Липману было велено сообщить, есть ли у них какие-либо вещи и деньги арестованных Х.А. Миниха, А.И. Остермана, М.Г. Головкина, К.Л. Менгдена, не переводили ли они деньги этих вельмож за границу⁶³. Несколько раз к Липману обращались из Секретной коллегии с вопросами относительно полученных от него Анной Леопольдовной драгоценностей и других ценных вещей⁶⁴.

Упоминается имя Липмана в 1744 г. в связи с деятельностью Особой комиссии, созданной для рассмотрения претензий по долгам опальных «государственных преступников» – графа Х.А. Миниха и графа Р.Г. Левенвольде. Именным указом Елизаветы Петровны от 19 ноября 1744 г. по полученным Кабинетом ее императорского величества от Липмана счетам, подтвержденным Левенвольде, бывшему обер-гофкомиссару было велено вернуть 15 568 руб. 22 коп.⁶⁵ За последующие годы других сведений о Липмане найти не удалось, что свидетельствует о немилости к нему пришедшей к власти императрицы Елизаветы Петровны. Вероятно, он вскоре скончался, возможно, в 1745 г.

Гоффактор Елизаветы Петровны и Петра III, петербургский купец Г.Х. Штегельман

Место Липмана занял богатый купец и банкир Генрих Христиан Штегельман (Стегельман, Stegelmann). Родился он в Любеке 22 февраля 1708 г. Его родители не были состоятельными людьми, но смогли дать сыну хорошее образова-

⁶¹ Курукин И.В. Эпоха «дворцовых бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 314.

⁶² Санкт-Петербургские ведомости. 1741. 13 января. № 4. С. 31.

⁶³ Журнал и протокольная записка собрания происхождения в собрании их сиятельств гг. министров и генералитета // Сенатский архив. Т. V. СПб., 1892. С. 304–305.

⁶⁴ Описи делам по секретной коллегии относительно принца и принцессы Брауншвейг-Люнебургских и их семейства // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1861. Кн. 2. V раздел. Смесь. С. 3.

⁶⁵ О зачете купцу Мейеру, поверенному наследников купца Фермона, долговой суммы, имеющейся на гр. Минихе и Левольде (т.е. Левенвольде. – П.Л.), в счет пошлин с отпускаемых отсюда Мейером товаров // Сенатский архив. Т. XIV. СПб., 1910. С. 533.

ние. В 1721 г. Штегельман отправился в Митаву, а в 1723 г. переехал в Петербург. Он начинал приказчиком, затем сам стал хозяином лавки. В Петербурге Штегельман женился на дочке крупного голландского купца Яна Крюйса – Анне, приходившейся внучкой прославленному петровскому адмиралу Корнелиусу Крюйсу⁶⁶. Также он стал шурином богатого гамбургского купца Якоба Стеллинга, который был женат на ее сестре Катарине Иоганне Крюйс. Вероятно, удачная женитьба способствовала коммерческим делам Штегельмана. Обогатившись на розничной торговле, он занялся оптовой торговлей на бирже, где его операции представляли заметное явление в деловой жизни Петербурга второй половины XVIII в.⁶⁷

28 августа 1742 г. Елизавета Петровна именным указом всемилостивейше пожаловала Штегельмана званием придворного фактора «для выписывания из-за границы потребных ко Двору Ея Императорского Величества товаров». Обязательными условиями для получения звания гоффактора были запись в российское купечество, принятие российского подданства и присяги «в верной того чина» службе. С назначением в должность Штегельману позволялось держать и продавать товары в своем доме кому пожелает. В указе всем купцам, кроме Штегельмана, под угрозой штрафа запрещалось иметь подобный торг дома. Кроме того, он освобождался от градских служб, поборов и прочих повинностей⁶⁸.

Штегельман оставался крупнейшим поставщиком мехов, тканей и прочих иноземных товаров для Российского императорского двора в период правления Елизаветы Петровны⁶⁹. Еще во время приготовлений к ее коронации, утверждал историк и публицист М.И. Семевский, Штегельман едва успевал выписывать из-за границы всякого рода драгоценные ткани и прочие товары. Они предназначались для самой Елизаветы Петровны и ее вельмож⁷⁰.

Услугами Штегельмана пользовались многие придворные. Среди его должников был опальный граф Р.Г. Левенвольде. В апреле 1748 г. по именному указу Елизаветы Штегельману в его торговую пошлину был зачтен долг Левенвольде в размере 1 067 руб. 10 коп.⁷¹

Придя к власти, Петр III именным указом, данным Сенату 4 августа 1762 г., подтвердил прежнее звание Штегельмана и всемилостивейше пожаловал его «гоф и камер-фактором» при Императорском дворе. В новом указе требования оставались прежними: поставлять ко Двору и на собственное его император-

⁶⁶ [Lemmerich C.] Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St. Petersburg. Mit Benutzung der gedruckten Nachrichten und der Acten des Kirchen- und Schularchives by Lemmerich Casimir. SPb., 1862. S. 125; Захаров В.Н. Происхождение и семейные связи немецких купцов в России в XVIII веке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2007. № 1. С. 45.

⁶⁷ Мордовцев Д.Л. Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории. Т. 2. СПб., 1874. С. 274.

⁶⁸ ПСЗ-1. Т. XI. № 8606. С. 645.

⁶⁹ Письмо Г.А. Бестужева-Рюмина // Архив князя Воронцова. Кн. 2: Бумаги князя Михаила Ларионовича Воронцова. М., 1871. С. 10.

⁷⁰ Семевский М.И. Первый год царствования Елизаветы Петровны 1741–1742. Исторический очерк // Русское слово. 1859. Август. С. 333.

⁷¹ Сенатский архив. Т. XIV. С. 533.

ского количества употребление различные товары, выписывая их из европейских стран. Сохранялись за Штегельманом и данные ему ранее привилегии⁷².

Данному лицу принадлежало несколько домов в обеих столицах. В Петербурге он имел каменный дом на Адмиралтейской стороне, по Большой Мещанской улице близ церкви Казанской Богородицы, а также великолепный двухэтажный дворец на Мойке, построенный в 1750–1753 гг. по проекту Ф.Б. Растрелли. Вокруг дворца был разбит сад с оранжереей с разными фруктовыми деревьями и прудом с рыбой. Дворец и при других владельцах именовался штегельмановским (штегельманским). В Москве в Немецкой слободе у него имелись каменный дом (два корпуса с регулярным садом, службами) и деревянный (со всеми дворовыми постройками). В Копорской уезде у Штегельмана был еще один каменный дом.

По утверждению немецкого писателя, автора «Истории Евангелическо-лютеранской конгрегации Св. Петра в Санкт-Петербурге» старшего учителя Питершуле Казимира Леммериха, Екатерина II намеревалась пожаловать Штегельману баронский титул, но он неожиданно скончался (1763) в возрасте 55 лет⁷³.

После смерти Штегельмана остались запутанные коммерческие дела⁷⁴. В 1764 г. его вдова Анна Штегельман была вынуждена продать все дома и утварь, чтобы расплатиться по долгам мужа⁷⁵. Вместе с малолетними детьми — Иоганной, Гендрихом, Крестьяном, Екатериной, Елизаветой и Генриеттой она поселилась в доме мадам де Ланге на Большой Морской улице.

Дворец Штегельмана на Мойке оказался в казенной собственности и перешел к фавориту Екатерины II, графу Григорию Григорьевичу Орлову. Затем, в 1765 г., дом «с пристройками и со всеми в нем обретающимися уборами и вещьми без изъяна» был отдан их трехлетнему сыну — князю Алексею Григорьевичу Сицкому, ставшему в 1774 г. графом Бобринским⁷⁶.

Первые официальные банкиры Императорского двора — купцы Уильям Гомм и Петр Кнутсен

Постепенно банкирство при Российском дворе превращается в особое достоинство, в котором утверждали специальным императорским указом. Первыми банкирами Императорского двора, официально получившими это звание, были английский купец Уильям (Вильям, Вилиамс, Вилим, Вилем) Гомм-

⁷² ПСЗ-1. Т. XV. № 11395. С. 881.

⁷³ [Lemmerich C.] Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri... S. 126.

⁷⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1863. 10 октября, 25 ноября; 1864. 26 октября.

⁷⁵ См.: СИРИО. Т. 17. СПб., 1876. С. 258; О позволении вдове гоф-фактора Штегельмана продать в ее пользу и пользу ее малолетних детей дома, оставшиеся после ее мужа (С приложением челобитной) // Сенатский архив. Т. XIII. СПб., 1909. С. 519–520; Москва. Актовые книги XVIII столетия. Т. X. М., 1902. С. 79; Санкт-Петербургские ведомости. 1764. № 37. 7 мая; № 40. 18 мая; № 45. 4 июня.

⁷⁶ Указ императрицы Екатерины II. См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–2 об.; Указ императора Павла I. См.: там же. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.

младший (Гом, Gomm Junior) и эзельский купец Петр Христиан Кнутцен (Кнутцен, Кнутсон, Кнутсен, Енутцен, Knutsen)⁷⁷.

Гомм родился в Англии в 1728 г. Он был сыном землевладельца Уильяма Гомма из местечка Льюкнор графства Оксфордшир. В 1746 г. его на два года отдали в ученики к Эндрю Томсону в Лондоне и Джорджу Томсону – в Петербурге.

1 марта 1749 г. Гомм, выполнив все формальности, стал полноправным членом британской Российской компании (Russian Company)⁷⁸. Точно не известно, когда он приехал в Россию – вероятно, в конце 1740-х гг. или в 1750 г. Французский посланник в Петербурге маркиз М.Н. Боссе в депеше принцу де Праслину от 3 ноября 1765 г. сообщил разные сведения о Гомме и упомянул, что тот прибыл в Петербург около 15 лет тому назад⁷⁹.

Женат Гомм был на Джоанне Мэри (Жан-Мария, Joanna Mary), урожденной Барро (Barraud), с которой обвенчался 13 октября 1750 г. В браке родились три дочери – Джейн Мери, Джейн, Мери и два сына – Уильям и Ричард.

В 1753 г. Гомм вошел в фирму английского купца Чарльза Дингли, которая стала именоваться «Дингли, Гомм и К^о». В 1754 г. с графом П.И. Шуваловым Гомм заключил контракт, по которому онежский лесной промысел перешел под его управление. Через шесть лет, в 1760 г., Гомм купил у Шувалова за 300 тыс. руб. право распоряжаться промыслом в течение 30 лет. С этим приобретением у Гомма были связаны грандиозные планы: расширения лесной торговли по берегам Белого моря; строительства верфей, кораблей, лесопилен, кузниц, складов; заготовки и продажи леса по рекам Онеге, Мезени и Северной Двине⁸⁰. Согласно указу Екатерины II от 3 марта 1764 г. Гомм совместно с купцами Бажениным и Крыловым получили право содержать компанией в Архангелогородской губ. лесной и судовой промыслы⁸¹. В оценке современного английского историка Энтони Кросса, «Гомм был мечтателем и авантюристом, или, как говорили в XVIII в., “прожектором”»⁸².

Брался Гомм и за другие прибыльные коммерческие дела. В 1757 г. он приобрел у петербургского купца Леонтия Горбылева табачный откуп с правом продажи табака за границу. Не имея для этого достаточных средств, Горбылев был вынужден уступить откуп Гомму. Тот обязывался вместо пошлины платить с каждого пуда табака по 5 коп., при этом попросил отдать ему всю заграничную торговлю табаком на 20 лет⁸³.

⁷⁷ ПСЗ-I. Т. XVII. № 12456. С. 229.

⁷⁸ Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005. С. 88.

⁷⁹ Le M-is Bausser au Duc de Praslin. Pétersbourg, le 3 November 1765 // СИРИО. Т. 140: Дипломатическая переписка французских представителей при дворе Екатерины II. 1762–1765. СПб., 1912. С. 564.

⁸⁰ О собирании сведений, на основании каких указов купцу Гому и прочим дозволено в 1752 году у города Архангельского содержать верфи и судовое строение производить в за-морский отпуск // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 147. Оп. 1. Д. 60.

⁸¹ Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. IV. СПб., 1884. С. 379, 445.

⁸² Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. С. 88.

⁸³ Протоколы Правительствующего сената 1761, 1762 и 1763 гг. // Сенатский архив. Т. XII. СПб., 1907. С. 165.

В 1762 г. Гомм просил Коммерц-коллегию от порта в Нарве «ему дать позволение на 10 лет одному за море отпускать по 30 000 досок» каждый год. Также он хотел построить под Нарвой свою пильную мельницу, обязуясь за то «великую пошлину платить»⁸⁴.

Привлекался Гомм к оказанию услуг по переводу казенных денег за границу еще до получения звания придворного банкира. Секретным указом от 30 января 1763 г. Екатерина II «повелевала» главе Главной экспедиции передела медной монеты, бригадиру М.А. Яковлеву: «Для перевода к находившимся при иностранных дворах нашим министрам сдать здесь в Петербурге из экспедиции ведомства вашего передела медных денег триста тысяч рублей англицкому купцу Гому или санктпетербургским купцам Володимерову и Савве Сабакину, чрез кого будет для казны нашей упомянутой перевод произвести полезней, как вам о том объявлено будет от нашего генерал-прокурора, которому от нас особое о сем повеление дано»⁸⁵.

Другим указом, от 14 октября 1764 г., Екатерина II приказывала Яковлеву: «За неимением у вас серебряных денег повелели мы отпустить пятьдесят тысяч рублей англицкому купцу Гому из капитала монетного двора, а вместо того в капитал монетной толикое ж число заменить из вступаемого статс-конторского серебра; напротив же того в статс-контору имеете вы оныя пятьдесят тысяч рублей заплатить медными деньгами из прибывшего каравана»⁸⁶.

Эзельский купец П.Х. Кнутцен, компаньон Гомма, родом был из Лифляндии. Возможно, принадлежал он к эзельскому дворянскому роду Гильденштрубе, а его отцом являлся Петр Ульрих Кнутсен, возведенный в дворянское достоинство Королевства Шведского в 1708 г. Женат Кнутсен был на Анне-Екатерине, урожденной Келх (Kelch). Свою деятельность Кнутсен начинал бухгалтером у крупного английского купца – Якова Вульфа, имевшего «обширные связи с российской казной»⁸⁷.

Содействие в назначении Гомма и Кнутсена банкирами Императорского двора оказал граф Никита Иванович Панин. 12 августа 1765 г. Екатерина II собственноручно подписала указ с определением их обязанностей: «верно и прилежнейше пещись о желаемом состоянии курса, так, чтоб произращения Российской Империи могли быть всегда содержаны в цене полезной». Другими словами, их главная задача – предохранять русскую торговлю от непредвиденных резких падений на бирже вексельного курса рубля⁸⁸.

Весьма характерны строки из преамбулы указа: «Все вообще разумные в коммерции люди справедливо признают вексельный курс оной душою, ибо его частая и скорая перемена чрезвычайным унижением или таким же возвышением не только в неустойство приводит одну внешнюю коммерцию, но и свой из того вред изливает до самой внутренности между усобного торга той

⁸⁴ ПСЗ-1. Т. XV. № 11 534. С. 1003–1004.

⁸⁵ Указы императрицы Екатерины Великой генерал-майору М.А. Яковлеву (1763–1768) // Русский архив. 1893. Кн. 2. № 5. С. 9.

⁸⁶ Там же. С. 17.

⁸⁷ *Захаров В.Н.* Предпринимательская деятельность английского купца Вилима Гома в России во второй половине XVIII в. С. 275.

⁸⁸ ПСЗ-1. Т. XVII. № 12456. С. 229.

земли». В указе рекомендовалось всем присутственным учреждениям при переводе денег «через вексели или кредитивы» за границу предпочтительно обращаться к Гомму⁸⁹.

Российскому дипломатическому агенту в Лондоне А.С. Мусину-Пушкину, дабы удостовериться в благонадежности Уильяма Гомма, в ноябре 1766 г. было поручено найти сведения о его родственниках в Великобритании. Мусин-Пушкин собрал таковые о его родном брате, лондонском банкире Джоне Гомме. В письме от 1 декабря того же года дипломат сообщал, что Д. Гомм «приобрел капитал более женитьбою, нежели купечеством». Мусин-Пушкин информировал, что Д. Гомм из России «получал много мачтового леса (в 1765 г.), так что даже цена на него упала в Англии», и что «кредит у него на бирже умеренный и небольшой»⁹⁰.

У. Гомм вместе с П.Х. Кнутсенем отправили по векселям за границу для разных потребностей Российского двора 936 196 руб., получив с этой суммы ½ процента комиссии. Только по требованию Коллегии иностранных дел ими было переведено свыше 500 тыс. руб.

С получением Гоммом и Кнутсенем звания придворных банкиров увеличились их внешнеторговые операции. Если в 1765 г. Гомму поступило из заграницы товаров на 531 893 руб., то в 1766 г. он вместе с Кнутсенем получил товаров на колоссальную сумму – 1 179 534 руб.⁹¹ Вскоре между компаньонами произошла размолвка, негативно повлиявшая на положение дел, репутацию и кредит Гомма. В 1766 г. Кнутсен разгласил сведения о накопившейся огромной задолженности компаньона казне. После того как о проблемах Гомма стало известно в Европе, его кредит на европейских биржах упал, а амстердамские и лондонские банкиры отказывались оплачивать его векселя. Доверие западных корреспондентов к нему оказалось подорванным. Следствием этого стало увеличение задолженности банкира европейским партнерам и российской казне. Все его корабли и товары за границей были арестованы и проданы за долги.

Известие о банкротстве придворного банкира Гомма Екатерина II получила 20 мая 1767 г. Из одного анонимного «письма купеческого» (фактически доноса, не исключено, что Кнутсена) императрица узнала, что «более чем на пятьдесят тысяч рублей векселей, переведенных г. Гоммом, возвращены с протестом; что ожидают еще много других, которые в пути, и что банкротство видят неизбежным». В письме сообщалось: «Эти обстоятельства произвели великое движение на Амстердамской бирже. Банкир Гоппе отправил курьера к Жону Гомму в Лондон. Его возвращение решит кредит банкиров русского двора, кредит, в котором уже отказал г. Клиффорд»⁹².

Копию этого «купеческого письма» Екатерина II в тот же день отправила Панину. Императрица пребывала в гневе. «Я у вас спрашиваю, – с явной до-

⁸⁹ ПСЗ-1. Т. XVII. № 12456. С. 229.

⁹⁰ Цит. по: *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. Варшава, 1879. С. 276.

⁹¹ *Захаров В.Н.* Предпринимательская деятельность английского купца Вилима Гома в России во второй половине XVIII в. С. 279.

⁹² Copie d'une lettre // СИРИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 192–193.

садой писала она, — что Веймарн и все над ним приставленные смотрят, и доколе мне от проклятого выписывания серебра скуку нести». Екатерина II обратилась с просьбой к графу: уведомить ее «о всех сих обстоятельствах, и куда Гомм девался, ибо, сказывают, уехал из Москвы и неужели что он уже все потерял?». В другом письме Панину от 27 мая она извещала, что ждет подробности «дела Гомма» и «весьма довольна оборотом тем, который Вы заблагорассудили дать сему делу». Императрица просила Панина с осторожностью выяснить, «не замешен ли с Гоммом как-нибудь Глебов <...> дабы иногда невинного не поклепать»⁹³. Бывший генерал-прокурор А.И. Глебов с 1764 г. находился в опале из-за участия в сомнительных коммерческих сделках, связанных, прежде всего с винным откупом в Иркутске.

В записке, направленной состоящему «в кабинете при собственных ее величества делах» И.П. Елагину, Екатерина II просила прислать ей точный баланс всех торговых и промышленных дел Гомма за 1765, 1766 гг., чтобы выяснить происхождение его капиталов, фабрик, мельниц, промыслов и торговли, не использовались ли на то казенные деньги⁹⁴.

Сведения о банкротстве Гомма вскоре стало известно представителям иностранных посольств в России, которые поспешили оповестить об этом свои правительства. Поверенный в делах Франции в России аббат Гийо д'Юссиер сообщал министру иностранных дел Франции герцогу Этьену Франсуа де Шуазелю, что банкротство банкира произошло из-за отказа амстердамских банкиров Клиффорда и Гоппе принять его векселя на 180 тыс. руб. Причиной отказа, по мнению поверенного в делах, стал тайный совет человека по имени Кнутсен (в тексте Knucken. — П.Л.), «соперника Гомма и любимца Орлова». По утверждению аббата Гийо, ссылавшегося на осведомленных лиц, Гомм оказался не в состоянии удовлетворить своих зарубежных партнеров. Кроме того, аббат доносил, что банкир остался должен казне около 1 млн руб. за кредиты, которые ему были предоставлены для различных предприятий⁹⁵.

30 мая 1767 г. Екатерина II получила очередное письмо от Панина «со всеми обстоятельствами о Гоммовом деле». 31 мая в ответном письме она написала: «...совершенно из двух одно: или устави́тся, или сделается достойным виселицы. Понятнее мне стал теперь его весь торг <...> однако ж я еще света не вижу в заплате страшной суммы, которую он казне должен; ибо и первые пятьдесят тысяч банкового долга сумнительно чтоб заплачены были. Я не думаю, чтоб вся ситцевая фабрика стоила ста тысяч, а он не один; о прочих его фабриках и проч. и упоминуть почти нечего: все хуже сей». 6 июня императрица в ответном письме Панину отмечала, что «усмотрела вид, который Вы надеетесь дать Гоммову делу; дай, Боже, чтоб мы могли с честью из сих хлопот выйти»⁹⁶.

⁹³ Список с письма Екатерины II к Н. Панину об устройстве дел Гомма 20 мая и 27 мая 1767 г. // СИРИО. Т. 10. С. 192–193, 202–203; Письма и записки императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину // ЧОИДР. 1863. Кн. 2. С. 21–22, 24.

⁹⁴ Собственноручная записка Екатерины II к И. Елагину о положении дел Гомма // СИРИО. Т. 10. С. 193.

⁹⁵ L'abbé Guyotau Due de Choiseul. Moscou, 15 juin 1767 // СИРИО. Т. 141. СПб., 1913. С. 311–312.

⁹⁶ Список с письма Екатерины II к Н. Панину о деле Гомма от 31 мая и 6 июня 1767 г. // СИРИО. Т. 10. С. 206, 209; ЧОИДР. 1863. Кн. 2. С. 25–26, 29.

Успокоившись и разобравшись в деле, Екатерина II в сентябре того же года в письме Панину сообщала: «Я с господином Веймарном прочла все Гоммово дело, из которого усмотрела все происхождение его состояния, и вижу необходимую нужду или потерять много, или помочь ему еще; но дабы подобные приключения впредь паки к помочи сего забродливого человека не принудили нас, того ради и приставить к нему узденя, как говорят черкесы, или дядьку. И так на деньги заготовьте с князем Вяземским указ, а для надмотрения выберите человека; но мое мнение есть, что если сии деньги не будут казаться в Голландии действительно гоммовыми, а узнают, что казна ему вновь посулила, то больше из того ему дискредита, нежели кредита причинится, и для того должно ту сумму ему секретно или нечувствительно для купцов выдать»⁹⁷. Над Гоммом, по сути, установили казенную опеку.

Комиссия о коммерции охарактеризовала банкира крайне неодобрительно, отмечая, что «Гом купец жадный, и имел голову, наполненную бесконечными коммерческими спекуляциями, как известно, всегда делал проекты к новым отраслям российского торга, но не имея ни прилежания, ни попечения о произведении их в исполнение, никогда не оставался на том, чтоб усмотря неудачу, ограничить себя какою-нибудь осторожностью, а всегда поступал необузданными замыслами в умножение капитала опускаемого в свой торг, и чрез то впадал из одного в другое нещастие, искал себе восстановления случайного <...> Таков сей купец»⁹⁸.

В результате расследования дела о банкротстве Гомм вместе с Кнутсенем утратили свое звание банкира Императорского двора. Правда, о лишении их этого звания официально нигде не сообщалось. Дело о несостоятельности Гомма рассматривалось в течение семи лет, с 1767 по 1774 г.⁹⁹ Все его попытки восстановить дела не удались, и в 1783 г. он окончательно разорился и уехал из России. Умер Гомм 9 апреля 1792 г. в г. Бат, графства Сомерсет, в возрасте 64 лет.

Гофбанкир Екатерины II Иван Юрьевич Фредерикс

После отставки Гомма придворным банкиром стал Иван Юрьевич (Иоганн, Ганс Иорген) Фредерикс (Фридерикс, Фридрикс, Фридрихс, Freedericksz). Родился он 17 апреля 1723 г. в Архангельске. По одной версии, его отцом был голландский купец Юрген Фредерикс, живший с 1731 г. в Архангельске и женившийся на русской женщине. По другой версии, его отец – шведский офицер или солдат, взятый в плен во время Северной войны, отправленный в Архангельск, где женился на русской. М.Д. Чулков, ссылаясь на именные

⁹⁷ Список с письма Екатерины II к Н. Панину об устройстве дел Гомма // СИРИО. Т. 10. С. 250–251.

⁹⁸ Цит. по: *Ананьич Б.В., Лебедев С.К.* Частный коммерческий кредит и деловая культура. Институт придворных банкиров // Кредит и банки в России до начала XX века... С. 132.

⁹⁹ О несостоятельности придворного банкира английского купца Гомма и о выписываемом чрез его контору из заграницы для монетного двора золоте и серебре. См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1511. Л. 1–663.

указы Екатерины II, называл Фредерикса английским купцом¹⁰⁰. По мнению немецкого историка Эрика Амбургера, отцом будущего банкира являлся бывший нарвский мещанин¹⁰¹, а затем архангельский иноземец Юрий Федорович (Иорген, Юрген, Jürgen) Фредерикс, мать – Анна Ивановна¹⁰².

В январе 1735 г. отец Фредерикса умер в возрасте 38–40 лет, и в 12 лет он остался сиротой, а когда подрос, занялся торговлей. Заработав небольшой капитал, Фредерикс в конце 1740-х гг. перебрался на жительство в Петербург, продолжив коммерцию сначала единолично, а затем в компании с английскими купцами. В 1757 г. он совместно с Антони Велтденом (Велтен, Велдтен, Велтден, Вельтаур, Вельтен) и Александром Бакстером (Бекстер) стал совладельцем крупной торговой компании «Велтден, Бакстер и Фредерикс» («Weldten, Baxter und Freedericksz»), а с 1772 г. уже вел дела самостоятельно.

В Петербурге в 1749 г. Фредерикс женился на Регине-Луизе (Ирина) Захарьевне, немке по происхождению. Она была сиротой и приходилась младшей сестрой художнику-портретисту Карлу-Людвигу (Логгину) Христенеку¹⁰³. 15-летняя невеста была младше жениха на 12 лет. В браке родились четыре дочери и пятеро сыновей.

Секретарь саксонского посольства при Дворе Екатерины II Георг фон Гельбиг, автор сочинения «Русские избранники», сообщал: «Фредерикс, простой купеческий парень из Архангельска», своим возвышением и огромным капиталом был обязан протекции братьев Орловых, которых знал еще до их фавора¹⁰⁴.

Отношения Фредерикса с Российским двором начались еще при Петре III, заплатившему ему в январе 1762 г. за купленную бриллиантовую брошь (в виде букета) 5000 руб.¹⁰⁵ В последующие годы через Фредерикса неоднократно переводились деньги за границу для приобретения товаров для нужд Императорского двора. Так, в 1773 г. при его посредничестве закупались вещи к первой свадьбе цесаревича Павла Петровича – с Натальей Алексеевной¹⁰⁶.

¹⁰⁰ [Чулков М.Д.] Историческое описание российской коммерции... Т. IV. Кн. VI. М., 1786. С. 286; Т. VI. Кн. II. С. 523.

¹⁰¹ База данных Эрика Амбургера «Иностранцы в дореволюционной России» (Erik-Amburger-Datenbank Auslanderim vor revolutionaren Russland). URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=90685>; <https://www.amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=17510&mode=1> (дата обращения: 16.03.2023).

¹⁰² Доношение иноземца Юрия Федоровича [Фридрикса] в Архангелогородский губернский магистрат об оскорблении его жены Анны Ивановны [Фридрикс] женою и детьми иноземца Григория [Григорьева] Ренольта. 1 марта 1725 г.; Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 218. Т. XI. № 975; Доношение Г.Г. Ренольта (Ренорта) и Ю.Ф. Фридрикса в Архангелогородский губернский магистрат о примирении их жен. 14 мая 1725 г. См.: там же. Картон № 975. Д. 40. С. 22. Л. 1–2 об.

¹⁰³ Его кисти принадлежит ряд известных портретов, в том числе портреты Алексея Бобринского, адмирала С.И. Мордвинова, князя Григория Орлова, а также барона и баронессы Фредерикс.

¹⁰⁴ Гельбиг Г. Русские избранники. С. 409; то же см.: Русская старина. 1887. Т. 53. № 3. С. 541.

¹⁰⁵ 200-летие Кабинета Его Императорского величества. 1704–1904. Историческое исследование. СПб., 1911. С. 347–348.

¹⁰⁶ Письма императрицы Екатерины Второй к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // Русский архив. 1878. Кн. 1. № 1. С. 17.

Наибольшее обогащение Фридериксу принесла Русско-турецкая кампания 1768–1774 гг. Во время войны он устроил великолепный праздник в честь графа Г.Г. Орлова, на котором присутствовали вельможи и дипломатический корпус. По этому случаю над дверьми в роскошно убранной зале была сделана надпись: «Война насыщает, мир пожирает»¹⁰⁷. Именно благодаря покровительству Орловых Фредерикс стал придворным банкиром, а 5 августа 1773 г. Екатерина II возвела его в баронское достоинство «за прилагаемое им старание к лучшему распространению торговли и оказанные многие заслуги»¹⁰⁸.

Позднее Фредерикс финансировал другого фаворита Екатерины II – светлейшего князя Г.А. Потемкина. Через своего гофбанкира императрица переводила Потемкину значительные суммы¹⁰⁹. При посредничестве Фредерикса Екатерина II выписывала разные товары из европейских каталогов, отмечая понравившиеся ей вещи карандашом. Императрица просила, чтобы каталоги поступали ей регулярно и желательно иллюстрированные¹¹⁰. За счет казны гофбанкир также отправлял на продажу за границу казенные российские товары.

Фредерикс выступал посредником при заключении первого внешнего российского займа у амстердамского банкирского дома «Раймонд и Теодор де Смет» («Raymond & Theodore de Smeth»). 2 апреля 1769 г. Екатерина II дала указ Правительствующему сенату, в соответствии с которым было занято 7,5 млн гульд. (около 3,7 млн руб.) на 10 лет под 5% годовых¹¹¹. За эти заслуги высочайшим указом 15 марта 1772 г. императрица возвела Теодора и Раймонда де Сметов с нисходящим их потомством в баронское достоинство Российской империи.

При посредничестве Фредерикса с 1769 по 1774 гг. были размещены 20 облигаций по 500 тыс. на общую сумму 10 млн гульд. Русское правительство для содержания армии и флота за границей во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. сделало заем на 1 млн пиастров в Генуе через своего поверенного в делах Венеции, банкира маркиза Павла Христофоровича Мавруцио (Мавруция, Маруцци). За время пребывания в должности банкира Императорского двора Фредерикс перевел за границу 14 478 790 руб.¹¹² От правительства организацией первых займов ведал специально учрежденный Комитет уполномоченных для произведения денежных негоциаций в иностранных землях (глава – князь А.А. Вяземский; члены – князь А.А. Голицын и граф З.Г. Чернышев).

После окончания Русско-турецкой войны, в результате подписания 10 июля 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора Османская импе-

¹⁰⁷ Гельбиг Г. Русские избранники. С. 409.

¹⁰⁸ [Долгоруков П.В.] Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 2. СПб., 1855. С. 281.

¹⁰⁹ Собственноручное письмо Имп. Екатерины II кн. Г.А. Потемкину о пожаловании ему через банкира, бар. Ив. Юрьев. Фридрикса, 150 000 рублей по случаю дня его рождения и ангела (30 сентября 1777 г.) // СИРИО. Т. 27. СПб., 1880. С. 137.

¹¹⁰ К Сергею Михайловичу Козьмину // Т. 42. СПб., 1885. С. 345.

¹¹¹ Шторх П. О государственном долге // Гражданин. 1873. № 29. 16 июля.

¹¹² [Лодыженский К.Н.] История русского таможенного тарифа: Исследование Константина Лодыженского. СПб, 1886. С. 128.

рия обязалась выплатить России 7,5 млн пиастров (4,5 млн руб.). Из-за истощения казны Турция выплачивала контрибуцию по частям. Деньги доставлялись в русское посольство в Константинополе мешками, количество которых составило 9 820¹¹³. Часть денег Екатерина II направила на погашение займа, взятого во время войны у амстердамских банкиров де Смет.

Специальным рескриптом императрица поручила перевод денег из Константинополя в Амстердам своему придворному банкиру Фредериксу по разработанному им плану. Ему было доверено подобрать в Константинополе надежных банкиров. В своем рескрипте Екатерина II особо обратила внимание на необходимость блюсти интересы казны и секретность операции: «Но как для способствования в вексельном курсе полезно перевозить червонные натурою, то повелели мы препоручить константинопольским банкирам выгодною ценою покупать и выменивать червонные, со всевозможною осторожностью и скрытным образом от публики»¹¹⁴. Было решено отказаться от посредничества английского банкира в Константинополе Эббота (Абота, Абботта), которому изначально доверили перевод денег в Амстердам. В рескрипте оговаривалась необходимость под благовидным предлогом изъять ранее переданные ему деньги и постараться лишить его возможности как-либо препятствовать дальнейшему переводу денег.

Фредерикс для продолжения операции перевода денег из Константинополя в Амстердам выбрал банкирский дом «Гюбш и Тимони» («Hübsch et Timoni»). Им через гофбанкира выдавались необходимые суммы на вексельные переводы и на вымен червонных. Согласно утвержденному императрицей и правительством плану Фредерикса издержки за банкирские комиссии за переводимые в Амстердам деньги не должны были составлять от 3 до 5%¹¹⁵.

Поскольку сумма для перевода в Амстердам была весьма значительной, в особенности для такой страны, как тогдашняя Турция, то возник ряд трудностей. Во-первых, из-за размеров сумм перевода неминуемо должно было произойти возвышение вексельного курса. Во-вторых, нельзя было точно определить сроки перевода, потому как он зависел от большего или меньшего появления векселей на европейские города. Общая сумма всех вексельных сделок, совершенных в Турции годом ранее, не достигала и половины суммы, предназначенной для перевода в Амстердам. Банкиры Гибш и Тимони при любой возможности скупали через своих корреспондентов все, какие только могли найти в Турции, векселя на европейские города¹¹⁶.

Поисками нужных векселей занимался даже российский посланник в Константинополе А.С. Стахивев. В письме графу Н.И. Панину он сооб-

¹¹³ Всеподданнейшее донесение А. Стахивева. 22 июля 1779 г.; Письмо А. Стахивева – графу Н. Панину. 28 сентября 1779 г. // Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения / сост. Н. Дубровин. Т. 3: 1779–1789 гг. СПб., 1887. С. 300, 368.

¹¹⁴ Рескрипт императрицы посланнику А.С. Стахивеву в Константинополь // СИРИО. Т. 145. СПб., 1914. С. 136–136; Письмо кн. А.А. Вяземского кн. Н.В. Репнину, 12 июля 1775 г. и копия рескрипта императрицы Екатерины II кн. Н.В. Репнину, 11 июля 1775 г. Т. 6. СПб., 1871. С. 311–312.

¹¹⁵ Копия письма кн. А.А. Вяземского кн. Н.В. Репнину. 10 августа 1775 г. Т. 6. С. 341.

¹¹⁶ Рассуждения гг. Гибша и Тимония прилож. к письму кн. Н.В. Репнина ген.-прок. кн. А.А. Вяземскому, от 25 октября 1775 г., из Перы. Т. 15. СПб., 1875. С. 478–479.

шал: «...нашел сегодня надежный вексель на 4 450 гульденов голландских, оные посылаю в Амстердам к тамошним баронам де Смет на счет барона Фридрикса»¹¹⁷.

В марте 1776 г. константинопольские банкиры – корреспонденты Фредерикса уведомили его о скором окончании перевода денег. Тот, в свою очередь, известил об этом генерал-прокурора Вязьмского, а он – Государственный совет¹¹⁸.

Из поступающих от Турции в счет контрибуции денег был полностью погашен заем, взятый в 1770 г. у генуэзского банкира маркиза Мавруцио. В 1779 г. Фредерикс предложил конвертировать оставшуюся часть голландского долга (8 млн гульд.) из 5%-го в 4%-й и отсрочить его на 10 лет. Комитет уполномоченных нашел такое предложение выгодным и поддержал конверсию¹¹⁹.

За свои операции с казной Фредерикс получал следующие комиссии: «На негоции – 3 процента; на высылку – 2 ½ процента; на диспозицию денег, происходящих из продажи казенных консигнаций – 1 ½ процента, на кредиты – 2 процента, на варшавский кредитив – по 1 проценту <...> На поставленное золото и серебро не брал от казны комиссии, но имел контракт с правительством на снабженные векселя Иностранной коллегии в чужих векселях по – ½ процента»¹²⁰.

Разбогатец, Фредерикс в 1771 г. купил у бывшего фаворита Екатерины II С.В. Салтыкова мызу (поместье) Домашово с деревнями Фалилеево, Корчаны, Пружицы и Озертицы. В январе 1772 г. он приобрел у графа М.К. Скавронского дом на набережной Невы, у Галерного двора. В 1773 г. банкир прикупил у коллежского асессора В.Я. Мельницкого мызу Орлинскую с селом Орлино и у Е.А. Мордвиновой – мызу Рябово с деревнями Бабино, Губки, Кяслево, Корнево, Минулово, Пугарево, Румболово и Углово. Позднее он купил еще Марисельскую мызу у реки Морьи, впадающей в Ладожское озеро, мызы Волкову и Малая Румпола. В 1777–1778 гг. барон Фредерикс построил в Рябове кирху Св. Регины, где был открыт лютеранский приход¹²¹. На Петровском острове в Петербурге у банкира имелась еще и дача.

В 1776 г. кандидатура бывшего компаньона Фредерикса – английско-го купца Антони Велдена рассматривалась на освободившееся после смерти Самуэля Сваллоу (Сваллов) место генерального консула Великобритании. Вице-канцлер граф И.А. Остерман в письме к поверенному в делах России в Англии В.Г. Лизакевичу сообщал, что Екатерина II повелела предписать, «чтобы вы английскому министерству пристойным образом внушили, что Ея Высочеству весьма б приятно было, когда б на заступление помянутого места избран был находящийся здесь англичанин Велтен». Перечислялись такие достоинства и качества кандидата, как его долгое пребывание в России;

¹¹⁷ Письмо А. Стахиева – графу Н. Панину.. // Присоединение Крыма к России... Т. 3. С. 368.

¹¹⁸ Архив Государственного совета. Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1798 гг.). Протоколы Совета в царствование императрицы Екатерины II-й. Ч. 1: Отделение историческое. СПб., 1869. Стлб. 330.

¹¹⁹ Гурьев А.Н. Очерк развития государственного долга России. СПб., 1903. С. 4.

¹²⁰ Записка Сутерланда от 1 октября 1780 г. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 602. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

¹²¹ Солохин Н.Д., Венцель И.В. Всеволожск. Путешествие в прошлое. СПб., 2005. С. 53.

совместная деятельность с бароном Фредериксом; приобретение понятий о местной торговле; знание языка, дающие ему неоспоримые преимущества для занятия должности генерального консула Великобритании в России¹²². Однако британским консулом назначили купца Уильяма Шарпа. Вероятно, английское правительство знало о финансовых затруднениях Велтена. Действительно, в 1777 г. он объявил себя банкротом, оказался должен 67 кредиторам 112 тыс. руб. 61 кредитор согласился получить с Велтена по 25% долга, но шесть человек потребовали возвращения всего долга, поэтому дело затянулось на несколько лет¹²³.

Другой бывший компаньон Фредерикса – Александр Бакстер, вернувшийся на родину в 1774 г., был назначен российским генеральным консулом в Лондоне и оставался им 28 лет, до выхода в отставку в 1803 г. В должность Бакстер был определен без жалования, с 1775 г. получал по 300 руб. в год на канцелярские расходы. С 1786 г. ему было положено жалование в 2000 руб. В 1786 г. он был произведен в чин коллежского асессора, а в 1800 г. – надворного советника. Будучи генеральным консулом, Бакстер отправлял в Коммерц-коллегию подробные записки со сведениями о правилах Лондонской биржи, английском тарифе, таможенных законах и обычаях Англии. Он ходатайствовал перед правительством Великобритании и Адмиралтейским судом об освобождении русских коммерческих кораблей, захваченных каперами и военным флотом Англии¹²⁴. Бакстер умер в апреле 1808 г. в расположенной недалеко от Лондона деревушке Кенсингтон, графства Мидлсекс¹²⁵.

30 сентября 1779 г. 56-летний И.Ф. Фредерикс скоропостижно скончался в собственном доме на набережной Невы. Накануне, 21 сентября, фрегат «Наталия», построенный в 1773 г. в Архангельске, с грузом железа и досок, принадлежавшим барону, потерпел крушение¹²⁶. Конечно, это происшествие не могло стать причиной смерти барона: во-первых, груз и судно были застрахованы; во-вторых, вряд ли информация о кораблекрушении за столь короткое время стала известна в Петербурге.

Екатерина II, узнав о кончине придворного банкира Фредерикса, велела задержать отправку заграничной почты, пока ей не доставят всю деловую переписку из конторы Фредерикса. Императрица, по словам А.А. Безбородко, готова была ждать бумаги даже до полуночи¹²⁷.

Похоронен Фредерикс был на Волковом лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге. Мраморный обелиск с рельефом «Коммерция» на его могиле был

¹²² Письма вице-канцлера графа И.А. Остермана к поверенному в делах г. Лизакевичу в Лондон 15 января 1776 г. // СИРИО. Т. 145. С. 10–11.

¹²³ Демкин А.В. Британское купечество в России XVIII века. М., 1998. С. 105.

¹²⁴ [Уляницкий В.А.] Русские консульства за границею. Исследование В.А. Уляницкого. Ч. II. (Приложения). М., 1899. С. DL, DLXXXIII; Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. II: Материалы. Варшава, 1897. С. 74.

¹²⁵ The Scots Magazine and Edinburgh Literary Miscellany. Being a General Repository of Literature, History, and Politics for 1808. Vol. LXX. April. Edinburgh, 1808. S. 319.

¹²⁶ Летопись крушений и пожаров судов русского флота от начала его по 1854 год. СПб., 1855. С. 277.

¹²⁷ Письмо графа Александра Андреевича Безбородко – Матвею Матвеевичу Эку. 1779 г. 21 сентября // СИРИО. Т. 26. СПб., 1879. С. 507, 576.

изготовлен в мастерской скульптора Якоба Земельгака. Надгробие могилы придворного банкира сохранилось до наших дней. Из-за более чем двухвекового загрязнения мрамора надпись на памятнике читается лишь частично. В год смерти Фредерикса умерла его 10-летняя дочь Доротея. Ее надгробие с барельефом печального ангела также было выполнено в мастерской Земельгака. Вдова Фредерикса баронесса Регина-Луиза пережила супруга на 42 года, и была похоронена рядом, под одним памятником с дочерью. В 1930 г. оба памятника перенесли на территорию мемориального Лазаревского кладбища Александро-Невской лавры (XI участок) Государственного музея городской скульптуры.

Все свои финансовые дела гофбанкир Фредерикс оставил в полной исправности. Его помощник – Франц Поппе сдал всю документацию «в совершенной целости и должном порядке без всякого исследования и нареkania». Банкирский дом барона Фредерикса под его именем продолжал функционировать еще некоторое время, до прибытия из-за границы старшего сына бывшего владельца. Екатерина II намеревалась сделать Андрея Фредерикса придворным банкиром, а Поппе – его товарищем, «дабы производство сих дел продолжать на прежнем основании»¹²⁸. Однако Андрей Фредерикс предпочел службу в армии. К тому времени он в звании поручика лейб-гвардии Семеновского полка был адъютантом у Г.А. Потемкина и дослужился до чина бригадира.

В 1782 г. дом банкира Фредерикса на набережной Невы приобрела княгиня Екатерина Романовна Дашкова, вернувшаяся после длительного пребывания из Англии. Она договорилась с баронессой о цене в 30 тыс. руб., включавшей все накладные расходы. Разрешение о покупке Дашкова просила у Екатерины II, которая ответила, что уже давно повелела Кабинету заплатить стоимость дома, выразив свое удивление, что та не сделала лучшего выбора и почему не предпочла дом герцогини Курляндской. Дашкова объяснила свое решение тем, что родилась на Английской набережной и хотела бы здесь жить¹²⁹. По иронии судьбы через Фредерикса Дашкова, отправляясь в путешествие за границу в 1769 г., продавала свой деревянный дом на берегу Фонтанки, у Семеновского моста¹³⁰.

Петр Теппер-Фергюсон – варшавский банкир ее величества

4 февраля 1779 г. Екатерина II подписала указ о пожаловании варшавского банкира Петра Теппера-Фергюсона (Tepper-Fergusson) в банкиры ее величества¹³¹. Об этом назначении сообщили даже некоторые европейские газеты¹³².

¹²⁸ Письмо Екатерины II барону Мельхиору Гримму от 15 сентября 1779 г. // СИРИО. Т. 23. СПб., 1878. С. 160.

¹²⁹ [Дашкова Е. Р.] Записки княгини Дашковой. СПб., 1907. С. 180.

¹³⁰ Санктпетербургские ведомости. 1769. № 102, 103, 104 (22, 23, 24 декабря).

¹³¹ Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. IV. С. 605.

¹³² Gazette du commerce. 1779. № 35. 1 mai. S. 273.

Однако его статус не был тождественен званию придворного банкира. Теппер-Фергюсон являлся доверенным банкиром русского правительства и посольства в Варшаве.

Петр Теппер-Фергюсон состоял компаньоном своего дяди по матери — богатого варшавского купца и банкира Петра Теппера-старшего. После смерти в 1767 г. жены, не имея собственных детей, он с разрешения короля Польши Станислава II Августа Понятовского усыновил Петра Фергюсона и сделал его своим единственным наследником. Условием было принятие племянником фамилии Теппер. Взяв фамилию дяди, он сохранил и фамилию своего родного отца Уильяма Фергюсона, выходца из Шотландии¹³³.

Петр Теппер-старший был сыном познанского скорняка и торговца мехом Петра Теппера, предки которого прибыли в Польшу из Бранденбурга. С отцом он начал заниматься ремеслом и торговлей в Познани, но около 1726 г. уехал в Варшаву, где стал бухгалтером в компании «Valentinet Pelisson». Со временем он вошел в ряд прибыльных акционерных обществ. Укреплению положения Теппера в коммерческих кругах способствовала женитьба на дочери богатого купца из Вроцлава Людвике Эльжбете. В 1741 г. он стал совладельцем компании «Valentinet Tepper», в 1744—1763 гг. — «Tepper et Röhling», после 1763 г. — владельцем собственного торгового и банкирского дома «Петр Теппер и К^о» в Варшаве.

Петр Теппер-старший был человеком предприимчивым, разумным и бережливым. Благодаря благоприятной экономической ситуации в Польше он к началу 1750 гг. сумел нажить огромное состояние. Источником его богатства был значительный спрос польской аристократии и богатой буржуазии на предметы роскоши из Англии, Франции, Голландии и Германии. Свободные средства он вкладывал в промышленность, кредитуя владельцев текстильных и горнопромышленных предприятий. Получив в 1775 г. право на владение землей, он стал приобретать помещичьи имения в Мазовии и Волыни. Вместе с Петром Бланком (Blank) Теппер-старший арендовал национальную польскую лотерею, заплатив в казну 200 тыс. злотых, что составляло 1% всех годовых поступлений страны. При этом он сам жил весьма скромно.

Капитал, который нажил Теппер-старший, позволил ему начать банковскую деятельность, став одним из первых и богатых польских банкиров. Успеху способствовали его хорошие отношения с английскими, голландскими и немецкими банкирами.

Основными клиентами банкирского дома Петра Теппера-старшего была польская знать. Да и сам польский король, великий князь литовский Станислав Август Понятовский неоднократно заимствовал у него деньги.

Петр Теппер-Фергюсон благодаря дяде стал одним из самых богатых людей Польши второй половины XVIII в. В июне 1761 г. он женился на Марии-Филиппине, в девичестве Валентин де Отерив. Она происходила из семьи французских беженцев-гугенотов из Лангедока, обосновавшихся в Данциге¹³⁴.

¹³³ *Bajer P.* Scots in the Polish-Lithuanian Commonwealth, 16th-18th Centuries: The Formation and Disappearance of an Ethnic Group. *The Northern World*. Leiden, 2012. P. 257–258, 318–319.

¹³⁴ *Hensel-Moszczyńska B.* Dane do uproszczonej i skróconej genealogii Tepperów-Fergus(son)ów // *Almanach Muzealny*. 2013. № 7. С. 67.

В 1769 г., через два года после усыновления, дядя доверил племяннику управление семейным делом. Теппер-Фергюсон в 1766 г. стал соучредителем «Компании по производству шерсти» («Kompania Manufaktur Wełnianych») и в 1785 г. – «Фабрики хлопчатобумажных тканей» («Fabryka Krajowa Różcienna») в Ловичах. Современники обоих Тепперов называли «хозяевами Польши» или «великими банкирами Севера». В самые лучшие времена состояние семьи Теппер оценивалось между 60 и 65 или даже 70 млн польских злотых.

Теппер-Фергюсон продолжил давать деньги в долг аристократам и не только польским, но и русским. Как и дядя, Теппер-Фергюсон был основным кредитором польского короля и казначейства Речи Посполитой. Станислав Август Понятовский в 1793 г. задолжал банкирскому дому Тепперов 5 120 636 злотых, младший Радзивилл – 1 980 000, а один из Потоцких – около 1 800 000¹³⁵.

2 марта 1794 г. на заседании Государственного совета при обсуждении обустройства Минского наместничества генерал-прокурор Александр Николаевич Самойлов напомнил, что за малолетним князем Домиником Радзивиллом «есть долг казенный по переводу от варшавского банкира Теппера»¹³⁶.

Содействовали Тепперы при переводе денег из Петербурга на нужды посольства в Варшаве, на расходы русской армии в Польше, а также поставкам из-за границы разных предметов для императрицы Екатерины II. На банкирский дом «Петр Теппер и К^о» русское правительство ассигновало посольству средства на оплату жалований и пенсий полякам за оказанные услуги. Летом 1765 г. через Теппера были переведены 100 тыс. руб., подаренные Екатериной II польскому королю Сигизмунду Понятовскому. За это Тепперу уплатили 3 000 руб.¹³⁷

7 ноября 1770 г. рескриптом Екатерины II послу в Варшаве князю Михаилу Михайловичу Волконскому было поручено через банкира Теппера доставить 200 тыс. руб. Часть их предназначалась для нужд графа Н.И. Панина. В рескрипте оговаривалось, чтобы Волконский, выдавая Панину ассигнации или векселя, старался по возможности делить переводы на умеренные части, «дабы инако здесь скорыми и знатными вдруг переводами не воспричинствовать замешательства, предосуждения и подрыва в других наших денежных переводах, который пункт по нежности свойства своего требует большой осмотрительности и сноровки»¹³⁸.

В 1788 г. через банкирский дом «Петр Теппер и К^о» переводились деньги на содержание русской армии под командованием генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского¹³⁹.

¹³⁵ Korzon T. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794) badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego T. I. Kraków; Warszawa, 1897. P. 169.

¹³⁶ Архив Государственного совета. Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1798 гг.). Протоколы Совета в царствование императрицы Екатерины II-й. Ч. 1. Ч. 2: Отделение юридическое. СПб., 1869. Стлб. 212.

¹³⁷ Письмо д.т.с. Панина к послу кн. Репнину (Шифрованное) 5 сентября 1765 г. // СИРИО. Т. 57. СПб., 1887. С. 339.

¹³⁸ Рескрипт к послу князю Волконскому в Варшаву. 7 ноября 1770 // СИРИО. Т. 97. СПб., 1896. С. 167.

¹³⁹ Архив Государственного совета. Т. 1. Ч. 2. Стлб. 76.

В отличие от своего дяди, Петр Теппер-Фергюсон вел весьма бурную жизнь. Коммерческие дела его шли настолько хорошо, что он, по словам историка Н.И. Костомарова, вскоре забыл прежнюю мещанскую бережливость и стал спорить с польской шляхтой в мотовстве и корчить из себя знатного пана. Многочисленные пышные и дорогостоящие балы и пиры, которые он организовывал, пользовались известностью среди варшавской аристократии, и сам король часто присутствовал на них. Подражая родовитой знати, Теппер увлекся карточной игрой¹⁴⁰.

В 1784 г. Петр Теппер-старший подарил своему усыновленному племяннику дворец «Под четырьмя ветрами» («Pod Czterema Wiatrami») на ул. Длуга (ul. Długa), 38/40 в Варшаве. Петр Теппер-старший скончался 8 мая 1790 г., и был похоронен на евангелическом кладбище в Лешно. После его смерти Теппер-Фергюсон унаследовал солидный банкирский дом, пользовавшийся огромным авторитетом не только в Польше, но и в Европе.

По утверждению немецкого писателя Фридриха Иоахима Христофора Шульца, совершившего в 1793 г. путешествие в Польшу, Теппер-Фергюсон был человеком чрезвычайно честолюбивым. Он тяготился своим незнатным происхождением, его страсным желанием стало получение дворянства, которое он купил сначала в Вене, а в 1790 г. — в Варшаве. Дворянские грамоты обошлись ему в десять раз дороже, чем любому другому, но эти расходы были для него пустяками. Аналогичным образом он получил Мальтийский крест 3-й степени, который постоянно носил в петлице¹⁴¹. Он также вступил в масонскую ложу, что обеспечило ему дополнительное влияние в польском обществе¹⁴².

Из-за своего тщеславия и чванства Теппер-Фергюсон предоставлял неограниченный кредит многим высокопоставленным лицам. Он вкладывал огромные средства в покупку дворцов в Варшаве, где у него их было три, и имения, в том числе Фаленты, Рашин, Голкув, Сенкоцин и Янки, ради того, чтобы считаться польским помещиком. Не менее честолюбива оказалась и супруга Теппера-Фергюсона. В светском обществе перед ними заискивали и любезничали, а за спинами над ними злобно потешались¹⁴³.

Через три года после смерти дяди Теппер-Фергюсон потерял все состояние. Одна из главных причин заключалась в личных качествах банкира. Все больше и больше, увлекаясь роскошной жизнью, он стал пренебрегать делами банкирского дома, доверяясь полностью своим конторским служащим. Утверждали, что он подолгу не заходил в свой рабочий кабинет, из-за чего в банкирской конторе процветали злоупотребления и воровство среди служащих. Некоторые из них основали свое дело, стали купцами и банкирами, другие тратили его деньги, не без пользы для себя. Первый бухгалтер, получавший

¹⁴⁰ Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Кн. 7: Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1905. С. 218.

¹⁴¹ [Schulz F.] Voyage en Pologne et en Allemagne fait en 1793, par un Livonien; Où l'on trouve des détails très-étendus sur la révolution de Pologne, en 1791 et en 1794, ainsi que la description de Varsovie, Dresde, Nuremberg, Vienne, Munich, etc. traduit de l'Allemand. Tome premier. Bruxelles, 1807. S. 306.

¹⁴² Korzon T. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794)... T. 1. P. 168.

¹⁴³ [Schulz F.] Voyage en Pologne et en Allemagne fait en 1793... S. 309.

жалованье в размере 2000 дукатов, вел образ жизни, на который не хватило бы 8000 дукатов в год. Жена бухгалтера ежегодно совершала поездки в Карлсбад, Спа, Пизу и Ниццу, именуясь графиней. Она, по словам современника, была «усыпана бриллиантами» и имела две кареты с восемью лошадьми. Каждый служащий банкирской конторы тратил в 4–5 раз больше своего жалованья¹⁴⁴.

В 1793 г. в Польше разразился первый в ее истории банковский кризис. Местные банкиры утратили доверие иностранных банков, которые ранее поддерживали польскую банковскую систему крупными кредитами. В Варшаве люди бросились в банки снимать деньги со своих счетов. Банкиры, не имея столько наличных денег, разорялись один за другим. Причиной стали волнения, вызванные подписанием 23 января конвенции об очередном разделе Польши.

Все попытки Петра Теппера-Фергюсона получить поддержку при дворе Екатерины II не увенчались успехом. Теппер просил, чтобы императрица гарантировала хотя бы долги короля Станислава Августа.

Официальное банкротство и опечатывание конторы Теппера состоялись 25 января 1793 г. Не дождавшись серьезных поступлений, Теппер-Фергюсон был вынужден приостановить платежи. Для удовлетворения кредиторов и погашения королевских долгов, возникших в тепперском банке, была создана Ликвидационная комиссия под руководством епископа Хелмского Войцеха Юзефа Скаршевского (действовала до 1803 г.). Под ее управлением находились банк, дворцы, поместья и имущество семьи Тепперов. Согласно окончательным данным комиссии долги Теппера-Фергюсона составляли 3288 310 дукатов¹⁴⁵.

Потеряв все состояние, по словам очевидца событий, Теппер-Фергюсон был вынужден ходить по улицам Варшавы пешком, вызывая не столько жалость, сколько злорадство и насмешки, а для многих бывших своих клиентов – неприязнь и ненависть¹⁴⁶.

Вскоре после начала Варшавского восстания во главе с Тадеушем Костюшко взволнованная толпа клиентов банкира 20 апреля 1794 г. ворвалась во дворец Тепперов на улице Медовой и разграбила имущество. Клиенты обвинили владельца в халатности и даже преднамеренном доведении банка до банкротства. Петр Теппер-Фергюсон, защищая собственность от погромщиков, был смертельно ранен в голову. Через несколько дней после этого события банкир скончался, и был похоронен в семейном склепе на евангелическо-реформатском кладбище в Варшаве¹⁴⁷.

Следом за банком Теппера были закрыты еще пять крупных частных банков в Варшаве и один – в Познани. Следствием этих банкротств стали общий крах кредита и разорение множества поляков. В оценке польского исследователя Тадеуша Корзона, кредиторы после долгого ожидания смогли вернуть не более 20% своих средств¹⁴⁸.

¹⁴⁴ [Schulz F.] Voyage en Pologne et en Allemagne fait en 1793... S. 309.

¹⁴⁵ Korzon T. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794)... T. 1. P. 193.

¹⁴⁶ [Schulz F.] Voyage en Pologne et en Allemagne fait en 1793... S. 309–310.

¹⁴⁷ Wiadomości Bankowe // Gazeta powstania Polski. 1794. 29 kwietnia. № 5. S. 52.

¹⁴⁸ Korzon T. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794)... T. 1. P. 193.

Английский купец Ричард Сутерланд – придворный банкир Двора ее величества Екатерины II

После Фредерикса придворным банкиром Екатерины II стал английский купец Ричард Сутерланд (Судерланд, Сазерленд, Sutherland), торговавший на бирже при Петербургском порте. Он родился 29 августа 1739 г. в Петербурге и был старшим сыном шотландского мастера кораблестроителя Александра Сутерланда и его супруги Мэри. А. Сутерланд прибыл в Россию из Голландии в 1736 г. и в капитанском чине поступил на русскую службу по контракту. В 1739–1743, 1747–1757 гг. он работал мастером и конструктором на Соломбальской верфи в Архангельске, в 1743–1745, 1756–1760 гг. – на Адмиралтейской верфи в Петербурге. При его участии были построены 11 линейных кораблей, 4 фрегата и др.¹⁴⁹ За свою деятельность на этом поприще А. Сутерланд в 1741 г. был пожалован майорским рангом, в 1751 г. – полковничьим. В январе 1760 г. его назначили присутствующим в Обер-сарваерской конторе. Это был высший в XVIII в. орган русского военного флота, ведавший вопросами кораблестроения, подчиненный президенту Адмиралтейств-коллегии. Скончался Александр Сутерланд 27 июля 1760 г.¹⁵⁰

В Петербурге Ричард Сутерланд начинал учеником у английского купца Роберта Дингли. В 1762 г. он поступил на службу к Роберту Шарду. 14 июля 1763 г. Сутерланд стал полноправным членом британской Российской компании¹⁵¹. В разное время его деловыми партнерами были английские купцы Куль Крамонт, Соломон Тиммерман, Виллиам Ватсон, Найл. В 1774 г. Сутерланд занимал ведущую роль в фирме, которая получила наименование «Сутерланд и К^о». В 1780-х гг. его компаньоном стал английский купец Питер Бок¹⁵².

По словам Энтони Кросса, Сутерланд со временем стал «столпом британской общины и пользовался всеми благами жизни; он славился богатством и изобилием своего стола»¹⁵³. В 1772 г. Сутерланд – член престижного Английского собрания в Петербурге (до 1791 г.), а в 1778 г. его избрали старшиной клуба¹⁵⁴. Э. Кросс полагал, что Сутерланд имел «репутацию человека, обладавшего деловой хваткой и глубокими познаниями в сфере финансов», имел огромный авторитет на Петербургской бирже, а также был хорошо известен на многих европейских биржах¹⁵⁵.

¹⁴⁹ Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 132. Оп. 1. Д. 153, 208, 326; Оп. 2. Д. 2787; Ф. 327. Оп. 1. Д. 51, 52, 328, 329, 349, 590, 613–616, 924, 1064, 1566–1568, 1751, 2144, 3689, 3694, 3717, 3722, 3736, 4356, 4498, 4886, 5240; Ф. 330. Оп. 1–1. Д. 330, 1118, 1150, 1175, 1233, 1273, 1525.

¹⁵⁰ [Веселаго Ф.Ф.]: 1) Материалы для истории русского флота. СПб., 1880. Ч. VIII. С. 316; 2) Общий морской список. СПб., 1885. Ч. II: От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. С. 418–419.

¹⁵¹ Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. С. 93.

¹⁵² Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 107.

¹⁵³ Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век. С. 93.

¹⁵⁴ Столетие С.-Петербургского английского собрания, 1770–1870. Исторический очерк. Воспоминания. Список старшинам. Списки почетным членам и членам. СПб., 1870. С. 7, 52.

¹⁵⁵ Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век. С. 94.

В мае 1780 г. он приступил к коммерческим делам с российской казной. Началом деловых отношений послужила словесная договоренность между князем А.А. Вяземским и Р. Сутерландом – «об усердной готовности (последнего. – П.Л.) <...> быть употребляемым в разные коммерческие операции для казенной пользы», о чем была поставлена в известность императрица Екатерина II. Для начала Сутерланду поручили реализовать за границей 200 пудов казенного ревеня «с вящею выгодою против продажи здесь на месте». «А чрез то, доказав свое усердие к казенной пользе, – уверял претендента Вяземский, – откроете способ и к дальнейшим по сему распоряжениям на будущее время»¹⁵⁶.

Через полгода Сутерланду доверили перевод амстердамским банкирам де Сметам 120 тыс. голландских гульд., причитавшихся для выплаты в феврале 1781 г. годовых процентов по российскому займу. С этого времени Сутерланд регулярно выполнял разные поручения по продаже казенных товаров и переводу денег за границу.

За его действиями следила Экспедиция о государственных расходах. Без ее предписания Сутерланда не мог распоряжаться казенными деньгами. Для осуществления любых финансовых действий он получал от управляющего казенными делами особое ордера, а с 1 января 1781 г. был обязан оперативно сообщать все сведения о каждой совершенной операции. Требовалось указать число, суммы, по чьему приказу, куда совершен перевод, через вексель или аккредитив, по какому курсу и сколько вычтено на расходы. Сутерланду предписывалось использовать по всем казенным делам и денежным переводам петербургского гофмаклера Петра Барца¹⁵⁷.

«Испытательный срок» для Сутерланда продлился пять лет. Только 14 июля 1785 г. именным указом Екатерины II он был официально пожалован званием банкира Двора ее величества¹⁵⁸. С этого времени в официальных документах поменялось обращение к нему. Если ранее писали: «торгующему при Санкт-Петербургском порте английскому купцу господину Сутерланду», а теперь – «придворному банкиру господину Сутерланду».

В Петербургской городской обывательской книге за 1786 г. сделаны следующие записи: «Рычард Александрович Сутерланд <...> английский купец от роду 45 лет <...> женат английского купца на дочери Сарре Ивановой, имеет детей мужеска Ричард 13 лет, женска Сарра – 20 лет, имеет дом каменный в 1-й Адмиралтейской части в 4-м квартале под № 245 доставшийся по купчей, (живет) в городе, (состоит) при дворе Ея Императорского Величества банкиром»¹⁵⁹.

В Петербурге среди российских и иностранных биржевиков Сутерланд слыл искусным финансистом, обладавшим связями в самых высоких придвор-

¹⁵⁶ См.: РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

¹⁵⁷ Там же. Л. 46. 52. 53.

¹⁵⁸ Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. IV. С. 653, 654.

¹⁵⁹ Петербургская городская обывательская книга 4-я часть (фамилии на буквы А–Ю). См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 513. Оп. 173. Д. 494. Л. 67, 92; Петербургская городская обывательская книга 1-я часть, 3-й том (фамилии на буквы Р–Я). См.: там же. Д. 492. Л. 31.

ных кругах. К нему обращались купцы для посредничества с представителями российского правительства. Когда летом 1788 г. произошло сильное понижение курса, который упал до максимально низкого уровня: сначала до 32 ½, затем до 32 и 31, а напоследок до 30 ¾ голландских стиверов (стювер, стейвер, штивер, *stuiver* – голландская разменная монета) за рубль, чего ранее не случалось. Это вызвало сильное беспокойство среди купцов, поскольку произошло в ярмарочное время, когда в конце июля в Петербургском порту находились более 700 торговых кораблей, а всего до конца навигации их ожидалось около 1000. При этом только из Петербургского порта было вывезено российских товаров – пеньки, льна, железа, сала, льняного и конопляного масла, юфти, полотна – более чем на 16 млн руб., а с учетом других товаров – и до 20 млн руб. Благодаря положительному балансу вексельный курс должен был быть высоким. Однако на практике оказалось все иначе. Русский рубль при переводе на иностранные деньги стал оцениваться ниже своего внутреннего достоинства.

Понижение вексельного курса принесло значительные убытки многим российским и иностранным купцам. Представители десяти иностранных и девяти российских торговых фирм обратились к Р. Сутерланду с коллективным письмом, в котором извещали о постоянных переменах и падении вексельных курсов в Петербурге и Москве, несмотря на обилие товаров, приготовленных к отпуску за границу. Купцы сообщали, что ожидают самых тяжелых последствий, если не будут приняты меры к устранению критического падения вексельного курса на Петербургской бирже.

Сутерланд 17 июля 1788 г. переправил письмо купцов президенту Коммерц-коллегии А.Р. Воронцову, сопроводив его своей запиской, где подтверждал сетования купцов на тяжелое положение Петербургской биржи. Ознакомившись с посланиями, Воронцов потребовал разъяснений по данному вопросу от биржевого маклера Генриха-Людвига Меера, которого купцы часто использовали в делах, связанных с денежными переводами. Меер объяснял сложившуюся ситуацию биржевой игрой на понижение ассигнаций, а также увеличением задолженности в заграничных платежах русских купцов по сравнению с иностранными.

После всеподданнейшего доклада Воронцова о критическом положении вексельного курса Екатерина II потребовала, чтобы Комиссия о коммерции «вошла в изыскание всех обстоятельств» его падения¹⁶⁰. Комиссия, желая решить проблему, также обратилась за разъяснениями к некоторым сведущим российским и иностранным купцам и маклерам. В Комиссии о коммерции назвали следующие причины: 1) часть иноземных товаров каким-то образом миновала таможи и продавалась по заниженным ценам; 2) увеличение торговых оборотов подтверждалось переводом огромных сумм денег (до нескольких сот тысяч рублей) за границу посредством векселей, покупаемых через маклеров в некоторые биржевые дни; 3) в результате пресечения китайской меновой торговли чаем и другими товарами в Кяхте чай приходилось закупать в Евро-

¹⁶⁰ *Фирсов Н.Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование Екатерины II. Казань, 1902. С. 107–113.

пе; 4) для снабжения воевавшей русской армии вынужденно закупали провизию за пределами страны, оплачивая ее не только деньгами, но и векселями, которые в военное время приходили для оплаты на Петербургскую биржу; 5) в связи с военными действиями многие иностранные спекулянты привозили в армию товары и червонцы, с выгодой продавали на банковские ассигнации, которые потом пересылали в Петербург на покупку векселей для оплаты тех же выписываемых ими червонцев. То, что в течение года на бирже происходило «отменное количество таких переводов», Комиссии было хорошо известно от многих купцов и маклеров¹⁶¹.

Комиссия о коммерции с целью уменьшения поводов к падению денежного курса и приведения его хотя бы к умеренному уровню признавала полезным не предпринимать каких-либо необыкновенных мер, которые могли бы привести к непредвиденным результатам. Рассматривались лишь два возможных средства: ограничение ввоза в Россию некоторых товаров роскоши и всяческое поощрение вывоза российских товаров за границу. 5 декабря 1788 г. Екатерине II был направлен доклад Комиссии, подписанный князьями А.Р. Воронцовым, Н.Б. Юсуповым, графом С.Х. Минихом и П.А. Соймоновым, И.Г. Долинским¹⁶².

К мнению Сутерланда прислушивались и представители власти. Он умел придать себе особый вес тем, что, получая часто в частных письмах важные политические известия, делился ими с высокопоставленными особами. Передавалась эта информация и Екатерине II. Впрочем, по утверждению кабинет-секретаря императрицы А.В. Храповицкого, получаемым сведениям не всегда доверяли. По его мнению, некоторые доставленные из Амстердама «сутерландовы известия об Англии» были ложными, похожими на биржевые слухи. Храповицкий был уверен, что их намеренно выдумывали банкиры «для интересов своих по курсу и прочему»¹⁶³. Тем не менее неоднократно сведения Сутерланда, сообщенные им А.А. Безбородко, И.Г. Чернышеву, А.А. Вяземскому и другим вельможам, обсуждались Государственным советом.

Через контору Сутерланда проходили огромные суммы, требовавшиеся, например, Кабинету ее императорского величества, Коллегии иностранных дел, Адмиралтейству. Перевод денег на содержание армии и флота России во время заграничных походов, продажа за границу казенных товаров и покупка новых – для казны, оплата покупок Императорского двора и самой Екатерины II также осуществлялись при посредничестве Сутерланда.

Императрица явно благоволила Сутерланду, и 7 июля 1788 г. за оказанные услуги даровала ему и всем его потомкам титул барона Российской империи¹⁶⁴. Таковыми заслугами было признано посредничество Сутерланда при заключении займа с амстердамским банкиром Генри Гоупе (Хоупе, Хоуп, Норе).

¹⁶¹ Всеподданнейший доклад Комиссии о коммерции о причинах упадка денежного курса. См.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 538. Л. 1–7 об.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ [Храповицкий А.В.] Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793. По подлинной его рукописи, с биографической статьей и объяснительным указанием Николая Барсукова. СПб., 1874. С. 238.

¹⁶⁴ Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. IV. С. 670.

27 марта 1791 г. Екатерина II пожаловала своего придворного банкира чинов статского советника¹⁶⁵, который в соответствии с Табелью о рангах (введена Петром I в 1722 г.) относился к ее V классу, т.е. входил в число высших чинов Российской империи.

При участии Сутерланда через банкирские фирмы «Гоппе и К^о» («Hoppé & Co»), Карла Иоганеса Михеля де Вольфа (Carl Johannes Michael Wolff) и «Эме Реньи Отца Сына и К^о» («Aimé Regny Père Filset & Co») было заключено несколько внешних займов в Амстердаме, Антверпене и Генуе в 1787–1791 гг. на сумму в 45 887 867 гульд. (у Гоппе – 39 300 000; де Вольфа – 2 670 377; Реньи – 3 917 490)¹⁶⁶.

По высочайшему распоряжению через контору Сутерланда отпускались значительные суммы за границу для поддержания вексельного курса, особенно в периоды его значительного понижения в 1781, 1782, 1784 гг. и др.¹⁶⁷

В 1781 г. им было трассировано на амстердамского банкира де Смета 1 689 090 гульд., на Сутерланда перевели 1 486 463 гульд., к 1782 г. за ним осталось 202 627 гульд. В 1782 г. Сутерланд трассировал в Амстердам на де Смета 1 481 352 гульд. На Сутерланда перевели 792 945 гульд., на нем осталось к 1783 г. 688 407 гульд. Из оставшейся суммы 202 627 гульд. были использованы на содержание российской эскадры в Ливорно.

До начала этой операции курс между Петербургом и Амстердамом был 36 стив. за руб., в результате в 1781 г. его довели до 40 ½ стив. В течение следующего года курс был не ниже 37 ½ и не выше 40 ⅝ стив., оставаясь на том же уровне и в 1783-м. Но в 1784 г. курс вновь понизился до 36 стив., и Сутерланду было велено трассировать (переводить) 150 000 стив. на барона де Смета и 64 860 пиастров (150 290 гульд.) – в Ливорно, на банкира Каламаи (Calamai); всего 300 290 гульд. Их с оставшимися к 1783 г. у Сутерланда деньгами употребили на нужды русской эскадры, возвратившейся из Ливорно на Балтику¹⁶⁸.

В марте 1784 г. в связи с затруднениями перевода 700 тыс. левков (743 771 гульд.) из Константинополя, полученных по контрибуции от Оттоманской Порты, из-за банкротств самых лучших там банкирских контор Сутерланду велели переводить деньги в Голландию. Также требовалось трассировать их на де Смета в случае упадка вексельного курса и его поддержания для будущих казенных переводов¹⁶⁹.

В 1781 г. правительство решило установить непосредственно вексельный курс между Петербургом, Гамбургом и Парижем. Для этого именным указом от 28 января было ассигновано 20 тыс. руб. В результате в течение 1781 г. курс на Гамбург был от 34 до 36 ¾ банковых шиллингов, а на Париж – 76, 77 и 78 су за руб. Однако производились купеческие дела по-прежнему – в основном через Амстердам и Лондон. Из ассигнованных 20 тыс. руб. использовали толь-

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 10. Л. 64.

¹⁶⁶ Там же. Д. 219. Л. 23, 24.

¹⁶⁷ Всеподданнейший рапорт императрице кн. Вяземского, по случаю смерти банкира барона Сутерланда с приложениями // СИРИО. Т. 28; Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1880. С. 375–387.

¹⁶⁸ Генеральный счет казенным деньгам, состоявшим у банкира Сутерланда, с начала употребления его, с 1780 года по 1-е января 1792 года // СИРИО. Т. 28. С. 381–382.

¹⁶⁹ Там же. С. 382.

ко 3 199 руб. 57 коп. По высочайшему повелению Сутерланд перевел их чрезвычайному послу в Гамбурге, статскому советнику Фридриху Гроссу. Прочие 16 800 руб. 43 коп. остались в казне¹⁷⁰.

Именным указом от 18 мая 1784 г. был утвержден подготовленный генерал-прокурором А.А. Вяземским план о переводе в Голландию денег для погашения госдолга, составлявшего по 34 главным облигациям 17 млн гульд. (9 714 285 руб.). Предполагалось начать платежи с 1784 г. и завершить в 1792 г. План предусматривал перевод денег заблаговременно через Сутерланда и хранить их у амстердамских банкиров «Блау и Вилькинсона» («Vlaauw & Wilkinson») для выкупа 17 облигаций, состоявших из 8,5 млн гульд. Для перевода было велено в Казначействе откладывать деньги ассигнациями, из расчета 35 стив. за руб. Сутерланду же было предписано совершать перевод денег без огласки и стараться довести курс хотя бы до 40 стив., а ниже 38 стив. не переводить. Были выкуплены у банкиров де Смет 16 облигаций по 500 тыс. гульд. за каждую. Со второй половины 1784 г. за все время перевода курс на Амстердам стоял не ниже 37 ½ и не выше 39 ¾ стив., в 1875 г. – от 37 ½ до 40 стив., в 1786 г. – от 38 до 40 ¼ стив., в 1787 г. – от 35 ¾ до 42 стив.¹⁷¹

Указом от 30 апреля 1788 г. выкуп был остановлен из-за начавшейся второй Русско-турецкой войны (1787–1791). Война вынудила Россию обратиться к заключению новых внешних займов в Амстердаме, Антверпене, Генуе и Брабанте. Переписка с европейскими банкирами об условиях размещения займов, переводы денег и платежи велись Сутерландом в соответствии с распоряжением Комитета уполномоченных от 27 ноября 1787 г. Реализацию займов поручили банкирским фирмам «Гоппе и К°» в Амстердаме, де Вольфа в Антверпене и Реньи – в Генуе. Согласно высочайшим указам, данных Комитету уполномоченных, за прием, выплату и ежегодный платеж процентов повелевалось определить банкирам «единовременной провизии, куртажа и награждения за все 10 и 12 лет, амстердамским – по 6 ½, брабантским – по 7-ми, генуэзским – по 4 ½, а здешнему Сутерланду – по 3 процента и все выплатить вдруг при приеме капиталов»¹⁷².

В начале войны с Турцией адмирал С.К. Грейг поручил Р. Сутерланду переслать деньги в Англию и Данию для закупки необходимых флоту провизии и припасов, найма транспортных судов и прочих надобностей.

В 1788 г. при посредничестве Сутерланда Адмиралтейств-коллегия осуществляла пересылку и перевод денег датским банкирам Копнигу и Казбала за расходы на содержание русской эскадры в Копенгагене, на починку и наем судов и на оказание помощи затертым льдами судам. Ему также был поручен перевод в Адмиралтейств-коллегию счетов и денег, вырученных от продажи «шведских призов». В феврале 1791 г. через Сутерланда перевели деньги в уплату долга датским банкирам за покупку провизии и «другие чрезвычайные по флоту надобности» по поручению адмирала Грейга¹⁷³.

¹⁷⁰ Генеральный счет казенным деньгам... С. 382.

¹⁷¹ Там же. С. 384.

¹⁷² Там же. С. 384–385.

¹⁷³ Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. V. СПб., 1888. С. 852, 931.

Согласно сведениям конторы Сутерланда за 1784–1792 гг., когда она совершала вексельные операции, ей было переведено 20 млн руб. За это время вексельный курс неоднократно менялся. При переводе Сутерланд сумел на выгодном курсе сэкономить в пользу казны 1 250 000 руб.¹⁷⁴

Для перевода денег в Англию для российского посольства использовали банкирскую контору родного брата Ричарда Сутерланда — Александра в Лондоне. Государственный казначей князь А.А. Вяземский предписывал обращаться к нему по всем денежным делам назначенному в 1785 г. на должность российского посла в Лондоне графу С.Р. Воронцову. Однако спустя три-четыре года тот же Вяземский дал знать Воронцову, что не доволен конторой А. Сутерланда, и он должен перенести из нее все казенные денежные дела в малоизвестную контору лондонских банкиров — Чарльза Пишеля и Бродгена, владельцев банкирской конторы «Pieschell & Brogden». Не возражал этому и Ричард Сутерланд¹⁷⁵.

Екатерина II доверила Ричарду Сутерланду снабжать своего внебрачного сына Алексея Григорьевича Бобринского деньгами во время его заграничного путешествия в 1786–1787 гг. Раз в четыре месяца придворный банкир переводил юноше выделенные матерью 10 тыс. руб., а также помогал ему при возникших денежных затруднениях¹⁷⁶.

Обязанный исполнять исключительно денежные операции, которые ему каждый раз предписывались управляющим казенными делами (Экспедицией о государственных доходах), примерно с 1784 г. Сутерланд стал иногда действовать по своему усмотрению без всяких ордеров. Он начал раздавать казенные деньги в займы разным людям и отправлять товары на продажу за границу за казенный счет. По предписанию правительства Сутерланд должен был иметь в Голландии около 3,5 млн гульд., предназначенных для выкупа гособлигаций. Хранение этих денег по предложению Сутерланда было доверено банкирской конторе «Блау и Вилькинсон» в Амстердаме. Когда в феврале 1787 г. правительство решило выкупить 4 облигации на 2 млн гульд., пришло сообщение, что на выкуп у них имеется только 650 тыс. гульд. Сутерланд уверял правительство, что денег достаточно, а «Блау и Вилькинсон» ошибочно удерживают деньги. Позднее выяснилось, что действительно в то время денег у них не было, «все оные находились в разных руках». Сутерланд сам и через других лиц трассировал деньги в Россию и раздавал их в займы, а также закупал на них товары для продажи за границу¹⁷⁷.

Сутерланд ссужал деньгами многих высокопоставленных лиц, в том числе цесаревича Павла Петровича, светлейшего князя Г.А. Потемкина, графа А.А. Безбородко, князей А.А. Вяземского, А.Н. Голицына, графов И.А. Остермана, И.Г. Чернышева, а также В.А. Зубова, английского посла Ч. Уитворда и др.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 219. Л. 26.

¹⁷⁵ *Рябинин Д.Д.* Биография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1879. № 3. С. 337–338.

¹⁷⁶ [*Майков П.М.*] Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии / сост. П.М. Майков. СПб., 1904. С. 394–396; Граф Алексей Григорьевич Бобринский и его бумаги // Русский архив. 1876. Кн. 3. № 9. С. 7.

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 219. Л. 136–140 об.

К моменту смерти Сутерланда сумма выданных и не возвращенных ссуд составляла 2907926 руб. Только за одним Потемкиным было 762772 руб. долга. За наследником престола и его супругой числились 215 тыс. руб.; Чернышевым – 80; Вяземским – 61; Голицыным – 50; Уитвордом – 46; Безбородко – 36; Остерманом – 25; Зубовым – 10 и т.д. Среди должников конторы Сутерланда – иностранные и российские купцы и промышленники: А. Ралль, В. Губбард, Г. Вигио, П.Е. Демидов, Н.А. Демидов. За Раллем числился долг в размере 48 142 руб., за Губбардом – 25 000; Вигио – 11 972; П.Е. Демидовым – 86 280; наследниками Н.А. Демидова – 59 800¹⁷⁸.

Некоторые должники не торопились возвращать долги банкиру. Так, Державин, взяв в 1785 г. 2000 руб., не смог вернуть их вовремя. Сутерланду пришлось дважды, 4 декабря 1788 г. и 8 января 1789 г., письменно напоминать поэту, что еще 30 октября минул срок его векселя на 2000 руб., и с того времени нет никакого от него «удовлетворения». Банкир просил должника уплатить 2000 руб. с процентами по векселю, которому вышел срок. Сутерланд предупреждал, что в противном случае будет вынужден опротестовать вексель за неплатеж, хотя и надеется, что до этого дело не дойдет. Только после этого Державин предложил вернуть 1000 руб. без уплаты процентов, а на тысячу – продлить вексель еще на полгода.

Сутерланд отвечал: «На что я вам объясняю, что сколько я прежде сего был расположен ко службе всякого честного человека, столько же я и наказан за добрую мою волю неустойкою всех моих должников <...> Я знаю, что всякому бы сходно было бы держать чужие деньги по году или более без интереса, но мне-то оно несколько накладно. В рассуждение сего и прошу вас покорно немедленно мне все деньги и с процентами на срок переслать; в противном случае принужденным найдусь вексель ваш протестовать, что мне весьма будет жаль». Однако, в конце концов, Сутерланд был вынужден согласиться принять сначала 1000 руб., затем 5 ноября 1790 г. – 600 и 19 августа 1791 г. – 400. Державин оставался должным уплатить еще проценты в размере 118 руб. 50 коп.¹⁷⁹ И таких неплательщиков было немало.

Существенные суммы оставались за различными казенными учреждениями: Адмиралтейская коллегия – более 38 тыс. руб.; Кабинет ее императорского величества – 25; Коллегия иностранных дел – 18; Почтовых дел правление – более 38; Контора строений домов и садов – более 16; Петербургский городской магистрат – более 22,6; Царскосельская контора – более 10; Академия наук – 6470 руб. и т.д.¹⁸⁰

В итоге Сутерланд запутался в финансовых делах, разорился и, не имея денег, объявил себя банкротом. Возможно, чтобы избежать позора, 5 октября 1791 г. он покончил жизнь самоубийством, приняв яд¹⁸¹. Эта версия содер-

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 192. Л. 204–208.

¹⁷⁹ Там же. Л. 128; От барона Сутерланда. 4 декабря 1788 г., 8 января 1789 г. // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 5. СПб., 1869. С. 719, 731; [*Грот Я.*] Жизнь Державина. По его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом. СПб., 1880. С. 546–547.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ [*Державин Г.Р.*] Дело банкира Сутерланда (1791–1793) // Сочинения Державина. Т. 6. С объяснительными пояснениями Я. Грота. СПб., 1871. С. 648.

жится у Г.Р. Державина, который участвовал в расследовании дел покойного банкира. А.М. Тургенев в своих записках тоже приводит распространившиеся в Петербурге толки о якобы отравлении Сутерланда «медленно умерщвляющим ядом» вместе с обедавшим с ним Г.А. Потемкиным. По слухам оба умерли в один и тот же день и в один и тот же час¹⁸². Хотя на самом деле Сутерланд скончался «во втором часу пополуночи», а Потемкин «прежде полудня». Секретарь Екатерины II А.В. Храповицкий, со ссылкой на лейб-медика И.Л. Блока, сообщал, что банкир до своей кончины болел два года и, возможно, умер своей смертью¹⁸³. Но поскольку место захоронения барона Сутерланда неизвестно, можно предположить, что слухи о его самоубийстве были не беспочвенными.

Когда в Петербурге получили сообщение о смерти князя Потемкина, саксонский посланник Густав-Георг фон Фелькерзам 14 октября отправил депешу с разными сведениями, в том числе и слухами о смерти светлейшего князя. Упоминается в депеше и об огромном долге Сутерланду Потемкина, который будто бы большей частью был потрачен на подкупы в Польше, где он еще с 1775 г. добился короны¹⁸⁴.

Уже на следующий день после кончины Сутерланда, 6 октября 1791 г., Екатерина II дала указание Государственному совету рассмотреть необходимые в сложившейся ситуации распоряжения. Для надлежащего разъяснения на заседание Совета пригласили А.И. Васильева, который сообщил, как поступили в подобном случае после смерти придворного банкира Фредерикса. После обсуждения было принято решение до выплаты всех займов и завершения дел сохранить банкирскую контору Сутерланда под ведомством управляющего государственными доходами, а заграничную переписку вести двоюродному брату покойного банкира И.Н. Андерсену. Он, исполнявший в конторе обязанности делопроизводителя, имел от барона Сутерланда, как объяснял Васильев, такие же полномочия, как и покойный банкир: «Подписывать письма, отправляемые как за море, так и внутри российского государства, вексели переводные и все прочие дела и документы»¹⁸⁵. Передавать ведение дел кому-либо другому, полагал Васильев, означало бы понести дополнительные расходы для казны. Особо оговаривалось, что все «денежные переводы всего удобнее <...> делать по соображениям биржевым», т.е. в соответствии с биржевыми вексельными курсами¹⁸⁶.

Кроме Андерсена в банкирской конторе Сутерланда делопроизводителями служили петербургский купец 1-й гильдии Александр Ралль, который вел корреспонденцию с европейскими торговыми и банкирскими домами, иностранный купец Адам Диего, занимавшийся принятием денег в казенных местах и перепиской с российскими уполномоченными для заключе-

¹⁸² Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1886. Т. LII. Ноябрь. С. 262.

¹⁸³ [Храповицкий А.В.] Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793... С. 376.

¹⁸⁴ *Иловайский Д.И.* Из дипломатической корреспонденции XVIII века // Русский архив. 1868. Кн. 1. № 4–5. Стлб. 824–825.

¹⁸⁵ Доверенность Р. Сутерланда И.Н. Андерсену 28 января 1791 г. См.: РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 228. Л. 1–1 об.

¹⁸⁶ Архив Государственного совета. Т. 1. Ч. 2. С. 496–499.

ния иностранных займов, и Иван Отт, ведавший отправлением французской корреспонденции¹⁸⁷.

У Сутерланда остался наследник – сын, тоже Ричард, участвовавший в делах банковской конторы в качестве компаньона¹⁸⁸. Амстердамские банкиры Гоппе в письме от 29 ноября 1791 г. ясно дали понять, что желают продолжать вести начатые с бароном Сутерландом финансовые операции через его контору во главе с Ричардом как законным наследником¹⁸⁹.

На 15 декабря 1792 г. баланс конторы покойного Сутерланда, по расчетам его сотрудников, составлял 3826655 руб. «на разных казенных местах и частных людях долгу, так же в домах, товарах и прочем имуществе, не исключая ничего». В убыток были отнесены потери на товарах – 668009 руб., на курсе – 584455 руб. Долг конторы казне и разным корреспондентам оценили в 4848521 руб. По получению всех долгов контора рассчитывала на положительный остаток в 230598 руб.¹⁹⁰

По высочайшему указу от 5 апреля 1792 г. для рассмотрения дел конторы скончавшегося придворного банкира Сутерланда был создан Особый комитет в составе А.И. Васильева, Г.Р. Державина и П.И. Новосильцева. Работа комитета продолжалась до февраля 1793 г.

Екатерина II потребовала взыскать деньги с должников по закону. Некоторые заемщики, например, князь Вяземский и граф Безбородко, тотчас погасили свои долги. Прочие сообщили, что заплатят со временем, но пока у них нет денег. Так, граф Зубов вернул задолженность через полгода, в июле 1792-го¹⁹¹.

Державин, занимавшийся рассмотрением «сутерландова дела», во время доклада Екатерине II привел реестр лиц, кто и сколько денег взял в кассе у Сутерланда. Первым в списке был покойный князь Потемкин, имевший самый большой долг. Императрица признала, что «он многие надобности имел по службе и не редко издерживал свои деньги», и велела задолженность светлейшего князя принять на счет Государственного казначейства. По словам Державина, когда он дошел до великого князя Павла Петровича, государыня, «переменив тон, зачала жаловаться, что он мотаает, строит такие беспрестанно строения, в коих нужды нет». Когда же Державин сказал, что он «наследника с императрицей судить не может», Екатерина «вспыхнула, покраснелась и закричала: “поди вон”»¹⁹².

2 марта 1793 г. Васильев, Державин и Новосильцев предоставил генерал-прокурору А.Н. Самойлову донесение с результатами своего расследования. По данным Комитета, Сутерланд задолжал казне 4927911 руб. 07 коп. На уплату этого долга было велено обратить все капиталы, принадлежавшие Сутерланду

¹⁸⁷ Ордер в контору придворного банкира барона Сутерланда. 17 октября 1791 г. См.: РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1. Л. 153 об. – 154.

¹⁸⁸ Ордер в контору.. 30 октября 1791 г. См.: РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1. Л. 162–162 об.

¹⁸⁹ Всеподданнейший рапорт императрице кн. Вяземского // СИРИО. Т. 28. С. 376.

¹⁹⁰ Расчет о долгах и капиталах умершего банкира барона Сутерланда. См.: РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 219. Л. 17 об.

¹⁹¹ Записки Гаврила Романовича Державина. 1743–1812. С литературными и историческими примечаниями П.И. Бартенева. М., 1860. С. 333–334; Державину Г.Р. от А.И. Васильева. 20 июля 1792 г. // Сочинения Державина. Т. 5. СПб., 1869. С. 795–796.

¹⁹² Записки Гаврила Романовича Державина. 1743–1812... С. 337.

и обнаруженные Комитетом в конторе, домах, товарах, долгах и прочих оборотах. Но этот капитал, по подсчетам комитета, не превышал 3 530 456 руб. 54 коп. На удовлетворение казны недоставало еще 1 352 802 руб. 39 коп.¹⁹³

Во время следствия по делу Сутерланда амстердамские банкиры Гоппе всячески поддерживали его деловую репутацию. Они отправили в Россию несколько писем. В одном из них отмечено: «Неужели поставлять ему в вину, что иногда был он не довольно остроумен и дальновиден! Укорять же его за то было бы дело его наследников; но принадлежит ли правительству за то его наказывать? Набогатил ли он себя или своих наследников со вредом государства?»¹⁹⁴. В другом письме Гоппе предупреждали российское правительство, что от банкротства Сутерланда может быть нанесен вред государственному кредиту, «что дела его представлены не справедливо; что поступки его всегда сопровождаемы были честностью и усердием к службе и приращению кредита государственного»¹⁹⁵.

После расследования в Сенате всех обстоятельств дела «о растраченных по конторе банка барона Сутерланда казенных деньгах» 27 ноября 1796 г. последовала резолюция уже императора Павла I. Ею повелевалось: «1) статского советника Василия Хлебникова впредь ни к каким делам не определять и взыскать с него в казну 25 тыс. руб.; 2) с иностранца Диго взыскать издержанные им на свои надобности деньги (201 884 руб.); 3) с.-петербургского гостя, Александра Ралля признать ни в чем к делу не причастным; 4) купца Ямеса и прочих бывших конторщиков барона Сутерланда, в том числе и сына его, яко не участвовавших в присвоении казенных денег, оставить от всякого взыскания свободными»¹⁹⁶.

В 1794 г. принадлежавшие банкиру Сутерланду дома в Петербурге и Москве, а также дача, оцененные на сумму 251 503 руб. 84 коп., были взяты в казну на покрытие числившихся на нем долгов. В описи недвижимого имущества покойного барона числились дома: № 255 (его занимал брат барона – Георг Сутерланд) и № 243 (где проживал сам Ричард Сутерланд) – в 1-й Адмиралтейской части у Галерного двора; № 132 – в той же части, на Большой Морской улице; № 448 – в Московской части, за Калинкиным мостом; № 1709 – в той же части, за Семеновским мостом, а также дача под названием «Спасская» (с крестьянами) на Выборгской стороне. Все описанные принадлежавшие Сутерланду дома и вещи по указу Екатерины II были проданы на аукционах или взяты в казну¹⁹⁷.

Накануне своей кончины Екатерина II пожаловала кабинет-секретарю А.М. Грибовскому особняк на Английской набережной (д. 243). Но подготовленный о том указ Павел I оставил без своей подписи¹⁹⁸. Согласно указу

¹⁹³ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 232. Л. 10 об. – 11 об.; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 329. Л. 284–284 об.

¹⁹⁴ Там же. Ф. 602. Оп. 1. Д. 219. Л. 58.

¹⁹⁵ Там же. Л. 37 об.

¹⁹⁶ Император Павел Петрович: указы, распоряжения и резолюции Павла I. 1796–1801 // Русская старина. 1873. Т. VII. Апрель. С. 492–493.

¹⁹⁷ Рапорт в С.-Петербургский суд от заседателя секунд-майора Петра Асеева. См.: ЦГИА СПб. Ф. 1131. Оп. 1. Д. 11. Л. 10–21, 76.

¹⁹⁸ П.П. Князь Платон Зубов, биографический очерк. 1767–1822 г. // Русская старина. 1876. Т. XVII. Декабрь. С. 710.

императора от 17 декабря 1796 г. дом Р. Сутерланда перешел «в вечное и потомственное владение» к бывшей доверенной Екатерины II – камер-юнгфрау Марье Перекусихиной «за ее долговременную и усердную службу при почившей императрице»¹⁹⁹. В этом особняке Перекусихина, окруженная портретами Екатерины II, ее мебелью и вещами, доживала свой век и тихо скончалась 8 августа 1824 г. в возрасте 85 лет.

Р. Сутерланд-младший, не согласный с выводами Особой комиссии, писал родственникам в Англию: русское «правительство, пользуясь своей прерогативой, конфисковало и захватило не только собственность моего отца, но даже мое личное имущество, одежду, кровать – взяли все, из кастрюль выбросили мой обед и погасили огонь на кухне»²⁰⁰. При этом не был упомянут оставленный ему отцом в 1789 г. капитал (5 209 ф. ст.), хранившийся в Английском банке и составлявший по тогдашнему курсу 37 885 руб., не включенных в сумму долга²⁰¹.

Р.Р. Сутерланд-младший в прошении, поданном 1 марта 1795 г. на имя Екатерины II, излагал свои «бедствия и просьбу об избавлении от оных». Он сетовал, что «после смерти отца он имел несчастье именем своим быть посрамленным во мнении публики вследствие невыгодного суждения о делах своего родителя». Жаловался, что по указу правительства его выселили из дома, в котором он родился и который был плодом трудов его отца еще до службы придворным банкиром. Он просил императрицу простить покойному отцу его долги казне, которые возникли не по злему умыслу²⁰².

В последующее время Сутерланд-младший также неоднократно обращался с прошениями на имя Александра I и с жалобами в Государственный совет, добивался от казны удовлетворения разных требований по начислению якобы неправильно произведенного долга по делам его отца. После рассмотрения все претензии Сутерланда отклонялись. Тем не менее Государственный совет счел возможным «в рассуждении расстроенного его состояния» обратиться к императору, от «воли которого зависит оказать ему вспоможение не по праву, но в виде милости». Высочайшим указом Р.Р. Сутерланду была назначена ежегодная пенсия (3 000 руб. ассигнациями), которую он получал с 1807 г. до своей смерти²⁰³. Умер он 26 августа 1825 г. в возрасте 53 лет, и был похоронен на Смоленском евангелическом кладбище.

Контора придворных банкиров и государственных комиссионеров

После скандальной истории с Сутерландом пришедший к власти Павел I решил создать компанию, состоящую из трех банкиров. Высочайшим указом от 18 января 1798 г. «для внешних казенных переводов, платежей и комиссий»

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 347. Л. 13; Император Павел Петрович... С. 494.

²⁰⁰ Цит. по: Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. С. 97.

²⁰¹ РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 219. Л. 43.

²⁰² Перевод с прошения на всевысочайшее имя барона Сутерланда от 1 марта 1795 г. См.: РГИА. Ф. 409. Оп. 43. Д. 409. Л. 39–42 об.

²⁰³ Архив Государственного совета. Т. 3: Царствование императора Александра I (1801–1810). Ч. 1. Стлб. 179; Ч. 2. Стлб. 182–184.

учреждалась особая Контора придворных банкиров и государственных комиссионеров. В нее вошли негоданты Роберт Воут, Иосиф Велио, Александр-Франц Ралль «под фирмою: “Воут, Велио, Ралль и компания”»²⁰⁴.

На следующий день в именном высочайшем указе сообщалось: «Его Императорское Величество соизволив, препоручить должность придворных банкиров и государственных комиссионеров господам Вуту, Велио, Ралю и вруча им производство дел компании на пользу торговли империи потребные повелеть соизволил: начать им исправление сих должностей с нынешнего дня то есть с 19 января 1798 года, а для сего явясь на Санктпетербургскую портовую биржу приступить к исполнению высочайших намерений». В указе выражалась надежда, что русские и иностранные купцы должным образом осознают пользу от Конторы придворных банкиров, учрежденной с целью «подкрепления торгующих и к избавлению их от убытка в денежных переводах наносимого часто одним вымышленным страхом»²⁰⁵.

В тот же день, 19 января 1792 г., Воут, Велио, Ралль были приглашены на заседание Правительствующего сената, где после объявления высочайшего указа их привели к присяге²⁰⁶.

По другому именному указу Павла I (от 19 января 1792 г.) в Контору придворных банкиров и государственных комиссионеров был введен петербургский негодант Иван (Иоганн) Христофор Бергин. Он должен был ведать канцелярией, хранением и использованием денег, платежами и приемами денег, отправкой их за границу, внешней перепиской относительно вексельного курса на бирже²⁰⁷. Позднее Бергин был назначен кассиром Конторы.

4 марта того же года за подписью Павла I вышли два указа. В первом, данном государственному казначею Васильеву, придворные банкиры и комиссионеры ставились под его начальство. В помощь Васильеву были назначены особый контролер надворный – советник Иван Вульф, пожалованный в указе чином коллежского советника, а также бухгалтер и два писца²⁰⁸.

Второй указ касался банкиров и комиссионеров – «О должности их и контролера»²⁰⁹. Согласно этому документу все казенные денежные переводы за границу надлежало совершать через Контору придворных банкиров и комиссионеров. Через нее должны были выписываться все товары и вещи для правительства и государственных учреждений.

На содержание Конторы и жалованье конторским служащим Государственное казначейство отпускало ежегодно 24 тыс. руб. За труды придворные банкиры получали вознаграждение по $\frac{5}{8}$ процента со всех денежных переводов, сделанных за границей, и по 3 – со всех выписанных оттуда товаров, вещей и провизии. Для поддержания вексельного курса «в надлежащем равнове-

²⁰⁴ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 157. Л. 1; Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1411. Л. 3; ПСЗ-I. Т. XXV. № 18327. С. 39.

²⁰⁵ РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1411. Л. 3.

²⁰⁶ Там же. Л. 4.

²⁰⁷ О негоданте Бергине см.: там же. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 157. Л. 5–6 об.; ПСЗ-I. Т. XXV. № 18331. С. 40–41.

²⁰⁸ ПСЗ-I. Т. XXV. № 18412. С. 114.

²⁰⁹ Там же. № 18413. С. 114–119; РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 320. Л. 19–20; Ф. 1341. Оп. 1. Д. 157. Л. 10–22, 26–28.

сии и для предохранения оного от напрасного упадка» банкирам позволялось трассировать деньги посредством векселей за границу. В этом случае они тоже получали по $\frac{5}{8}$ процента с суммы перевода. Куртаж²¹⁰ по этим трассированиям выплачивался за счет казны.

Кантора придворных банкиров находилась в ведении государственного казначея. Посредством ордеров он давал придворным банкирам и комиссионерам предписания о переводе за границу какой-либо суммы, о приискании векселей и проч. В 1797–1800, затем в 1801–1802 гг. эту должность исполнял действительный тайный советник барон А.И. Васильев. По окончании года (не позднее 1 марта) банкиры на основании своих книг предоставляли баланс с отчетом о произведенных ими за прошедший год операциях по внешним займам (с приложением записок относительно оборотов вексельного курса) государственному казначею²¹¹. Рассмотрев эти бумаги, он представлял отчет на высочайшее благоусмотрение.

Непосредственно Васильеву подчинялся особый контролер – И.И. Вульф, в обязанности которого входило еженедельное освидетельствование состояния кассы Канторы и расходования денежных сумм. Ему были доступны все счета, дела и бумаги банкиров и комиссионеров. Раз в неделю он обязан был подавать государственному казначею выписку из полученных Канторой от корреспондентов писем со сведениями о том, кто и от кого получал какие суммы, по каким курсам, на какой счет и проч.

Не только придворные банкиры и комиссионеры, но и все служащие Канторы были обязаны принести присягу на верность российской короне. Они считались поверенными царя и казны и должны были избегать всего, что являлось предосудительным государственным интересам. Придворные банкиры обязывались прилагать старание для сохранения вексельного курса рубля на твердом основании и использовать разность курсов с теми странами, с которыми Российская империя установила вексельные отношения.

В обязанности Канторы придворных банкиров, кроме поддержки вексельного курса внутри страны, входило производство международных расчетов и расчеты по внешним займам. Банкирам запрещалось давать деньги в долг кому бы то ни было под проценты или без них, под видом подарков или под заклад, под вексель или по обязательству, под залог имущества или под каким-то другим предлогом. В трех статьях из 24 именного указа Павла I оговаривались действия придворных банкиров и комиссионеров на Петербургской бирже.

По прошествии 12 месяцев со дня опубликования закона каждому из придворных банкиров предписывалось закрыть под своими именами коммерческие дома в России или имевшиеся таковые в другой стране и даже не иметь никакого в них участия.

В отдельной статье второго указа (от 4 марта 1798 г.) было зафиксировано, что если Петр Воут по причине своих преклонных лет или по состоянию

²¹⁰ От фр. «courtage», англ. «Courtage» – комиссия, вознаграждение, получаемое маклером за посредничество в биржевых сделках.

²¹¹ ПСЗ-1. Т. XXV. № 18413. С. 117.

здоровья, либо как иностранец не сможет исполнять должность придворного банкира и решит вернуться на родину, то в том ему не препятствовать и назначить на его место другое лицо²¹².

Голландский купец и банкир Роберт (Петр) Воут (Вут, *Voûte*) (1747–1823) был сыном Жана Жака (Ян Якоб) Воута (1713–1781), который в 1739 г. уехал из Франции и поселился в Амстердаме, где в 1766 г. основал фирму «J.J. Voûte & Son», торговавшую красками и колониальными товарами, в основном, какао, кофе и чаем²¹³. Р. Воут начинал маклером по продаже кофе и чая, затем стал сотрудником банкирского дома «Гоппе и К^о» («Hoppé & Co»).

Воут прибыл в Петербург из Голландии в 1794 г. в качестве представителя банкирского дома «Гоппе и К^о». Амстердамскими банкирами он был рекомендован «как человек искусный, честный, сведущий и бескорыстный, который знает основательно торговлю и желал бы умножить связи России с Голландией»²¹⁴.

Канцлер А.А. Безбородко в одном из писем к Воронцовым сообщал: «Явился у нас некто Вут, вам, конечно, известный комиссионер Гопов. Он свои дела хорошо делает, скупив все долги на поляках, да и Бог с ним; но вздумал нас учить финансам, открыв себе чрез графа Николая [Петровича Румянцова] доступ у ее величества, а тем добился и к государю; подал планы неудобные, например: 1, фиксировать рубль серебряный в 140 копеек указом навсегда, хотя и теперь он дешевле; 2, умножить разработку меди и, выводя самый нелепый счет на миллион и двести тысяч пудов, когда ныне только выделяется 160 000 пудов, обещает сим способом реализовать все полтора миллиона бумаг; 3, учит, как делать тарифы и, напав на Английское пиво и деланный сахар, чуть ли не сими двумя пунктами ограничивает свою науку; 4, говорит, чтоб заплатить внутренние долги, хотя прибавя еще бумаг; 5, советует старые ассигнации обменять на новые, дабы узнать их прямое число, и прочее весьма неважное и мало сообразное. Барон Васильев не был с ним согласен, и по моему несчастью навязал мне сего человека. Я возразил на многие его проекты».

В другом письме, от 24 января 1798 г., Безбородко о Воуте написал: «Он несколько подозрителен, потому что прежним временем слишком был недоволен, а теперь не в накладе остался; но вам не трудно будет соображением постигнуть вещи в прямом их виде. <...> Вут сделался настоящим учителем в материи финансов, и с ним борется один только человек честный и твердый, барон Васильев. Я думаю, что этот Вут нас далеко заведет, а сам в накладе не останется»²¹⁵.

Граф Ф.В. Ростопчин весьма нелестно отзывался о Воуте, называя его мошенником, приехавшим разорять нашу страну своими проектами»²¹⁶.

²¹² ПСЗ-И. Т. XXV. № 18413. С. 118.

²¹³ Liu Y. The Dutch East India Company's tea trade with China, 1757–1781. Leiden, 2008. P. 131–133, 142.

²¹⁴ Перевод письма его превосходительству Алексею Николаевичу Самойлову от банкиров Гоппе с товарищи. См.: РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 219. Л. 51 об.

²¹⁵ [Григорович Н.] Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. II: 1788–1799 гг. // СИРИО. Т. 29. СПб., 1881. С. 392–293.

²¹⁶ Там же. С. 445.

27 сентября 1798 г. высочайшим указом Павла I Воут по его просьбе был уволен от должности придворного банкира и комиссионера. В указе отмечалось: «пребываем впрочем вами благосклонны»²¹⁷.

Воут, вернувшись в Амстердам, в 1806–1809 гг. был членом Государственного совета, в 1809–1811 гг. – генеральным контролером государственных доходов и расходов, в 1810–1813 гг. – заведующим центральной оранжереей. Во время французского правления занимал должность директора казначейства.

20 октября 1798 г. Павел I подписал указ о назначении придворным банкиром (вместо Воута) петербургского купца и фабриканта Николая Семеновича Роговикова «на равном основании, как определены пред сим во оное же звание негоцианты Велио и Раль <...> вследствие того банкирской конторе отныне состоять под фирмою “Велио, Раль и Роговиков”»²¹⁸. Ранее указом Павла I «от дел по банкирской конторе» был уволен Бергин²¹⁹.

В феврале 1799 г. банкиры и комиссионеры Велио, Раль и Роговиков подали на имя государственного казначея графа Петра Васильевича Заводовского записку, в которой просили оставить «на прежнем основании и под прежнюю фирмою собственных их коммерческих домов, кои желают они продолжать для малолетних детей своих». Они уверяли, что их частные коммерческие дела не могут навредить Конторе придворных банкиров и комиссионеров. Напротив, опыт прошлого года показывает, что производство дел их фирм на Петербургской бирже «многократно обращало к ним доверенность и благонадежность торговой публики, чрез что удавалось им не редко поддерживать в полезном равновесии вексельный курс»²²⁰.

Велио, Раль и Роговиков считали, что подобная ситуация не только совместима со званием придворных банкиров, но и не предосудительна интересам государственным. Сохранение же их частных торговых заведений будет полезно как для вексельных, так и для других операций, которые они «по одному банкирскому званию» не смогли бы порой выполнить с таким же успехом. Для казны, уверяли банкиры, не будет никакой опасности, поскольку их собственные дела не могут быть смешаны с делами казенными. Придворная банкирская контора, указывали они, находится под надзором государственного казначея и особого контролера, для которых все их дела и Книги открыты. Велио, Раль и Роговиков просили позволения сохранить деятельность своих прежних коммерческих заведений, помимо исполнения возложенных на них должностей придворных банкиров²²¹.

В 1799 г. канцлер князь А.А. Безбородко, сенатор граф П.В. Заводовский, государственный казначей барон А.И. Васильев и генерал-прокурор князь

²¹⁷ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 157. Л. 29, 30–31.

²¹⁸ Там же. Л. 32, 33–33 об.

²¹⁹ Сенатский архив. Т. I: Именные указы Павла I. СПб., 1888. С. 506.

²²⁰ Высочайший указ его императорского величества. См.: РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 1510. Л. 1–2, 4; РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 327. Л. 89–89 об.; Ф. 1341. Оп. 1. Д. 157. Л. 40–41; ПСЗ-I. Т. XXV. № 18885. С. 581–582.

²²¹ Там же.

П. В. Лопухин подали на имя Павла I доклад в поддержку просьбы придворных банкиров, на котором император написал «Быть по сему»²²².

14 июля 1800 г. Павел I подписал указ о пожаловании в баронское достоинство Российской империи «во изъявление благоволения к службе и усердию» придворных банкиров И. П. Велио, А. Ф. Ралля и Н. С. Роговикова, с их рожденными детьми и потомками²²³.

Иосиф Петрович (Жозе Педро Селестино, José Pedro Celestino) Велио (Велго, Вельго, Velho) родился в Порто в 1755 г. и начинал свою карьеру бухгалтером в виноторговой фирме «Companhia das Vinhas do Alto Douro». В 1780 г. он прибыл в Петербург, где вместе с компаньонами Мартиншем и Аранхо (Араужо) основал торговый дом «Велио, Аранхо и Мартинш» («Velho, Aranje & Martins»). В 1785 г. Мартинш покинул фирму, и вместо него в дело вошел Северин. В связи с этим изменилось название дома на «Велио, Аранхо и Северин» («Velho, Aranje & Severin»), просуществовавшего до 1790 г. В июне 1781 г. Велио был назначен консулом и «генеральным комиссаром его величества короля Португальского во всех портах Балтийского моря»²²⁴ и возведен в дворянство, что облегчало ему выполнение дипломатических обязанностей. Благодаря его стараниям 20 декабря 1787 г. в Петербурге был подписан договор о торговле, навигации и дружбе между Россией и Португалией.

Около 1792 г. Велио женился на дочери известного петербургского купца 1-й гильдии, владельца крупного торгового дома Ивана Ивановича (Иоганна-Арнольда) Северина – Софье. Женитьба сблизила Велио с петербургскими торговыми и финансовыми кругами. Вскоре он сложил с себя дипломатические полномочия и полностью отдался коммерции. Вероятно, причиной отставки мог стать тот факт, то что он не получил должности полномочного посла, на которую рассчитывал. Умер Велио в 1802 г. в возрасте 46 лет, оставаясь до самой смерти членом Придворной конторы. Он был похоронен в Петербурге на Смоленском евангелическом кладбище.

Вскоре после смерти Петра Велио Александр I 14 мая 1802 г. издал указ, в котором банкирам Раллю и Роговинову позволялось производить банкирские казенные дела «под фирмою барон Ралль и барон Роговиков»²²⁵.

Однако за Велио оставались казенный долг – 234 241 руб. и задолженность по векселю действительному статскому советнику Трощинскому в размере 41 600 руб.; всего – 245 871 руб.

Указом императора от 8 апреля 1803 г. Контора придворных банкиров была обязана выделять одну часть денег, получаемых от арбитража и комиссий, в пользу вдовы баронессы Велио с детьми, другую – на уплату его казенного долга²²⁶.

²²² РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 1510. Л. 4–4 об.; РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 327. Л. 89–89 об.; Ф. 1341. Оп. 1. Д. 157. Л. 42–44, 45–46 об., 47.

²²³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 157. Л. 48, 49–50; Сенатский архив. Т. I. С. 634; [Долгоруков П. В.] Российская родословная книга, издаваемая Петром Долгоруковым. Ч. 2. СПб., 1855. С. 284–285.

²²⁴ Указ о признании Португальским Генеральным Консулом Велио в России. [б. м.], 1791. С. 1.

²²⁵ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 157. Л. 51, 52, 53.

²²⁶ Всеподданнейший доклад министра финансов. См.: РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 216. Л. 68–68 об.; Доклад министра финансов А. И. Васильева Александру I // Внешняя политика России XIX

О первой половине жизни Александра Александровича (Александра-Франца) Ралля (Раль) известно немного. Родился он 24 июля 1756 г. в купеческой семье в земле Гессен (Hessen), входившей в союз Священной римской империи. До приезда в Россию он торговал в небольшой лавке в г. Ганау (Hanau). В 1788 г. в возрасте 31 года Ралль, являясь подданным Римской империи, приехал в Россию. Записавшись в петербургские иностранные гости, объявив 10 100 руб. собственного капитала, он занялся торговлей на бирже при Петербургском порте²²⁷. На решение отправиться в Россию повлиял его дядя, генерал-майор Федор Григорьевич Ралль (Раль), который уже давно находился на русской службе. По его протекции А. Ралль в 1790 г. был принят приказчиком в контору придворного банкира Ричарда Сутерланда. Вскоре благодаря своим способностям Ралль стал его ближайшим помощником. В ходе расследования дела о банкротстве Сутерланда 27 ноября 1796 г. Ралля признали не причастным к растрате казенных денег²²⁸.

В феврале 1808 г. он принял российское подданство и записался в петербургское купечество²²⁹. Дела Ралля шли настолько успешно, что вскоре он стал «королем» Петербургской биржи. Этот человек обладал большим капиталом и еще большим влиянием в деловых кругах. Современники отмечали легкость и быстроту, с которой он совершал сделки. При посредничестве банкира Ралля можно было перевести деньги из Петербурга «во все города света»²³⁰.

Раллю принадлежали пять домов в Петербурге и две дачи на Каменном острове, пять загородных домов на Петергофской дороге и несколько имений в разных губерниях. Он владел суконной фабрикой на Малой Охте и писчебумажной – в Нарвской части²³¹. Кроме того, Ралль вложил большие средства в заводы тяжелой промышленности на Урале.

В Петербурге он женился на дочери сахарозаводчика Германа Николауса Молво – Елизавете Николаевне. Супруги были большими любителями музыки, хорошо играли на фортепьяно и в молодости часто исполняли в четыре руки популярные произведения из репертуара начала XIX в., особенно оперы. Также Ралль хорошо играл на скрипке. Все приезжавшие в Петербург артисты, певцы, певицы, скрипачи, виолончелисты, арфисты радушно принимались в доме Ралля, а некоторые гостили месяцами. В доме банкира на Английской набережной часто давались концерты и великолепные балы, на которые, по словам современников, съезжалось полгорода²³². Ралль был учредителем и меценатом созданного в 1788 г. Нового музыкального общества. В 1802 г. стараниями банкира было создано Филармоническое общество, почетным членом и почетным директором которого он избирался.

и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 1. Т. 3: Январь 1806 г. – июль 1807 г. М., 1963. С. 223.

²²⁷ О записи иностранного купца Александра Ралля в городовую обывательскую книгу. См.: ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 2. Д. 378. Л. 1–8.

²²⁸ Император Павел Петрович... С. 492.

²²⁹ Прошение придворного банкира барона Ралля. См.: РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.

²³⁰ Письма А.Я. Булгакова к его отцу. 1802 // Русский архив. 1898. Кн. 2. С. 603.

²³¹ [Шредер Ф.] Новейший путеводитель по Санктпетербургу, с историческими указаниями, изданный Ф. Шредером. СПб., 1820. С. 229, 231.

²³² Стасов В. В. Помощь Глинки // Русская старина. 1893. Октябрь. С. 301–302.

Зять Ралля, ученый геодезист генерал Ф.Ф. фон Шуберт так описывал своего тестя: «Красивый, высокий человек, всегда во фраке, коротких панталонах и шелковых чулках; его волосы были напудрены и заплетены сзади в короткую толстую косичку. Он знал что-то обо всем, но весьма поверхностно и ничему никогда не учился, кроме языков, которые знал в совершенстве. С блестящими светскими манерами, любезный (когда он этого хотел), барон Ралль обладал индивидуальностью и сразу же привлекал внимание в любом обществе и обычно нравился»²³³.

Со временем характер Ралля стал меняться и не в лучшую сторону. «Горячим характером», вспыльчивостью и несдержанностью он восстановил против себя многих лиц. Из его конторы стали уходить сведущие и опытные служащие. Заграничные банкиры, устав от неаккуратности Ралля в коммерческих делах, разрывали с ним отношения²³⁴. Постепенно дела банкира окончательно расстроились, чему способствовали перемена таможенного тарифа (1819), пожар на его суконной фабрике и наводнение в Петербурге (1824).

Дела банкира стали ухудшаться, и общество охладело к нему, также пропали многочисленные «друзья». Когда начали распродавать имения Ралля, и он разорился, все про него забыли. Утрата бывшего положения стала поводом для появления прозвища, состоявшего из трех чинов, в которых содержалась частица его фамилии: *ami-ral*, *gene-ral* и *capot-ral* (адмирал, генерал и капрал). Гордый и вспыльчивый Ралль от неудач и вероломства света впал в такое состояние, что жизни окружавших его людей оказались в опасности. По Петербургу ходили анекдоты о «подвигах его исступления». Сыновья банкира из-за его вспыльчивого характера ушли из отчего дома. Его 17-летняя дочь Елизавета в ночь на 3 февраля 1811 г. сбежала из дома и тайно обвенчалась с отставным ротмистром Егором Мейером²³⁵.

Самого Ралля называли «бешеным бароном». К.И. Фишер, будучи еще молодым чиновником, так описал встречу с банкиром не в лучшие времена его жизни: «Взоры мои устремлены были на большие, черные, пылающие глаза огромного барона с львиной головой»²³⁶.

Утратил барон и свое прежнее положение придворного банкира. С воцарением Николая I Ралль через личного секретаря императрицы Марии Федоровны Г.И. Вилламова пытался добиться ее покровительства и вернуть право выполнять обязанности придворного банкира, которое стало номинальным²³⁷.

В 1829 г. барон Ралль подал на имя министра финансов Е.Ф. Канкрин прошение, в котором объяснял свои несчастья и затруднительное положение. Он просил министра о беспроцентной ссуде в 100 тыс. руб. с возвратом по 10 тыс. руб. ежемесячно. В обеспечение ссуды Ралль предлагал хранящиеся на его писчебумажной фабрике в Нарвской части 14 тыс. стоп бумаги. По

²³³ Цит по.: *Козырева М.Г.* Придворный банкир А. Раль // Немцы в России: петербургские немцы. СПб., 1999. С. 209.

²³⁴ Там же.

²³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 13. Д. 852. Л. 11–12 об.

²³⁶ [Фишер К.И.] Записки сенатора К.И. Фишера // Исторический вестник. 1908. Т. CXI. Март. С. 811.

²³⁷ Воцарение императора Николая I (Из дневника Г.И. Вилламова) // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1. С. 324–325.

его уверению, бумага стоила более 140 тыс. руб. Комитет министров на основании внесенной записки министра финансов, «по уважению описываемых бароном Раллем несчастий и крайнего расстройтва дел его» решил выдать ему 100 тыс. руб. из Государственного казначейства. Этого оказалось недостаточно. Вскоре Ралль просил министра финансов «по бывшим примерам, об устройстве долга его казне». Он был должен Заемному банку 515 тыс. руб. и Казначейству – 147982 руб., всего 662982 руб. При этом барон надеялся, что из этой суммы можно будет исключить 300 тыс. руб., которые ему должны железоделательные и чугуноплавильные заводы на Урале московского купца А.А. Кнауфа. Оставшуюся сумму в 362982 руб. Ралль просил рассрочить на 24 месяца на «льготных правилах под залог его бумажной фабрики, застрахованной в 400 тыс. руб.»²³⁸.

Понесенные новые убытки – в 600 тыс. руб. барон объяснял возникшими затруднениями на его суконной фабрике на Охте, «к чему способствовала большею частью перемена в 1819 году тарифа 1815 года». В 1830 г. в очередном письме министру финансов Ралль писал, «что прекращение дел по званию придворного банкира причинило важный подрыв его кредиту, что между тем Контора придворных банкиров осталась на его попечении и он обязан был доставлять все требуемые от него сведения, с чем сопряжены были издержки, простиравшиеся от 2500 до 2800 руб. в год». На основании этого барон просил выдать ему жалованье «за особую службу» с 1812 г., «с возвратом издержек», потраченных им на содержание Конторы придворных банкиров с 1816 г.²³⁹

В итоге Ралль полностью разорился. В Петербурге ходили слухи, что главной причиной банкротства стали его сыновья. У барона было три сына и пять дочерей, на образование которых он не жалел денег. Однако настоящей причиной оказалась запутанность его финансовых дел. Ралль не скупился на оборудование фабрик и обучение персонала, но совершенно не занимался их управлением. Он не любил длительных, требующих постоянного внимания дел. В итоге его имения и заводы перестали приносить доходы.

Ралль потерял не только все собственные деньги, но и деньги привлеченных им вкладчиков. Он решился занять в Кабинете его императорского величества 300 тыс. руб. сроком на 8 лет с процентами под залог всех своих имений и домов. Ему были предоставлены льготы в уплате его долгов Заемному банку и Государственному казначейству. Но и они не помогли поправить дела. С этого времени барон жил в постоянных поисках денег для возвращения процентов. Бесперывные заботы окончательно расстроили его здоровье, он сделался больным и желчным стариком. К тому же, в конце жизни Ралль почти ослеп. Умер барон А.Ф. Ралль 22 апреля 1833 г. в 10 часов вечера, и был похоронен на Волковом лютеранском кладбище в Петербурге.

Кавалер Ф. де Брэ (Бре), член баварской депутации Мальтийского ордена (прибыла к императору Павлу I в ноябре 1779 г.) оставил записки, в которых сообщал много любопытных сведений о России и русском обществе конца

²³⁸ Об оказании барону Раллю льгот в уплате долгов его Заемному банку и Государственному казначейству. См.: РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–25.

²³⁹ Там же.

XVIII в. В частности он обратил внимание на большое количество иностранных торговцев: «В России очень немного больших купцов, принимая в соображение ее пространство. Тем не менее среди них есть очень богатые <...> но самые большие дела вообще производятся иностранными купцами или евреями и армянами. Все, что касается банковых операций, находится именно в руках иностранцев. <...> Я знаю в Петербурге только одного русского банкира, придворного, Роговикова; но он в компании с двумя иностранцами – португальцем Велио и немцем Ралль»²⁴⁰.

О Николае Семеновиче Роговике сохранилось немного сведений. Фактически все они опубликованы в Русском биографическом словаре²⁴¹. Происходил Н.С. Роговиков из известной купеческой семьи. Его отец – Семен Федорович (?–1767) был богатым московским, а затем петербургским купцом. В 1762 г. при учреждении Государственного банка он был назначен обер-директором в Петербургскую контору этого банка. 18 ноября 1766 г. Екатерина II пожаловала С.Ф. Роговикова чином надворного советника. После его смерти остались трое несовершеннолетних детей. Их мать, Анна Яковлевна Роговикова, обратилась с прошением к Екатерине II о назначении опекунов для управления обширной торговлей умершего супруга и воспитания его малолетних детей до их совершеннолетия. Поскольку казна была заинтересована в получении дохода от сданного покойному Роговикову петербургского и московского питейного откупа, императрица определила опекунами саму себя, обер-гофмейстера, тайного советника Ивана Перфильевича Елагина, а третьего разрешила вдове по желанию выбрать кого-то из знакомых купцов²⁴².

Родился Н.С. Роговиков в Петербурге примерно в 1753/4 г.²⁴³ Достигнув совершеннолетия, он унаследовал в 1779 г. позументную фабрику, несколько домов, лавок и амбар в Петербурге. Так, было два деревянных дома – № 157 (в 3-й Адмиралтейской части), 34 (в Выборгской части); два каменных – № 265 (в 1-й Адмиралтейской части), 29 (в Литейной части); один трехэтажный – в 3-й Адмиралтейской части в Суконной линии, где располагалась каменная лавка (№ 8), другая лавка (№ 175) находилась в Рождественской части. Имелся еще каменный амбар – в середине Гостиного двора²⁴⁴. Кроме того, Роговиков занимался разными финансовыми операциями.

В 1780 г. Николай Роговиков вместе с младшим братом Петром (1757–1797) был избран членом Петербургского губернского магистрата. В 1800 г. Н.С. Роговикова назначили почетным членом основанного Коммерческого училища²⁴⁵. В конце жизни дела его расстроились, и его опекунами состояли

²⁴⁰ [Де Брэ Ф. Г.]. Записка баварца о России времен императора Павла (перевод с французской рукописи) / сообщ. Е. Шумигорского // Русская старина. 1899. Т. 100. № 10. С. 71.

²⁴¹ Б.М. Роговиконы // Русский биографический словарь. Т. XV. СПб., 1910. С. 276.

²⁴² ПСЗ-1. Т. XVIII. № 12990. С. 366–367; РГИА. Ф. 796 Оп. 48. Д. 616.

²⁴³ Петербургская городская обывательская книга 1-я часть, 3-й том (фамилии на буквы Р–Я). См.: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 173. Д. 492. Л. 8.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ О назначении во вновь утвержденном Коммерческом училище обер-директором действительного статского советника Демидова, почетными членами его банкиров: Роговикова, Ралля, Кусова, Глухова, Ливлио и Рекса см.: РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 1454.

сенаторы Иван Семенович Захаров и Александр Семенович Макаров. За год до смерти, в 1808 г., Роговиков женился на дочери отставного вахмистра Алексея Сивцова – Екатерине²⁴⁶. Еще до брака, в 1792 г., у них родилась дочь Евдокия. Судьба жены Роговикова трагична: 7 февраля 1810 г. она была задушена собственными крепостными²⁴⁷.

После смерти Роговикова, уже в последние годы официального существования Конторы придворных банкиров и комиссионеров, в нее, кроме Ралля, входили Андрей и Петр Ивановичи Северины²⁴⁸, братья жены Велио – Софии Ивановны.

После издания 8 сентября 1802 г. манифеста «Об учреждении Министерств» Контора, состоявшая в ведомстве Государственного казначея, оказалась в ведении министра финансов²⁴⁹. С учреждением в 1803 г. при Министерстве финансов Экспедиции для внешних денежных дел к ней перешла значительная часть функций Конторы придворных банкиров и комиссионеров²⁵⁰.

Назначенный первым министром финансов А.И. Васильев, как и ранее, будучи Государственным казначеем (назначен по высочайшему указу от 4 марта 1798 г.), ежегодно докладывал Александру I о деятельности Конторы²⁵¹. Банкиры Ралль и Роговиков по-прежнему предоставляли Васильеву сведения о балансе своих Книг, генеральный счет о совершенных вне государства платежах и записку о проведении самых главных операций.

Так, в записке придворных банкиров за 1805 г. сообщалось, что, во-первых, хотя в течение года они «встречали непрерывные затруднения в своих вексельных операциях, но посредством заблаговременных их переводов в состоянии представить довольно выгодные счета». Курс переводов, совершенных в 1805 г. по платежу голландских процентов, составлял $30 \frac{1}{4}$ стив., а на прочие расходы – $30 \frac{1}{10}$ стив., что было значительнее курса в прошлом 1804 г.

Во-вторых, крупные переводы за границу не позволили им вовсе делать сложные операции арбитража, и они были вынуждены ограничиться одними прямыми переводами, отчего сама прибыль арбитража оказывалась незначительной. Последовали также убытки на французских векселях, т.к. курсы во Франции подверглись внезапному упадку. От векселей, данных придворными банкирами по низкому курсу и большей частью замененных векселями на Петербургской бирже по высокому курсу, они ожидали значительных барышей. В-третьих, заблаговременным отпуском наличных сумм они успели запастись значительными фондами за границей, оказавшими существенную поддержку здешним курсам. И хотя, по мнению Васильева, полученная прибыль от вексельных операций в 1805 г. в размере 269 371 руб. была не очень значительной, в сравнении с предыдущими годами, во время крити-

²⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 10. Д. 1094. Л. 1–5.

²⁴⁷ Б.М. Роговиковы. С. 276.

²⁴⁸ Ордера Двора с.и.в. придворным банкирам Раллю и братьям Севериным на выдачу денежных сумм разным лицам за 1810 г. см.: РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 338.

²⁴⁹ ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20406. С. 245.

²⁵⁰ [Печерин Я.И.] Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений. СПб., 1904. С. 135.

²⁵¹ Доклад министра финансов А.И. Васильева Александру I. С. 221–225.

ческого положения для торговли удалось удержать курс рубля от сильного понижения²⁵².

Как и ранее, через Контору переводились деньги для российской армии за границей (содержание и жалованья). В декабре 1805 г. Ралль и Роговиков отправили кредитив для М.И. Кутузова на 1 024 725 мар. (496 836 руб.) на банкирский дом «Матизен, Саллем и К^о» («Mattiesen, Sillenm & Co») в Гамбурге²⁵³.

В ходе военной кампании 1805 г. русская армия испытывала недостаток в ружьях, поэтому в 1806 г. правительство решило закупить их в Англии, Швеции и Австрии. Пересылка была налажена следующим образом: оружие под видом железного лома пересылалось в ящиках от венского банкирского дома «Фриз и К^о» («Freeze und K^o») на адрес торгового и банкирского дома «Безнер и К^о» («Bösner & Co») в Бродах, оттуда шло через австрийскую границу на имя директора пограничной таможни в Радзивиллове Д. Гиршфельда. Оплата за оружие осуществлялась так: согласно указу Александра I министру финансов от 6 мая 1807 г., венский банкирский дом «Арнштейн и Эскелес» («Arnstein und Eskeles») выдавал чиновнику русской миссии в Вене И.Б. Маллии необходимые для закупки оружия денежные суммы под векселя и в кредит. Векселя венскими банкирами пересылались на имя придворных банкиров Ралля и Роговикова. По представленным ими в Министерство финансов векселям и счетам производилась оплата из государственной казны²⁵⁴.

Конторе поручалась покупка за границей серебра в слитках — для их доставки в Россию для чеканки монет. В 1804 г. в этих целях Раллю и Роговикову было выдано 500 тыс. руб. сер. В начале 1805 г. им удалось по выгодному курсу приобрести на биржах Амстердама и Гамбурга 89 слитков серебра 96 пробы весом 126 пудов 9 фунтов 40 золотников по 910 руб. 22 коп. за пуд.

Высочайшим Манифестом от 25 июня 1811 г. о создании министерств и законом «Об учреждении Министерства финансов», последовавшим 25 июля 1811 г., деятельность Конторы была фактически прекращена. Все «дела, относящиеся ко внешнему кредиту <...> распоряжения о платеже процентов и капитала по внешним займам; все внешние операции для уплаты долгов, как то: переводы сумм за границу, покупка дорогих металлов, и тому подобные предметы» передавались в ведение второго стола Третьего отделения Канцелярии министра финансов. Работа этого отделения находилась под непосредственным наблюдением министра финансов и производилась исключительно по его распоряжениям²⁵⁵.

Третье отделение Канцелярии министра финансов открыло свое действие 1 января 1812 г. К нему перешли функции Экспедиции для внешних денежных дел. Наконец, 5 декабря 1824 г. Третье отделение «по причине умножившихся дел и обязанностей» было преобразовано в Особенную канцелярию по кре-

²⁵² Доклад министра финансов А.И. Васильева Александру I. С. 221–222.

²⁵³ Письмо Д. Волконского М.И. Кутузову об обеспечении русской армии в Австрии денежным довольствием // Документы штаба М.И. Кутузова 1805–1806: сб. Вильнюс, 1951. С. 233.

²⁵⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... Сер. 1. Т. 4: Июль 1807 г. – март 1809 г. М., 1965. С. 606–607.

²⁵⁵ ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24688. С. 743.

дитной части. К ней перешло заведование делами по внешнему и внутреннему кредиту.

Хотя с учреждением Министерства финансов официально упразднили Контору, перевод ею денег за границу продолжался до 30 мая 1816 г. Как сообщалось в всеподданнейшей докладной записке министра финансов, по мере того, «как прежде данные придворным банкирам казенные дела оканчивались, и они, не получая никаких вновь препоручений, комиссия их и арбитраж <...> постепенно уменьшались»²⁵⁶.

За все время существования Конторы, с 1798 по 30 мая 1816 г., ей было переведено около 67 млн руб. казенных денег. От ее операций казна получила чистой прибыли 1 972 392 руб., а потери от опротестованных векселей составили только 26 137 руб.

После завершения проверки всех операций Конторы Временной счетной комиссией от Государственного контроля, министр финансов Д.А. Гурьев предписал банкиру Раллю передать оставшиеся у него дела и Книги по казенным операциям в архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов²⁵⁷.

Однако номинально институт придворных банкиров просуществовал до 1860 г., когда последний придворный банкир, барон Александр Людвигович Штиглиц, ликвидировав свой банкирский дом «Штиглиц и К^о», был назначен первым управляющим учрежденного Государственного банка²⁵⁸.

Заключение

По источникам, дошедшим до наших дней, к сожалению, невозможно с достаточной полнотой реконструировать повседневную деятельность придворных банкиров в России в XVIII и даже начале XIX в. Тем не менее сохранившиеся документы позволяют сделать ряд выводов.

За рассматриваемый период звания банкиров Императорского двора были пожалованы купцам Гомму, П.Х. Кнутсену, И.Ю. Фредериксу, Р.А. Сутерланду, Р. Воуту, И.П. Велию, А.А. Раллю, Н.С. Роговикову, братьям А.И. и П.И. Северинам, отцу и сыну – Л.И. и А.Л. Штиглицам. К ним можно добавить братьев Д.А. и О.А. Соловьевых, обер-гофкомиссара И. Липмана, гофи-камер-фактора Г.Х. Штегельмана, которые хотя официально и не имели звания придворных банкиров, но их вполне можно считать если не таковыми, то их предшественниками. Особое положение занимал варшавский банкир П. Теппер-Фергюсон. Несмотря на то, что он был пожалован Екатериной II в банкиры ее величества, его статус и значение были не сопоставимы с положением, занимаемым Гоммом, Кнутсеном, Фредериксом или Сутерландом. Теппер-Фергюсон являлся скорее доверенным банкиром русского правительства в Польше.

²⁵⁶ Всеподданнейший доклад министра финансов см.: РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 216. Л. 70–70 об.

²⁵⁷ [Печерин Я.И.] Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений. С. 135.

²⁵⁸ Лизунов П.В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб., 2014.

Начиная в качестве гоффакторов – поставщиков различных заграничных товаров и драгоценностей для Императорского двора, придворные банкиры во второй половине XVIII – начале XIX в. постепенно стали играть важную роль в российской экономической жизни. Им вменялись в обязанности поддержка вексельного курса, осуществление внешних государственных займов и расчетов по ним.

За оказанные заслуги братья Соловьевы (1727), Фредерикс (1773), Сутерланд (1788), Велио, Ралль и Роговиков (1800), Людвиг Штиглиц (1840) с их потомками были пожалованы званием барона Российской империи. Это указывает на значение их деятельности для российских финансов XVIII в., свидетельством ее сложности служит тот факт, что Штегельман, Гомм, Сутерланд, Роговиков и Ралль разорились.

Все придворные банкиры совмещали казенные и собственные коммерческие дела, финансовую и торговую деятельность. Попытка Павла I ограничить частную практику членов Конторы придворных банкиров и государственных комиссионеров не увенчалась успехом. И поскольку торговля товарами и деньгами еще не были отделены друг от друга, лиц, занимавшихся ими одновременно, уместно считать еще «купцами-банкирами».

В первой четверти XIX в. в Петербурге, кроме придворных банкиров и комиссионеров, имелся уже целый ряд довольно значительных «купцов-банкиров». Среди них особо выделялись К.Л. Амбургер, Э. Ливинио, Н. Бетлинг, А.И. Перетц, Н.И. Штиглиц и др. В большинстве своем это были купцы-иностранцы или купцы, имевшие иностранное происхождение. Все они совмещали торговлю разными видами товаров и деньгами, финансируя собственные предприятия, но по мере накопления достаточных капиталов переходили к кредитованию клиентов.

Из значительных русских коренных негоциантов XVIII в. следует выделить Соловьевых, Роговиковых, Гусятниковых, Лаптевых, Резвых, Девкиных, Глуховых, Владимировых²⁵⁹. Однако их банкирский промысел был весьма незначительным даже по российским меркам XVIII столетия и ограничивался финансированием собственных коммерческих предприятий и дел своих знакомых и родственников.

Библиография

- Bajer P.* Scots in the Polish-Lithuanian Commonwealth, 16th–18th Centuries: The Formation and Disappearance of an Ethnic Group. The Northern World. Leiden: Brill, 2012. 588 s.
- Hensel-Moszczyńska B.* Dane do uproszczonej i skróconej genealogii Tepperów-Fergus(son)ów // Almanach Muzealny. 2013. № 7. P. 65–72.
- Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794) badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego T. 1. Kraków: Księgarnia L. Zwolińskiego; Warszawa: Nakładem księgarni Teodora Paprockiego, 1897. 513 p.
- [*Lemmerich C.*] Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St. Petersburg. Mit Benutzung der gedruckten Nachrichten und der Acten des Kirchen- und Schularchives by Lemmerich Casimir. SPb.: In Commission bei Gustav Haessel, 1862. 871 s.

²⁵⁹ *Вавилов И.* Беседы русского купца о торговле... Ч. 1. С. 194.

- Liu Y.* The Dutch East India Company's tea trade with China, 1757–1781. Leiden: Brill, 2008. XXII + 277 p.
- [*Scheltema J.*] Peter de Grootte, Keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam, in 1697 en 1717. Amsterdam: Hendrik Gartman, 1814. 339 p.
- [*Schulz F.*] Voyage en Pologne et en Allemagne fait en 1793, par un Livonien; Où l'on trouve des détails très-étendus sur la révolution de Pologne, en 1791 et en 1794, ainsi que la description de Varsovie, Dresde, Nuremberg, Vienne, Munich, etc. traduit de l'Allemand. Tome premier. Bruxelles: chez Weissenbruch, 1807. 443 s.
- [*Wunderbar R.J.*] Geschichte der Juden in den Provinzen Liv- und Kurland, seit ihrer frühesten Niederlassung daselbst bis auf die gegenwärtige Zeit. Nach den authentischen Quellen bearbeitet. Mitau, 1853. 79 s.
- Ананьич Б.В., Лебедев С.К.* Частный коммерческий кредит и деловая культура. Институт придворных банкиров // Кредит и банки в России до начала XX века. Санкт-Петербург и Москва. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 122–153.
- Ананьич Б.В., Лебедев С.К.* Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798–1811 гг.) // Проблемы социально-экономической истории России. СПб.: Наука: С.-Петербург. отд-ние, 1991. С. 125–147.
- Ананьич Б.В., Лебедев С.К.* Ричард Сутерланд – банкир Екатерины II // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Т. 1. М.: Ин-т истории СССР, 1990. С. 18–21.
- Архив Государственного совета. Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1798 гг.). Протоколы Совета в царствование императрицы Екатерины II-й. Ч. 1. Отделение историческое. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1869. 570 с.
- Архив князя Воронцова. Кн. 2: Бумаги князя Михайла Ларионовича Воронцова. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1871. 652 с.
- [*Бантыш-Каменский Д.Н.*] Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Бантыш-Каменским. Т. 3: Р–Ф. М.: Тип. Карла Краля, 1847. 627 с.
- Бердников Л.И.* Леви Липман. Казус Липмана // Евреи России в либреях и без них. Литературные портреты (XV – начало XX вв.). Т. 1. М.: Вест-Консалтинг, 2022. 400 с.
- Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год. Ч. 1: 1721-й год. М.: Тип. Каткова и К°, 1858. 275 с.
- Брз Ф.Г.* Записка баварца о России времен императора Павла // Русская старина. 1899. Т. 100. № 10. С. 59–78.
- Вавилов И.* Беседы русского купца о торговле. Практический курс коммерческих знаний, излагаемый в С.-Петербурге публично по поручению Императорского Вольного экономического общества и издаваемый под покровительством одного члена его фридрихсгамским первостатейным купцом Иваном Вавиловым. Ч. 1. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1846. 201 с.
- Гельбие Г.* Русские избранники. Берлин: Ф. Готтгейнер, 1900. 534 с.
- Гурьев А.Н.* Очерк развития государственного долга России. СПб.: Типо-лит. «Якорь», 1903. 135 с.
- Дашкова Е.Р.* Записки княгини Дашковой. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1907. 366 с.
- Державин Г.Р.* Сочинения Державина. Т. 6: Переписка (1794–1816) и «Записки». С объяснительными пояснениями Я. Грота. СПб.: Имп. Акад. наук, 1871. 905 с.
- Записки Александра Михайловича Тургенева (1772–1863) // Русская старина. 1886. Т. LII. Ноябрь. С. 247–282.
- Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М.: Наука, 2005. 716 с.
- Захаров В.Н.* Предпринимательская деятельность английского купца Вилима Гома в России во второй половине XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К 80-летнему юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой. М.: Археогр. центр, 1994. С. 273–290.
- Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб.: А.С. Суворин, 1885. 360 с.
- Козырева М.Г.* Придворный банкир А. Раль // Немцы в России: петербургские немцы = Die Deutschen in Russland: Petersburger deutsche. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999. С. 205–211.
- Корсаков Д.А.* Артемий Петрович Вольтинский // Древняя и новая история России. 1877. Т. 2. № 7. С. 217–234.
- Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
- Кузнецов Ю.И.* Голландская живопись XVII–XVIII веков в Эрмитаже. Очерк-путеводитель. Л.: Аврора, 1979. 139 с.

- Курукин И. В.* Анна Иоанновна. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2014. 427 с.
- Лажечников И. И.* Ледяной дом. М.: Изд. А. С. Ширяева, 1835. 799 с.
- Левин И. И.* Акционерные коммерческие банки в России. М.: Дело, 2010. 511 с.
- Лизунов П. В.* Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб.: Алетейя, 2014. 608 с.
- [*Лодыженский К. Н.*] История русского таможенного тарифа: Исследование Константина Лодыженского. СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1886. 410 с.
- Любимов С. В.* Родословия князей Ханджери, баронов Черкасовых и баронов Соловьевых. Тула: Тип. Губ. правл., 1914. 42 с.
- Мордовцев Д. Л.* Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории. Т. 2. СПб.: Изд. А. Черкесова и К^о, 1874. 333 с.
- Морозан В. В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). СПб.: Крига, 2001. 398.
- Москва. Актовые книги XVIII столетия. Т. X. М.: Тип. И. А. Баландина, 1902. 201 с.
- Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. IV. СПб.: Тип. В. Демакова, 1884. 983.
- Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия Т. VII. СПб.: Тип. В. Демакова, 1895. 896.
- П. П.* Князь Платон Зубов, биографический очерк. 1767–1822 г. // Русская старина. 1876. Т. XVII. Декабрь. С. 691–726.
- Печерин Я. И.* Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. 167 с.
- Письма А. Я. Булгакова к его отцу. 1802 // Русский архив. 1898. Кн. 2. С. 600–643.
- [*Ренофанц И. И.*] Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов или краткое истолкование встречающихся в них слов: военных, морских, политических, коммерческих и разных других из иностранных языков заимствованных, коих значения не каждому известны. Книжка подручная для каждого сословия, пола и возраста. СПб.: [б. и.], 1837. 325 с.
- Сегюр Л. Ф.* Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865. 410 с.
- Семевский М. И.* Первый год царствования Елизаветы Петровны 1741–1742. Исторический очерк // Русское слово. 1859. Август. С. 277–332.
- Сенатский архив. Журналы и определения Правительствующего сената. Т. II. СПб.: Сенатская тип., 1889. 720 с.
- Сенатский архив. Т. XIV. СПб.: Сенатская тип., 1910. 703 с.
- Серов Д. О.* Строители империи. Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996. 262 с.
- Солохин Н. Д., Венцель И. В.* Всеволожье в прошлое. СПб.: Остров, 2005. 103 с.
- [*Степанов А. В.*] Елизавета Петровна, ее происхождение, интимная жизнь и правление. Сочинение А. В. Степанова. Новые материалы по биографии российских коронованных особ, составленные на основании заграничных документов. Т. III. Лондон: [б. и.], 1895. 85 с.
- Строев В. Н.* Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны. Историческое исследование приват-доцента В. Строева. Ч. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Импер. московского ун-та, 1910. 83 с.
- Ульяницкий В. А.* Русские консульства за границу. Исследование. Ч. II. (Приложения). М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. 330 с.
- Фирсов Н. Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование Екатерины II. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. 379 с.
- Фишер К. И.* Записки сенатора К. И. Фишера // Исторический вестник. 1908. Т. CXI. Март. С. 792–821.
- Хавен П. фон.* Путешествие в Россию // *Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб.: БЛИЦ, 1997. 493 с.
- Хавен П. фон.* Путешествие в Россию / пер. с дат., вступл., примеч., коммент. В. Е. Возгрина. СПб.: Изд-во журнала «Всемирное Слово», 2007. 528 с.
- Храповицкий А. В.* Дневник А. В. Храповицкого. 1782–1793. По подлинной его рукописи, с биографической статьею и объяснительным указанием Николая Барсукова. СПб.: А. Ф. Базунов, 1874. 646 с.
- [*Чулков М. Д.*] Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной госуда-

ря императора Петра Великого, и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. I. Кн. I. СПб.: при Импер. Акад. наук, 1781. 564 с.

[*Чулков М.Д.*] Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого, и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. IV. Кн. I. М.: Университетская тип. у Н. Новикова, 1785. 844 с.

Шредер Ф. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу, с историческими указаниями, изданный Ф. Шредером. СПб.: печатано при 1-м Кадетском корпусе, 1820. 252 с.

Шторх П. О государственном долге // Гражданин. 1873. 16 июля. № 29.

Шумилов Н.А. Архангельский родословец: (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли). Архангельск: Правда Севера, 2009. 1087 с.

200-летие Кабинета Его Императорского величества. 1704–1904. Историческое исследование. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильберг, 1911. 695 с.

Шаронова В.Г.*

Деятельность Русско-Китайского банка в г. Нючжуан (Инкоу) в начале XX в.

Аннотация. Статья посвящена истории Русско-Китайского банка (кит. название «Даошэн») в г. Нючжуане (Инкоу) в 1898–1910 гг. Согласно Уставу банка, его целями являлись содействие развитию торговых операций в странах Восточной Азии и их проведение отделениями банка. В 1897 г. в Китае открылись первые отделения Русско-Китайского банка, штаб-квартира которого находилась в Шанхае. Среди «открытых» для иностранцев портов был порт Нючжуан (Инкоу) – к тому времени самый северный порт в Китае, который называли «Ворота Маньчжурии». Успешно действовавшие там Китайские Морская и Джюночная таможи обеспечивали эффективную логистику товаров внешней и внутренней торговли и способствовали росту товарооборота на местном рынке. Учитывая выгодное географическое и экономическое положение порта, здесь в декабре 1897 г. было открыто отделение Русско-Китайского банка, которое стало единственным кредитным учреждением города и пользовалось большой популярностью. С 1900 по 1904 г., в период Временного Русского управления в Нючжуане (Инкоу), здешним градоначальством во главе с российским консулом была выстроена эффективная финансово-экономическая цепочка коммерческой деятельности международного порта, в центре которой находилось отделение Русско-Китайского банка. Большую роль в этом сыграли банковские сотрудники, дипломаты и представители российских и китайских торговых кругов. После поражения в Русско-японской войне местное отделение Русско-Китайского банка было вынуждено перенести свою деятельность в Харбин, а его заместители испытали многочисленные трудности из-за мер, введенных японской администрацией Нючжуана. В 1908 г. в результате совместных действий сотрудников банка и российского консула А.Т. Бельченко нючжуанское отделение банка Даошэн практически восстановило свою «довоенную» работу, которая успешно продолжалась до 1910 г.

Ключевые слова: Русско-Китайский банк (Даошэн), Нючжуан (Инкоу), провинция Южная Маньчжурия, коммерческая деятельность, Императорское консульство России.

Введение

Девятнадцатый век вошел в мировую историю как век активного «освоения» Китая иностранными державами. Российская империя, как и другие государства, была крайне заинтересована в расширении сферы влияния в Дальневосточном регионе, а также в налаживании торгово-экономических связей и сбыта своих товаров. Одним из основных финансовых инструментов, повлиявших на успешное продвижение российских проектов в Поднебесной, стало создание в 1896 г. акционерного Русско-Китайского банка. Открыв свои отделения в Китае, он начал играть важную роль в экономике страны наряду с другими иностранными банками. Учитывая интересы России в Северо-Восточном Китае, работавшие здесь филиалы банка участвовали не только в финансировании строительства Китайской Восточной железной дороги (КВЖД)¹, но и способствовали построению

* Шаронова Виктория Геннадьевна – кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, vsharonova@mail.ru

¹ На китайском языке КВЖД также известна как Восточная Цинская железная дорога, или Железная дорога восточных провинций. Она проходила в четырех провинциях: Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и Внутренняя Монголия.

новой экономической системы местного финансового рынка, а также развитию коммерции.

Целью данной статьи является анализ услуг Русско-Китайского банка, имевших большое значение в укреплении двухсторонних коммерческих контактов и оказавших финансовую помощь в становлении предпринимательской деятельности русских и китайских бизнесменов в китайской провинции Маньчжурия².

Актуальность выбора темы связана с недостаточностью изучения финансовой деятельности Русско-Китайского банка в Китае и его роли как крупнейшего зарубежного банка России.

Предметом исследования является специфика деятельности Русско-Китайского банка в условиях цинского Китая и связанных с этим национальных особенностей финансового рынка страны, объектом – функционирование отделения банка в Нючжуане (1897–1910), расположенного в Южной Маньчжурии. Научная новизна заключается в представленных результатах исследования и введении в научный оборот ранее не опубликованных архивных материалов.

Важнейшим источником при написании статьи стали консульские донесения и отчеты о коммерческой деятельности консульских округов. Эти документы хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (Ф. 143. Китайский стол; Ф. 188. Миссия в Китае) и Российском государственном историческом архиве (Ф. 560. Министерство финансов; Ф. 632. Русско-Китайский банк).

Незначительное число финансовых отчетов Русско-Китайского банка находится в Российской государственной библиотеке (Фонд – FB F 71/123).

Учитывая, что большинство подлинных материалов, касавшихся расчетно-кассовых документов и ссудно-депозитных контрактов Русско-Китайского банка, не сохранились, основная информация о его работе представлена в научных трудах российских и зарубежных историков.

В отечественной науке вопросами изучения истории российской банковской системы и ее роли во внешней политике императорской России в Цинском Китае занимались представители «школ» – петербургской и московской.

Наиболее значимыми по данной тематике являются труды Б.А. Романова³. В них на основе анализа большого массива архивных материалов исследована проблема вывоза российского капитала в Маньчжурию в условиях конкуренции империалистических держав за сферы влияния на Дальнем Востоке⁴.

Ученик Б.А. Романова, Б.В. Ананьич⁵, имевший научные интересы в области экономической и финансовой политики дореволюционной России, в своих публикациях уделил особое внимание системе государственных займов, ко-

---

² Далее – Маньчжурия.

³ Романов Борис Александрович (29.01.1889, СПб. – 18.07.1957, Ленинград) – советский ученый, доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета.

⁴ Романов Б.А.: 1) Россия в Маньчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928; 2) Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907), М.; Л., 1947.

⁵ Ананьич Б.В.: 1) Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970; 2) Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного

торые империя размещала за границей. Ряд работ ученый посвятил вопросам развития банковского предпринимательства и деятельности министра финансов С.Ю. Витте.

Большое значение для изучения рассматриваемой темы имеют труды В.И. Бovyкина⁶, исследовавшего вопросы экономической истории России. В его совместной с Ю.А. Петровым работе⁷ представлена история крупнейших российских коммерческих банков Москвы и Петербурга последней трети XIX – начала XX в.

Ю.А. Петров⁸ посвятил одну из своих статей роли и значению деятельности Русско-Китайского банка в Китае.

Среди историков-китаеведов роль Русско-Китайского банка во внешней политике России на Дальнем Востоке исследовал В.С. Мясников⁹, изучив при этом публикации китайских коллег, посвященные данной тематике.

Современные китайские историки тоже изучают проблемы экономической деятельности царской России в Поднебесной. Работе отделения Русско-Китайского банка в Шанхае посвящены статьи молодого ученого Сунь Ичжи (выпускник Санкт-Петербургского университета). Одна из них повествует о выпуске металлической монеты и управлении финансовыми потоками денежных средств, которые проходили по банковским расчетным счетам. В другой публикации Сунь Ичжи, написанной в соавторстве с историком Ян Миньсянем, подробно рассмотрены пункты заключенного между царской Россией и Цинским Китаем банковского контракта относительно участия китайского правительства в формировании денежного капитала банка¹⁰. Данная работа подготовлена на основе архивных материалов, хранящихся в архивах Тайваня, недоступных для широкого круга исследователей.

За последние годы количество научных публикаций, посвященных деятельности Русско-Китайского банка, значительно возросло. Такой интерес, проявленный российскими и зарубежными учеными, позволяет надеяться на появление новых исследовательских работ в области экономической истории России. В настоящее время в Институте российской истории РАН на базе Центра экономической истории планируется создание совместного российско-китайского проекта, посвященного всестороннему анализу прак-

---

предпринимательства. М., 2006; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.

⁶ Бovyкин Валерий Иванович (7.01.1927. Ростов-н/Д. – 10.09.1998, Барселона, Испания) – советский и российский историк, специалист в области экономической истории России, доктор исторических наук, профессор Московского университета.

⁷ *Бovyкин В.И., Петров Ю.А.* Коммерческие банки Российской империи. М., 1994.

⁸ *Петров Ю.А.* Российские банки в Китае в конце XIX – начале XX века: к 110-летию основания Русско-Китайского банка // Вестник Банка России. 2006. № 18. С. 47–51.

⁹ *Мясников В.С.* Кастальский ключ китаеведа. Т. 3: Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений / ИНИОН РАН. М., 2014.

¹⁰ *Сунь Ичжи.* Эмиссионная политика Русско-Китайского (Азиатского) банка в Китае в конце XIX – начале XX вв. // Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб., 2018. С. 334–337; *Сунь Ичжи, Ян Миньсян.* Банковский контракт 1896 г. и русско-китайский финансовый проект конца XIX – начала XX в. // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 4. С. 1098–1118.

тической деятельности в Китае Русско-Китайского банка и его преемника – Русско-Азиатского банка (1896–1926).

История русско-китайских отношений в XIX в.

Название государства Китай на ряде языков звучит, как «China», корень которого «chin», предположительно, происходит от фамилии первой императорской династии – «Цинь», а русское наименование – от уйгурского слова «Kytai». Сами китайцы называют родину «Чжунго», что в переводе означает «Срединное государство (中國)».

Начиная с XIX в. Китай на самом деле стал «Срединным», т.к. здесь, посредине Земного шара, встретились экономические и политические интересы Европы, Америки и Японии. С 1842 г. по 1860 гг. между Цинским государством и рядом европейских держав, в том числе Россией, были подписаны договоры, касавшиеся более 80-ти китайских портов, получивших статус открытых для иностранной торговли: Шанхай, Кантон, Нючжуан – Инкоу, Ханькоу, Тяньцзинь и др. Продвижение коммерческих интересов подразумевало также расширение политического влияния на китайской территории.

В отличие от своих конкурентов Россия отставала в этом вопросе по причине отсутствия современных транспортных путей и организации эффективной логистики. В результате тормозилось развитие не только внешней, но и внутренней торговли. Стремление исправить такое положение явилось важным стимулом для ускорения железнодорожного строительства, в том числе Транссибирской магистрали. Как вспоминал С.Ю. Витте, «...с помощью этой железной дороги Император Александр III желал достигнуть кратчайшего соединения одной из наших окраин – Приморской Области с Россией. Иначе говоря, вся великая Сибирская дорога имела в глазах Императора Александра III, а также и в глазах Императора Николая II только экономическое значение»¹¹. 29 марта 1891 г. Александр III подписал указ о строительстве Транссибирской железной дороги, имевшей большое значение для активной борьбы за рынки сбыта на Дальнем Востоке.

Состоявшийся в апреле того же года визит наследника цесаревича Николая Романова в китайский город Ханькоу способствовал расширению русско-китайских контактов по многим направлениям взаимного сотрудничества. Однако главными темами встречи с наместником провинции Чжили Чжан Чжидуном стали обсуждение торгово-экономических проблем, особенно в области чайной торговли, а также создание совместных финансовых учреждений и получение Россией территорий под концессии в крупных торговых портах. Не обошлось и без рассмотрения вопросов, связанных с взаимной безопасностью и границами.

В поездке цесаревича сопровождал князь Э.Э. Ухтомский, сыгравший значительную роль в реализации намеченных проектов. На всех переговорах наследника сопровождал генеральный консул императорской России в Хань-

---

¹¹ Витте С. Воспоминания: в 3 т. М., 2022. С. 373.

коу П.А. Дмитриевский¹², ставший одним из главных сподвижников будущего российского императора. Для организации протокольных мероприятий в Ханькоу приехали российские дипломаты, среди которых был Д.Д. Покотиллов, назначенный управляющим Российского консульства в г. Фучжоу – центре чайной торговли на юге страны¹³. Посещение цесаревичем Ханькоу прошло на самом высоком уровне и благодаря достигнутым договоренностям стало одним из главных визитов во время дальневосточного путешествия.

21 ноября 1892 г. состоялось учрежденное Александром III Особое Совещание, на котором рассматривалась записка управляющего Министерством финансов о способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути. С.Ю. Витте выступил с предложением: используя кратчайший путь между Забайкальем и Уссурийским краем, проложить железную дорогу по территории Маньчжурии. «Постройка такой ветки, – писал он, – не могла встретить серьезных препятствий в будущем, а в этом случае наши торговые обороты с Китаем стали бы расширяться очень успешно, обеспечивая в то же время увеличение доходности магистральной Сибирской линии и усиливая наше значение в международной торговле»¹⁴.

Этот вариант способствовал бы сокращению как затрат, так и сроков строительства, поскольку расстояние магистрали сократилось бы на 600 верст. Оставалось найти повод, чтобы договориться с китайской стороной.

14 января 1893 г. рескриптом Александра III наследник-цесаревич (будущий император Николай II) был назначен председателем Комитета Сибирской железной дороги. Видимо, уже тогда он готовился к реализации плана, по которому Россия благодаря строительству новой магистрали смогла бы стать сильной морской державой на Тихом океане (сопоставляя это с «прорубанием окна в Европу» Петра I)¹⁵.

После восшествия на престол в ноябре 1894 г. император Николай II дал поручение о разработке Большой Азиатской программы, основными целями которой были продвижение России на Восток и мирное завоевание Маньчжурии. «В то время, – писал С.Ю. Витте, – вопросами Дальнего Востока занимался исключительно я. Государь Император желал вообще распространить влияние России на Дальний Восток и увлекался этой идеей именно потому, что в первый раз он вышел, так сказать, на свободу поездкою на Дальний Восток. Но, конечно, в то время у него никакой определенной программы не сложилось; было лишь только стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами»¹⁶.

Поводом для возвращения к идее строительства части железной дороги по территории Маньчжурии стало поражение Китая в войне с Японией (1894–

¹² Находясь в Ханькоу, будущий царь стал крестным отцом сына генерального консула Павла Андреевича Дмитриевского – Николая Дмитриевского, ставшего в СССР известным художником (погиб после пребывания в Бутовской тюрьме в 1937 г.).

¹³ В Фучжоу Д.Д. Покотиллов находился до октября 1892 г. Затем он был вызван в Петербург и направлен в Канаду для изучения опыта железнодорожного строительства.

¹⁴ Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. С. 293.

¹⁵ Подробнее см.: Самойлов Н.А. Российские планы организации городом Дальний на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 4. Ч. I. С. 145.

¹⁶ Витте С. Воспоминания. С. 370.

1895). Обеспокоенная ходом переговоров воюющих стран, состоявшихся во время короткого перемирия, Россия решила вмешаться, поскольку условия, выдвинутые Китаю Японией, угрожали ее национальным интересам. Победитель требовал передачи в качестве военного трофея части китайских владений, находившихся в непосредственной близости с границами Российской империи. «...Япония получала территорию на Китайском материке, и благодаря этому приблизилась к нам в том смысле, что наши приморские владения, Приморский край прежде отделялся от Японии морем, а теперь Япония переходила уже на материк и завязывала интересы на материке, на том самом материке, где были и наши весьма существенные интересы, а потому являлся вопрос: как же поступить?», – рассуждал С.Ю. Витте¹⁷.

России, Германии и Франции (Тройственному союзу) удалось договориться с Японией о замене захвата территории Китая в обмен на увеличение размеров контрибуции. После подписания в апреле 1895 г. Симоносекского договора перед Китаем встал вопрос поиска финансовых средств для выплаты непосильной контрибуции. И здесь на помощь пришла Россия, которая согласилась помочь своему соседу путем предоставления долгосрочного займа на выгодных условиях. В том же году «в обстановке острейшей конкурентной борьбы отдельных компаний и лиц за китайский рынок в Петербурге родилась идея создания Русско-Китайского банка¹⁸. Участие в нем французского капитала было непосредственно связано с предоставлением Россией цинскому правительству в том же году первого крупного (400 млн фр.) займа»¹⁹.

В число акционеров нового банка вошли ведущие российские и французские банки; среди физических лиц крупнейшим акционером стал А.Ю. Ротштейн – доверенное лицо С.Ю. Витте. Цели и формы деятельности Русско-Китайского банка (к 1896 г. его основной капитал составил 6 млн руб.) были отражены в его Уставе, утвержденном Николаем II 10 декабря 1895 г. Председателем правления банка был избран князь Э.Э. Ухтомский, а главой директора его Пекинского отделения назначен Д.Д. Покотилов²⁰. Он сразу же уехал в Китай для организации на месте нового кредитно-финансового учреждения, а с января 1897 г. стал официальным агентом Министерства финансов в Китае. Покотилова, ближайшего помощника министра финансов, называли «глаза и уши Витте» на Дальнем Востоке. Штаб-квартира Русско-Китайского банка располагалась в г. Шанхае, ставшего к тому времени одним из главных центров коммерческого мира Китая. Для представления российских интересов здесь же в 1896 г. было открыто штатное Генеральное консульство Российской империи во главе с известным опытным дипломатом – П.А. Дмитриевским.

В мае того же года в Москве и Петербурге состоялись праздничные мероприятия по случаю коронации императора Николая II и его супруги Александры Федоровны. Одним из главных гостей стал прибывший заранее в Россию

¹⁷ Витте С. Воспоминания. С. 370.

¹⁸ Китайское название банка звучало «Даошен» (道胜), в переводе – «Победа в истине».

¹⁹ Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. С. 300.

²⁰ Персона Д.Д. Покотилова, имевшего французские корни по линии матери Е.Г. Покотиловой (урожд. Шарон), устраивала всех акционеров банка.

высокопоставленный китайский чиновник Ли Хунчжан²¹. За время его пребывания в Москве министр финансов провел с ним несколько переговоров, на которых тщательно соблюдал китайские обычаи, чтобы расположить гостя и к себе, и к удачному разговору. Участие в коронации важного сановника Ли Хунчжана рассматривалось в России как проявление уважения «Китая нашему молодому Императору за оказанную им Китаю услугу, в том смысле, что благодаря нашему Государю была спасена целость китайской территории, а потом благодарность за оказанную нами помощь в денежных делах Китая»²². От взаимных церемоний и благодарностей политики перешли к обсуждению тревожившего столько времени Витте вопроса о «маньчжурском звене» Сибирского пути.

В результате успешных переговоров 22 мая был подписан Секретный союзный русско-китайский договор «о русской военной поддержке ему (Китаю. — *В.Ш.*) и Корею против Японии на условии предоставления Русско-Китайскому банку концессии на постройку железной дороги к Владивостоку по маньчжурской территории (о русской правительственной ж.д. китайцы и слышать не хотели) <...> Наконец, если на этот раз никак не было оформлено право на проведение ветви от магистрали КВЖД к одному из южно-маньчжурских портов, то не потому, что об этом и не заговаривали (Витте затрагивал этот вопрос с Ли Хунчжаном), а потому, что не захотели принять для нее узкую колею, как настаивали китайцы»²³.

Право финансирования строительства и эксплуатации КВЖД было предоставлено Русско-Китайскому банку. Кроме того, предусматривалось учреждение акционерного общества Китайской Восточной железной дороги, акционерный капитал которого в 1900 г. составил 5 млн руб. Весь пакет акций (1 тыс.) принадлежал Государственному банку. Обществу КВЖД был предоставлен ряд привилегий: «безусловное и исключительное управление своими землями; право сооружения телеграфа»; освобождение от налогов; свобода от контроля со стороны китайского правительства (состав правления КВЖД утверждался министром финансов Российской империи)²⁴.

После подписания договоров Россия стала «осваивать» не только арендованные земли, но и финансовый рынок своего «соседа».

Особенности денежного обращения и банковской системы Китая в XIX в.

Денежное обращение в Поднебесной имело специфические особенности, было крайне запутанным, т.к. здесь существовала платежная система расчетов с использованием серебряных слитков. Для крупных денежных расчетов ис-

²¹ Ли Хунчжан (李鴻章, *Li Hóngzhāng* – 15.02. 1823, Хэфей, пров. Аньхой – 7.11.1901, Пекин) – выдающийся китайский государственный деятель XIX в., проводивший политику модернизации Китая.

²² *Витте С.* Воспоминания. С. 372.

²³ *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны... С. 41.

²⁴ *Петров Ю.А.* Российские банки в Китае в конце XIX – начале XX в. // Вестник Банка России. 2006. № 18(888). 29 марта. URL: http://fox-notes.ru/spravka/fn_st0049.htm (дата обращения: 11.02.2023).

пользовались слитки серебра, которые «назывались “юань бао 元寶” (ямб), т.е. «юаньская драгоценность», т.к. подобные слитки стали изготавливать со времен монгольской династии Юань 元 (1264–1368). На англо-китайском жаргоне, употребляемом в китайских портах, слитки назывались «*syssse*», от китайского слова «си-сы 細絲», т.е. тонкий шелк»²⁵.

Слитки изготавливались китайскими банкирами и менялами из высокопробного серебра и были разных размеров, в зависимости от веса. Наиболее часто использовались слитки 50 лян (таэль), весом около 1875 гр, которые при необходимости для проведения платежей могли разрезать на более мелкие части. На рынках также «ходили» маленькие слитки, весом в 10 и 5 лян. Слитки отличались как по весу, так и по доле драгоценных металлов в их составе и имели разные пробы, что снижало их стоимость. Для качества слитков существовали специальные оценочные конторы, помогавшие покупателям разобраться в оплате их покупок.

Ляном или таэлем называлась и основная денежная единица Китая середины XIX – начала XX в. Она равнялась 10 мао или 100 фыням. Содержание серебра в ляне варьировалось в зависимости от типа монеты (всего их было около 180). Самыми распространенными лянми были купинский (казначейский; 37,3 гр серебра), хайгуанский (таможенный; 37,7) и шанхайский (33,74).

Поскольку единой денежной системы в Китае не существовало, то некоторые провинции имели свои ляны, что значительно затрудняло расчеты торговцев. В Маньчжурии использовалось «такое же разнообразие мер на серебро, как и в других областях империи. По данным статьи “*Currency and Measury*” <...> 1890 г. в Нючжуане и Южной Маньчжурии – в употреблении использовался инкоусский лян – инь – пин 營平, первый иероглиф которого был образован от названия места Инкоу 營口»²⁶.

Для расчетов китайские коммерсанты использовали таможенный лян, который являлся основой для других местных таэлей и был равен 1,20666 тройских унций чистого серебра. Например, в Отчетах по счету доходов Китайских Морских таможен в Нючжуане (Инкоу) все суммы поступлений указывались в двух валютах: таможенных ланях и местных инкоусских лянях.

В Маньчжурии использовались и бумажные билеты. Их отличительной чертой являлось то, что они отрывались от корешков в книге, и подлинность их могла быть удостоверена по знакам и печатям, выставленным на полях билетов, которые должны были соответствовать знакам и печатям на корешках.

В Китае был также популярен серебряный мексиканский доллар, названный китайцами «орлиный доллар».

К моменту начала работы Русско-Китайского банка в портовых городах Китая открыли свои офисы несколько зарубежных банков: *Oriental Bank Corporation* (東藩匯理銀行), Великобритания (1845); *Hong Kong and Shanghai Banking Corporation* (HSBC) (香港上海匯豐銀行), Великобритания (1865); в 1890-е гг. – *Немецко-Азиатский Банк* (德華銀行), Германия;

²⁵ Покотилов Д.Д. Некоторые данные о мерах веса и пробах серебра, обращающегося на шанхайском, тьянь-цзиньском, пекинском и маньчжурских денежных рынках. СПб., 1897. С. 1.

²⁶ Там же. С. 7.

Yokohama Bank (橫濱正金銀行), Япония; *Banquedel 'Indochine* (東方匯理銀行), Франция.

Иностранные банки в Китае пользовались экстерриториальными правами; контролировали международные денежные переводы; финансировали развитие внешней и внутренней торговли; проводили эмиссионные операции по выпуску банкнот; открывали депозиты и выдавали кредиты физическим и юридическим лицам; не подчинялись национальным законам и не контролировались правительством.

В 1897 г. в Шанхае был открыт первый национальный коммерческий банк – Имперский банк Китая (中通通商銀行), созданный по образцу зарубежных банков. Несмотря на то, что это учреждение основал местный гражданин Шэн Сюаньхуай, весь его менеджмент, включая управляющего, был иностранным.

В стране до открытия первого коммерческого банка действовали прообразы кредитных учреждений: пiao-xiao – переводные конторы (шаньсийские банки) и цяньюэцзюань – меняльные лавки, работавшие круглосуточно. Большинство меняльных лавок вели локальный бизнес и занимались операциями по обмену денег, выпуском банкнот и учетом векселей местных предпринимателей. Для активного поиска новых клиентов в штате состояли специальные опытные сотрудники, предлагавшие фирмам услуги по предоставлению кредита. В традиционном понимании китайских предпринимателей предоставление обеспечения при получении кредита рассматривалось как неблагоприятный знак их кредитного статуса. Клиенты чувствовали себя оскорбленными, если от них требовали залог²⁷.

Несмотря на то, что услуги предоставлялись хорошим знакомым и богатым клиентам, выданные необеспеченные кредиты несли высокие риски и нередко приводили к банкротству кредиторов. В новых экономических условиях, с середины XIX в., подобные банковские учреждения не были готовы оказывать требуемые клиентам услуги, особенно в проведении внешних торгово-экономических операций.

Учитывая специфику денежного обращения на местном рынке, зарубежные банки активно проводили эмиссионные операции по выпуску банкнот, которые осуществлялись без согласования с китайскими финансовыми органами. По данным петербургского ученого Е.Н. Чебаненко, «на долю иностранных банков приходилось в разные периоды времени и по разным оценкам от 30 до 70% от общего количества выпущенных банкнот»²⁸.

В связи с поражением Китая в опиумных войнах им были подписаны договоры с рядом иностранных государств, условия которых привели к «искусственным» изменениям в экономике страны. Открытие иностранных банков, проводимая ими эмиссионная и кредитная политика позволяют констатировать, что модернизация китайской экономики «в XIX – первой половине XX вв. развивалась не под воздействием самостоятельно протекавших в обще-

²⁷ Чебаненко Е.Н. Основные направления эволюции банковской системы Китая // Экономика и управление. 2012. № 7(81). С. 64.

²⁸ Там же. С. 65.

стве процессов, а прежде всего в результате влияния западных держав, в условиях незавершенности этапа первоначального накопления капитала, складывания внутреннего рынка»²⁹.

Краткая история порта Нючжуан (Инкоу)

Одним из первых городов Китая, выбранных для открытия на их территории отделения Русско-Китайского банка, стал старинный г. Инкоу, переименованный британцами в Нючжуан и принявший на себя все особенности трактатного порта³⁰.

В отличие от старого Нючжуана, расположенного в 40 милях вверх по р. Ляохэ, новый Нючжуан (Инкоу) имел более удачное расположение для фрахтования судов и являлся подобно Шанхаю и Ханькоу центром коммерческой деятельности. В официальных документах указывалось название Нючжуан, но в обиходе использовались оба названия. К началу 1930-х гг. к городу полностью вернулось прежнее название Инкоу, которое он носит до настоящего времени.

Первые европейские поселения появились в городе после посещения его соединенным английским флотом. Особенностью коммерческой деятельности Инкоу была «джоночная»³¹ торговля, позволявшая перевозить большое количество грузов на лодках по р. Ляохэ. Учитывая, что в то время Инкоу являлся единственным в регионе портом, его называли «Ворота Маньчжурии».

Как писал российский посланник в Пекине Д.Д. Покотилов, «Ню-чжуан, как самый северный из портов, ближайший к русской территории, является, в настоящее время, важнейшим посредником иностранной торговли Маньчжурии и должен, в силу этого, сделаться конкурентом нашего Владивостока с его будущей коммерческой деятельностью по отношению к той же стране»³².

В порт Нючжуан ввозили товары двух категорий:

— *китайские*, где главное место занимали «да чибу» — бумажная материя нанка³³; «хун-тан» — сахар из Фуцзянской провинции; «хай-чжи» — бумага для сжигания по умершим, которую, в основном завозили на джонках; «ляньдоуван» — с давних пор употребляемые в Маньчжурии чашки из Фуцзянской про-

---

²⁹ Романова Г.Н. Экономическая модернизация Китая XIX — первой половины XX вв. в оценке отечественной и зарубежной историографии // Известия Восточного института. 2016. 2(30). С. 34.

³⁰ Порт Нючжуан был получен европейскими державами для ведения в нем иностранной торговли по Тяньцзинскому трактату 1858 г. Поскольку изменить название города на Инкоу в договоре не представлялось возможным, то его стали называть Нючжуан.

³¹ Джонка — традиционное китайское парусное судно для плавания по рекам и вблизи морского побережья, которое использовалась в качестве торгового судна и рыболовства.

³² Покотилов Д.Д. Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. Ч. 1—2. СПб., 1895. С. 2.

³³ Нанка (от слова «Нанкин») — гладкая, плотная бумажная ткань, буровато-желтого цвета, выделяемая в провинции Цзянсу из хлопка, отличающегося желтым оттенком. Будучи дешевым, полотно завоевало популярность у людей с невысоким достатком. Материал стали производить в Европе, а в XIX в. — в России, где он был известен как «хлопчатобумажная чесуча» или «китайка».

винции; продукты местного производства – консервированные яйца, соленая и сухая рыба, зерно, а также циновки, бамбуковые жерди;

– *иностранные* (хлопчато-бумажные ткани, металл, уголь, лес, мука, спички, керосин, папиросы, мыло, сахар, пиво) – непосредственно из других стран, а также из китайских портов.

Главными предметами *вывозной торговли* были бобы, бобовые жмых и масло, меха, шкурки, дикий шелк-сырец.

Береговая торговля включала в себя обмен товарами маньчжурского производства: бобов, пшеницы, муки.

Благодаря такому широкому рынку продажи товаров местная деловая культура находилась под влиянием китайских и западных традиций, и кроме Инкоу в Маньчжурии не было городов, где бы так активно присутствовали зарубежные коммерсанты.

К началу 1890-х гг. в городе проживали около 60 тыс. чел., из которых почти 150 составляли иностранцы (50% – британцы). Среди других зарубежных держав, имевших здесь свои коммерческие интересы и достигших больших успехов, были Япония и Америка, которые научились договариваться с Британией о продвижении своей торговли в новом Нючжуане. Здесь были открыты иностранные консульства, а также действовали китайские таможи – Морские (руководил ими Роберт Харта) и Джоночная (местный даотай, т.е. глава города). В крупном торговом центре Маньчжурии не хватало лишь банка.

Русские коммерсанты появились в порту в 1889 г. для реализации русского керосина, объемы продаж которого составляли 18 тыс. галл. на сумму 3 296 руб. мет., а в 1892 г. – возросли до 288 тыс. галл. Однако в дальнейшем спрос резко упал – до ввезенных в 1892 г. 1000 галл. По сообщениям местных торговцев, причина заключалась в том, что «русский керосин поступает на рынок в крайне неудовлетворительной упаковке и притом самого различного качества, так что несмотря на то, что жестянка его (вместимостью в 10 галл.) обходилась от 15 до 30 коп. мет. дешевле американского, купцы предпочитали выписывать последний»³⁴.

Из русских товаров, кроме керосина, в Нючжуане было популярно сукно Товарищества мануфактур «Викула Морозов с сыновьями», которое вскоре из-за долгой доставки было вытеснено итальянским.

Первые упоминания о русской морской капусте появились на здешнем рынке в 1882 г., «когда ее было ввезено не более 1.500 пудов, и с этого года ввоз ее начинает с каждым годом возрастать, достигнув в 1888 г. 254 тыс. пуд. на сумму 106 тыс. руб. мет. Продукт этот значительно распространен среди беднейшего класса населения, который потребляет его как овощ»³⁵. Однако из-за конкуренции и отсутствия системы доставки товаров, сильного развития русская торговля здесь не получила.

Союзный договор с Китаем 1896 г., постройка КВЖД, Конвенция 1898 г. об аренде части полуострова Ляодун с портами Люйшуньюкоу (Порт-Артур), Дальянь (Дальний) способствовали проникновению русских на юг Маньчжурии.

³⁴ Покотилов Д.Д. Китайские порты... С. 6.

³⁵ Там же.

В проекте постройки Южной ветки КВЖД предполагалась прокладка небольшой ветки (22 км), отходящей от будущей станции Дацзицзяо (КВЖД) до станции Инкоу (Нюцзятунь)³⁶ для ускорения доставки оттуда различных строительных материалов в Порт-Артур и Дальний.

В начале 1897 г. сюда прибыли первые строители и инженерная группа (М.Г. Титов и Ф.Б. Петерсен), которые определили место строительства будущей станции и возвели около него рабочий поселок. Руководителем строительного участка был назначен Ф.О. Гиршман³⁷, который отвечал за постройку Южной ветки КВЖД.

Интересы России требовали учреждения в Инкоу дипломатического представительства. Его открыли в июле 1898 г., после прибытия сюда российского императорского консула А.Н. Тимченко-Островерхова³⁸.

С этого момента город на несколько лет стал точкой опоры российского влияния в Южной Маньчжурии и местом пересечения интересов России, Великобритании и Японии.

Русско-Китайский банк в Нючжуане (1897–1904)

Как писал Д.Д. Покотилов, еще в 1895 г. в Инкоу не было ни одного иностранного банка: «Ввиду сравнительно незначительного развития до сего времени коммерческих оборотов Ню-чжуаня, в этом порту не открыто ни одного отделения какого-либо иностранного банка. Вследствие этого, торговля здесь носит до некоторой степени меновой характер: купцу, продающему здесь ввозные товары, уплачивается кредитивами на один из местных китайских банков»³⁹. В этой связи открытие отделения Русско-Китайского банка имело большое значение не только для финансирования постройки железной дороги, но и для местной коммерции.

В конце 1897 г. банк начал свою работу, поставив во главе двух авторитетных лиц Инкоу: коммерсанта Генри Буша (Henry A. Bush) — на должность агента и банкира Ф. Маккалума — исполнительного директора. Генри Буш был одним из «китов» местного коммерческого рынка. Он являлся владельцем торговой компании «Bush Brothers, Merchants, Commission Agents», которая занималась не только собственным бизнесом (поставками и обработкой бобов)⁴⁰, но и представляла интересы более 35-ти иностранных торговых и логистиче-

---

³⁶ Эта ветка частично сохранилась, но находится в нерабочем состоянии и расположена в заросших кустами полях в пригороде Инкоу.

³⁷ Гиршман (Hierschmann) Феофил Осипович (†14.03. 1916, СПб.) — инженер путей сообщения; с 1903 г. — начальник Южного отделения КВЖД в Порт-Артуре; в России был членом правления Русского акционерного общества бурения скважин «Робур» и председателем правления Техно-горнопромышленного акционерного общества «Техногор»; скончался в Петербурге, похоронен на Смоленском лютеранском кладбище.

³⁸ Тимченко-Островерхов Андрей Николаевич (1863, Тамбов — 1920, Кантон, Китай) — российский дипломат, возглавлял Российские императорские консульства в Инкоу, Ханькоу и Кантоне.

³⁹ Покотилов Д.Д. Китайские порты... С. 2.

⁴⁰ Существующая до настоящего времени в США компания «Bush Brothers and Company» по производству консервированных бобов была открыта в 1908 г. родственниками Генри Буша.

ских организаций, в том числе являлась агентом российских транспортных компаний «M. Sheveleff & Co»⁴¹ (Владивосток) и «Russian Steam Nav. Cointhe East» (Одесса)⁴².

12 января 1898 г. в ознаменование открытия отделения Русско-Китайского банка в Нючжуане состоялся торжественный рождественский прием, на котором присутствовало все высшее общество города. Одна из британских газет, выходявших в Китае, подробно осветила это событие. В частности автор публикации писал: «На каждой программке был нарисован китайский флаг слева и русский справа, с крупными золотыми буквами РСВ. Ужин прошел великолепно. На меню были изображены китайский иероглиф “удача” (福), ниже подкова, два скрещенных флага, программа насчитывала 14 номеров, включая танцы, в которых принимали представительницы прекрасного пола»⁴³.

Поскольку российские дипломаты не присутствовали на приеме, главную речь произнес комиссионер Китайских Морских таможен в Инкоу Уолтер Т. Лэй (Walter T. Lay). Он подчеркнул, что за 16 лет работы в порту он хорошо узнал мистера Буша, считает его «крепким орешком» и первоклассным бизнесменом, хорошо знающим китайский язык и Китай, который прекрасно подходит для должности агента Русско-Китайского банка. Мистера Ф.К. Макколуме (Маккольме) он назвал сильным специалистом в бухгалтерии, каких трудно найти. В заключение У. Лэй сказал, что с такими представителями Русско-Китайский банк будет только процветать.

Сотрудником банка также стал сын еще одного видного британского коммерческого деятеля Инкоу Джона Бандинеля – Рональд. В руках Д. Бандинеля была сосредоточена организация торговой сети города, в центре которой находилась его собственная компания «J.J. Vandinel & Co» (торговля, логистика), являвшаяся агентом многих иностранных компаний. Одновременно Д. Бандинель исполнял обязанности консулов ряда европейских стран.

Должность счетовода занимал тоже британец, принявший российское подданство – Василий Васильевич Брэй (Braye William Henry), а бухгалтера – поляк Брейво Андрей – Иван Викентьевич. Российское начальство в лице Д.Д. Покотилова находилось в Пекине, и общение с ним происходило только шифрованными телеграммами или получением депеш через Императорское консульство России.

В открытом порту Нючжуане главными представителями бизнеса были компании: британские – «Butterfield & Swire» (сетевая), «Bush Brothers», «Clarkson & Co»; американская – «American Trading Company» и др.

Но самым «лакомым куском» для российского банка стало отделение Китайских Морских таможен: «Министерство финансов стремилось вне зависимости от ситуации с учреждением китайского банка, добиться от пекинских властей разрешения проводить через Русско-Китайский банк таможенные

⁴¹ Шевелев Михаил Григорьевич (5.08.1844, Верхнеудинск – 8.11.1903, Владивосток) в 1880 г. основал (при помощи правительства) первое морское пароходство на Дальнем Востоке – судопходную компанию «М. Шевелев и К°».

⁴² Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ); учреждено в августе 1856 г.

⁴³ The North-China Herald and Supreme Court & Consular Gazette. China. Shanghai, 1898. Feb. 7. Pg. 191.

платежи. Интерес здесь был двояким: допуск к этим потокам денег позволял отчасти контролировать их, кроме того, для банка это являлось верным источником заработка»⁴⁴.

В Нючжуане такая возможность была наиболее подходящей, и Императорское консульство в лице консула А.Н. Тимченко-Островерхова активно лоббировало данный вопрос. В 1899 г. в контору Китайских Морских таможен в качестве инспектора приняли А.Л. Малченко. Представители Морской таможни, во главе с Робертом Хартом, всячески препятствовали трудоустройству на службу российских подданных. Для них устраивались долгие стажировки и сложные экзамены в Лондоне, имелись возрастные и иные ограничения. К концу XIX в. только пятерых русских служащих допустили до работы в Китае. Отметим, что все они были или выпускниками, или студентами петербургских вузов. Александр Леонтьевич Малченко, уроженец Уржумского уезда Вятской губ., успешно окончивший Казанское реальное училище, а в 1895 г. и Петербургский технологический институт⁴⁵, стал одним из самых заметных фигур в руководстве нючжуанского отделения Китайских Морских таможен.

Среди основных российских клиентов отделения Российско-Китайского банка в Нючжуане (Инкоу) можно назвать местное отделение КВЖД, осуществлявшее финансирование строительства станции и ветки ж.д., и Российское императорское консульство.

Характеризуя данный этап работы Русско-Китайского банка, отметим, что его основной задачей было корпоративное обслуживание крупных иностранных компаний, осуществлявших платежи по контрактам и переводы в свои филиалы в Китае и за границу. Владельцы фирм размещали в банке депозиты, осуществляли конверсионные операции и частные переводы. В руководстве банка также участвовали главы данных крупных компаний и члены их семей. Все это позволило привлечь на текущие счета иностранные капиталы, укрепив тем самым финансовую устойчивость кредитного учреждения.

В тот период русское правительство приняло решение основать в Инкоу концессию, аналогичную той, что была в Ханькоу. Консул Тимченко-Островерхов получил задание о приобретении в городе земельных участков для будущей концессии, но в дальнейшем правительство отказалось от этой идеи. Участок для строительства станции и зоны отчуждения вдоль железной дороги был успешно приобретен, о чем консул доложил секретной телеграмме: «Сегодня кончено дело второго отчуждения, получены купчая и уплачены деньги владельцам земли»⁴⁶. Все сделки по приобретению недвижимости проходили через Русско-Китайский банк, в котором получатель платежа также открывал счета.

Дальнейшая деятельность банка в Китае обещала быть стабильной и прибыльной, однако, последующие трагические события 1899–1901 гг. помешали

---

⁴⁴ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 170.

⁴⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 492. Оп. 2. Д. 3650. Л. 3, 10, 16.

⁴⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 188. Оп. 761. Д. 836. С. 56.

этому процессу. В Южной Маньчжурии бушевала эпидемия чумы, заставившая многих жителей покинуть Нючжуан – эпицентр страшной болезни. Из города уехали и строители железнодорожной ветки – они успели построить станцию Нюцзятун (Инкоу) и начать прокладку железнодорожного полотна до ст. Дашицзяо.

В 1898 г. началось восстание ихэтуаней (Боксерское восстание), поднятое китайцами против иностранного присутствия в стране. В ночь с 18 на 19 июня 1900 г. в столице Поднебесной состоялось заседание Большого богдыханского совета, на котором правящая верхушка решила поддержать антииностранное восстание. По окончании Цы Си пригласила на аудиенцию вождей ихэтуаней. Она предложила включить повстанцев в созданные для борьбы с «заморскими дьяволами» добровольческие отряды (туани) во главе с маньчжурскими князьями и принцами. 13–14-тысячные отряды повстанцев вошли в Пекин, Тяньцзинь и заняли ряд других крупных городов с единственной целью – изгнать оттуда оккупантов⁴⁷.

После подписания 20 июня императорского указа об объявлении войны империалистическим державам в Маньчжурии начались боевые действия, во время которых регулярные китайские войска совершили ряд нападений на полосу отчуждения КВЖД. К кону июля 1900 г. ихэтуани подошли к Нючжуану, что вызвало в городе тревогу и панику. 22 июля ихэтуани и части китайских регулярных войск атаковали станцию Нюцзятун и расположенный рядом Русский поселок. Русские войска вступили в бой, а находившаяся на рейде канонерская лодка «Гремящая», пришвартованная ниже по течению от Русско-Китайского банка, открыла огонь по китайским войскам. В результате этой атаки китайская регулярная армия бросилась бежать. 23 июля в Инкоу прибыл на Дальнем Востоке генерал-адъютант Е.И. Алексеев, главной задачей которого было введение в открытом договорном порту русского градоначальства, которое способствовало бы установлению в городе порядка и обеспечило бы безопасность жителей. Осуществление этой процедуры осложнялось действующими статьями международного права, поскольку порт Инкоу был трактатный. К тому же эти действия вызывали беспокойство иностранных консулов и чинов англо-китайской таможни. 27 июля Е.И. Алексеев подписал «*Положение о временном Императорском Российском управлении портом Нючжуана*». Градоначальником был назначен консул А.Н. Тимченко-Островерхов.

Положение состояло из 12 пунктов, в частности, в нем указывалось, что градоначальник Инкоу назначался главным начальником Квантунской области и утверждался высочайшей властью. При градоначальнике утверждался совещательный орган – совет, в который входили коменданты, консулы, по одному представителю от иностранных торговых фирм и китайских торговых палат, таможенный комиссар и заведующий санитарной частью. При градоначальнике также образовывалась Дума из местного купечества для выяснения нужд городского и торгового населения.

⁴⁷ Козлов А.М. Китай: Боксерское восстание 1898–1902 гг. // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 2(94). С. 345.

Введение гражданского управления в Инкоу выразилось в установлении должности градоначальника, которому были подчинены все органы административного и финансового управления.

До введения временного русского управления в Инкоу пошлины с пароходов поступали в Морскую таможню, а пошлинные сборы с джонок – в китайское отделение (Джоночную таможню). Если Морские таможни находились в руках сэра Р. Харта, то Джоночная – даотая⁴⁸, обращавшего большую часть доходов на собственные, а не на городские нужды.

С введением Временного Русского управления Морские таможни остались в ведении английского чиновника, причем их доходы вносились в Русско-Китайский банк на административный счет Временного управления; деньги под 21/2% годовых размещались на банковском депозите и могли служить для оплаты китайским правительством по своим обязательствам.

Все таможенные мероприятия были направлены на обеспечение российских интересов в Маньчжурии (в первую очередь – КВЖД) и особого статуса открытого порта Инкоу (Нючжуан). Значительно пополнился русскими сотрудниками штат таможни, главой которой был назначен несколько лет служивший инспектором, опытный Николай Коновалов.

1901 г. стал переломным в истории Китая. Подавление восстания ихэтуаней войсками восьми держав и подписание в сентябре «Заключительного протокола» привели к усилению зависимости Цинской империи от иностранных государств, что усугубило нараставший экономический и социально-политический кризис в стране. Эти события и вызванные ими проблемы вынудили императорское правительство пойти на проведение серии реформ (в сфере военной, государственного управления и образования), названных «Новая политика после 1900 года» (庚子后新政)⁴⁹.

Суть этих реформ заключалась в том, что правительство заявило об отмене ограничений для торгового предпринимательства и обязало Министерство торговли, созданное указом Двора в 1903 г., активно способствовать притоку частного капитала в коммерцию и промышленность. В провинциальных центрах и наиболее развитых городах стали создавать торговые союзы, акционерные общества и торгово-промышленные палаты.

Для Нючжуана «Новая политика» оказалась крайне благоприятной, т.к. китайские предприниматели были крайне заинтересованы в расширении коммерческих связей и сбыте продукции – китайской (бобов, жмыха, бумаги) и закупках российской (муки, керосина), прежде всего, это касалось русских коммерсантов в Харбине и по линии КВЖД. В город стали приезжать гуандунские, шаньсийские и шаньдунские купцы, желавшие открыть здесь свои компании. С помощью российского консульства они заключали контракты с русскими торговцами, проживавшими в Маньчжурии, открывая счета в Русско-Китайском банке. Представители харбинского бизнеса – Р.М. Кабалкин, И.В. Кулаев, агент мануфактурных фабрик А.В. Хаваев и дру-

⁴⁸ Даотай – китайский чиновник, начальник округа.

⁴⁹ *Самойлов Н.А.* Реформы в цинском Китае начала XX в. глазами российских дипломатических представителей (по документам из фондов РГИА) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 176.

гие коммерсанты смогли наладить успешное сотрудничество с нючжуанским купечеством.

Для развития бизнеса китайские купцы обращались в Русско-Китайский банк за получением ссуд, которые им предоставлялись под залог части товаров или недвижимости. Но, как правило, многие из них не были обеспечены, и банку приходилось создавать большие резервы, что отвлекало значительные средства.

Одной из крупных китайских компаний Инкоу, занимавшейся развитием промышленности, была компания Dongshenghe – Дун-Шин-хэ (东盛和), созданная в 1895 г. в Инкоу гуандунским бизнесменом Е Лянцином. Сколотив скудный капитал, фирма успешно развивалась только за счет коммерческого кредита. Более чем за 10 лет ей были открыты филиалы материнской компании («Donghetai», «Dongshengyi», «Changpingde» и др.), образовавшие пять совместных предприятий с «Dongshenghe». Компания занималась добычей нефти, чеканкой серебряной монеты, производила соевое масло и упаковку. Ее партнеры находились в Шанхае, Гонконге и Японии. Фирма заключала контракты со многими мелкими компаниями, которые помогали ей доставлять товары или выполняли технические операции. «Дун-Шин-хэ» была одной из главных китайских компаний Русско-Китайского банка, получавших крупные ссуды.

Кредитные средства китайским клиентам выдавались банкнотами банка, эмиссия которых производилась несколько раз. После отъезда А.Н. Тимченко-Островерхова новым консулом в Нючжуане был назначен талантливый дипломат В.Ф. Гроссе⁵⁰, который успешно исполнял обязанности градоначальника и консула. Главой местного отделения Русско-Китайского банка стал князь, дипломат А.Е. Дмитриев-Мамонов, менеджером – бывший сотрудник Китайских Морских таможен С.Ф. Степанов.

Российский консул продолжил политику своего предшественника по приобретению недвижимости для российского правительства: купил большой участок около строящегося нового здания консульства, а также участок под строительство дома градоначальника. Было реконструировано здание Китайских Морских таможен, построены инфекционная больница и бактериологическая станция.

В период успешной деятельности Русско-Китайского банка возросло число заемщиков, стали популярными депозитные операции. Реклама банка гласила:

**«РУССКО-КИТАЙСКИЙ БАНК
ОТДЕЛЕНИЕ В НЮЧЖУАНЕ**

Допустимые проценты по текущему счету составляют 2 процента годовых при ежедневных остатках в размере 200 таэлей и выше.

Допустимые проценты по срочным депозитам в соответствии с соглашением. Местные счета со скидкой».

⁵⁰ Гроссе Виктор Федорович (16.05.1869, Грива, Курляндия – 6.10.1931, Шанхай) – российский дипломат; служил на различных должностях в дипломатических представительствах императорской России в Китае и Японии.

В 1904 г. началась Русско-японская война, которая нарушила планы Российской империи в Южной Маньчжурии. В июле все российские подданные были эвакуированы из Инкоу. Консул В.Ф. Гроссе, передав здание консульства французскому вице-консулу Крейтлеру, взял с собой только консульский архив и покинул город. Местное отделение Русско-китайского банка перевело свое отделение в Харбин, оставив приглядывать за имуществом банка того же Крейтлера, работавшего в банке по совместительству. Однако уже в сентябре француз отказался от своей должности, оборвав все связи с банком.

Итак, Временное Русское управление внесло значительный вклад в успешную деятельность Русско-Китайского банка в Нючжуане в 1901–1904 гг. Увеличилось число его клиентов, расширился круг выполняемых операций. Выдаваемые банком ссуды позволили укрепиться в регионе как китайскому, так и русскому бизнесу. Из частного корпоративного банка он превратился в популярный коммерческий банк, пользующийся большим доверием у широкого круга клиентов.

Деятельность Русско-Китайского банка в 1906–1910 гг.

Одержав победу в войне, Япония утвердила свое господство в Южной Маньчжурии и Корее. Обосновавшись в Инкоу, японские власти захватили все принадлежавшие России здания, участки земли и железнодорожные объекты. Осенью 1905 г. сотрудники Русско-Китайского банка отправили в Нючжуан своего артельщика, чтобы посмотреть, в каком состоянии находится здание банка. Присутствие русских подданных в городе до начала 1906 г. не разрешалось. После возобновления работы Императорского консульства России ситуация стала улучшаться. В ноябре 1906 г. японская администрация вернула Инкоу китайским властям. В скором времени приступили к решению имущественного вопроса — относительно российской недвижимости.

В числе переданных и срочно нуждавшихся в ремонте строений было и здание Русско-Китайского банка. Местное отделение банка, особенно развившее свои операции в начале военных действий между Россией и Японией, принужденное затем покинуть порт, оставило в Нючжуане массу должников китайцев⁵¹.

В этой связи одной из первостепенных задач Императорское консульство считало оказание содействия местному отделению Русско-Китайскому банку во главе с его управляющим Э.К. Блахером по поводу взыскания многочисленных долгов с различных местных фирм и отдельных китайских лиц.

Еще одним фактором, ухудшившим финансовое положение города, была отмена японскими властями русских денежных знаков, выпущенных Русско-Китайским банком: «Филиал банка “Даошэн” в Инкоу во время своего захвата Инкоу выпустил банкноты, напечатанные с использованием “воловьей кожи” (т.е. русского военного рубля) <...> После поражения русской армии валю-

---

⁵¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325. Л. 352.

та была превращена в макулатуру, и жители Инкоу сильно пострадали, а многие обанкротились»⁵².

Как известно, банк проводил активную политику по кредитованию местных фирм для расширения ими своего торгового бизнеса. Создавшаяся ситуация привела к тому, что большинство фирм, которые имели различные займы, не могли их вернуть. Создалась тяжелая ситуация по стабилизации как самого коммерческого китайского рынка, так и деятельности российского финансового учреждения, которое было закрыто с осени 1904 г.

Банк возобновил свою полноценную работу только в середине 1906 г. Некоторые китайские коммерсанты к тому времени уже покинули город, и найти их не представлялось возможным, поэтому эти долги перешли в раздел невозвратных. Полноценная работа отделения банка возобновилась в ноябре после передачи Инкоу в руки китайской администрации.

Ввиду обычной медлительности, а иногда и намеренно, китайские власти затягивали решение вопроса по возврату долгов, что приводило к значительным затруднениям для удовлетворения претензий банка: «При посредничестве консульства было возбуждено множество исков на разные суммы к китайским фирмам: “Юн Шэн-дэ” в с. 5 000 руб., к фирме “Жунь Хэ-хао” в с. 5 000 лан, к фирмам “Дун-Фа-юй” – 7 700 руб. и “Тян Шэн-чэн” – 7 700 руб.»⁵³.

Самым крупным делом был взятый из Русско-Китайского банка иск на сумму 12 млн руб. под залог недвижимости к обанкротившейся фирме «Дун Шэн-хэ», которая до окончания Русско-японской войны занимала первое место в Южной Маньчжурии по размеру основного капитала и пользовалась доверием у деловых партнеров. В январе 1906 г. А.Т. Бельченко⁵⁴, назначенный новым российским консулом, отмечал, что вышеназванное дело, «поднявшее на ноги весь Нючжуан, пагубно отозвалось на местной торговле и на положении большинства здешних коммерсантов, понесших значительные убытки и вынужденных большей частью приостановить свои торговые операции»⁵⁵. Разрешение проблемы значительно тормозилось из-за отсутствия необходимых средств к удовлетворению претензий десятков кредиторов лопнувшей фирмы. В продолжение своей записки о положении дел консул докладывал: «Потеряли, тем или иным путем, решительно все: и крупные кредиторы и мелкие, вложившие свои последние деньги в дело фирмы; и иностранные купцы; и кули, работавшие на заводах, остались без заработка и выброшены на улицу»⁵⁶. Всего было 32 кредитора, а сумма – 364 тыс. таэлей.

Учитывая безвыходность положения китайских фирм, вынужденных прекратить операции, и необходимость удовлетворения кредиторов разорившейся «Дун Шэн-хэ», даотай обратился за помощью в консульство, чтобы банк

⁵² 李照南. 帝国主义列强对营口的侵略 (Ли Чжаонань [Li Zhaonan]. Агрессия империалистических держав против Инкоу / 兰台世界 [Lantaiworld], Ляонин. 2005. № 9. Р. 134.

⁵³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 326. Л. 58 об.

⁵⁴ Бельченко Андрей Терентьевич (16.10.1873, Бобровский уезд Воронежской губ. – 1.02.1958, Сан-Франциско, США) – российский дипломат, проживший в Китае почти 50 лет; консул в Инкоу, Фучжоу, Кантоне, генеральный консул в Ханькоу, португальский генеральный консул в Ханькоу.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 326. Л. 2.

⁵⁶ Там же.

смягчил требования. Немалым препятствием к скорейшему разрешению дела стали претензии к той же фирме со стороны японского банка «Yokohama Special Bank», причем владелец-банкрот фирмы имел прояпонские позиции и, в первую очередь, стремился погасить задолженность банку Японии.

Поскольку для отстаивания своих интересов местное отделение Русско-Китайского банка обратилось за помощью к консульству, которое было уполномочено вести переговоры с даотаем, А.Т. Бельченко стал главным посредником в таком важном и сложном деле.

После неудачных переговоров консульство обратилось напрямую к даотаю Шэн Туну и заключило с ним соглашение об условиях возвращения долга фирмой «Дун Шэн-хэ». В нем, частности, отмечалось, что требовалось одновременно погасить 60% всего долга, остальные 40% – периодически, взносами в установленные сроки. Однако дело растянулось на несколько лет. Только в марте 1908 г., благодаря постоянным переговорам консула А.Т. Бельченко с чилийским губернатором, удалось достигнуть удовлетворения претензии банка в размере 72% от общей суммы долга, причем от остальной части пришлось отказаться. Таким образом, отделение Русско-Китайского банка получило 8,5 млн руб., которые выплатил китайский банк Министерства финансов в Шанхае⁵⁷.

Особенно важной для А.Т. Бельченко была проблема возвращения российской собственности в Инкоу. В январе 1907 г. после передачи японцами города местным китайским властям, состоялся осмотр земельного участка, принадлежавшего Морскому ведомству. Консул на встрече с японцами обсудил продажу интересовавшего их участка. Спустя несколько месяцев сделка состоялась: сумма от продажи участка составила 47 592 мексиканских долл. (50 349 руб. 60 коп.), которую А. Бельченко перевел по телеграфу в 1-й департамент МИД через местное отделение Русско-Китайского банка.

Много проблем было связано с принятыми после трехлетнего отсутствия хозяев русскими домами. Китайская сторона обратилась с просьбой продать ей дом градоначальника (двухэтажный, каменный, перестроенный из здания бывшей Джоночной таможни, сохранивший часть первоначального вида) за сумму, потраченную на постройку. После переговоров с даотаем продажа состоялась, а полученные 20 тыс. руб. Миссия в Пекине передала в МИД переводным билетом Русско-Китайского банка.

А.Т. Бельченко, занимаясь приведением в порядок здания Императорского консульства, составил сметы на его ремонт и мебелировку. По окончании ремонтных работ и закупки мебели, обстановки консул подготовил телеграмму, в которой указал затраченную сумму – 7 408 долл. 70 центов (19 584 долл. 15 центов пришлось заплатить за отpravку телеграмм и в качестве процентов по операциям Русско-Китайскому банку).

1906–1908 гг. А.Т. Бельченко называл восстановительным периодом. Следующий – 1908–1910 гг. он считал успешным в плане расширения торгово-экономической деятельности русских коммерсантов и возобновления нормальной работы отделения Русско-Китайского банка. После получения всех

---

⁵⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325. Л. 381.

долгов банк вернулся к кредитованию бизнеса местных предпринимателей (в основном китайцев), причем их число росло с каждым годом.

А.Т. Бельченко, неоднократно посетивший Харбин, способствовал налаживанию торговых отношений между российскими и китайскими предпринимателями. Приглашая русских в Инкоу, он помогал им найти клиентов для заключения контрактов по покупке и продаже товаров. В город часто приезжали представители ряда московских фирм (Товарищество «Викула Морозов с Сыновьями и К^о», Товарищество мануфактур «Ивана Коновалова с сыном», «Товарищество мануфактур Н.Н. Коншина»), которые после предварительных договоренностей Бельченко с местными торговцами находили в лице китайских фирм посредников для сбыта своих товаров. Стала популярной и продукция Товарищества ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель», которая открыла свои склады в Московских торговых рядах в Харбине, что значительно ускорило доставку товаров в Инкоу.

Благодаря профессиональной деятельности главы нючжуанского отделения Г.А. Тисдалла, его широким контактам среди городских коммерсантов банк считался главным кредитным учреждением Инкоу и пользовался большой популярностью у клиентов. Конкуренцию ему составляли два банка Японии, открытых во время японского управления городом. Продолжилась традиция приглашать на работу в банк руководителей крупных местных компаний. Например, А.Т. Хейкендорфа, главу компании British-American Tobacco и ее менеджера – К. Лоренце (Ван Чэн-тяна).

Документы отделения Российско-Китайского банка в Инкоу за 1910 г. (РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 512) позволяют сделать вывод, что в этот период в банке сложилась база постоянных клиентов, что подтверждают данные отчетности по текущим счетам (см. Прил. 1).

В Приложении 1 представлен **«Отчет по остаткам текущих счетов клиентов Русско-Китайского банка на 15 февраля 1910 г.»**. Общее число клиентов данного отчета – 62. Особенностью данного банковского документа является то, что в нем указаны как физические, так и юридические лица. Среди физических лиц только два клиента имеют начисление процентов на остаток по счету: Р. Бандинель – сотрудник Русско-Китайского банка (3%) и миссис Е. Fawcett, супруга представителя американской компании «Standard Oil Co of New York» (2%). Среди юридических лиц 2% на остаток по текущему счету начисляются таможням – морской и джоночной, католическому храму и церковному школьному фонду. Все остальные счета отчета – беспроцентные. Среди физических лиц есть известные коммерсанты – Буш и Бандинель, российский консул А.Т. Бельченко, сотрудники банка А. Шмидт и Э. Эдгар, священники, служащие и члены их семей. Среди юридических лиц преобладают такие коммерческие предприятия, как «Arnold Karlberg & Co», «J.J. Bandinel Estate», «Astor House Hotel», «General Sport Club», «Newchuang Native Customs», «Newchuang Customs», а также социальные: «Russianconsulate “Cemetery/c”», «China Mutual Life Insurance», «Church of England Dioceses», «Newchuang Hospital» и т.д.

Отчетность велась в мексиканских долларах, общий остаток по текущим счетам составлял 2727735 долл. Анализ текущих счетов показал, что сре-

ди клиентов банка в 1909–1910 гг. были авторитетные коммерческие фирмы и частные лица, доверявшие банку свои корпоративные и личные средства.

В Приложении 2 представлен «Отчет по непогашенным векселям клиентов Русско-Китайского банка в апреле-мае 1910 г.». В таблице указаны векселедатели и акцепторы, места предъявления векселя (Харбин, Цицикар), суммы, доходность и обеспечение: общая сумма к предъявлению – 48 700 руб. В список клиентов входят только китайцы, что подтверждает высокий спрос данной клиентской группы на этот банковский продукт. Среди векселедателей фигурирует китайская компания Бандинеля, с местом предъявления векселя в чайной провинции Фучжоу, сумма к предъявлению – 21 905 долл. или 15 553 нючжуанских таэлей.

В то же время активно проводились биржевые сделки физических лиц: местные «зайцы» и «медведи» фигурировали в отчетности о биржевых операциях.

Отметим и высокую популярность денежных переводов как внутри Китая, так и за рубеж. Докладывая в различных отчетах о конверсионных операциях при перечислениях доходов или совершении платежей, консул Бельченко жаловался на их высокий процент и просил руководство миссии «хлопотать» о снижении процентной ставки.

Несмотря на успехи и роль в Инкоу Русско-Китайского банка, над ним к 1910 г. сгустились «тучи». На его роль в российском коммерческом бизнесе повлияла неожиданная смерть Д.Д. Покотилова (сподвижника С.Ю. Витте, посланника миссии в Пекине), много лет отдавшего банку и считавшего его своим «детисчем». Уход лидера отразился на карьере дипломатов тщательно подобранной им команды (во главе с консулом А.Т. Бельченко), активно участвовавшей в продвижении банка. А.Т. Бельченко, поднявшего «из пепла» Императорское консульство в Нючжуане и восстановившего российскую коммерческую деятельность в регионе, раскритиковал министр финансов В.Н. Коковцов на состоявшемся в октябре 1909 г. совещании в Харбине. Вскоре А.Т. Бельченко перевели в захудалое консульство в Фучжоу, которое ему суждено было закрыть, а затем открыть «с нуля» новое консульство – в портовом Кантоне.

Заключение

История Русско-Китайского банка (учрежден в 1896 г., закрыт в 1910-м) относился к числу самых малоизученных. Банк являлся в Китае одним из главных финансовых инструментов царской России для воплощения ее проектов, из которых основными стали финансирование строительства КВЖД, торгово-промышленные операции, приобретение правительственной недвижимости. Многочисленные операции для корпоративных и частных клиентов позволили занять Русско-Китайскому банку свою уникальную нишу в экономических отношениях между императорской Россией и Цинским Китаем. Открытие отделений банка в разных уголках страны (в крупных городах, портах и небольших городках) способствовало выполнению главной

цели этого финансово-кредитного учреждения – развитию торговли. Среди клиентов банка было много иностранцев, в том числе китайцев. Одним из первых было открыто нючжуанское отделение, историография деятельности которого (отечественная и зарубежная) практически отсутствует. Нючжуан имел свои неоспоримые преимущества перед другими китайскими городами, поскольку являлся торговым центром с давних времен. Иностранцы, прибывшие в Нючжуан в середине XIX в., за короткое время развили здесь свой бизнес, освоили городскую инфраструктуру. Открывшееся в конце 1897 г. местное отделение Русско-Китайского банка сразу завоевало популярность и доверие у местных коммерсантов, т.к. наиболее достойным из них предложили войти в число руководителей этого финансового учреждения. В период Временного Русского управления банк принял на себя функции бывшего Хайгуаньского банка, имевшего дела с таможней (ее доходы в качестве депозита хранились в банке).

После поражения царской России в войне с Японией Русско-Китайский банк, созданный в качестве финансово-экономического рычага экспансионистской политики царизма в регионе, оказался «без работы»⁵⁸. Дальнейший период его деятельности носил восстановительный характер, в котором главная задача состояла в возврате заемных средств.

В 1908 г. отделение банка в Нючжуане (Инкоу) вернулось к своей полноценной деятельности благодаря тому, что в его стабильности были заинтересованы сами клиенты. А.Т. Бельченко вспоминал: «Насажение русской торговли и защита интересов Русско-Китайского банка, отделение которого в порте являлось самым прибыльным из отделений банка в Китае, давшее в 1909 г. до 70 000 рублей чистого дохода, составляли главные предметы деятельности консульства»⁵⁹.

Русско-Китайский банк в Нючжуане (Инкоу) сыграл значимую роль в укреплении финансовой системы города, являвшегося в течение многих лет центром торговой деятельности в Мукденской провинции. Последовавшая в 1910 г. реорганизация данного учреждения позволила сохранить клиентов, обслуживание которых продолжил его преемник – Русско-Азиатский банк.

⁵⁸ *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...»... С. 187; *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 183.

⁵⁹ *Бельченко А.Т.* Записки консула. См.: Музей русской культуры в Сан-Франциско. Ф. 54. Бокс 10. Л. 260.

Отчет по остаткам текущих счетов клиентов Русско-Китайского банка
на 15 февраля 1910 г.

BANQUE RUSSO-CHINOISE.			NEWCHWANG. 15 th February 1910		
Monthly Return No. 3. I			Current Deposit Accounts Credit Balances. 7mk. 6		
NAMES.	Credit Balance	Rate of Interest allowed by the Bank.	NAMES.	Credit Balance.	Rate of Interest allowed by the Bank
A. Anderson.	470 50	No Interest	Brought forward...	14409 06	
E. Arney.	451 92	"	C. B. W. Moore.	3160 18	No Interest
Arnholm Karberg & Co.	293 92	"	Newchwang Club.	412 20	"
Water House Hotel.	1314 03	"	Newchwang Hospital.	153 31	"
J. J. S. Bandinel's Hotel.	615 96	"	Newchwang Customs.	144 15	2%
R. Bandinel.	643 20	2%	Newchwang Native Customs.	116 97	2%
J. J. Bardens.	55 15	No Interest	North China Diocesan		
Mrs. M. V. S. Bate.	632 05	"	Chaplain Fund.	29 40	No Interest
R. Bate.	133 78	"	North China Brotherhood.	655 51	"
S. M. van Bergen.	20 87	"	Northen Slav of China Lodge.	570 77	"
H. W. Bush.	203 42	"	Captain A. Partridge.	13 07	"
J. A. Carl.	375 78	"	Russian Consulate "Emelyef".	114. -	"
China Mutual Life Ins ^{ce} Co.	265 97	"	E. A. Sargent.	84. 18	"
Church of England Diocesan.		"	R. H. Reott.	132. -	"
Chryg Nustentation fund.	96 50	"	Rev. J. A. Reott.	503. 47	"
G. Colinet.	887 22	"	Rev. C. W. Reott.	136 95	"
Nagy Mehrovauje & Co.	22 41	"	A. L. R. Smith.	727 53	"
H. Dawson-Evans.	750 14	"	St. Nicholas Blind School Fund.	447 54	2%
S. E. A. Dann.	14. -	"	Sundry Persons.	1462 61	No Interest
J. Edgar.	583 16	"	The New Life Assurance Co of		
E. Edgar.	924 26	"	Canada.	1092 61	"
Mrs. E. Jawcott.	125 06	2%	E. V. Janner.	172	"
J. H. Ford.	287 69	No Interest	R. J. Jurley.	206 1	"
R. Forzinetto.	1808 85	"	A. J. W. Wright.	115 89	"
General Sports Club.	45 03	"	A. Wasiliewa.	50. -	"
W. J. Harley.	72. -	"	J. B. Wilkinson.	97 50	"
P. J. Neiseh.	35 67	"	C. L. L. Williams.	902 09	"
Mrs. E. Hunt.	1146 46	"	Winter Amusements.	584 94	"
Incumbent + Churchwardens.			Stanley Bowles Wright.	957 09	"
of St. Nicholas Church.	224 70	2%			
Mrs. M. S. Lawrence.	585 08	No Interest			
Lesler Hotel.	850 16	"			
Masonic Charity Fund.	311 45	"			
Masonic Club.	157 67	"			
A. S. McLaughlin.	20. -	"			
Сюжет	7mk. 14409 06				
				7mk. 27277 35	

**Отчет по непогашенным векселям клиентов Русско-Китайского банка
в апреле-мае 1910 г.**

Drawn on	Our No.	DRAWER.	ACCEPTOR.	Payable in	Date of Bill.	Term.	Amount of Bill.	Rate.	Cost.	SECURITY and REMARKS.
1910										
April	25	122	Chai Fong Ho	Harbin	April 25	7 1/2 %	6,000	1/2 %		Secured by Yang Yuen Heng
"	11	115	Heng Lung Cheng	Tsitsihar	" 17	"	1,500	"		" Yuen Chang Lung
"	21	123	Hui Chang Nierng	Harbin	" 23	"	3,000	"		" Hui Yuen Chang
"	26	120	Foo Chi	Tsitsihar	" 26	"	1,500	"		" Wan Hung Chang
"	"	124	Heng Lung Cheng	"	"	"	2,000	"		" Yuen Chang Lung
"	"	126	Ye Shun Ho	Harbin	"	"	2,000	"		" Chang Ch. Yui Chai
"	"	127	Yu Yui Fong	"	"	"	1,000	"		" Shen Lung Chai
May	3	128	Kwang Tai Ching	Harbin	May 3	"	2,000	"		" Tai Shun Li
"	11	129	Tsien Fong Chung	"	" 11	"	1,000	"		" Yang Yuen Heng
"	"	130	Yui Chang Tsan	Tsitsihar	"	"	1,000	"		" Ho Tai Shung
"	"	131	Lo Heng Yuen	Harbin	" 2	"	5,000	"		" Ho Tai Sh
"	"	132	Yung Yuen Kwong	"	" 6	"	10,000	"		" Ho
"	"	133	Hung Yui Chang	"	" 9	"	1,000	"		" Lo Hung Yung
"	"	134	Hung Fung Ho	"	" 10	"	6,000	"		" Yung Lung Ho
"	"	135	Yui Chang Tsan	Tsitsihar	" 11	"	2,000	"		" Yui Chang Lung
"	"	136	Shi Kwei Li	"	" 12	"	1,000	"		" Hui S. Tai Chang
"	"	137	Ye Heng Fui	Harbin	"	"	2,000	"		" Yung Ho Heng
"	"	138	Fui Shuen Yui	"	"	"	600	"		" Ye Shuen Ho
							48,700			
		<u>Monthly Return No 26</u>		<u>Total</u>						
April 23	140	Baudouin & Co.	Boothgate & Co.	Tsichow	April 23	7 1/2 %	219.05			D/P.
							153.23			

Источник: РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 512. Л. 113.

Библиография

- Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л.: Наука, 1970. 316 с.
- Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. М.: РОССПЭН, 2006. 293 с.
- Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время / Рос. Акад. наук. Ин-т рос. истории. С.-Петербург. фил. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 429 с.
- Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. 318 с.
- Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М.: Перспектива, 1994. 350 с.
- Витте С. Воспоминания: в 3 т. М.: АСТ; ОГИЗ, 2022. 1152 с.
- Козлов А. М. Китай: Боксерское восстание 1898–1902 гг. // Вестник ТГУ. Вып. 2(94), 2011. С. 344–347.
- Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 664 с.
- Мясников В. С. Кастальский ключ китаеведа. Т. 3: Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений / ИНИОН РАН. М.: Наука, 2014. 603 с.
- Петров Ю. А. Российские банки в Китае в конце XIX – начале XX века (к 110-летию основания Русско-Китайского банка) // Вестник Банка России. 2006. № 18. С. 47–51.

- Покотилов Д.Д.* Некоторые данные о мерах веса и пробах серебра, обращающегося на шанхайском, тянь-цзиньском, пекинском и маньчжурских денежных рынках. СПб.: тип. Акад. наук, 1897. 8 с.
- Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Изд-во Ленинградского Восточного ин-та им. А.С. Енукидзе, 1928. 634 с.
- Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907), М.; Л.: АН СССР, 1947. 696 с.
- Романова Г.Н.* Экономическая модернизация Китая XIX – первой половины XX вв. в оценке отечественной и зарубежной историографии // Известия Восточного института. 2016. 2(30). С. 34–45.
- Самойлов Н.А.* Российские планы организации городом Дальний на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 4. Ч. I. С. 144–149.
- Самойлов Н.А.* Реформы в цинском Китае начала XX в. глазами российских дипломатических представителей (по документам из фондов РГИА) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 175–188.
- Сунь Ичжи.* Эмиссионная политика Русско-Китайского (Азиатского) Банка в Китае в конце XIX – начале XX вв. // Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб.: СПбГУ, 2018. С. 334–337.
- Сунь Ичжи, Ян Миньсян.* Банковский контракт 1896 г. и русско-китайский финансовый проект конца XIX – начала XX в. // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 4. С. 1098–1118.
- Чебаненко Е.Н.* Основные направления эволюции банковской системы Китая // Экономика и управление. 2012. № 7(81). С. 63–68.
- The North-China Herald and Supreme Court & Consular Gazette. China. Shanghai, 1898. Feb. 7. Pp. 191.
- 李照南. 帝国主义列强对营口的侵略. *Ли Чжаонань [Li Zhaonan]*. Агрессия империалистических держав против Инкоу // 兰台世界 [Lantaiworld], Ляонин. 2005. № 9. P. 133–136.

Аграрная история

Купцы и крестьяне: две модели старообрядческой хозяйственной культуры?

Аннотация. Статья посвящена проблеме факторов формирования хозяйственной культуры крестьян-старообрядцев. Целью работы является выяснение ответа на вопрос о различиях хозяйственной культуры купечества и крестьянства, составлявшего около 90% ревнителей древнего благочестия на рубеже XIX–XX вв. В исследовании содержится выборочный анализ определенных ранее конфессионально-этических факторов предпринимательской культуры староверов на материале старообрядческого крестьянства. Анализ показал, что можно говорить о старообрядческих крестьянах как о массовых носителях новой хозяйственной культуры. В старообрядческой хозяйственной культуре и хозяйственном поведении невозможно выявить две различные модели, обусловленные социальной корреляцией. И предприниматели (купечество, прежде всего), и крестьяне – старообрядцы действовали в рамках единой модели хозяйственного поведения. Общей была и система конфессионально-этических факторов формирования старообрядческой хозяйственной культуры.

Ключевые слова: экономическая история России, старообрядчество, купечество, крестьянство, деловая культура, хозяйственная культура, хозяйственное поведение, система факторов, модель.

В современную историографическую эпоху старообрядчество прочно заняло значительное место как объект исторических, этнографических, филологических и прочих исследований, что обусловлено общественным интересом к старой вере и ее наследникам. Интерес к староверам вызван, однако, не только их верностью традиции, но и существенным вкладом в экономическое развитие страны. Действительно, общепринятым в современной историко-экономической литературе стал тезис об особом месте старообрядцев в экономическом развитии России периода protoиндустриализации и начального этапа самой индустриализации.

Обширнейшая литература – о многочисленном старообрядческом купечестве¹. Во многих трудах, посвященных российскому предпринимательству в целом или его отдельным аспектам², а также конкретным регионам

* Керов Валерий Всеволодович – доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, vvkerov@gmail.com

¹ См.: Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М., 1998; Гавлин М.П. Из истории российского предпринимательства: династия Кокоревых. Научно-аналитический обзор. М., 1991; Калинин В.Д. Из истории предпринимательства в России: династии Прохоровых и Рябушинских (научно-аналитический обзор). М., 1993; Петров Ю.А. Династия Рябушинских. М., 1997; Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004; Седов А.В. Старообрядцы Бугровы – крупнейшие предприниматели Нижнего Новгорода // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 1996. С. 98–100; Морозовы и их роль в истории России: Труды Первой науч.-практ. конф. (Морозовские чтения). Ногинск, 1996; Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Вторая половина XIX – начало XX веков: Доклады науч.-практ. конф. (Вторые Морозовские чтения). Ногинск, 1996; Купцы Морозовы – российские предприниматели и меценаты. Тезисы докл. и выступл. науч.-практ. конф. Орехово-Зуево, 1997; Морозовы и Москва. Труды юбилейной науч.-практ. конф. «Морозовские чтения». М., 1998.

² Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998; Брянецев М.В. Религиозно-этические основы предпринимательства в России (XIX в.). М., 2000;

Российской империи, приводятся материалы по истории старообрядческого предпринимательства³.

Кроме этого, опубликованы и специальные исследования, география которых охватывает не только Московский район и Петербург⁴, а гораздо шире⁵.

- Думова Н.Г.* Московские меценаты. М., 1992; История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX века – начало XX века. М., 2000; Российская деловая культура: история, традиции, практика. М., 1998; Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. М., 1996; *Нилова О.Е.* Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX века. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания. М., 2002; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914 гг. М., 1999; Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX в. М., 2010; и др.
- ³ *Банникова Е.В.* Дореформенное купечество Южного Урала: повседневная жизнь в городской среде. Оренбург, 2009; *Бойко В.П.* Томское купечество в конце XVIII–XIX вв.: из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996; *Бусленко Н.И.* Ростовское купечество: историко-экономические очерки в документах, фактах, цифрах, с авторскими комментариями и художественно-публицистическими отступлениями. Ростов на/Д., 1994; *Дмитриенко Н.М.* Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск, 2014; *Лавицкая М.И.* Орловское купечество второй половины XIX – начала XX века. Орел, 2007; Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул, 1995; Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XX вв. Ижевск, 2008; *Разгон В.Н.* Менталитет сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в. // Предпринимательство в Сибири. Материалы науч. конф. Барнаул, 1994. С. 10–17; Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 1–2. Новосибирск, 2012–2013; *Monahan E.* The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia. Ithaca (NY), 2016; и др.
- ⁴ *Османов А.И.* Старообрядцы в купечестве Санкт-Петербурга XIX в. // Вестник ВГПУ. Социально-экономические науки и искусство. 2006. № 2(15). С. 53–57; *Расков Д.Е.*: 1) Купцы-старообрядцы в экономике Санкт-Петербурга // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8. М., 2000. С. 53–57; 2) Новые сведения о московских старообрядцах-предпринимателях // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2002. С. 84–91; 3) Роль купцов-старообрядцев в развитии текстильной промышленности (по материалам Московской губернии) // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. 3. М., 2004. С. 434–467; *Стадников А.В.*: 1) Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М., 2002; 2) Роль московского старообрядчества в развитии Российской текстильной промышленности // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1998. С. 91–92; 3) Список купеческих старообрядческих фамилий Москвы (XIX – начало XX в.) // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 341–376.
- ⁵ *Козлова Н.В.*: 1) К вопросу о численности купцов-старообрядцев в городах России в середине XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1998. С. 93–95; 2) Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII века (К истории российского предпринимательства) // Отечественная история. 1999. № 4. С. 3–14; *Дубровский А.М., Кочергина М.В.* Хозяйственная деятельность старообрядческих общин Ветки-Стародубья в конце XVIII – первой половине XIX века // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Гомель, 2003. С. 71–74; *Козловцева Н.В.* Старообрядческая православная этика и «дух русского капитализма» (по материалам Нижегородской губернии XIX века) // Известия РГПУ А.И. Герцена. 2009. № 107. С. 31–38; *Мирошниченко К.А.* Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII в. (из истории российского предпринимательства) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 28–39; *Перекрестов Р.И.* Источники накопления капиталов старообрядцами Стародубья в начале XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2002. С. 78–83; *Стадников А.В.* Купеческий род как структурная единица старообрядческой общины (на примере старообрядческого рода Рахмановых и московской Рогожской общины) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1997. С. 62–64; и др.

Большое внимание уделялось трудовой этике староверов, в целом системе ценностей и институтов старообрядчества, обеспечивших их успех в предпринимательстве⁶. В основном выявлена предпринимательская культура старообрядцев⁷.

Собственно, хозяйственную культуру можно определить как **систему норм, ценностей и институтов, обуславливающую доминирующую модель поведения в хозяйственной деятельности**. Не вызывает сомнений, что система ценностей, как и связанная с ней картина мира, во многом определяется не только эпохой, но и особенностями общественного слоя, к которому принадлежат ее носители. По мнению ведущих зарубежных исследователей, специфика предпринимательской и в целом хозяйственной культуры коррелируется не только с системами национальных и/или конфессиональных культур⁸, но и с «матрицей культурных ценностей, институтами и социальными группами» носителей конкретной системы ценностей⁹.

Британский исследователь Ф.М.Л. Томпсон отметил, что принадлежность субъектов бизнес-культуры к различным социальным группам может вносить в такую культуру «фатальные нарушения» ее сложившихся норм. Он считает, что «викторианская» предпринимательская культура существенно изменилась после того, как усилился приток джентри и аристократов в экономику страны. Культура предпринимательства в ходе внедрения «ценностей джентри» деформировалась и даже приобретала «антииндустриальные» черты¹⁰. Таким образом, если субъекты конкретной хозяйственной культуры относятся к различным социальным, этническим, конфессиональным и другим общностям, можно говорить о хозяйственной культуре китайской, аристократической, протестантской и проч.

С учетом того, что российские ученые считают предпринимательскую культуру подвидом культуры хозяйственной, также зависящей от социально-

⁶ См.: Керов В.В. «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М., 2016; Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012; Галимова Л.Н. Особенности менталитета купца-старообрядца // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2011. № 3(19). С. 26–33; Старцев А.В. Хозяйственная этика старообрядчества // Старообрядчество: история и культура. Вып. 1. Барнаул, 2002. С. 73–87; Фенин К.Р. Ретроспективный историко-экономический анализ национальной модели хозяйствования староверов и ее культурного наследия // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. Пензенский гос. университет. 2017. № 2(22). С. 114–128; и др.

⁷ См.: Уэст Д.Л. Старообрядцы и предпринимательская культура в царской России // Предпринимательство и городская культура в России (1861–1914). М., 2002. С. 103–117; Расков Д.Е. Принципы ведения торговли у старообрядцев: на материалах Выговской пустыни // Старообрядчество как культурно-исторический феномен... С. 239–246; Керов В.В.: 1) Конфессиональные основы деловой культуры и делового поведения предпринимательских сообществ в России XVIII–XIX вв. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2008. № 3. С. 51–64; 2) Хозяйственная культура и хозяйственное поведение старообрядцев в России XVIII–XIX в.: ценностно-институциональный подход // Там же. 2011. № 1. С. 40–57; Боровиков Ю.В. Предпринимательская культура старообрядчества // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Т. 1. С. 278–282; и др.

⁸ Jones E.L. Cultures Merging. A Historical and Economic Critique of Culture. Princeton, 2006. P. 5, 165.

⁹ Business History around the World / ed. by F. Amatory, G. Jones. Cambridge, 2003. P. 98.

¹⁰ Gentrification and the Enterprise Culture. Britain 1780–1980. Oxford, 2001. P. 2, 22, 75, 155.

культурных ценностей¹¹, выделим хозяйственную культуру всей общности (в данном случае – старообрядцев) и ее подвиды – в том числе хозяйственную культуру старообрядцев-предпринимателей (предпринимательскую культуру), культуру старообрядцев-крестьян, культуру старообрядцев-казаков и т.д.

В этой связи, рассматривая историографию старообрядческой экономики, нельзя не увидеть очевидную эпистемологическую проблему. В процессе анализа хозяйственной культуры и ее факторов речь шла, в основном, о деловой культуре, т.е. о культуре предпринимательства. Анализу подвергались в основном соответствующие атрибуты предпринимательской страты староверов, причем, прежде всего крупных и средних хозяев.

В то же время большинство старообрядцев различных согласий всегда составляли крестьяне. По данным известного деятеля старообрядчества И.А. Кириллова, в конце XIX в. вне городов¹² проживало около 90% всех старообрядцев¹³. Сами старообрядцы это ясно осознавали. Один из крупнейших судовладельцев страны, председатель Нижегородской старообрядческой общины, нижегородский городской голова Д.В. Сироткин справедливо отметил, что «главенствующий наш класс – крестьянство»¹⁴. Председатель Всероссийских старообрядческих съездов Древлеправославной христианской церкви (ныне – РПСЦ), политический лидер сообщества П.П. Рябушинский заявил: необходимо «сделать все, чтобы русское крестьянство с его материальными нуждами стояло высоко»¹⁵.

Соответственно, только включив в анализ крестьянские старообрядческие массы, мы сможем с полным правом говорить о факторах формирования не только культуры предпринимательства (*деловой, или бизнес-культуры*) старообрядцев, но в целом – *хозяйственной* культуры ревнителей древнего благочестия.

Таким образом, следует ответить на вопрос, воздействовали ли на эту социальную группу те же факторы формирования новой хозяйственной культуры (активное вероисповедание, сакрализация повседневной жизни, мирская аскеза, повышенная грамотность, высокая религиозная оценка «избыточного» труда, отношение к делу и проч.), что и выявленные на материале старообрядцев-предпринимателей? Кроме того, необходимо выявить результаты воздействия указанных факторов на хозяйственную практику крестьян: успешность ведения хозяйства, стремление «дела ради» к расширенному воспроизводству, техническим новинам и др. Для целей данного исследования целесообразно произвести выборочный анализ определенных ранее конфессионально-этических факторов.

¹¹ См., напр.: *Зарубина Н.Н.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998. С. 6, 11.

¹² Хотя к населению, проживавшему «вне городов», относились жители некоторых крупных фабричных анклавов – «сельских поселений», в том числе Орехово-Зуева, Юзовки (ныне – Донецк), Ижевска, которым не был «дарован» статус города, в данном случае они серьезно не воздействовали на общую статистику несколько десятков тысяч старообрядцев.

¹³ *Кириллов И.А.* Статистика старообрядчества. М., 1913. С. 16.

¹⁴ *Сироткин Д.В.* Речь на Всероссийском съезде старообрядцев // Слово Церкви. 1917. № 24. С. 448.

¹⁵ *Рябушинский П.П.* Речь на Всероссийском Торгово-Промышленном съезде. Март 1917 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 260. К. 2. Д. 20. Л. 19.

Грамотность и образование. С начала XVIII в. обучение детей проводилось, прежде всего, в скитах, куда купцы и состоятельные крестьяне (поповцы и беспоповцы) часто отдавали детей «для научения словесной грамоте», и где дети получали «элементарную грамотность», знакомились с церковнославянским языком и письмом. Для большинства же детей староверов, в том числе крестьян, грамотность поддерживалась мирянами вне обителей. Учились и у старших в семье, и у наставников, «наибольшей же частью у своих учителей и учительниц». Нелегально в сельской местности действовали начальные училища с десятками учеников – «тетенькины школы», многие из которых открывались на средства богатых староверов. Кроме того, детей старообрядцев обучали грамоте «мастера» и «мастерицы», как называли себя профессиональные учителя. Многие из них переходили из одного места в другое. До конца XVIII в. их можно было встретить в тех городах, где староверы жили не так компактно, как, например, в Стародубье. Полиция считала старообрядческих учителей – «грамотных мушин и преимущественно <...> девок келейниц» – самыми «вредными сектаторами»¹⁶.

Учились староверы и в казенных сельских, и других начальных училищах, которые, по мнению чиновников, способствовали лишь укреплению старой веры. Подобные учебные заведения активно использовались староверами для развития грамотности, они отдавали своих детей в такие школы «только для того, чтобы выучить читать и писать», а «их образование довершают свои учителя»¹⁷.

В итоге сложилась ситуация, когда, по свидетельствам современников, «в образовании, как и в нравственности и благосостоянии, раскольники превосходят часто других русских того же класса. Среди них люди, не умеющие читать, более редки, чем в массе народа»¹⁸. Даже правительственные чиновники, «обследовавшие состояние» старой веры, признавали, что старая вера «держится и распространяется» в определенной степени «грамотностию своих представителей». «Статистические экспедиции» начала 1850-х гг., отправленные по поручению министра внутренних дел для выяснения «современного положения раскола», а фактически для выяснения причин жизнестойкости старообрядчества и разработки мер борьбы с ним, показали, что в Европейской России значительная часть старообрядцев умела читать и писать. Во многих губерниях такие составляли большинство, но и те, кто был неграмотен,

¹⁶ Кириллов И.А. Наш грех // *Старая Русь*. 1912. № 5. С. 80; Стадников А.В. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М., 2002. С. 103; Пономарева Г. Русские староверы Эстонии. Тарту, [б.г.] С. 21; Пругавин А.С. Старообрядцы и образование // *Старая Русь*. 1912. № 2. С. 30; Лилев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. Киев, 1895. С. 219, 234; Симицын И.И. Отчет «О расколе в Ярославской губернии» // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В.[И.] Кельсиев. Вып. 4. Лондон, 1862. С. 166–167; Леонтьева С.И. Обучение грамоте в старообрядческой среде Ветковско-Стародубского региона // *Старообрядчество как историко-культурный феномен...* С. 150–156; Краткая записка о современном состоянии раскола в Повенецком уезде // Материалы для истории русского раскола из собрания А.Е. Бурцева. [б.м., б.г.] С. 16 (третья пагинация).

¹⁷ Симицын И.И. Отчет «О расколе в Ярославской губернии». С. 166–167; Леонтьева С.И. Обучение грамоте в старообрядческой среде... С. 150–156.

¹⁸ Leroy-Beaulieu A. L'Empire des Tsars et les Russes. Т. 3. Paris, 1889. P. 394–395.

прекрасно знали священные и нравоучительные произведения, т.к. «говорят текстами или книжным языком»¹⁹.

В результате старообрядцы, в том числе крестьяне, были значительно грамотнее остальных²⁰. До создания сети начальных школ по Положению 1864 г. в среде синодальной паствы 1 грамотный приходился на 17 неграмотных. В старообрядчестве пропорция была 1:3²¹. По данным экспедиции МВД 1852 г., в Центральной России в середине XIX в. не менее ¼ старообрядцев были грамотными, среди прочих – не более 1/6²².

В постановлении Синода от 1845 г. отмечалось, что «правила учреждения школ для поселян» 1836 г. не подходят для старообрядцев. И причина была не только в том, что старoverы обучали «детей скрытным образом, в видах приготовления их к промышленности, торговле, счетоводству и в особенном намерении вкоренить в них привязанность к расколу». Имело значение и то, что, как отмечалось в постановлении, для детей старoverов «школы для поселян» образца 1836 г. слишком примитивны, им «потребно обучение в большем развитии», хотя бы в приходских и уездных школах²³.

Эта черта старoverия сохранялась и позже. Анкетирование свыше 100 тыс. дворов крестьян-старообрядцев (по решению IX съезда старообрядцев) показало, что доля грамотных старoverов выше, чем у живущих по соседству прихожан синодальной церкви. В 1908 г. 36% крестьян-старoverов умели читать и писать (в Московской и северных губерниях – до 50%), в то время как этот показатель для всех крестьян Европейской России составлял 23% (в целом по стране – еще меньше) и даже в более развитой Польше – 30,5%.

Если основная масса всех крестьян Европейской России тратила в то время на книги и газеты в среднем 1–1,5 коп. в год на душу населения, то в старообрядческих семьях по результатам анкетирования – 61 коп. На семью крестьян-старообрядцев приходилось книг и газет в среднем на 5 руб. 25 коп., в отличие от паствы синодальной церкви, тратившей лишь 12 коп. на семью, т.е. в 44 раза меньше. Всего 29% старообрядцев-крестьян не покупали ни книг, ни газет²⁴. Эта разница усугублялась содержанием читавшихся книг. В нестарообрядческих крестьянских массах наиболее популярными и читаемыми

¹⁹ Записка о современном положении раскола в губерниях Витебской, Могилевской и Смоленской // Материалы для истории русского раскола... С. 14 (первая пагинация); Краткая записка о современном состоянии раскола в Повенецком уезде. С. 15 (третья пагинация); *Синицын И.И.* Отчет «О расколе в Ярославской губернии». С. 107.

²⁰ *Синицын И.И.* Отчет «О расколе в Ярославской губернии». С. 166.

²¹ *Шапов Я.Н.* Книга у старообрядцев как явление культуры // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 15.

²² *Синицын И.И.* Отчет «О расколе в Ярославской губернии». С. 166–167.

²³ *Верховский Т.А.* Записки о его жизни, составленные им самим. Ч. 1. СПб., 1877. С. 467.

²⁴ По решению проходившего 2–4 августа 1908 г. IX Всероссийского старообрядческого съезда Древлеправославной старообрядческой церкви (ныне – РПСЦ) в 1909 г. на средства Рябушинских было проведено анкетирование свыше 100 тыс. дворов крестьян-старообрядцев в 367 основных и 819 окрестных (1186) старообрядческих селений Европейской России в сравнении с данными ГУЗИЗ и земской статистики. См.: Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 года). М., 1910. С. XVIII, 201–202, 229–230.

были самые дешевые лубочные издания²⁵. В то же время в семьях старообрядцев речь шла о религиозных текстах, а также о газетах.

В результате многие староверы, принадлежавшие ко всем социальным слоям, блестяще знали священные тексты, включая патристику. Староверы в большинстве своем разбирались не только в Писании и Предании, но и в хитросплетениях их конкретных интерпретаций. Особенно высоким был подъем конфессиональной культуры в первой половине XIX в., но и позже в старообрядческой среде «простой народ» был «образован по старине». Так, в Гуслицах в 1860-е гг., по свидетельству современника, «многие пожилые люди могут вести спокойный диалектический спор об отличиях своего учения, знают историю раскола»²⁶.

Владельцами не просто одной «божественной» книги, а небольших библиотек являлись и простые крестьяне, что было нонсенсом для синодальной пасты. Об этом свидетельствуют, в том числе, владельческие записи, судя по которым богословские сборники принадлежали не только купцам, мещанам, но и крестьянам – ревнителям истинной веры.

В крестьянской старообрядческой среде не только имело место **обостренное религиозное чувство**, но действовали те же правила **мирской аскезы и методизма**. Сакрализация была настолько осознанной, что распространенным обозначением пасты синодальной церкви, в отличие от староверов («верных»), стал встречающийся в документах всех согласий старообрядчества термин «мирские»²⁷.

По собранным экспедициями МВД данным, жившие рядом со староверами крестьяне считали, что «раскольничья вера – святая настоящая христианская, что в одной только этой вере и можно спастись, и что вера (официальная. – В.К.) православная, или по народному названию, вера по церкви, есть вера мирская». Простые крестьяне-нестарообрядцы часто говорили: «Мы не христиане <...> мы во Христа веруем, но мы по церкви, люди мирские, суетные <...> Христиане те, что по старой вере, они молятся не по нашему, а нам некогда»²⁸.

Вологодский епархиальный миссионер также писал, что «в местностях, где силен раскольничий дух, население относится к расколу, как к вере людей, удалившихся от мира и предавшихся подвигам спасения души и богоугож-

²⁵ По анкетам Н.А. Рубакина и Х.Д. Алчевской на рубеже XIX–XX в. наиболее читаемыми в крестьянской среде были такие произведения лубка, как «Убийство на дне моря», «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка умирает на гробе своего мужа», а также увековеченные Н.А. Некрасовым «Приключения аглинского милорда Георга и маркиграфини Фиридерики-Луизы». См.: *Оболенская С.В.* Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // *Одиссей. Человек в истории.* 1997. М., 1997. С. 204–232.

²⁶ Цит. по: *Агеева Е.А.* Из истории старообрядческих центров: подмосковные Гуслицы XVII–XX в. // *Уральский сборник: История. Культура. Религия.* [Вып.] II. Екатеринбург, 1998. С. 15.

²⁷ *Духовная литература староверов Востока России XVIII–XIX вв.* / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999. С. 455, 459, 465.

²⁸ *Синицын И.И.* Записка об экспедиции (1852) для статистического исследования народонаселения Ярославской губернии // *Сборник правительственных сведений о раскольниках.* Вып. 4. С. 45, 46. Характерна выдержка из показаний одного угличского купца, перешедшего в старую веру: «Крещен был при рождении по церкви и в малолетстве был перекрыжен в христианство родителями». См.: *Показания Угличского купца Ив. Вас. Выжилова* // Там же. С. 246.

дению; оно хочет, мечтает, хотя бы в конце жизни отдаться такой жизни»²⁹. В отчете по Ярославской губ. отмечалось, что в результате многие из синодальной паствы — «едва ли не $\frac{3}{4}$ губернии молятся двуперстным знаменем креста, презирая и щепоть»³⁰, — троеперстием. По свидетельству современников, в середине XIX в. не только в крестьянстве, но и в других слоях общества было распространено мнение, что старообрядцы — самые ревностные христиане в России, «как христиане первых времен», а официальное православие — «мирская религия», и «вся святость концентрируется в старой вере»³¹.

Подобный традиционализм сохраняется и в новейшую эпоху, обеспечивая при этом консервацию представлений о сакральности повседневной жизни. Специалисты, изучающие современных старообрядцев в различных регионах России, делают выводы о «неразделенности в их сознании бытовых и сакральных сторон жизни», придающей «религиозную окраску многим бытовым явлениям»³². Так, для многих современных ревнителей старой веры, как и ранее, «приверженность духовной чистоте подразумевает и физическую опрятность жилища». В Вятской губ. в конце XX в. соседи ревнителей древнего благочестия подчеркивали, что «дома у старых веров чисто, как в раю». Старообрядцы не только разделяли кухонную и банную посуду, сохраняли «чистое отношение» к утвари, гигиену приготовления пищи и т.д. (самым грязным считалось то, что смывалось с человека: лохань под умывальником, банное ведро и проч.), но и чистоту в отношении сакральных предметов. Читать книги можно было только с чистыми руками; держа книгу на весу, надо было поддерживать ее за переплет; страницы лучше листать сверху и т.д.³³. Вообще, по данным современных этнографических и археографических экспедиций многие современные глубоко верующие старообрядцы в сельской местности до сих пор «воспринимают всю свою жизнь в качестве непрерывного обряда», но при этом «они редко обращаются к Богу с какими-либо практическими просьбами: посильное стремятся сделать сами, а о непосильном просто не думают»³⁴.

Не меньшей детальности достигала регламентация «Цветников», служивших в обыденной жизни практическим руководством к подготовке спасения

²⁹ Цит. по: *Савельев Ю.В.* Старообрядчество в Печорском крае Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии // Старообрядческая культура Русского Севера. Сыктывкар, 1997. С. 102.

³⁰ *Синицын И.И.* Отчет «О расколе в Ярославской губернии». С. 152.

³¹ *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des Tsars et les Russes. P. 378. Даже старообрядцы (в основном из поповцев), наиболее толерантно настроенные по отношению к государству и официальному православию и уже не связывавшие их с антихристом, все равно заключали, что «господствующая» вера «есть вера гражданская, мирская, не на правом, искреннем убеждении основанная, но служащая Правительству для поддержания порядка и богопочитания к земной власти». См.: *Стейнбок[-Фермор Я.И.]* Краткий взгляд на причины быстрого распространения раскола // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 4. С. 328–329.

³² *Данилко Е.С.* К постановке проблемы этнографического изучения старообрядческой религиозности (на примере общин Южного Урала) // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2001. С. 90.

³³ *Трушкова И.Ю.* Старообрядчество как позднесредневековое православие (этнокультурологический аспект) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 2002. С. 444–445.

³⁴ *Бауэр А.А.* Современные старообрядцы-беспоповцы в обращении с окружающим миром (на примере Кировского района Калужской области): психологическая зарисовка // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1996. С. 31–32.

всех староверов, живших в монастырях и скитах, деревнях и городах. Так, пермский «Цветник» указывал, в какое время суток чем заниматься, куда ставить посуду, куда класть одежду, когда можно есть ту или иную пищу и проч.: «Сходясь и расходясь часто прашайся и благословляйся, часто кланяйся вноги и на молитву ставай часто, чистоту храни. <...>. Образ ссобой носи свои; у мирских им не молись и образов мирских неberi вдом свой <...>. Ивроботу и вдорогу ехать или пеш, чрез реку и пришед откуда в свой дом помолись и ехать впуть или счрез реку или заработу; <...> Спостели ставши непить по ночам пелмени неделать, напирь не инаигрища неходить и бань по праздникам нетопить <...> и иквас мирской посудой нечерпать <...> и от собак ни кошек и от скота блюсти, нюхать недавать ниже лизать»³⁵, — учил «Цветник», переписанный в простую тетрадку.

Трудовая этика старой веры со всей очевидностью воздействовала на старообрядцев-крестьян так же, как на старообрядческое купечество.

И до и после отмены крепостного права, по мнению современных исследователей, этика труда на практике была равнозначна «этике выживания»³⁶. Но А.Н. Энгельгардт справедливо отмечал, что распространенные в публицистике, земствах, среди помещиков выводы о том, что «мужик и пьяница, и вор, и мошенник, условий не исполняет <...> ленив, дурно работает», совершенно не верны — «цельное, но фальшивое представление», «мираж» («...точно люди эти живут не на земле, а в воздухе»). «Ничего этого нет», — восклицал наблюдатель, лично знавший всех крестьян в округе. Есть те, кто «даже работать хорошо не умеют», есть кто «не любит хозяйства», а есть отличные «мужики-хозяева», но преобладают «средние люди, и в числе их наибольший контингент составляют люди, механически выучившиеся, вследствие постоянного упражнения с малолетства, более или менее хорошо работать <...> под чужим руководством»³⁷.

Совершенно очевидно, что нецелесообразно выяснять вопрос о том, был российский крестьянин в ту или иную эпоху трудолюбивым или ленивым. Выводы о фатальной крестьянской лености и косности в труде так же мифологичны, как и предположения о не менее «беспросветном» трудолюбии и смекалке крестьян. Подобные заключения, встречающиеся в исторической литературе, превращают ее, по сути, в публицистику. Не вызывает сомнения, что приученные с малолетства трудиться, работавшие всю свою жизнь люди не могли не приобрести привычку к труду, не могли не уметь выполнять довольно сложную крестьянскую работу и быть в своей массе ленивыми. Так же несомненна крестьянская оценка физического труда как данного им Богом обязательного занятия. А понятие «трудолюбие» («любовь к труду»³⁸) вряд ли имеет

³⁵ Цветник. Сия есть вера христианска к Богу, любити всем сердцем // [Архимандрит] П[алладий]. Обозрение пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб., 1863. С. 193–197.

³⁶ Кудюкина М.М. Труд в системе ценностей русского народа // Этика и организация труда в странах Европы и Америки. Древность, средние века, современность. М., 1997. С. 302.

³⁷ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб., 1999. С. 95, 214, 215, 281, 282; Будаев Д.И., Будаева О.Д. Письма «Из деревни» как исторический источник // Там же. С. 592–593.

³⁸ Словарь русского языка: в 4 т. (МАС). Т. 4. М., 1984. С. 419.

в этом плане смысл³⁹. Гораздо важнее цели труда, их мотивация, обеспечивающая определенный уровень интенсивности труда и его постоянный характер. Традиционная общеправославная система ценностей, институты крестьянского этоса и социально-психологические установки мотивировали ради поддержания жизни труд, сочетающийся с сознательной установкой, выраженной одним из вполне работающих собеседников того же Энгельгардта: «не убиться же на работе»⁴⁰.

Изучение статистики трудового времени и «меры самоэксплуатации» крестьян начала XX в. привели А.В. Чаянова к выводу о том, что крестьянин использовал свои трудовые возможности (в целом за год) не более чем на 50%, с учетом и работы промыслового характера. Это объяснялось не только неравномерностью и сезонностью земледельческого труда, но и тем, что крестьянин снижал трудозатраты, когда появлялось в «крестьянском сознании ощущение состояния основного равновесия между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягостности руда». То есть, в отличие от хозяйствующего субъекта «капиталистического типа», русский крестьянин снижал уровень «самоэксплуатации» при достижении минимального прожиточного уровня, воспринимаемого им как достаточный⁴¹.

Контент-анализ лубочной и «народной» литературы XIX в. показал, что жизнь в земледельческом труде лишь в 2% случаев соответствовала признанной модели успеха, хотя личный труд считался одним из средств его достижения⁴².

Иной была ситуация в старообрядчестве. На Ветке и в Стародубских слободах противники старообрядцев признавали, что «народ сей от природы наследственно суеверен, груб, горд <...> но поворотлив, к делам способен, трудолюбив»⁴³. В середине XIX в. в «Военно-статистическом обозрении Черниговской губернии» также отмечалось, что старообрядцы отличались высоким трудолюбием, ловкостью и находчивостью в работе⁴⁴. В результате, по мнению современников, уже в первой половине XIX в. у ветковско-стародубских крестьян-старообрядцев сенокос, посевная, уборочная про-

³⁹ Показательно, что оно отсутствует, например, в словаре В.И. Даля, но есть словосочетания: «трудолюбивый человек» – «прилежный, работающий, не терпящий праздности» и «труженик» – «обреченный или сам обрекшийся на тяжкие труды, сподвижник, мученик, трудящийся неумолимо». См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1998. Стлб. 853.

⁴⁰ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни... С. 232.

⁴¹ См.: *Чаянов А.В.* Мера самоэксплуатации трудовых сил крестьянской семьи. Понятие выгодности в трудовом хозяйстве // *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 232–252.

⁴² Анализ произведен Дж. Бруксом см.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Генезис личности демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. I. СПб., 2003. С. 335–336.

⁴³ *Иоаннов А.* Полное историческое извещение... о древних стригильниках и новых раскольниках, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, церкви Сошествия Св. Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым. Ч. III. СПб., 1855. С. 15.

⁴⁴ *Мищенко Т.А.* Старообрядчество в Юго-Западных районах Брянщины на рубеже XIX–XX веков // Старообрядчество как историко-культурный феномен... С. 191.

ходили быстрее, поля обрабатывались лучше, а скот выделялся своей породистостью⁴⁵.

В 1850-е гг. руководители «статистических экспедиций» МВД в губернии Центральной России в своих отчетах отмечали трудолюбие как фактор устойчивости старой веры. Крестьяне-старообрядцы даже в условиях крепостного права проявляли приверженность труду столь отличную от нормативной в этой среде, что это заставляло управляющих хозяйствами на ведомственных землях и в крупных имениях «покрывать» старообрядцев, давая им возможность пользоваться «наибольшей льготой, свободой и выгодами промышленности»⁴⁶.

В Витебской, Могилевской и Смоленской губерниях старообрядцы тоже оказались «резвы, трудолюбивы и зажиточны»⁴⁷.

По мнению помещиков, вотчинных начальников, старост удельных и казенных имений Костромской губ., старообрядцы были лучшими работниками⁴⁸.

Изучивший все доносы и отчеты по Европейской России товарищ (заместитель) министра внутренних дел П.И. Липранди, отвечавший за «борьбу с расколом», сделал обобщенный вывод: старообрядец «всегда трезв и всякий день на работе», а староверы в целом составляют «большую массу народа, самого <...> трудолюбивого и трезвого»⁴⁹.

Аналогичными были отзывы различных органов власти. Анкетирование священников синодальной церкви Ярославской губ. выявило, что, по их мнению, «в нравственном отношении раскольники <...> отличаются трудолюбием, воздержанием и исполнительностью данных обетов по сие время»⁵⁰.

Анализ комплекса духовных стихов, собранных в среде старообрядцев Вятской губ., свидетельствует «о значительной доле идей о трудничестве в ментальности населения данной этноконфессиональной группы». Труд здесь во многих случаях являлся критерием оценки окружающей действительности и освящения норм повседневной жизни. Так, вятские староверы объясняли отказ от употребления в пищу конины, в том числе тем, что «конь ведь, как человек, много работает, весь в поту, его и есть как-то не честно, не позволяет как-то душа есть лошадь». В целом, по мнению исследователей старообрядчества Вятского края, староверы относились к труду как к святому делу. Большое значение придавалось возможности улучшить конечный результат труда, применив какой-либо прием (новый или старый), позволяв-

⁴⁵ Дубровский А.М., Кочергина М.В. Хозяйственная деятельность старообрядческих общин Ветки-Стародубья в конце XVIII – первой половине XIX века // Старообрядчество как историко-культурный феномен... С. 73.

⁴⁶ Синицын И.И. Записка об экспедиции (1852)... С. 45.

⁴⁷ Записка о современном положении раскола в губерниях Витебской, Могилевской и Смоленской [отчет министру внутренних дел об экспедиции 1853 г.] // Материалы для истории русского раскола... С. 14 (первая пагинация).

⁴⁸ Брянцинов [П.А.], Арнольди [Л.И.] О расколе в Костромской губернии (краткая записка о состоянии раскола и настоящем числе раскольников в Костромской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 4. С. 297, 318.

⁴⁹ Липранди [И.П.] Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом значении (1853). Лейпциг, 1883. С. 102, 156.

⁵⁰ Дмитревский В.И. Современный раскол в Ярославской епархии и борьба с ним: стат. очерк. Ярославль, 1892. С. 58–59.

ший это сделать. Важно, что труд был детально организован и основывался на строгой дисциплине.

В итоге тенденция старообрядческого сообщества «к экономическому развитию в неблагоприятных условиях, к преодолению трудностей», а также «особая религиозность» и «религиозная аскеза с ее рациональным, и может быть, чуть заниженным потреблением, способствовали созданию прочного комплексного и развивающегося вида хозяйства с продуманной организацией труда в старообрядческой культуре». Результаты реализации этих институтов в социальной практике активно проявлялись в сельскохозяйственном и ином труде староверов региона, обеспечивая высокую производительность труда и успех хозяйственной деятельности⁵¹.

Старообрядцы Забайкалья – «семейские», переселенные в XVIII в. с разгромленной Ветки, в тяжелых природных условиях также смогли добиться незаурядных хозяйственных успехов. Они стали самым зажиточным «и во всех отношениях самым лучшим» слоем русского населения региона именно благодаря своему трудолюбию и «высокой культурности». Несмотря на то что «правительство не дало этим ссыльным никакой помощи, а просто бросило их на голом поле <...> они вскоре устроились на новом месте неплохо, благодаря своему трудолюбию, и жили довольно обеспеченно»⁵².

Это отмечали не только симпатизировавшие староверам декабристы, посланные в эти края (А.Е. Розен, М.А. и Н.А. Бестужевы, И.Д. Якушкин и др.). Власти тоже высоко оценивали «пример редкого трудолюбия» староверов Западного Забайкалья. В 1808 г. иркутский губернатор Н.И. Трескин писал о староверах в «Положении о распространении хлебопашества в Иркутской губернии» как о «примере редкого трудолюбия»: «Они поселены лет на 40 на местах песчаных и каменистых, где даже не предвиделось возможности к земледелию, но неусыпное трудолюбие их и согласие сделало, так сказать, и камень плодородным. Ныне у них лучшие пашни и их хлебопашество составляет им не токмо изобильное содержание, но есть главнейшая опора Верхнеудинского и Нерчинского уездов <...> Начальство долгом считает обвестить по всей губернии редкое прилежание, трудолюбие и общепользность крестьян-старообрядцев Верхнеудинского уезда <...> и изъявить им за то совершенную свою признательность». Сибирский писатель и краевед В.П. Паршин через 40 лет вторил губернатору: «Верхнеудинский округ считается одним из хлебородных в Иркутской губернии. Он питает окрестные места и нередко помогает Иркутску. Разгадка простая: Верхнеудинский округ населяют большей частью старообрядцы, народ трудолюбивый и трезвый. Нигде по Забайкалью вы не встретите такого цветущего здоровья и довольства, как в селениях старообрядцев. Они прекрасные хозяева и лучшие земледельцы»⁵³.

⁵¹ Трушкова И.Ю.: 1) Старообрядчество как позднесредневековое православие. С. 442, 445; 2) Система природопользования и организации труда у старообрядцев Вятского края // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 2000. С. 483–485.

⁵² См.: Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1997. С. 135; Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1920.

⁵³ Болонев Ф.Ф. Семейские: историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 1992. С. 55–57, 76, 77; Замула И.Ю. Из истории семейских... С. 177; Бабиков В.А., Цырендоржиева Т.Б. Виды традиционного природопользования семейских Забайкалья – прошлое и настоящее // Старооб-

Эти «польские выселенцы» (так называли поначалу староверов местные жители), как и все их единоверцы, обосновывали необходимость постоянно и упорно трудиться тем, что труд есть божественное установление. Именно трудолюбием и упорной работой семейские, практиковавшие в целом те же аграрные технологии, что и другие крестьяне региона, смогли превратить рискованное в условиях Западного Забайкалья земледелие из убыточного в прибыльное, выращивая даже арбузы⁵⁴.

Эта ситуация не изменялась с течением времени. Организаторы анкетирования крестьян-старообрядцев 1909 г. пришли к выводу, что выявленное превосходство хозяйств староверов над «другими крестьянами» было следствием особенностей «их бытового уклада» и, в значительной степени, трудолюбия⁵⁵.

Трудовая этика староверия и ее реализация в социальной практике оказались настолько ориентированными на труд, что староверы выделялись даже в среде, признанной в историографии в этом отношении эталонной. Так, в Пруссии, где несколько тысяч старообрядцев оказались после третьего раздела Польши, местный пастор отмечал, что их трудолюбие настолько высоко, что может оказать положительное влияние на местное население, в том числе даже на живших рядом немецких евангелистов, известных своей религиозностью и серьезным отношением к труду. Государственный комиссар, следивший за восточно-прусскими деревнями, где жили старообрядцы, также отмечал их трудолюбие⁵⁶.

Стремление к модернизации производства. Старообрядцами на всем протяжении их истории субъективно ставилась задача «бегать новизны <...> если новизна непотребна, то старина священна». Речь шла, прежде всего, о задаче избегать именно религиозной, «церковной» новизны — «уклоняться <...> скверных новизн <...> то есть — новых учений, дел, мнений противных старины и древности, в случае принятия которых, необходимо должна рушиться вера благодатных отцев». Однако в условиях, когда в старообрядчестве произошла сакрализация повседневности, когда даже быт ревнителя древнего благочестия оказался включенным в вероисповедный контекст, запрет на «пагубное дело изобретать новизны <...> что-либо новое», был распространен на все стороны методически регламентированной жизни старовера⁵⁷.

рядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. С. 174; *Петрова Е.В.* Социокультурная адаптация семейских Забайкалья: Этносоциальный анализ. Улан-Удэ, 1999. С. 20; История культуры Бурятии XVIII—XIX веков. URL: <http://burятия.fio.ru/tolerance/4/bit.htm#Русские>.

⁵⁴ *Бабиков В.А., Цырендоржиева Т.Б.* Виды традиционного природопользования семейских Забайкалья... С. 75, 174; *Пыкин П.В.* Состояние земледелия в крестьянских хозяйствах старообрядцев Западного Забайкалья в начале XX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. С. 171; *Дамбаева З.Ф.* Документы о семейских старообрядцах в фондах Национального архива Республики Бурятия // Там же. С. 362, 363.

⁵⁵ Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев... С. XVIII.

⁵⁶ См.: *Ярошевич-Переславцев З.* Старообрядцы в XIX в. глазами иноверческого окружения // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. Т. IV: Русские староверы за рубежом. Тарту, 2000. С. 261.

⁵⁷ [*Механиков В.*] Историко-каноническое обозрение старообрядческого общества. Первый систематический опыт. [М., 1893]. Л. 34—34 об., 38 (рукопись из фондов ИНИОН РАН).

Конфессиональные запреты не распространялись на случаи «надлежащей нужды». Сформировавшаяся в начале XIX в. духовная концепция *дела* стала ядром конфессиональной этики старообрядческого хозяйствования. Восприятие *дела* как «работы о Господе», как личного христианского подвига определило ревностное к нему отношение староверов-предпринимателей. Концепция ориентировала на хозяйствование современного типа и во взаимодействии с другими конфессионально-этическими компонентами староверия способствовала складыванию новой хозяйственной культуры. Успех этого *дела*, например, в прядильном, бумаготкацком, суконном производстве, был невозможен без использования западных машин и приглашения, по крайней мере, на первых порах, мастеров из Великобритании и Германии. И старообрядческие фабриканты, способствуя укреплению «истинного православия», активно вводили иностранную технику и технологию на своих предприятиях, отмаливая затем свои грехи, сознательно совершаемые ради главного в их жизни⁵⁸.

Стремление к усовершенствованию хозяйственной системы характеризовало и крестьян-староверов. К примеру, мелкие старообрядческие хозяйства – гуслицкие хмелеводы для успеха *дела* заменили местные сорта хмеля на привезенные из Германии, а затем в ходе экспериментов создали новые сорта, дававшие лучшие результаты, чем во Франции и Бельгии, внедрили ряд технических усовершенствований в процессе обработки хмеля⁵⁹.

В земледельческом староверческом крестьянстве прослеживался тот же процесс. Согласно анкете 1909 г. 12,1% крестьян-старообрядцев Европейской России имели «почти все усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины» (косилки, сеялки, жнейки, молотилки, конные или паровые веялки, механические сортировки и др.), а еще 29,3% пользовались «некоторыми из сельскохозяйственных машин» в среднем стоимостью 111 руб.⁶⁰

В то же время, в самом обеспеченном аграрными орудиями регионе – Черноземье⁶¹ в 1912–1913 гг. среди всех крестьян (их подавляющее большинство – паства синодальной церкви) лишь 2–6% обладали хотя бы одной из сельскохозяйственных машин⁶² (в пять раз меньше, чем у староверов в целом по Европейской России). Организаторы анкетирования сделали выводы о том, что была вполне очевидной «особая склонность старообрядцев к восприятию разного рода улучшений и нововведений в области сельского хозяйства», и что «в этом отношении они часто являются передовым элементом нашей деревни»⁶³. На вопрос, касающийся необходимости улучшений в сельском хозяй-

⁵⁸ Подробнее см.: Керов В.В. Английские узоры Морозовских ситцев. Парадоксы технического участия Великобритании в крупной российской хлопчатобумажной промышленности XIX века // Русское присутствие в Британии. М., 2010. С. 199–208.

⁵⁹ Лизунов В.С. Старообрядческая Палестина. Орехово-Зуево, 1992. С. 26; Федоров В.А. Торговое земледелие крестьян Московской губернии в первой половине XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 6. С. 92.

⁶⁰ Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев... С. 97, 213.

⁶¹ Здесь на крестьянское хозяйство приходилось в 7 раз больше сельскохозяйственных машин и металлических плугов, чем в Северном Черноземье и в 21 – чем в Нечерноземье.

⁶² Подсчитано по: Анфимов В.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. С. 208–209.

⁶³ Сельскохозяйственный и экономический быт... С. XVIII, 236.

стве, было получено только 5,3% отрицательных ответов. Остальные считали, что «необходимо улучшать обработку почвы, использовать удобрения, привести негодные земельные площади в культурное состояние, обзавестись хорошими семенами», а также обнаружилось «сильное стремление к улучшению породы своего скота». Кроме того, поскольку для старообрядцев характерно было «чувство солидарности и склонности к взаимопомощи», распространение аграрных организаций, товариществ и объединений, в том числе потребительских и кредитных кооперативов, встречало «среди старообрядцев подготовленную почву»⁶⁴.

Хозяйства староверов-крестьян отличались по своей структуре от других. Даже в бедных старообрядческих хозяйствах затраты на хозяйственные нужды составляли свыше 39% (в зажиточных – 43%). Если же считать затраты на аренду земли, то было 47%, что намного больше, чем аналогичные показатели у крестьян – паствы синодальной церкви. Важно, что анкеты отмечают сознательное стремление старообрядцев-крестьян к улучшению, совершенствованию, что стало одной «из причин увеличения их благосостояния»⁶⁵.

Соответственно, несколько выше к общим показателям по губерниям была и урожайность в старообрядческих хозяйствах, причем не столько при сборах ржи и пшеницы, сколько при сборах по всей России, включая Сибирь, коммерческих культур: овса – на 30%, картофеля – на 17%⁶⁶.

В результате и у крестьян-старообрядцев сложилась новая хозяйственная культура, опиравшаяся на высокую религиозную оценку интенсивного труда, ценностный приоритет дела, стремление к повышению эффективности хозяйствования и, соответственно, к модернизации производства. Нормы хозяйственной культуры (правил хозяйствования) в основном обусловили соответствующее поведение – хозяйственную деятельность. Это обеспечило высокие результаты хозяйствования, в данном случае, в аграрной сфере.

В первой половине XIX в. современники отмечали, что «в селениях раскольники составляют зажиточнейший класс народа», и старообрядцы «суть крестьяне самые исправные в исполнении своих поземельных обязанностей»⁶⁷. Таким же было положение вещей во всех регионах, где проживали староверы, вне зависимости от близости к центру. «Благодаря замечательному их трудолюбию, честности и строго воздержанной жизни» старообрядцы «представляют элемент, наиболее способный поднять уровень экономического благосостояния Кавказа»⁶⁸, – заявил в 1883 г. на заседании Госсовета гражданский начальник Кавказа князь А.М. Дондуков-Корсаков.

В начале XX в. сохранялась ситуация, когда «старообрядцы в общем являются экономически более обеспеченным элементом деревни». В тот период в Европейской России лошадей на 100 душ мужского населения у старове-

⁶⁴ Сельскохозяйственный и экономический быт... С. XVIII, 30, 40, 123.

⁶⁵ Там же. С. 227, 230, 232, 236.

⁶⁶ Подсчитано по: там же. С. 219–220.

⁶⁷ *Липранди И.П.* Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом значении... С. 62, 63.

⁶⁸ *Марков В.С.* К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка профессора Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.). М., 1914. С. 701.

ров было в 1,64 раз больше (31,4 против 19,2 в целом по региону). За Уралом обеспеченность лошадьми у старообрядцев — еще выше⁶⁹. Земли на хозяйство (включая сенокосы и выгоны) — в два раза больше, чем у крестьян других вероисповеданий. Важно, что наделной земли у староверов было практически столько же (11,3 дес. на двор в 50 губерниях Европейской России), сколько и у всех крестьян (11,1 дес.). Прирост же происходил за счет земли купчей и взятой в аренду. Купили земли старообрядцы-крестьяне в пять раз больше (5,4 дес. на двор против 1,1 дес.) и арендовали тоже больше. Безземельные и малоземельные (до 5 дес. на двор) крестьяне-старообрядцы составляли всего 14 против 34,6%⁷⁰ в среднем по региону⁷¹.

Вообще успешность крестьянского хозяйства староверов позволяла авторам статистического обзора сопоставлять крестьян-староверов не с менее успешными соотечественниками, но с западноевропейскими крестьянами, в отношении которых, впрочем, как считали составители издания, ошибочно «говорить о богатстве или особой зажиточности старообрядцев»⁷².

Таким образом, можно говорить о старообрядческих крестьянах как о массовых носителях новой экономической культуры и, соответственно, выводы в отношении факторов формирования успешного старообрядческого ведения хозяйства в целом получают полную аргументацию. В старообрядческой хозяйственной культуре и хозяйственном поведении невозможно выявить две различные модели, обусловленные социальной корреляцией. И предприниматели (купечество, прежде всего), и крестьяне — ревнители древнего благочестия имели в основе своего экономического поведения единую хозяйственную культуру. Единой была система конфессионально-этических факторов формирования старообрядческой хозяйственной культуры, но на менталитет купечества оказывали воздействие сами условия более крупного торгового или промышленного хозяйства, для управления которым требовались иные, чем в крестьянском хозяйстве, инструменты, иные формы взаимодействия в соответствующей социальной среде. Поэтому, хотя большая часть старообрядческого купечества имела деревенское происхождение, несложно выявить особенности староверческой *предпринимательской* культуры, для которой было характерно, в частности, стремление к прибыли, более интенсивному развитию, а также не позднее, чем во втором поколении, — к иному образу жизни («простота исчезала, и заводилась роскошь»)⁷³.

Ярким примером может служить С.В. Морозов. С одной стороны, он до самой смерти сознательно оставался в крестьянском сословии, будучи для получения соответствующих сословных льгот приписан к покровскому 1-й гильдии купечеству «на временном праве»⁷⁴, с другой — активно и успешно рабо-

⁶⁹ Сельскохозяйственный и экономический быт... С. 111.

⁷⁰ На 1905 г. См.: Рубакин Н.А. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (на основании официальных и научных исследований). СПб., 1912. С. 151.

⁷¹ Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев... С. 202–205.

⁷² Там же. С. XVIII.

⁷³ Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим, 1994. С. 128–129.

⁷⁴ Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 357. Д. 2. Л. 1.

тал над расширением своего дела, увеличивая прибыль и оставив сыновьям огромный капитал⁷⁵. Да и жил родоначальник Морозовых отнюдь не в крестьянской скромности. В 1826 г. он приобрел в Шелапутинском переулке Рогожской части за 5000 руб. «крепостной двор на Белой Земле с жилым и нежилым строением и садом», в 1842 г. значительно расширил имение, а позже прикупил два больших дома на Николаямской улице⁷⁶.

При этом, судя по результатам статистического обследования крестьян-старообрядцев 1909 г., хозяйственная культура крестьян – ревнителей древнего благочестия существенно отличалась от хозяйственной культуры их соседей, принадлежавших к пастве синодальной церкви.

Библиография

- Business History around the World / ed. by F. Amatory, G. Jones. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 425 p.
- Gentrification and the Enterprise Culture. Britain 1780-x – 1980. Oxford: Oxford University Press, 2001. 200 p.
- Jones E.L. Cultures Merging. A Historical and Economic Critique of Culture. Princeton: Princeton University Press, 2006. 297 p.
- Leroy-Beaulieu A. L'Empire des Tsars et les Russes. T. 3: La religion. Paris: Hachette, 1889. 670 p.
- Monahan E. The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia. Ithaca (NY): Cornell University Press, 2016. 424 p.
- Ruckman J.A. The Moscow business elite: A social and cultural portrait of two generations, 1840–1905. DeKalb (Illinois): Northern Illinois University Press, 1984. 275 p.
- 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. М.: Современник, 1995. 478 с.
- Агеева Е.А. Из истории старообрядческих центров: подмосковные Гуслицы XVII–XX в. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. [Вып.] II. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. С. 9–18.
- Анфимов В.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1962. 383 с.
- Бабиков В.А., Цырендоржиева Т.Б. Виды традиционного природопользования семейских Забайкалья – прошлое и настоящее // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 173–176.
- Банникова Е.В. Дореформенное купечество Южного Урала: повседневная жизнь в городской среде. Оренбург: Изд-во ГУ «РЦРО», 2009. 239 с.
- Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб.: Logos; Искусство-СПб., 1998. 448 с.
- Бауэр А.А. Современные старообрядцы-беспоповцы в обращении с окружающим миром (на примере Кировского района Калужской области): психологическая зарисовка // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 1996. С. 30–32.
- Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. 309 с.
- Болонев Ф.Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. 224 с.
- Боровиков Ю.В. Предпринимательская культура старообрядчества // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Т. 1. С. 278–282.
- Брянцев М.В. Религиозно-этические основы предпринимательства в России (XIX в.). М.: МПГУ, Компания «Спутник», 2000. 96 с.

⁷⁵ См.: Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых... С. 47–52.

⁷⁶ Морозова Л.П., Поткина И.В. Савва Морозов. С. 7.

- Брянчанинов [П.А.], Арнольди [Л.И.] О расколе в Костромской губернии (Краткая записка о состоянии раскола и настоящем числе раскольников в Костромской губернии) // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В.[И.] Кельсиев. Вып. 4. Лондон: Trübner & Co, Paternoster Row, 1862. С. 295–343.
- Будаев Д.И., Будаева О.Д. Письма «Из деревни» как исторический источник // Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. С. 582–596.
- Бусленко Н.И. Ростовское купечество: историко-экономические очерки в документах, фактах, цифрах, с авторскими комментариями и художественно-публицистическими отступлениями. Ростов на/Д.: АО «Цв. Печать», 1994. 151 с.
- Верховский Т.А. Записки о его жизни, составленные им самим. Ч. 1. СПб.: Тип. духовного журнала «Странник», 1877. 1096 с.
- Гавлин М.П. Из истории российского предпринимательства: династия Кокоревых. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1991. 63 с.
- Галимова Л.Н. Особенности менталитета купца-старообрядца // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2011. № 3(19). С. 26–33.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Цитадель, 1998. 832 с. (репринт 1914 г.).
- Дамбаева З.Ф. Документы о семейских старообрядцах в фондах Национального архива Республики Бурятия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 361–363.
- Данилко Е.С. К постановке проблемы этнографического изучения старообрядческой религиозности (на примере общин Южного Урала) // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 89–91.
- Дмитревский В.[И.] Современный раскол в Ярославской епархии и борьба с ним. Статистический очерк. Ярославль: Тип. Губ. Правления, 1892. 137, LXV с.
- Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. 336 с.
- Дубровский А.М., Кочергина М.В. Хозяйственная деятельность старообрядческих общин Ветки-Стародубья в конце XVIII – первой половине XIX века // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Гомель: УО ГГУ им. Ф. Скорины, 2003. С. 71–74.
- Думова Н.Г. Московские меценаты. М.: Молодая гвардия, 1992. 333 с.
- Духовная литература староверов Востока России XVIII–XIX вв. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 800 с.
- Замула И.Ю. Из истории семейских Вехнеудинска в XIX – начале XX вв. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 176–179.
- Записка о современном положении раскола в губерниях Витебской, Могилевской и Смоленской [отчет министру внутренних дел об экспедиции 1853 г.] // Материалы для истории русского раскола из собрания А.Е. Бурцева. [б.м.: б.и., б.г.] С. 13–18 (первая пагинация).
- Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: Изд-во «Магистр», 1998. 360 с.
- Иоаннов А. Полное историческое извещение о древних стригольниках и новых раскольниках, собранное из потаенных со преданий, записок и писем, церкви Сошествия Св. Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым. Ч. 1–4. СПб.: Изд. В.А. Терскова, 1855. 80; 74; 46; 136 с.
- История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX века – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2000. 575 с.
- Калинин В.Д. Из истории предпринимательства в России: династии Прохоровых и Рябушинских (научно-аналитический обзор). М.: Ин-т экономики, 1993. 140 с.
- Керов В.В. «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М.: Экон-информ, 2016. 584 с.
- Керов В.В. Английские узоры Морозовских ситцев. Парадоксы технического участия Великобритании в крупной российской хлопчатобумажной промышленности XIX века // Русское присутствие в Британии. М.: Современная экономика и право, 2010. С. 199–208.
- Керов В.В. Конфессиональные основы деловой культуры и делового поведения предпринимательских сообществ в России XVIII–XIX вв. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2008. № 3. С. 51–64.

- Керов В.В.* Социокультурные факторы формирования деловой культуры старообрядцев (XVIII–XIX века) // История предпринимательства в России: XIX – начало XX века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 79–91.
- Керов В.В.* Старообрядческое предпринимательство XVIII – первой половины XIX в.: генезис и модельные характеристики // Индустриальное наследие: Материалы II междунар. науч. конф. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2006. С. 297–307.
- Керов В.В.* Хозяйственная культура и хозяйственное поведение старообрядцев в России XVIII–XIX в.: ценностно-институциональный подход // Вестник РУДН. Сер. История России. 2011. № 1. С. 40–57.
- Кириллов И.А.* Наш грех // Старая Русь. 1912. № 5. С. 79–82.
- Кириллов И.А.* Статистика старообрядчества. М.: Изд. журн. «Старообрядческая мысль», 1913. 26 с.
- Козлова Н.В.* К вопросу о численности купцов-старообрядцев в городах России в середине XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 1998. С. 93–95.
- Козлова Н.В.* Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII века (К истории российского предпринимательства) // Отечественная история. 1999. № 4. С. 3–14.
- Козловцева Н.В.* Старообрядческая православная этика и «дух русского капитализма» (по материалам Нижегородской губернии XIX века) // Известия РГПУ А.И. Герцена. 2009. № 107. С. 31–38.
- Краткая записка о современном состоянии раскола в Повенецком уезде // Материалы для истории русского раскола из собрания А.Е. Бурцева. [б.м.: б.и., б.г.] С. 11–23 (третья пагинация).
- Кудюкина М.М.* Труд в системе ценностей русского народа // Этика и организация труда в странах Европы и Америки. Древность, средние века, современность. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 296–312.
- Купцы Морозовы – российские предприниматели и меценаты. Тезисы докл. и выступл. науч.-практ. конф. Орехово-Зуево: Администрация г. Орехово-Зуево, 1997. 131 с.
- Лавицкая М.И.* Орловское купечество второй половины XIX – начала XX века. Орел: Изд-во Орловской региональной акад. гос. службы, 2007. 287 с.
- Леонтьева С.И.* Обучение грамоте в старообрядческой среде Ветковско-Стародубского региона // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Гомель: УО ГГУ им. Ф. Скорины, 2003. С. 150–156.
- Лизунов В.С.* Старообрядческая Палестина. Орехово-Зуево: Орехово-Зуевская тип., 1992. 207 с.
- Лилеев М.И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. Киев: Тип. Г.Т. Кончак-Новицкого, 1895. 597 с.
- Липранди [И.П.]* Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом значении (1853). Лейпциг: Э.Л. Каспрович, 1883. 84 с.
- Марков В.С.* К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка профессора Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.). М.: Изд. ЧОИДР при Московском ун-те, 1914. 943 с.
- Мельников Ф.Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997. 557 с.
- Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996. 216 с.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Генезис личности демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 547 с.
- Мирошниченко К.А.* Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII в. (из истории российского предпринимательства) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 28–39.
- Мищенко Т.А.* Старообрядчество в Юго-Западных районах Брянщины на рубеже XIX–XX веков // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Гомель: УО ГГУ им. Ф. Скорины, 2003. С. 190–193.
- Морозова Т.П., Поткина И.В.* Савва Морозов. М.: Русская книга, 1998. 202 с.
- Морозовы и их роль в истории России: Труды Первой науч.-практ. конф. (Морозовские чтения). Ногинск: Ин-т рос. истории РАН; Богородский печатник, 1996. 215 с.
- Морозовы и Москва. Труды юбилейной науч.-практ. конф. «Морозовские чтения». М.: Ин-т рос. истории РАН; Богородский печатник, 1998. 264 с.

- Нилова О.Е.* Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX века. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания. М.: ИРИ РАН, 2002. 250 с.
- Оболенская С.В.* Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // *Одиссей. Человек в истории: культурная история социального.* 1997. М.: Наука, 1998. С. 204–232.
- Османов А.И.* Старообрядцы в купечестве Санкт-Петербурга XIX в. // *Вестник ВГПУ. Социально-экономические науки и искусство.* 2006. № 2(15). С. 53–57.
- Перекрестов Р.И.* Источники накопления капиталов старообрядцами Стародубья в начале XVIII в. // *Старообрядчество: история, культура, современность.* М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2002. С. 78–83.
- Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М.: Русская книга, 1997. 200 с.
- Петрова Е.В.* Социокультурная адаптация семейских Забайкалья: Этносоциальный анализ. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ: БГУ, тип. БНЦ СО РАН, 1999. 19 с.
- Показания Угличского купца Ив. Вас. Выжилова // *Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В.И. Кельсиев. Вып. 4.* Лондон: Trubner & Co, Paternoster Row, 1862. С. 246–247.
- Пономарева Г., Шор Т.* Русские староверы Эстонии: краткий исторический справочник. Тарту: Изд-во Общества развития и культуры староверов Эстонии, 2006. 176 с.
- Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2004. 384 с.
- Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1995. 204 с.
- Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Вторая половина XIX – начало XX веков: Доклады науч.-практ. конф. (Вторые Морозовские чтения). Ногинск, Ин-т рос. истории РАН; Богородский печатник, 1996. 186 с.
- Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XX вв. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2008. 256 с.
- Пругавин А.С.* Старообрядцы и образование // *Старая Русь.* 1912. № 2. С. 30–35.
- Пыкин П.В.* Состояние земледелия в крестьянских хозяйствах старообрядцев Западного Забайкалья в начале XX в. // *Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи.* Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. С. 171–173.
- Разгон В.Н.* Менталитет сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в. // *Предпринимательство в Сибири. Материалы науч. конф. (Барнаул, 7–9 сентября 1993 г.).* Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1994. С. 10–17.
- Расков Д.Е.* Купцы-староверы в экономике Санкт-Петербурга // *Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8.* М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2000. С. 53–57.
- Расков Д.Е.* Новые сведения о московских старообрядцах-предпринимателях // *Старообрядчество: история, культура, современность.* М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2002. С. 84–91.
- Расков Д.Е.* Принципы ведения торговли у старообрядцев: на материалах Выговской пустыни // *Старообрядчество как культурно-исторический феномен. Старообрядчество как историко-культурный феномен. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Гомель: УО ГГУ им. Ф. Скорины, 2003. С. 239–246.*
- Расков Д.Е.* Роль купцов-старообрядцев в развитии текстильной промышленности (по материалам Московской губернии) // *Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. 3.* М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 434–467.
- Расков Д.Е.* Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2012. 344 с.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Федеральный фонд поддержки малого предпринимательства; ТПП РФ; Национальный фонд «Российская деловая культура», 1998. 214 с.
- Рубакин Н.А.* Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (на основании официальных и научных исследований). СПб.: Изд-во «Вестника знания» (В.В. Битнера), 1912. 216 с.
- Савельев Ю.В.* Старообрядчество в Печорском крае Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии // *Старообрядческая культура Русского Севера.* Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1997. С. 96–104.
- Седов А.В.* Старообрядцы Бугровы – крупнейшие предприниматели Нижнего Новгорода // *Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы.* М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 1996. С. 98–100.
- Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск: Гос. Иркутский ун-т, 1920. [2], 81 с.

- Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 года). М.: Изд. Совета съездов старообрядцев; тип. П.П. Рябушинского 1910. XX, 290 с.
- Синицын И.И.* Записка об экспедиции (1852) для статистического исследования народонаселения Ярославской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В.[И.] Кельсиев. Вып. 4. Лондон: Trübner & Co, Paternoster Row, 1862. С. 1–53.
- Синицын И.И.* Отчет «О расколе в Ярославской губернии» // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В.[И.] Кельсиев. Вып. 4. Лондон: Trübner & Co, Paternoster Row, 1862. С. 55–183.
- Сироткин Д.В.* Речь на Всероссийском съезде старообрядцев // Слово Церкви. 1917. № 24. С. 448.
- Словарь русского языка: в 4 т. (МАС). Т. 4. М.: Русский язык, 1984. 795 с.
- Стадников А.В.* Купеческий род как структурная единица старообрядческой общины (на примере старообрядческого рода Рахмановых и московской Рогожской общины) // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 1997. С. 62–64.
- Стадников А.В.* Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М.: Изд-во объедин. «Мосгорархив», 2002. 256 с.
- Стадников А.В.* Роль московского старообрядчества в развитии текстильной промышленности // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 1998. С. 91–92.
- Стадников А.В.* Список купеческих старообрядческих фамилий Москвы (XIX – начало XX в.) // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. С. 341–376.
- Старцев А.В.* Хозяйственная этика старообрядчества // Старообрядчество: история и культура. Вып. 1. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. С. 73–87.
- Стенбок[-Фермор Я.И.]* Краткий взгляд на причины быстрого распространения раскола // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В.[И.] Кельсиев. Вып. 4. Лондон: Trübner & Co, Paternoster Row, 1862. С. 325–343.
- Трушкова И.Ю.* Система природопользования и организации труда у старообрядцев Вятского края // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2000. С. 480–485.
- Трушкова И.Ю.* Старообрядчество как позднесредневековое православие (этнокультурологический аспект) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2002. С. 441–450.
- Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914 гг. М.: Изд-во объедин. «Мосгорархив», 1999. 512 с.
- Уэст Д.Л.* Старообрядцы и предпринимательская культура в царской России // Предпринимательство и городская культура в России (1861–1914). М.: Три квадрата, 2002. С. 103–117.
- Федоров В.А.* Торговое земледелие крестьян Московской губернии в первой половине XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 6. С. 93–105.
- Фенин К.Р.* Ретроспективный историко-экономический анализ национальной модели хозяйствования староверов и ее культурного наследия // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. Пензенский гос. университет. 2017. № 2(22). С. 114–128.
- Цветник. Сия есть вера христианска к Богу, любити всем сердцем // *А[рхимандрит] П[алладий]*. Обзорение пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб.: Тип. дух. журнала «Странник», 1863. С. 193–204.
- Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2010. 549 с.
- Чаянов А.В.* Мера самоэксплуатации трудовых сил крестьянской семьи. Понятие выгоды в трудовом хозяйстве // *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. С. 232–252.
- Щапов Я.Н.* Книга у старообрядцев как явление культуры // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука. СО, 1992. С. 12–17.
- Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. 714 с.
- Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск: Академ. изд-во «Гео». Т. 1. 2012. 450 с.; Т. 2. 2013. 464 с.
- Ярошевич-Переславцев З.* Старообрядцы в XIX в. глазами иноверческого окружения // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. Т. IV: Русские староверы за рубежом. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2000. С. 254–266.

Накануне сплошной коллективизации: 1928–1929 гг. в советской деревне

Аннотация. В статье на основе анализа разнообразных архивных и опубликованных источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, предпринимается попытка охарактеризовать механизм втягивания советской деревни в сплошную коллективизацию. Обосновывается тезис о решающем значении в этом процессе кризиса хлебозаготовок. Хронологические рамки исследования охватывают период 1928–1929 гг., когда начавшийся в 1927 г. кризис хлебозаготовок достиг своей кульминации, а выход из него сделал неизбежным сплошную коллективизацию как средство получения необходимого количества товарного хлеба для продолжения форсированной индустриализации.

Ключевые слова: кризис хлебозаготовок, чрезвычайные меры, внутривластная борьба, курс на сплошную коллективизацию.

Драматический период кануна сталинской коллективизации в истории советской деревни и страны в целом получил наиболее полное освещение в документальных публикациях последних десятилетий, подготовленных под руководством и при активном участии В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, О.В. Хлевнюка и других исследователей¹. На эту же тему особого внимания заслуживают монографии и статьи указанных авторов, а также ряда их российских и зарубежных коллег, признанных специалистов истории сталинизма и советской деревни периода нэпа и его слома на рубеже 1920–1930-х гг. (В.А. Ильиных, С.А. Есикова, М. Левина, Ю. Таниучи)². В данных публикациях восстановлена реальная хроника событий 1928–1929 гг., показаны процессы дальнейшего втягивания сталинского руководства в «чрезвычайщину» хлебозаготовок, нарастающего сопротивления им и аграрной политике сталинизма в целом основной массы крестьянства и как итог переход к насильственной коллективизации ради использования советской деревни в качестве важнейшего источника форсированной индустриализации страны.

* Кондрашин Виктор Викторович – доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории РАН, vikont37@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках апробации главы XIII т. «Истории России».

¹ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. М., 1989; Трагедия советской деревни: в 5 т. / гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. Т. 1. М., 1999; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. / Ин-т рос. истории РАН, Дом наук о человеке (Франция) и [др.]. Т. 2: Советская деревня глазами ОГПУ, 1923–1929 / ред. колл.: А. Берелович, В. Данилов (отв. ред.) [и др.]; сост.: Л. Борисова [и др.]. М., 2000; Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. М., 2000; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 6: 1928. М., 2002; Т. 7: 1929. М., 2004; Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1. М., 2011.

² Lewin M. Russian peasants and Soviet power. A study of collectivization. London, 1968; *Taniuchi Yuzuru*. Decision-making on the Ural-Siberian Method // Soviet History, 1917–53. Essays in Honor of R.W. Davies. New York, 1995. P. 78–103; *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000; *Есиков С.А.* Российская деревня в годы НЭПа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. М., 2010; *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010.

XV съезд ВКП(б). Дискуссия вокруг излишков товарного хлеба

В декабре 1927 г. состоялся XV съезд ВКП(б). Он проходил в условиях нарастающего кризиса хлебозаготовок из-за нежелания крестьян продавать государству хлеб по низким закупочным ценам. Хотя в советской историографии его было принято считать съездом, взявшим курс на сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств, в действительности он таковым не являлся. На съезде речь шла лишь о «всемерной поддержке» ростков «общественного сельскохозяйственного труда» на основе «дальнейшего кооперирования крестьянства» и постепенного перехода «распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства»³. При этом съезд «высказался» против каких бы то ни было мер административного воздействия и принуждения по отношению к крестьянству. В его решениях подчеркивалось, что переход к коллективному хозяйству «может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян»⁴. Съездом не устанавливались сроки и темпы коллективизации. Весной 1928 г. Наркомзем РСФСР и Колхозцентр РСФСР составили проект пятилетнего плана коллективизации крестьянских хозяйств, согласно которому к концу пятилетки, т.е. к 1933 г., предполагалось вовлечь в колхозы 1,1 млн хозяйств (4%). Летом 1928 г. Союз союзов сельскохозяйственной кооперации эти цифры увеличил до 3 млн (12%). Весной 1929 г. в утвержденном пятилетнем плане запланированный процент коллективизации достиг максимума – 4–4,5 млн хозяйств, т.е. 16–18% общего числа крестьянских хозяйств⁵. Таким образом, в 1927 – первой половине 1929 г. никакая коллективизация насильственными мерами не планировалась сталинским руководством, а курс на таковую вырос из практики хлебозаготовок 1927–1929 гг.

Хотя XV съезд ВКП(б) не был «съездом коллективизации», именно на нем участниками «объединенной оппозиции» были озвучены меры, ставшие впоследствии сутью аграрной политики Советского государства. Обвиняемая в «левом радикализме» «объединенная оппозиция» вслед за Л.Д. Троцким предложила XV партсъезду изъять у зажиточно-кулацких слоев (примерно 10% крестьянских дворов) в порядке займа не менее 150 млн пуд. из якобы имевшихся у них 800–900 млн пуд. натуральных запасов⁶. Затем предполагалось полученный хлеб вывезти на внешний рынок, закупить промышленное оборудование и тем самым дать мощный толчок процессу индустриализации, погашая принудительный заем постепенно, по мере ввода в строй новых предприятий, продукция которых направлялась бы для удовлетворения сельских потребностей. Фактически «объединенной оппозицией» предлагалось начать

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 261.

⁴ Там же.

⁵ *Ивеницкий Н.А.* «Великий перелом»: трагедия крестьянства. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 33.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 56. Оп. 2. Д. 52. Л. 34.

раскулачивание крестьян с целью получения средств для форсированной индустриализации.

В основе подобных планов, в том числе и сталинской группировки в Коммунистической партии, лежало стойкое убеждение во враждебности и антигосударственном настрое зажиточной части советской деревни, не желавшей войти в трудное положение страны и пожертвовать своими личными интересами во имя государственных. Проявлялось это, по их мнению, в сокрытии имевшихся запасов хлеба, полученных благодаря нэпу, создавшему зажиточным, кулацким хозяйствам благоприятные условия для обогащения.

В действительности, никаких значительных излишков товарного хлеба в советской деревне накануне кризиса хлебозаготовок 1927/28 г. не было. Об этом неоднократно заявлял Н.И. Бухарин, полемизируя с И.В. Сталиным и его сподвижниками по поводу применения «чрезвычайных мер» в хлебозаготовках. Он считал «мифом» так называемые 900 млн пуд. хлебных запасов, якобы имевшихся у крестьян, и которые их придерживали в корыстных целях⁷. Позиция Н.И. Бухарина основывалась на данных, полученных от Экспертного совета при ЦСУ СССР и СТО (см. табл. 1).

Таблица 1

**Балансы зерновых культур за 1925–1928 гг.
и предположительный баланс на 1928/29 г.,
по данным Экспертного совета при ЦСУ СССР и СТО (млн пуд.)**

Годы	Валовой сбор	Всего расхода	Остаток за вычетом расхода	Запасы		
				к началу года	накопление за год	сальдо «села»
1925/26	4512,4	3759,0	+ 753,4	213,5	+ 190,1	+ 563,3
1926/27	4747,4	3982,4	+ 765,0	403,6	+ 173,6	+ 591,4
1927/28	4464,0	4018,3	+ 445,7	577,2	– 48,1	+ 493,8
1928/29	4535,4	4024,2	+ 511,2	519,0	+ 42,1	+ 469,1

Источник: Трагедия советской деревни. Т. 1. М., 1999. С. 790.

Как видно из таблицы, излишки товарного хлеба в крестьянских хозяйствах во второй половине 1920-х гг. не достигали и 800 млн пуд. и колебались от 445,7 до 765 млн пуд. В период кризиса хлебозаготовок 1927/28 г. они составляли менее 500 млн пуд.

О завышенных оценках крестьянских запасов хлеба неоднократно указывал член президиума Госплана СССР П.И. Попов, в том числе и после снятия его с должности управляющего ЦСУ за данную позицию. В частности, 9 ноября 1928 г. на коллегии ЦСУ СССР в докладе «Конъюнктура народного хозяйства СССР за 1927/28 год» он заявлял по поводу «наших знаний о невидимых запасах»: «Эти невидимые запасы были в прошлом году одним из аргументов для очень многих мероприятий. В 1926/27 г. мы определили запасы

⁷ Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 299.

к концу года в 721 млн [пуд.]. В 1927/28 г. мы установили запасы в 896 млн – 900 млн [пуд.]. Таким образом, когда мы подошли к новому хозяйственному году, мы оперировали запасами в 900 млн [пуд.] и весь наш хозяйственный план строили при учете этого обстоятельства. Но вот заготовки, с одной стороны, сельскохозяйственный налог, с другой стороны, поставили вопрос о проверке этих запасов и, как вам известно, 107 статья показала, что этих запасов нет. Тогда Экспертный совет приступил к переработке и оказалось по его расчетам, что в прошлом году запасов было не 900 млн, а 529 млн [пуд.], 896 и 529, а в этом году 561 [млн пуд.]. Таким образом, наши знания весьма условны по зерновой продукции и совершенно преувеличены – на 350 млн [пуд.] в отношении запасов и не могут, конечно, способствовать правильной линии хозяйственной политики. Я повторяю и подчеркиваю, что весь расчет запасов был неверен и преувеличен. И это не значит, что я говорю об этом после того, что случилось. Я об этом говорил раньше. Я систематически с 1926 г. говорил в Экспертном совете о преувеличении валовой продукции и запасов»⁸.

Миф о «хлебном изобилии» был создан назначенным вместо П.И. Попова новым руководством ЦСУ СССР, чтобы оправдать курс сталинского руководства на выкачку из советской деревни максимума ресурсов для нужд индустриализации, а также обосновать тезис о «кулацкой опасности». В последнем случае обосновывалась идея о кулаке как «саботажнике» хлебозаготовок, коллективизации и других мероприятий советской власти.

Хотя и в том, и в другом случаях налицо – явная политизация и конъюнктурный подход, все же был факт противодействия основной массы крестьянства хлебозаготовкам в 1927 г. Крестьяне, в первую очередь кулаки и зажиточные хозяйства, отказывались сдавать хлеб государству по установленным закупочным ценам, придерживая его или продавая частнику по рыночным ценам. Пусть у них и не было приписываемых властью запасов, но и имевшиеся они рассчитывали использовать с максимальной выгодой только для себя, игнорируя интересы государства. Об этом сообщалось в многочисленных донесениях ОГПУ с мест в конце 1927 – начале 1928 г. Повсеместно шла скупка хлеба частными заготовителями по «спекулятивным ценам». В январе 1928 г. частные торговцы покупали у крестьян хлеб по ценам, в 1,5–2 раза превышавшим твердые государственные. Например, пшеница закупалась за 2 руб. 20 коп., в то время как ее закупочная цена составляла 1 руб. 20 коп. На рынке рожь стоила не менее 1 руб. за пуд., тогда как лимит ее закупочной цены равнялся 70 коп. То же самое было с овсом, просом, ячменем и мукой⁹. Скупкой зерна по рыночным ценам активно занимались кулаки и зажиточные крестьяне («маклаки»), которые ездили по деревням и скупали хлеб мелкими партиями по 100–200 пуд. для его последующей продажи на рынке. В этом же ряду были частные владельцы кожевенных и других предприятий, обменивавших свою продукцию на хлеб в деревне. Как и в годы Гражданской войны, в стране резко активизировалось мешочничество. Срыв государственных хле-

⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 1. Д. 533. Л. 15, 24–26.

⁹ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 84; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 658, 663.

бозаготовок привел к общему росту цен на хлеб, ухудшению снабжения продовольствием городов¹⁰. Крестьяне, особенно зажиточные, категорически отказывались сдавать хлеб по существовавшим закупочным ценам. «Пусть цены повысят до 1 руб. 40 коп. за пуд, тогда и хлеб повезем. Если же будут забирать насильно, так пусть не достается никому, я зарю хлеб в снег, и пусть он там погибает», – таковы были фиксируемые ОГПУ типичные высказывания крестьян на эту тему¹¹.

Чрезвычайные меры преодоления кризиса хлебозаготовок

К концу 1927 г. показателем остроты кризиса хлебозаготовок стал факт дефицита в снабжении хлебом городского населения страны в 128 млн пуд. В связи с этим 22 декабря 1927 г. на первом же заседании избранного после XV съезда Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о выработке неотложных мер по разрешению хлебозаготовительного кризиса¹².

В направленных на места 24 декабря 1927 г. директивах Политбюро сообщалось о переброске в деревню значительной массы промтоваров с целью стимулирования заготовок, а также необходимости взимания «задолженности крестьянства» по налогам, кредитам и т.п.¹³ В тот же день было принято решение о направлении в проблемные регионы специальных ответственных уполномоченных ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам (в Центрально-Черноземный округ (ЦЧО) – А.М. Микояна, на Украину – В.М. Молотова и т.д.)¹⁴.

Распоряжения Наркомторга СССР, ответственного за хлебозаготовки, для «перелома» в этом деле требовали от местных властей действовать «совершенно жестко, не смущаясь никакими другими соображениями»¹⁵.

В этих целях впервые в массовом порядке привлекли ОГПУ как структуру, обязанную обеспечить контроль над региональными органами власти в хлебозаготовительной кампании¹⁶. Перед ОГПУ была поставлена важнейшая задача: борьба на рынке с хлебными спекулянтами, срывавшими «заготовительные и сбытовые цены»¹⁷.

Впервые в полном объеме проблемой хлебозаготовок занялся сам И.В. Сталин. В свойственной ему манере 5 и 14 января 1928 г. он подготовил и направил на места от имени Политбюро жесткие директивы о необходимости в кратчайший (двухнедельный) срок «добиться решительного перелома в хлебозаготовках», используя «репрессивные меры» в отношении «кулаков и спекулянтов»¹⁸.

При этом Сталин потребовал от местных коммунистов избавиться от «самых гнилых», по его мнению, мыслей о том, что решительные действия про-

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 6. Д. 597. Л. 4–5.

¹¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 711.

¹² Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 325; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 664. Л. 3.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 666. Л. 22–24; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 30.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 666. Л. 2–3.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 5. Д. 495. Л. 876–876 об.

¹⁶ Там же. Л. 968. Оп. 6. Д. 982. Л. 99.

¹⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 982. Л. 99.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 667. Л. 10–12.

тив скупщиков и кулаков могут «отпугнуть» от советской власти середняка. В директиве Политбюро от 14 января 1928 г. он впервые назвал кулака «врагом советской власти», отбросив все прежние рассуждения периода «Лицом к деревне!» о «крестьянах-интенсивниках». Средняк же, говорилось в директиве, должен «выполнить перед рабочим классом свой долг союзника»¹⁹. Позднее суть этой позиции очень точно сформулировал оппонент И.В. Сталина, заместитель наркома финансов М.И. Фрумкин в своей полемике с В.М. Молотовым: «Надо ударить по кулаку так, чтобы перед нами вытянулся середняк»²⁰.

Таким образом, Сталин открыто призвал партийно-хозяйственный аппарат в регионах к насильственным действиям не только против кулака, но и против зажиточных середняков, организовав до весенней распутицы по отношению к ним «отчаянный нажим». Он сравнил хлебозаготовки с крепостью, которую следовало «взять, во что бы то ни стало», «по-большевистски, с большевистским нажимом»²¹. Это был курс на развертывание «чрезвычайщины» в советской деревне, впервые со времен Гражданской войны.

Особое значение в утверждении такого курса и его распространении имела поездка Сталина в Сибирь (18 января – 4 февраля 1928 г.). Он призывал местные власти не «дрейфить», а «зверски» нажимать на держателей хлеба²², добиваясь выполнения годового плана хлебозаготовок «во что бы то ни стало»²³ и широко используя ст. 107 УК РСФСР. В статье предусматривались: лишение свободы на срок до трех лет и конфискация всего или части имущества за «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или не выпуска таковых на рынок»²⁴.

Фактически это означало раскулачивание крестьян, которое началось в советской деревне именно в период хлебозаготовительной кампании 1927/28 г., инициатором которой выступил Сталин.

Курс на принудительное изъятие у крестьян хлебных излишков, провозглашенный вождем в Сибири, последовательно осуществлялся в ходе хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. во всех регионах страны²⁵. Показательным в этом плане является шифротелеграмма И.В. Сталина из Новосибирска в Москву секретарю ЦК ВКП(б) С.В. Косиору: «Можно наверстать потерянное при зверском нажиме и умении руководить»²⁶.

В рассматриваемый период активно формировалась социальная база раскулачивания и будущей насильственной коллективизации в лице деревенской бедноты. Стимулом к активным действиям в данном направлении послужили 25% конфискованного у кулаков хлебного излишка и переданного беднякам. Наркомат торговли СССР 21 марта 1928 г. постановил создать

¹⁹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 195–196.

²⁰ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 292.

²¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 196.

²² Там же. С. 201–202.

²³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 119. Л. 99–101.

²⁴ Там же. Л. 50; *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 16–19; УК РСФСР. М., 1929. С. 64–65.

²⁵ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 237, 261, 263, 270–271.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 5.

специальные хлебные фонды для снабжения деревенской бедноты на время посевной и до начала уборочной кампании из гарнцевого сбора и 25% отчисления от хлеба, «поступающего на места в порядке применения 107 статьи Уголовного Кодекса»²⁷.

К ним примыкала значительная часть сельского актива из работников сельсоветов, партячеек и других общественных организаций, осознавших под влиянием сталинских указаний о выполнении партийных директив любой ценой правило: «Лучше перегнуть, чем не догнуть». Тем самым в практике местной власти укоренились «перегибы», т.е. насильственные действия, формально нарушавшие закон, но при отсутствии сильно отягчающих обстоятельств, допускаемых и поощряемых вышестоящим руководством.

Их укоренению способствовало наличие среди местных работников системы управления как в партийном, так и в государственном аппарате немало горячих голов с менталитетом гражданской войны, внутренне расположенных к командно-репрессивным действиям²⁸. Не случайно ОГПУ отметило усиление в тот период в деревне «комбедовских настроений» среди части бедноты «в связи с мероприятиями по усилению заготовок». Характерными были заявления: «Что с ними (кулаками) церемониться. Приходите во двор, забирайте, а мы покажем у кого <...> Им бы вспомнить 1921–22 гг., чтобы они почувствовали, что такое советская власть и как не давать хлеба»²⁹.

Получив установку на применение чрезвычайных мер, региональные органы власти решительно использовали их для выполнения плана хлебозаготовок. Как указывалось в «Обзоре заявлений и жалоб в Президиум ВЦИК от осужденных по делам о хлебозаготовках» от 15 марта 1928 г., прежде всего под их удар попало немало середняков и бедняков, привлеченных по ст. 107 за не сдачу «170, 135 и даже 82 пудов хлеба». И это несмотря на то, что законом предусматривалось применение этой статьи лишь в отношении хозяйств, имевших запасы не менее 2 тыс. пуд.³⁰

Сводки ОГПУ пестрят сообщениями о массовых «перегибах» на местах в январе-марте 1928 г. в ходе хлебозаготовительной кампании. Об их масштабах свидетельствует факт рассылки 31 марта 1928 г. местным органам ОГПУ циркуляра СПУ ОГПУ «О принятии мер в связи со случаями извращения классовой линии советским аппаратом при проведении массовых кампаний в деревне»³¹.

По данным сводок ОГПУ, различные уполномоченные и сельские активисты «выбивали» хлеб у крестьян с помощью нагана и винтовок, а также угрозами отдачей под суд и высылкой на Соловки, массовыми обысками и арестами. В станице Терновской Кубанского округа один из таких уполномоченных заставлял зажиточных казаков «лаять по-собачьи, становиться на колени и молиться Богу, лезть на крышу, вылазить из хаты раком». В станице Некрасовской Усть-Лабинского района еще один из них, напившись пьяным, ворвался

²⁷ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 227.

²⁸ Там же. С. 38.

²⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 669.

³⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1556. Л. 22–28.

³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 184. Л. 330.

в дом крестьянина и, «воспользовавшись отсутствием хозяина, схватил его жену, приставил к виску наган, требуя указать, где спрятан хлеб, грозя: “Если не выдашь — к стенке пришью”». На возражения крестьян об отсутствии хлеба и жалобы, что оставшегося не хватит на пропитание, нередко слышались ответы активистов: «Надо поменьше жрать» и т.п.³²

Конечно, наиболее вопиющие случаи «перегибов» пресекались, и их исполнители подвергались наказанию, но основная масса «перегибщиков» оставалась безнаказанной, поскольку успешно выполнила порученное ей дело — выколачивание из крестьян максимального количества хлеба. Характерно в этом плане выступление В.М. Молотова на совещании в ЦК ВКП(б) 24 апреля 1928 г. при обсуждении «перегибов» в применении ст. 107. Он отметил, что не помнит случая, «чтобы ЦК привлек хотя бы один местный орган за нарушение этой статьи»³³.

В докладной записке Экономического управления ОГПУ от 8 февраля 1928 г. (о результатах проведения массовых репрессий против «спекулятивных элементов» на хлебном рынке СССР) указывалось: с начала января текущего года и на момент составления записки органами ОГПУ было арестовано по СССР около 3000 «частных хлебников», т.е. скупщиков и торговцев хлебом. Большинство их было арестовано в основных хлебозаготовительных районах. У хлеботорговцев обнаружили и конфисковали тайные склады с десятками тысяч пудов зерна и муки, особенно много их оказалось на Украине. Как отмечалось в докладной записке, «непосредственным результатом арестов частных» явились «снятие» их с хлебозаготовительного рынка и прекращение всех «частных» заготовок хлеба. Это сказалось и на рыночных ценах на хлеб, которые значительно снизились к началу февраля 1928 г.³⁴

Одновременно с борьбой против скупщиков хлеба в рассматриваемый период ОГПУ провело массовые операции по закрытию частных кожевенных заводов и мануфактурных лавок, владельцы которых скупали хлеб и другие сельскохозяйственные продукты у крестьян в обмен на их изделия и товары³⁵.

Таким образом, к весне 1928 г. был нанесен мощный удар по частному сектору экономики нэпа, связанному с сельским хозяйством. Фактически частника вытеснили из деревни как субъекта заготовок сельскохозяйственной продукции.

Насильственный характер хлебозаготовок вызвал недовольство и активный протест основной массы крестьян во всех регионах страны. Кульминацией стало «кулацко-шариатское выступление» в Кабарде в первой половине июня 1928 г. как реакция на произвол хлебозаготовок, затруднения в снабжении хлебом, закрытие мечетей и т.д.³⁶ Наряду с ним, по данным ОГПУ, в рассматриваемый период в деревнях распространялись настроения в пользу организации крестьянского союза, имели место факты сопротивления хлебо-

³² Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД... Т. 2. С. 665–670, 754–763.

³³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 259.

³⁴ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД... Т. 2. С. 682–684.

³⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 68, 241–242 об.; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД... Т. 2. С. 653–656.

³⁶ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 790.

заготовителям, террора в отношении сельских активистов, усилились слухи о скорой войне, появился новый слух — о захвате советской власти «бывшими кадетами» и «офицерами-белопогонниками», намеренно разорявшими крестьян³⁷.

Наряду с методами принуждения в хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. власть пыталась стимулировать держателей хлеба с помощью снабжения промтоварами, которых не хватало в необходимом ассортименте и объеме. Предпринимались меры против заготовителей, нарушавших установленные размеры закупочных цен. Чтобы заставить крестьян подписать контрактационные договоры на продажу государству хлеба, земорганы предупреждали их о недопустимости сокращения посевов зерновых культур в хозяйствах, угрожая, в противном случае, лишением находившейся в их пользовании земли³⁸.

Внутрипартийная дискуссия о чрезвычайных мерах хлебозаготовок

Ставка Сталина и его сторонников на «чрезвычайные меры» как основное средство разрешения кризиса хлебозаготовок вызвала резкую критику «правой оппозиции» и ряда крупных советских чиновников. Прежде всего возражение вызывал тезис о «кулацкой опасности» как главной причины кризиса. Секретарь Московского комитета партии Н.А. Угланов, побывавший в качестве эмиссара ЦК на хлебозаготовках в Поволжье, указал на объективный характер их трудностей («пестрота урожая», «недостаточный и несвоевременный завоз промтоваров в деревню», «воспоминания о голоде 1921–1922 гг.», «разговоры о войне» и т.д.). Вместо нажима на крестьян и оправдания его «кулацкой опасностью» он предложил создать местный семенной фонд за счет обложения 5% наиболее мощных хозяйств³⁹.

Три обращения в ЦК партии направил заместитель наркома финансов СССР М.И. Фрумкин с критикой установки на превращение кулака во врага советской власти, поскольку она отбивала у середняка «всякий стимул улучшения живого и мертвого инвентаря, продуктивного скота» из-за опасения «быть зачисленным в кулаки». Главный вред данной установки, по мнению Фрумкина, состоял в разрушении действующих форм производства по идеологическим причинам⁴⁰. Но его критика не была услышана Сталиными и его единомышленниками⁴¹. Более того, вскоре Фрумкина сняли с должности, а затем репрессировали.

С критикой «чрезвычайщины» в хлебозаготовках выступили на апрельском и июльском (1928 г.) пленумах ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский, акцентируя внимание на минимальных экономических ре-

³⁷ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 672–682, 689–694, 709–720, 754–763.

³⁸ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 261, 263.

³⁹ Там же. С. 34.

⁴⁰ Там же. С. 291–294.

⁴¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 116–126; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 299.

зультатах чрезвычайных мер с точки зрения объемов полученного хлеба. Также они подчеркивали негативные последствия антикулацкого крена в аграрной политике для общего хозяйственного состояния советской деревни. Их аргументация не воспринималась Сталиным и большинством членов ЦК партии⁴².

Аргументы сталинской группировки о причинах кризиса хлебозаготовок и принятия чрезвычайных мер по его преодолению в концентрированном виде были изложены в речи Сталина на июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля. В дальнейшем они будут неоднократно воспроизводиться Сталиным в различных выступлениях, статьях и станут основой генеральной линии партии на ускоренную индустриализацию страны с помощью сплошной коллективизации крестьянских хозяйств.

Начиная свое выступление на пленуме, Сталин указал на главный вопрос политической повестки дня: «об источниках развития нашей промышленности». Он напомнил, что их было только два (рабочий класс и крестьянство) в силу особенностей советской страны, в отличие от капиталистических стран с их колониями, займами и т.д. Далее лидер партии отметил, что по этой причине крестьянство платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но еще и «переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности» и «недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты». «Это и есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе и крестьянство. Это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии, обеспечить индустрию для всей страны, поднять дальше благосостояние деревни и потом уничтожить вовсе этот добавочный налог, эти “ножницы” между городом и деревней», — говорил Сталин участникам пленума⁴³.

Затем он подверг критике аргументы оппозиции об опасности разрыва смычки рабочего класса с середняком из-за неудовлетворения последнего «ситцем» и другими необходимыми ему товарами. «Мы даем крестьянству не только ситец, — указывал Сталин. — Мы даем еще машины всякого рода, семена, плуги, удобрения и т.д., имеющие серьезнейшее значение в деле поднятия и социалистического преобразования крестьянского хозяйства <...> улучшая это хозяйство, механизировав его, подымая его рентабельность и подготавливая почву для объединения разрозненных крестьянских хозяйств в крупные общественные хозяйства»⁴⁴.

Особое внимание Сталин уделил чрезвычайным мерам в хлебозаготовках, подчеркнув, что именно эти меры «спасли страну от общехозяйственного кризиса, а применить их заставил “дефицит в 128 млн пуд. хлеба к январю этого года”, который необходимо было восполнить до распутицы». «Могли ли мы не идти на чрезвычайные меры при отсутствии хлебных резервов этак миллионов в 100 пудов для того, чтобы выждать и интервенировать рынок, или при отсутствии достаточных валютных резервов для того, чтобы вывезти из-за грани-

⁴² Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 63–64.

⁴³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 319–321.

⁴⁴ Там же. С. 322.

цы большие партии хлеба?», — обратился к участникам пленума, в том числе к своим критикам. И Сталин сам же ответил: «Ясно, что не могли. А что было бы, если бы мы не восполнили этот дефицит? У нас был бы теперь серьезнейший кризис всего народного хозяйства, голод в городах, голод в армии»⁴⁵. Следует отметить, что Сталин был прав. Напряженная ситуация со снабжением хлебом советских городов сохранялась и летом 1928 г.⁴⁶ В случае же срыва хлебозаготовок голод там был бы неизбежен.

Охарактеризовав непосредственные причины кризиса хлебозаготовок и назвав чрезвычайные меры его преодоления вынужденными объективными обстоятельствами, Сталин в речи на пленуме 9 июля 1928 г. указал на глубинную причину «хлебных затруднений». По его мнению, это было нерентабельное, малотоварное, прогрессирующее в сторону мельчания и распыленности крестьянское хозяйство, уступающее вдвое по товарности довоенному сельскому хозяйству при почти равных посевах и урожайности основных зерновых культур⁴⁷.

Выходом из ситуации, считал лидер партии, должно было стать развитие трех форм хозяйства на селе: поддержанных государством машинами, удобрением, агрономической помощью мелкого и среднего хозяйств; созданных путем постепенного объединения беднейших и середняцких хозяйств на базе новой техники колхозов и укрепленных материально и организационно совхозов. Таким образом, ни о какой насильственной коллективизации или приоритете колхозов над остальной деревней в данной программной речи Сталина речь не шла. Более того, он осудил и сами «чрезвычайные меры» в хлебозаготовках, отметив при этом их целесообразность и необходимость применения в особых случаях⁴⁸.

В выступлении Н.И. Бухарина на июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б) суть кризиса хлебозаготовок была сведена к несостоявшемуся в июле-августе 1927 г. повышению цен на основные зерновые культуры, а также организационным просчетам в планировании и осуществлении хлебозаготовок. Он призвал сталинское руководство к совершенствованию работы партии и государства. Кроме того, и на пленуме, и чуть раньше Бухарин считал непродуктивным объяснение всех проблем деревни «кулацкой опасностью». В частности 1–2 июня 1928 г. он писал Сталину: «Если все дело в кулаке, то как же с 900 миллионами, которые теперь признаются мифическими? А если хлеба у нас вообще мало, то, как же нас “регульнул” кулак? Если все спасение в колхозах, то откуда деньги на их механизацию? И правильно ли вообще, что колхозы у нас должны расти на нищете и дроблении? Остается ли курс на вовлечение мелких сбережений или устарел? На подъем индивидуальных хозяйств или это тоже устарело?»⁴⁹.

В результате состоявшейся острой дискуссии июльский пленум отменил чрезвычайные меры, подтвердил сохранение нэпа, принял решение повысить

⁴⁵ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 325.

⁴⁶ Там же. С. 317–319.

⁴⁷ Там же. С. 328.

⁴⁸ Там же. С. 328–329.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 726. Л. 93.

заготовительные цены на хлеб⁵⁰. В итоговой резолюции указывалось, что основной «затруднений на хлебном фронте» стало «нарушение рыночного равновесия», которое сводилось к «более быстрому росту платежеспособного спроса со стороны крестьян в сравнении с предложением промтоваров». Применительно к кулаку было сказано, что «низкий налог для имущих слоев деревни», «неблагоприятное соотношение цен на хлеб в сравнении с ценами на другие продукты сельского хозяйства» создали почву для кризиса хлебозаготовок. В результате «капиталистические элементы» воспользовались допущенными ошибками «для подрыва хлебозаготовок», что, в свою очередь, вынудило партию прибегнуть к чрезвычайным мерам⁵¹.

Во второй половине июля – августе 1928 г. во исполнении решений июльского пленума ЦК ВКП(б) циркулярами Наркомюста были освобождены из-под стражи осужденные по ст. 107 УК за противодействие хлебозаготовкам крестьяне-середняки и бедняки, названы недопустимыми принудительные способы изъятия хлеба у крестьян (путем обхода дворов, обысков, незаконных арестов и т.п.)⁵².

Итоги июльского пленума ЦК Сталин подвел, выступив 13 июля 1928 г. на собрании актива ленинградской организации ВКП(б). Главной задачей сельскохозяйственной политики он назвал «поднятие мелкого и среднего крестьянского хозяйства»⁵³.

Усиление налогового пресса на крестьянство

Наряду с принудительными хлебозаготовками в 1928 г. усилился налоговый пресс на крестьянство. Важной причиной хлебозаготовительного кризиса было признано недообложение кулаков и зажиточных крестьян. Сталин еще в ходе своей поездки в Сибирь на хлебозаготовки, на совещании в Барнауле, заявлял на эту тему: «Сельхозналог в этом году мал, деревня над ним посмеивается и с полным основанием: его надо повысить и довести на весь Союз до 450 миллионов рублей»⁵⁴. В результате сумма сельскохозяйственного налога на 1928/29 г. была увеличена до 400 млн руб. (по сравнению с 354,2 млн руб. в 1927/28 г.) при сохранении значительных льгот для колхозов и освобождения от обложения бедноты (35%), что означало резкое увеличение налогового бремени для зажиточно-кулацких хозяйств⁵⁵. Следует отметить, что с 1928/29 окладного года сельхозналог стал определяться по доходу, приходящему на единоличное хозяйство в целом, а не как ранее – на каждого входящего в него едока. Нововведение привело к увеличению платежей многочисленными крестьянскими хозяйствами, которые, как правило, были более

⁵⁰ Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Введение // Как ломали нэп... Т. 2. С. 14.

⁵¹ Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта... С. 184.

⁵² Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 355–356, 362–363.

⁵³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 209, 211.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 118. Л. 84.

⁵⁵ Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство, 1917–1927 гг.: [сб. статей] / АН СССР, Ин-т истории СССР; [ред. колл.: И.М. Волков (отв. ред.) и др.]. М., 1977. С. 186.

зажиточными. Также выросла «крутизна» прогрессии шкалы ставок⁵⁶. Одновременно распоряжением Наркомфина СССР крестьянские хозяйства, имевшие признаки для индивидуального обложения, но не отнесенные к наиболее «богатым кулакам», а потому не обложенные в индивидуальном порядке, лишались всех льгот, предусмотренных для них в налогообложении⁵⁷.

Постановлением СНК СССР от 11 сентября 1928 г. существенно затруднялась предпринимательская деятельность крестьян, т.к. к числу нетрудовых доходов, подлежащих повышенному обложению, были отнесены доходы от скупки и продажи произведенной продукции; эксплуатации сложных сельскохозяйственных машин «с целью привлечения прибыли»; сдачи их в наем «со слабым использованием в своем собственном хозяйстве»; ведения сельского хозяйства «с систематическим привлечением наемных рабочих»; «эксплуатации предприятий промышленного типа, как, например, мельниц, маслобоек, кирпичных заводов и т.п. предприятий»⁵⁸.

С 1928 г. тяжким бременем для крестьян стало «самообложение» — налог для местных нужд в денежной и натуральной форме. Он был введен постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке самообложения населения» от 7 января 1928 г., дополнившим постановление ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 г. Налог принудительно «раскладывался» на все хозяйства общины по решению большинства сельского схода или уполномоченного им органа. На практике самообложение вылилось в действия местного сельского актива по наложению дополнительных выплат на кулацкие и зажиточные хозяйства, что наряду с хлебозаготовками нередко разоряло их⁵⁹.

Накануне сплошной коллективизации из крестьян тянули жилы и с помощью всевозможных займов (на укрепление крестьянского хозяйства и т.п.), которые формально были добровольными, но на практике всеми способами навязывались крестьянам⁶⁰. Например, имели место случаи отказа сельсоветов выдавать справки, регистрировать браки в ЗАГС лицам, не имевшим облигаций крестьянского займа⁶¹.

Об отношении крестьян к налоговой политике советской власти на завершающем этапе нэпа очень точно высказался в январе 1928 г. крестьянин Каменского района Запорожской области Иванисов: «Компартия, правительство и рабочий класс смотрят на крестьянство не как на что-то дорогое, без которого нельзя обойтись в движущих силах нашей, а значит, и международной, революции, а как на кошелек-самотряс»⁶².

О подобных настроениях крестьян на примере Канского округа Сибирского края сообщил И.В. Сталину председатель земельной и избирательной комиссии приемной М.И. Калинина В.Г. Яковенко в письме 3 октября 1928 г. В нем указывалось: «Крестьяне в тех местах, где я побывал, ходят точно с пе-

⁵⁶ *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта... С. 185.

⁵⁷ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 711–712.

⁵⁸ Там же. С. 392.

⁵⁹ СУ РСФСР. 1928. № 8. Ст. 73.

⁶⁰ СЗ СССР. 1928. № 3. Ст. 24; № 14. Ст. 117, 118; № 22. Ст. 192.

⁶¹ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД... Т. 2. С. 698–700.

⁶² Там же. С. 661–662.

ребитой спиной. У них пропал тот интерес к новшествам и к стремлению двигаться вперед <...>. У мужиков преобладает мнение, что советская власть не хочет, чтобы мужик сносно жил»⁶³.

Хлебозаготовки 1928/29 г.

Казалось бы, «чрезвычайщина» ушла в прошлое и в соответствии с решениями июльского пленума ЦК ВКП(б) не будет допущено повторения хлебозаготовительного беспредела первой половины 1928 г. В частности несколько повышались цены на хлеб (на пшеницу – с 85 коп. до 1 руб., на рожь – с 55 до 68 коп., на овес – с 48 до 58 коп. за пуд)⁶⁴; оптимизировалось распределение промтоваров и устанавливались оптимальные сроки их завоза в хлебопроизводящие районы; кредитная и налоговая политика увязывалась с интересами заготовок; ужесточались правила снабжения хлебом населения с целью недопущения его перерасхода; ставилась цель создания государственного хлебного (продовольственного и семенного) резерва⁶⁵.

О действительном нежелании сталинского руководства вводить новые чрезвычайные меры в хлебозаготовках свидетельствовало принятое 19 июля 1928 г. постановление СНК СССР «О проведении заготовок хлеба нового урожая». По документу местные органы власти обязывались «немедленно прекратить»: а) «все способы принудительного изъятия хлеба у крестьянства, как то: обход дворов и обыски с целью изъятия хлебных излишков, внесудебные аресты и другие взыскания, а также привлечение к судебной ответственности крестьян за задержку выпуска хлеба на рынок»; б) «всякого рода запретительные меры в отношении базаров, выставление заградительных отрядов, понуждение крестьян, привозящих хлеб на базары, к продаже его государственным или кооперативным организациям»⁶⁶.

Успеху хлебозаготовительной кампании должна была способствовать и дальнейшая централизация заготовительного аппарата. 13 июня 1928 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление об образовании акционерного общества «Союзхлеб» путем слияния АО «Хлебопродукт» и региональных государственных заготовительных и мукомольных организаций⁶⁷.

Но хлебозаготовительная кампания 1928/29 г. проходила в значительно более сложных условиях, чем предшествовавшая. Из-за недостаточного роста посевных площадей и гибели озимых посевов весной 1928 г. на Украине, Северном Кавказе и в Центральном Черноземье валовой сбор зерновых хлебов в 1928 г., несмотря на увеличение сбора с га, почти не превысил размеров валового сбора 1927 г. (4492,2 млн пуд., а в 1928 г. – 4505,4 млн пуд.)⁶⁸. При этом основная его товарная масса оказалась сосредоточена на р. Волге и на востоке

⁶³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 399.

⁶⁴ Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта... С. 194.

⁶⁵ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 353.

⁶⁶ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 355.

⁶⁷ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 192. Л. 226–227.

⁶⁸ См.: Экономическое обозрение. 1929. № 1. С. 111; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 624.

страны (Сибирь, Казахстан, Киргизия, Урал, Башкирия, Вятский район). Это «географическое изменение урожая» привело к тому, что главные массы товарного хлеба оказались в удаленных районах с редкой транспортной, складской и мельничной сетью, что создало большие трудности в области перевозок и перемола зерна. Кроме того, выход товарного хлеба на рынок затруднился крайне неблагоприятной погодой, державшейся в течение всей зимы и вызвавшей весной повторную гибель озимых в степи Украины и местами — в других районах страны. Потребность же в товарном хлебе выросла в связи с ростом городов, недородом хлебов в ряде районов СССР, необходимостью по этой причине выдачи им дополнительной семенной ссуды⁶⁹.

Все это привело к снижению в июле-августе 1928 г. темпов хлебозаготовок. Осенью 1928 г. ситуация еще больше ухудшилась: из-за дефицита хлеба начался рост рыночных цен на муку, а с ноября — на зерно⁷⁰.

Реакцией сталинского руководства на новый кризис хлебозаготовок стало решение о снижении плана заготовок для юго-западных регионов СССР, при увеличении — для Сибири. Был снижен общесоюзный план с 628 до 600 млн пуд⁷¹. Активизировалась борьба со скупщиками и спекулянтами хлеба, нарушителями политики закупочных цен⁷². В основные хлебопроизводящие регионы направили уполномоченных ЦК ВКП(б)⁷³. Но результата не было. Планы не выполнялись, в потребляющих районах страны усилился дефицит хлеба⁷⁴. В результате в октябре 1928 г. в ряде районов были установлены фиксированные нормы выдачи муки и низших сортов печеного хлеба для городского населения. В декабре 1928 г. в Брянской и Смоленской губерниях ввели хлебные карточки⁷⁵. 14 февраля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало введение карточной системы по всему СССР⁷⁶.

Продовольственное положение ухудшалось не только в городе, но и в пораженных недородами сельских районах страны. С конца зимы 1928/29 г. ОГПУ фиксировало факты опуханий и смертей от голода в южных округах Украины и серьезные продовольственные трудности — в центральных областях РСФСР⁷⁷.

Чтобы изменить ситуацию, 11 января 1929 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) были резко повышены хлебозаготовительные задания для Сибирского и Нижне-Волжского краев, Уральской и Средне-Волжской областей, Казахстана и Башкирии⁷⁸. В советскую деревню возвратилась «чрезвычайщина» в хлебозаготовках. Вновь на места направляли эмиссаров ЦК и выпускали директивы о выполнении плана «во чтобы то ни стало»⁷⁹.

⁶⁹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 624–625.

⁷⁰ *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта... С. 196.

⁷¹ Там же. С. 201; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 442.

⁷² Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 466–467.

⁷³ Там же. С. 401.

⁷⁴ Там же. С. 473.

⁷⁵ *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта... С. 201.

⁷⁶ Как ломали нэп... Т. 4. С. 6; Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1929. № 9–10. С. 12.

⁷⁷ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД... Т. 2. С. 875–887.

⁷⁸ *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта... С. 203.

⁷⁹ РАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 714. Л. 10–13; Оп. 113. Д. 669. Л. 230.

Как и в 1928 г., на первый план выдвигался кулак — «злостный укрыватель хлеба», с которым следовало вести борьбу с помощью ст. 107⁸⁰. По размаху и силе удара вторая волна «чрезвычайщины» в деревне не уступала первой и даже ее превосходила⁸¹.

Ведущим методом очередных принудительных хлебозаготовок становится одобренный Политбюро ЦК ВКП(б) и лично Сталиным «урало-сибирский метод», когда изъятия хлеба в крестьянских хозяйствах конкретных селений осуществлялись по решениям сельских сходов и собраний активистов, а также к недостаткам применялось «кратирование», т.е. пятикратный штраф за срыв хлебозаготовок⁸². 7 мая 1929 г. постановлением СТО «О хлебозаготовках и хлебоснабжении» примененные на Урале методы хлебозаготовок «путем организации общественной поддержки мероприятий по выполнению плана хлебозаготовок со стороны бедняцко-средняцких масс» были распространены на все производящие районы, за исключением неурожайных округов Украины и Северного Кавказа⁸³. Они, по сути, являлись очередной «продразверсткой»⁸⁴.

Местные власти, чтобы снизить остроту продовольственного кризиса и выполнить план хлебозаготовок, добивались у союзного центра права введения принудительных хлебных займов (в размере 6–8% от плановых заданий) у «крупных хлебопроизводителей, саботирующих хлебозаготовки»⁸⁵.

«Урало-сибирский метод» встретил противодействие большинства крестьянства на всех этапах осуществления (срыв собраний, отказ голосовать, отказ от получения извещений о вывозе излишков и т.д.). В то же время в сибирской деревне он получил определенную поддержку крестьян. Сказались более сильная социальная дифференциация, а также традиционные конфликты между старожилыми и новоселами (неприписанные крестьяне, «голодобеженцы» и т.п.)⁸⁶.

В рассматриваемый период в ходе хлебозаготовок в советской деревне возобновилась острая борьба между провластными сельскими активистами, сосредоточенными в сельских Советах, партийках и комсомоле, и активистами земельных обществ, как правило, кулаками и зажиточными крестьянами, за контроль над сельским обществом, распределением и выполнением односельчанами государственных заданий. Пользуясь законодательством, сельские активисты лишали кулачество избирательных прав во время перевыборов Советов, права голоса на собраниях земельных обществ, добивались включения в их члены пролетарских и полупролетарских слоев, работавших в данном земельном обществе, особенно из числа «передовой крестьянской молодежи» и «прошедших ряды Красной армии». Перед сельскими Советами ставилась задача вовлечения бедноты в колхозы и обложения кулацко-зажиточной вер-

⁸⁰ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 466–467.

⁸¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 851–855.

⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 731. Л. 4; Д. 1837. Л. 5–6; *Taniuchi Yuzuru*. Decision-making on the Ural-Siberian Method. P. 78–103.

⁸³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 614.

⁸⁴ *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта... С. 225.

⁸⁵ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 557.

⁸⁶ *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта... С. 237–241.

хушки деревни повышенными заданиями по хлебозаготовкам и налогам⁸⁷. Это вызывало недовольство кулацко-зажиточных слоев. На этой почве с 1 октября 1928 г. по 1 февраля 1929 г. в советской деревне ОГПУ зафиксировало 143 террористических акта против сельских активистов⁸⁸.

Очередной кризис хлебозаготовок, новая «чрезвычайщина» и усиливающийся продовольственный кризис в стране стали предметом жаркого обсуждения в руководстве большевистской партии. В конце января – начале февраля 1929 г. с резкой критикой аграрной политики выступили Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.Т. Томский. 30 января 1929 г. Бухарин в поданном в Политбюро ЦК ВКП(б) заявлении осудил сталинскую теорию «дани» с крестьянства, реализация которой в форме его «переобложения» привела к сокращению озимых посевов в СССР на 5% (на Украине – на 12%), поставила под угрозу союз рабочего класса с середняком, вызвала затруднения с хлебом⁸⁹. То же повторялось в коллективном заявлении Бухарина, Рыкова и Томского Объединенному заседанию Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦКК от 9 февраля 1929 г., с дополнением о фактически поддержанной на практике сталинистами теории экономиста Е.А. Преображенского о «первоначальном социалистическом накоплении» за счет ограбления крестьянства по образцу колониальной политики империалистов⁹⁰. Авторы заявления подвергли критике надежды Сталина и его сторонников на колхозы как средство решения хлебного кризиса, указав, что в ближайшие годы они и совхозы не смогут стать «основным источником хлеба»⁹¹. Выход из ситуации «правая оппозиция» видела в подъеме производительности труда бедняцко-средняцкого хозяйства⁹².

Дискуссия продолжилась на пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся в Москве 18–22 апреля 1929 г. Рыков, Бухарин и Томский вновь подвергли резкой критике действия сталинистов в советской деревне, их «антикулацкий настрой», назвав уральские инициативы «своеобразной продрозверсткой», выполняемой в «порядке общественной инициативы» и малоэффективной с точки зрения количества полученного хлеба⁹³. В качестве выхода из ситуации было предложено отказаться от «чрезвычайщины» в хлебозаготовках и для снижения остроты продовольственного кризиса закупить за границей зерно в пределах 50–100 млн пуд., а затем в течение трех лет постепенно выправлять ситуацию в сельском хозяйстве с помощью различных организационных мер, в том числе с помощью повышения закупочных цен на сельхозпродукцию⁹⁴.

Сторонники Сталина и сам вождь категорически отвергли данные предложения, указав в своих выступлениях, что они ставят под угрозу темпы индустриализации, распыляя валютные ресурсы. В частности приостановка строек

⁸⁷ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 435, 437–441.

⁸⁸ Там же. С. 537–540, 542–543.

⁸⁹ Там же. С. 526–528.

⁹⁰ Бухарин Н.И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск, 1990. С. 114–153; Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 212; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 529–533.

⁹¹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 533–534.

⁹² Там же. С. 534.

⁹³ Как ломали нэп... Т. 4. С. 80, 170, 171, 330–332.

⁹⁴ Там же. С. 493.

из-за переброски валютных средств на иные цели могла вызвать неизбежный отток в деревню десятков тысяч крестьян, что еще больше усугубило бы продовольственный кризис в стране⁹⁵.

Предлагаемый импорт хлеба аграрной страной, по мнению сталинистов, мог негативно сказаться на международном престиже государства и тем самым поставить под сомнение его кредитоспособность. Имеющиеся валютные резервы, а также кредиты надлежало использовать только для приобретения промышленного оборудования. Повышение закупочных цен рассматривалось сторонниками Сталина как уступка зажиточному крестьянству в ущерб интересам рабочего класса и деревенской бедноты. В качестве причин введения «чрезвычайных мер» ими назывался недород хлебов на Украине, Северном Кавказе и в ЦЧО, а также «кулацкое сопротивление» хлебозаготовкам⁹⁶. При этом Сталин заявлял, что на основании имеющихся фактов о перегибах, которые он осуждает, нельзя «охаивать всю политику»⁹⁷.

Несмотря на отчаянные усилия, использование всей мощи административно-репрессивного аппарата и пропагандистской машины государства, хлебозаготовительная кампания 1928/29 г. позволила получить менее 600 млн пуд. зерна. Особенно уменьшились заготовки продовольственных хлебов. Ржи и пшеницы было заготовлено на 20 мая 1929 г. лишь 306,6 млн пуд., вместо 466,7 млн пуд. в течение того же периода 1927/28 г., т.е. на 160,1 млн пуд., или на треть меньше⁹⁸. В результате экспорт зерна за границу составил всего 26,1 млн пуд. (см. табл. 2–3).

Таблица 2

Заготовки хлеба в 1913, 1922–1927 гг. (млн пуд.)

Кампании	Всего поступило хлеба в распоряжение государства	К 1913 г. (%)
1913 г.	1300	100
1922/23 г.	429,6	33,0
1923/24 г.	397,2	30,5
1924/25 г.	274,7	19,0
1925/26 г.	496,0	38,1
1926/27 г.	727,5	56,0
1927/28 г.	630,0	48,4
1928/29 г.	594,6	45,7

Источники: Конъюнктура народного хозяйства СССР и мирового в 1925–26 г. М., 1927. С. 41; Есиков С.А. Российская деревня в годы НЭПа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. С. 204; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 28; СССР за 15 лет. М., 1932. С. 267; Ежегодник хлебооборота. М.; Л., 1931. № 3. С. XV.

⁹⁵ Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1. Кн. 1. С. 16–17.

⁹⁶ Как ломали нэп... Т. 4. С. 251–253, 345, 493–494.

⁹⁷ Там же. С. 673–674.

⁹⁸ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 625.

Динамика хлебного экспорта из урожаев 1923–1927 гг. (млн пуд.)

1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
602,9	171	22,1	125	150	5,6	26,1

Источники: Народное хозяйство РСФСР в 1924–25 г. (Сборник обзоров по важнейшим отраслям народного хозяйства РСФСР в 1924–25 г.). М., 1926. С. 22; *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа... С. 201–202. Ежегодник хлебооборота. 1931. № 3. С. XV.

Из приведенных в таблицах цифр видно, что в годы нэпа зерновое хозяйство в СССР, основанное на труде единоличных крестьянских хозяйств, достигло предела своей товарности и лишь наполовину приблизилось к до-революционному уровню по этому показателю. Новые хлебозаготовки, разворачивающиеся в условиях недорода и растущего крестьянского («кулацкого») противодействия, в лучшем случае, гарантировали государству прежнее количество товарного хлеба. Между тем в 1929 г. их план на 100 млн пудов превышал заготовки 1928/29 г., и перед сталинским руководством стояла неотложная задача: найти средства для форсированной индустриализации. В противном случае, необходимо было ее приостановить⁹⁹. Кроме того, в начале 1929 г., в условиях продовольственного кризиса, стала очевидной задача создания неприкосновенного хлебного фонда на случай недорода хлебов и внешней угрозы. Решениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 января и 27 июня 1929 г. было запланировано создать «секретный неприкосновенный хлебный фонд» в размере 100 млн пуд. ржи и пшеницы¹⁰⁰.

В итоге выходом из кризисной ситуации стала сплошная коллективизация, курс на которую окончательно утвердился в ходе хлебозаготовительной кампании 1929/30 г.

Хлебозаготовки 1929/30 г.

После апрельского пленума, закрепившего победу сталинской группировки в борьбе за власть, линия на завершение хлебозаготовок любой ценой и на основе «урало-сибирского метода» была продолжена¹⁰¹. Вторая половина 1929 г. стала временем еще большего обострения ситуации в советской деревне на почве хлебозаготовок. Как уже отмечалось, ее ухудшению способствовал очередной недород, поразивший основные зерновые районы страны.

Как и в предшествовавшую хлебозаготовительную кампанию, во все зернопроизводящие районы страны были направлены уполномоченные ЦК ВКП(б)¹⁰². Заготовительные органы (Центросоюз, Хлебоцентр и Союзхлеб) должны были не допустить снижения установленных государственных цен на

⁹⁹ Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1. Кн. 1. С. 17.

¹⁰⁰ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 518, 659.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 738. Л. 9.

¹⁰² Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 660–661, 685, 715, 736.

зерно¹⁰³. Принимались меры в борьбе с мешочничеством и спекуляцией хлебом¹⁰⁴. Активизировалась кампания по сбору сельхозналога за счет выявления недоучтенных объектов обложения крестьянских хозяйств и «недообложения кулацких хозяйств» в целом, по распространению на селе займа индустриализации и т.п.¹⁰⁵.

Отличием хлебозаготовительной кампании 1929/30 г. было более жесткое давление на кулацко-зажиточную часть советской деревни и частника, занимавшегося хлебными операциями¹⁰⁶. Характерным в этом плане является директива ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках» от 3 октября 1929 г., в которой указывалось, что главной задачей является обеспечение твердого и своевременного выполнения возложенных на зажиточно-кулацкую верхушку деревни обязательств по сдаче товарного хлеба¹⁰⁷. Указания на «сопротивление кулачества» как главный тормоз хлебозаготовок проходят лейтмотивом во всех директивных документах ЦК ВКП(б) и советского правительства в рассматриваемый период¹⁰⁸.

Еще одним отличием хлебозаготовок 1929/30 г. стала твердая установка сталинского руководства на их завершение в основных зерновых районах страны к 1 января, а в остальных – к 1 февраля 1930 г.¹⁰⁹

Сталин уже в начальной стадии хлебозаготовительной кампании сделал ставку на репрессивные методы ее осуществления и внимательно следил за ходом хлебозаготовок. 29 августа 1929 г. в письме Молотову он выразил недовольство принятым 15 августа постановлением ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках¹¹⁰, указав, что в нем не прописаны меры репрессий в отношении спекулянтов, организаций и лиц, «отбирающих у государства крестьянский хлеб». В качестве «совета» Сталин предложил «дать немедля» директиву органам ГПУ: «открыть немедля репрессии» в отношении городских и сельских спекулянтов на хлебном рынке. Также он потребовал привлекать к суду и отрешать от должности работников кооперации, закупавших хлеб у его держателей по завышенным ценам, и руководителей колхозов, «уличенных в задержке хлебных излишков или продаже их на сторону»¹¹¹.

5 сентября 1929 г. на места пошла директива ЦК ВКП(б), в которой парторганизациям хлебозаготовительных районов предлагалось «не проявлять слабых характеристик и мягкотелости в проведении решительных мер репрессий в отношении городских и связанных с городом спекулянтов хлебными продуктами»¹¹². 20 сентября 1929 г. в директиве ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению хлебозаготовок» предписывалось организовать на местах показательные

¹⁰³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 677–678.

¹⁰⁴ Там же. С. 680–681, 686–687, 691–692.

¹⁰⁵ Там же. С. 694–695, 713.

¹⁰⁶ Там же. С. 685, 697, 699, 705.

¹⁰⁷ Там же. С. 713.

¹⁰⁸ Там же. С. 729, 731.

¹⁰⁹ Там же. С. 715–715, 737, 740.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 753. Л. 3.

¹¹¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: сб. документов. М., 1996. С. 140–143.

¹¹² Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 692–693.

процессы «со строгим наказанием особо злостных кулаков и спекулянтов»¹¹³. К числу последних циркулярным письмом Наркомюста РСФСР от 20 сентября 1929 г. причислялись фактически все сельские жители, рискнувшие продавать или покупать хлеб на рынке¹¹⁴. 3 октября 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) предписало ОГПУ и НКЮ начать репрессии, «вплоть до расстрелов», против кулаков, «организующих террористические нападения на совпартработников и другие контрреволюционные выступления»¹¹⁵.

Твердая позиция вождя в вопросах хлебозаготовок объяснялась его стремлением в кратчайший срок создать неприкосновенный запас хлеба в 100 млн пуд., снять остроту продовольственных затруднений в городах, обеспечить ресурсами нужды индустриализации. На эту тему характерны его письма Молотову от 29 августа, 1 сентября, 5 декабря 1929 г.¹¹⁶ В частности в направленном адресату письме 9 августа 1929 г. Сталин подчеркивал: «Если с хлебом выиграем, — выиграем во всем, и в области внутренней, и в области внешней политики»¹¹⁷.

О том, что жесткие директивы сталинского руководства по развертыванию репрессий для обеспечения успеха хлебозаготовительной кампании реализовывались на практике, можно судить по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 октября 1929 г., разрешившего Нижне-Волжскому крайкому «под его ответственность» организовать в крае процесс по «пяти делам кулацкого террора в связи с хлебозаготовками»¹¹⁸. Также это подтверждают сведения из оперативной сводки Полномочного представительства ОГПУ по Сибири о хлебозаготовках от 6 октября 1929 г., в которой сообщается о директиве окружному отделу ОГПУ, суду, прокуратуре «о проведении в срочном порядке наиболее ярких кулацких процессов, доводя меры наказания до расстрела»¹¹⁹. На эту тему имеются и другие многочисленные факты¹²⁰.

Судя по документам ОГПУ, хлебозаготовительная кампания 1929/30 г. проходила в условиях острого социального конфликта в деревне между властью и ее сторонниками, с одной стороны, и значительной частью кулацко-зажиточных крестьян и середняков — с другой¹²¹.

К тому времени сельские активисты установили полный контроль над общинами. В функции сельского Совета перешли все прежние функции крестьянского самоуправления: сбор налогов, распределение земли, а также государственных и мирских повинностей и контроль над их выполнением. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О расширении прав местных Советов по содействию выполнению государственных заданий и планов» от 27 июня 1929 г. сельсоветы и их комиссии получили право штрафовать односельчан за невыполнение наложенного на них задания по хлебозаготовкам

¹¹³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 698.

¹¹⁴ Там же. С. 700.

¹¹⁵ Там же. С. 714.

¹¹⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову... С. 156, 159, 169–170.

¹¹⁷ Там же. С. 156.

¹¹⁸ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 715.

¹¹⁹ Там же. С. 730.

¹²⁰ Там же. С. 675–677, 728, 738, 739, 743.

¹²¹ Там же. С. 732, 746.

в пятикратном размере от его установленного размера. Кроме того, они могли направлять дела противодействующих сдаче хлебных продуктов» крестьян «в суд для привлечения к уголовной ответственности. При этом 25% штрафов и сумм от продажи имущества неплательщиков хлеба поступало в фонды помощи бедноты данного села¹²². Следует отметить, что сельские активисты имели право выступать от имени всего сельского общества, руководствуясь решением на сходах простого большинства присутствующих. Кулаки и их сторонники — «подкулачники» из числа середняков — не могли участвовать в голосовании как «лишенцы избирательных прав». Решение считалось принятым при любом количестве участников схода. Пользуясь этим, активисты решительно реализовывали на практике установку власти на «переобложение» кулака и зажиточных крестьян заданиями по государственной хлебосдаче. Данная ситуация свидетельствовала о ликвидации в советской деревне накануне сплошной коллективизации института общины как органа крестьянского самоуправления и самоорганизации. Управление общиной (земельным обществом) оказалась в руках сельских Советов и уполномоченных вышестоящих органов региональной и центральной власти¹²³. В хлебозаготовительную кампанию их главной задачей были «нажим на кулака», изъятие хлеба в деревне силами созданных при сельсоветах бедняцко-середняцких комиссий¹²⁴.

По данным Экономического управления ОГПУ, с 1 августа по 27 сентября 1929 г. по СССР в связи с хлебозаготовками произошло 21 массовое выступление, с 2910 участниками. Тогда были убиты 9 активистов, ранены — 8, избиты — 39, совершены 23 покушения на убийство и 51 поджог¹²⁵. По данным ОГПУ на 4 ноября 1929 г., в СССР в ходе хлебозаготовительной кампании за «экономические преступления» арестовали 15 536, за «к.р. преступления» — 12 808, а всего 28 344 чел.¹²⁶

В докладной записке Секретно-оперативного отдела ОГПУ «Предварительные итоги борьбы с контрреволюцией на селе в 1929 г.» от 15 января 1930 г. указано, что за участие в «контрреволюционной деятельности» (террор против активистов, выступления против хлебозаготовок, злостная контрреволюционная агитация, вредительство в отношении колхозов и т.д.) в течение года арестовали 95 208 чел., а число учтенных ОГПУ фактов «кулацкого» (крестьянского) террора (8 278 случаев) превысило уровень 1928 г. в 8; 1927 г. — в 9,2; 1926 г. — в 11,6 раз¹²⁷. Более половины всех террористических случаев (4 688) выпало на август–ноябрь, т.е. на пик хлебозаготовительной кампании.

В докладной записке говорилось, что в 1929 г. в деревне произошел резкий подъем числа массовых выступлений против политики государства. В частно-

¹²² Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 659–660.

¹²³ Кондрашин В.В. Крестьянская община и насильственная коллективизация: к вопросу о причинах успеха в советской деревне сталинской «революции сверху» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019 год: проблемы аграрного развития России XIV–XX вв. Воронеж, 2020. С. 202–215.

¹²⁴ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 665–666.

¹²⁵ Там же. С. 711.

¹²⁶ Там же. С. 742.

¹²⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 389. Л. 109; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 1017.

сти были зарегистрированы 11 900 таких случаев (сравним: 1928 г. — 709; 1926—1927 гг. — 63). Такой всплеск возмущений произошел «за счет возрастания числа выступлений на почве хлебозаготовок»¹²⁸.

Отметим, что в условиях нарастания крестьянского недовольства ОГПУ весь 1929 г. проводило мероприятия по изъятию оружия из деревни (всего — тысячи винтовок, револьверов, десятки пулеметов, гранаты и т.п.). Незаконно хранившееся оружие конфисковывалось, а скупавшие его «в уголовных и иных целях» лица подвергались большим штрафам и привлекались к судебной ответственности¹²⁹. В результате к началу сплошной коллективизации советская деревня была обезоружена и, в отличие от 1917 г. и Гражданской войны, не имела сил для вооруженного сопротивления власти.

Принятые меры позволяли успешно, по сравнению с предшествовавшими хлебозаготовительными кампаниями, выполнять установленный план хлебозаготовок. По данным Конъюнктурного бюро Союза союзов сельскохозяйственной кооперации, на 6 октября 1929 г. в СССР было заготовлено 6 669 тыс. т зерна, на 173% больше показателя 1928 г.¹³⁰

О том, что «дела с хлебозаготовками» шли успешно, было прямо заявлено Сталиным в письме Молотову (5 декабря 1929 г.). Он указал, что благодаря этому успеху стало возможным увеличить неприкосновенный фонд продовольственных культур до 120 млн пуд. и поднять «нормы снабжения в промышленных городах вроде Иваново-Вознесенска, Харькова и т.п.»¹³¹. В этом же письме Сталин выразил удовлетворение тем, что в стране «бурным потоком растет колхозное движение», и «простое объединение крестьянских орудий дает колоссальное увеличение посевных площадей»¹³². На повестке дня вставал вопрос о сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР.

Курс на сплошную коллективизацию

Курс на сплошную коллективизацию вырос из кризиса хлебозаготовок 1927—1928 гг., целью которых была мобилизация хлебных ресурсов для нужд начавшейся форсированной индустриализации. Крестьянское противодействие хлебозаготовкам, низкая товарность единоличных крестьянских хозяйств и ограниченные возможности ее роста в рамках прежнего аграрного строя стали главными причинами коренного изменения аграрной политики Советского государства в конце 1920-х гг. и окончательного слома нэпа¹³³.

«Чрезвычайщина» в хлебозаготовках сопровождалась действиями власти по стимулированию колхозного движения, которое рассматривалось в качестве эффективного инструмента решения хлебной проблемы. На эту тему ха-

¹²⁸ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД... Т. 2. С. 1018.

¹²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 196. Л. 73; Д. 197. Л. 148.

¹³⁰ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 733.

¹³¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову... С. 169—170.

¹³² Там же. С. 170.

¹³³ *Ильных В.А.* Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921—1928 гг.). Новосибирск, 2005. С. 272.

рактерным является выступление на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросу об усилении хлебозаготовок 24 апреля 1928 г. В.М. Молотова: «Само собой понятно, что хлебозаготовки говорят о необходимости более крупных мер по линии сельского хозяйства <...>. Сейчас нужно развертывать работу колхозов и совхозов»¹³⁴.

Подобная позиция основывалась на факте высокой товарности колхозов, по сравнению с единоличными крестьянскими хозяйствами. Например, в сводке материалов отдела по работе в деревне ЦК ВКП(б) о выполнении решений XV съезда ВКП(б), подготовленной в октябре 1928 г., отмечалось, что средняя товарность колхозов страны по всем районам составляла в процентах: коммун – 48, артелей – 36, товариществ по совместной обработке земли – 30. В то же время товарность единоличных крестьянских хозяйств не превышала 17%. В связи с этим в сводке указывалось: «Развитие колхозов с их товарностью, значительно превосходящей товарность крестьянских индивидуальных хозяйств, должно укрепить как раз наиболее трудный участок нашего с.-х. производства, должно вместе с другими мерами вывести нас из зернового кризиса»¹³⁵.

Низкая товарность крестьянских хозяйств, по сравнению с колхозами, объяснялась сталинским руководством и их оппонентами застоём аграрного сектора экономики страны, что было непозволительным относительно задач подъема сельскохозяйственного производства и индустриализации страны. Данный факт убедительно обосновал в письме в ЦК и ЦКК ВКП(б) от 5 ноября 1928 г. сторонник правой оппозиции М.И. Фрумкин. Не соглашаясь со сталинистами в вопросе давления на крестьян в ходе хлебозаготовок, он в то же время констатировал, что на фоне роста населения (1925/26 г. – 143,7 млн; 1928/29 г. – 153,8 млн чел.) имели место застойные явления в сельском хозяйстве страны. Они проявлялись в незначительном росте посевных площадей (только на 7%), стабилизации на уровне чуть больше 50 пуд. на десятину урожаев зерновых хлебов, в их низкой товарности (на уровне 600 млн пуд.), слабой динамике роста поголовья скота и т.д. Все это привело «к отсутствию возможности хлебного экспорта» и отставанию сельского хозяйства «от темпа развития промышленности»¹³⁶.

Основанием для ставки на колхозы как двигатель прогресса сельской экономики страны для сталинского руководства были и возросшие темпы колхозного строительства в зерновых районах СССР в 1928 г., по сравнению с предшествовавшим периодом. На 1 октября 1927 г. в стране насчитывалось около 18 тыс. колхозов и 26 тыс. простейших производственных объединений (товарищества по совместной обработке земли (тозы), мелиоративные, машинные товарищества и т.д.). Уже на 1 июля 1928 г. колхозов стало 36 тыс., тозов – 43 тыс. Причем в ряде районов, например, Северного Кавказа, Поволжья, целые селения перешли на коллективные формы производства. Основную массу членов вновь организованных колхозов составляли безлошадные

¹³⁴ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 260.

¹³⁵ Там же. С. 404.

¹³⁶ Там же. С. 404, 450–451.

и однолошадные бедняцкие хозяйства. По сравнению со «старыми колхозами» состав образованных в 1928 г. «новых колхозов» был «более бедняцкий». Активнее всего крестьяне объединялись в товарищества по совместной обработке земли¹³⁷.

В докладе Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции и СНК СССР от 11 сентября 1928 г. о состоянии и перспективах строительства коллективных хозяйств отмечалось, что активизация колхозного движения произошла весной 1928 г. в связи с началом посевной кампании, в ходе которой в соответствии с решениями XV съезда ВКП(б) была развернута широкая агитация среди крестьянства за переход на коллективные формы производства, а также оказана государством помощь колхозам кредитами, семенами и сельхозмашинами¹³⁸.

В 1928 г. благодаря инициативе созданной по решению Политбюро ЦК ВКП(б) специальной комиссии по выработке практических мероприятий «для развертывания работы в области развития коллективных хозяйств» во главе с Молотовым было резко увеличено кредитование колхозов. По сравнению с 1927 г. оно удвоилось и составило 13% (61,1 млн руб.) в общем плане финансирования и кредитования сельского хозяйства СССР¹³⁹. В этом же ряду было, хотя и недостаточное, по мнению СНК СССР и НК РКИ, но все же возросшее снабжение колхозов сельхозтехникой. В 1928 г. колхозы страны получили более 1000 из 3000 тракторов, направленных в сельское хозяйство¹⁴⁰.

Несмотря на активизацию колхозного движения, его количественные показатели оставались весьма скромными. По данным Колхозцентра, осенью 1928 г. колхозы объединяли 1,8% крестьянских дворов и 1,6% — сельского населения СССР. Наибольшее развитие коллективизация получила в зерновых районах Северного Кавказа, Поволжья, ЦЧО, Сибири¹⁴¹.

1929 г. ознаменовался коренным изменением всей аграрной политики Советского государства. Осуществление курса на сплошную коллективизацию, окончательно утвердившегося во второй половине 1929 г., активизировалось в основных зерновых регионах страны. Утверждение этого курса объяснялось не только антикрестьянским настроем Сталина и сталинского руководства, боровшихся с крестьянским сопротивлением хлебозаготовкам и налоговой политике советской власти, но и вполне прагматичной целью — необходимостью в 1930 г. организовать зерновую интервенцию на внешнем рынке, чтобы заполучить валюту на оплату первоочередных нужд «строящихся флагманов» первой пятилетки. Нарком внешней и внутренней торговли СССР А.И. Микоян 11 ноября 1929 г. заявил по этому поводу на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б): «...с лета 1930 г. перед нами вырастает реальная проблема экспорта хлеба»¹⁴². Причем речь шла не просто о наращивании экспорта, а о возвращении СССР с 1930 г. утерянного в результате революции прежнего статуса

¹³⁷ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 378–381, 402.

¹³⁸ Там же. С. 382–385.

¹³⁹ Там же. С. 209, 212, 385.

¹⁴⁰ Там же. С. 387.

¹⁴¹ Там же. С. 403.

¹⁴² Как ломали нэп... Т. 5. С. 83.

царской России как главного экспортера зерна в европейские страны. Сталинским руководством ставилась задача: оттеснить с зернового рынка Европы доминировавших там основных конкурентов – США, Аргентину и Канаду. Для этого необходимо было вывезти туда не менее 5 млн т зерна и сделать это быстро, опередив своих конкурентов¹⁴³. Обеспечить решение этой задачи могли только колхозы как решающие производители товарного зерна. Именно поэтому на повестку дня встал вопрос о массовой, сплошной коллективизации крестьянских хозяйств в кратчайшие сроки как условия сохранения взятых темпов форсированной индустриализации страны и окончательного слома крестьянского «саботажа» хлебозаготовок.

В 1929 г. (как и в предыдущем году) сталинское руководство приняло меры по материальному стимулированию колхозного строительства. После выхода 20 июня постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах укрепления колхозной системы» в Госплане СССР были подготовлены производственно-финансовые планы колхозов. Их выполнение осуществлялось за счет специальных ассигнований из государственного и местных бюджетов, а также за счет средств сельскохозяйственной кооперации, объем которых в 1929 г. значительно превзошел уровень 1928 г.¹⁴⁴ Для более активного вовлечения бедноты в колхозы 27 июня 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о выделении в фонд бедноты 25% «конфискованного у злостных кулаков имущества»¹⁴⁵.

Учитывая недостатки в централизованном управлении колхозами, во второй половине 1929 г. расширяются полномочия действовавшего с 1925 г. Всесоюзного совета колхозов, который в октябре 1929 г. был реорганизован в Колхозцентр СССР и стал главным органом планирования и управления колхозами в начавшейся сплошной коллективизации¹⁴⁶.

По сводкам ОГПУ, в 1929 г., как и в 1928-м, в колхозы вступали, в основном, деревенская беднота и активисты, рассчитывая в условиях недорода на получение помощи от государства семенами, продуктами и техникой. В конце июля 1929 г. ответственный инструктор ЦК ВКП(б) Е.И. Вегер, выступая на заседании Политбюро ЦК, отмечал: «Застрельщиком коллективизации, по преимуществу, является беднота. Вот что говорят об этом сами крестьяне: “Середняк, он еще может самостоятельно существовать, а нас (бедняков) нужда в коллектив гонит”»¹⁴⁷.

Японский исследователь Хироси Окуда аргументированно обосновал тезис о том, что накануне коллективизации в советской деревне многие представители сельской молодежи, особенно из бедняцких семей, связывали свою жизненную карьеру с сельским комсомолом, Советами, сельской ячейкой большевистской партии. Они отказывались от сохи ради «портфеля». Им были ближе идеи культурной революции, индустриализации и коллективизации, чем беспросветный труд на клочке земли своего индивидуального хозяйства.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 41–42.

¹⁴⁴ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 654–656, 721.

¹⁴⁵ Там же. С. 658–659.

¹⁴⁶ *Ивеницкий Н.А.* Бюро коммун до Колхозцентра // Октябрь и советское крестьянство... С. 247–248, 258; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 656–657.

¹⁴⁷ *Ивеницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 11.

Сельские девушки при выборе женихов предпочитали «активистов», а не трудолюбивых парней из зажиточных крестьянских хозяйств. Коллективизация создавала в деревне много «должностей» (в партии, Советах, колхозах) и таким образом освобождала от тяжелого крестьянского труда десятки тысяч сельских активистов. В итоге они всегда поддерживали ее и становились социальной базой и инструментом аграрной политики сталинизма в деревне¹⁴⁸. В этой связи заслуживает внимания выступление Микояна на VII сессии Всесоюзного совета колхозов (15–22 июня 1929 г.), в котором он заявил: «В деревне мы имеем громадную политическую опору. Даже в самый трудный момент основная масса крестьян была и будет за советскую власть, против кулаков»¹⁴⁹.

К июню 1929 г. в колхозах состояло уже более миллиона крестьянских хозяйств или примерно столько, сколько первоначально планировалось вовлечь в колхозы к концу первой пятилетки¹⁵⁰. На территории РСФСР появились 11 районов сплошной коллективизации, большинство из которых находились в Уральской обл., Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях¹⁵¹. Итоговые цифры коллективизации озвучил в своем докладе на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) председатель Колхозцентра СССР Г.Н. Каминский: в СССР насчитывалось 75 тыс. колхозов, с посевной площадью почти в 2 млн га, было коллективизировано 7,5% крестьянских хозяйств; на Северном Кавказе и в Крыму в колхозы вступило 25% крестьян-единоличников, на Нижней Волге – 12%¹⁵².

В значительной степени рост колхозного движения в 1929 г. подталкивался административными мерами региональных властей, уже привыкших действовать в режиме «перегибов», чутко воспринимавших политическую конъюнктуру (например, в Хоперском округе Нижне-Волжского края и др.)¹⁵³. Но факт активного вступления крестьян в колхозы отрицать нельзя. Тем не менее к концу 1929-го основная масса крестьян-середняков занимала выжидательную позицию и не шла в колхозы – они видели, что хозяйственные результаты в спешке создаваемых коллективных хозяйств заметно уступали показателям их налаженных единоличных хозяйств¹⁵⁴. Что же касается кулаков и зажиточных середняков, то в большинстве своем они относились враждебно к колхозному движению, подтверждением чего были установленные ОГПУ многочисленные случаи поджогов с их стороны колхозных посевов, порчи колхозного имущества, нападений на колхозных активистов и т.п.¹⁵⁵ При этом часть кулачества пыталась использовать колхозное движение в своих интересах, создавая

¹⁴⁸ Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е–начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 495–527.

¹⁴⁹ Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 182–183.

¹⁵⁰ Ивницкий Н.А. «Великий перелом»: трагедия крестьянства... С. 33.

¹⁵¹ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 196. Л. 167–168.

¹⁵² Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 747.

¹⁵³ Ивницкий Н.А. О критическом анализе источников по истории начального этапа сплошной коллективизации (осень 1929 – весна 1930 г.) // Исторический архив. 1962. № 2. С. 194; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 600–602.

¹⁵⁴ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 401, 719, 722, 723.

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 761. Л. 17; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 963–982.

«лжекооперативы», «пролезая в члены колхозов» для получения льгот и «разложения колхозов изнутри»¹⁵⁶.

О нежелании основной массы крестьян-единоличников вступать в колхозы свидетельствуют данные секретарей окружкомов ВКП(б) о ходе коллективизации на территории страны на 15 декабря 1929 г. К тому времени из 2373 районов СССР лишь в 241-м (10% всей территории страны) процент коллективизации превысил цифру 50¹⁵⁷.

Между тем Сталин в статье «Год великого перелома. К XII годовщине Октября» указал, что произошел «коренной перелом в недрах самого крестьянства в пользу колхозов, и в колхозы пошли крестьяне целыми селами, волостями, районами, даже округами»¹⁵⁸. Подобное заявление преувеличивало масштабы крестьянского движения в колхозы. Но целью Сталина было стимулировать на местах административные усилия партийно-советского аппарата по организации колхозов, чтобы затем иметь основания для провозглашения курса на сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств на основе раскулачивания врагов советской власти и колхозного строя.

Всемерная поддержка сталинским руководством в 1929 г. колхозного строительства объяснялась, в первую очередь, осознанием большого потенциала колхозов в решении хлебной проблемы. В этом году товарная зерновая продукция колхозов, занимавших всего 4% посевной площади в стране, составила 12% хлебазаготовительного плана. Колхозами было сдано 90 млн пуд. хлеба при общем плане в 100 млн пуд.¹⁵⁹ Этот факт особо отметил Сталин в вышеупомянутой статье: «Благодаря росту колхозно-совхозного движения мы окончательно выходим или уже вышли из хлебного кризиса. И если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»¹⁶⁰.

Заключение Сталина о начале «великого перелома» в советской деревне было воспринято его окружением, в том числе на региональном уровне, как установка на сплошную коллективизацию. На местах, отмечал в своем выступлении на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) председатель СНК РСФСР С.И. Сырцов, «вместо пятилетнего плана коллективизации проводится линия на одногодичную коллективизацию»¹⁶¹. Молотов на этом же пленуме 15 ноября указал, что «надо говорить не о пятилетке коллективизации» для «основных районов», а о завершении коллективизации на Северном Кавказе летом 1930 г. В качестве главного аргумента для подобного вывода он привел факт успеха хлебазаготовок, создавших хлебный запас, позволявший удачно провести предстоящую посевную кампанию колхозами и тем самым обеспе-

¹⁵⁶ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 894–902; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 636–643, 718, 724.

¹⁵⁷ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 52–53.

¹⁵⁸ Правда. 1929. 7 ноября.

¹⁵⁹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 752.

¹⁶⁰ Правда. 1929. 7 ноября.

¹⁶¹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 764.

чить «окончательную победу колхозов в СССР»¹⁶². О том же шла речь в письме Сталина Молотову от 5 декабря 1929 г.¹⁶³

В ноябре-декабре 1929 г., основываясь на решениях ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)¹⁶⁴, Сталин принял решение о технической подготовке в СССР сплошной коллективизации до начала посевной кампании 1930 г. В письме Молотову 25 декабря 1929 г. он сообщил, что «на днях» будет принято решение «о темпе колхозного строительства» по доработанному проекту комиссии наркома земледелия СССР Я.А. Яковлева¹⁶⁵. 5 января 1930 г. вышло соответствующее постановление ЦК ВКП(б) — «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»¹⁶⁶.

Таким образом, необходимость решения хлебной проблемы, преодоления кризиса хлебозаготовок во имя интересов индустриальной модернизации страны предопределили дальнейшие события в советской деревне — сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств. Ее методы и механизмы определяло победившее «правую оппозицию» в борьбе за власть сталинское руководство большевистской партии.

Библиография

- Taniuchi Yuzuru.* Desition-making on the Ural-Siberian Method // Soviet History, 1917–53. Essays in Honor of R.W. Davies. New York: St. Martin's Press, 1995. P. 78–103.
- Lewin M.* Russian peasants and Soviet power. A study of collectivization. London: George Allen and Unwin Ltd, 1968. 539 p.
- Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. 511 с.
- Бухарин Н.И.* Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1990. 493 с.
- Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1. Кн. 1 / под ред. В.В. Кондрашина. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2011. 654 с.
- Данилов В.П.* Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство, 1917–1927 гг.: [сб. статей] / АН СССР, Ин-т истории СССР; [ред. колл.: И.М. Волков (отв. ред.) и др.]. М.: Наука, 1977. С. 165–192.
- Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В.* Введение // Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. Т. 2. М.: Международный фонд «Демократия»: Материк, 2000. С. 5–25.
- Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. М.: Политиздат, 1989. 526 с.
- Есиков С.А.* Российская деревня в годы НЭПа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 244 с.
- Ивеницкий Н.А.* О критическом анализе источников по истории начального этапа сплошной коллективизации (осень 1929 – весна 1930 г.) // Исторический архив. 1962. № 2. С. 191–202.
- Ивеницкий Н.А.* Бюро коммун до Колхозцентра // Октябрь и советское крестьянство, 1917–1927 гг.: [сб. статей] / АН СССР, Ин-т истории СССР; [ред. колл.: И.М. Волков (отв. ред.) и др.]. М.: Наука, 1977. С. 240–260.
- Ивеницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.

¹⁶² Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 759.

¹⁶³ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову... С. 169–170.

¹⁶⁴ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 746–758.

¹⁶⁵ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову... С. 173.

¹⁶⁶ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 72–75.

- Ивницкий Н.А.* «Великий перелом»: трагедия крестьянства. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1996. С. 249–297.
- Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 350 с.
- Ильиных В.А.* Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 282 с.
- Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 342 с.
- Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. М.: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2000.
- Кондрашин В.В.* Крестьянская община и насильственная коллективизация: к вопросу о причинах успеха в советской деревне сталинской «революции сверху» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019 год: проблемы аграрного развития России XIV–XX вв. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. С. 202–215.
- Конъюнктура народного хозяйства СССР и мирового в 1925–26 г. М.: Финансовое Изд-во НКФ СССР, 1927. 256 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 15 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 4. 575 с.; Т. 5. 446 с.
- Народное хозяйство РСФСР в 1924–25 г. (Сборник обзоров по важнейшим отраслям народного хозяйства РСФСР в 1924–25 г.). М.: Финансовое Изд-во НКФ СССР, 1926. 136 с.
- Окуда Х.* «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 495–527.
- Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: сб. документов / сост. Л. Кошелева, В. Лельчуки и др. М.: Россия молодая, 1996. 303 с.
- Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. 237 с.
- «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 6: 1928. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002. 804 с.
- «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 7: 1929. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2004. 767 с.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. / Ин-т рос. истории РАН, Дом наук о человеке (Франция) и [др.]; под ред. А. Береловича (Франция), В. Данилова (Россия). Т. 2: Советская деревня глазами ОГПУ, 1923–1929 / ред. коллегия тома: А. Берелович, В. Данилов (отв. ред.) [и др.]; сост. тома: Л. Борисова [и др.]. М.: РОССПЭН, 2000. 1166, [1] с.: табл.
- СССР за 15 лет. М.: Гос. соц-экон. изд-во, 1932. 423 с.
- Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11: 1928 – март 1929. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1949. 381 с.
- Трагедия советской деревни: в 5 т. / гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. 877 с.; Т. 2. М., 2000. 925 с.

ЭКОНОМИКА ВОЙНЫ

Мухин М.Ю.*

Оборонная промышленность Советской России в годы Гражданской войны

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития отечественной оборонной промышленности в годы Гражданской войны. На становление военных производств Советской России повлияли: отсутствие у большевистских лидеров сколько-нибудь разработанной в дореволюционный период программы практического переустройства экономики после установления советской власти; последствия поспешной и во многом неудачной эвакуации Петроградской группы заводов; утрата Советской республикой целого ряда производств в ходе боевых действий Гражданской войны; наконец, общеэкономический кризис, поразивший страну в те годы. Тем не менее, сосредоточив основные усилия на выпуске наиболее востребованных элементов вооружения (стрелкового вооружения и легкой артиллерии), советскому руководству удалось в целом обеспечить РККА необходимыми ресурсами для победы в Гражданской войне. Написанная в рамках подготовки многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней» работа призвана подытожить и агрегировать взгляды современной отечественной историографии на рассматриваемую проблему.

Ключевые слова: Гражданская война, «военный коммунизм», оборонная промышленность, история промышленности.

Гражданская война в России является одним из поворотных пунктов отечественной истории. От ее исхода зависела как форма государственности, установившейся на территории бывшей Российской империи, так и существование данной государственности вообще. Поэтому внимание к тем или иным аспектам этого исторического феномена среди российских и зарубежных историков не ослабевает, и вряд ли ослабнет в ближайшее время.

Безусловно, в годы Гражданской войны, как и в период любого продолжительного военного конфликта, значение оборонной промышленности резко возросло. В определенной степени способность обеспечить действующую армию вооружением и боеприпасами играло определяющую роль в исходе столкновения на том или ином фронте. Разумеется, специфика Гражданской войны вносила в это правило немалое число исключений, однако, общий тренд был именно таков. Поэтому исследование важнейших аспектов функционирования оборонной промышленности Советской России в те годы крайне важно для понимания причин победы «красных» в Гражданской войне.

Историография данного сюжета, к сожалению, сравнительно невелика. Еще довоенные работы А. Вольпе¹ и позднейшие — С.М. Кляцкина²,

* Мухин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, mukhin@mail.ru

Статья подготовлена в рамках проекта ИРИ РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

¹ Вольпе А.: 1) Гражданская война 1918—1921 гг. Т. 2. М., 1928. С. 371—397; 2) Чусоснабарм // Война и революция. Кн. 5. 1925. С. 91—116.

² Кляцкин С.М. Из истории организации производства вооружения и боеприпасов Красной армии в 1918—1920 гг. // Доклады и сообщения ИИАН СССР. 1957. Вып. 11.

М.М. Бизяевой³ и Д.А. Коваленко⁴ — это практически все, что можно упомянуть среди работ советских историков по названной теме. Очевидно, что в 1920–1930-е гг. события времен Гражданской войны были еще хронологически близки к исследователю, что явно затрудняло и доступ к историческим источникам, и их объективный и непредвзятый анализ. В последующий же период грандиозный опыт Великой Отечественной войны заслонил события 1917–1920 гг. Интересовавшиеся историей оборонной промышленности ученые акцентировали свое внимание, в первую очередь, на переводе промышленности на военные рельсы и экономическом обеспечении коренного перелома в Великой Отечественной войне и подобных сюжетах. К сожалению, в постсоветский период не было создано крупных специальных исследований по истории оборонной промышленности Советской России времен Гражданской войны. Посвященные истории отечественного ВПК масштабные монографии⁵, как правило, «проскакивают» данный период, ограничиваясь несколькими весьма лапидарными замечаниями общего характера. Единственным исключением, пожалуй, стала работа А.К. Соколова⁶, в которой истории оборонных производств «до 1921 г.» уделено несколько больше места. Следует отметить и сборник документов, связанный с историей военной промышленности тех лет⁷ — он сопровождается аналитическим обзором за авторством А.К. Соколова.

Отдельные сюжеты названной темы рассмотрены в статьях и монографиях, посвященных различным аспектам истории Гражданской войны. Таким образом, хотя определенный «историографический багаж» уже накоплен, современные отечественные историки его пока не систематизировали и не подытожили. Данная статья призвана в какой-то мере закрыть эту лауну и хотя бы в общих чертах агрегировать сформировавшиеся в современной исторической науке взгляды на важнейшие тенденции в развитии советской оборонной промышленности периода Гражданской войны.

Однако прежде чем мы перейдем к рассмотрению соответствующих исторических событий и факторов, отметим еще одно крайне важное обстоятельство. Нельзя упускать из вида, что даже для самих большевиков приход их партии к власти оказался в стратегическом плане внезапным. В январе 1917 г. (за считанные недели до свержения самодержавия) В.И. Ленин в одной из своих лекций о революции 1905 г. выразил искреннее сожаление, что «современное поколение», скорее всего, не доживет до новых революционных

³ Бизяева М.М. Из истории организации оборонной промышленности в годы Гражданской войны // Ученые записки АОН. 1957. Вып. 29.

⁴ Коваленко Д.А. Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. М., 1970.

⁵ См., напр.: Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006.

⁶ Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М., 2012.

⁷ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Т. 2. М., 2005.

битв⁸. То есть грядущая революция представлялась лидеру большевиков делом каких-то отдаленных лет, «дальней перспективы». Поэтому и все теоретические разработки на тему реорганизации государственного аппарата и экономики после победы социалистической революции в России носили на тот момент сугубо отвлеченно-абстрактный характер. В результате практически все решения советского руководства по этой проблематике в годы Гражданской войны носили, по сути, характер эмпирического поиска оптимальных решений. Ввиду отсутствия «домашних заготовок» по поводу большинства важнейших вопросов государственного строительства или очевидной непригодности рецептов, разработанных в эмиграции, в реальных условиях российского социума большевистским лидерам раз за разом приходилось импровизировать, экспериментировать и фактически искать оптимальные формы управления едва ли не «наощупь»⁹.

Таким образом, вся политика руководства Советской России в отношении управления государством и экономикой на протяжении 1917–1920 гг. представляла собой не воплощение в жизнь некоей генеральной концепции, а процесс интерактивного поиска наилучших решений. То, что мы привычно называем «военный коммунизм», — это ситуация, которая явочным порядком сложилась к концу 1920 г. Однако нельзя забывать, что она сложилась, во-первых, не сразу, во-вторых, — в результате не планомерного построения новой государственной машины, а в ходе грандиозного политического экспромта. При этом к исполнению принимались те или иные решения, и некоторые из них достаточно быстро были признаны ошибочными и отменены. Все эти тенденции были характерны для всей экономики Советской России, но так как военная промышленность в условиях продолжавшейся Гражданской войны имела особое значение с точки зрения обеспечения существования советской власти, в сфере оборонной индустрии все вышеперечисленные процессы развивались особенно остро.

Наконец, следует учитывать, что положение дел в оборонной промышленности России было достаточно напряженным уже к началу 1917 г. Форсированное наращивание военного производства в 1914–1916 гг. шло, преимущественно, за счет гражданской сферы промышленности, в результате чего к концу 1916-го началась общая деградация индустриальной сферы. Общее снижение степени управляемости как страной в целом, так и экономикой в частности, характерные для 1917 г., привели к резкой интенсификации негативных процессов и в промышленности вообще, и конкретно в оборонной индустрии. Снижалась добыча критически важного сырья; рвались хозяйственные связи; транспорт был не в состоянии обеспечить поставки топлива, полуфабрикатов и комплектующих, а также — вывоз готовых изделий; на предприятиях нарастала степень износа оборудования. В итоге уже к осени 1917 г. отечественная оборонная промышленность находилась в достаточно тяжелом состоянии, что также надо иметь в виду при анализе событий 1917–1920 гг.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. М., 1973. С. 328.

⁹ Подробнее см.: Российская революция 1917 г.: власть, общество, культура: в 2 т. М., 2017. Т. I. С. 291–318.

Организация и функционирование военной промышленности в годы Гражданской войны

Первоначально большевистское руководство исходило из планов скорейшего заключения мира. В рамках такого подхода вполне рациональным был курс на постепенное сворачивание военного производства и перепрофилирование освобождавшихся производственных мощностей на выпуск продукции гражданского назначения. Однако срыв переговоров в Бресте и начало нового наступления германских войск перечеркнули эти перспективы. Наступление немецких дивизий по оперативному направлению Рига – Псков ставило под угрозу Петроград, который на тот момент был не только месторасположением правительства, но и крупнейшим центром оборонной индустрии. Поэтому начало 1918 г. ознаменовалось переводом правительства в Москву и авральной эвакуацией значительной части оборонных предприятий Петрограда. Хотя германское наступление удалось остановить дипломатическими методами, лихорадочно проводимая эвакуация привела, в первую очередь, к тому, что большая часть эвакуированных заводов и фабрик на значительное время вообще выпали из производства. Разумеется, предприятия не могли выпускать продукцию непосредственно в ходе передислокации, однако, как показывает практика, при перебазировании на новое место расположения большинство заводов утратили ту или иную часть оборудования и даже после завершения передислокации с трудом возобновляли производственную деятельность. В качестве примера можно привести оптический завод, который еще до Октябрьской революции был эвакуирован из Риги в Петроград. Во время авральной эвакуации 1918 г. это предприятие спешно перебросили в Воронеж, оттуда перенаправили в Пермь, а затем перебазировали в Подольск. В результате завод растерял большую часть квалифицированного персонала, специального оборудования и пришел в такое состояние, что его восстановление, по мнению обследовавших предприятие специалистов ВСНХ, оставалось сомнительным¹⁰. Несколько позднее, в 1925 г., Главное управление военной промышленностью (Главвоенпром) ВСНХ направило председателю РВС СССР М.В. Фрунзе письмо, в котором отмечалось: «Процесс расстройства заводов был в значительной степени усилен эвакуацией ленинградских военных заводов, имевшей место в начале 1918 г. Эта эвакуация была проведена в спешном порядке при отсутствии заранее разработанного плана вывоза заводов, а также при отсутствии заранее выбранных пунктов для размещения эвакуированных единиц. В результате крупнейшие военные заводы были вывезены из Ленинграда либо полностью (патронные и оружейные), либо частично (трубочный, Охтинский, Обуховский, Арсенал). При эвакуации часть оборудования погибла в пути, растерялась на железной дороге или утонула при водных перевозках. Другая часть осела в пунктах, которые нельзя было признать удобными для размещения крупных и важных производственных единиц. В итоге производственная мощность отдельных групп заводов, в особенности патронных

¹⁰ Соколов А. К. От военпрома к ВПК... С. 16.

и арсенальных, значительно понизилась»¹¹. Думается, этот вывод сотрудников Главвоенпрома в целом достаточно адекватно оценивает результаты эвакуации ленинградской группы военных предприятий в 1918 г.

С другой стороны, после заключения мирного договора с Германией и ее союзниками, идеи демобилизации промышленности вновь вышли на первый план, тем более что это напрямую предписывалось частью статей мирного договора. Поэтому даже сохранившие производственный потенциал оборонные предприятия с весны 1918 г. начали переводиться на консервацию или получать заказы на гражданскую продукцию. В то же время именно тогда, весной 1918-го, в советском руководстве была выработана первая доктрина развития оборонной промышленности. В целом основные положения этой доктрины сводились к тому, что к сфере оборонной индустрии следовало отнести только те предприятия, которые могли функционировать в тесной связи с гражданской промышленностью и, в силу такой связи, не создавали бы излишней нагрузки на экономику Советской России¹².

Первоначально, как и в отношении всей остальной промышленности, в оборонной индустрии проводился курс на установление системы «рабочего контроля». Заводы и фабрики, формально не меняя своего статуса, переходили под оперативное управление фабзавкомов, а существовавшие ранее военно-промышленные комитеты преобразовывали в народно-промышленные комитеты. Однако достаточно быстро выяснилось, что такая постановка вопроса вела к стихийной фрагментации единого экономического организма – каждый фабзавком думал в первую очередь об интересах собственного предприятия (а точнее – его персонала), «тянул одеяло на себя» и был готов выполнять только те заказы, которые были наиболее выгодны конкретному предприятию. Зачастую речь шла не столько о продолжении производственной деятельности, сколько о разбазаривании заводской собственности ради удовлетворения злободневных нужд заводчан.

Иными словами, внедрение рабочего контроля на местах привело к тому, что рабочие коллективы попросту попытались немедленно разрешить свои материальные затруднения путем «проедания финансовых счетов предприятий»¹³. Это было не слишком хорошо не только для экономики страны, находившейся в экономическом кризисе вообще. Такой подход был вообще нетерпим для оборонной промышленности, перед которой стояла задача не удовлетворения запросов заводчан, а обеспечения всем необходимым армии. Поэтому достаточно быстро встал вопрос о частичной, а затем – о полной национализации промышленности, назначении на каждый завод «красного директора», располагающего полномочиями по оперативному управлению предприятием без участия фабзавкомов и аналогичных органов, и о подчинении каждого завода или фабрики соответствующему главку (главному управлению) ВСНХ. Проблема была в том, что, согласно вышеописанной доктрине построения оборонной индустрии, никакого «оборонного» главка в рамках ВСНХ не предус-

---

¹¹ Цит. по: *Мелия А.А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004. С. 51.

¹² История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР.. Т. 2. С. 48–52.

¹³ *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России. М., 1996. С. 57.

матривалось. Оборонные заводы и фабрики были распределены по главам профильного назначения — металлургической, машиностроительной, химической и т.д. промышленности, а часть предприятий оборонного значения и вовсе осталась в прямом оперативном управлении Наркомата по военным и морским делам (Наркомвоенмор). Наконец, следует учитывать, что решение о массовой национализации приняли лишь 26 июня 1918 г.¹⁴, а до того момента масштабы национализации были весьма скромны, да и проводилась она преимущественно бессистемно и произвольно. Более того — официальная публикация декрета о национализации крупной промышленности отнюдь не вела к моментальному переподчинению структурам ВСНХ решительно всех подпадавших под действие декрета заводов и фабрик. Организационная неразбериха, хроническая нехватка управленческих кадров, а временами — попросту нежелание местного руководства делиться властными прерогативами с представителями центра изрядно затянули процесс реального (а не декларативного) перехода большей части индустриальных объектов Советской России в оперативное управление ВСНХ. Например, из 13 существовавших авиастроительных предприятий в структуру ВСНХ к декабрю 1918 г. входили только 4¹⁵. Кроме того, лето 1918 г. — это уже период трансформации Гражданской войны из стадии «эшелонной войны»¹⁶ (когда «дивизии» и «бригады» по полторы-две тысячи человек вели полупартизанские действия друг против друга) в фазу полномасштабного конфликта. Теперь многотысячные армии формировали полноценные фронты, а территория, фактически подконтрольная советскому правительству, начала стремительно сокращаться. Скажем, сколько-нибудь крупномасштабная национализация оборонных заводов, расположенных на Украине, была физически невозможна ввиду того, что в Причерноморье и на Донбассе достаточно быстро свергли советскую власть. Аналогично было технически невозможно осуществлять оперативное управление уральскими заводами, т.к. к лету 1918 г. бои шли уже в бассейне Волги. Более того, даже когда частям РККА удалось восстановить контроль над уральским регионом, выяснилось, что значительная часть рабочих Воткинского и Ижевского заводов, игравших весьма существенную роль в оружейном производстве, предпочли уйти вместе с «белыми». Все эти объективные факторы существенно затрудняли выстраивание работоспособного механизма управления экономикой вообще и военной промышленностью — в особенности.

Судя по всему, кардинальное изменение военно-политической ситуации и необходимая в этой связи коррекция политики в отношении оборонной промышленности далеко не сразу были осознаны и сформулированы советским руководством. Еще в июне 1918 г. при Совнаркоме была создана комиссия по снабжению РККА. Но лишь в августе члены комиссии, осознав наконец, что в управлении оборонно-промышленным комплексом проблема координации усилий различных ведомств не только не решается, но даже не рефлексировается, учредили Главный комитет военной промышлен-

¹⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 632–636.

¹⁵ Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М., 2006. С. 33.

¹⁶ Какурин Н. Как сражалась революция. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 167–207.

ности (ГКВП). На этот комитет возлагались задачи разработки на основе заказов Главного штаба РККА планов военного производства, их согласование на межведомственном уровне и проведение в жизнь. Отметим, что оперативное управление заводами в функции ГКВП не входило. Характерно, что тогда же, в августе 1918 г., многочисленные артиллерийские заводы, находившиеся (все еще) в подчинении Главного артиллерийского управления (ГАУ) РККА, были сведены воедино и подчинены Центральному правлению артиллерийских заводов (ЦПАЗ). Формально ЦПАЗ было передано в ведение ВСНХ, но его фактический статус вызывает сомнения¹⁷. Однако пока речь шла лишь об установлении сколько-нибудь централизованной системы управления оборонно-промышленным комплексом, вопрос о резком расширении сферы оборонной индустрии на тот момент еще не ставился. Некоторое время, несмотря на разрастание как масштабов вооруженной борьбы, так и численности РККА, предполагалось, что накопленных запасов вооружений, боеприпасов и другого военного имущества в целом вполне достаточно для бесперебойного снабжения Красной армии. Как показали дальнейшие события, эти надежды оказались ошибочными и явно не соответствовали реальному положению дел. Уже в сентябре 1918 г. Л.Д. Троцкий констатировал, что вопрос о снабжении армии приобрел особую остроту и значение. Именно тогда впервые был поставлен вопрос о немедленном вводе в действие всех ранее консервированных предприятий оборонного комплекса, а главное — о мобилизации всей экономики на нужды войны¹⁸.

Впрочем, следует признать, что осенью 1918 г. повышенное внимание к оборонной промышленности привело и к резкому росту числа институций, так или иначе претендовавших на межведомственную координацию в сфере оборонного производства и оперативное управление предприятиями военной индустрии. То есть процесс административных переустройств в сфере управления оборонной промышленностью получил новый импульс. 2 сентября был учрежден Революционный военный совет (РВС), а 30 сентября того же года при Совнаркоме был создан Совет рабочей и крестьянской обороны (СО), который весной 1920 г. был реорганизован в Совет Труда и Обороны (СТО). В ноябре 1918 г. ГКВП преобразовали в Чрезвычайный комитет по снабжению Красной армии (Чрезкомснаб), главой которого стал Л.Б. Красин. Что касается собственно заводов и фабрик, то к концу 1918-го основная масса предприятий оборонной сферы были сосредоточены в рамках нескольких главков ВСНХ. Однако ряд военных заводов по-прежнему подчинялись ЦПАЗ (находились в своеобразном двойном подчинении), а несколько крупнейших предприятий, имевших для военного производства ключевое значение¹⁹, управлялись непосредственно ГАУ РККА. Порой ситуация принимала откровенно пара-

¹⁷ Вообще надо учитывать, что принимаемые в те годы постановления, инструкции, положения и прочие нормативно-уставные документы далеко не всегда объективно отражали реальное положение вещей. В частности де-юре ЦПАЗ был передан в ведение ВСНХ, но анализ делопроизводственной документации показывает, что ГАУ продолжало регулярно направлять в ЦПАЗ свои директивы и получать различную отчетность.

¹⁸ Соколов А. К. От военпрома к ВПК... С. 15.

¹⁹ В их число входили такие заводы, как Тульский и Ижевский оружейные и Симбирский патронный.

доксальные формы, не поддающиеся логическому объяснению: Владимирский и Шлиссельбургский пороховые заводы подчинялись ВСНХ, а все остальные предприятия по производству пороха – ЦПАЗ²⁰. Еще одна группа предприятий, занятых в вопросах обеспечения РККА, подчинялась Центральному управлению снабжения (ЦУС) РККА. Причем заказы и директивы оборонной промышленности направляли и РВС, и СО, и командование РККА. В результате сложившееся положение можно было назвать «организационным хаосом»²¹.

К весне 1919 г. ситуация со снабжением РККА серьезно обострилась. Принятые Реввоенсоветом штаты стрелковой дивизии предусматривали большое количество предписанных вооружений, а т.к. РККА предполагалось развернуть в составе 125 стрелковых бригад (сводимых в дивизии), ожидалась недостача приблизительно 65% пулеметов и 60% – артиллерийских орудий. Промышленность, безусловно, оказалась не в состоянии покрыть эту недостачу в ближайшее время, поэтому 10 марта 1919 г. штаты пехотной дивизии были пересмотрены – количество пулеметов в ней сократили с 48 до 24 шт., а орудий – с 116 до 44.

Потребности в вооружениях и боеприпасах, так или иначе, удавалось удовлетворять, пусть в основном и за счет еще дореволюционных запасов. Однако обеспечение действующей армии разнообразной амуницией находилось на недопустимо низком уровне²². Впрочем, ситуация непосредственно в оборонной промышленности тоже внушала тревогу. Обилие разнообразных органов, насыпавших предприятия «оборонки» заказами на поставки той или иной военной продукции, ставило военную индустрию в невыносимое положение «слути множества господ», поэтому деловая переписка апреля-мая оборонной промышленности с вышестоящими инстанциями пестрит требованиями указать, чьи, собственно, заказы должны выполняться в первую очередь? Было очевидно, что бесконечно уповать на запасы, доставшиеся по наследству от «старого режима», невозможно, а новый выпуск пока носил очень ограниченные масштабы. Переломить ситуацию удалось лишь после создания в июле 1919 г. при СО института Чрезвычайного уполномоченного по снабжению Красной армии (Чусоснабарм, ЧУСО), располагавшим подчиненным ему аппаратом как в центре, так и на местах²³. Непосредственно на пост Чусоснабарма был назначен А.И. Рыков (на тот момент – глава ВСНХ), что позволило объединить все экономические структуры, отвечавшие за снабжение РККА уже не столько на институциональном уровне, сколько на персональном. Как показала практика, на тот момент это была более эффективная методика. Так как политика распределения оборонных предприятий по профильным главам ВСНХ себя не оправдала, 24 августа 1919 г. при ЧУСО был создан Совет военной промышленности (Промвоенсовет)²⁴, который возглавил П.А. Богданов. Структурно Промвоен-

²⁰ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР.. Т. 2. С. 150.

²¹ Соколов А.К. От военпрома к ВПК... С. 18.

²² Коваленко Д.А. Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. С. 389.

²³ Присяжный Н.С. Экономическая чума: военный коммунизм в России. Ростов н/Д., 1994. С. 37.

²⁴ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР.. Т. 2. С. 109.

совет делился на четыре отраслевых гавка: ЦПАЗ, Главкоавиа (авиапромышленность), Цепморз (военно-морские, в первую очередь артиллерийские, заводы) и Цупвоз (заводы по производству обозного имущества). Всего в систему Промвоенсовета входили 59 предприятий, которые на тот момент и составили основу отечественной оборонной промышленности²⁵. Отметим, что, несмотря на очевидную важность оборонной промышленности в годы войны, необходимость особого внимания к этой индустрии далеко не сразу была осознана советским руководством. Скажем, на 1920 г. из почти 60 предприятий Промвоенсовета статусом «ударных», обеспечивавших повышенное снабжение продуктами и более высокие расценки, обладал лишь 21 завод²⁶.

Важнейшие отрасли оборонной промышленности в годы Гражданской войны

Военная промышленность подразделяется на несколько отраслей, каждая из которых обладает собственным набором присущих ей специфических черт. Поэтому имеет смысл дать краткий обзор положения дел в каждой из подотраслей оборонной промышленности по отдельности.

Российская империя обладала достаточно мощной артиллерийской отраслью, состоявшей из нескольких крупных казенных и частных предприятий. Однако в связи с широкой программой эвакуации индустриальных объектов, принятой зимой 1918 г., уже к середине года единственным предприятием, которое было в состоянии продолжать выпуск артиллерийского вооружения, оставался Пермский пушечный завод²⁷.

В конце 1919 г. работы по выпуску и ремонту артиллерийских систем велись на Петроградском, Брянском и Московском оружейных заводах, в Киевском арсенале и нескольких артиллерийских ремонтных мастерских. Суммарный объем артиллерийского выпуска в годы Гражданской войны в Советской России был очень мал по сравнению с периодом Первой мировой войны. Если за 1916 г. в Российской империи было выпущено 8289 артиллерийских орудий²⁸, то в 1919 г. — всего 366, т.е. в 22,6 раза меньше. При этом приоритет отдавался выпуску легких артиллерийских систем. По воспоминаниям современников, еще в конце 1917 г. В.И. Ленин, ознакомившись с материалами созданного в дореволюционный период Особого совещания по обороне, «предложил выработать новое положение о нем и дал срочное задание (это было между 8 и 10 декабря по ст. ст.) созвать военных специалистов и разработать с ними план военно-технического снабжения революционной армии для ведения гражданской войны. — Против нас поднимается не одна Вандея, — говорил Владимир Ильич, — поэтому надо готовиться. Прекратить производство

---

²⁵ Подробнее см.: Мухин М.Ю. Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3–15.

²⁶ Соколов А.К. От военпрома к ВПК... С. 21.

²⁷ Вернидуб И.И. На передовой линии тыла. М., 1993. С. 131.

²⁸ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Жуковский; М., 2001. С. 211.

тяжелых снарядов и орудий, делать легкую полевую артиллерию, пулеметы, винтовки»²⁹. Даже если счесть данный мемуарный эпизод некоей агиографией большевистского вождя, в ходе которой реальная заслуга другого человека приписывается Ленину, следует признать, что такое решение в реалиях Гражданской войны было вполне логичным. Так как боевые действия Гражданской войны характеризовались многочисленными глубокими маневрами, а периоды позиционной борьбы – крайне редкими, ставка на легкую полевую артиллерию представляется полностью оправданной.

В области производства стрелкового вооружения Советской России по наследству от «старого режима» достались Сестрорецкий, Тульский и Ижевский заводы, обеспечивавшие выпуск винтовок. Основным центром выпуска пулеметов, как и до революции, оставался Тульский завод. Попытки ввести в строй пулеметный завод в Коврове (начатый строительством еще при царской администрации) так и не увенчались успехом, а новый винтовочный завод в Екатеринославе мало того, что не был достроен, так еще и очень быстро оказался по другую линию фронта. Сестрорецкий завод в 1916 г. развил производительность в 14 тыс. винтовок ежемесячно, однако в 1918 г. это предприятие было предписано эвакуировать. После того, как приблизительно половина оборудования была уже вывезена, поступил приказ об отмене эвакуации, но вернуть обратно удалось уже далеко не все станки. В результате предприятие утратило возможность выпускать новые винтовки, и в 1919 г. его «загрузили» заказами исключительно на ремонт стрелкового оружия³⁰. В этой связи в 1919³¹ – первой половине 1920 г. пулеметы выпускали практически исключительно на тульском заводе, а производство винтовок приблизительно поровну «разделили» Тульский и Ижевский заводы.

По сравнению с дореволюционным периодом стрелковая промышленность Советской России демонстрировала очевидный спад производительности. Если в 1916 г. Тульский завод выпускал в месяц 61 тыс. винтовок и 1200 пулеметов, то в 1919 г. 32 тыс. винтовок удалось сдать только в октябре, а обычная месячная выработка колебалась в районе 20–22 тыс. винтовок. Еще хуже ситуация сложилась на Ижевском заводе. Если довоенная ежемесячная выработка составляла свыше 53 тыс. винтовок, то в 1919 г. – около 19–20 тыс. штук в месяц³². Следует учитывать, что Ижевский завод дважды переходил под контроль «белых». При этом после первого изгнания контрреволюционных сил с отступившими «белыми» ушли около 10 тыс. сотрудников Ижевского оружейного завода и обеспечивавшего его сталью – Воткинского, а после второго – ушло еще 8 тыс. чел. Убыль квалифицированных кадров пришлось срочно восполнять за счет рабочих «со стороны», что не могло не сказаться на производительности предприятия. В результате всех этих событий суммарный

²⁹ Цит. по: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника: в 13 т. Т. 5. М., 1974. С. 85, 124.

³⁰ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР.. Т. 2. С. 137.

³¹ Ситуация с управлением военной промышленностью за 1918 г. была столь плачевна, что в нашем распоряжении нет практически никакой сводной информации о выпуске военной продукции за тот год.

³² Соколов А. К. От военпрома к ВПК... С. 22.

выпуск винтовок в России резко сократился – если в декабре 1916 г. в России было произведено 127 200 винтовок³³, то в декабре 1919 г. – лишь 47 810, т.е. выпуск этого типа вооружений упал в 2,7 раза.

Таблица 1

Выпуск артиллерийских орудий, винтовок и пулеметов в Советской России в 1919 – первой половине 1920 г. (шт.)

1919 г.	Винтовки	Пулеметы	Артиллерийские орудия
январь	39 213	480	17
февраль	50 183	500	20
март	43 677	420	15
апрель	16 010	325	19
май	25 800	390	45
июнь	26 500	500	34
июль	42 800	720	50
август	35 910	595	9
сентябрь	46 925	690	26
октябрь	51 204	618	45
ноябрь	34 023	456	35
декабрь	47 810	562	51
Итого за 1919 г.	460 055	6 256	366
1920 г.			
январь	27 301	400	28
февраль	15 815	50	26
март	34 004	503	20
апрель	17 649	121	39
май	26 300	500	94
июнь	33 994	300	нет данных

Источник: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР.. Т. 2. С. 194.

Военно-химическая промышленность тех лет была представлена, в первую очередь, производством пороха и взрывчатки³⁴. Надо признать, что дореволюционная Россия располагала достаточно большим комплексом военно-химических производств. Основную массу пороха на 1916 г. выпускали Шлиссельбургский, Шосткинский, Охтинский и Казанский пороховые заводы. Кроме того, во Владимире на 1917 г. продолжалось строительство частного порохового завода Барановского, а в Тамбове – казенного порохового завода.

³³ *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. С. 66.

³⁴ Выпуск отравляющих веществ в те годы носил в России сравнительно малозначительный характер, поэтому в данном контексте не рассматривается.

В производстве взрывчатки доминировал выпуск Самарского (Сергиевско-го) и Охтинского заводов взрывчатых веществ, еще один завод взрывчатых веществ строился в Нижнем Новгороде. Однако в 1918 г. началось стремительное сокращение находившихся в распоряжении Совнаркома промышленных мощностей военно-химической индустрии. Шосткинский и Казанский заводы оказались по другую линию фронта, строительство во Владимире и Тамбове практически остановилось, Охтинский пороховой завод был эвакуирован и, фактически, выпал из производственной деятельности. В результате в 1918 г. все производство пороха для РККА было сосредоточено преимущественно на Шлиссельбургском пороховом заводе. Правда, в августе удалось возобновить выделку пороха на Охтинском заводе, но масштабы выпуска там были малы, а в конце 1919 г. он был прекращен³⁵. Казанский завод возобновил сдачу пороха только после освобождения от чехословацких войск, в конце сентября 1918 г.

На Шлиссельбургском заводе фабрикация пороха прекратилась в 1910-м, поэтому основу советского порохового выпуска в 1919–1920 гг. составляла продукция Казанского завода. Кроме того, на вступившем в строй Владимирском заводе наладили производство пороха для Морского ведомства.

Однако если в производстве пороха в распоряжении советского руководства остался хотя бы один завод, то в плане выпуска взрывчатки ситуация была еще хуже — Охтинский завод был эвакуирован и продукцию не сдавал, а Самара вместе с заводом взрывчатых веществ контролировалась войсками КОМУЧ. Впрочем, подразделения Чехословацкого корпуса вошли в Самару только 6 июня 1918 г., а еще весной того года завод был остановлен из-за отсутствия топлива³⁶. Так что к моменту утраты советским правительством контроля над этим заводом, данное предприятие уже не работало. Возобновить его работу удалось только в декабре 1918 г., причем ввиду того, что подавляющее большинство инженеров покинули завод, предприятие было переориентировано на выпуск винтовочных и револьверных капсюлей и, собственно говоря, из производства взрывчатки фактически выбыло. Строительство Нижегородского завода было приостановлено, а в уже возведенных цехах наскоро организовали снаряжение 122-мм и 152-мм снарядов из уже произведенных запасов снарядных корпусов и взрывчатки. Таким образом, военно-химический завод фактически перепрофилировали в снаряжательный. По сути, в годы Гражданской войны выпуск взрывчатки в Советской России практически не велся. Впрочем, дореволюционные запасы взрывчатых веществ, доставшиеся в распоряжение советскому руководству, были столь объемны, что какой-либо нужды в производстве новой взрывчатки РККА не испытывала. Только в январе 1920 г. Самарскому и Нижегородскому заводам выдали заказ на 12 150 пуд.³⁷ взрывчатки. При этом заказ был обусловлен не столько нехваткой взрывчатых веществ, сколько необходимостью поддержания производства на этих предприятиях³⁸.

³⁵ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР.. Т. 2. С. 148.

³⁶ Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. С. 135.

³⁷ Приблизительно 194 т.

³⁸ Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. С. 149.

Подотрасль производства боеприпасов включала в себя, в первую очередь, заводы по выпуску винтовочных патронов и корпусов снарядов. Дореволюционная Россия располагал тремя определявшими ситуацию с производством этого вида боеприпасов основными патронными заводами – Петроградским и Луганским казенными и Тульским частным³⁹. Однако Петроградский завод, как и вся Петроградская группа предприятий, подвергся эвакуации, причем именно в отношении этого завода эвакуационные меры носили особенно разрушительный характер. В результате Петроградский патронный завод перестал существовать вообще, часть его оборудования была эвакуирована в Симбирск, где с 1916 г. строился новый патронный завод, а часть была направлена в Подольск. Там на базе этого станочного парка был создан Подольский патронный завод. Однако за весь 1919 г. производство патронов не наладили ни в Симбирске, ни в Подольске⁴⁰. Луганский завод на протяжении 1919–1920 гг. в результате событий Гражданской войны шесть раз переходил из рук в руки, причем каждый раз отступающая сторона старалась эвакуировать оборудование предприятия. В итоге существенной роли в патронном производстве этот завод не сыграл. Таким образом, основная масса патронного производства Советской России в годы Гражданской войны пришлась на Тульский патронный завод.

Отдельной промышленности артиллерийских снарядов в дореволюционной России не было. Снарядные корпуса производились, параллельно с иной продукцией, на Пермском орудийном и Ижевском оружейном казенных заводах. Помимо этого, к производству снарядных корпусов привлекли большое количество частных предприятий. Некоторые заводы продолжили выпуск корпусов снарядов и после Октябрьской революции, однако, масштабы снарядного производства резко упали. Если в 1916 г. в России было произведено почти 31 млн снарядов⁴¹, то в 1919-м – лишь 185 тыс.

Снижение выпуска снарядов в 1920 г. объяснялось, в первую очередь, огромными запасами боеприпасов такого типа, оставшихся с дореволюционных времен. Поэтому советское руководство не видело необходимости отвлекать дефицитные ресурсы для изготовления новых снарядов.

Кроме того, в годы Гражданской войны в Советской России выпускали самолеты⁴², броневики, строили бронепоезда, и даже была выпущена серия танков⁴³. Однако производственная деятельность в этих областях носила настолько малозначительный характер, что в данном случае ее можно не учитывать.

³⁹ Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой Мировой войны. М., 2012. С. 37.

⁴⁰ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР.. Т. 2. С. 139–141.

⁴¹ Вернидуб И.И. На передовой линии тыла. С. 80.

⁴² Мухин М.Ю. Авиапромышленность России в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы междунар. науч. конф. М., 2018. С. 67–72.

⁴³ Свириг М. Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М., 2005. С. 42.

**Выпуск пороха и боеприпасов в Советской России
в 1919 – первой половине 1920 г.**

1919 г.	Порох (пуд.)	Патроны (тыс.)	Снаряды⁴⁴ (шт.)
январь	3 920	19 720	27 476
февраль	3 483	24 358	26 783
март	5 209	22 748	5 222
апрель	5 813	16 610	6 286
май	6 990	28 291	11 538
июнь	5 825	28 544	21 418
июль	7 270	31 610	24 545
август	4 086	32 497	16 698
сентябрь	2 491	34 311	16 816
октябрь	7 112	34 558	7 145
ноябрь	5 856	38 665	6 959
декабрь	5 712	45 348	14 112
Итого за 1919 г.	63 767	357 260	184 998
1920 г.			
январь	3 124	27 899	3 662
февраль	720	17 072	1 637
март	5 104	31 270	2 834
апрель	4 641	21 481	586
май	4 737	28 934	289
июнь	3 414	33 094	553

Источник: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР.. Т. 2. С. 194.

В целом Промвоенсовету удалось наладить снабжение РККА вооружением и боеприпасами, хотя на количество и качество этих поставок представители военного ведомства жаловались практически непрерывно. Тем не менее степень обеспечения Красной армии оружием и боеприпасами оказалась выше, чем у разнообразных «белых» группировок, которые были вынуждены практически полностью опираться на дореволюционные запасы и редкие поставки из-за границы. В то же время опыт Советско-польской войны 1920 г. (польские войска пользовались куда более масштабной помощью в плане поставок вооружений и новейшей боевой техники) показал, что по уровню технического оснащения РККА имела немало «узких мест». Система управления оборонной промышленностью «ЧУСО – Промвоенсовет», созданная летом 1919 г., практически не менялась вплоть до окончания Гражданской войны. Однако производственный рывок 1919 г. очень дорого обошелся отечественной обо-

⁴⁴ В данном случае речь идет только и исключительно о снарядах для сухопутной артиллерии. Снаряды Морского ведомства учитывались отдельно, но выпуск таких боеприпасов был мал.

ронной индустрии. На военных заводах выходило из строя оборудование, катастрофически не хватало инструментов, квалифицированный персонал массово покидал предприятия в поисках более «хлебных» мест. Не случайно «мирная передышка» зимой-весной 1920 г. была немедленно использована для массового урезания военных заказов.

Библиография

- Бизяева М.М.* Из истории организации оборонной промышленности в годы Гражданской войны // Ученые записки АОН. 1957. Вып. 29. С. 112–147.
- Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 702 с.
- Вернидуб И.И.* На передовой линии тыла. М.: ЦНИИИТИКПК, 1993. 725 с.
- Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 5. М.: Политиздат, 1974. 740 с.
- Вольпе А.* Гражданская война 1918–1921 гг.: в 2 т. Т. 2. М.: Госиздат, 1928. 373 с.
- Вольпе А.* Чусоснабарм // Война и революция. 1925. Кн. 5. С. 91–116.
- Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. 434, [4] с.: ил., схемы, табл.
- Какурин Н.* Как сражалась революция. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1925. 269 с.
- Кляцкин С.М.* Из истории организации производства вооружения и боеприпасов Красной армии в 1918–1920 гг. // Доклады и сообщения ИИАН СССР. 1957. Вып. 11. С. 72–90.
- Кюнг П.А.* Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой Мировой войны. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2012. 237, [4] с.: табл.
- История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963 / отв. сост. Т.В. Сорокина. Т. 2. М.: Новый Хронограф, 2005. 763 с.
- Коваленко Д.А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. М.: Наука, 1970. 411 с.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. М.: Госполитиздат, 1973. 561 с.
- Мелия А.А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 350 с.
- Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М.: Наука, 2006. 320 с.
- Мухин М.Ю.* Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3–15.
- Мухин М.Ю.* Авиапромышленность России в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ГЦМСИР, 2018. С. 67–72.
- Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России. М.: Рус. книгоизд. товарищество-История, 1996. 270 с.
- Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: Центрполиграф, 2015. 381 с.
- Присяжный Н.С.* Экономическая чума: военный коммунизм в России. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1994. 452 с.
- Российская революция 1917 г.: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2017. 743 с.
- Свирин М.* Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М.: Яуза; Эксмо, 2005 (Н. Новгород: Нижполиграф). 381, [1] с.: ил., табл.
- Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 333 с.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. М.: [б.и.], 1942. 1483 с.
- Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый Хронограф, 2012. 523 с.

Косторниченко В.Н.*

Нефтяной ленд-лиз в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Аннотация. Статья посвящена анализу роли нефтяного ленд-лиза на разных этапах Великой Отечественной войны. В работе выявлена доля нефтепродуктов в общей массе поставок по ленд-лизу, исследовано значение снабжения авиатопливом, автомобильным и т.п. Показана история вопроса, исследованы мотивы действий ведущих советских, американских, британских политиков в сфере нефтяной политики. Особое внимание уделено влиянию нефтяного фактора на советско-британские и советско-американские отношения.

Ключевые слова: нефть, ленд-лиз, Великая Отечественная война, советско-американские отношения, советско-британские отношения.

Накануне Великой Отечественной войны в Советском Союзе наблюдалась растущая потребность в нефтяных ресурсах. Она определялась ускоренной индустриализацией предшествовавших лет и реализацией форсированной программы перевооружений. Так, в сентябре 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О реконструкции существующих и строительстве новых самолетных заводов», согласно которому предполагалось за короткий период реконструировать девять крупных авиастроительных предприятий и девять новых авиазаводов. Это привело к увеличению производства авиатехники более чем в полтора раза, что означало значительное повышение спроса на высокооктановое топливо¹. В 1936–1939 гг. количество танков возросло в два раза. К 1939 г. Военно-морской флот имел в своем распоряжении 3 линкора, 4 крейсера, 40 лидеров и эскадренных миноносцев, 184 подводных лодки, 279 торпедных катеров и другие типы боевых кораблей². Соответственно, танковым войскам и ВМС требовалось больше нефтепродуктов, горюче-смазочных материалов. Если за 1936 г. Вооруженные силы СССР израсходовали 443 тыс. т горючего, то в 1940-м их расход составил 1,1 млн т, т.е. наблюдался рост в 2,4 раза. Самый высокий уровень потребления (увеличение почти в пять раз) показали танковые войска. Расход автомобильного горючего за это же время возрос в 2,9, а авиационного – в 1,3 раза³.

И хотя советское правительство в предвоенные годы придавало большое значение развитию нефтяной промышленности, производство нефте-

* Косторниченко Владимир Николаевич – доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), kostornichenko@yandex.ru

Замысел этой статьи возник у автора в ходе научных бесед с историком, специалистом по изучению региональных аспектов Сталинградской битвы, доктором исторических наук В.В. Булатовым. Его ценные методические указания касались необходимости отраслевого изучения военной тематики, логистики снабжения ленд-лиза.

¹ История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; глав. ред. П. Н. Поспелов (пред.) [и др.]. Т. 5. М., 1964. С. 119.

² История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. М., 1974. С. 201, 202.

³ Никитин В.В. Горючее – фронт. М., 1984. С. 7.

продуктов отставало от уровня потребления. Так, нефтедобыча поднялась с 18,5 (1930) до 31,1 млн (1940), т.е. выросла почти в 1,7 раза. Однако отметим, что после 1937 г. добыча нефти застыла на уровне чуть более 30 млн т в год⁴. Очевидно, что этих темпов было недостаточно в условиях стремительного индустриального развития и растущей военной угрозы.

Советское правительство активно готовилось к войне. В 1936 г. на XVII съезде партии было принято стратегически важное решение – о создании Второго Баку, новой нефтегазоносной области, находящейся в Волго-Уральском регионе. К 1940 г. доля Второго Баку уже составляла 12% от всей советской нефтедобычи⁵.

Положение усугубилось в начале Великой Отечественной войны. Более 50% всех складов горючего Вооруженных сил СССР находилось на западных приграничных территориях. Только за первый месяц войны в результате действий германских войск было потеряно 73 стационарных склада хранения горючего (из 247 имевшихся на балансе Красной армии). За первые полгода войны Наркомат обороны лишился 160 тыс. т горючего и почти 300 тыс. т мобилизационного резерва⁶. Таким образом, Красная армия вынуждена была вести военные действия под Москвой в условиях острого дефицита горючего, организовав эффективное снабжение войск и остановив продвижение врага.

Наступление немецких войск на Сталинград и южные районы СССР, предпринятое осенью 1942 г., серьезно затруднило снабжение советской промышленности и армии нефтепродуктами. Бакинский, Грозненский и Майкопский нефтяные районы, обеспечивавшие 85% отечественных нефтяных поставок, оказались отрезанными от основных транспортных магистралей. К тому времени из-за угрозы захвата региона был демонтирован нефтепровод «Баку – Батуми», а вывоз нефтепродуктов по Волге в период Сталинградской битвы оказался блокированным⁷. В эти военные годы бурение новых скважин в Закавказье было прекращено, более того, из-за трудностей с вывозом нефти пришлось законсервировать большое количество высокодебитных фонтанирующих скважин. В целом со второй половины 1942 г. нефтедобыча на Бакинских промыслах – главном нефтедобывающем районе страны – снизилась примерно вдвое (см. табл. 1).

Таблица 1

Добыча нефти в Бакинском районе в 1941–1945 гг. (млн т)

Годы	1941	1942	1943	1944	1945
Добыча нефти	23,5	15,7	12,7	11,8	11,5

Источник: Лисичкин С.М. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. М., 1958. С. 286.

⁴ Янович М. Горючее – это тоже оружие победы // На нефтяных перекрестках. М., 2004. С. 215.

⁵ Никитин В.В. Горючее – фронт. С. 8.

⁶ Янович М. Горючее – это тоже оружие победы. С. 223.

⁷ Будков А.Д., Будков Л.А. Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 60.

Значительная часть азербайджанских нефтяных и нефтеперегонных предприятий вместе со всем оборудованием и личным составом (приблизительно 10 тыс. специалистов) были перебазированы в районы Волги, Урала, Казахстана и Средней Азии. Этот вынужденный перевод нефтяной промышленности на восток привел к значительному сокращению нефтедобычи в стране, так и не позволив восстановиться отрасли вплоть до окончания войны. Кроме того, разрушение Майкопского нефтяного района накануне и в ходе оккупации немецкими войсками части Северного Кавказа лишило советские войска значительной доли общесоюзных нефтяных поставок⁸.

Таблица 2

Добыча нефти в Советском Союзе в 1940–1945 гг. (млн т)

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Добыча нефти	31,1	33,0	22,0	18,0	18,3	19,4

Источник: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: стат. сб. М., 1990. С. 5.

Падение нефтяного производства в условиях быстро прогрессирующего спроса на нефтепродукты привело к «нефтяному голоду», что не могло не сказываться отрицательно на ситуации на фронте и в тылу.

* * *

Поставки в СССР стран антигитлеровской коалиции – Великобритании и США – способствовали преодолению нефтяного дефицита. Особенную роль в этом сыграли крупные партии нефтепродуктов, ввезенные в рамках программы ленд-лиза, принятой американским правительством.

Программа ленд-лиза представляла собой систему, по которой США помогали своим союзникам во Второй мировой войне боеприпасами, техникой, продовольствием и стратегическим сырьем, включая нефтепродукты. Концепция этой программы давала президенту власть помогать любой стране, чья оборона признавалась жизненно важной для США. В ходе реализации программы предполагалось, что:

- поставленные материалы (машины, различная военная техника, оружие, сырье, другие предметы), уничтоженные, утраченные и использованные во время войны, не подлежат оплате;
- переданное в рамках ленд-лиза имущество, оставшееся после окончания войны и пригодное для гражданских целей, будет оплачено полностью или частично на основе предоставленных Соединенными Штатами долгосрочных кредитов (в основном беспроцентных займов).

Положения о ленд-лизе предусматривали, что после войны в случае заинтересованности американской стороны разрушенные и не утраченные техника и обо-

⁸ Об этом см.: *Косторниченко В.Н.* Нефть в планах наступления германской армии на Сталинград и Кавказ (1940–1943 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 1. С. 80–98.

рудование могли быть возвращены в США. Первая помощь в соответствии с этими положениями была оказана Великобритании и Греции, которые к 1940 г. уже находились в критическом положении и не могли рассчитывать за вооружение.

Положения о ленд-лизе сначала были оформлены в виде билля, а 11 марта 1941 г. Конгресс США принял соответствующий закон, который был подписан президентом Ф. Рузвельтом. В тот же день американский президент подписал и две первые директивы к этому закону. Первая из них предписывала передать Британии 28 торпедных катеров, а вторая – передать Греции 50 единиц 75-мм пушек и несколько сот тысяч снарядов.

Затем последовали другие страны, против которых воевал Третий рейх: Югославия, Китай, Бельгия, Норвегия, Польша, Нидерланды.

Страны, получавшие помощь по ленд-лизу, подписывали с США двусторонние соглашения, по которым обе стороны предварительно рассчитывали и оговаривали собственные интересы – экономические, военные или политические. Первым администратором проекта Рузвельт назначил своего помощника Гарри Гопкинса.

В соответствии с условиями закона о ленд-лизе правительство США заключало соглашения с союзными странами. Каждое государство, подписавшее такое соглашение, должно было предоставить финансовый отчет.

Кроме этого, страны-лизингополучатели принимали на себя обязательство содействовать защите Соединенных Штатов и оказывать им помощь материалами, которые имелись у них, а также предоставлять различные услуги и информацию. Срок поставок по закону устанавливался первоначально до 30 июня 1943 г., а затем ежегодно продлевался.

Всего в период с 11 марта 1941 г. по 20 сентября 1945 г. США оказали помощь правительствам 42 стран, в том числе Великобритании и странам Британского Содружества на сумму 31,4 млрд долл.; Советскому Союзу – на 11,3; Франции – 3,2; Китаю – 1,6; латиноамериканским странам – 0,6⁹.

Сразу после войны США направили странам, получавшим помощь по ленд-лизу, предложение – погасить долг для возобновления новых кредитов. Поскольку закон о ленд-лизе предусматривал списание использованного военного оборудования и материалов, американцы настаивали на оплате только гражданских поставок: железнодорожного транспорта, электростанций, пароходов, грузовиков и прочего оборудования, находившегося у стран-получателей по состоянию на 2 сентября 1945 г.

Уже на следующий день после нападения Германии на СССР Рузвельт заявил о готовности американского правительства помочь советскому народу военной техникой и сырьем. С этой целью президент США создал специальную группу по снабжению Советского Союза. В этот период Рузвельт вел открытую полемику с теми американскими и английскими политиками и военными, кто призывал воздерживаться от поставок в СССР. По мнению его оппонентов, Советский Союз не был в состоянии противостоять Германии продолжительное время, что привело бы к тому, что все поставляемое оружие и сырье попа-

⁹ Рыжков Н.И. Фактор ленд-лиза // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 23. С. 35.

ло бы в руки А. Гитлера¹⁰. Среди оппонентов Рузвельта оказался и противник сотрудничества с СССР, бывший тогда сенатором от Миссури, Г. Трумэн. В газете «Нью Йорк таймс» от 24 июня 1941 г. было опубликовано следующее его высказывание: «Если мы видим, что Германия побеждает, мы должны помогать России, если Россия побеждает, мы должны помогать Германии, и поэтому пусть убивают друг друга, как можно больше, хотя я не хочу видеть Гитлера победителем ни при каких обстоятельствах»¹¹.

Выступая против подобной позиции, Рузвельт взял на себя ответственность за проведение активной политики поддержки Советского Союза, выступив в Конгрессе с инициативой присоединения СССР к программе ленд-лиза. Правительство США разморозило замороженные советские активы на общую сумму 40 млн долл., отменив положения закона о нейтралитете от ноября 1939 г., препятствующие продаже оружия. Это решение предоставило Советскому Союзу возможность закупать военные материалы у Соединенных Штатов при наличии разрешения на экспорт. Президент перенес на СССР действие закона о ленд-лизе под видом помощи Великобритании, не дожидаясь формального одобрения со стороны законодательных органов США.

Именно реэкспорт британских поставок и оказался для Советского Союза первой помощью стран Запада. Принципы организации британской передачи товаров отличались от американских. Англичане разделяли военные и невоенные поставки. Нефтепродукты попали во вторую группу, и в отношении них действовали следующие правила оплаты: стоимость поставок из Великобритании в СССР и обратно считалась проданной в счет кредита на пять лет под 3% годовых. Американцы такого разделения не делали, у них весь кредит считался беспроцентным. До создания необходимой юридической базы ленд-лиза советская сторона размещала заказы в Великобритании за наличные средства¹².

Первая советская заявка от 30 июня 1941 г., включавшая поставки нефтепродуктов, была удовлетворена по минимуму. Однако начало было положено. В июле передали товаров на сумму 6,5 млн долл., к 1 октября 1941 г. экспорт в СССР из Великобритании и США составил всего 30 млн долл. (в основном нефтепродукты)¹³. «До конца октября 1941 г. русские оплачивали все поставки, получаемые этой страной», — писал в мемуарах руководитель программы ленд-лиза в 1941–1943 г. Э. Стеттиниус¹⁴. До окончания октября СССР перевел в счет оплаты всего 92 млн долл., причем 10 млн из этой суммы покрывалось за счет золота, встречные поставки советского сырья составили оставшиеся 50 млн долл.¹⁵

Британская сторона играла значительную роль в организации логистики нефтяных поставок в Советский Союз. Первоначально основная часть перевозок осуществлялась «северными» конвоями. Позднее, после того как транспорти-

¹⁰ Загадки ленд-лиза. Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М., 2000. С. 122.

¹¹ *Whitman A. Harry S. Truman: decisive president // The New York Times. 1972. 27 декабря. URL: <https://www.nytimes.com/1972/12/27/archives/harry-s-truman-decisive-president-the-lightning-strikes-in-war.html> (дата обращения: 12 мая 2023).*

¹² *Котельников В. Р. Авиационный ленд-лиз. М., 2015. С. 22.*

¹³ *Рыжков Н. И. Фактор ленд-лиза. С. 36.*

¹⁴ Загадки ленд-лиза... С. 124.

¹⁵ *Котельников В. Р. Авиационный ленд-лиз. С. 22–23.*

ровка груза по этому маршруту стала сопровождаться значительными потерями, их составляющая в общем объеме поставок значительно сократилась.

Перед Великобританией и СССР стояла задача налаживания более безопасного транспортного маршрута. Организация «Персидского коридора» — путей снабжения Советского Союза по программе ленд-лиза — стала одной из главных целей британо-советской оккупации Ирана в августе–сентябре 1941 г. Другой целью операции было стремление союзников помешать нацистской Германии использовать нефтяные ресурсы Ирана для военных нужд. Для реализации этого, соответственно, требовалось сменить прогермански настроенное правительство Ирана¹⁶. Британский премьер-министр У. Черчилль подчеркивал в письме И.В. Сталину от 29 августа 1941 г.: «При всей важности защиты нефтяных источников главной целью нашего вступления в Персию было в еще большей степени стремление установить еще один сквозной путь к вам, который не может быть перерезан»¹⁷. К началу сентября советские и британские войска оккупировали территорию Ирана, принудив к отречению шаха Реза Пехлеви. 17 сентября к власти пришел его сын Мохаммед, и было сформировано новое иранское правительство, принявшее условия союзных войск. Договоренности закрепило англо-советско-иранское соглашение, предоставлявшее право СССР и Великобритании на временную оккупацию и использование территории Ирана для транспортировки войск и военных грузов, при условии вывода союзных войск через шесть месяцев после завершения войны с Германией¹⁸.

В августе 1941 г. по иранскому направлению в СССР было возможно транспортировать всего до 10 тыс. т грузов в месяц. Британцы провели полную реконструкцию железной дороги, идущую от Персидского залива до Каспийского моря, и построили при помощи американского капитала автомобильную магистраль в том же направлении. Кроме того, они возвели в Басре тепловодный порт и крупный склад для приема грузов. По этим маршрутам поставлялись не только нефтепродукты американских компаний, но и продукция с британских нефтеперегонных заводов в Иране.

С августа 1942 г. перевалку на Каспии осуществляли более 200 судов, приспособленных для транспортировки нефтепродуктов и имевших общую грузоподъемность свыше 500 тыс. т. В 1942–1943 гг. по «Персидскому коридору» они перевезли около 21 млн т нефтепродуктов и около 3 млн т других грузов. Из них за время войны только для Красной армии было поставлено морским транспортом 4,2 млн т (более 30% всего израсходованного ею за весь военный период горючего)¹⁹. Особое значение приобрели перевозки морскими судами высокооктановых авиационных бензинов. Их доля в общей массе транспортируемых на Каспии нефтепродуктов составила 38%²⁰.

¹⁶ Ковалевский Н.Ф. Советские войска в Иране. 1941–1946 г. // Военно-исторический журнал. 2006. № 5. С. 40.

¹⁷ Зимонин В. Ленд-лиз: как это было, 26.10.2006, газета «Красная Звезда». URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/10/26/lend-liz_kak_e_to_bylo (дата обращения: 30 мая 2023).

¹⁸ Англо-Советско-Иранский договор 1942 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1944. С. 217–221.

¹⁹ Никитин В.В. Горючее — фронт. С. 156.

²⁰ Там же.

Корабли Каспийской военной флотилии обеспечивали безопасность транзита. Серьезную угрозу судоходству представляли немецкие бомбардировщики, только в октябре-ноябре 1942 г. они потопили и повредили 32 судна (в основном на Астраханском рейде)²¹.

С 28 сентября по 2 октября 1941 г. представители Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании приняли участие в Московской конференции по снабжению, на которой США взяли на себя обязательства поставить СССР 1 млн 500 тыс. т стратегических материалов стоимостью примерно в 1 млрд долл. в рамках Первого (Московского) протокола, который охватывал период до 30 июня 1942 г.

1 октября 1941 г. представители Великобритании, СССР и США подписали Первый (Московский) протокол о снабжении Советского Союза до конца июня 1942 г. Из него явствует, что нефтепродукты играли в поставках в СССР одну из ключевых ролей. С американской стороны договор подписал представитель президента США А. Гарриман, британской – член кабинета правительства Великобритании лорд Бивербрук, советской – нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов.

Документ состоял из семи машинописных страниц. На первой странице можно было прочесть: «Секретный протокол конференции представителей Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Великобритании в Москве 29 сентября – 2 октября 1941 года». Ниже следовал текст о «единодушном решении» участников конференции обеспечивать СССР необходимыми «материалами, производимыми в Великобритании и США» в период с октября текущего по конец июня следующего года. Далее был перечень товаров в трех колонках. В первой их них находился список военного оборудования и материалов, в том числе нефтепродукты. Во второй колонке было показано запрашиваемое количество, в третьей – отмечено, в какой мере Великобритания и США могут удовлетворить эти запросы по каждому пункту. В некоторых случаях отмечалось, что запрос нуждался в дополнительной проработке.

Спустя месяц, 7 ноября 1941 г. Рузвельт, наконец, объявил оборону Советского Союза жизненно важной для обороны США и включил СССР в положения закона о ленд-лизе. Тем не менее даже выполнение обязательств по Первому (Московскому) протоколу стало вызовом для администрации США.

Весьма показательны, что в общей массе первых американских поставок преобладали нефтепродукты: из всего количества грузов (186 144 тыс. т), отправленных в СССР с 22 июня по 30 сентября 1941 г. они составляли 78,4% (145 996 тыс. т)²².

В беседе с личным представителем президента Э. Гопкинсом, отвечавшим за ленд-лиз в СССР, руководитель Советского государства И.В. Сталин особо отмечал необходимость первоочередных поставок высокооктанового авиационного бензина, в котором остро нуждалась отечественная военная авиация²³.

²¹ Зимонин В. Ленд-лиз...

²² Рассчитано по: U.S. President. Reports to Congress on Lend-Lease Operations. № 15 (Washington DC: Government Printing Office, 1944). P. 25.

²³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. М., 1958. С. 527.

Однако было очевидным, что поставки по ленд-лизу в 1941–1942 гг. недостаточны, они значительно ниже экономических возможностей США, учитывая то обстоятельство, что главные события Второй мировой войны происходили на советско-германском фронте. В эти годы Советский Союз получил 27,6% американских поставок по ленд-лизу, а Великобритания – 43%. Вместе с тем даже противники сотрудничества с СССР понимали необходимость и значение ленд-лиза. Трумэн, например, заявил: «Деньги, истраченные на ленд-лиз, безусловно, спасали множество американских жизней. Каждый русский, английский или австралийский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шел в бой, пропорционально сокращал военные опасности для нашей собственной молодежи»²⁴.

Объем помощи по ленд-лизу существенно возрос в течение 1943–1944 гг., в том числе увеличились и поставки нефтепродуктов. И.Н. Быстрова в статье, посвященной роли ленд-лиза в модернизации советской экономики в годы войны, приводит содержание пояснительной записки к отчету о работе специально созданного в составе Правительственной закупочной комиссии СССР в США Отдела нефтепродуктов. В документе читаем: «Работа <...> по отгрузке нефтепродуктов в Советский Союз протекала более активно, чем в прошлые годы (особенно <...> изооктан, алкалайт и другие компоненты к высокооктановым бензинам, а также авиационный бензин окт. 100/130, присадки к маслам и другие продукты). Таким образом, Третий Протокол был выполнен по отгрузке нефтепродуктов на 143,7 процентов»²⁵. Также в этой записки отмечено, что в поставки нефтепродуктов включались засекреченные инновационные компоненты для изготовления авиабензина «Кюмен» и «Ксилидин». Сотрудники Отдела нефтепродуктов отмечали, что американцы поддались напору советских представителей и осуществили такие поставки: «Американцы держат этот продукт в секрете, тем не менее, мы отправили в Союз пробную партию в 120 тонн»²⁶.

Также в отчете указывалось, что в этот период было обращено особое внимание на указание наркома внешней торговли Микояна об увеличении «протокольных количеств по поставке авиагорючего по Третьему Протоколу». Сотрудники Отдела нефтепродуктов с удовлетворением отмечали, что американцы обещали «увеличить нам поставки авиагорючего до пределов наших транспортных возможностей»²⁷.

В годы войны в условиях общего падения нефтедобычи, колоссальной нехватки нефтеперерабатывающих мощностей производство авиабензина в необходимых количествах оказалось под вопросом. Тем не менее во многом благодаря помощи союзников Советскому государству удалось решить эту проблему. По ленд-лизу в СССР было поставлено 1 млн 320 тыс. т авиабензина, из них 1 млн 163 тыс. т (88,1%) имели октановое число выше 99²⁸. К этому

²⁴ Рыжков Н.И. Фактор ленд-лиза. С. 38.

²⁵ Цит. по: Быстрова И.В. Роль программы ленд-лиза в мобилизации и модернизации экономики СССР в годы Великой Отечественной войны // Экономическая история: ежегодник. 2018/19. М., 2020. С. 292.

²⁶ Там же. С. 293.

²⁷ Там же.

²⁸ U.S. Department of State. Protocol and Area Information Staff of the U.S.S.R. Branch of the Division of Research and Reports. Report on War Aid Furnished by the United States to the U.S.S.R.

необходимо добавить 573 тыс. т авиабензина, поставленных, помимо ленд-лиза, с нефтеперерабатывающих заводов Великобритании и Канады²⁹. В сумме это составляет примерно 2 млн 727 тыс. коротких т или 2 млн 479 тыс. метрических т авиатоплива.

Кроме того, в рамках этой программы была осуществлена поставка светлых бензиновых фракций объемом в 834 тыс. т, используемых в производстве авиационного топлива³⁰. Эти поставки имели в СССР особое значение — для расширения производства и улучшения качества авиабензинов. Советские самолеты летали на бензине с гораздо меньшим октановым числом, поэтому путем смешивания отечественных и импортных светлых бензиновых фракций удавалось увеличить в СССР октановое число авиатоплива и существенно, на порядок, расширить объем его производства.

В начале войны на отечественных нефтеперегонных заводах была разработана рецептура компаундирования с импортными высокооктановыми компонентами (стооктановым бензином, изооктаном, алкилбензолом и др.). Вовлечение легких высокооктановых компонентов в авиационные отечественные бензины позволило утяжелить фракционный состав базового бензина и тем самым увеличить его выработку и отбор сырья. За разработку и осуществление схемы компаундирования авиационных бензинов группе бакинских ученых и специалистов (В.С. Гутыря, М.А. Горелика, Л.Б. Самойлова и др.) была присуждена Государственная премия.

Таким образом, ввезенные из-за рубежа авиабензины и высокооктановые компоненты были в значительной степени включены в советское производство авиационных бензинов, составившее за годы войны 4 млн 900 тыс. т³¹. Отсюда видно, что поставки авиабензина по ленд-лизу приближались по объемам к совокупному отечественному производству авиационного топлива³².

Спрос на авиабензин еще более увеличился в последующие военные годы. Среди прочего, это стало следствием поставки по ленд-лизу английских и американских самолетов, общее число которых за военный период составило примерно 15% от всего объема советского производства. На зарубежной авиатехнике летали многие советские асы. Например, трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин сбил на американском самолете «Аэрокобра» 48 из 59 самолетов, а другой ас — дважды Герой Советского Союза Арсений Ворожейкин провел почти всю войну на «Спитфайре» и сбил 51 самолет противника.

Американская и английская авиатехника была особенно востребована в 1941 г., когда советская авиация более всего нуждалась в самолетах из-за значительных потерь в начальный период войны. Однако тогда ее поставки были

(Foreign Economic Section. Office of Foreign liquidation. 1945. November 28). P. 24, 25 (Report on War Aid.)

²⁹ Jones R.H. The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. Oklahoma, 1969. P. 578.

³⁰ Ibidem.

³¹ Рассчитано по: Будков А.Д., Будков Л.А. Нефтяная промышленность СССР.. С. 47; Лисичкин С.М. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР М., 1958. С. 286, 322.

³² Такие источники пополнения Красной армии авиатопливом, как захваченные в Восточной Европе в 1944–1945 гг. запасы трофейного авиабензина общим количеством 82,8 тыс. т, не играли большой роли в снабжении советской военной авиации. См.: Соколов Б. Роль ленд-лиза в Великой Отечественной войне // Загадки ленд-лиза... С. 312.

незначительны. В ходе битвы под Москвой доля иностранных боевых самолетов составляла менее 1%. К 1943 г. она увеличилась до 11%, а в 1945-м составила примерно 20%³³.

К концу войны общее число союзных поставок – 18 700 боевых самолетов; около 10% от общего спроса на потребляемый в стране авиабензин³⁴.

Поставки автобензина по ленд-лизу играли более скромную роль. Всего в СССР было ввезено 267 088 тыс. коротких, или 242,2 метрических т³⁵, что составило 2,8% от общего советского производства за годы войны. Однако и эти поставки оказались весьма ценными для советских вооруженных сил, получивших по ленд-лизу большое количество автомобильной техники. Американские автомобили составили 70% парка Красной армии, определив ее такое важное военное качество, как мобильность. Ведущий советский военачальник, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков заявлял: «Без американских “студебеккеров” нам не на чем было бы таскать нашу артиллерию. Да они в значительной мере вообще обеспечивали наш фронтовой транспорт»³⁶. Американские джипы, поставленные вместо запрошенных советским руководством мотоциклов с коляской, также пользовались большим спросом в Красной армии. Рациональному использованию полученной из-за рубежа техники препятствовала хроническая нехватка нефтепродуктов.

Дефицит в поставках авто- и авиатоплива стал особенно ощущаться к заключительному периоду войны, когда Красной армии приходилось вести операции вдали от своих границ – в Восточной и Центральной Европе. Так, по сравнению с 1942 г., потребление авиационного горючего возросло в 1943 г. на 17%, а в 1944 г. – на 51%; спрос на автомобильный бензин увеличился – соответственно на 2 и 52%³⁷.

О резко возросших потребностях в нефтепродуктах, среди которых около 85% стабильно составляли авто- и авиабензины, говорит погодная динамика объемов ленд-лизовских поставок. Доля нефтяных заказов и поставок относительно других стратегических товаров постоянно увеличивалась (см. табл. 3).

Для удовлетворения возросшего спроса на авиа- и автотопливо была разработана специальная ленд-лизовская программа, призванная способствовать производству бензинов в Советском Союзе. Уже в Первом (Московском) протоколе содержалось указание на необходимость поставок нефтеперерабатывающего оборудования по ленд-лизу. Желание советской стороны получить технологии и оборудование нефтеперерабатывающих заводов вначале не было поддержано американскими официальными лицами. Они утверждали, что такие поставки не вызваны острой военной необходимостью³⁸. Однако в самом конце войны после долгих обсуждений было принято решение отправить в СССР шесть нефтеперегонных комплектов оборудования, которые впослед-

³³ Котельников В.Р. Авиационный ленд-лиз. С. 46.

³⁴ Там же. С. 43.

³⁵ Report on War Aid. P. 25.

³⁶ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: размышления о И.В. Сталине. М., 1989. С. 354.

³⁷ Будков А.Д., Будков Л.А. Нефтяная промышленность СССР.. С. 47.

³⁸ Быстрова И.В. Роль программы ленд-лиза в мобилизации... С. 295.

ствии стали основой крупных нефтеперерабатывающих заводов в Куйбышеве, Орске, Гурьеве и Красноводске. Помимо этих комплексов Соединенные Штаты передали Советскому Союзу значительное количество дополнительного оборудования и материалов для переработки³⁹.

Таблица 3

Тоннаж важнейших ленд-лизовских товаров и материалов

Номенклатура поставок	Второй протокол, июль 1942 – июнь 1943 гг.		Третий протокол, июль 1943 – июнь 1944 гг.		Четвертый протокол, июль 1944–1945 гг.	
	%	Ранжирование	%	Ранжирование	%	Ранжирование
с/х продукты	33	1	31	1	21	1
нефтепродукты	7	4	11	4	20	2
металлы	25	2	18	2	20	3
машины	15	3	13	3	12	4

Рассчитано по: Report on War Aid. P. 24–28.

Эти поставки приобрели особую значимость для экономики страны в связи с тем, что с начала войны предприятия нефтяного машиностроения переключились на производство оружия и боеприпасов. Кроме того, оборудование, переданное по ленд-лизу, оказало большое влияние на уровень технического развития отечественной нефтеперерабатывающей промышленности. Установка и эксплуатация соответствующего передового американского оборудования позволили наладить промышленное производство высокооктановых бензинов, освоить новые технологии переработки.

После окончания войны в СССР продолжали прибывать нефтяные грузы из США. С 13 мая по 2 сентября 1945 г. по программе ленд-лиза поступило 454 тыс. т высококачественных американских нефтепродуктов⁴⁰. Большое значение для разрушенного хозяйства страны имело подписанное 15 октября 1945 г. соглашение на поставку в СССР трубопроводного оборудования («Pipeline agreement»), продолжающее протоколы ленд-лиза. Этот договор, предусматривавший импорт на сумму 222 млн долл., оказал существенное влияние на развитие отечественной нефтепроводной промышленности. Он предусматривал снабжение отрасли новейшим производственным оборудованием, в том числе станками всех типов, гидравлическими прессами, электрогенераторными станциями, моторами и т.п.⁴¹ Реализация этого соглашения сыграла большую роль в развитии газовой промышленности СССР, оказав непосредственное содействие строительству газопровода «Саратов – Москва», спроектированного еще в 1942 г.

Ленд-лиз не являлся благотворительностью – это был пример хорошо продуманного взаимовыгодного сотрудничества. Уже к концу войны СССР вер-

³⁹ Рыжков Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М., 2012. С. 295.

⁴⁰ Report on War Aid. P. 6, 7.

⁴¹ Общую информацию об этом соглашении см.: Documents on American Foreign Relations. V: VIII. July 1945 – December 1946. Princeton, 1948. P. 127–132.

нул США 1 млн 70 тыс. т нефтепродуктов, оплатив основную часть полученных материалов⁴². Кроме того, Советский Союз принимал в своих портах флот союзников, обслуживал его, ремонтировал, обеспечивал топливом и т.п.

К 1945 г. в правящей Демократической партии США возобладал курс на постепенное сворачивание отношений с СССР. Несмотря на общественное мнение, высказанное в ходе экзит-полов в пользу дальнейшего сотрудничества, умеренное большинство Демократической партии США выступило на своем Национальном съезде (1944) против переизбрания на пост вице-президента Г. Уоллеса, активно выступавшего за продолжение развития советско-американских отношений. Вместо него был выдвинут консервативно настроенный сенатор от штата Миссури – Г. Трумэн. Его выдвижение имело особое значение в условиях, когда стало очевидным, что здоровье президента США Рузвельта ухудшилось, и он не мог в полном объеме выполнять свои функции.

Приход Трумэна в администрацию президента, а затем и на пост президента США обозначил растущую внешнеполитическую американскую активность на международной арене, окончательный переход от изоляционистской к глобальной политике. Если стратегическая цель Рузвельта к окончанию войны заключалась в желании построить мирный послевоенный порядок путем признания четких советских и американских «сфер ответственности», то основным замыслом Трумэна после прихода к власти являлось стремление любым путем, в том числе используя слабости союзников, нарушить предварительные договоренности, добиться экономического и политического доминирования США. Таким образом, американская политика в значительной степени заложила основы «холодной войны». Это особенно заметно на примере советско-американского соперничества в Иране в 1945 г. по вопросам нефтяной политики.

В ходе войны американским правительством была поставлена задача: контролировать основную часть мирового производства нефтепродуктов. Американский дипломат, разрабатывающий в 1943 г. политику США в отношении Ирана, Дж.В. Аллен отмечал: «Ныне Соединенные Штаты быстро приближаются к тому, чтобы из-за сильного истощения своих нефтяных запасов, явившегося следствием нашего участия в войне, превратиться из страны, экспортирующей нефть, в ее импортера. Теперь мы значительно больше заинтересованы в том, чтобы сохранить доступ к ресурсам данного региона, составляющим, по-видимому, 40 процентов остающихся мировых запасов нефти»⁴³.

К 1942 г. США уже контролировали две трети мировых нефтяных ресурсов: помимо обладания собственными резервами, американские компании имели в своем распоряжении четверть иракской нефти, половину – кувейтской; им принадлежало большинство нефтяных концессий Саудовской Аравии. Правительство США и американские нефтяные компании попытались захватить контроль и над потенциально богатыми нефтяными месторождениями Ира-

⁴² History of the U.S. Military Mission to Moscow. Modern Military Records Division. R.G. 165. Box 146. OPD 336TS. N.A. P. 356–357.

⁴³ Годс М. Реза. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994. С. 179.

на, в котором присутствовали советские и британские войска и доминировали союзники США по антигитлеровской коалиции – Великобритания (на юге) и СССР (на севере). В конце 1942 г. 30 тыс. американских военнослужащих вошли на территорию Ирана для перевозки ленд-лизовских грузов и защиты «Персидского коридора», который был назван «Мост к победе».

Подобные действия были вполне в духе политики Рузвельта, по мнению чиновников Госдепартамента, «он был довольно взволнован идеей использования Ирана в качестве примера того, чего мы можем добиться с помощью бескорыстной американской политики»⁴⁴. Реализуя подобную установку, в состав иранского правительства вошел ряд американских чиновников. Так, генеральным директором по финансам Ирана стал Артур Майлспоу (Arthur Millspragh), который считал, что «Персия не может быть предоставлена самой себе <...> Персия еще ни разу не доказала свою способность к независимому самоуправлению»⁴⁵. В этой должности Майлспоу не только руководил экономическими реформами в Иране. Он также наблюдал за использованием военных советников США при переформировании иранской армии.

В декабре 1943 г. иранцы, пытаясь уравновесить влияние Великобритании и СССР и надеясь получить выгодные американские кредиты, направили официальные приглашения двум нефтяным компаниям Соединенных Штатов начать переговоры о первой американской нефтяной концессии в Иране. Несмотря на предупреждения официальных лиц США в Тегеране о том, что такие переговоры могут нанести ущерб единству союзников, фирмам было разрешено начать переговоры⁴⁶. Узнав об этом, Великобритания оказала серьезное давление на правительство Тегерана, приведшее к прекращению американо-иранских переговоров о нефтяной концессии.

В начале августа 1944 г. Великобритания и США заключили нефтяное соглашение, поставившее под их контроль около 80% общемировой добычи нефти. Заместитель председателя СНК СССР Л.П. Берия 16 августа 1944 г. направил И.В. Сталину доклад, в котором отмечалось: Великобритания и Соединенные Штаты сотрудничают против России, в частности, «чтобы предотвратить передачу нефтяных месторождений Северного Ирана [в советские руки]»⁴⁷. Из его доклада вытекало, что советское правительство обязано настаивать на проведении переговоров в Тегеране «для защиты советских интересов в сфере международных нефтяных отношений».

В сентябре Москва направила высокопоставленного дипломатического представителя в Иран, чтобы напомнить правительству этой страны о собственных «исторических правах» на североиранскую нефть. Современный российский историк Н.И. Егорова делает на основании исследования архивных материалов совершенно обоснованный вывод о том, что в тот момент советское правительство заботили не только непосредственная безопасность

⁴⁴ *Kuniholm B.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1980. P. 169.

⁴⁵ *Millspragh A.* Americans in Persia. Washington, 1946. P. 243.

⁴⁶ *Copeland D.C.* Economic Interdependence and War. Princeton, 2014. P. 254–255.

⁴⁷ *Egorova N.I.* The Iran Crisis of 1945–1946: A View from the Russian Archives, Cold War. International History Project. Working Paper № 15. Washington, 1996. P. 3.

«Персидского коридора», но и возможность «участвовать на равных в послевоенном соревновании <...> за право обладать новыми нефтяными месторождениями Ближнего Востока»⁴⁸.

Реагируя на требования СНК СССР, иранское правительство объявило 11 октября, что откладывает все переговоры о новых уступках до окончания войны. Идя на уступки советской стороне, Рузвельт поддержал это решение⁴⁹. Вместе с тем было очевидно, что советско-американская борьба за иранскую нефть в 1943–1944 гг. стала основой будущего кризиса сверхдержав, – зарождавшейся эпохи «холодной войны». После смерти Рузвельта в апреле 1944 г. в Вашингтоне имел место отказ от политики компромиссов и стремления договориться о четком разделении интересов ведущих держав. Возобладала политическая линия на резкое сворачивание советско-американского экономического сотрудничества. В последующем американское правительство продемонстрировало стремление любым путем лишить Советский Союз поставок нефтепродуктов из Ирана, что негативно сказалось на темпах послевоенной реконструкции СССР⁵⁰.

12 мая 1945 г. администрация Трумэна объявила о немедленном прекращении всей помощи России по ленд-лизу. Это диктовалось стремлением новой администрации противостоять распространению советского влияния на страны Европы и Азии. Вашингтон опасался, что разрушенные войной государства, даже без активного поощрения Советского государства, «скатятся» к коммунизму. Во многом это выглядело несправедливо, нарушало дух Ялтинских соглашений, принятых с целью восстановления экономических потерь СССР, понесенных в борьбе с нацистской Германией. Вместо помощи Советскому Союзу поставки по ленд-лизу были перенаправлены на восстановление западных оккупационных зон Германии, виновной в развязывании войны.

Общий вклад ленд-лиза в Победу был охарактеризован Э. Гопкинсом: «Американцы никогда не считали, что помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Победа была достигнута героизмом и кровью русской армии»⁵¹. В то же время И.В. Сталин отмечал, что ленд-лиз внес «чрезвычайный вклад в победу», обратив внимание на то, что «в предшествующих войнах некоторые государства оказывали денежную помощь своим союзникам, но она только оскорбляла тех, кто получал субсидии, и создавала финансовые трудности. Ленд-лиз не породил подобного зла»⁵².

Американские нефтяные поставки, будучи частью общей программы ленд-лиза, существенно повлияли на снабжение советской авиации топливом в годы войны, на модернизацию отечественной нефтепереработки и развитие трубопроводного транспорта страны. Тем самым советско-американское со-

⁴⁸ Егорова Н.И. Истоки советско-американского соперничества в Иране и Турции, 1944–1945 гг. // Американский ежегодник – 1997. М., 1997. С. 134.

⁴⁹ Egorova N.I. The Iran Crisis of 1945–1946... P. 6.

⁵⁰ См.: Егорова Н.И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 24–42.

⁵¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 626.

⁵² Цит. по: Паперно А. Тихий океан. М., 1998. С. 328.

трудничество в нефтяном бизнесе внесло существенный вклад стран антигитлеровской коалиции в Победу и оказало значительную помощь в восстановлении экономики СССР в послевоенные годы.

Библиография

- Documents on American Foreign Relations. V: VIII. July 1945 – December 1946. Princeton: Princeton University Press for World Peace Foundation, Boston. 1948. 962 p.
- Copeland D.C.* Economic Interdependence and War. Princeton: Princeton University Press, 2014. 504 p.
- Egorova N.I.* The Iran Crisis of 1945–1946: A View from the Russian Archives, Cold War. International History Project. Working Paper № 15. Washington: W. Wilson intern. center for scholars, 1996. 25 p.
- Jones R.H.* The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. Oklahoma: Norman: Univ. of Oklahoma press, 1969. 326 p.
- Kuniholm B.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton: Princeton University Press, 1980. 536 p.
- Millsbaugh A.* Americans in Persia. Washington: The Brookings Institution, 1946. 239 p.
- Англо-Советско-Иранский договор 1942 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1944. С. 217–221.
- Будков А.Д., Будков Л.А.* Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны / под ред. И.Я. Вайнера. М.: Недра, 1985. 248 с.
- Быстрова И.В.* Роль программы ленд-лиза в мобилизации и модернизации экономики СССР в годы Великой Отечественной войны // Экономическая история: ежегодник. 2018/19. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2020. С. 279–300.
- Годс М. Реза.* Иран в XX веке: политическая история / [пер. с англ.]. М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1994. 353, [1] с.
- Егорова Н.И.* «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 24–42.
- Егорова Н.И.* Истоки советско-американского соперничества в Иране и Турции, 1944–1945 гг. // Американский ежегодник – 1997. М.: Наука, 1997. С. 132–144.
- Загадки ленд-лиза. Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы. М.: Вече, 2000. 400 с.
- История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. М.: Воениздат, 1974. 479 с.
- История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; глав. ред. П.Н. Поспелов (пред.) [и др.]. Т. 5. М.: Политиздат, 1964. 691 с.
- Ковалевский Н.Ф.* Советские войска в Иране. 1941–1946 г. // Военно-исторический журнал. 2006. № 5. С. 40–41.
- Косторниченко В.Н.* Нефть в планах наступления германской армии на Сталинград и Кавказ (1940–1943 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 1. С. 80–89.
- Котельников В.Р.* Авиационный ленд-лиз. М.: Фонд «Русские Витязи», 2015. 366 с.
- Лисичкин С.М.* Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 428 с.
- Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: стат. сб. М.: Информационно-издательский центр, 1990. 235 с.
- Никитин В.В.* Горючее – фронту. М.: Воениздат, 1984. 205 с.
- Паперно А.* Тихий океан. М.: Терра; Книжный клуб, 1998. 368 с.
- Рыжков Н.И.* Великая Отечественная: ленд-лиз. М.: Экономическая газета, 2012. 439 с.
- Рыжков Н.И.* Фактор ленд-лиза // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 23. С. 34–47.
- Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: размышления о И.В. Сталине. М.: Книга, 1989. 431 с.
- Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 679 с.
- Янович М.* Горючее – это тоже оружие победы // На нефтяных перекрестках. М.: Древлехранилище, 2004. 388 с.

Принудительный труд в СССР

Использование труда осужденных специалистов в «шарашках» ОГПУ–МГБ СССР

Аннотация. Во время борьбы с вредительством пересажали большое количество специалистов. Опомнились тогда, когда выяснилось, что некому выполнять квалифицированную работу. Срочно были разосланы циркуляры, запрещающие арест «спецов» без разрешения наркоматов. Однако было поздно: все оставшиеся на свободе специалистов не могли решать поставленные задачи по развитию народного хозяйства СССР. Многие наркомы писали ходатайства с просьбой отпустить под поручительство того или другого заключенного «спеца». Затем в партийные и правоохранительные инстанции стали направлять ходатайства на освобождение заключенных целыми списками. Как правило, по ним принимались положительные решения. В этой ситуации получалось так, что органы ОГПУ арестовывали невиновных, а судебные органы, не разбираясь в материалах следствия, осуждали их. Такого не должно было быть. Выход нашли. Оказывается, можно было решать две взаимоисключающие задачи: выявлять вредителей среди специалистов и в то же время с их помощью содействовать развитию народного хозяйства страны. Для этой цели создали особые конструкторские бюро, в которых в условиях тюремного режима можно было заставить «спецов» работать на благо государства. В дальнейшем добросовестная работа специалистов в этих «шарашках» способствовала тому, что об их досрочном освобождении, снятия с них судимости, о восстановлении их в правах и о награждении государственными наградами стали ходатайствовать органы государственной безопасности.

Ключевые слова: ВКП(б), Сталин, ОГПУ, НКВД, Особое конструкторское бюро, Транспортный отдел ОГПУ, досрочное освобождение.

Труд осужденных специалистов на протяжении нескольких десятилетий в Советском Союзе использовался в «шарашках». Они носили разные названия: ЦКБ (центральное конструкторское бюро); ОКТБ (опытно-конструкторское технологическое бюро); ОКБ (особое конструкторское бюро); ОТБ (особое техническое бюро); СКБ (специальное конструкторское бюро). Актуальность этой работы напрямую связана с анализом эффективности научной деятельности заключенных, проходившей в условиях тюремного режима.

Историография по этой проблеме скупа. А.М. Плехановым и М.Ю. Маруковым в Большой российской энциклопедии и Энциклопедии МВД дан краткий исторический очерк по истории создания и деятельности Особых конструкторских бюро¹. В публикациях других авторов затрагиваются вопросы по истории репрессивной деятельности в отношении научно-технической интеллигенции, вводятся в научный оборот отдельные архивные документы по теме исследования².

* Мозохин Олег Борисович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, 7077707@bk.ru

¹ Морухов М.Ю. Особое техническое бюро // МВД России: энциклопедия / Объединенная ред. МВД России, М., 2002 С. 371–374; Плеханов А.М. Особое техническое бюро ОГПУ–НКВД–МВД СССР // Большая российская энциклопедия: [в 30 т.] Т. 24: Океанариум – Оясио / [науч.-ред. совет: пред. Ю.С. Осипов]. М., 2014. С. 564.

² Соболев Д.А. Репрессии в советской авиапромышленности // ВИЕТ. 2000. № 4. С. 44–58; Малых В.И. Портрет Особого технического бюро по архивным документам // Независимое

Особое внимание вызывает работа Г.В. Ровенского, А.П. Чернушича и Х. Эльснера, которые в своей книге подробно рассказали о жизни и работе немецких специалистов в 1946–1952 гг. в «шарашке», расположенной в рабочем поселке Фрязино, в 20 км от Москвы³.

Интересны воспоминания о своей работе в Конструкторском отделе НИИ-2 МГБ СССР непосредственного участника тех далеких событий – А.А. Зороховича⁴. «Шарашка», по его воспоминаниям, представляла собой небольшой, хорошо оборудованный и строго засекреченный научно-исследовательский институт.

* * *

Органами ОГПУ в 20-х – начале 30-х гг. были раскрыты многочисленные т.н. контрреволюционные вредительские заговоры во многих отраслях народного хозяйства СССР. Как предполагалось, членам этих вредительских организаций удалось проникнуть в наиболее важные командные звенья управления промышленностью.

В тезисах о методах работы Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ назывались причины организованной кампании с враждебными советскому строю «спецами». Там указывалось, что продолжающаяся острая классовая борьба, за период нэпа сложилась не в пользу Союза. Необходимо было привлечь на свою сторону специалистов, «или, в крайнем случае, хотя бы нейтрализовать, обезвредить их»⁵.

По решению ВКП(б) органы безопасности начали перестраивать свою работу организационно и оперативно с таким расчетом, чтобы «борьба с экономической контрреволюцией и шпионажем была выдвинута на первый план как основная задача деятельности ОГПУ в области обслуживания хозяйства Союза»⁶.

При проведении кампании по борьбе с вредительством руководство ВКП(б) посчитало, что основные группы вредителей были изъяты из хозяйственного аппарата, и на их место выдвинуло молодые кадры инженеров, техников и выдвиженцев из рабочих. Однако последние не справлялись с высококвалифицированной работой, в связи с этим предлагалось принять меры к исправлению этой ситуации и использовать все наличные инженерно-технические силы, в том числе и инженеров-вредителей.

С сентября 1928 г. ЭКУ ОГПУ стало вести учет специалистов, содержащихся под стражей, а также привлеченных к ответственности без применения

военное обозрение. 2015. 16 октября; Самуэльсон Л. «Шарашки» – сталинские спецтюрьмы для ученых, конструкторов и инженеров. Специфические репрессии против технической интеллигенции, 1920–1940-е гг. // История сталинизма: принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы междунар. науч. конф., Москва, 28–29 октября 2011 г. / [отв. ред. Л.И. Бородин, С.А. Красильников, О.В. Хлевнюк]. М., 2013. С. 155–169.

³ Ровенский Г.В., Чернушич А.П., Эльснер Х. Немецкие специалисты во Фрязино. 1946–1952. Фрязино, 2011.

⁴ Зорохович А. А. В «шарашке» // ...Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошел ад репрессий / сост. Л.М. Гурвич. М., 1991. С. 199–219.

⁵ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 6–7.

⁶ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 185. Л. 315.

меры пресечения. Территориальным органам предписывалось о каждом таком аресте немедленно сообщать в центр. Необходимо было присылать сведения с указанием фамилии, имени, отчества, места службы, должности, меры пресечения, времени ареста лица, и по какой статье оно привлекается⁷. Это было вызвано тем, что при аресте очередного инженера очень сложно было найти ему замену, в этой связи к аресту вредителей стали подходить дифференцированно.

В циркуляре СНХ и ОГПУ от 15 мая 1930 г. № 139 указывались основные методы действия контрреволюционных вредительских организаций в промышленности: срыв капитального строительства и его замедление; бесплановость работ; вложение излишних средств; применение устаревших методов производства и т.д. Свою роль сыграло и безграмотное планирование развития хозяйства страны, что создавало постоянные кризисы из-за диспропорции между отдельными отраслями хозяйства. Вызывали озабоченность недостаточно эффективное использование имевшегося оборудования, сокрытие мощностей заводов, выписка из-за границы ненужного оборудования, а также качество выпускаемой продукции.

Полномочным представителям и начальникам окружных отделов ОГПУ предлагалось срочно изучить по каждому предприятию все акты вредительства. Для исправления их использовать инженеров вредителей, главным образом из числа осужденных. Привлечение к работе подследственных разрешалось в тех случаях, когда это не нарушало нормального хода следствия и с дозволения ОГПУ.

Использование вредителей следовало организовать так, чтобы работа их проходила главным образом в помещениях органов ОГПУ. В отдельных случаях допускалось командирование осужденных инженеров в сопровождении уполномоченного ОГПУ для работы непосредственно на заводе. Такие командировки следовало применять тогда, когда инженер-вредитель получал конкретную производственную задачу, требующую на ее исполнение 1–2 месяца. Например, улучшить качество продукции, урегулировать отдельные технологические процессы, доработать отдельные механизмы и др.

Помимо исправления результатов вредительства, инженеров предлагалось использовать и в ряде новых работ: конструирование оборудования, новых машин, деталей и механизмов; проектирование новых построек; проверка проектов, расчетов, смет, составленных хозорганами и т.д.

Инженеров вредителей предлагалось допускать к работе с надлежащим отбором из числа тех, которые заслуживали доверия. Ответственность за их подбор возлагалась на начальников отделов ОГПУ.

Руководителям – хозяйственникам предлагалось принять все меры к тому, чтобы для исправления вредительства были полностью использованы допущенные к этой работе осужденные инженеры. Предлагалось всемерно содействовать ОГПУ в том, чтобы работа вредителей протекала в «нормальных условиях». С этой целью предлагалось снабжать их необходимой литературой, материалами и приспособлениями⁸.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 186. С. 68.

⁸ Там же. Д. 208. Л. 264–265.

Данный циркуляр показывает, что после «чистки» специалистов с их большой нехваткой столкнулись многие министерства и ведомства. Вот и стали привлекать к этим работам осужденных, которых затем, в начале 1930-х гг., направляли в создаваемые особые технические бюро, организуемые как при полномочных представительствах, так и при самостоятельных отделах ОГПУ.

Первое техническое бюро было организовано при Транспортном отделе ОГПУ в 1930 г. В порядке помощи союзному Наркомату путей сообщения (НКПС) в нем проходили проектировка и постройка важнейших элементов реконструкции железнодорожного транспорта – силами осужденных. Такая же работа шла и по реконструкции водного транспорта. В итоге была подготовлена докладная записка о результатах работы осужденных специалистов, причем ОГПУ просило наградить отличившихся⁹.

Параллельно в оперативном отделе ОГПУ создали радиолaborаторию. К этому был причастен заключенный А.М. Васильев, который в 1929 г. представил в правительство технический доклад о направлении развития мощных радиовещательных передатчиков. При обсуждении способов строительства Васильев считал необходимым размещение заказа на строительство этих станций в иностранных фирмах «Маркони» или «Телефункен», а не на отечественных предприятиях. Несмотря на его мнение, правительство приняло постановление о передаче заказа на предприятия советской промышленности. Позже Васильев признал ошибочность своей позиции в этом вопросе. Сведения о Васильеве срочно пополнились другими его «ошибками» – ему предъявили обвинение «в участии во вредительской группе, действовавшей в радиохозяйстве». 7 января 1930 г. он был арестован ОГПУ.

Первым на арест Васильева откликнулся Иностранный отдел ОГПУ. Начальник отдела Я.Х. Артузов, не дожидаясь решения суда, в августе 1930 г. предложил арестованному организовать радиолaborаторию по разработке и постройке мощных передатчиков и в ней работать. После получения согласия Васильева, его в сентябре перевели из Бутырской тюрьмы в тюрьму ОГПУ. Он начал работать по специальному заданию А.С. Мессинга, занимавшего в то время должность заместителя председателя ОГПУ. Васильев, будучи заключенным, руководил работой радиолaborатории до 1932 г. как инженер по особому заданию, а после 1932 г. – старший инженер по вольному найму. Впоследствии этот редчайший радиоспециалист и организатор отдаст еще 30 лет своей жизни службе в органах государственной безопасности, решая самые сложные технические задачи, и завершит карьеру главным инженером отдела оперативной техники МГБ СССР в звании инженер-полковник.

В условиях нехватки квалифицированных кадров, кроме пополнения лаборатории по партийному и комсомольскому набору, отделы ОГПУ широко использовали вышеуказанный циркуляр от 15 мая 1930 г. Так, в 1931 г. «в качестве спецконтингента» к работам в радиолaborатории привлекли П.Н. Куксенко и А.Л. Минца, приговоренных к пяти годам лагерей каждый. В дальнейшем судьбы этих крупнейших специалистов на долгие годы

⁹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 374. Л. 152–156.

будут также связаны с работой в научно-исследовательских подразделениях ОГПУ¹⁰.

В связи с критическим положением на железнодорожном транспорте народный комиссариат путей сообщения несколько раз в 1931 г. обращался в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой отпустить часть специалистов, осужденных за вредительство, для работы на железной дороге. Как правило, по этим лицам принимались положительные решения об их досрочном освобождении. Так, Политбюро 5 августа 1931 г. приняло согласованное с ОГПУ и НКПС предложение о досрочном освобождении от наказания специалистов, передаваемых ОГПУ для работы на транспорте с оставлением им наказания условным, и о применении к освобожденным гласного надзора ОГПУ¹¹. Через месяц, 5 сентября 1931 г., ОГПУ и НКПС в совместной записке за № 40686 сообщили в ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу, что они наметили еще один дополнительный список инженеров и техников железнодорожного транспорта. Они отбывали наказание по приговорам Коллегии ОГПУ за вредительство, но их можно было использовать на транспорте. В представленный список на 142 чел. вошли инженеры и техники различных специальностей. ОГПУ и НКПС просили санкционировать досрочное освобождение от наказания перечисленных в списке лиц, с оставлением наказания условным и применением к освобожденным гласного надзора ОГПУ¹². Еще через две недели, 15 сентября 1931 г., Политбюро приняло решение о досрочном освобождении бывших вредителей, инженеров и техников железнодорожного транспорта по очередному списку, но уже представленному П.П. Постышевым и заместителем председателя ОГПУ И.А. Акуловым, с оставлением наказания условным и применением к освобожденным гласного надзора ОГПУ¹³.

Согласно справке о специалистах-транспортниках, передаваемых Транспортным отделом (ТО) ОГПУ в НКПС и его органы, на 12 декабря 1931 г. были освобождены 277 чел. Из них в НКПС передали 154 чел., в пути из лагеря находились 124 чел. (цифры на 1 чел. не совпадают)¹⁴.

Безусловно, что большинство работников железнодорожного транспорта были осуждены бесосновательно, в порядке проводимой кампании по борьбе с вредительством. Ведь никто бы не стал освобождать преступников.

Учитывая положительный эффект, полученный от технического бюро при ТО ОГПУ, было решено создать и другие специальные технические бюро, в которых труд высокопрофессиональных специалистов стал бы использоваться в различных отраслях науки и техники.

Начальник ЭКУ ОГПУ Г.Е. Прокофьев в циркуляре № 182/ЭКУ от 14 июля 1930 г. регламентировал порядок использования осужденных вредителей. При этом управлении было организовано специальное 5-е отделение. В местах заключения из осужденных специалистов стали создавать специаль-

¹⁰ Мозохин О.Б., Бычков В.Н., Бузо Л.Н. Спецтехника на защите государства (История становления и развития спецслужб и их технического обеспечения). М., 2004. С. 19, 24.

¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58 Д. 143. Л. 3.

¹² Там же. Д. 373. Л. 190.

¹³ Там же. Д. 143. Л. 11.

¹⁴ Там же. Д. 373. Л. 200–204.

ные бюро. Интересы дела требовали концентрированного руководства этой работой, придания ей плановости и учета полученных результатов. В этих целях 5-му отделению предоставлялось право полного руководства и контроля за работой технических бюро на территории СССР.

Специальные бюро стали поручать задания, которые носили характер реальной помощи промышленности с максимальным эффектом и минимумом затрат. Проектные, опытные и консультационные работы производились за счет соответствующих хозяйственных организаций.

ОГПУ приняло меры к широкому использованию осужденных вредителей, т.к. это значительно ускоряло не только устранение последствий бесхозяйственности и явного разгильдяйства, но и темпы развития промышленности.

Первые итоги работы осужденных показали, что большинство из них предлагали ряд весьма полезных, годами продуманных изобретений, проектов и усовершенствований: например, постройка современных самолетов, не уступающих заграничным конструкциям; изготовление авиадвигателей; производство в СССР без заграничной помощи крупного машиностроения и др.

В изоляторах ОГПУ как в центре, так и на местах, в заключении находилось много инженеров и техников, оторванных от производства ввиду их вредительской деятельности и принадлежности к контрреволюционным организациям. Учитывая это, 5-му отделению ЭКУ ОГПУ поручалось представить в Управление списки всех специалистов, осужденных и находившихся под следствием по определенной форме, с указанием, кого из перечисленных в списке вредителей можно было использовать в народном хозяйстве и на какой работе. В отношении тех, кого считали невозможным использовать в специальных бюро, предлагалось указать причины.

Планировалось представить ориентировочный план намечаемых работ, указать в какой стадии проработки они находятся, какие из работ были уже осуществлены.

Территориальные органы должны были предварительно согласовывать намечаемую работу с 5-м отделением ЭКУ ОГПУ: на каждую требовалось составить план и смету, указать сроки исполнения и т.д. Кроме того, нужно было обосновать необходимость и ценность таких работ для промышленности¹⁵.

В центральном аппарате ОГПУ и ряде полномочных представительств ОГПУ на местах в результате такого использования специалистов отмечали большие технические достижения в областях: самолето- и моторостроения, сооружения блюмингов, эксплуатации угольных копей, нового шахтного строительства и т.д.

В дальнейшем планировалось установившуюся практику расширить. Организационное оформление использования специалистов предлагалось строить следующим порядком. При экономических отделах (на местах) и ЭКУ ОГПУ (в центре) всех осужденных высокопрофессиональных специалистов привлекали к работе в Особых технических бюро (ОТБ). Они размещались в особо изолированном помещении с сохранением тюремного режима. В их составе могли быть образованы отдельные группы по специальностям. Технический

---

¹⁵ Мозохин О. Б. Как появились «шарашки»? // Преподавание истории в школе. 2008. № 7. С. 46.

руководитель бюро и его помощник, а также руководители групп назначались из числа арестованных специалистов по усмотрению экономических подразделений ОГПУ.

Технический руководитель, его помощник и старшие групп отвечали за работоспособность используемых специалистов и несли вместе с исполнителями полную ответственность за выполняемую работу. Все бюро административно подчинялись техническим отделениям экономических отделов и экономических управлений ОГПУ, а где их не было, — специально выделенному для этой цели оперативному работнику.

В круг деятельности Бюро входили проектные, конструкторские и консультативно-экспертные работы. Их деятельность также могла быть направлена на создание опытного строительства и сооружение всевозможных объектов промышленной и оборонной техники (машин, моторов, котлов, станков и т.д.).

При переброске на предприятия отдельных групп заключенных специалистов из состава Бюро, их размещали в особо изолированных помещениях или корпусах, с сохранением тюремного режима. При этом заключенные специалисты не переходили в ведение и распоряжение администрации предприятия.

Принцип руководства группой, выделенной для указанной работы на том или ином предприятии, оставался тем же, что и для Бюро в целом. Во главе становился оперативный работник Полномочного представительства ОГПУ, в распоряжении которого состояла вахтерская охрана. Он был ответственен за соблюдение режима и изоляции заключенных. Через него осуществлялись все сношения с предприятием, администрацией и отдельными органами. Содержались используемые специалисты в условиях тюремного режима. Посещение ими предприятия или цехов, мастерских и т.п. происходило обязательно в сопровождении конвоя.

Систематическая оплата работ заключенных специалистов в виде жалованья категорически воспрещалась. Отдельные денежные пособия были возможны в порядке единовременных выдач за проведенную работу, представлявшую особый интерес.

Содержание, охрана и обслуживание заключенных специалистов, а также выдача им единовременных пособий должны были осуществляться из сумм, полученных за их же выполненную работу — от госучреждений. Расходование других сумм категорически воспрещалось.

Было дано указание об агентурном обслуживании заключенных и высланных специалистов. Практика работы по использованию специалистов в Москве свидетельствовала, что всех заключенных специалистов по их настроению можно было разделить на три категории. К первой из них относились лица «лояльные» (пересмотревшие свои прежние политические воззрения, готовые искренне и добросовестно служить советской власти), к второй — «терпимые» (озлобленные заключением, остававшиеся на своих прежних, враждебных советской власти позициях, но внешне этого не проявлявшие). Третью категорию — «злостных» — составляли те, которые не старались скрывать свою неприязнь к советской власти.

Изложенная градация была основанием необходимости ведения среди заключенных специалистов (причем с первых же дней) агентурной работы. На

практике регистрировались случаи, когда один-два «зlostных» в короткое время могли разложить целую группу лояльно настроенных лиц. Агентурная сеть должна была быть и в качественном и количественном отношении вполне достаточной, продуманной, параллельной, с расчетом взаимной проверки и освещения всех сторон жизни и работы заключенных специалистов, вплоть до бытовых мелочей и отношений.

Вербовать руководителей или лиц, ответственных по работе среди заключенных специалистов, не рекомендовалось. Для получения полных сведений предлагалось брать под агентурное обслуживание семьи и родственников заключенных специалистов, вербуя среди них осведомителей. «Агентурному обслуживанию» требовалось подвергать не только заключенных специалистов, находившихся под «опекой» органов ОГПУ, но и работавших на предприятиях «специалистов-одиночек» из категории высланных. Агентурные разработки, содержащие в себе действия преступные и уголовно-наказуемые, необходимо было превращать в следственные дела, для слушаний на Коллегии ОГПУ.

Циркуляр ОГПУ № 211/ЭКУ за 1931 г. вновь обязал все экономические отделы Полномочных представительств ОГПУ представить в ЭКУ ОГПУ сведения на всех заключенных специалистов (которых могли использовать на работе в особых технических бюро), годовые планы работ со сроками их исполнения. Требовалось также составлять ежемесячные агентурные сводки о настроении и характере работ, исполняемых заключенными специалистами¹⁶.

В случае необходимости уполномоченные ЭКУ ОГПУ могли направляться с заключенными для выполнения специального задания на любой гражданский объект. При этом уполномоченный руководствовался особой инструкцией, которую выдавали ему на руки. По прибытии на место он был обязан представить этот документ начальнику местного органа для ознакомления.

Полномочные представительства, оперативные сектора и другие местные органы ОГПУ обязывались оказывать полное содействие уполномоченным ЭКУ ОГПУ в выполнении возложенных на них заданий. Командируемые, как правило, не вели оперативной работы на предприятиях. О своих действиях они периодически информировали местный орган ОГПУ, с которым всегда были на связи.

Считалось, что находившиеся при уполномоченном ЭКУ ОГПУ осужденные специалисты во время командировки действуют в условиях тюремного режима или под прямым наблюдением приставленного к ним сотрудника. Командируемые лица подчинялись непосредственно ЭКУ ОГПУ и ему докладывали о проделанной работе. Никто не мог изменить или отменить инструкцию, находившуюся на руках сотрудника ОГПУ¹⁷.

Из-за нехватки специалистов к их аресту стали подходить более взвешенно. Циркуляр ОГПУ, в дополнение шифротелеграммы ОГПУ от 11 июля 1931 г. за № 532 разъяснял, что арест специалистов (инженеров, техников, военспецов, врачей, агрономов и т.п.) допускается при обвинении их в преступлениях

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 231. Л. 120–123.

¹⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 10. Д. 539. Л. 76.

государственных и крупных — должностных и хозяйственных. При этом данная мера согласовывалась с соответствующим наркомом СССР (если предприятие или учреждение общесоюзного значения) или Республики (если предприятие или учреждение местные).

Все дела об остальных преступлениях специалистов (мелкие должностные и хозяйственные, бытовые и проч.) предлагалось передавать следственно-прокурорским органам — до привлечения обвиняемых к ответственности и до предъявления им обвинения.

При необходимости ареста специалиста, работавшего в учреждении или на предприятии общественного масштаба, а равно в военном ведомстве или на транспорте (НКПС и НКВод), предлагалось посылать до производства ареста в ОГПУ соответствующего лица докладную записку с изложением сущности обвинения. Арест мог быть произведен лишь по получении разрешения от ОГПУ.

При обнаружении такого преступника на месте во время преступления или непосредственно после его совершения допускалось задержание. Однако по делам мелким должностным и бытовым преступлениям задержанного должны были немедленно передать (со всем материалом) в распоряжение следственно-прокурорских органов. А по остальным преступлениям вопрос должен был немедленно согласовываться с соответствующим наркомом, если учреждение, где работал задержанный, было местного значения. О подобных случаях сообщали и в ОГПУ — шифровкой, с изложением обстоятельств дела, установочными данными на задержанного, если тот работал в учреждении или на предприятии союзного значения. Оформление задержания и арест в этих случаях мог иметь место по получении согласия соответствующего наркома или разрешения ОГПУ¹⁸.

В это время решениями Коллегии ОГПУ было досрочно освобождено большое количество специалистов, осужденных по делам о вредительстве, для работы в промышленности в связи с резко ощущаемой потребностью в квалифицированных специалистах. Однако некоторые данные свидетельствовали, что часть освобожденных лиц пытались вновь вести антисоветскую, вредительскую и шпионскую работу. В связи с этим органам ОГПУ предлагалось с особой тщательностью следить за деятельностью таких специалистов и предугадывать и вскрывать контрреволюционные действия с их стороны с помощью квалифицированной агентуры.

Циркуляр № 877/ЭКУ за 1931 г. к основной директиве по вопросу об их освобождении всем полномочным представительствам (ПП) указал следующие задачи:

«1. Предупреждение возможных со стороны отдельных лиц, рецидивов вредительства и попыток дискредитации органов ОГПУ.

2. Вербовка освобождаемых и использование их для агентурной работы на основе систематической работы по их воспитанию.

3. Организация агентурной работы вокруг освобождаемых.

4. Освещение настроения и реагирования окружающей среды».

---

¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 231.

По всем этим вопросам предлагалось ежемесячно сообщать в ЭКУ ОГПУ. Однако из поставленных задач была выполнена только работа по вербовке и то не всеми ПП. Информация по всем остальным пунктам, за отдельными исключениями, отсутствовала. Многие специалисты, видя, что органы ОГПУ на местах не уделяли должного внимания надзору за ними, самовольно покидали места ссылки. Другая часть попадала после освобождения под вредные влияния.

В круг работ с освобожденными специалистами предлагалось включать задачу всестороннего использования их знаний, опыта для постановки перед правительственными инстанциями инициативных вопросов по совершенствованию важнейших процессов в промышленности, по использованию внутренних ресурсов народного хозяйства за счет рационализации, реконструкции, улучшения планирования и т.д.¹⁹

3 августа 1931 г. председатель правления Цветметзолото А.П. Серебровский писал И.В. Сталину, что работы по добыче золота, платины и цветных металлов могут быть развернуты в более широких масштабах, но для этого нужны специалисты по горному делу. Остро нуждаясь в указанных специалистах, он просил о разрешении использования в отдаленных и тяжелых климатических районах ранее работавших в горной промышленности специалистов, осужденных в разное время за участие во вредительских организациях. К докладной записке был приложен список таких лиц²⁰.

Решение по использованию указанных в списке специалистов было положительным. В этой связи И.А. Акулов 8 августа 1931 г. писал контролировавшему этот вопрос Л.М. Кагановичу, что по представленному Серебровским списку к немедленному пересмотру дел с целью отпуска их на работу можно приступить в части 26 инженеров специалистов: С.П. Гусятникова, С.Д. Основица, Е.М. Мисюревича и др. В отношении еще семерых следственные дела находились в стадии окончания следствия и должны были быть рассмотрены на Коллегии ОГПУ. Акулов проинформировал, что при рассмотрении этих дел будет учтено требование их отправки на предприятия Цветметзолото.

Против использования инженеров С.А. Подьяконова, П.С. Ремина, и В.А. Доменова ОГПУ возражало ввиду их резко выраженного контрреволюционного настроения. Кроме того, Подьяконов находился в то время в состоянии психической невменяемости. Жданов и Ларичев уже использовались на работах: первый – на Петровском заводе, второй – в ТО ЭКУ ОГПУ. Инженеры Первагов и Стахевич к тому времени умерли.

В отношении 10 чел. сведений о судимости или аресте не было. Акулов запросил местные органы об их судьбах и по получении ответа обещал решить вопрос так же, как и с остальными²¹.

28 августа 1931 г. Г.К. Орджоникидзе направил в ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу письмо в котором указал, что у некоторых местных органов ГПУ имеются свои проектные и конструкторские бюро (в Баку, Ростове, Ленинграде,

¹⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 232. Л. 236–238.

²⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 143. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 7.

Новосибирске, Москве, Урале, Харькове и т.д.), где работают арестованные инженеры. Орджоникидзе считал, что такое их использование нецелесообразно: «Мы освободили значительное количество специалистов, надо освободить и остальных, конечно, за исключением особо злостных и ликвидировать все существующие проектные и конструкторские бюро при ОГПУ, передав их промышленности»²².

Политбюро рассмотрело предложение Орджоникидзе и 30 августа 1931 г. приняло решение по просьбе Акулова: отложить вопрос о конструкторских бюро при ОГПУ до следующего заседания Политбюро, при этом Орджоникидзе и Акулову необходимо было внести на заседание согласованное предложение²³.

На следующем заседании, 5 сентября, Политбюро поручило Акулову и Орджоникидзе в декадный срок пересмотреть списки арестованных специалистов, работавших ранее на заводах черной металлургии, железных рудниках и предприятиях огнеупорной промышленности, и вернуть необходимых для работы людей на производство²⁴.

7 сентября 1931 г. зампреда ОГПУ И.А. Акулов и начальник ЭКУ С.Н. Миронов доложили Л.М. Кагановичу по вышеуказанному запросу Г.К. Орджоникидзе, что конструкторские бюро при ОГПУ были созданы и работали в Москве, Ленинграде, Западной Сибири, Ростове-на-Дону. В записке было указано, что в бюро работают: 74 шпиона, 9 террористов, 98 руководителей организаций, 44 диверсанта, 14 членов промышленных партий, 184 контрреволюционера. Из 423 чел. под следствием находились 160.

Сообщалось, что освобождение руководителей контрреволюционных организаций, шпионов, диверсантов и террористов не представляется возможным. Не предполагалось до окончания следствия освобождать и 160 чел., по которым не были закончены дела.

Большинство работ, которые вели специалисты, предполагалось закончить в первой половине 1932 г. В этой связи Акулов посчитал освобождение специалистов в данный момент нецелесообразным: подавляющий процент работ носил оборонный характер²⁵.

В приложении к письму Акулов направил Кагановичу справку, где были отражены работы заключенных специалистов, работающих в техническом отделении ЭКУ ОГПУ, и отмечалось, по каким причинам их нельзя было приостанавливать. В то время особые конструкторские и технические бюро были сконцентрированы в Москве, Ленинграде и Западной Сибири. Заключенные специалисты исполняли проектные, производственные и литературные работы.

В авиации под руководством заключенных специалистов был построен и сдан на вооружение армии истребитель И-5, бронированный штурмовик для поражения земных целей. Тогда построили и испытывали тяжелый бомбовоз ТБ-5, который поднимал до 4000 кг бомб. Находился в «постройке» морской

---

²² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 142. Л. 23.

²³ Там же. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 143. Л. 10.

²⁵ Там же. Д. 142. Л. 2.

дальний разведчик. Самолет имел общие с ТБ-5 крылья. Были запроектированы и частично запущены в производство самолеты по программе управления военно-воздушными силами.

На данном направлении работали 26 инженеров, из них руководителей антисоветских организаций – 9, шпионов – 8, активных членов организации – 9.

В связи с тем, что в Бюро выполняли не только проектные, но и все приходящие заводу работы, группа не могла быть расформирована, т.к. это вело к раскисанию специалистов, что неминуемо отразилось бы на опытном самолетостроении и сроках выполнения утвержденной программы. Сложность момента была связана с составом группы, которой требовался специальный режим.

В танкостроении закончили проект плавающего быстроходного танка, приводимого в движение легким авиационным дизель-мотором, работающим на тяжелом топливе, имеющим большое вооружение, скорость на гусенице – 65, а на колесах – 74 км/час. Танк должен был выйти из монтажа в конце апреля 1932 г. Также производились бронирование трактора «Катерпиллер» и установка на него вместо бензинового двигателя дизеля на нефти.

На этом участке работал 31 чел. Среди них было 6 руководителей антисоветской организации, по 3 шпиона, диверсанта, террориста, 1 член Промпартии и 15 активных членов других контрреволюционных организаций.

Группа не могла быть передана, потому что потребовалось бы много времени для окончания указанных работ, а сам факт передачи негативно отразился бы на них.

В артиллерии были разработаны и находились в изготовлении: опытные экземпляры снарядов, дистанционных трубок, гранат, взрывателей. Был изготовлен и находился в сборке автоматический станок для отбраковки патронных гильз. Там работали 10 чел.: 3 руководителя организаций, 2 диверсанта и 5 активных членов организации. Группу не могли передать – это (с производимой работой) заняло бы время, необходимое для окончания всего намеченного по плану первой очереди.

Кроме того, трудились группы заключенных: по разработке дизелей и моторов – 6 чел.; по подводным лодкам – 54; транспортеру – 62; артиллерийским приборам – 13; проблемам химии – 43, защите против иприта – 18; линии химико-энергетического машиностроения – 29; котлам высокого давления – 5; блюмингу – 18; электромоторам – 6; электроэнергетике – 28; текстилю – 38; разработке проекта эксплуатации угольного месторождения – 21²⁶.

После обсуждения вопроса о КБ, 14 сентября 1931 г. И.В. Сталин телеграфировал Л.М. Кагановичу и в копии – Г.Г. Ягоде о том, что считает «преждевременной передачу конструкторских бюро ОГПУ в ведение ВСНХ». 20 сентября Политбюро постановило оставить конструкторские бюро при ОГПУ. При этом Политбюро приняло предложение Акулова и Орджоникидзе по согласованному между ними списку – об освобождении некоторой части инженеров для работы в ВСНХ²⁷.

²⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 142. Л. 3–18.

²⁷ Мозохин О.Б. Как появились «шарашки»? С. 47.

15 сентября 1931 г. Политбюро, рассматривая вопрос об использовании освобожденных бывших вредителей на железнодорожном транспорте, постановило не возражать против досрочного освобождения бывших вредителей, инженеров и техников железнодорожного транспорта по списку, представленному Постышевым и Акуловым, с оставлением наказания условным и применением к освобожденным гласного надзора ОГПУ. При этом формы и место их работы поручили определить И.А. Акулову и М.Л. Рухимовичу²⁸.

26 ноября того же года Акулов информировал Сталина о передаче в распоряжение хозяйственных организаций осужденных ОГПУ специалистов. За май-ноябрь были оформлены к освобождению через Коллегию ОГПУ 1087 чел. Пересмотр меры социальной защиты проводился по двум видам – досрочно освобождаемых и осужденных условно. Освобожденные специалисты прикреплялись к определенным предприятиям по согласованию с хозяйственными организациями.

Были прикреплены по отраслям промышленности: «Черная металлургия – 110 чел.; Цветная – 55; Тяжелое машиностроение – 36; Топливная промышленность – 82; Нефтяная – 43; Химическая – 94; Строительная – 85; Электрическая – 56; Парвагдиз – 41; ВАТО – 15; Авиапромышленность – 27; Судостроительная – 15; Селикатная промышленность – 6; Текстильная – 13; Бумажная – 11; Лесная – 45; Сельское хозяйство – 31; Коммунальное хозяйство – 16; Патрубзрыв – 37; ОРИО – 37; Вохимтрест – 23; Система Наркомснаба – 36; В распоряжение ВСНХ – 17; Прочие отрасли промышленности – 94; ПП ОГПУ – 15; Итого: 1087».

По месяцам освобождение происходило следующим образом: май – 102 чел., июнь – 90; июль – 317; август – 147; сентябрь – 162; октябрь – 269. В ноябре оформлялись к освобождению и впоследствии должны были быть освобождены по разным требованиям (главным образом, для металлургии, наркомснаба и др.) около 200 чел. Кроме того, имелись требования со стороны промышленности – примерно на 700 чел.

Освобожденных специалистов распределили по их профессиям и специальностям: металлурги – 74 чел., механики – 140; электрики – 101, горняки – 122, технологи – 126, строители – 62, машиностроители – 21, химики – 73, геологи – 9, экономисты – 27, техники – 71, прочие специальности – 261; итого: 1087²⁹.

23 февраля 1932 г. Акулов направил Сталину записку начальника ЭКУ ОГПУ С.Н. Миронова о проводимых в то время важнейших работах осужденных специалистов, работавших при ТО ЭКУ. Сталин написал резолюцию: «Секретно, лично. Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе, Куйбышеву, Тухачевскому, Павлуновскому».

Справка, предоставленная Кагановичу (как и предыдущая), отражала работу осужденных специалистов, используемых техническим отделением ЭКУ ОГПУ. Сообщалось, что в авто-танко-тракторостроении была закончена разработка конструкции плавающего, быстроходного танка, весом 12 т. Танк за-

²⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 373. Л. 181.

²⁹ Там же. Д. 143. Л. 15–16.

пускался в производство. Провели работы по модификации трактора «Катерпиллер», в связи с установкой на него дизель-мотора.

После введения дополнительной коробки скоростей увеличивалась в 2,5 раза скорость трактора. Ее повышение обеспечивали агротехнические качества трактора, которые усиливали его как тяговую машину. Он был мобилизационно подготовлен, бронирован и вооружен пулеметом. После введения специальной зенитной установки для пулемета трактор мог работать как вооружений тягач.

Была разработана конструкция превращения полутонного грузовика «Форд АА» в трехосную, с одной ведущей осью машину. Она была покрыта броней 7–8–5 мм и вооружена четырьмя пулеметами ДТУ.

Была разработана (и внедрена в производство) конструкция превращения полутонного грузовика «Форд АА» в трехосную, с двумя ведущими осями машину, рассчитанную на высокую проходимость по плохим дорогам и пересеченной местности. В военное время ее планировалось защитить 7–6–4 мм броней, вооружить 37 мм орудием и двумя пулеметами ДТУ.

Разработали конструкцию бронирования трехосной полутонной машины системы «Форд-тимкен».

В дизелестроении спроектировали, произвели и испытали три нефтяных двухтактных бескомпрессорных дизеля, по 60 л.с., при 650 оборотах в минуту. Был запроектирован двухтактный дизель, мощностью в 3 200 л.с., при 500 оборотах, весом 7–10 кг на силу, для подводной лодки.

Был спроектирован легкий быстроходный дизель для танка. Мощность его составила 400 л.с., при 1500 оборотах в минуту при весе 2 кг на силу.

В стадии проектировки и разработки рабочих чертежей находились еще четыре быстроходных дизеля: авиационный, в 2 300 л.с., частично запущенный в производство; авиационный – воздушного охлаждения, в 500 л.с.; звездобразный, 100-, 80- и 40-сильный для автомобилей и разрабатывался дизель в 100 л.с. – для аэросаней, приспособленный для работ на Севере.

В химии планировался запуск полужаводской установки только что полученного в Союзе отравляющего вещества (ОВ) – капсицина. Главное его свойство – мгновенное действие на слизистые оболочки носоглотки и верхние дыхательные пути, приводящее к удушью и обморочному состоянию. Лабораторно были получены образцы аналогов кантаридина – вещества накожного нарывного действия. Полностью была решена проблема способа производства одного из важнейших ОВ – хлорацетофенона. Лабораторным путем получили фтористый иприт, а также разработали метод извлечения уксусно-натриевой соли из отходов производства уксусного ангидрида.

Велись работы по применению оксилита для противогаза. Это давало возможность бойцу выключиться из окружающей атмосферы на 30–35 мин, т.к. оксилит производил очистку углекислоты в выдыхаемом воздухе. Разработан был метод механизации работ по снаряжению снарядов амматолом (взрывчатое вещество) и конструкции станков для механического снаряжения.

Были закончены расчеты и рабочие чертежи полной механизации всего цикла производства бездымных порохов (пироксилиновых), разработаны методы получения лабораторным путем: пороха на метилом спирте в качестве

растворителя и пироксилина, с большим содержанием азота, в результате стало возможным изготовление пороха повышенной мощности; флегматизации винтовочного пороха, что увеличивало дальноточность стрельбы. Кроме того, был создан проект механизма, предупреждающего взрывы в прессах для нитроглицериновых порохов.

Получено лабораторным путем взрывчатое вещество бризантит: предполагаемая мощность – в 2,5 раза больше, чем у тротила. Вещество было направлено в Военно-техническую академию на испытание. Подготовленные новые методы полностью разрешали азотную проблему для СССР на отечественной технической базе. Создали конструкцию и изготовили образцы «противогазмаски», разработали метод получения спирта из цикория.

По линии снарядов и взрывателей была изготовлена 40-мм ружейная граната безопасного типа. Принятая на вооружение ружейная граната Дьяконова не имела предохранительного устройства и в случае преждевременного разрыва в мортире влекла порчу оружия и ранение стрелков. Разработанный тип гранаты устранял эти недостатки благодаря наличию пулеуловителя. В дальнейшем предполагалось повышение дальности полета на 20–25%. Граната передавалась на изготовление опытных образцов на завод № 75.

Спроектировали и запустили в производство опытную серию снарядов, изготовленных из железных труб. Разработали конструкцию специального гидроскопического реактивного снаряда, главная особенность которого заключалась в том, что он действовал самостоятельно без орудия. Выпускался снаряд из тонкой гладкоствольной трубы. Дальность полета доходила до 8–9 км, и была предусмотрена возможность ее увеличения. Спроектировали и изготовили опытные серии бронебойных снарядов, рассчитанных на большую, чем была возможна тогда, пробиваемость брони; опытную партию пуль для жидких отравляющих веществ. Назначение таких пуль – увеличение огневых средств борьбы с броневыми закрытиями для пехоты и кавалерии путем отравления ОВ поверхностей и закрытых помещений и заражения окружающего воздуха; проводились соответствующие испытания.

Для борьбы с авиацией сконструировали и изготовили опытную партию тросовых снарядов. Такой снаряд состоял из двух массивных грузов, соединенных стальным тросом, длиной 3–4 м. При запуске в воздух снаряд делал беспорядочные движения грузами, соединенными вытянутым тросом, рассекая все, попадающее на пути.

Кроме того, проводились работы по энергетике, телефонизации, изготовлению передвижных трансформаторных подстанций высокого напряжения.

Была организована новая особая группа на заводе «Динамо», поставившая задачу: наладить и запустить в производство электровозы. В крупном машиностроении построили, испытали и передали промышленности электропривод для блюминга. В котлостроении приступили к монтажу опытного безбарбанного прямооточного котла высокого давления на 140 атмосфер по системе Рамзина.

Велись работы по созданию устойчивой против бронебойных пуль брони из котельного железа. В судостроении была определена готовность строящейся подводной лодки в Ленинграде, по корпусу в 95%. Продолжалось создание

железнодорожного транспорта для 14-дм орудий. Закончила работу кабельная экспедиция – по прокладке кабелей в Азовском, Черном и Каспийском морях.

В институте специального назначения ТО ЭКУ ОГПУ проводились научно-исследовательские работы по изучению мер борьбы и обороны в биологической войне.

Был разработан и проверен в фабричном масштабе новый способ котонизации лубяных волокон. Предлагаемый котонин позволял СССР быть независимым от заграничного рынка в отношении ввоза хлопка и шерсти и широко развивать промышленность – хлопчатобумажную и шерстяную.

Подготовили проект Дальневосточного сетевязального, канатоверевочного комбината.

Полным ходом шла разработка устройства глубоководного пути – канала на Манычах, который позволил бы морским судам заходить в Каспийское море и на сотни километров приблизил бы к морскому берегу многие пункты Сибири, Казахстана и Урала³⁰.

Все это свидетельствовало о том, что в то время технические бюро ОГПУ работали намного эффективнее, чем многие научно-исследовательские институты.

В характеристике на заместителя председателя ОГПУ Г.Е. Прокофьева именно ему ставилась в заслугу организация КБ: «Враги нашего народа, враги социалистического отечества прекрасно знают блестящие способности большевика-чекиста Прокофьева, наносившего меткие и своевременные удары на их продажные головы.

Прокофьев не только разил врагов народа, он умел использовать в интересах революции, в интересах рабочего класса, знания и способности разоблаченных и пойманных с поличным врагов.

Под руководством тов. Прокофьева ОГПУ организовало конструкторское бюро из осужденных вредителей, умелое использование их т. Прокофьевым дало стране советские блюминги, советские авиамоторы, дизеля и т.д.»³¹.

16 марта 1932 г. Политбюро вновь рассмотрело вопрос о технических бюро, решив сохранить их временно, и вновь с формулировкой, позволявшей специалистам получить время для окончания работ (новых решили не начинать). Сроки определялись по согласованию ОГПУ и Наркоматом тяжелой промышленности (Наркомтяжпром). По окончании работ в ведение этого наркомата и предлагалось передать специалистов³². Между тем эффективность особых технических бюро была настолько велика, что они просуществовали до середины 1950-х гг.

Руководители министерств и ведомств, понимая бесосновательность осуждения специалистов, продолжали вымаливать их освобождение для работы в своих структурах. Так, учитывая, что переговоры с ОГПУ в течение восьми месяцев не привели к соглашению, 3 сентября 1932 г. председатель Наркомзема Я.А. Яковлев направил в Политбюро ЦК ВКП(б) письмо с просьбой передать в его распоряжение (для направления на работу в совхозы и научно-

³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 142. Л. 24–46.

³¹ Филиал ЦА ФСБ РФ в г. Омске. Фонд личных дел № 612346/34.

³² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 142. Л. 47.

исследовательские учреждения) 47 специалистов-агрономов, осужденных по различным процессам. 3 октября этот список был дополнен еще двумя специалистами сельского хозяйства³³. Какие решения по ним были приняты, неизвестно (резолуций на документе нет), ведь в это время активно продолжалась кампания по борьбе с вредителями в сельском хозяйстве.

Развертывание пяти специальных академий вместо одной – Военно-технической, формирование новой – Военно-транспортной, расширение Военно-воздушной, а также создание ряда новых и расширение ранее существовавших военно-технических школ требовали значительного числа квалифицированных преподавателей. Покрытие некомплекта в этих силах за счет кадров армии вызвал бы большие перемещения, увеличил бы дефицит командиров, особенно в технических войсках, не говоря о том, что в армии вообще было мало людей, годных для квалифицированной преподавательской работы по техническим дисциплинам.

Внутренний масштаб оборонительного, казарменного и жилищного строительства по линии НКВД требовал большого числа квалифицированного инженерно-технического персонала. Все, что армия могла мобилизовать из внутренних ресурсов, строительству было дано, однако, некоторые важнейшие стройки не были обеспечены в нужной мере квалифицированными инженерами и техниками. Это вынудило наркома по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошилова просить об освобождении из концентрационных лагерей 183 высококвалифицированных специалистов и преподавателей для использования их, в основном, на преподавательской работе и в строительстве, с установлением за ними особого наблюдения со стороны ОГПУ³⁴.

Формирование и развертывание новых частей Военно-морских сил РККА, а также расширение военно-морских учебных заведений (в соответствии с планом развития военно-морских сил) тоже значительно увеличивали потребности кадров начальствующего состава. Подготовленные в военно-морских заведениях кадры направляли преимущественно на укомплектование боевых кораблей и соединений надводного и подводного флота, батарей береговой обороны. При этом тыловые органы из-за недостатка числа выпускников военно-морских учебных заведений оставались в значительном некомплекте.

В связи с этим 17 ноября 1932 г. Ворошилов в очередной раз направил Сталину, в Политбюро ЦК ВКП(б), письмо, в котором одним из источников пополнения некомплекта специалистов командного состава предложил использовать специалистов, уволенных в 1924–1930 гг. по политико-моральным и другим причинам, а также бывших офицеров старого флота, находившихся в заключении или ссылке. Из числа последних намечались наиболее квалифицированные специалисты, которые могли с должной отдачей быть использованы в тыловых органах Морских сил и на преподавательской работе, при соответствующем контроле. Ворошилов сослался на положительный опыт 1932 г. Из первой группы досрочно освобожденных 50 чел., 45 были зачислены в кадры РККА как показавшие интенсивную и добросовестную работу. Сталин

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 143. Л. 25–26.

³⁴ Там же. Л. 27–28.

не возражал, но попросил этот вопрос предварительно согласовать с Кагановичем и Постышевым³⁵.

16 апреля 1934 г. была подготовлена первая докладная записка, направленная И.В. Сталину за подписью заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды с просьбой о досрочном освобождении осужденных специалистов железнодорожного транспорта, снятия с них судимости и восстановления в правах за их высокоэффективную работу. Сотрудников органов госбезопасности, руководивших в это время осужденными специалистами, Ягода предложил наградить орденами Ленина.

В записке Сталину сообщалось, что после ликвидации в 1928–1929 гг. контрреволюционной вредительской организации на железнодорожном транспорте, ОГПУ в целях помощи НКПС приступило к использованию для реконструкции транспорта осужденных специалистов. За четыре года они закончили проектирование и постройку следующих железнодорожных транспортных средств: мощного товарного паровоза серии «ФД» (увеличивал пропускную способность обслуживаемых им железнодорожных линий на 75%); сверхмощного пассажирского паровоза серии «ИС» (на испытаниях превзошел наиболее мощные европейские паровозы); мощного товарного электровоза серии «ВЛ» (превзошел на испытаниях более тяжелые американские электровозы); сверхмощного товарно-пассажирского тепловоза серии «ВМ»; саморазгружающегося товарного полувагон-гондола; вагонного замедлителя для сортировочных горок, механизмирующего работу горок, значительно усиливающего – сортировочных станций, и ликвидирующего бой вагонов на горках.

Ягода сообщил о приближавшемся завершении проектирования и сборки мощного пассажирского электровоза; сверхскоростного поезда, автомотрисса, рассчитанного на скорость 140 км в час, и еще одного – для нужд пригородного и курортного сообщений; электропривода к вагонному замедлителю механизированной горки. Был спроектирован и передан в НКПС для реализации общий план реконструкции паровозного хозяйства по всей сети и 59 конкретных эскизных проектов реконструкции депо по Южной, Донецкой, Екатерининской, Юго-Восточной и М. Курской железных дорог. Провели реконструкцию шпалопропиточного дела на дорогах Союза, цементацию и последующую обработку частей паровоза при их ремонте в депо, устранили конструктивные недостатки в паровозе серии «З».

Также были готовы проекты: воздушного пресса (с давлением 3000 кг) для втулок кулисного механизма паровоза; конуса для паровозов серий «Эу» и «Су» (обеспечивал значительную экономию топлива); выдвижной сливной «труа» гидравлической колонки (сокращалось время простоя паровоза под набором воды); установки, усиливающей напор воды в гидравлических колонках для паровозов при недостаточной высоте водонапорных башен; эстакады для подачи угля на паровоз; типового шлакоубирателя; удлинения старых поворотных кругов для использования их под паровозы «ФД» и «ИС»; модернизации рельса типа «ПЭ»; спредер-щебнеразравнивателя для механизации работ по замене песчаного балласта на щебень.

³⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 143. Л. 50–50 об.

Заканчивалось проектирование маневрового мотовоза (90 л.с.); путейского и маневрового тепловозов; 20-метровой платформы; 75 и 60-тонных транспортеров для перевозки тяжелых предметов и оборудования; сверхскоростного паровоза без противовесов (на существующем пути мог развивать скорость до 200 км в час).

В записке отмечалось, что дело реконструкции транспорта в 1927 г. было в руках существовавшей в НКПС вредительской организации, члены которой занимали командные должности на транспорте. Они ставили своей задачей не только сорвать реконструкцию транспорта, но и «омертвить на длительный период» большое количество металла и капиталовложений, чтобы отвлечь эти ресурсы из фонда индустриализации страны и тем самым ослабить ее обороноспособность. Вредители, согласно результатам следствия ОГПУ, выдвинули в качестве типовых такие элементы реконструкции транспорта (тяжелый паровоз, с давлением на путь в 30–35 т от каждой сцепной оси, большегрузный 70–100-тонный вагон, сверхтяжелая автосцепка и т.д.), введение которых потребовало бы сплошной замены рельсов и шпал более тяжелыми типами, балласта – щебнем, а также немедленного переустройства мостов, узлов, станций и депо на протяжении десятков тысяч километров магистральных линий.

В 1930 г. в порядке помощи НКПС ОГПУ организовало техническое бюро при Транспортном отделе. По инициативе его начальника – Г.И. Благодурова техническое бюро в течение года изучало весь сложный комплекс вопросов реконструкции транспорта и увязку со всеми перспективами развития народного хозяйства в целом, достижениями американской и европейской железнодорожной техники. В итоге получили стройную систему, обоснованную фундаментальными расчетами сотрудников бюро. В 1931 г. техническое бюро приступило к последовательной разработке проектов этих элементов реконструкции транспорта.

О важнейших проектах технического бюро по мере их готовности ОГПУ докладывало ЦК ВКП(б). Согласно решениям последнего, ОГПУ руководило созданием опытных экземпляров техники, их испытаниями и пуском в серийное производство тех из них, которые НКПС приняло в качестве основного типа реконструкции транспорта.

Отмечая заслуги группы отбывающих наказание инженеров – бывших вредителей, сумевших в максимально короткий срок практически разрешить задачу реконструкции железнодорожного транспорта, и ряда своих работников, ОГПУ ходатайствовало о награждении всех отличившихся³⁶.

Сообщалось, что рабочие чертежи мощного товарного паровоза были изготовлены под руководством ТО ОГПУ в короткий срок – 100 рабочих дней. В еще более рекордный срок – 70 рабочих дней рабочие и инженеры Луганского завода в кооперации с заводами Коломенским и Сормовским построили первый опытный паровоз «ФД».

³⁶ Мозохин О.Б. Ходатайства ОГПУ о досрочном освобождении отличившихся заключенных «шарашек» // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века (к 75-летию Великой Победы): материалы XXIII междунар. науч. конф. (Москва, 5–6 декабря 2019 г.). М., 2019 С. 174–176.

НКПС вначале принял решение о выдаче заказа на проектирование и постройку опытного замедлителя за границей, с отпуском для этой цели около 1 млн руб. в валюте. Однако, опротестовав это решение, ТО ОГПУ разработал и предложил НКПС свой проект вагонного замедлителя. Проект был принят, и в июле 1933 г. построили и испытали первый опытный замедлитель. Так было доказано, что предложенная конструкция удовлетворяла всем требованиям эксплуатации³⁷. Тем не менее, несмотря на массу перечисленных в докладной записке достижений, никаких решений по ней принято не было...

В феврале 1936 г. Ягода вновь обратился к Сталину по вопросу о досрочном освобождении осужденных специалистов железнодорожного транспорта. Предлагалось снять с них судимость и восстановить в правах за работы по паровозу серии «ФД», сверхмощному паровозу серии «ИС», мощному товарному электровозу серии «ВЛ» и др. Сотрудников НКВД, руководивших специалистами, Ягода опять просил наградить орденами Ленина. На данной сопроводительной записке – резолюция Сталина: «Обсудить. Ст.»³⁸.

В приложении к записке Ягода напомнил Сталину, что в созданном 24 апреля 1930 г. специальном бюро осужденные специалисты провели большую ценную работу в области проектирования и постройки основных элементов реконструкции железнодорожного транспорта. Специальное бюро, указал он, не только спроектировало элементы реконструкции железнодорожного транспорта, но также руководило и участвовало в разработке рабочих чертежей, строительстве паровозов, электровозов; оказывало помощь в организации серийного производства и освоении локомотивов.

Отмечая заслуги отбывающих наказание инженеров, сумевших в максимально короткий срок разрешить ряд важнейших задач реконструкции железнодорожного транспорта, Ягода просил:

«1) Разрешения о досрочном освобождении осужденных специалистов, снятия судимости и восстановления в гражданских правах.

2) Сотрудников НКВД, руководивших вышеупомянутыми работами, наградить орденами Ленина».

При этом прилагались два списка. Первый из них содержал фамилии 24 осужденных специалистов, представленных к досрочному освобождению и восстановлению в гражданских правах. В их числе были осужденные за вредительство по ст. 58, п. 7: Петр Осипович Красовский (инженер путей сообщения; с 12 июня 1928 г. срок – 10 лет); Павел Владимирович Дисковский (инженер-технолог; с 1 апреля 1928 г. 10 лет); Николай Андреевич Добровольский (инженер-технолог; с 26 июня 1930 г. срок наказания отбыл); Роман Петрович Гриненко (инженер-технолог; с 28 ноября 1928 г. пятилетний срок наказания отбыл). Отметим, что отдельные специалисты сроки наказания отбыли, но продолжали трудиться в «шарашках», однако, на каких правах – вольнонаемных или заключенных, в документах не указано.

По списку сотрудников НКВД, представленных к награждению орденом Ленина, проходят трое: Изяслав Александрович Грач – начальник технического

³⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 374. Л. 161–168.

³⁸ Там же. Д. 375. Л. 93.

бюро НКВД, руководивший его работой со дня учреждения; Дмитрий Васильевич Аркадьев и Николай Семенович Хащин – помощники начальника технического бюро НКВД, руководители групп специалистов по разработке рабочих чертежей и постройке паровозов, электровозов и других элементов реконструкции на заводах – Луганском, Коломенском, Сормовском и «Динамо».

Кроме того, грамотой ЦИК СССР предлагалось наградить работника НКВД Максима Ивановича Миронова, руководившего отдельными группами специалистов, показавшего образцы четкости и оперативности при выполнении заданий³⁹.

Вновь прилагалась справка о проделанной работе, где наряду с представленными ранее достижениями, перечислялись новые⁴⁰.

7 января 1939 г. Л.П. Берия, возглавивший в то время НКВД, направил в ЦК ВКП(б) письмо Сталину (№ 47/б) с приложением («Положение об Особом техническом бюро при НКВД СССР»; проект приказа НКВД; сведения по структуре и штату). Нарком писал, что использование заключенных специалистов для проектирования объектов вооружений армии и флота было предоставлено наспех организованному 4-му Спецотделу НКВД СССР, который не имел ни кадров соответствующей квалификации, ни необходимых условий для успешного проведения этой работы.

Для изменения такого положения Берия предпринял следующие меры: был установлен штат бюро в таком количестве, чтобы были полностью обеспечены материальное обслуживание, техническое снабжение и техническая консультация конструкторских групп, а также улучшено бытовое обслуживание работающих в них заключенных; на работу в ОТБ командировали молодых специалистов (из числа мобилизованных ЦК ВКП(б) для работы в НКВД), имевших опыт конструкторской и производственной деятельности.

Для придания большего значения работе по использованию заключенных специалистов ОТБ, по предложению Берия, должен был возглавить нарком внутренних дел.

8 января 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило предложенный проект «Положения об Особом техническом бюро...», согласно которому в целях использования заключенных, имевших специальные технические знания и опыт, при НКВД организовывалось Особое техническое бюро. Его задачей являлась организация конструирования и внедрение в производство новых средств вооружения армии и флота. В состав Бюро входили следующие группы специальностей:

1. Группа самолетостроения и авиационных винтов
2. Группа авиационных моторов и дизелей
3. Группа военно-морского судостроения
4. Группа порохов
5. Группа артиллерии, снарядов и взрывателей.
6. Группа броневых сталей
7. Группа боевых отравляющих веществ и противохимической защиты

³⁹ Мозохин О.Б. Ходатайства ОГПУ о досрочном освобождении... С. 176–177.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 375. Л. 100–102.

8. Группа по внедрению в серию авиадвигателя АН-1».

По мере необходимости могли создаваться новые группы как за счет разделения существующих, так и путем организации групп по специальностям, не предусмотренным выше.

ОТБ, как и предлагалось, возглавил нарком внутренних дел. Группы по специальности возглавляли помощники начальника Особого бюро. В его обязанности входили организация рабочего места для группы, а также технических консультаций для сотрудников групп, материально-бытовое обслуживание работающих в группе и подготовка к производству опытных моделей и образцов.

Тематические планы ОТБ должны были вноситься на утверждение Комитета обороны, они составлялись на основе предложений заключенных и по заявкам. Изготовленные технические проекты представлялись на утверждение Комитета обороны для получения разрешения на изготовление опытных образцов. Передача испытанных опытных образцов в серийное производство производилась после утверждения этих образцов Комитетом обороны.

ОТБ могло привлекать для работы в группах вольнонаемных специалистов, в первую очередь из числа молодых специалистов. Для рассмотрения планов работы групп и технических проектов при начальнике ОТБ создавалось постоянное совещание в составе начальника бюро (председатель), его заместителей и секретаря бюро с участием начальника группы.

По штату в ОКБ входили: начальник – 1 чел.; заместители начальника – 3; секретарь – 1; помощники начальника (руководители групп) – 8; заместители руководителей групп – 8; сотрудники для поручений – 3; делопроизводители – 3; бухгалтер – 1; счетовод-кассир – 1; машинистки – 4; стенографистка – 1; чертежники-конструкторы – 15; копировщики – 15; курьеры – 3; уборщиц – 3; шоферы – 12.

Приказ НКВД СССР № 0021 от 10 января 1939 г., согласно решению Политбюро, предписал создать при наркомате Особое техническое бюро для использования заключенных, имеющих специальные технические знания.

Было утверждено положение об ОТБ, структура и штат. При ОКБ был оставлен завод № 82 как опытно вспомогательная база. Начальнику Административно-хозяйственного управления (АХУ) в месячный срок предписывалось обеспечить ОКБ необходимым служебным помещением, а также выделить шесть легковых автомашин М-1⁴¹.

31 марта 1939 г. Политбюро решило вопрос об ассигновании ОКБ НКВД СССР. Для проектирования и постройки опытных образцов, специальных образцов и специальных объектов ОКБ выделялось 35, 87 млн руб. Из них, согласно постановлению Комитета обороны выделялось на: проектирование авиадвигателя 9,67 млн руб.; самолета ВИ-2–11,71. Согласно разработанным тематическим планам выделялось на разработку катера (торпедного) 2,5 млн руб.; подводной лодки – 3,1; артиллерии – 3,5; пороха – 3,64; отравляющих веществ – 1,75.

⁴¹ Мозохин О.Б. Использование труда осужденных специалистов органами государственной безопасности в 1930-х – начале 1950-х гг. Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М., 2008. С 118.

Кроме того, для 2-го Спецотдела НКВД выделялось 2,32 млн руб., в том числе: на изготовление приемопередаточной радиоаппаратуры для рекордных перелетов героев Советского Союза М.М. Громова и В.К. Коккинаки – 1,2; для тяжелой бомбардировочной авиации ВВС Народного комиссариата обороны – 1,12⁴².

29 мая 1939 г. заместитель начальника ОКБ майор госбезопасности М.А. Давыдов направил наркомун внутренних дел СССР Берия справку о работах, проводимых в группах ОКБ.

В ней сообщалось, что *группы самолетчиков* занимались проектированием и постройкой высотного скоростного, 2-х моторного истребителя (самолет 100) на заводе № 156, руководитель – В.М. Пятляков, всего 58 чел.

Группа под руководством В.М. Мясищева приступила к выполнению эскизного проекта, в двух вариантах, самолета 102 высотного, скоростного бомбардировщика дальнего действия.

Скоростной пикирующий бомбардировщик создавала группа под руководством профессора А.Н. Туполева, всего 15 чел.; готовились данные по эскизному наброску самолета.

Группа авиадвигателей проектировала двигатель АН-4 под руководством А.Д. Чаромского, всего 38 чел.; полный объем рабочих чертежей двигателя планировалось закончить в августе.

Проходила наметка эскизного проекта бензинового двигателя, руководитель – А.М. Добротворский, группа 3 чел.

Группа подводной лодки, руководитель – А.С. Кассациер, всего 30 чел.; закончила технический проект подводной лодки ПЛ 95.

Под руководством В.Л. Бжезинского, всего 26 чел., был закончен технический проект подводного торпедного катера.

Группа артиллерии под руководством профессора Е.А. Беркалова, всего 22 чел., занималась: 1) противоторпедной артиллерийской защитой корабля; проект был готов; 2) увеличением калибра орудий линкора типа «А» с 15 на 18 при помощи смены лейнеров, а также живучести артиллерии линкора в 4–5 раз, путем применения нарезки типа Ц.Е.А.; 3) проектированием 203-мм корпусной гаубицы (основное назначение – разрушение бетонных сооружений на дистанциях от 3 до 14 км); 4) созданием огнестрельного беззвучного оружия, трехлинейной винтовки и нагана; образец винтовки был готов к испытанию; 5) работой по созданию дистанционной авиабомбы, разбрасывающей гранаты; изготавливались две опытных бомбы на заводе № 82.

Группы порохов, 41 чел. осуществляли разработку технического проекта реконструкции завода нитроглициринового пороха. Проводили синтез новых рецептов пороха. Вели разработку стандартов на пироксилин и порох, а также по созданию мощного винтовочного пороха, беспламенного выстрела. Осуществляли анализ новых образцов пороха. Вели работу по усовершенствованию технологии пироксилина, зажигательным и осветительным авиабомбам, бронебойно-зажигательным и бронебойно-прожигательным снарядам.

⁴² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 148. Л. 83.

Группа отравляющих веществ, 22 чел., занималась интенсификацией производства серной кислоты. Вела работу по купрированному фосфату и его применению в военном деле, разрабатывала новый боевой химический состав ОВ (карита), новый химический поглотитель для противогазов получением стойких ипритов и новых дегазаторов. Занималась индикацией ОВ. Разрабатывала технический проект опытного цеха при НИИ-42 и др.

Группа технологов по внедрению в серию авиадвигателя АН-1 на заводе № 82, 28 чел., разработала технологический процесс и чертежи инструментария и приспособлений на главнейшие трудоемкие детали авиадвигателя АН-1.

Группа броневых сталей на Мариупольском заводе броневых сталей под руководством инженера Точинского производила экспериментирование трех работ: получение двухслойного броневое слитка; отливка в изотермическую изложницу; получение слитка через общий разливочный ковш из основной и кислой печей. Окончание эксперимента было намечено на август⁴³.

4 июля 1939 г. Берия писал Сталину о том, что организованное ОКБ состоит из семи основных производственных групп: самолетостроения, авиадизелестроения, судостроения, артиллерии, порохов, отравляющих веществ, броневых сталей. В этих группах работали 316 специалистов, арестованных органами НКВД в период 1937–1938 гг. за участие в антисоветских, вредительских, шпионско-диверсионных и иных контрреволюционных организациях. Следствие по делам этих арестованных было приостановлено в 1938 г., и они без приговоров содержались под стражей на положении следственных.

Возобновить следствие по этим делам и передать их в суд в обычном порядке, по мнению Берия, было нецелесообразно. Он считал, что, во-первых, это отвлекло бы арестованных специалистов на длительное время от работ по проектированию важнейших объектов, что могло сорвать работу ОТБ, и во вторых, следствие не могло дать положительных результатов, т.к. арестованные, находясь длительное время во взаимном общении во время работы, договорились между собой о характере данных ими показаний на предварительном следствии. А поскольку виновность арестованных была подтверждена в процессе предварительного следствия личными признаниями арестованных, показаниями соучастников (многие из которых были уже осуждены) и свидетелей, то Берия предложил арестованных специалистов в количестве 316 чел., используемых на работе в ОТБ, не возобновляя следствие, предать суду ВК ВС СССР.

Затем в зависимости от тяжести совершенного преступления арестованных следовало разделить на три категории: подлежащих осуждению на сроки до 10 лет, 15 лет и 20 лет. Отнесение к категориям поручалось комиссии в составе наркома внутренних дел СССР, Прокурора СССР и председателя Военной коллегии ВС СССР.

В целях поощрения работы арестованных специалистов в ОКБ, закрепления их на этой работе и создания стимула для дальнейшей работы по проектированию важнейших объектов оборонного значения предлагалось предоставить право НКВД выходить с ходатайством в Президиум ВС СССР о применении к осужденным специалистам, проявившим себя на работе

⁴³ Мозохин О. Б. Использование труда осужденных специалистов... Т. 4. С 119–120.

в ОКБ, как полного условно-досрочного освобождения, так и снижения сроков отбывания наказания. Сталин согласился с этими предложениями⁴⁴.

Перед началом Великой Отечественной войны, 10 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обязало ОКБ НКВД СССР и завод № 156 для оказания технической помощи по внедрению самолета «103» в серийное производство отправить на завод № 18 не позднее 15 сентября 1941 г. группу специалистов ОКБ НКВД (20–25 чел.) во главе с А.Н. Туполевым и вольнонаемных конструкторов (40 чел.)⁴⁵.

Чуть позже, 16 июля 1941 г., Берия направил Сталину письмо (№ 2217/б). В нем в связи с окончанием заводских и государственных летных испытаний самолетов «103», «103У» и решением о внедрении самолета «103У» в серийное производство на Омском заводе нарком предложил возбудить ходатайство перед правительством СССР об амнистировании, со снятием судимости, 30 заключенных специалистов ОКБ, принимавших непосредственное участие в создании самолетов «103У».

Группу освобожденных специалистов он предлагал зачислить в штат ОКБ и направить на Омский завод для участия в серийной постройке самолетов 103.

Сталин согласился и с этим предложением. Были освобождены: Андрей Николаевич Туполев, Александр Васильевич Надашкевич, Александр Романович Бонин, Семен Абрамович Вигдорчик, Сергей Михайлович Егер, Георгий Семенович Френкель, Иосиф Григорьевич Неман и др.⁴⁶ С этого времени по подобным докладным запискам принимались положительные решения.

В годы войны в штат организованного 4-го спецотдела НКВД СССР входило 7 отделение – радиолaborатория. Туда в 1941 г. на работу в качестве так называемого спецконтингента попал осужденный 15 августа 1939 г. Особым совещанием при НКВД СССР инженер Лев Сергеевич Термен. Жизнь и работа этого ученого, талантливого инженера, способного экспериментатора, изобретателя первого в мире электроинструмента (известного как под «Терменвокс», «Голос Термена»), который он в 1922 г. демонстрировал В.И. Ленину, до 1964 г. будет связана с исследованиями и разработками средств спецтехники в интересах органов безопасности.

В радиолaborатории в годы войны Термен был привлечен к разработке радиостанций для отделов, войск НКВД и партизанских отрядов. В течение 1941–1942 г. под его руководством разрабатывалась серия передатчиков – «Белка», «Набла», «Марс», «Тюлень». В Свердловске, куда была эвакуирована радиолaborатория, было выпущено более 3,5 тыс. переносных агентурных и партизанских радиостанций.

Из воспоминаний сына заместителя наркома внутренних дел Р.В. Меркулова: «В 1942 году меня направили на работу в одну из исследовательских организации НКВД, находившуюся в Свердловске <...> Это был крупный научно-исследовательский центр с хорошим коллективом, с производством малыми сериями специальной аппаратуры. К примеру, одну из лабораторий возглавлял арестованный Павел Николаевич Куксенко. Он с сотрудниками

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 148. Л. 84–86.

⁴⁵ Там же. Д. 142. Л. 107.

⁴⁶ Мозохин О.Б. Использование труда осужденных специалистов... Т. 4. С 121.

работал над первым в стране образцом радиолокатора – прибором ночного боя (ПНБ). Специалисты-заключенные свободно перемещались по территории организации, при необходимости выходили за ее пределы – в этом случае их сопровождал охранник. Могли работать – и действительно работали – на рабочем месте, сколько было нужно.

Размещалась наша организация в большом новом здании тюремной больницы, которая была освобождена для этих целей. Наверное, единственным строгим ограничением для арестованных были контакты с женщинами. Я помню, что одного из них, замеченного в связи с вольнонаемной сотрудничеством, немедленно куда-то перевели.

Моим начальником был Л.С. Термен – подтянутый, аккуратно одетый, с галстуком и в пиджаке средних лет человек. В большой комнате, заставленной большим количеством аппаратуры, под его началом работало несколько офицеров-радиотехников <...>

Лев Сергеевич вежливо, но настойчиво требовал от нас выполнения своих указаний. У руководства он пользовался большим авторитетом, и к его мнению всегда прислушивались на заседаниях научно-технического совета. А вообще, он был жизнерадостным человеком, любил пошутить, и, если не знать, что после рабочего дня он не выйдет за ограду, никто бы не подумал, что он осужденный. Помню, как-то мы вместе с Терменом за пару дней собрали терменвокс, и он выступил перед большой аудиторией с концертом. У нас в лаборатории почти всегда работали приемные устройства, принимающие музыкальные передачи. Он любил комментировать то, что слушал, поясняя нам те или иные фрагменты симфоний. Кроме того, он живо интересовался тем, что происходит в мире. Во время войны все радиоприемники у населения были изъяты, но мы могли слушать зарубежные радиостанции, и я даже переводил ему с немецкого.

И вот что важно. Лев Сергеевич никогда ничего не рассчитывал, а просто благодаря своей интуиции выдавал правильные решения. В радиотехнической практике это, пожалуй, правильно, и я практически всегда следовал в дальнейшей работе этому принципу»⁴⁷.

Для нужд армии в радиолаборатории был разработан электроемкостный дистанционный взрыватель, который позволял произвести подрыв авиабомбы на расстоянии 1–3 м от поверхности земли, что существенно увеличивало ее поражающую способность. Вся аппаратура устанавливалась на стандартные бомбы непосредственно перед вылетом самолета и не требовала никакой дополнительной регулировки. Похожие дистанционные взрыватели устанавливались на фугасных минах и диверсионных взрывных устройствах.

В интересах контрразведывательных подразделений разрабатывалась и выпускалась сериями вся необходимая Народному комиссариату государственной безопасности (НКГБ) аппаратура для слежки за конспиративными радиостанциями противника и для обнаружения их местонахождения.

Для Красной армии в 1943 г. была разработана и передана в производство радиостанция для внутриармейской радиосвязи «Марс».

---

⁴⁷ Мозохин О.Б., Бычков В.Н., Бузо Л.Н. Спецтехника на защите государства... С. 62–63, 67.

6 апреля 1944 г. разрабатывается Положение о лабораториях 4-го спецотдела НКВД СССР. Приказом НКВД был определен статус лабораторий, структура кадрового состава, организация труда, правила финансирования. За лабораториями закрепился статус научно-исследовательских подразделений, проводящих научно-исследовательские и экспериментальные работы в области техники – оперативно-чекистской и военной.

В радиолaborатории в это время работали 26 инженеров, 39 техников и 64 чел. на производстве. К работам в лаборатории была привлечена значительная группа высококвалифицированных специалистов и научных работников из числа заключенных. Там трудились 29 заключенных, в числе которых 13 инженеров были выдающимися специалистами в различных областях.

Опыт применения труда заключенных специалистов в радиолaborатории демонстрировал весьма положительные результаты. Кроме того, опыт их деятельности в других местах давал возможность вносить в жизнь лаборатории методику и приемы других лабораторий, где работали эти специалисты до заключения⁴⁸.

28 мая 1946 г. заместитель начальника 4-го спецотдела полковник Ф.Ф. Железов писал, что использование в лабораториях МГБ СССР заключенных необходимо, т.к. это – основной научно-технический персонал лабораторий и без него невозможно выполнение серьезных, научно-технических работ. Необходимо отметить, что многие осужденные за добросовестное отношение к работе досрочно освобождались из заключения.

8 февраля 1951 г. министр внутренних дел С.Н. Круглов в записке И.В. Сталину сообщал, что заключенным специалистом А.С. Абрамсоном в 1947 г. была предложена новая, оригинальная схема экономичного карбюратора для автомобильных двигателей, получившая в процессе экспертизы положительную оценку со стороны видных специалистов советской автомобильной промышленности. Проведенные испытания показали, что средняя экономия горючего составляла 10,9%. Наряду с экономичностью карбюраторы были просты в обслуживании, легко запускались и значительно улучшали тяговые качества двигателя. Экономия горючего на машинах, использовавших новый карбюратор, в 1950 г. составила более 100 тыс. т. В связи с успешным внедрением в производство этого карбюратора Министерство автомобильной и тракторной промышленности и Министерство внутренних дел СССР представили эту работу на соискание Сталинской премии.

Учитывая добросовестную работу заключенного Абрамсона по созданию экономичного карбюратора, МВД ходатайствовало о сокращении ему срока наказания на два года и на год – инженерам-конструкторам М.Г. Арджеванидзе и Г.Н. Цветкову⁴⁹.

В августе 1951 г. произошла смена руководства. Министром государственной безопасности был назначен С.Д. Игнатъев. Во время сдачи-приема дел от В.С. Абакумова провели ревизию всех подразделений МГБ СССР. 21 сентября 1951 г. Игнатъев поручил произвести проверку работы Отдела оперативной

⁴⁸ Мозохин О.Б., Бычков В.Н., Бузо Л.Н. Спецтехника на защите государства... С. 83.

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 143. Л. 63–65.

техники. В марте 1952 г. она была закончена. В приказе МГБ СССР отмечалась масса серьезных недостатков в работе. Один из них — порочная практика широкого использования труда заключенных, при этом не только квалифицированных специалистов, но и лиц низкой квалификации.

После смерти И. В. Сталина использование в органах госбезопасности труда заключенных специалистов постепенно сошло на нет. В соответствии с постановлением Совета министров СССР (№ 863) от 4 мая 1955 г. председатель КГБ при Совете министров СССР И. А. Серов 17 августа 1955 г. подписал приказ о создании на базе Центрального научно-технического бюро 5-го спецотдела — Центрального научно-исследовательского института специальной техники. Общая штатная численность его была утверждена в количестве 936 сотрудников и 300 чел. спецконтингента (с последующей заменой их штатным составом). Это было последним упоминанием об использовании заключенных в каких-либо научных проектах.

* * *

В конструкторских бюро органов государственной безопасности в 1930—1950 гг. работали многие выдающиеся деятели науки и техники, о которых немало написано в последние годы. Они внесли большой вклад в развитие обороноспособности СССР. Во многом благодаря их труду были созданы новейшие виды вооружения и техники, которые показали себя с наилучшей стороны как в мирное время, так и на полях сражений в годы Великой Отечественной войны.

Библиография

- Зорохович А. А.* В «шарашке» // ...Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошел ад репрессий / сост. Л. М. Гурвич. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 199—219.
- Мозохин О. Б., Бычков В. Н., Бузо Л. Н.* Спецтехника на защите государства (История становления и развития спецслужб и их технического обеспечения). М.: Граница, 2004. 135 с.
- Мозохин О. Б.* Как появились «шарашки»? // Преподавание истории в школе. 2008. № 7. С. 45—48.
- Мозохин О. Б.* Использование труда осужденных специалистов органами государственной безопасности в 1930-х — начале 1950-х гг. // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М.: Кучково поле, 2008. С. 103—129.
- Мозохин О. Б.* Ходатайства ОГПУ о досрочном освобождении отличившихся заключенных «шарашек» // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века (к 75-летию Великой Победы): материалы XXIII междунар. науч. конф. (Москва, 5—6 декабря 2019 г.). М.: Изд-во «Фронткнига», 2019. С. 172—179.
- Плеханов А. М.* Особое техническое бюро ОГПУ—НКВД—МВД СССР // Большая российская энциклопедия: [в 30 т.] Т. 24: Океанариум — Оясио / [науч.-ред. совет: пред. Ю. С. Осипов]. М.: Большая рос. энцикл., 2014. С. 564.
- Ровенский Г. В., Чернушич А. П., Эльснер Х.* Немецкие специалисты во Фрязино. 1946—1952. Фрязино: Клуб «Историк», 2011. 116 с.
- Самуэльсон Л.* «Шарашки» — сталинские спецтюрьмы для ученых, конструкторов и инженеров. Специфические репрессии против технической интеллигенции, 1920—1940-е гг. // История сталинизма: принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы междунар. науч. конф., Москва, 28—29 октября 2011 г. / [отв. ред. Л. И. Бородин, С. А. Красильников, О. В. Хлевнюк]. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. С. 155—169.
- Соболев Д. А.* Репрессии в советской авиапромышленности // ВИЕТ. 2000. № 4. С. 44—58.

История советской экономики

Голицын Ю.П.*

Наркомат торговли и промышленности весной и летом 1918 г. (по воспоминаниям А.А. Бормана)

Аннотация. Статья основана на неопубликованных воспоминаниях Аркадия Альфредовича Бормана (сына известной общественной деятельницы и члена ЦК конституционно-демократической партии А.В. Тырковой-Вильямс), хранящихся в фонде Р-5881 «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов» Государственного архива Российской Федерации. Будучи белогвардейским агентом, А. Борман около полугода работал в аппарате Наркомата торговли и промышленности (НКТП) РСФСР. Некоторые сюжеты, связанные с деятельностью этого наркомата, отражены в данном исследовании. В частности представлены состав и организация работы первых советских чиновников; введение монополии внешней торговли; участие А. Бормана как эксперта в подготовке и проведении советско-украинских переговоров летом 1918 г. в Курске и Киеве; прием и переговоры НКТП с украинско-германской торговой делегацией и английской неофициальной миссией в июне-июле 1918 г. в Москве.

Ключевые слова: НКТП; подготовка советской делегации в Москве и Курске к советско-украинским переговорам весной 1918 г.; ход переговоров между РСФСР и УНР в Киеве летом 1918 г.; переговоры советской и украинско-германской делегаций в Москве; встреча представителей НКТП и английской миссии; М.Г. Бронский, А.И. Ашупп-Ильзен, Х.Г. Раковский, И.В. Сталин, П.Б. Струве, Л. Уркварт.

События 1918 г. в Советской России многократно становились предметом научного изучения. В тысячах книг и статей, казалось бы, подробно исследованы все перипетии внешней и внутренней политики страны. Однако научных работ, посвященных начальному этапу работы советского аппарата управления, в том числе деятельности отдельных финансово-экономических органов, достаточно мало¹. Возможно, это связано с тем, что в научный оборот введено не так много документов, в том числе и воспоминаний людей, работавших в советском правительстве (СНК РСФСР) в первые годы его деятельности. Самыми известными и наиболее используемыми в русскоязычных исторических исследованиях о первых годах работы Совнаркома являются мемуары Г.А. Соломона (Исецкого)² и М.Я. Лазерсона³. Есть также воспоминания других «невозвращенцев» и эмигрантов, но все они написаны людьми, сначала до-

* Голицын Юрий Петрович — кандидат исторических наук, руководитель направления по истории финансового рынка ПАО «Московская биржа», golitsyn57@mail.ru

¹ Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности (очерки истории ВСНХ. 1917–1932 гг.). М., 1966; Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата: Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 — январь 1918. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1967; Смиртюков М.С. Советский государственный аппарат управления: Вопросы организации и деятельности центральных органов. М., 1984.

² Соломон Г.А. Среди красных вождей. Личные воспоминания о пережитом и виденном на советской службе. Т. 1–2. Париж, 1930. В последние годы этот труд неоднократно выпускали различные российские издательства.

³ Ларсонс М.Я.: 1) На советской службе. Записки спеца. Париж, 1930; 2) В советском лабиринте. Эпизоды и силуэты. Париж, 1932.

бросовестно работавшими в советских структурах и лишь затем по разным причинам их покинувшими.

Совершенно противоположное отношение к советской власти демонстрирует Аркадий Альфредович Борман, чьи воспоминания легли в основу настоящей статьи. Во-первых, он был белогвардейским агентом. Во-вторых, с апреля по ноябрь 1918 г. считался одним из ведущих сотрудников Наркомата торговли и промышленности (НКТП) РСФСР, занимая достаточно высокую должность начальника отдела внешней торговли и присутствуя даже на заседаниях Совнаркома. В-третьих, Борман, будучи интеллектуалом и членом кадетской партии, очень не любил (мягко говоря) большевиков и советскую власть. О чувствах, которые он испытывал, работая в аппарате советского правительства, наиболее ярко свидетельствует его следующее высказывание: «...Большевики производили на меня впечатление людей совсем другого измерения <...>. Если встать на эту, совершенно чуждую для большинства людей плоскость или перестроить ход своих мыслей на это измерение, то тогда все поступки коммунистов будут казаться довольно логичными. Но это-то измерение для нормального человека должно казаться совершенно уродливым»⁴.

Аркадий Альфредович Борман родился в Петербурге в 1891 г. Его отцом был инженер-кораблестроитель Альфред Николаевич Борман, член известной петербургской немецкой купеческой семьи. Матерью стала Ариадна Владимировна Тыркова (во втором браке — Вильямс), представительница старинной дворянской провинциальной фамилии, позднее член ЦК партии кадетов и долгое время единственная женщина в его составе⁵. Они поженились в 1890 г. От этого брака родились сын Аркадий и дочь Софья. Через семь лет супруги развелись⁶.

Осенью 1910 г. Аркадий поступил в Санкт-Петербургский университет, но в 1914 г. началась Первая мировая война, и вместо обучения на последнем курсе он добровольно стал работать в санитарном отряде на фронте. Выпускные экзамены в университете А. Борман сдавал «по специальному разрешению» весной 1916 г., приехав из действующей армии⁷. В дни Февральской революции 1917 г. он был в Петрограде вместе с матерью — помогал ей заниматься благотворительностью и работать в ЦК кадетской партии. Летом 1917 г. Аркадий не только активно помогал матери избираться в Петроградскую городскую думу, но и сам в этих выборах участвовал⁸. После неудачных для кадетов выборов в Учредительное собрание А. Борман уехал из Петрограда в Новочеркасск, где начиналось формирование Белой армии.

В марте 1918 г. А. Борман приехал в Москву и некоторое время жил в семье П. Струве, который также в это время нелегально вернулся с Дона. Вско-

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 54.

⁵ А.В. Тыркова-Вильямс была не только единственной женщиной в кадетском ЦК до 1917 г., ее называли «единственным мужчиной» в партии кадетов. См.: Янгиров Р.М. Против течения: Николай Бердяев и его спор с Белым делом о России // Отечественные записки. 2007. № 3. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1922_tyrkova.htm.

⁶ Борман А.А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям ее сына. Вашингтон, 1964. С. 29.

⁷ Борман А. Университет // Новое русское слово. 1968. 25 августа.

⁸ Борман А.А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам... С. 132.

ре Аркадий поступил на советскую службу и достаточно близко сошелся с некоторыми большевистскими руководителями, присутствовал на нескольких заседаниях Совнаркома, вошел в состав советской делегации на российско-украинских переговорах летом 1918 г., позднее занял должность начальника отдела внешней торговли Наркомата торговли и промышленности. В период работы А.А. Борман тесно общался с известными большевиками — М. Bronским, Х. Раковским, Д. Мануильским, И. Сталиным, К. Радеком. Им он дал в мемуарах интересные характеристики, которые значительно отличались от уже имевшихся в литературе. Перед одним из заседаний Совнаркома Борман был представлен его председателю В.И. Ленину.

Характерно, что в своих воспоминаниях Борман нигде не пишет о том, какой организации он передавал из Киева полученные сведения. Лишь однажды он обмолвился, что просил одного из экспертов «передавать <...> разговоры с Раковским для осведомления центра»⁹. Можно предположить, что «центром» была одна из антисоветских организаций в Москве, где в 1918 г. действовали две подпольные структуры со словом «центр» в названии, — «Правый центр» и «Национальный центр». В обеих организациях ведущую роль играли представители кадетской партии, с которой Борман тесно сотрудничал. Но если «Правый центр» ориентировался в своей деятельности на Германию, то «Национальный» — на англо-франко-американскую коалицию. Кроме того, «Национальный центр» поддерживал отношения с «белыми» генералами на Юге России, и летом 1918 г. группа его руководителей выехала в Добровольческую армию, образовав там отделение «Национального центра». Принимая во внимание неоднократные сожаления автора текста по поводу трагического для России выхода из Первой мировой войны и симпатии по отношению к союзникам, а также приезд самого автора в Москву из Добровольческой армии, можно утверждать, что Аркадий Альфредович сотрудничал именно с «Национальным центром».

Летом 1918 г. А. Борман получил задание переправить за границу П. Струве. По первоначальному замыслу Борман должен был по документам Наркомата торговли и промышленности организовать служебную командировку на Север России (здесь уже находились английские войска), взяв с собой в качестве «личного секретаря» Струве, для которого был подготовлен украинский паспорт на имя Николая Васильевича Белица. Несколько недель Борман и Струве перемещались по северным городам, побывав в Великом Устюге, Котласе, Сольвычегодске, но так и не дождались англичан. Пришлось им вновь вернуться в Петроград и уже оттуда нелегально перейти российскую границу с Финляндией¹⁰.

После бегства из России А. Борман приехал в Лондон, где начал работать в «Комитете освобождения России», ежедневно выпускавшем печатные бюллетени о положении в Советской России. Несколько статей на экономические темы, в которых показывалось, «как большевики разрушают все, к чему они прикасаются», написал и Аркадий Борман¹¹.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 22.

¹⁰ *Пайнс Р.* Струве. Биография: в 2 т. Т. 2: Струве: правый либерал, 1905–1944. М., 2001. С. 331, 337–338.

¹¹ *Борман А.* В Лондоне в 1918 году: из воспоминаний // Новое Русское Слово. 1969. 2 сентября.

В сентябре 1919 г. А. Борман и А. Тыркова-Вильямс вернулись на Юг России. Аркадий стал помощником П. Струве, который с октября возглавил редакцию газеты «Великая Россия» и вошел в члены Особого совещания при генерале А.И. Деникине. В начале марта 1920 г. Борман и Струве второй раз вместе покинули Россию. Но если Струве еще возвращался на родину, то Борман больше там не был.

В начале 1920-х гг. Аркадий Альфредович жил в Лондоне, днем служил в английской финансовой компании, а вечером работал в редакции газеты «The Daily Telegraph». Весной 1925 г. П. Струве предложил ему переехать в Париж и стать секретарем газеты «Возрождение». После ухода Струве из редакции в 1927 г. Борман остался в газете, после чего их отношения прекратились¹².

Во время Второй мировой войны семья А. Бормана и его мать жили во Франции. В марте 1951 г. они переехали в США, сначала в Нью-Йорк, а через несколько лет – в Вашингтон. Переезд был связан с началом работы Бормана на радиостанции «Голос Америки», где затем он трудился в русской редакции 13 лет¹³. На протяжении 1960-х гг. Борман публиковался в различных эмигрантских газетах и журналах. В 1964 г. вышла его книга о матери – «А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям ее сына»¹⁴.

После смерти Аркадия Альфредовича 20 мая 1974 г. газета «Новое русское слово», где он много лет печатался, поместила некролог. В нем отмечалось, что его статьи были написаны простым языком и «всегда отличались твердостью антикоммунистических взглядов автора, его гуманностью и моральной честностью»¹⁵. А.А. Борман похоронили на кладбище Рок-Крик, в штате Мериленд, рядом с матерью и дочерью.

Сегодня известно два варианта мемуаров А. Бормана. Первый находится в фонде Р-5881 «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов» Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)¹⁶. Общий объем записок составляет 95 машинописных страниц с авторскими правками. Второй (гораздо более полный) вариант хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета¹⁷. О нем стало известно не так давно из работ Р. Пайпса и А.С. Пученкова¹⁸.

Первый вариант своих записок «В стане врагов. Воспоминания о Советской стране в период 1918 года» А. Борман написал, вероятно, в конце 1920-х гг. Ориентирами для датировки может служить как упоминание в тексте впервые опубликованного в Германии романа Э.-М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» (1928), так и фраза: «большевики существуют более две-

¹² Борман А. Из воспоминаний о П.Б. Струве // Там же. 8 сентября.

¹³ См.: URL: <https://fantlab.ru/forum/forum15page2/topic7545page102>.

¹⁴ Борман А.А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам...

¹⁵ Некролог // Новое Русское Слово. 1974. 22 мая.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–95.

¹⁷ Columbia University Libraries. Manuscript Collections. Bakhtmeteff Archive (BAR). General manuscripts collection. Arranged В (4). А.А. Borman «Vospominaniia». Р. 1–125.

¹⁸ Пайпс Р. Струве. Биография / пер. с англ. Т. 2; Пученков А.С.: 1) Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб., 2013; 2) Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб., 2021.

надцати лет»¹⁹ (1929–1930). Первоначально записки хранились в Русском заграничном историческом архиве в Праге, который был основан российскими эмигрантами в 1923 г., и до Второй мировой войны являлся самым большим центром сбора информации от российских эмигрантов. В 1945 г. этот архив передали Советскому Союзу – в ГА РФ, но до 1988 г. материал был недоступен для исследователей.

В советской историографии нет упоминаний о каком-либо белогвардейском агенте в революционном правительстве. В «Красной книге ВЧК» (1920) есть лишь туманная строка: «...они (контрреволюционеры. – Ю.Г.) приобретают осведомителя в Кремле, в кругу Совнаркома, из близко ему стоявших лиц»²⁰.

Впервые отрывки из хранящихся в ГА РФ воспоминаний А. Бормана были опубликованы В.Г. Бортневским и Е.Л. Варустиной в начале 1990-х гг.²¹ К сожалению, эти материалы были неполными и опубликованы в не самых известных изданиях. Возможно, поэтому об этих мемуарах редко упоминают отечественные историки.

В данной статье использован первый вариант воспоминаний А. Бормана, хранящийся в ГА РФ. Кроме того, привлечены различные материалы из фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ), дополняющие некоторые страницы этих мемуаров.

Находящиеся в РГАЭ документы подтверждают факт службы А. Бормана в Наркомате торговли и промышленности. В архиве находится его личное дело²². Также имя мемуариста встречается в протоколах проходивших в Кремле заседаний Особого совещания по товарообмену между Россией, Украиной и Германией (июнь 1918 г.)²³.

В то же время интересно, что перед службой в НКТП Аркадий Альфредович, возможно, успел поработать в Моссовете. По крайней мере, в докладе представителя ВЧК и постановлении совместного заседания президиума Моссовета и Совнаркома Москвы и Московской обл. о разоружении анархистов 16 апреля 1918 г. А. Борман упоминается в должности заведующего хозяйственным отделом Моссовета²⁴. Но в мемуарах об этом ничего не сказано.

Начало своей работы в советских управленческих структурах в Москве А. Борман связывает со случайной встречей с А.И. Ашупп-Ильзеным²⁵. Это

---

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 62, 83.

²⁰ Красная книга ВЧК / науч. ред. А.С. Велидова. 2-е изд. Т. I. М., 1989. С. 120.

²¹ В стане врагов. Москва 1918 года глазами белогвардейского агента / публ. подг. В. Бортневский и Е. Варустина // Единство (региональная газета ленинградских профессиональных союзов). 1990. № 1 (17 мая). С. 8; *Борман А.А.* Москва – 1918 (Из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 1. СПб., 1991. С. 115–149.

²² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 8. Д. 466.

²³ Там же. Оп.2. Д. 47. Л. 15–16; Д. 87. Л. 8.

²⁴ Правда, в документах не указаны имя и отчество Бормана, но составители сборника считают, что речь идет именно об Аркадии Альфредовиче, сыне А.В. Тырковой-Вильямс. См.: Боевой восемнадцатый год: сб. документов и воспоминаний / под ред. Я.В. Леонтьева. М., 2018. С. 514, 547.

²⁵ Написание этой фамилии в различных источниках отличается. В записках Бормана – «Ашуб» или «Ашуб-Ильзен». В данной статье используется более распространенное в исторических

был его знакомый по Земскому союзу²⁶, который и пригласил Аркадия на работу в НКТП²⁷. Точная дата этой встречи неизвестна. Вероятно, она состоялась в конце марта – начале апреля 1918 г., когда Борман из Новочеркаска приехал в Москву. Сам он пишет, что прибыл в новую столицу во второй половине марта 1918 г.

Об А.И. Ашупп-Ильзене можно найти только самые общие сведения²⁸, тем интереснее тот портрет, который нарисовал А. Борман. По его словам, «Альфред Иванович Ашуб (может быть Ашуп) Ильзен являлся очень типичной фигурой для того времени <...> Ему было под сорок лет, энергичный, начитанный. Он называл себя с.д. меньшевиком и утверждал, что долгое время был в эмиграции, но никогда не говорил, что заставило его эмигрировать. На еврея он не был похож, передавали, что он латыш²⁹ и чуть ли не сын генерала. Никогда ни одного слова о благе России от него я не слышал, как не слышал впрочем, и коммунистических разглагольствований. Во время войны он служил в Земском Союзе на Западном фронте, занимал там какой-то административный пост и был на хорошем счету у начальства <...>. После Февральской революции Ашуб поступил в Министерство Труда³⁰, где занимал должность библиотекаря. Он уверял меня, что принимал деятельное участие в забастовке чиновников³¹, но потом увидел, что ничего не выходит и отошел от этого движения»³².

То, что подобные настроения были распространены достаточно широко, подтверждает другой советский чиновник – А. Гурович. Как написал он в вос-

---

источниках и литературе написание. См.: Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922: документы и материалы. М., 1996.

²⁶ Всероссийский земский союз (Земгор) был основан в Москве 30 июля 1914 г. на съезде уполномоченных губернских земств. Основная задача организации – благотворительная помощь «семьям лиц, призванных в армию на время военных действий». Впоследствии Земгор стал заниматься вопросами снабжения армии и мобилизации мелкой, средней и кустарной промышленности. В 1917 г. он поддерживал Временное правительство. После Октябрьской революции служащие Земгора приняли участие во Всероссийской забастовке чиновников, а 18 марта 1918 г. по постановлению ВСНХ организация была распущена.

²⁷ Народный комиссариат торговли и промышленности был учрежден декретом II Всероссийского съезда Советов «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства» от 26 октября (8 ноября) 1917 г., в числе других государственных органов «для управления страной, впредь до созыва Учредительного Собрания». См.: Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 20.

²⁸ Ашупп-Ильзен (Ашуб-Ильзен) Алексей Иванович (1885–1937) – основатель марксистских кружков в Риге, член РСДРП с 1902 г. По некоторым данным, доктор экономики Цюрихского университета (Швейцария); в 1918 г. – особо уполномоченный НКТП РСФСР, впоследствии – заместитель наркома торговли и промышленности Украинской ССР. В сентябре (по другим сведениям, в июне) 1937 г. арестован за «участие в террористической организации», на момент ареста работал старшим консультантом во Всесоюзной государственной санитарной инспекции Наркомата здравоохранения СССР. Расстрелян в сентябре 1937 г. (по другим сведениям, в 1939 г.), реабилитирован в 1956 г. См.: Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками...; *Ильзен-Туткова Ю.* Зимняя «прогулка» в Темниковские лагеря. URL: <http://www.zubova-poliana.narod.ru/me-ocherk-dubravlag9991.htm>.

²⁹ По некоторым сведениям, Ашупп-Ильзен был немцем.

³⁰ Министерство труда Временного правительства России было образовано 5 мая 1917 г., а 25 октября – упразднено.

³¹ Забастовка чиновников 1917–1918 гг. – принятое в советской исторической литературе наименование одной из форм борьбы против советской власти, была прекращена весной 1918 г.

³² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 4.

поминаниях, весной 1918 г. «стало очевидным, что методы саботажа как орудие политической борьбы оказались не достигающими цели». В то же время «многие видные общественные деятели <...> стали склоняться к тому взгляду, что отказ от службы у большевистского правительства — ошибка, ибо он отдаст страну всецело в жертву невежественным “самодельным” чиновникам нового режима, от невежественности же этой проистекает зло не меньшее, чем от самого направления коммунистической политики»³³.

В итоге многие специалисты, не поддерживавшие большевиков, шли работать в советские органы управления.

НКТП размещался в то время в Москве, на ул. Ильинка, занимая «помещение какого-то банка (Ильинка, 21)»³⁴. И это было неслучайно. В начале XX в. крупнейшие московские банки и финансовые компании находились на этой улице, и здесь же после переезда в марте 1918 г. в Москву советского правительства разместился Наркомат финансов.

Непосредственное знакомство с повседневной работой Наркомторгпрома А. Борман начал с характеристики своего нового руководителя, т.к. в первый же рабочий день Ашупп-Ильзен повел его к исполняющему обязанности комиссара М.Г. Бронскому. Отметим, что первым наркомом торговли и промышленности сразу после Октябрьской революции был избран В.П. Ногин. Однако уже через 10 дней после назначения он вместе с некоторыми другими наркомами в знак протеста вышел из состава СНК³⁵. В результате в течение всего 1918 г. один из важнейших экономических наркоматов оставался без формального руководителя. Фактически же первым лицом был товарищ (заместитель) наркома М. Бронский, которого Совнарком лишь на заседании 18 марта 1918 г. назначил исполняющим обязанности наркома.

Об этом человеке, хотя он возглавлял один из основных наркоматов в очень непростой период, также известно немного³⁶. Борман дает Бронскому достаточно подробную характеристику: «Это был человек средних лет, одетый по-европейски. На первый взгляд его трудно было принять за революционера, за друга Ленина. Он был еврей, но ни в его внешности, ни в говоре ничего специфически еврейского не было. Зато польская культура сказывалась во всем, да и говорить он предпочитал по-польски. Сын лодзинского фабриканта, он учился за границей и получил докторат в Цюрихском университете. Не знаю, где и когда он встретился с Лениным, но был с ним очень дружен, считал за учителя и даже, кажется, в Россию приехал в запломбированном вагоне. Я до сих пор не понимаю, почему Ленин его выдвинул и поставил, правда, временно, но все же во главе одного из центральных ведомств. В нем не было никаких административных способностей и, к счастью для меня, он совер-

---

³³ См.: *Гурович А.* Высший Совет Народного хозяйства. Из впечатлений года службы // Архив русской революции: в XXII т. Т. VI. М., 1991. С. 306.

³⁴ По этому адресу (Москва, ул. Ильинка, д. 21–23) до революции находилось Северное страховое общество — одна из крупнейших страховых компаний дореволюционной России.

³⁵ Первое Советское правительство. Октябрь 1917 — июль 1918 / науч. ред. А.П. Ненароков. М., 1991. С. 168–169.

³⁶ Подробнее см.: *Соколов А.С.* Ученый-экономист М.Г. Бронский (1882–1938 гг.) // Поляки в истории российской провинции XIX–XX вв. Диалог цивилизаций. Материалы междунар. науч. конф. 18–20 мая 2010 г. Тамбов, 2010. С. 239–244.

шенно не разбирался в людях. Бронский все принимал за чистую монету и был очень доверчив и благодушен»³⁷.

Характерно, что в середине 1920-х гг. очень похожую характеристику Бронскому дал в своих воспоминаниях секретарь И.В. Сталина Б. Бажанов: «Настоящая фамилия Бронского Варшавский. Он польский еврей, очень культурный и начитанный. В старые времена был эмигрантом вместе с Лениным, занимался журналистикой. Большевистского духа у него почти нет. Административных талантов тоже никаких»³⁸. Возможно, что именно отсутствие у М.Г. Бронского административных навыков так и не позволило назначить его постоянным наркомом.

По итогам первой беседы с Бронским Борман был «сразу же назначен секретарем отдела внешней торговли»³⁹. Вот как он описывает непосредственно состав и работу аппарата НКТП весной 1918 г., когда только начал в нем работать: «У большевиков не хватало своих людей для заполнения всех мест в комиссариатах, они даже не могли производить строгую проверку всех лиц, поступающих к ним на службу. Все учреждения были переполнены контрреволюционерами»⁴⁰. Конечно, последняя фраза — явное преувеличение, но некоторые случаи исследователям сегодня известны. Например, в Главном управлении сахарной промышленности ВСНХ почти полтора года по заданию генерала М.В. Алексеева работал Н.Ф. Иконников, сумевший за это время переправить в Добровольческую армию более 2000 чел.⁴¹

А вот то, что «от старого министерства не осталось почти никакого следа» и «почти никто из старых чиновников не остался служить большевикам»⁴², очень точно отражает ситуацию, сложившуюся в государственных структурах весной 1918 г. В то время еще продолжалась забастовка чиновников, банкиров и других служащих, которая началась сразу после Октябрьской революции. В ней приняли участие свыше 40 тыс. служащих и чиновников. Для поддержки бастовавших был создан специальный денежный фонд, из этих денег бастовавшим чиновникам выплатили жалованье за два месяца вперед. Советское правительство, со своей стороны, приняло решительные меры: 1 ноября прекращена выдача заработной платы служащим государственных учреждений, не приступившим к работе; 26 ноября «злостные саботажники» объявлены врагами народа; в ночь на 29 ноября организаторы забастовки арестованы. В начале марта 1918 г. всех арестованных, давших подписки о прекращении контрреволюционного саботажа, освободили, т.к. советское правительство все-таки стремилось привлечь на свою сторону специалистов и служащих⁴³.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 6–7; *Борман А.А.* Москва — 1918... С. 118.

³⁸ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 82–83.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 6; *Борман А.А.* Москва — 1918... С. 119.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 2; *Борман А.А.* Москва — 1918... С. 117.

⁴¹ Подробнее см.: *Иконников Н.Ф.* Пятьсот дней: секретная служба в тылу большевиков 1918–1919 гг. / введ. ст. и коммент. В.Г. Бортневского // Русское прошлое: историко-революционный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 43–115.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 5; *Борман А.А.* Москва — 1918... С. 118–119.

⁴³ *Голинков Д.Л.* Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России 1917–1924 гг.). М., 1971. С. 34–48; *Соколов Е.Н.* Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 — август 1918 гг.). Рязань, 2008. С. 15–37.

Борман подчеркивает, что «в комиссариате тогда было около ста служащих, по большей части это были люди совершенно невежественные, за исключением старых чиновников из различных ведомств. <...> В общем, никто ничего не делал, не говоря, впрочем, о кассире, аккуратно тогда еще платившем служащим деньги. Да и трудно было что-либо делать, когда между отдельными ведомствами все время шли переговоры и споры о разграничении функций. Наш комиссариат вел препирательства главным образом с Высшим Советом Народного Хозяйства»⁴⁴.

Подобное же представление о работе советских учреждений в первый год советской власти можно получить из воспоминаний еще одного чиновника, работавшего в то время в Наркомате юстиции: «В самом комиссариате никакого порядка не существовало. Порой невозможно было добиться, куда поступила та или иная бумага. По содержанию она должна была бы находиться в гражданском отделении, а оказывалась в уголовном или административном. Весь комиссариат плыл по течению, занимаясь теми делами, которые попадали в него волею случая, и не обращая никакого внимания на то, что творилось вокруг него, если оно не задевало его каким-нибудь прошением, жалобой и т.п. Ни одно из большевистских учреждений не понимало в точности существа своих функций и не желало знать пределов своей власти, считая себя наиболее важным и самодовлеющим»⁴⁵.

Борман отметил еще одну интересную для переходного времени черту. «Большая часть советских служащих относилась к большевикам отрицательно, критиковала и осуждала их. <...> Но, попав на службу и “устроившись”, обыватель довольно быстро менялся и начинал опасаться, как бы не было хуже в случае новых перемен. <...> Рассуждение было самое примитивное: лучше пусть остается то, что есть, а то и этого не будет. Продовольственные подачки действовали далеко не только на одних рабочих»⁴⁶. Подобные настроения и «рассуждения» отражены и в современных исследованиях, где отмечается, что во многих случаях «большевизация» общества начиналась с «деловых» (в любом виде) отношений с новым режимом. А вступая в такие отношения, вовлекаясь в новый порядок, самые разные слои населения становились его частью, воспринимали его язык, ритуалы, приспособлялись внешне и внутренне»⁴⁷.

Характерно, что и осенью 1918 г. организация работы в НКТП не слишком изменилась. Об этом красноречиво свидетельствует циркуляр М. Бронского от 1 октября 1918 г.: «При моем посещении Ликвидационного Отдела»⁴⁸ в понедельник 30-го сентября в 1 час дня – представилась мне картина полного развала и бездействия данного Отдела. Советское учреждение, имеющее

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 7–8; *Борман А.А.* Москва – 1918... С. 119.

⁴⁵ *Майер Н.* Служба в комиссариате юстиции и в народном суде // Архив русской революции. Т. VIII. М., 1991. С. 69–70.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 82–83; *Борман А.А.* Москва – 1918... С. 140.

⁴⁷ *Яров С.В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. С. 33–34.

⁴⁸ Ликвидационный отдел был образован при Наркомате торговли и промышленности 2 июля 1918 г. для проведения расчетов с Германией в соответствии с условиями Брест-Литовского мирного договора.

пред собой колоссальной важности и ответственности задачу производства расчета и ликвидации взаимных обязательств воевавших между собою стран, задачу защиты интересов народного достоинства пред требованиями германо-австрийского империализма производило впечатление царской канцелярии с безответственными и бессовестными, убивающими время, чиновниками 20-го числа.

Из нескольких десятков сотрудников всего-навсего, нашлось несколько человек фактически работавших. Все остальные — или явно и определенно ничего не делали — либо прикрывали свое бездействие каким-то никому ненужным или вымышленным времяпрепровождением. При этом большая часть ответственных сотрудников не оказалась даже на своих местах»⁴⁹.

Интересно употребление Бронским выражения о «чиновниках 20-го числа». Можно предположить два варианта объяснений. Во-первых, он мог иметь в виду день выплаты жалованья и соответственно упрекал своих сотрудников в их желании жить, ничего не делая, от зарплаты до зарплаты⁵⁰. Во-вторых, это могла быть отсылка к рангам (классности) чиновников (введены Петром I в «Табели о рангах» в 1722 г.). Упомянув 20-е число (ранг), Бронский, вероятно, хотел подчеркнуть, что сотрудники наркомата по своей компетентности — гораздо ниже самого нижнего уровня.

Вскоре после начала работы А. Бормана в Наркомате («может быть, через неделю или через две») Бронский пригласил его в гостиницу «Метрополь» (где в то время жили многие советские руководители. — Ю.Г.) для обсуждения законопроекта о монополии внешней торговли, в тот период «два учреждения хотели захватить <...> в свое ведение внешнюю торговлю — ВСНХ и Комиссариат торговли». По словам Бормана, «Бронский первый успел забежать к Ленину, и ему было поручено составить проект декрета о монополии внешней торговли. Первое заседание по этому вопросу происходило в номере Бронского в гостинице «Метрополь». Присутствовали на нем, кроме Бронского, Ашуб, я и еще человека четыре из комиссариата, в торговле также ничего не понимавших, как и сам комиссар.

<...> Мы, конечно, быстро составили проект, ломавший весь существующий порядок вещей. Он был краток. Внешняя торговля объявлялась государственной монополией, и ее управление сосредоточивалось в Отделе внешней торговли Комиссариата Торговли. При этом в отделе образовался Совет Внешней Торговли, куда должны были войти представители советских ведомств, а также «буржуазных торговых организаций». Этот проект был утвержден СНК»⁵¹.

Действительно, декрет Совнаркома «О национализации внешней торговли» был принят 22 апреля 1918 г. В ст. 1 указывалось, что «Вся внешняя торговля национализируется. Торговые сделки по покупке и продаже всякого рода продуктов (добывающей, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и пр.) с иностранными государствами и отдельными торговыми

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.

⁵⁰ Эту версию выдвинул Ю.А. Петров, за что автор ему искренне благодарен.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 9–10; *Борман А.А.* Москва — 1918... С. 120.

предприятиями за границей производятся от лица Российской Республики специально на то уполномоченными органами. Помимо этих органов всякие торговые сделки с заграницей для ввоза и вывоза воспрещаются»⁵². Непосредственное государственное руководство внешней торговлей поручалось Наркомату торговли и промышленности.

Борман вспоминает, что дискуссии об организации внешней торговли продолжались вплоть до принятия декрета и что «довольно много» об этом говорили в «Метрополе» в комнате Ю. Ларина⁵³. «Завсегдатаями» у него были В.П. Милютин⁵⁴ и Г.И. Ломов⁵⁵. Много споров вызывал вопрос об участии во внешней торговле частных лиц и организаций. Борман предполагал, что к апрелю 1918 г. у большевиков еще не сформировалось решения окончательно и радикально расправиться с частной торговлей. При этом, по словам Бормана, Ломов рассказывал, что в беседах с ним Ленин много говорил об участии частных лиц во внешней торговле. Постоянно спорили также о функциях отдельных учреждений. Каждый хотел «оттягать себе побольше»⁵⁶. Видимо, неслучайно в тексте декрета, помимо точного указания «органа, ведающего национализированной внешней торговлей», указывается на необходимость создания при нем Совета внешней торговли, куда должны были войти представители наркоматов и различных торгово-промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий и объединений как государственной, так и иных форм собственности⁵⁷.

Межведомственную борьбу НКТП с ВСНХ подтверждает и А. Гурович, служивший в 1918 г. в ВСНХ. В мемуарах он называет отношения ВСНХ со всеми комиссариатами, связанными с народным хозяйством, прежде всего, с НКТП, «неясными». По его словам, ВСНХ «проявлял весьма резкую тенденцию “съесть” эти комиссариаты, превратив их просто в своих технических советчиков или в скромных технических же исполнителей своих велений и предначертаний <...>. По отношению к комиссариату торговли и промышленности ему удалось, строго говоря, полностью осуществить эти стремления; за названным комиссариатом очень скоро осталось только “управление” внешней

⁵² Декреты Советской власти. Т. II: 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 158.

⁵³ Ларин Юрий (Лурье Михаил Зальманович; 1882–1932) – до августа 1917 г. меньшевик, был членом исполкома Петросовета. После Октябрьской революции работал в комитетах и комиссиях ВСНХ; в 1917–1921 гг. – член президиума ВСНХ. В 1918 г. участвовал в переговорах с Германией и Украиной. Ларин являлся одним из сторонников полной ликвидации денежного обращения. Он доказывал необходимость скорейшего перехода к прямому распределению благ и услуг, высмеивал коммерческий расчет и сводную торговлю. Подробнее см.: *Филоненко А.Л.* Время Ю. Ларина. СПб., 1996.

⁵⁴ Милютин Владимир Павлович (1884–1937) – член партии большевиков с 1910 г., советский государственный деятель, народный комиссар земледелия в первом советском правительстве; в ноябре 1917 г. – марте 1918 г. – заведующий экономическим отделом ВЦИК; 1918 г. – временно исполняющий должность председателя президиума ВСНХ РСФСР (23 марта – 3 апреля); 30 ноября 1918 г. – 28 мая 1921 г. – заместитель председателя президиума ВСНХ РСФСР, член Совета Труда и Обороны (СТО); репрессирован, реабилитирован.

⁵⁵ Ломов (Оппоков) Георгий Ипполитович (1888–1938) – российский и советский партийный и государственный деятель, член партии большевиков с 1903 г.; в 1918–1923 гг. – член Президиума и заместитель председателя ВСНХ; репрессирован, реабилитирован.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 13; *Борман А.А.* Москва – 1918... С. 122–123.

⁵⁷ Декреты Советской власти. Т. II. М., 1959. С. 159.

торговлей (фактически прекратившей свое существование) да сочинение законопроектов, рассматривавшихся президиумом В.С.Н.Х. или же “совнаркомом” по заключениям того же президиума»⁵⁸.

В НКТП постоянно обращались и представители различных предпринимательских объединений, т.к. многие из них продолжали свою деятельность. По словам Бормана, «большевики в то время еще не только окончательно не уничтожили “буржуазной торговой организации”, но <...> даже предполагали в какой-то степени привлечь ее к совместной работе». Действительно, выше-названные представители в 1918 г. пытались сотрудничать с советским правительством и входили в различные совещательные органы, создававшиеся при государственных структурах («Советы экспертов» при ВСНХ и Народном банке, «Бюро экспертов» при Главном нефтяном комитете ВСНХ, «Союз защиты интересов русских кредиторов и должников» при Ликвидационном отделе НКТП и др.)⁵⁹.

Вспоминает Аркадий Альфредович и то, как однажды его пригласили «на чашку чая» в Московский биржевой комитет, который продолжал свое существование, несмотря на прекращение работы биржи еще в начале Первой мировой войны. Декреты и экономическая политика советского правительства сделали официальную биржевую деятельность бессмысленной, хотя уличная торговля ценными бумагами «из рук в руки» в годы Гражданской войны, по воспоминаниям современников, велась достаточно активно⁶⁰. Московские биржевики заявили Борману, что «купечество готово лояльно работать с советской властью». Он в ответ лишь «обещал покровительство»⁶¹.

Даже после декрета от 28 июня 1918 г., в соответствии с которым была объявлена национализация крупнейших акционерных компаний, не все частные предприятия были национализированы⁶², поэтому некоторые предприни-

⁵⁸ Гурович А. Высший Совет Народного хозяйства... С. 312–313.

⁵⁹ Подробнее см.: РГАЭ. Ф. 6880. Оп. 1. Д. 30. Л. 104–104 об., 116; Голицын Ю. П. «Подвести итоги прошлому, сделать переоценку настоящего, задуматься над устройством будущего» (Съезды представителей акционерных коммерческих банков и финансовый рынок России) // Сводный устав акционерных коммерческих банков / сост. Ю. П. Голицын. М., 2019. С. 5–50.

⁶⁰ Лизунов П. В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб., 2004. С. 476–487.

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 10–11.

⁶² Декрет от 28 июня 1918 г. появился в ходе советско-германских переговоров, проходивших в Берлине летом 1918 г. На первом же заседании 10 июня советская делегация потребовала признать начавшийся в РСФСР процесс национализации. Германская сторона выразила протест по этому поводу, заявив, что «это означает полное устранение немецкого капитала из России», и согласилась считать возмещенными лишь те убытки, которые немецкие собственники понесли от национализации, проведенной до 1 июля 1918 г. В течение нескольких дней Президиум ВСНХ РСФСР подготовил списки предприятий, а 28 июня Совнарком принял декрет «О национализации ряда отраслей промышленности, предприятий в области железнодорожного транспорта, по местному благоустройству и паровых мельниц», в соответствии с которым была проведена национализация всех крупных предприятий. Осуществление этого декрета растянулось на несколько лет, но формально сроки, оговоренные с Германией, были соблюдены. Немецкая делегация выразила протест, назвав этот декрет «нелояльным», но все же признала национализацию. Подробнее см.: Декреты Советской власти. Т. II. С. 498–504; Голицын Ю. П., Петров Ю. А. Финансовое положение, февраль 1917 – осень 1918 г. // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. Т. 1. М., 2017. С. 432–434.

матели работали или старались наладить работу в новых условиях. По мнению Бормана, многим еще казалось, что большевики «могут как-то обмяться и утрамбоваться», некоторые даже пытались установить «добрые» отношения с Наркоматом торговли и промышленности.

Мемуарист отмечает, что в НКТП «довольно часто являлись купцы и промышленники за защитой», чаще всего они просили защитить их от разного рода местных налогов и контрибуций. Из наркомата на места посылались телеграммы с требованиями отмены и запрета, но как признает сам автор, «вряд ли это имело какое-нибудь значение»⁶³.

Отдельный большой сюжет Аркадий Альфредович посвятил подготовке и деятельности советской делегации, в состав которой он входил как представитель НКПТ, на российско-украинских переговорах весной и летом 1918 г.

Эти переговоры были предопределены условиями Брест-Литовского мирного договора, который был заключен 3 марта 1918 г. между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. В ст. VI договора указывалось: «Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать мирный договор между этим государством и державами Четверного союза. Территория Украины незамедлительно очищается от русских войск и русской Красной гвардии. Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства и общественных учреждений Украинской Народной республики»⁶⁴. Под правительством УНР понималась Центральная Рада⁶⁵, власть которой была восстановлена в Киеве в результате немецкого наступления весной 1918 г.

Борман достаточно подробно описывает, как случайно он попал в состав советской делегации, выезжавшей на советско-украинские переговоры. По его словам, однажды (скорее всего, в середине апреля 1918 г. — Ю.Г.) он в столовой «Метрополя» встретил Х. Раковского⁶⁶, которого «знал с детства»,

⁶³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 11.

⁶⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1918 г. М., 1957. С. 122.

⁶⁵ Украинская Центральная Рада — представительный орган украинских политических, общественных, профессиональных и культурных организаций (возник после Февраля 1917-го в России), в апреле 1917 г. провозгласила себя высшим законодательным органом на Украине. В состав Рады входили представители различных социалистических партий. На протяжении полугодия она вела переговоры с Временным правительством о национально-территориальном устройстве Украины. После Октябрьской революции Рада объявила о создании Украинской Народной Республики, отказавшись признать власть Совета народных комиссаров и начав процесс отделения Украины от России; 28 апреля 1918 г. была разогнана германским оккупационным командованием. Подробнее см.: *Михутина И.* Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007.

⁶⁶ Раковский Христиан Георгиевич (наст. фамилия Станчев, 1873—1941) — советский политический, государственный и дипломатический деятель болгарского происхождения; участник революционного движения на Балканах, во Франции, в Германии, России и на Украине. В апреле 1918 г. он возглавил делегацию РСФСР на переговорах сначала с Центральной Радой, а затем стал главой советской делегации для переговоров с правительством Скоропадского о мире и границах. Позднее возглавлял правительство Украинской ССР, занимал различные дипломатические должности. В марте 1938 г. проходил в качестве подсудимого по делу «Антисоветского правотроцкистского блока», расстрелян. Реабилитирован в 1988 г. Подробнее см.: *Мельниченко В.Е.* Раковский против Сталина. М., 1991; *Чернявский Г.И., Станчев М.Г.*,

и в первый момент «струхнул», но все обошлось. Раковскому, «видимо, не пришло в голову», что Борман мог быть белогвардейским агентом. Раковский рассказал Борману, что готовится к поездке в Курск, где должны начаться мирные переговоры с Украиной и «совершенно неожиданно предложил ехать с ним». Бронский, которому об этом сообщил Борман, сразу же назначил его представителем Наркомторгпрома, а Раковский «переименовал» в торговые эксперты⁶⁷.

В своих мемуарах Борман дает Раковскому нелестную характеристику, упоминая, что «о нем ходили различные слухи. Говорили, что он на службе у австрийцев. Кажется, румыны тоже предъявляли ему подобное обвинение, но по приезде в Россию у него все же хватило наглости посетить лиц, которых он знал семнадцать лет тому назад»⁶⁸. При этом заметим, что слухи о связях большевиков с Германией были в то время широко распространены среди всех слоев населения. Этому способствовали и активная кампания в российской и европейской печати, и следственное дело против большевистской партии, открытое Временным правительством летом 1917 г.⁶⁹ Фамилия Раковского в этом деле упоминается достаточно часто, и некоторые современные исследователи считают, что его, действительно, использовала в своих интересах разведка не только Германии, но и Австро-Венгрии⁷⁰.

Но не все были готовы признать Раковского «немецким шпионом». В августе 1917 г. в печати в его защиту открыто выступил известный писатель и общественный деятель В. Короленко, указавший, что он «давно знает Раковского как честного человека, не способного выполнять роль тайного агента германцев»⁷¹.

В свою очередь Г. Плеханов на допросе 14 сентября того же года заявил: «...о том, что Раковский состоял австрийским агентом, я даже не слышал. Уверен, что таковым он не мог быть, так как считаю его человеком честным и настроенным слишком антиправительственно, кроме, конечно, правительства социалистического»⁷².

Сообщая о лицах, к которым Раковский пришел, вернувшись в мае 1917 г. из эмиграции, Борман имеет в виду, прежде всего, свою мать, А.В. Тыркову-Вильямс. Позднее он вспоминал, что летом 1917 г. «Раковский настоял, чтобы мама его приняла. <...> В начале столетия он приезжал в Россию со своей русской женой, придерживался умеренных взглядов и был принят в русских

Тортика (Лобанова) М.В. Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М., 2014.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 16.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Подробнее см.: Следственное дело большевиков: материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г.: сб. документов: в 2 кн. Кн. 1 / под ред. О.К. Иванцовой. М., 2012. С. 144, 423–424, 718, 720, 785.

⁷⁰ *Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В.* Жизненный путь Христиана Раковского... С. 77–79.

⁷¹ *Дмитриев С.Н.* Владимир Короленко и революционная смута в России. 1917–1921. От Первой мировой до красного террора и НЭПа. М., 2017. С. 129.

⁷² *Попова С.С.* Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. С. 546.

либеральных кругах. За его молодой женой ухаживали многие видные руководители русского либерального движения. Но вскоре, совершенно неожиданно, она умерла, почти на руках у мамы. Раковский был очень благодарен, что она возилась с его умирающей женой. Потом он уехал на Балканы и, кажется, стал руководителем одной из крайних болгарских политических группировок. Во время войны мы узнали, что он на службе у немцев. Мама очень неохотно согласилась на желание Раковского приехать к ней. Я присутствовал при этом посещении Раковского. Мама все же предложила ему сесть и ждала, что он скажет. Раковский сразу заговорил о необходимости кончить войну путем сговора. Мама в очень резкой форме оборвала его и сказала, что ему у нее нечего делать. Раковский быстро ушел»⁷³.

16 апреля 1918 г. на заседании Совнаркома была образована делегация для переговоров с УНР, которые первоначально намечались в Курске на 21 апреля. Началась подготовка, но, по словам Бормана, достаточно своеобразная. Заседания по организации делегации происходили в одном из залов «Метрополя»: «Помимо Раковского, Мануильского⁷⁴ (второй делегат) и еще двух-трех коммунистов на них присутствовали главным образом бывшие чиновники и военные, представлявшие разные ведомства. Находился там также и представитель Торгово-промышленного союза или какой-то другой центральной буржуазной организации Лурье⁷⁵, являвшийся всегда с секретарем и большим количеством бумаг и книг. Разговоры шли об экономическом разграничении Великороссии и Украины — Раковский делил Россию. Пожалуй, больше всех говорил Лурье. Он все время приводил различные статистические сведения относительно губерний подлежащих разделу между двумя “государствами”. Раковский внимательно слушал и неоднократно заявлял, что считает Лурье членом делегации, представляющим буржуазные организации. Но Лурье не поехал с нами, так как Ленин не захотел, чтобы в делегации были представители непролетарских организаций»⁷⁶. Возможно, это произошло потому, что советское руководство не хотело присутствия в делегации людей, в чьей верности новой власти они не были уверены. Важно отметить, что такие подозрения имели под собой определенные основания, о чем есть упоминание и в мемуарах Бормана.

В то же время «Ленин, а вслед за ним, конечно, и остальные большевики, придавали большое значение мирным переговорам с украинцами. Переговоры эти, впрочем, должны были происходить не столько с украинцами, сколько с немцами»⁷⁷. Слова Бормана подтверждаются известной фразой Ленина, ко-

⁷³ Борман А. А. В. Тыркова — Вильямс по ее письмам... С. 131.

⁷⁴ Мануильский Дмитрий Захарович (1883—1959) — российский революционер, член партии большевиков с 1903 г. В феврале 1918 г. назначен заместителем наркома продовольствия с предоставлением решающего голоса Совнарком в случае отсутствия наркома. В апреле 1918 г. стал одним из полномочных представителей РСФСР на советско-украинских переговорах в Киеве. Подробнее см.: Мануильский Дмитрий Захарович // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М., 1969.

⁷⁵ Лурье Семен Владимирович (Симха Лурья; 1867—1927) — член Политического отдела Всероссийского союза торговли и промышленности (Протосоюз), представитель Московского биржевого комитета, юрист, философ, публицист.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 16—17; Борман А.А. Москва — 1918... С. 124.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 17; Борман А.А. Москва — 1918... С. 124.

торый 24 мая 1918 г., сразу после начала переговоров в Киеве, писал советскому полпреду в Берлине А. Иоффе: «Если можно помочь тому, чтобы получить мир с Финляндией, Украиной и Турцией (в этом гвоздь), надо всегда и все для этого сделать (конечно, без неких новых аннексий и даней этого не получить). За ускорение такого мира я бы много дал»⁷⁸.

Очень похожее описание заседания комиссии по проведению в жизнь Брестского договора в Наркомате иностранных дел оставил еще один советский чиновник: «...Приняв во внимание всероссийскую важность того или иного разрешения вопросов, связанных с проведением в жизнь Брестского договора, я рассчитывал встретить на собрании комиссии лучшие умы и лучших людей большевистских учреждений. С удивлением увидел я пять-шесть человек обычной серой внешности, которая, как я в этом успел убедиться, не таит под собою никаких сюрпризов. Эти представители ведомств не были высшего достоинства, чем обычно присутствующие на собраниях, заседаниях и пр. рядовые большевистские служащие, часто не обладавшие даже способностью отчетливо выражать свои мысли. <...> Представления о том, в какой собственно плоскости должна протекать работа и в чем собственно она должна выражаться — не было ни у кого. <...> Мы говорили о пустяках, не разрешили ни одного, даже организационного, вопроса и на том разошлись»⁷⁹.

Во время заседаний в «Метрополе», о которых упоминает Борман, шло активное обсуждение проблемы Черноморского флота, прежде всего, какую его часть «требовать от украинцев»⁸⁰. Но дискуссии о «дележе» Черноморского флота, скорее всего, могли идти только во время первых заседаний. Дело в том, что 24 апреля 1918 г. советская делегация получила жесткие инструкции для ведения переговоров по военно-морским вопросам, подписанные Л.Д. Троцким: «Черноморский флот в полном его составе является достоянием Российской Федеративной Республики, почему всякие покушения на него со стороны правительства Киевской Рады должны быть со всей категоричностью отвергнуты»⁸¹.

Однако дискуссии о флоте, несмотря на приказ Троцкого, продолжились и в Курске, куда советская делегация прибыла 29 апреля. Интересно, что в этот же день произошли и другие знаменательные события. Часть кораблей Черноморского флота вышла из Севастополя в Новороссийск, а оставшиеся подняли украинские флаги. Как рассказывает Борман, «долго рассуждали о флоте. Многие эксперты убеждали Раковского совсем отказаться от Черноморского флота, под предлогом, что у Совдепии не будет выхода к морю»⁸². В начале мая германская армия захватила Севастополь и Керчь, оккупировала Крым. В результате 2 июля делегация Раковского получила из Москвы новую инструкцию: занять выжидательную позицию и «стараться первыми вопроса

⁷⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1970. С. 80.

⁷⁹ См.: Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и в народном суде. С. 71–72.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 17.

⁸¹ См. «Морские вопросы... Украиной не подымались» // Гангут. Научно-популярный сборник статей по истории флота и судостроения. Вып. 12. СПб., 1997. С. 135.

⁸² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 26.

о будущности Черноморского флота не поднимать»⁸³. В итоге на непосредственных переговорах этот вопрос не затрагивался ни российской, ни украинской стороной.

Советская делегация прибыла в Киев 22 мая 1918 г., а уже на следующий день начались заседания. Полномочными представителями с советской стороны на конференции в Киеве были И.В. Сталин, Х.Г. Раковский и Д.З. Мануильский, имевшие одинаковые полномочия. Поэтому иногда между Раковским и Сталиным возникали конфликты⁸⁴.

Борман отмечает, что если в Курске Сталин был почти все время, то в Киев он приезжал только на несколько дней⁸⁵. Интересно, что упоминание поездки Сталина в эти города является уникальным – Борман был первым, кто более-менее подробно описал участие Сталина в советско-украинских переговорах. Многие современные исследователи, занимающиеся данной проблемой, считают, что Сталин не был на Украине в это время. Например, комментаторы мемуаров Ю. Дюшена (который в дневнике записал, что во главе советской делегации были Сталин, Раковский и Мануильский. – Ю.Г.) отметили, что «Сталин в переговорах не участвовал, и, вероятно, упомянут автором как народный комиссар по делам национальностей»⁸⁶. Другой современный исследователь – О. Хлевнюк считает, что «первая командировка Сталина началась в июне 1918 г.» в Царицын⁸⁷.

На мирной конференции в Киеве главным был вопрос о государственных границах. Борман несколько раз по ходу своих записок обвиняет Раковского в желании «разделить» или «разрушить» Россию. Но документы этого не подтверждают. Вот что, например, 5 августа 1918 г. из Киева писал Х. Раковский наркому иностранных дел РСФСР Г. Чичерину: «Нам удалось отстоять не только северные уезды Черниговской губернии, но и почти всю Курскую губернию, включительно часть Путивльского уезда с городом и важными сахарными заводами, дальше Белгород, а южнее – большую часть Славяносербского уезда, исключителью Луганск, дальше Ростов, значительную часть Таганрогского уезда. <...> Проект нашей государственной границы охватывает весь Таганрогский уезд, маленькую часть Бахмутского с Дебальцево, весь Славяносербский, часть Старобельского и всю Воронежскую губернию»⁸⁸.

Фактически Раковский, докладывая наркому о ситуации на переговорах по вопросу о госграницах, сообщал об определенных успехах советской делегации. Ведь надо учитывать, что на первых заседаниях конференции украинская сторона заявляла о претензиях на некоторые уезды Минской и Орловской, три четверти Курской и почти половину Воронежской областей, часть Ростовского округа, Кубанской области, всю Черниговщину. Были претензии даже на не-

⁸³ См.: «Морские вопросы... Украиной не подымались». С. 137.

⁸⁴ Подробнее см.: *Чернявский Г.И., Станчев М.Г. Тортика (Лобанова) М.В.* Жизненный путь Христиана Раковского... С. 92–93.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 29.

⁸⁶ *Дюшен Ю.С.* Дневник петроградского чиновника. 1917–1918 г. / науч. ред. Р.Г. Гагкуев. М., 2020. С. 194, 322.

⁸⁷ *Хлевнюк О.* Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 88.

⁸⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 51. П. 338. Д. 55180. Л. 38.

которые районы Сибири⁸⁹. И при этом Раковский не только не уступал, твердо отстаивая интересы Советской России, но и выдвигал встречные претензии представителям украинской делегации, заставляя их идти на уступки.

В официальных протоколах мирной конференции Борман дважды упоминается среди членов комиссий, обсуждавших статьи проекта «Временного соглашения между Властью Украинской Державы и Советской Властью на время заключения мирного договора» (правда, в протоколе от 2 июня 1918 г. его инициалы указаны неправильно)⁹⁰.

В ходе переговоров были сформированы несколько совместных комиссий, которые должны были готовить материалы для пленарных заседаний. Аркадий Альфредович вошел в состав Экономической комиссии, работавшей очень напряженно, проводя по одному-двум заседаниям в неделю⁹¹.

Сам Борман достаточно иронично или скорее даже цинично описывает свою работу в российской делегации, мол, Раковский постоянно составлял какие-то проекты, требуя от экспертов те или иные сведения. «Вероятно, мои коллеги представляли ему добросовестные справки, но вряд ли они могли угнаться за мной в быстроте ответов. На все вопросы я отвечал через полчаса, меня ничего не затрудняло. Даже о сравнительных размерах залежей каменного угля в Донской области и Екатеринославской губернии Раковский от меня узнал через двадцать минут после запроса. Цифры я, конечно, взял с потолка, но они пошли в какие-то его писания»⁹².

Обратим внимание на то, что Раковскому не случайно требовались данные о залежах каменного угля, ведь одним из основных на переговорах был вопрос о принадлежности Донецкого угольного бассейна, оккупированного германской армией еще во второй половине апреля 1918 г. И промышленности, и населению Советской России в этот период остро не хватало угля. Была даже предпринята попытка поставлять его из Германии. И Борман об этом упоминает, указывая, что «первый пароход («Анна») ушел из Петрограда в Германию только в середине мая или даже в июне»⁹³. Грузен он был медью и льном». Однако здесь Борман ошибается в сроках проведения сделки. Пароход «Annie Hugo Stinnes» с грузом угля (2250 т) – первый пароход из Германии, прибывший в Советскую Россию, встал под разгрузку в Петрограде 27 августа 1918 г., а 3 сентября разгрузка была закончена. Обратным рейсом немецкий пароход увез компенсационные товары: лен, медную и латунную стружку, техническое масло и др.⁹⁴

⁸⁹ Чернявский Г.И., Станчев М.Г. Тортика (Лобанова) М.В. Жизненный путь Христиана Раковского... С. 106.

⁹⁰ Мирні переговори між Українською Державою та РСФРР 1918 р. Протоколи і. Стенограми пленарних засідань. Збірник документів і матеріалів. Нью-Йорк; Філадельфія; Київ, 1999. С. 45, 124.

⁹¹ Филатов О.В. Украинско-Российская мирная конференция 1918 года. Вып. 7. Полтава, 1995. С. 56, 62.

⁹² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 37.

⁹³ Там же. Л. 8.

⁹⁴ Подробнее см.: Германский уголь (по отчету инж. Т.В. Пршиялговского) // Известия Отдела по снабжению и распределению топлива Совета Народного Хозяйства Северного Района. Пг., 1919; Сонкин М.Е. Окно во внешний мир. Экономические связи Советского государства в 1917–1921 гг. М., 1964.

В составе делегации А. Борман был недолго. Из Киева он уехал через несколько дней после подписания советско-украинского договора о перемирии 12–14 июня 1918 г. Но перед отъездом, по его воспоминаниям, он случайно встретил на улице С.В. Лурье, с которым познакомился еще в Москве, в «Метрополе», при подготовке к конференции. Так появился план об отправке в Москву немецких представителей для переговоров об обмене украинского сахара на мануфактуру⁹⁵. Вполне вероятно, что данное предложение обсуждалось еще до начала переговоров, по крайней мере, 22 мая 1918 г. Ашупп-Ильзен писал тому же Лурье: «Вследствие предложения группы Киевских сахарозаводчиков предоставить 300 000 (триста тысяч) пудов сахара в обмен на мануфактуру, Комиссариат Торговли и Промышленности не встретит препятствий к вывозу таковой на Украину по получении надлежащих документов на отправленный сахар»⁹⁶. Но, видимо, по каким-то причинам эта сделка в мае не осуществилась.

Как представитель НКТП и торговый агент А. Борман рассказал о предложении С. Лурье Х. Раковскому (которому оно понравилось). В результате последний отправил автора проекта сопровождать германо-украинскую делегацию в Москву и познакомить с М.Г. Бронским⁹⁷. Такая поездка была необходима, т.к. ВСНХ с самого начала переговоров старался контролировать сделки с Украиной, а в июле 1918 г. Президиум ВСНХ постановил: «Заслушав доклад Народного комиссара торговли и промышленности по вопросу о внешней торговле и об организации Комиссии по товарообмену, Президиум постановил: Изъять вопрос о товарообмене с Украиной из ведения мирной делегации в Киеве для передачи его в ведение Комиссии по товарообмену с Украиной, которой следует выделить Бюро по товарообмену с Украиной в составе представителей комиссариатов торговли и промышленности, продовольствия и ВСНХ, практически выполняющее всю работу по товарообмену с Украиной»⁹⁸.

Борману поручили не только сопровождать делегацию, но и улаживать возможные конфликты на советской территории, которые могли возникнуть между пассажирами украинского поезда и местными советскими властями. Как оказалось, такая предосторожность была ненапрасной. Уже в Льгове – первой железнодорожной станции на советской стороне – произошел конфликт между красноармейцами и одним из украинских делегатов, который попытался им рассказать, что в «соседнем государстве куда лучше живется, чем в Совдепии». В итоге Аркадию Альфредовичу пришлось спасти незадачливого агитатора от «авангарда революции»⁹⁹.

Отдельный сюжет, связанный с пребыванием в Киеве, автор мемуаров посвятил широкому распространению на Украине фальшивых бумажных денег. После возвращения из Украины А. Борман был приглашен на заседание

⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 41–42.

⁹⁶ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 92. Л. 37; Экономические отношения советской России... С. 37.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 42.

⁹⁸ См.: Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства (декабрь 1917 г. – 1918 г.). М., 1981. С. 188.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 44.

Совнаркома и рассказал советскому руководству о том, что Киев «наводнен фальшивыми десятирублевками германского производства». По его словам, рассказ заинтересовал нескольких наркомов (особенно Н.И. Бухарина), которые предложили «не зевать» и последовать немецкому примеру, ведь на российских фабриках «это еще легче устроить». Однако Ленин их оборвал и призвал «не горячиться», а также заметил, что «ничего нельзя делать не обдумавши»¹⁰⁰.

Рассказ Бормана о широком распространении на Украине фальшивых денег подтверждает и более поздняя (от 2 сентября 1918 г.) телеграмма Раковского в Москву: «...Узнали, между прочим, что здесь происходит большая торговля русскими фальшивыми кредитками (печатающимися в Лодзи и Лейпциге) и которые германские агенты продают в пропорции миллион фальшивых за 400 000 настоящих»¹⁰¹.

А через несколько лет в Мюнхене во время судебного процесса против генерала Э. Людендорфа герцог Лейхтенбергский заявил, что летом 1918 г. в Берлине печатались российские банкноты, которые были переданы Добровольческой армии «для формирования»¹⁰².

Интерес Бухарина к изготовлению фальшивых денег проявлялся и в дальнейшем. Встретив Бормана в конце июня – начале июля 1918 г. в Берлине, Бухарин напомнил ему разговор о выпуске фальшивых украинских денег, предположив, что неплохо было бы подобное осуществить и в Германии¹⁰³.

Аркадий Борман являлся активным противником советской власти и, конечно, не был объективен. Судя по тексту, эмоции и ненависть к большевизму иногда буквально захлестывали его. В то же время подчеркнем, что описание внутренней «кухни» работы советской делегации, которое оставил Борман, является уникальным, т.к. никто из других российских участников этих событий подобных записок не оставил. Возможно, именно отсутствием источников можно объяснить тот факт, что долгое время история российско-украинской мирной конференции в Киеве летом 1918 г. в советской историографии была исследована недостаточно (исключение – книги Г.Л. Никольникова¹⁰⁴). В последние годы ситуация изменилась, появилось несколько работ, в которых деятельность российской и украинской делегаций описывается достаточно подробно и с привлечением различных по характеру документов¹⁰⁵.

После возвращения из Киева А. Борман был назначен управляющим отдела внешней торговли НКТП, в ведение которого из Наркомфина декретом Совнаркома 29 июня 1918 г. были переданы бывший Департамент таможенных

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 55; *Борман А.А.* Москва – 1918... С. 132.

¹⁰¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 338. Д. 55180. Л. 47.

¹⁰² *Польской Г.Н.* Рыцари фальшивых банкнот. М., 1982. С. 97–98.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 66; *Борман А.А.* Москва – 1918... С. 134.

¹⁰⁴ См.: *Никольников Г.Л.*: 1) *Выдающаяся победа ленинской стратегии и тактики (Брестский мир: от заключения до разрыва)*. М., 1968; 2) *Брестский мир и Украина*. Киев, 1981.

¹⁰⁵ Подробнее см.: *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г. Очерки политической истории; *Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В.* Жизненный путь Христиана Раковского.; *Ланник Л.В.* После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб., 2020; *Голицын Ю.П.* Финансово-экономические проблемы российско-украинских отношений летом 1918 года // *Экономическая история: Ежегодник*. 2021. М., 2022. С. 171–198.

сборов, Главное управление пограничной охраны и Корчемная стража¹⁰⁶. Образцы подписи Бормана и двух его помощников были разосланы на все пограничные пункты. По словам Аркадия Альфредовича, «без его одобрения никакие товары не могли быть вывезены за пределы пролетарского государства», но тут же он признается, что его подпись, «в конце концов, ничего не значила»: первое же его распоряжение, данное таможене Петрограда, не было исполнено комиссаром внутренних дел Северной коммуны М. Урицким, который заявил, что «не признает ничьей подписи, кроме Ленинской и еще кого-то из главных комиссаров»¹⁰⁷.

Борман пишет, что Бронский был «очень доволен» приездом в Москву украино-германской делегации — это была первая иностранная делегация, приехавшая после Октябрьской революции для заключения реальной торговой сделки. Еще до начала переговоров в Кремле 19 июня 1918 г. состоялось заседание комиссии по товарообмену с Украиной, на котором присутствовал и Аркадий Альфредович. На заседании было «единогласно» решено: «Необходимо вступить в переговоры с представителями Германского правительства единственно в целях получения для Великороссии хлеба», если же это не удастся, советская делегация должна будет «вместо хлеба требовать предоставления нам угля». При этом в протоколе заседания зафиксировано, что «т. Борман в связи с вопросом об угле замечает, что компенсировать уголь нефтью мы не сможем, так как <...> нефти в России теперь недостаточно для того, чтобы можно было ее вывозить»¹⁰⁸.

А вот как Борман описывает первую встречу руководства НКТП с германской делегацией. Характерно, что представителями германского правительства были генеральный консул Гаушильд и Пфау, а Украину представляли от германского командования Дейтшман и д-р Мандельберг¹⁰⁹. Украино-германская сторона изложила свой план обмена сахара на мануфактуру. План понравился Бронскому, «но он заявил, что должен доложить об этом Совнаркому. Кремль тоже, по-видимому, принял предложение немцев. Казалось, остается только договориться о подробностях. Но здесь-то и началась типичная для советской власти того времени волюнка. У комиссариата торговли не было мануфактуры, она (отобранная у частных торговцев) находилась в ведении Высшего Совета Народного Хозяйства. Но это учреждение давно уже стремилось самостоятельно наладить торговлю с границей, кажется, и у него был отдел внешней торговли. Зачем же им к этому подпускать комиссариат торговли. Немцы, ободренные успехом первых переговоров, никак не могли понять, в чем задержка»¹¹⁰.

«Задержка» возникла именно из-за межведомственной неразберихи между НКТП и ВСНХ. И поскольку конкурирующие органы не смогли между собой договориться о мануфактуре, Бронский отстранился от переговоров и больше с немцами не встречался, переложив все на Бормана и других со-

¹⁰⁶ Декреты Советской власти. Т. II. С. 515–517.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 48.

¹⁰⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 87. Л. 13–14.

¹⁰⁹ Там же. Д. 47. Л. 15.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 48–49.

трудников наркомата. Переговоры продолжал вести НКТП, но отметим, что советская сторона изменила основные условия намечавшейся сделки. Вместо обсуждения вопроса «относительно возможности осуществления предложения об обмене 300 тыс. пудов сахара на мануфактуру» представители Российской республики объявили, что ее интересы «требуют за основу товарообмена в настоящее время положить принцип срочной очередности, исходя из этого принципа, вопрос об обмене сахара на мануфактуру временно должен быть отложен, в первую же очередь надлежит поставить получение из Украины хлеба, затем уже угля, который явится предметом второй очереди».

На следующий день в ходе нового совещания советские представители вновь заявили: «Хотя ближайшим поводом совещания было предложение Украины об обмене 300 000 пудов сахара на мануфактуру и хотя представляется крайне желательным сдвинуть с мертвой точки товарообмен с Украиной, но в виду того, что в первую очередь России необходим не сахар, который есть возможность получить и из других источников, кроме Украины, а иные продукты, то представлялось бы желательным, исходя из суммы в 100 000 000 рублей, раньше всего получить 80% хлеба, 14% угля (кокса), 3% полуфабрикатов и 3% рельс и шин, что мы бы компенсировали 40% мануфактуры, 10% чая, 15% стекол, 5% спичек, 20% алкоголя и 10% галош и др. резиновых изделий».

Представители правительства Германии, указали, что «это совершенно новое предложение, рассматривать и обсуждать которое они не уполномочены». Немцы настаивали, чтобы «обсуждение не выходило за пределы предложения об обмене сахара на мануфактуру, причем должно быть точно определено, какие именно сорта мануфактуры, в каком количестве, и из какого пункта могут быть получены в обмен на сахар». К сделанному германской стороной возражению присоединились и представители Украины, заявив, со своей стороны, что их приезд «вызван именно сделанным Украине вполне конкретным предложением, после же делаемое новое предложение должно быть <...> подвергнуто предварительному обсуждению с Украинским правительством»¹¹¹. Но советская сторона продолжала настаивать на своем. В результате через две недели немецкая торговая делегация уехала в Киев, так ничего в Москве не добившись.

О подобных результатах переговоров германских торговцев с советскими чиновниками писал и К. Ботмер (в 1918 г. представлял Верховное главнокомандование при дипломатической миссии Германии в Москве. — Ю.Г.): «Представители многих военных компаний и различные покупатели, постепенно собравшиеся при полномочном представителе военного министерства и подчиненном ему отделе экономики, развернули усердную деятельность, чтобы исключить параллельную работу друг против друга. Первоначальный оптимизм, радость по случаю обнаружения запасов товаров, а также по поводу предстоящих заключений договоров вскоре сменились настроением безнадежности <...>. Правительство ограничивалось общими заверениями, не выдавая при этом разрешения на вывоз»¹¹².

¹¹¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 47. Л. 15–16.

¹¹² См.: Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве. М., 2010. С. 202–204.

Отметим, что переговоры о товарообмене с украинской стороной продолжались и в последующие месяцы. Так, 5 октября 1918 г., уже после фактического завершения советско-украинских переговоров в столице Украины, Бронский отправил Ашупп-Ильзену в Киев телеграмму (копия – Ломову), в которой указал, что Товарообменная комиссия «принципиально» согласна на обмен 10 тыс. пуд. плоской бумаги и 5 тыс. пуд. — писчей на консервы и сахар¹¹³.

После возвращения Бормана из Киева Бронский представил его В.И. Ленину. Вот первые впечатления автора мемуаров о советском лидере: «Ленин очень похож на свои многочисленные портреты, выставленные по всему городу. Взгляд человека, который твердо знает, что делает и чего хочет. Хитрые смеющиеся глаза. Он чем-то похож на нашего северного торговца. Скупщика телят или лесного приказчика. От этого сравнения я не мог отделаться всякий раз, что встречался с ним. Ленин ведет заседание очень уверенно. Докладывает повестку, опрашивает мнение присутствующих, а затем, “вняв мнению”, диктует секретарю свою формулировку постановления»¹¹⁴.

Еще один сюжет из мемуаров А. Бормана, о котором нет упоминаний в исторической литературе, связан с приездом в конце июля 1918 г. в Москву из Великобритании неофициальной торговой миссии, «непонятной» советскому руководству как по составу, так и по задачам. Она состояла из нескольких английских чиновников во главе В. Кларком¹¹⁵ и крупным предпринимателем Л. Урквартом¹¹⁶. Борман отмечает, что «прибытие в этот момент английской миссии было настолько неожиданным, что даже озадачило большевиков, умеющих, вообще говоря, ничему не удивляться»¹¹⁷.

Но надо учитывать, что Уркварт до Октябрьской революции являлся председателем Русско-Азиатского объединенного общества и владел крупными предприятиями по добыче меди (Кыштым, Таналык), угля (Экибастуз), по добыче и переработке полиметаллических руд (Риддер). В дореволюционной России его концессия была самой крупной, простираясь на 4 тыс. кв. верст. По данным самого Уркварта, он владел около 1 млн га земли, 450 тыс. га леса, 550 км собственных железных дорог, пароходами и рядом фабрик¹¹⁸. Потеряв все в результате национализации, Уркварт не мог с этим смириться. Видимо,

¹¹³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 65. Л. 119.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 52.

¹¹⁵ Кларк Уильям Генри (William Henry Clark; 1876–1952) — английский государственный служащий и дипломат, в 1916–1917 гг. — генеральный контролер Департамента коммерческой разведки Министерства торговли Великобритании; в 1917–1928 гг. — генеральный контролер Департамента внешней торговли.

¹¹⁶ Уркварт Джон Лесли (John Leslie Urquhart; 1874–1933) — английский предприниматель, финансист, с 1896 г. работал в Российской империи, занимался добычей золота, цветных металлов, нефти на Урале, Алтае и Кавказе. В 1920-е гг. активно отстаивал право иностранных предпринимателей на получение от советского правительства компенсации за национализированные предприятия, возглавлял несколько английских и международных общественных организаций по защите прав пострадавших кредиторов и предпринимателей. См.: Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. Ч. 1. М., 2006.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 76–77.

¹¹⁸ Подробнее см.: Хромов С.С. Леонид Красин. Неизвестные страницы биографии. 1920–1926 гг. М., 2001. С. 174.

поэтому он практически сразу после опубликования декрета Совнаркома от 28 июня 1918 г. о национализации крупнейших предприятий решил начать действовать и приехал в Москву. А, может быть, до Уркварта дошли какие-то сведения о том, что в недрах советского правительства начала работать комиссия по разработке условий привлечения иностранного капитала в Россию в товарной форме¹¹⁹, и у английского предпринимателя появилась надежда на достижение какого-либо компромисса.

Переговорами с англичанами занимался НКТП, тем более что Кларк как глава делегации «выразил желание» встретиться с наркомом. На встрече вместе с Бронским были Ашупп-Ильзен и Борман. По словам последнего, инициативу разговора сразу захватил Уркварт. На прекрасном русском языке он заявил, что Англия готова вступить в торговые отношения с советской властью, если она отменит несколько декретов, разоривших дельцов, которые до революции работали в России.

«Помилуйте, — почти кричал Уркварт. — Вы хотите с нами торговать. Но ведь вы нас обокрали. У меня у одного вы украли больше двадцати пудов золота. Возвратите нам наше имущество, тогда будем с вами разговаривать». Уркварт говорил «очень резко и не стеснялся в выражениях». Борман считал, что тот дал «правильную оценку большевизмским безобразиям». А вот Бронский и Ашупп-Ильзен, видимо, не ожидали такого начала. Бронский «совсем растерялся», но его «спас» Ашупп-Ильзен, который «тоже довольно резко стал упрекать англичан в том, что они заняли Мурманск и «чуть ли не собираются прийти в Архангельск». Борман констатировал, что Кларку «нечего было ответить. Очень уж нелепо было присылать эту миссию ничуть (так в тексте. — Ю.Г.) ли не за десять дней до занятия Архангельска». Фактически эта встреча так и закончилась «двумя обвинительными речами». А через несколько дней миссия выехала из Москвы в Архангельск¹²⁰. Позднее Уркварт еще неоднократно пытался вступить в переговоры, требуя от советского правительства компенсацию в размере 56 млн ф. стерлингов (по дореволюционному курсу около 500 млн золотых руб.)¹²¹.

Последний сюжет относительно деятельности Бормана в НКТП связан с его неудавшейся попыткой договориться с Бронским о поездке в Архангельск для ревизии находившихся там военных складов, а также с использованием командировочных документов наркомата для собственного выезда на Север вместе с П. Струве навстречу английскому экспедиционному корпусу осенью 1918 г.

Командировочное удостоверение и мандат НКТП неоднократно выручали Бормана и Струве на протяжении нескольких месяцев их нелегкого путешествия. Однако долгое ожидание англичан ни к чему не привело, и автору со спутниками, чтобы покинуть советскую территорию, пришлось в ночь на 9 декабря 1918 г. переходить границу с Финляндией нелегально. На этом воспоминания А. Бормана заканчиваются.

¹¹⁹ Пленум Высшего Совета Народного Хозяйства 14–23 сентября 1918 года (Стенографический отчет). М., 1918. С. 169–170.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 77.

¹²¹ Хромов С.С. Леонид Красин... С. 30.

Безусловно, мемуары А.А. Бормана не изменяют наших представлений о событиях, случившихся в первый год советской власти, в том числе и в стенах НКТП. В то же время некоторые сюжеты, им описанные, впервые упоминаются в исторической литературе. Уникальность этих воспоминаний и в том, что их написал человек, работавший на достаточно высоком уровне государственного управления и одновременно являвшийся белогвардейским агентом. Конечно, взгляды мемуариста на многие факты и события, а также сделанные из них выводы, предвзяты и субъективны. В некоторых случаях он допускает ошибки и неточности. Однако многое из того, что подмечал А.А. Борман, подтверждается другими свидетелями. Но главное – то чувство трагической эпохи, которое сумел передать автор воспоминаний, современник и активный участник событий 1918 г.

Библиография

- Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992. 311 с.
- Боевой восемнадцатый год: сб. документов и воспоминаний / под ред. Я.В. Леонтьева. М.: Русская книга, 2018. 592 с.
- Борман А.А.* Москва – 1918 (Из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1991. С. 115–149.
- Борман А.А.* А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям ее сына. Вашингтон: Лувэн, 1964. 332 с.
- Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве / пер. с нем. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 398 с.
- Голицынов Д.Л.* Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России 1917–1924 гг.). М.: Политиздат, 1971. 368 с.
- Голицын Ю.П., Петров Ю.А.* Финансовое положение, февраль 1917 – осень 1918 г. // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. Т. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 384–453.
- Голицын Ю.П.* «Подвести итоги прошлому, сделать переоценку настоящего, задуматься над устройством будущего» (Съезды представителей акционерных коммерческих банков и финансовый рынок России) // Сводный устав акционерных коммерческих банков / сост. Ю.П. Голицын. М.: КнигИздат, 2019. С. 5–50.
- Голицын Ю.П.* Финансово-экономические проблемы российско-украинских отношений летом 1918 года // Экономическая история: Ежегодник. 2021. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2022. С. 171–198.
- Гурович А.* Высший Совет Народного хозяйства. Из впечатлений года службы // Архив русской революции: в XXII т. Т. VI. М.: Терра; Политиздат, 1991. С. 304–331.
- Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957; Т. II: 17 марта – 10 июля 1918 г. 1959. 686 с.
- Дмитриев С.Н.* Владимир Короленко и революционная смута в России. 1917–1921. От Первой мировой до красного террора и НЭПа. М.: Вече; Российское ист. общ., 2017. 574 с.
- Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 772 с.
- Дробизhev В.З.* Главный штаб социалистической промышленности (Очерки истории ВСНХ. 1917–1932 гг.). М.: Мысль, 1966. 288 с.
- Дюшен Ю.С.* Дневник петроградского чиновника. 1917–1918 гг. / науч. ред. Р.Г. Гагкуев. М.: Воевода, 2020. 392 с.
- Иконников Н.Ф.* Пятьсот дней: секретная служба в тылу большевиков 1918–1919 гг. / ввод. ст. и коммент. В.Г. Бортневского // Русское прошлое: историко-революционный альманах. Кн. 7. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. С. 43–115.

- Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата: Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 – январь 1918. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. 302 с.
- Красная книга ВЧК / науч. ред. А.С. Велидова. 2-е изд. Т. I. М.: Политиздат, 1989. 415 с.
- Ланник Л.В.* После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.
- Ларсон М.Я.* На советской службе. Записки спеца. Париж: Стрела, 1930. 284 с.
- Ларсон М.Я.* В советском лабиринте. Эпизоды и силуэты. Париж: Стрела, 1932. 184 с.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. М.: Политиздат, 1970. 678 с.
- Лизунов П.В.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «Блиц», 2004. 576 с.
- Майер Н.* Служба в комиссариате юстиции и в народном суде // Архив русской революции: в XXII т. Т. VIII. М.: Терра; Политиздат, 1991. С. 56–109.
- Мельниченко В.Е.* Раковский против Сталина. М.: Знание, 1991. 64 с.
- Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. Протоколи і стенограми пленарних засідань. Збірник документів і матеріалів. Нью-Йорк; Філадельфія; Київ: Видавництво М.П. Коць, 1999. 368 с.
- Михутина И.* Украинский Брестский мир. М.: Европа, 2007. 288 с.
- «Морские вопросы... Украйной не подымались» // Гангут. Научно-популярный сборник статей по истории флота и судостроения. Вып. 12. СПб.: Гангут, 1997. С. 134–144.
- Никольников Г.Л.* Выдающаяся победа ленинской стратегии и тактики (Брестский мир: от заключения до разрыва). М.: Мысль, 1968. 374 с.
- Никольников Г.Л.* Брестский мир и Украина. Киев: Наукова Думка, 1981. 176 с.
- Пайпс Р.* Струве. Биография: в 2 т. / пер. с англ. Т. 2: Струве: правый либерал, 1905–1944. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 677 с.
- Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918 / науч. ред. А.П. Ненароков. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
- Пленум Высшего Совета Народного Хозяйства 14–23 сентября 1918 года (Стенографический отчет). М.: Ред.-изд. отдел ВСНХ, 1918. 170 с.
- Польской Г.Н.* Рыцари фальшивых банкнот. М.: Юрид. лит., 1982. 176 с.
- Попова С.С.* Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М.: Ладомир, 2010. 620 с.
- Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства (декабрь 1917 г. – 1918 г.). М.: Наука, 1991. 349 с.
- Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-История, 2013. 352 с.
- Пученков А.С.* Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб.: Владимир Даль, 2021. 816 с.
- Следственное дело большевиков: материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г. Сб. документов: в 2 кн. Кн. 1 / под ред. О.К. Иванцовой. М.: РОССПЭН, 2012. 992 с.
- Смиртюков М.С.* Советский государственный аппарат управления: Вопросы организации и деятельности центральных органов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1984. 287 с.
- Соколов А.С.* Ученый-экономист М.Г. Бронский (1882–1938 гг.) // Поляки в истории российской провинции XIX–XX вв. Диалог цивилизаций. Материалы междунар. науч. конф. 18–20 мая 2010 г. Тамбов. Тамбов: [б.и.], 2010. С. 239–244.
- Соколов Е.Н.* Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 – август 1918 гг.). Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2008. 146 с.
- Солдатенко В.Ф.* В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 672 с.
- Соломон Г.А.* Среди красных вождей. Личные воспоминания о пережитом и виденном на советской службе. Париж: Мишень, 1930. 330 с.
- Сонкин М.Е.* Окно во внешний мир. Экономические связи Советского государства в 1917–1921 гг. М.: Мысль, 1964. 211 с.
- Филоненко А.Л.* Время Ю. Ларина. СПб.: Нестор, 1997. 180 с.

- Филатов О.В.* Украинско-российская мирная конференция 1918 года. Вып. 7. Полтава: Пре-принт, 1995. 126 с.
- Хлевнюк О.* Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 464 с.
- Хромов С.С.* Леонид Красин. Неизвестные страницы биографии. 1920–1926 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2001. 208 с.
- Хромов С.С.* Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. Ч. 1. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2006. 384 с.
- Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В.* Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М.: Центрполиграф, 2014. 560 с.
- Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922: документы и материалы. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 384 с.
- Яров С.В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 320 с.

Водичев Е.Г.*

Реорганизация системы управления экономикой в период «хрущевского десятилетия»: намерения и результаты

Аннотация. Статья посвящена реформе системы управления экономикой СССР во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. Рассматривается вопрос о сочетании объективных экономических потребностей децентрализации политических детерминант, а также факторов субъективного характера в качестве драйверов реформы и контрреформы в их исторической динамике. Аргументируется предположение, что в историографии зачастую преувеличивается значение демократизации общества и либерализации режима во времена «оттепели» в качестве императива реорганизации системы экономического управления. Анализируется ход реализации реформы и контрреформ. Делается вывод, что реформа, не затрагивая сущностных основ экономической модели, отражала разновекторное и усиливавшееся давление на высшее руководство страны со стороны различных акторов. Это становилось предпосылкой корректировки институциональной платформы в системе принятия решений и актуализировало модель «бюрократического торга». Последнее обстоятельство, наряду с «косыгинской» реформой, продолжившей «хрущевскую», несколько модифицировало систему управления экономикой и позволило сохранить управляемость, хотя и не обеспечило долговременный рост эффективности и динамики советского народнохозяйственного комплекса.

Ключевые слова: Н.С. Хрущев, экономическая политика, реформы управления, децентрализация, совнархозы, модель «бюрократического торга».

Постановка проблемы и историографическая ситуация

Вторая половина 1950-х – середина 1960-х гг. вошла в советскую историю как время первых попыток реорганизации сталинской системы экономического управления. По сложившимся представлениям, в классическом виде эта модель, после Г.Х. Попова часто и традиционно называемая административно-командной системой¹, характеризуется такими признаками, как «тотальное обобществление средств производства (в виде почти полного огосударствления промышленности); наличие иерархической структуры управления с жестким подчинением по вертикали; централизованное директивное планирование по принципу “сверху-вниз”; мелочная регламентация из Центра всех управленческих функций (вплоть до оперативных) и соответствующих материальных, финансовых и людских ресурсов для решения как важнейших государственных, так и текущих задач; отраслевая структура управления экономикой; наличие серьезных диспропорций в структуре экономики (преобладающее значение военно-промышленного комплекса

* Водичев Евгений Григорьевич – доктор исторических наук, профессор; Новосибирский государственный технический университет; Национальный исследовательский Томский государственный университет, vodichev@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-8266-1723. Статья написана по итогам реализации гранта РФФИ «Несостоявшееся ускорение: стратегия и практика экономической политики “хрущевского десятилетия”», проект № 20–09–00061.

¹ Попов Г.Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65.

в ущерб остальным отраслям экономики); оценка результата работ (главным критерием) по валу, т.е. исключительно по количественным показателям; отказ от товарно-денежного регулирования экономики и, соответственно, широкое использование внеэкономических методов»². Эта модель, как и любая теоретическая конструкция, выглядит несколько упрощенно, однако, содержит в себе основные характеристики той системы, которая все чаще воспринималась как тормоз развития увеличивавшейся в масштабах и структурно усложнявшейся советской экономики.

Сценарий максимальной централизации препятствовал оптимальному использованию потенциала регионов, разрушая систему горизонтальных связей в обществе и лишая всяческой самостоятельности субъекты экономической деятельности. В этом смысле попытки реформы системы управления отражали объективные потребности, в той или иной мере проявившиеся в советской экономике и явно усилившиеся в 1950-е гг. после завершения послевоенных реконструкционных процессов. Различные субъекты экономической деятельности обладали собственными интересами, которые они с тем или иным успехом пытались гармонизировать с управленческими импульсами, поступавшими «сверху», из центра. Это постоянно приводило к корректировкам утвержденных директивных планов, что свидетельствовало о существовании в СССР, наряду с официальной, еще и неформальной экономики, и неформализованного экономического управления. По меткому выражению О.В. Хлевнюка, «в советской плановой экономике, в идеале предполагавшей распределение ресурсов и установление кооперативных связей между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего, ограниченные товарно-денежные отношения»³. Но дело не ограничивалось лишь экономикой. Реформу системы управления народным хозяйством часто напрямую связывают с процессами постсталинской демократизации общества и либерализации режима. Однако все еще дискуссионным остается вопрос о том, не преувеличивается ли значение этого вектора развития как императива предпринятой реорганизации системы экономического управления.

«Хрущевская реформа» в системе управления анализируется в целом ряде исследований. В их числе монографии Ю.А. Веденева, Е.В. Демичева, В.Н. Дрындына, В.И. Мерцалова, В.Л. Некрасова, В.А. Шестакова. Достаточно подробно эти сюжеты затрагиваются в трудах Ю.В. Аксютин, Е.Т. Артемова, Дж. Берлинера, И.В. Быстровой, Е.Ю. Зубковой, К. Линдена, А.В. Пы-

² Белоногов Ю.Г. Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов в отечественной историографии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 35–41; также см.: Борисов Ю.С. Становление командно-бюрократической системы // ЭКО. 1989. № 1. С. 145–161; Яшин В. Причины кризиса административно-командной системы и ее противоречия // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 145–147; Коржихина Т.П. Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления. Проблемы и факты. М., 1992. С. 4–26; и др.

³ Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3(56). С. 75.

жикова, Г.И. Ханина, Т.И. Щербаковой и в работах многих других российских и зарубежных авторов, посвященных более широкому кругу проблем⁴.

В исследованиях подробно реконструированы суть и ход реализации реформы. Так, в работе В.И. Мерцалова справедливо отмечено: «Реформа была детерминирована целым рядом факторов: ослаблением чрезвычайных условий существования СССР, невозможностью управлять после смерти Сталина по-старому, ростом масштабов народного хозяйства страны и усилением интенсивных факторов развития, необходимостью решения острых экономических и социальных проблем, резким увеличением информационного потока в центральных органах управления, превращением ведомственности из управленческого недостатка в устойчивые хозяйственные отношения, мало поддающиеся командам из центра»⁵.

Безусловно, вне общего политического контекста невозможно понять характер и глубину трансформационных сдвигов в социально-экономической политике хрущевского времени, значимость и системность изменений в стратегии, тактике и достигнутых практических результатах, как и конкретно-историческую динамику в экономике в условиях транзита власти от «позднего сталинизма» к началу «хрущевского десятилетия» и далее, вплоть до отстранения Н.С. Хрущева от руководства страной. Но важно избежать абсолютизации значения этого фактора и не полагаться на эвристические возможности лишь политологических концептов. Это тем более значимо, поскольку в применении ко времени Хрущева не работают многие распространенные методологические подходы, которые успешно применяются при анализе предшествовавших десятилетий и вполне эффективны при изучении периода сталинизма. В частности не работают концепции тоталитаризма и автократии, а также при интерпретации тенденций экономического развития не дают результатов центр-периферийные концепты, базирующиеся на модели вертикального управления «сверху вниз» и исключают механизмы обратной связи⁶.

Попытки реформ воплощали в себе поиск путей решения наиболее острых проблем советской системы хозяйствования: ускорения темпов роста экономики, повышения эффективности производства на базе использования достижений научно-технического прогресса (НТП), обеспечения сбалансированного развития отраслей военно-промышленного комплекса (ВПК), тяжелой промышленности и производства предметов потребления, а также роста компетентности в системе управления. Хотя, конечно, в общем смысле связь реформ с общественно-политическими и социокультурными трансформациями была несомненной.

В.Л. Некрасов, например, предлагает рассматривать реформы Хрущева в рамках общего контекста экономического реформизма в СССР, попыток трансформации социальных институтов и формирования модели, «которая и без рыночных механизмов была восприимчива к научно-техническим дости-

⁴ Подробнее см.: *Artemov E., Vodichev E. The Economic Policies of the Khrushchev Decade: Historiography // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8. № 5. P. 1822–1839.*

⁵ *Мерцалов В.И. Реформа хозяйственного управления 1957–1965 гг.: предпосылки, ход, итоги (На материалах Восточной Сибири). Иркутск, 2000. С. 220.*

⁶ См.: *Artemov E., Vodichev E. The Economic Policies of the Khrushchev Decade...*

жениям, обеспечивала высокую производительность труда, была способна сохранять структурную динамику, характеризовалась бы низкими социальными издержками и стала частью глобальной экономики»⁷.

Соответственно, в фокусе данной статьи основное внимание будет сосредоточено на проблемах соотношения политических факторов и экономических императивов хрущевских реформ, оценке результатов проведенных реорганизаций в указанном контексте, а также их интерпретации с точки зрения либерализации экономики, процессов демократизации в обществе вообще, и в системе управления в частности. Автор намерен уточнить и расширить историографический дискурс по вопросу о предпосылках и факторах реализации «совнархозовской» реформы посредством введения в оборот дополнительных аргументов в поддержку декларируемой позиции.

Реорганизация управления: первые подступы к реформе

С экономической точки зрения потребность в децентрализации и усилении территориальных акцентов в управлении экономикой многим представлялась очевидной, начиная, по крайней мере, с первой половины 1950-х гг. С точки зрения макроэкономики и экономического менеджмента вопрос об этом назрел уже давно. В условиях многократно возросших масштабов производства, его изменившейся структуры и усложнения хозяйственных связей прямое управление всеми субъектами экономической деятельности из центра становилось не только неэффективным, но и объективно невозможным. Это не было секретом ни для хозяйственного руководства, ни для политических лидеров. Например, председатель Совета министров РСФСР М.А. Яснов отмечал, правда, уже в условиях определившейся политической конъюнктуры, что достигнутые масштабы производства в республике и инвестиции в объеме 124 млрд руб. в ценах 1956 г. (или 67% от соответствующих показателей по СССР) крайне осложнили централизованное управление экономикой. Он подчеркивал, что в новых условиях управление из одного центра «не отвечает современным требованиям и во многих случаях становится тормозом развития народного хозяйства»⁸.

Показательной была и ситуация с диспропорциями в развитии регионов перспективного освоения на востоке страны. Эта проблема все более обострялась по завершении реконструктивных процессов в экономике после окончания Второй мировой войны. В резолюциях XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) отмечалась необходимость «ограничить дальнейшее строительство топливостоемких и электростоемких промышленных предприятий в районах европейской части СССР и в районах Урала»⁹. Однако министерства и ведомства прилага-

---

⁷ Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М., 2019. С. 5, 23, 24.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5006. Л. 54, 61.

⁹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г.: Стенографический отчет. Т. 2. М., 1956. С. 482.

ли все усилия по созданию промышленных предприятий не на новом месте, а в «обжитых» районах Европейской России, там, где имелась развитая инфраструктура. И в решении этого вопроса они, как правило, добивались успеха.

Как известно, в центре всех хрущевских преобразований находилась известная «совнархозовская» реформа, начало которой было положено в феврале 1957 г. Однако «пробные шары» были брошены еще раньше. Череда реорганизаций и снижения уровня централизации экономического управления началась в середине и первой половине десятилетия. Она затрагивала как высший уровень менеджмента, так и систему соподчинения предприятий и организаций. Как отмечает В.Л. Дрындин, «в 1954–1955 гг. были предприняты попытки перестроить финансово-кредитный механизм, систему планирования и т.д. И если судить только по количеству и диапазону принятых решений партии и правительства в первой половине 1950-х годов, то впору говорить о серьезных переменах в механизме управления экономикой. Постановлениями охватывался весь спектр хозяйственных отношений между предприятиями и министерствами, центральными экономическими органами и органами отраслевого управления, отраслями и союзными республиками, предприятиями, министерствами и органами финансового регулирования»¹⁰.

Управленческая чехарда началась сразу после смерти Сталина, и после этого количество министерств и ведомств постоянно изменялось: «В середине 50-х годов в правительстве СССР насчитывалось уже 52 министра, отвечавших за управление теми или иными отраслями. Чрезмерная громоздкость и все возрастающая малоэффективность этой системы становилась все очевиднее»¹¹.

Основная линия преобразований – усиление акцентов на децентрализацию и региональный срез в системе управления экономикой – наметилась еще до «совнархозовской» реформы. Это, в частности, воплотилось в перераспределении подведомственных предприятий между различными уровнями управленческой иерархии. По имеющимся данным, только в 1954–1955 гг. из союзного подчинения в ведение союзных республик было передано более 11 тыс. предприятий различных отраслей промышленности¹².

О хозяйственной политике центральных ведомств, не в полной мере учитывающих «потребности и нужды» технического прогресса, немало говорилось на XX съезде КПСС. На таком фоне, рассуждая о формировании новых республиканских министерств и передачи им функций, ранее находившихся в ведении центра, Хрущев подчеркивал: «Этот опыт, безусловно, себя оправдал: руководство предприятиями стало конкретнее, оперативнее, инициатива республиканских организаций, их ответственность за работу промышленности заметно повысились»¹³. Но на стартовом этапе реформ приоритетное внимание уделялось реорганизации плановых органов.

¹⁰ Дрындин В.Л. Попытки проведения хозяйственных реформ 1953–1964 гг. в контексте специфики российской истории. Оренбург, 2002. С. 99.

¹¹ Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 146.

¹² Шербакова Т.И. Анализ предпосылок реформы управления промышленностью 1957–1964 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4(1). С. 207–208.

¹³ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза... Т. 1. М., 1956. С. 88.

Коллизии реформ в сфере планирования

Один из известных специалистов в данной области – В.Л. Некрасов выдвинул гипотезу: «ключевым вопросом для Хрущева как авторитарного реформатора на протяжении 1955–1964 г. стала необходимость “сконструировать” новые органы и учреждения, способные разработать предложения по реформированию управления советской экономикой и в итоге “изобрести” новую модель экономического развития»¹⁴.

Реформа органов экономического планирования встала на повестку дня хрущевского руководства еще до структурных изменений в управлении промышленностью и строительством. Ключевое место в системе директивного планирования и управления занимал Госплан СССР, являвшийся «приводным ремнем» для реализации решений высших партийных и государственных инстанций. Реорганизация работы Госплана произошла в марте 1955 г., став «“пробой пера” в реформах системы экономического управления»¹⁵, и принципиальное значение имело решение об отделении «функций текущего характера от разработки вопросов перспективного планирования»¹⁶.

После серии преобразований в апреле 1960 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, которое за Госпланом закрепило решение вопросов текущего народно-хозяйственного планирования и координации хозяйственной деятельности союзных республик, а за созданным Госэкономсоветом – « всю работу по перспективному планированию », в том числе на 5–7 и 20 лет¹⁷.

С учетом работы над генеральной перспективой развития народного хозяйства на период до 1980 г., которая рассматривалась в неразрывном единстве с проектировками третьей Программы КПСС¹⁸, это существенно повышало значимость стратегического планирования и статус Госэкономсовета в иерархии органов экономического управления, сделав его «бюрократическим центром экономического реформизма в СССР»¹⁹.

Параллельно существовавший Госплан, занятый теперь текущими вопросами, весьма ревностно относился к своему конкуренту в сфере стратегических разработок. Следует отметить, что А.Н. Косыгин, бывший в то время председателем Госплана СССР, всегда с известным скепсисом воспринимал идею ликвидации отраслевого принципа управления и являлся сторонником сохранения министерств, но до поры до времени не высказывался по этому поводу в открытой форме. Однако он жестко противостоял попыткам расши-

¹⁴ Некрасов В.Л.: 1) Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. Вып. 54. С. 72; 2) «Дилемма Хрущева»... С. 6.

¹⁵ Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»... С. 41.

¹⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 55. Д. 2. Л. 75.

¹⁷ Некрасов В.Л. Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева... С. 82–83.

¹⁸ Подробнее см.: Артемов Е.Т., Водичев Е.Г. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 2. С. 324–347.

¹⁹ Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»... С. 64, 71.

рения полномочий и функций Госэкономсовета в общей системе экономического планирования, что, впрочем, вполне объяснялось ведомственными интересами — конкуренцией двух ведомств за статус и ресурсы.

Что же касается Хрущева, то его вообще не устраивали традиционные функции Госплана. Он многократно возвращался к мысли об оптимизации системы планирования. В сентябре 1962 г. в ходе заседания президиума ЦК КПСС Хрущев отмечал: «Сейчас отделы, которые существуют в Госплане, — счетные отделы, а их функции должны быть и определяющими научно-конструкторскую направленность»²⁰.

Однако уже в ноябре, после утверждения новой программы КПСС и всех связанных с ней проектировок генеральной перспективы, удар был нанесен по его недавнему фавориту. В отставку был отправлен председатель Госэкономсовета А.Ф. Засядько, входивший ранее в «ближний круг» доверенных лиц Хрущева и являвшийся сторонником максимизации и конкретизации экономических показателей при стратегическом планировании, а сам этот орган был преобразован... в Госплан, что означало его фактическую ликвидацию. В своем докладе на ноябрьском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС Хрущев объяснил это решение тем, что в повседневной деятельности задачи Госплана и Госэкономсовета «часто сталкиваются», и «случается, что перспективные вопросы развития народного хозяйства, которые нужно поручать разрабатывать Госэкономсовету, поручаются Госплану Союза и наоборот. Таким образом, нарушается тот главный принцип, который был заложен при организации этих двух важных органов»²¹.

По смелой концепции В.Л. Некрасова, в реформе планирования 1959–1960 гг. можно увидеть попытку Хрущева реализовать стратегию «институциональной реконструкции». На основе разделения функций Госплана СССР реформатор пытался создать орган, способный рационализировать управление народным хозяйством СССР, тем самым обеспечив «институциональную конкуренцию», когда созданием, по сути, «двух Госпланов» он намеревался выявить более действенный орган из них, а затем перераспределить ресурсы в его пользу»²².

Известно, что метод формирования искусственной конкуренции в советской экономической системе активно применялся еще во времена Сталина в сфере ВПК, и он тогда доказал свою эффективность. Возможно, не забыл об этом и Хрущев, но попытка создать конкуренцию институций в сфере планирования и тем самым повысить качество и эффективность их работы, разделив функции оперативного и стратегического планирования, потерпела неудачу. Тем не менее ход событий по реформированию планирования предопределил и развитие реформ в системе управления промышленностью и строительством. Общая логика реформ плановых органов опиралась на понимание необходимости обеспечения определенной децентрализации в сфере управления

²⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004. С. 592.

²¹ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. М., 1963. С. 373.

²² Некрасов В.Л. Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева... С. 86.

экономикой, в том числе и инструментами планирования, но вряд ли это могло рассматриваться в качестве предпосылки для дальнейшей либерализации экономического менеджмента.

Подтекст реформ: политика versus экономика

Как становится понятно из анализа контекста, было бы ошибкой считать, что драйвером преобразований в сфере организации планирования, а впоследствии и совнархозовской реформы, являлась лишь оценка ситуации в экономике страны. «За кадром» оставалась идеология, в частности, активно продвигаемый Хрущевым тезис о формировании «общенародного государства», который им связывался с дебюрократизацией экономического управления. Но еще более весомую роль играли политические факторы. Они, собственно, и сформировали основные акценты реформ, нацеленных именно на реструктуризацию организационной канвы системы управления, не затрагивая социальные институты. Такой подход был вполне объясним, поскольку «проводившаяся реформа не созрела ни с точки зрения завершенности основных экономических тенденций, ни с точки зрения политических и идеологических условий»²³.

Многие исследователи связывают причины перестройки управления с решением задачи политического лидерства в СССР²⁴, и такая точка зрения представляется вполне аргументированной. По утвердившемуся в историографии мнению, предпосылками реорганизаций стало противоборство между руководством партийных и государственных инстанций, между президиумом ЦК КПСС во главе с Н.С. Хрущевым, занимавшим должность первого секретаря ЦК КПСС, и правительством во главе с Г.М. Маленковым — председателем, а затем первым заместителем председателя Совета министров СССР. Отраслевые структуры управления на уровне центрального аппарата рассматривались Хрущевым как оплот политического консерватизма²⁵. Вряд ли у него имелась сколько-нибудь стройная и системная концепция экономических реформ. Цель заключалась, прежде всего, в реконструкции унаследованной системы управления, созданной не им, и не под него, и, следовательно, таившей в себе вполне определенную опасность для лидера страны.

Размах и единовременность структурной перестройки управления с отраслевого принципа на территориальный достаточно прозрачно отражают политический подтекст этой акции. Такие акценты определялись стремлением Хрущева ослабить и дезинтегрировать отраслевые министерства и ведомства в центральном аппарате управления, поскольку они реально или потенциально воплощали в себе политическую оппозицию. Но все сводить к политической борьбе было бы неправильно. Политические интриги и интересы,

---

²³ Демичев Е.В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 143.

²⁴ См., напр.: Пыжиков А.В. Хрущевская оттепель. М., 2002. С. 317.

²⁵ Linden C.A. Khrushchev and the Soviet Leadership: With an Epilogue on Gorbachev. Updated Edition. Baltimore; London, 1990. P. 22–39.

несомненно, играли огромную роль, но необходимость усиления региональных (территориальных) факторов в системе управления диктовалась и стремлением повысить управляемость и эффективность экономики. В данном случае векторы политических и экономических детерминант в целом совпадали. Однако при этом был велик риск нарушения принципа экономической целесообразности скоростью и глубиной реорганизаций, тем самым разбалансирования сложившейся и как-то управляемой системы. Поскольку аналогичные процессы происходили и в планировании, и в области материально-технического снабжения, и в сфере НТП, то риски потери управляемости в народно-хозяйственном комплексе многократно возрастали.

Политические условия для проведения реформы окончательно созрели к концу 1956 г.: на декабрьском пленуме ЦК КПСС был озвучен тезис о необходимости передачи ряда функций управления на места²⁶. Сам Хрущев, говоря о переходе к территориальному принципу управления, заявлял: «Почему это будет лучше? Управление будет связано непосредственно с работой предприятий, будет в одном центре, всегда имеется возможность встретиться на месте тем, кем управляют, и тем, кто управляет этими предприятиями по вопросам, которые решаются. Такое управление будет заинтересовано в комплексном использовании всех предприятий своего управления, в более рациональном размещении заказов, более рациональном использовании производственных площадей, производственного оборудования. И планирование будет улучшено, потому что здесь более непосредственная связь управления с управляемыми предприятиями. <...> Если это будет по территориальным зонам, тогда будет и кооперирование более разумное в производстве, специализация будет внутри этого территориального микроэкономического района»²⁷. На этом фоне наступило время самой «совнархозовской» реформы.

Совнархозы – концепт и границы компетенций

Общий концепт реформ системы управления промышленностью выглядел достаточно логично и подразумевал гармонизацию централизованного руководства экономикой и оперативного управления предприятиями в границах территориальных субъектов управления. В этом смысле система в чем-то должна была напоминать управление на базе территориально-экономических комплексов²⁸, отражая логику провозглашенной на XX съезде КПСС макроэкономической цели формирования единого народно-хозяйственного комплекса страны.

²⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. М., 1986. С. 152.

²⁷ Проект записки Н.С. Хрущева в президиум ЦК КПСС «Некоторые соображения об улучшении организации руководства союзной промышленностью». 22 января 1957 г. // Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: документы из личного фонда Н.С. Хрущева: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. Н.Г. Томилина; сост. А.Н. Артизов, Л.А. Величанская, И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков (отв. сост.), С.Д. Таванец. М., 2009. С. 331.

²⁸ Шербакова Т.И. Анализ предпосылок реформы управления промышленностью 1957–1964 гг. С. 207.

Однако на стартовом этапе «совнархозовской» реформы важнейшим оказался вопрос о границах экономических районов, подведомственных будущим территориальным органам управления, и он имел принципиальное значение для концепта реформы. Существовало мнение о целесообразности изначально создавать советы народного хозяйства (совнархозы, СНХ) соразмерно крупным региональным объединениям, обладающим потенциалом для самостоятельного развития. Его придерживался Госплан в лице председателя Н.К. Байбакова, который также считал разумным обеспечивать постепенность и последовательность в темпах и масштабах реорганизации, а также при оценке целесообразности ликвидации или сохранения отдельных промышленных министерств. Но эта позиция не получила поддержки на высшем уровне руководства²⁹, и возобладали политический подтекст.

То, что Хрущев однозначно высказывался за совпадение границ СНХ с административными границами, говорило о политической мотивации реформы и его стремлении к усилению подведомственных ему региональных партийных инстанций. В противном случае, «эти районы ни на какие партийные комитеты опираться не смогут, обкомы, крайкомы их слушать не будут, а ЦК не может превратиться в орган, который должен согласовывать многочисленные споры, возникающие между руководителями экономических и административных районов»³⁰. В дальнейшем, после изменения ситуации, он отказался от этого принципа. Это подтверждает политическую ангажированность позиции Хрущева.

В целом в этом вопросе позиция идеолога реформы была непоследовательной. Уже в своих тезисах о сути реформы, опубликованных в центральной прессе 30 марта 1957 г., подвергая жесткой критике существующую глубоко бюрократизированную систему управления промышленностью и строительством и отвергая любые варианты сохранения отраслевых министерств, он постулировал необходимость создания СНХ в крупных административно-экономических районах. Отмечалось, что «нет необходимости иметь совнархозы во всех областях, краях и автономных республиках, а создавать их следует там, где промышленность достаточно развита»³¹.

Анализ этого и других текстов и выступлений Хрущева до реформы и на ее старте дает достаточно оснований для того, чтобы согласиться с заключением: он «отнюдь не стремился к демократизации управления и ликвидации экономической централизации. Перестройка управления не была нацелена на изменение основ модели управления, что отчетливо проявилось в процессе осуществления реформы и ее эволюции. Нападая на ведомства, Н.С. Хрущев стремился к упразднению министерской системы, которая, по его мнению, была оплотом конкурирующей группировки»³².

Тем не менее размах реформы оказался неожиданным для многих. Согласно постановлению ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании организа-

²⁹ Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 79–80.

³⁰ Цит. по: Щербакова Т.И. Анализ предпосылок реформы управления промышленностью 1957–1964 гг. С. 209.

³¹ Цит. по: Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель»... С. 149.

³² Щербакова Т.И. Анализ предпосылок реформы управления промышленностью 1957–1964 гг. С. 210.

ции управления промышленностью и строительством», принятому на февральском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС по итогам ранее представленной в ЦК записки за подписью Хрущева «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством» ликвидировалось большинство министерств и ведомств³³. Это стало ответом на ключевой вопрос: «идти ли дальше по линии еще большего дробления технического, экономического и административного руководства, создавая в центре все новые и новые отраслевые министерства и ведомства, или иметь более эффективные формы управления хозяйством»³⁴.

Нужно отметить, что продвижение концепта не было для Хрущева легким и беспроблемным. На февральском пленуме ЦК КПСС он столкнулся с позицией представителей ряда крупнейших министерств, которые настаивали на учете особенностей подведомственных им отраслей производства. К их числу относились энергетические министерства, а также влиятельнейшее Министерство среднего машиностроения (Минсредмаш, атомное ведомство)³⁵.

Затем в ходе заседаний президиума ЦК КПСС и созданной для доработки вопроса специальной комиссии министр Минсредмаша М.Г. Первухин подчеркнул, что в структуре народного хозяйства существуют отрасли, «которые не могут быть разьединены», – электроэнергетика, железнодорожный транспорт, военная промышленность³⁶.

Министр химической промышленности С.М. Тихомиров также утверждал, что и сырьевые отрасли промышленности нельзя полностью децентрализовывать³⁷. Против ликвидации министерств по-прежнему выступали и представители «старой гвардии», в частности, В.М. Молотов³⁸.

Собственно, в том, что касалось приоритетных отраслей оборонной промышленности, мнение хозяйственных руководителей находило у Хрущева понимание, но тоже не в полной мере. Он говорил: «Оборонная промышленность решается по секторам: свой сектор секретного производства. Например, на Урале такие-то заводы занимаются военным производством. Будет какое-то управление, которое будет заниматься этими секретными заводами. <...> Может быть, средмаш пока придется оставить, но потом и о средмаше вопрос также решим. Будет своя какая-то ячейка, которая будет заниматься этими вопросами, а центральное управление будет тоже»³⁹.

А.Н. Косыгин также сомневался в целесообразности постоянных реорганизаций органов управления народным хозяйством. «Особенное недовольство у него вызывало упразднение Хрущевым отраслевых министерств, вместо

³³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. С. 167–174.

³⁴ Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель»... С. 149.

³⁵ Некрасов В.Л., Хромов Е.А. Н.С. Хрущев и новая энергетическая политика (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): власть, реформы, идеология // Вестник ТГУ. 2011. № 349. С. 123.

³⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: в 3 т. Т. 1. М., 2003. С. 221.

³⁷ Там же. С. 226.

³⁸ Там же. С. 221.

³⁹ Проект записки Н.С. Хрущева в президиум ЦК КПСС «Некоторые соображения об улучшении организации руководства союзной промышленностью»... С. 336.

которых возникли пресловутые совнархозы. Правда, Косыгин не высказывал своего недовольства упразднением так открыто и явно, как, например, председатель Госплана Н.К. Байбаков, который на вопрос Хрущева о том, как он относится к совнархозам, откровенно заявил: “Нельзя ликвидировать министерства топливно-энергетической, оборонной промышленности, транспорта, сырьевые и машиностроительные <...>. Если мы ликвидируем министерства, то потеряем бразды правления экономикой”. Подобные откровения Байбакова закончились для него тем, что его сняли с российского Госплана и отправили руководить совнархозом в Краснодарский край⁴⁰. Но силовые структуры и связанные с ними мощнейшие индустриальные ведомства, фактически, свой статус отстояли.

Ход реформы и структура совнархозов

В мае 1957 г. на сессии Верховного Совета СССР был принят закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» и внесены изменения в Конституцию СССР⁴¹. Это радикально меняло конструкцию экономического управления. Как отмечалось в докладе Н.К. Байбакова, были ликвидированы 25 союзных отраслевых министерств и 9 промышленных и строительных министерств РСФСР⁴². Вместо них формировались экономические административные районы и создавались территориальные органы управления – совнархозы. СНХ были предоставлены многие права и полномочия, которыми ранее обладали министерства. За небольшим количеством оставшихся центральных ведомств были закреплены функции планирования и обеспечения высокого уровня технологии производства. В новых условиях они должны были руководить подведомственными им предприятиями через совнархозы.

Тем самым формально был совершен переход от отраслевого к территориальному принципу администрирования. С точки зрения экономического управления цель такой перестройки очевидна – ликвидировать ведомственные барьеры и повысить управляемость экономическим комплексом страны. Новая система, как представлялось, позволит приблизить экономическое управление к локализованным в регионах предприятиям и организациям. СНХ, не связанные ведомственными интересами, должны были обеспечить комплексный подход к развитию территорий. Многие производственные предприятия ВПК также передавались в ведение совнархозов. Но далеко не все.

В военно-промышленном комплексе сохранялась определенная специфика. В конце 1957 г. была образована Комиссия по военно-промышленным вопросам при президиуме Совета министров СССР. В ее состав вошли руково-

⁴⁰ Константинов С. «Я ведь не политик, я – инженер». URL: https://web.archive.org/web/20010221191024/http://faces.ng.ru/people/2000-12-14/1_kosygin.html (дата обращения: 04.03.2023).

⁴¹ О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством: Закон от 10 мая 1957 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 11.

⁴² ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 6576. Л. 2.

дители оставшихся центральных ведомств ВПК, министерств СССР: среднего машиностроения; авиационной промышленности, а также оборонной; общего машиностроения; радиопромышленности; средств связи; судостроительной; электронной и некоторых др.

Соответственно, в ведении Комиссии оказалась координация деятельности предприятий ключевых отраслей ВПК. Фактически на фоне происходившей децентрализации военно-промышленное лобби как минимум не утратило, а через Комиссию по военно-промышленным вопросам даже усилило свой вес в системе экономического управления.

Во исполнение постановления в СССР создавалось свыше 100 совнархозов, в том числе около 70 – в РСФСР. В ведение российских совнархозов были переданы из союзного подчинения 9411 промышленных предприятий. В материалах Госплана РСФСР отмечалось, что «ведущей отраслью промышленности, переданной совнархозам, является тяжелая индустрия, на долю которой приходится 66% от всей валовой продукции совнархозов»⁴³. В большинстве регионов страны совнархозы по своим контурам совпадали с границами существующих краев и областей. В системе совнархозов оказались почти все предприятия, выпускавшие продукцию в гражданском секторе экономики⁴⁴.

В соответствии с Положением о СНХ, совнархозы получали значительные полномочия в отношении расположенных в регионе и подведомственных им предприятий и организаций. Они должны были осуществлять разработку перспективных и текущих планов их деятельности, включая планы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и внедрения новой техники. В компетенции СНХ оказались вопросы кадровой политики, финансирования, капитального строительства и материально-технического снабжения. Иными словами, совнархозы были призваны обеспечить решение всего комплекса управленческих задач в отношении «своих» предприятий, судьба которых отныне всецело оказывалась в руках территориальных органов управления.

Но следует отметить, что статут СНХ был разработан с опозданием и утвержден лишь тогда, когда совнархозы в большинстве регионов уже фактически начали свою работу. Эта странная ситуация привела к некоторым осложнениям, поскольку вызвала административный хаос. Собственно, и само по себе Положение содержало ряд противоречивых пунктов, что вызвало сомнения в правомочности некоторых решений и стимулировало оживленную дискуссию среди специалистов по административному праву⁴⁵.

Структура всех совнархозов, в принципе, была однотипной, хотя при разработке реформы подчеркивалась необходимость учета конкретных условий каждого экономического района⁴⁶. Совнархозы создавались как коллегиальные органы с небольшим по численности персоналом, включавшим председателя, его заместителей и ограниченное количество руководящих и технических работников. Однако очень скоро ситуация стала меняться. Численность

⁴³ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5870. Л. 1.

⁴⁴ Организация управления в системе министерства. М., 1974. С. 53.

⁴⁵ Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством... С. 166.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5006. Л. 71–72.

аппарата СНХ начала стремительно увеличиваться за счет образования все новых отделов: законы эволюции бюрократической машины победить оказалось невозможно. В систему управления СНХ входили как функциональные, так и отраслевые подразделения. Их набор все же допускал некоторые вариации в зависимости от специфики тех или иных регионов. Отраслевые управления СНХ получали в свое подчинение предприятия соответствующих отраслей народного хозяйства (к примеру, машиностроительной промышленности, химической промышленности, металлургии и т.п.), а также обеспечивавшую их деятельность инфраструктуру. В итоге совнархозы по своей структуре и функциям все больше стали напоминать территориально организованные министерства в миниатюре.

Совнархозы и НТП

Для иллюстрации функционирования СНХ показательна их роль в решении одной из важнейших задач экономической политики – обеспечения надлежащего технологического уровня производства и ускорения НТП. Как известно, наряду с промышленными предприятиями и строительными организациями, в компетенции совнархозов оказались и научные учреждения, ранее находившиеся в ведении министерств и ведомств. В 1957 г. в материалах к сессиям Верховных Советов СССР и РСФСР о перестройке управления промышленностью и строительством, обосновывая необходимость реорганизаций, председатель Совета министров РСФСР М.А. Яснов отмечал крайнюю сложность централизованного руководства не только объектами промышленного производства, но и научными учреждениями, которых тогда в РСФСР было более 1 550⁴⁷.

Но в подчинение СНХ перешли далеко не все научные учреждения. В основном это были научно-исследовательские учреждения (НИУ) местного значения, предназначенные для реализации научных разработок в интересах конкретных территорий и решения частных производственных задач. Большая часть НИУ по-прежнему оставалась в ведении центральных органов управления. Причем, как правило, это были наиболее мощные структуры, обладавшие значительным научным потенциалом.

Впоследствии на одном из пленумов ЦК КПСС отмечалось, что, к примеру, в подчинение Ленинградского совнархоза перешли всего лишь 43 из почти 200 научных учреждений. Преимущественно они не определяли «развитие основных отраслей промышленности»⁴⁸. Другой пример: в Сибири в ведении СНХ оказались всего лишь 11% НИУ и 33% научных работников⁴⁹. Остальные НИУ отраслевой науки продолжали оставаться в подчинении сохранившихся министерств и ведомств⁵⁰.

---

⁴⁷ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5006. Л. 59.

⁴⁸ Пленум ЦК КПСС. 24–29 июня 1959 г. Стенографический отчет. М., 1959. С. 37.

⁴⁹ Воробьев А.П. Развитие отраслевой науки в системе научного потенциала Сибири (сер. 50-х – 60-е гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991. С. 12.

⁵⁰ См.: Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012.

В сфере координации НИОКР СНХ в регионах должны были опираться на помощь специально создаваемых центральных административных структур. В соответствии с реформой 1957 г. при Совете министров СССР был сформирован на правах совещательного органа Государственный научно-технический комитет (ГНТК). Аналогичные структуры возникли и во всех союзных республиках, в том числе и в России. Одной из функций ГНТК РСФСР, перешедшей затем к его преемникам, стало оказание конкретной помощи совнархозам отдельных территорий в разработке и исполнении планов по новой технике, а также оптимизация сети НИУ⁵¹.

В самих совнархозах для решения этой задачи, наряду с функциональными и отраслевыми подразделениями, на общественных началах создавались технико-экономические советы (ТЭС). Как предполагалось, они должны были осуществлять разработку региональной научно-технической политики и координировать работу отраслевых управлений по ускорению НТП⁵². Но уже из самих принципов организации подобных структур – пресловутых «общественных начал», столь популярных в идеологии времен Хрущева, – вытекало, что решение этой проблемы было трудновыполнимым, и советы сразу оказались под огнем критики. Компетентность данных органов должна была обеспечиваться за счет включения в их состав представителей всех отраслевых управлений СНХ, руководства совнархозов, ученых, работавших в НИУ соответствующих территорий, а также представителей партийных и советских органов управления. Советы возглавлялись, как правило, руководителями СНХ или одним из заместителей руководителя. ТЭС должны были обсуждать не только проблемы региональной организации науки, но и общие вопросы экономического развития регионов и вырабатывать способы координации НИОКР, проводимых на подведомственных территориях.

В отдельных случаях совнархозы брали на себя ответственность за придание дополнительных полномочий ТЭС. Так, в Западно-Сибирском СНХ была введена практика обязательного обсуждения всех стратегических проблем развития региональной экономики на заседании ТЭС. К их числу относились и вопросы развития технико-технологического потенциала отдельных отраслей производства, в частности, утверждения тематики НИОКР и планов внедрения новой техники. Однако и подобная практика не изменила ситуацию к лучшему, тем более что она возникла уже «на закате» совнархозовской реформы⁵³.

Обращает на себя внимание тот факт, что конкретные разграничения полномочий ТЭС и отраслевых управлений СНХ так и остались непроработанными. Их функции и задачи постоянно пересекались и в значительной части дублировали друг друга. Такая ситуация была явно не на пользу ТЭС, поскольку последние изначально создавались лишь как общественные совещательные органы. Соответственно, они унаследовали весь комплекс проблем, характерных для подобного рода структур. У них не было особых стимулов для

⁵¹ ГА РФ. Ф. А-408. Оп. 1. Д. 238. Л. 4–6.

⁵² Там же. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5006. Л. 74.

⁵³ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1653. Оп. 1. Д. 435. Л. 2–3.

эффективной работы, что не могло не сказаться на практической деятельности советов.

Принципы формирования ТЭС отражали типичный для хрущевского времени подход к управлению: стремление привлечь к этой практике представителей общественности, в то же время и ограничить их полномочия. Рекомендации ТЭС могли принимать характер решений только в том случае, когда за ними следовало специальное постановление СНХ. Роль статистов вызвала раздражение у членов советов, формировала стремление избежать участия в их работе и имитации деятельности. В этом заключается одно из объяснений многочисленных нареканий по поводу того, что заседания ТЭС просто игнорируются. Кстати, применяемые способы повлиять на «недисциплинированных» членов советов также были типичными для своего времени: апеллировать к партийным органам, сообщать в парткомы обо всех случаях пропуска заседаний совета его членами и требовать объявления партийных взысканий. Что, как показала практика, тоже не возымело действия⁵⁴.

Сложность проблем, с которыми приходилось сталкиваться совнархозам при реализации научно-технической политики, приводила к мысли о целесообразности создания более мощных, чем ТЭС, структур для проведения комплексной научной экспертизы готовившихся решений, которые должны были базироваться на принципах профессиональной, а не общественной деятельности. В некоторых совнархозах выдвигалась идея организации специальных технико-экономических институтов, функции которых должны были заключаться в разработке основных направлений комплексного развития регионов, а также в анализе эффективности проводимых НИОКР и использования новой техники и технологий. Ощущение актуальности создания подобных организаций было столь велико, что в отдельных совнархозах предполагалось их формирование даже за счет внутренних резервов, без дополнительного финансирования⁵⁵. Однако эта инициатива не получила поддержки «в верхах» и не распространилась широко. Приходилось обходиться возможностями ТЭС, а вопрос об ускорении НТП и внедрении передовой техники и технологий оставался для СНХ одним из самых проблемных.

Первые итоги: от эйфории к трезвым оценкам

Одной из первых рефлексий стартового периода реформ стала оценка их предварительных результатов ЦСУ СССР, направленная за подписью начальника ЦСУ В.Н. Старовского в виде аналитической записки от 6 октября 1959 г. в Совет министров СССР. По очевидным причинам политического и идеологического характера результаты первого этапа реформ характеризовались положительно. Делался вывод, что реформа обеспечила повышение темпов роста производства. Отмечалось, что до организации СНХ в экономике страны

---

⁵⁴ См.: Красное знамя. 1959. 9 декабря; 1960. 30 января; 23 декабря; Советская Сибирь. 1960. 31 января.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5022. Л. 17.

систематически не выполнялись планы по снижению себестоимости промышленной продукции, а начиная с 1957 г. эти планы перевыполнялись. Говорилось, что после организации совнархозов улучшились финансовые показатели работы промышленности⁵⁶. Госплан РСФСР также отмечал перевыполнение планов и высокие темпы прироста промышленной продукции на переданных СНХ предприятиях, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Однако подчеркивалось, что ряд совнархозов с плановыми заданиями по этому показателю не справился, и доля их достигала четверти от общего количества. Характерно, что в их числе были предприятия многих совнархозов восточной части страны (Кемеровского, Новосибирского, Алтайского, Иркутского, Красноярского и др.)⁵⁷.

Такова была официальная позиция властей. И на самом деле, на старте своей деятельности СНХ, похоже, справлялись с задачей мобилизации местных ресурсов и координации подведомственных им предприятий по выполнению плановых заданий, хотя и не без серьезных затруднений. Как уже отмечалось, трудности были связаны с непроработанностью регламентов этих новых институций и механизмов их взаимодействия как с центральными органами хозяйственного управления, так и между собой. Крайне сложной, особенно в начале реформы, оказалась проблема кадрового обеспечения. М.А. Яснов в записке, направленной в Совет министров СССР, отмечал что «комплектование аппарата совнархозов кадрами приняло затяжной характер. <...> Особенно неудовлетворительно комплектуются важнейшие отделы и управления совнархозов, такие, как производственно-технический, планово-экономический, машиностроения и ряд других, для укомплектования которых требуются специалисты высокой квалификации»⁵⁸. Часть специалистов реорганизованных и упраздненных министерств трудоустроивались в совнархозы в центре страны. В то же время СНХ на периферии испытывали острый дефицит квалифицированных управленцев — московские специалисты на периферию не стремились, а у компетентных профессионалов, занятых в промышленности, особого стимула переходить на работу в региональные структуры управления также не имелось: зарплаты на соответствующих должностях в промышленности, как правило, были выше.

Со временем все очевиднее становились и негативные последствия реорганизации, в частности, тенденция «замыкания» системы производственных связей и отношений в рамках «своего» региона. На Западе геополитические конкуренты СССР также внимательно отслеживали ход реформ, и предполагаемые результаты не вызвали особого беспокойства с точки зрения их интересов. Так, в отчете ЦРУ США (в интерпретации Дж. Норена) прогнозировалось, что в результате реформы не произойдет передачи принятия экономических решений из центра на места, и она вряд ли окажет существенное

⁵⁶ Докладная записка начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского в Совет министров СССР об экономических показателях работы совнархозов в 1957–1959 гг., 6 октября 1959 г. // Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты 1953–1964 гг. М., 2009. С. 375–403.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5870. Л. 3, 6.

⁵⁸ Региональная политика Н.С. Хрущева... С. 175.

влияние на рост производства в СССР, поскольку механизм принятия решений в области распределения ресурсов останется неизменным⁵⁹.

Соответственно, и реверсивное движение фактически началось уже спустя два года после инициирования реформ. Общим трендом эволюции территориальных структур управления стало постоянное усиление централизационных начал, т.е. реставрация системы, на слом которой и была направлена реформа.

Рефлексия опыта и начало контрреформ

В экономической литературе отмечают несколько направлений контрреформ. Например, Г.И. Ханин, как и некоторые другие эксперты, обращает внимание на следующие аспекты: «Рецентрализация управления экономикой; увеличение числа директивных показателей; увеличение детализации распределения материальных ресурсов; усиление нормирования всех видов ресурсов; ограничение личного хозяйства рабочих и служащих и работников сельского хозяйства; качественное усиление борьбы с коррупцией в государственном аппарате и с экономической преступностью; обновление руководящих кадров»⁶⁰.

Скорость контрреформ можно объяснить быстрым изменением политической конъюнктуры: «осуществление реформы началось в условиях, когда политические предпосылки, заставлявшие первого секретаря ЦК продвигать реформу на принципах децентрализации управления, утратили свою актуальность»⁶¹.

Как полагает Ю.А. Веденеев (с которым солидарен автор данной статьи), «углубление процессов централизации и механического роста однородных организационных единиц в период 1961–1963 гг. позволяет сделать вывод о развитии кризиса административной реформы 1957 г. <...> Территориальная модель хозяйственного управления в ее совнархозовском варианте все в большей степени <...> превращалась из фактора развития экономики в фактор ее торможения. "Цена" бюрократических решений и "потребительская стоимость" конечных результатов становились несоизмеримы»⁶².

В условиях накапливавшейся в системе государственного управления неудовлетворенности деятельностью совнархозов стал активно прорабатываться вопрос об их дальнейшей «дореорганизации». Д.С. Полянский, в то время председатель Совета министров РСФСР, в письме Н.С. Хрущеву от 31 июля 1959 г. отмечал: «Все чаще многие работники республиканских

⁵⁹ *Noren J.* CIA's Analysis of the Soviet Economy // Watching the Bear. Essays on CIA's Analysis of the Soviet Union / ed. by: Gerald K. Haines and Robert E. Leggett. (Chapter II). URL: <https://www.cia.gov/static/bf586388df9ef9f3253746f21da0ce46/Watching-the-Bear-2-Chap2-The-Economy.pdf> (дата обращения: 12.10.2022); *Водичев Е.Г., Аблажей Н.Н.* Стратегический план «построения коммунизма» в СССР: амбиции и идеология хрущевской эпохи // ЭКО. 2023. № 2. С. 137–151.

⁶⁰ *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск, 2008. С. 187.

⁶¹ *Щербакова Т.И.* Анализ предпосылок реформы управления промышленностью 1957–1964 гг. С. 210.

⁶² *Веденеев Ю.А.* Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР: историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М., 1990. С. 33–34.

и местных органов, особенно руководящие работники совнархозов, высказывают пожелания организовать в Российской Федерации специальный орган – Государственный комитет по координации и оперативному руководству совнархозами. <...> Такой Комитет можно наделить большими хозяйственно-организаторскими функциями, предоставить ему широкие права. Он будет в состоянии вести всю оперативно-хозяйственную работу в центре, руководить совнархозами и полностью отвечать за их деятельность перед Советом министров РСФСР»⁶³.

Цель заключалась еще и в том, чтобы посредством такой реорганизации оптимизировать работу не только СНХ, но и республиканского Госплана и Совета министров, избавив их от избыточных, по мнению Д.С. Полянского, функций.

В итоге СНХ подверглись серии трансформаций. Процесс централизации и укрупнения совнархозов начался уже в 1960 г.⁶⁴ Возник Всероссийский СНХ, призванный руководить оперативной деятельностью совнархозов в отдельных регионах республики. Его возглавил выходец из «оборонки» С.А. Афанасьев. Аналогичные структуры были сформированы в других крупнейших по масштабам экономики союзных республиках – в Казахстане и на Украине. Было принято решение о возможности создания республиканских совнархозов в тех республиках, где имелось несколько экономических районов. Затем появились советы по координации и планированию работы совнархозов отдельных экономических районов. Такие структуры создавались для формирования региональной экономической политики и разработки рекомендаций по управлению экономикой крупных экономических районов. Всего в стране было образовано 17 подобных районов⁶⁵.

Были определены основные задачи советов:

- планирование работы совнархозов;
- изучение и рассмотрение проблем комплексного развития промышленности, строительства, транспорта на территории краев, областей и экономико-административных районов, входивших в состав крупных экономических районов;
- разработка рекомендаций и предложений, направленных на наиболее эффективное использование природных богатств, производственных фондов и трудовых ресурсов данного региона;
- обеспечение специализации и кооперирования регионов в интересах развития национальных экономик⁶⁶.

Советы просуществовали всего лишь год, затем были ликвидированы и они. Очередной новацией стало укрупнение самих совнархозов, компетен-

⁶³ Региональная политика Н.С. Хрущева... С. 372.

⁶⁴ О внесении некоторых дополнений в Закон СССР от 10 мая 1957 г. «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1960 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960 г. № 27.

⁶⁵ Региональная политика Н.С. Хрущева... С. 374.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 8. Д. 240. Л. 142; Записка Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС, бюро ВСНХ, членам правительства СССР по вопросу улучшения планирования экономики. 28 марта 1963 г. // Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени... С. 712–713.

ции которых теперь определялись границами экономико-географических районов⁶⁷, ставшее следствием решений ноябрьского (1962 г.) пленума ЦК КПСС. Предложения такого рода начали поступать из отдельных регионов еще в 1959 г.⁶⁸, но процесс затянулся и занял несколько месяцев на протяжении 1962 и 1963 гг. Число экономических районов и количество совнархозов сократилось со 105 до 43.

Например, в РСФСР вместо ранее существовавших 67 совнархозов остались лишь 24⁶⁹. В Докладной записке отделов ЦК КПСС по РСФСР в Бюро ЦК КПСС по РСФСР о реорганизации партийных и советских органов по отраслевому принципу предлагалось сформировать систему территориальных органов управления. В ее состав должны были войти Московский, Ленинградский, Дальневосточный, Восточно-Сибирский, Красноярский, Западно-Сибирский, Северо-Уральский, Южно-Уральский, Верхне-Волжский, Средне-Волжский, Нижне-Волжский, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный и Северо-Кавказский советы народного хозяйства⁷⁰.

Через реорганизаций казалась нескончаемой. Интересно, что через шесть лет после старта совнархозовской реформы, сам Хрущев, выступая с докладом на ноябрьском (1963 г.) пленуме ЦК КПСС и пытаясь как-то аргументировать очередные реорганизации, отмечал: «Должен сказать, что вопрос о создании укрупненных советов народного хозяйства не новый. Еще в 1957 году, когда мы обсуждали пути перестройки управления промышленностью и строительством, вносились предложения об организации совнархозов на базе крупных экономических районов, таких, например, как Урал, Западная Сибирь, Центральный промышленный район и т.д. Но тогда было решено вернуться к таким предложениям позднее, когда будет накоплен достаточный опыт. Теперь такой опыт у нас есть»⁷¹. Далее докладчик подчеркивал, что «крупные совнархозы надо наделить широкими правами, не опекать их по мелочам, не сдерживать инициативу, а, наоборот, всячески содействовать ее развитию»⁷².

Параллельно, согласно решению ноябрьского (1962 г.) пленума ЦК КПСС, воссоздавались централизованные отраслевые структуры – государственные производственные комитеты по ключевым отраслям промышленности (энергетике и электрификации, газовой промышленности, транспортному строительству, монтажным и специальным строительным работам и др.). В их ведение передавались из совнархозов организации, осуществлявшие НИОКР, такие как отраслевые НИУ и проектные институты, конструкторские бюро, опытные заводы, экспериментальные базы и т.п. Госкомитеты обеспечивали отраслевую координацию в работе предприятий, остававшихся в ведении совнархозов.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 7086. Л. 71–74.

⁶⁸ См.: Докладная записка председателя Ростовского совнархоза П. Аброскина заместителю председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгину о необходимости укрупнения совнархозов от 29 декабря 1959 г. // Региональная политика Н.С. Хрущева... С. 410–414.

⁶⁹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 6.

⁷⁰ Региональная политика Н.С. Хрущева... С. 471.

⁷¹ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР.. Т. 7. С. 354–355.

⁷² Там же. С. 356.

В ВПК ситуация имела специфический характер, поскольку по итогам реорганизации 1957 г. сохранился ряд центральных министерств оборонного комплекса. Однако теперь и они преобразовывались в госкомитеты, вероятно, в целях унификации. В частности, в марте 1963 г. работавшее до этого времени «атомное» Министерство среднего машиностроения СССР также было переименовано в Государственный производственный комитет по среднему машиностроению СССР, сохранив в своей структуре 11 главков. Аналогичные метаморфозы произошли и с другими оборонными ведомствами. Деятельность предприятий оборонного комплекса по-прежнему координировалась Комиссией по военно-промышленным вопросам при президиуме Совета министров СССР.

На заседании президиума ЦК КПСС 29 ноября 1962 г. Хрущев отнес вопрос о научных учреждениях конструкторских бюро к числу «самых сложных». Он заявил, что в этом отношении «должно быть строгое отраслевое управление. <...> Конструкторские и научные учреждения надо объединить по отрасли, и чтобы эти научные и конструкторские отраслевые комитеты или подкомитеты <...> работали целеустремленно»⁷³. Цель заключалась в улучшении ситуации с НТП в экономике страны и мотивировалась необходимостью осуществления единой технической политики.

Со временем Хрущева все больше волновала мысль о потере управляемости в созданной в стране по его инициативе громоздкой системе экономического управления. Но для оптимизации системы им виделся лишь один путь: добавлять в эту систему все новые и новые звенья. В итоге постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 11 января 1963 г. был сформирован Совет народного хозяйства СССР в качестве «общесоюзного государственного органа», который стал своего рода «суперминистерством». В его подчинение перешли республиканские СНХ, недавно созданные отраслевые госкомитеты. Также в ведение союзного СНХ передавались функции материально-технического снабжения и оперативного планирования. Система все больше напоминала прошлую, министерскую, но производственные предприятия все еще оставались в ведении совнархозов.

К весне 1963 г. Хрущев пришел к выводу: «Целесообразно, чтобы Совнархоз СССР и республиканские совнархозы были бы союзно-республиканскими органами, чтобы принимаемые Союзным совнархозом решения были обязательными для всех совнархозов — как республиканских, так и совнархозов экономических районов, то есть чтобы было полное подчинение сверху донизу»⁷⁴. Аналогичным образом предполагалось реорганизовать и систему Госплана. Наконец, Хрущев объявил, что «настало время создать Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ)»⁷⁵.

ВСНХ СССР был сформирован 13 марта 1963 г. в качестве «высшего государственного органа по руководству промышленностью и строительством в стране, облеченного всеми необходимыми правами и полномочиями для

⁷³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 649.

⁷⁴ Записка Н. С. Хрущева в президиум ЦК КПСС о перестройке управления промышленностью и строительством. 5 марта 1963 г. // Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени... С. 706.

⁷⁵ Там же. С. 707.

решения вопросов, связанных с работой промышленности и строительством, и обеспечения успешного выполнения государственных планов»⁷⁶. В итоге возникла управленческая суперструктура с практически неограниченными полномочиями: «Функции этого органа в области экономики были столь велики, что непонятно было, чем должен в области экономики заниматься Совет министров СССР. <...> В его подчинение были переданы не только СНХ СССР и основные государственные производственные комитеты, руководившие атомной промышленностью, электроэнергетикой и газовой промышленностью, государственные комитеты по оборонным отраслям промышленности, государственным стандартам и по делам изобретений и открытий, но также Госплан СССР, <...> Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ, Стройбанк СССР и Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых»⁷⁷.

Также Хрущев заявлял: «Высшему Совету Народного Хозяйства следует передать Военно-промышленную комиссию, все Комитеты по оборонной технике и Министерство среднего машиностроения. Думаю, что заместитель Председателя Совета Министров, ведающий оборонной промышленностью, должен быть заместителем председателя ВСНХ, а не заместителем Председателя Совета Министров СССР»⁷⁸. Что и было сделано. Одновременно с образованием ВСНХ Госплан СССР и Совнархоз СССР преобразовывались из союзных в союзно-республиканские органы, а также уточнялся перечень госкомитетов и министерств, подчиненных ВСНХ.

Что касается Военно-промышленной комиссии (в то время – Комиссии по военно-промышленным вопросам), то при Хрущеве на протяжении 1957–1963 гг. ею руководил Д.Ф. Устинов, одновременно занимавший должность первого заместителя председателя Совета министров СССР (ставший впоследствии министром обороны СССР), которого затем сменил Л.В. Смирнов. Оба руководителя имели огромный опыт управления различными отраслями оборонной промышленности, входя в число наиболее влиятельных фигур ВПК, что еще более усиливало «оборонное звучание» формально гражданской системы управления. В.Н. Новиков, впоследствии председатель ВСНХ СССР и заместитель председателя Совета министров СССР, отмечал: «Организованный Хрущевым Высший Совет Народного Хозяйства во главе с Д.Ф. Устиновым практически заменял или подменял собой Совмин. Все оперативные вопросы, большие и малые, решались именно в ВСНХ»⁷⁹. Такое дублирование функций периодически создавало проблемы.

Но и ВСНХ, создание которого, по мнению того же В.Н. Новикова, «себя оправдало»⁸⁰, оказался не в состоянии обеспечить эффективное руководство экономикой страны и реализацию единой и целостной стратегии в рамках

⁷⁶ Об образовании Высшего совета народного хозяйства Совета Министров СССР: Указ Верховного Совета СССР № 1020а-VI от 13 марта 1963 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 11.

⁷⁷ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. С. 193–194.

⁷⁸ Записка Н.С. Хрущева в президиум ЦК КПСС о перестройке управления промышленностью и строительством. 5 марта 1963 г. С. 708.

⁷⁹ Новиков В.Н. В годы руководства Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 106.

⁸⁰ Там же. С. 105.

существующей системы совнархозов. Преодолеть проблему рассогласования развития промышленности по отраслям и сформированной в результате реформ системы территориального управления через механизмы союзных, республиканских и региональных совнархозов также не удавалось. Система экономического управления все более усложнялась. А в экономике тем временем снижались показатели эффективности производства и обострялись проблемы в сфере научно-технической и технико-технологической политики. К тому же, все отчетливее проявлялись диспропорции территориального развития страны, обрекавшие периферийные регионы на перманентное отставание в экономической сфере.

Постоянным корректировкам подвергалась и внутренняя структура совнархозов. Так, например, в 1959 г. после июньского пленума ЦК КПСС, отметившего необходимость совершенствования организации НИОКР для ускорения НТП⁸¹, технические советы стали формировать уже и в отраслевых управлениях совнархозов. Это была реакция на призыв Хрущева «создать в совнархозах какие-то органы, которые занимались бы повседневно вопросами науки и технологии»⁸². Технические советы объединяли представителей промышленных предприятий конкретной отрасли, расположенных в регионе, а также специалистов соответствующих научных учреждений. Функции этих подразделений не были четко разграничены с функциями ТЭС, и они несли на себе груз тех же проблем. В конце 1963 г. Хрущев, отчаявшись добиться видимого прогресса в сфере инновационной политики, предложил рассмотреть вопрос о создании ТЭС уже в Госплане, «в состав которого входили бы председатели отраслевых комитетов, директора крупных научно-исследовательских институтов, ученые-экономисты, новаторы производства»⁸³.

Иными словами, логика поиска выхода из сложившейся ситуации не менялась: варианты оптимизации политики искали лишь на путях трансформации существующих и формирования дополнительных звеньев в системе управления.

Естественно, что многочисленные реорганизации системы управления народно-хозяйственным комплексом сопровождались массовой заменой хозяйственных руководителей на всех уровнях. Все они происходили, как правило, в рамках номенклатуры. Постоянными становились горизонтальные перемещения руководителей, имело место некоторое омоложение кадров управленцев, связанное с естественным физическим уходом и отставками «старой гвардии». Конечно, преследовалась цель повысить общий уровень компетентности и ответственности хозяйственного руководства, поскольку это рассматривалось в качестве важного фактора преодоления управленческих сбоек в макроэкономической системе в целом. Общим вектором стала попытка переноса в гражданскую экономику управленческих алгоритмов из отраслей ВПК, опыт которого признавался в СССР в качестве модельного, передового. Но кадровые решения этого времени не способствовали улучшению

⁸¹ Пленум ЦК КПСС. 24–29 июня 1959 г. Стенографический отчет. С. 515.

⁸² Там же. С. 463.

⁸³ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР.. Т. 7. С. 344–345.

качества управления — управляемость системы все больше терялась, а компетентность хозяйственного руководства не улучшалась.

Экстраполяция реформ на партийные инстанции

В условиях, когда по мере прогрессирующего падения эффективности производства все отчетливее стала осознаваться проблемность совнархозов в их различных «реинкарнациях» как органов управления, Хрущев попытался прибегнуть к ранее испытанному и апробированному средству: перенести центр тяжести, как он полагал, на полностью подконтрольные ему партийные структуры. Напомним, что вплоть до середины 1950-х гг. распределение властных полномочий в сфере экономического управления складывались в пользу государственного аппарата. Это хорошо прослеживается на примере оборонных отраслей промышленности — ведущего сегмента советской экономики. По обоснованному мнению некоторых исследователей, начало реорганизации системы властных отношений было положено устранением в 1953 г. Л.П. Берии и ликвидацией Спецкомитета — в то время основного драйвера прогресса в ВПК СССР, после чего сфера компетенции партийных структур в принятии стратегических решений в области оборонных и важнейших экономических проблем существенно возросла. Об этом свидетельствуют, в частности, организация в 1954 г. отдела оборонной промышленности в ЦК КПСС и создание год спустя Совета обороны, который возглавил сам первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев⁸⁴. Параллельно возрастала роль партийных инстанций и в оперативном контроле за производственной и научной деятельностью. Она стала весьма значительной, во всяком случае, намного большей, чем раньше.

Теперь же данный тренд восстанавливался и усиливался. Объяснения этому опираются на совокупность аргументов. Во-первых, усиление партийного руководства рассматривалось Хрущевым как основной рычаг повышения эффективности социального управления в целом и отдельных социальных институтов в частности. Во-вторых, новый лидер страны считал партийные структуры своим важнейшим инструментом в политической борьбе с оппонентами. Партия рассматривалась им как противовес государственным органам, жестко централизованным, иерархизированным и во многом оппозиционным его реформаторским настроениям. То, что «при Сталине управленческая бюрократия доминировала над партией и была главным институциональным выражением власти. <...> Он же (Хрущев) управлял страной посредством партии, но не через ее голову»⁸⁵, естественно, создавало предпосылки для усиления вовлеченности партийного аппарата и в управление реальным сектором экономики.

Наконец, в-третьих (и это имело особое значение применительно к рубежу десятилетий), усиление партийного вмешательства в текущее управление

---

⁸⁴ См.: *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. С. 174–175.

⁸⁵ *Sakwa R.* Soviet Politics. An Introduction. London; New York, 1989. P. 77.

экономикой было порождено и усугублявшимся разочарованием от организационных неудач, преследовавших Хрущева и его реформы. Партийные связи рассматривались как определенное средство компенсации недостатков государственной системы, неспособной обеспечить эффективное управление народнохозяйственным комплексом. Во всяком случае, при Хрущеве было заметно стремление «оживить» посредством использования партийных структур горизонтальные связи и систему координации в экономическом управлении. Слабость таких коммуникаций справедливо считалась одним из ключевых недостатков в советской модели организации и управления экономикой.

В конце концов в результате предпринятых акций возросла вовлеченность партийных структур в управление на локальном и региональном уровнях. Документы, отражающие деятельность компартии во второй половине 1950-х гг., также свидетельствуют о волнообразном росте внимания руководящих партийных органов среднего звена (на уровне городов, краев и областей) к производственным вопросам. Например, постоянными реалиями этого времени становятся обсуждения и решения, направленные на усиление технико-технологического уровня производства, связей научных учреждений с промышленными предприятиями и вопросов НТП в целом.

Немалую роль в усилении партийного вмешательства в научную деятельность сыграло предоставление в 1959 г. первичным партийным организациям производственных и торговых предприятий (эта квалификация распространялась и на НИУ, занимавшиеся прикладными исследованиями и разработками) права создавать комиссии, контролирующие деятельность администрации. В 1961 г. в эти регламентации по итогам XXII съезда КПСС был внесен ряд уточнений, нашедших отражение в «хрущевской версии» устава КПСС⁸⁶. Следует отметить, что в последующие годы расширение функций партаппарата ограничивалось, скорее, формальными декларациями, чем реальными действиями. Это свидетельствует о том, что в партийной политике в начале 1960-х гг. произошла определенная переоценка ценностей. КПСС стала больше ориентироваться на непосредственную деятельность по руководству экономикой, считая основной задачей выполнение производственных планов. Все, что отвлекало от этого, отходило для партийных структур на второй план⁸⁷.

В целом же, даже при нестабильности политической линии, функции партаппарата, по сравнению с предшествовавшим периодом, расширялись. Но это создавало новые проблемы. Партийные инстанции рассматривались Хрущевым в качестве противовеса ведомствам, однако, перенос акцентов на территориальный принцип привел к тому, что стали возникать проблемы с управляемостью и по партийной линии. Справедливо отмечается, что «после 1957 года областные секретари подмяли под себя весь промышленный и научно-технический потенциал страны. Между первыми секретарями обко-

⁸⁶ Устав Коммунистической партии Советского Союза: (Утв. XXII съездом КПСС). М., 1961. п. 59.

⁸⁷ Эта тенденция детально охарактеризована в статье С. Фортеस्कью: *Fortescue St. Research Institute Party Organizations and the Right of Control // Soviet Studies. Soviet Studies. Vol. 35. № 2 (April 1983). P. 178–179.*

мов устанавливаются неформальные горизонтальные связи. Постепенно секретари и промышленные генералы перестают быть послушными клиентами Центра – они обретают свой собственный политический вес. Перераспределение власти в местных партийных структурах препятствует командному стилю управления. Решения, идущие сверху, теперь исполняются не любой ценой, а по мере возможности»⁸⁸.

Все это вызывало тревогу в верхах. Именно этими обстоятельствами мотивируются последние хрущевские реорганизации в партийной системе. В соответствии с постановлениями ноябрьского (1962 г.) пленума ЦК КПСС, по инициативе Хрущева, принявшего решение «о коренной реорганизации системы контроля в стране, положив в ее основу ленинскую идею о соединении партийного и государственного контроля, создании системы единого всеохватывающего, постоянно действующего контроля с участием в нем широких масс коммунистов и всех трудящихся», был образован Комитет партийного и государственного контроля ЦК КПСС и Совета министров СССР. Председателем его стал секретарь ЦК КПСС, руководитель КГБ и один из фаворитов Н.С. Хрущева – А.Н. Шелепин. Дело, конечно, было не в расширении участия «широких масс», а в усиление влияния партийных органов, находившихся под контролем первого секретаря. Соответственно, эта акция понравилась далеко не всем в руководстве страны. В частности, по некоторым данным, против такой инициативы выступили А.Н. Косыгин и А.И. Микоян, но Н.С. Хрущев еще мог позволить себе игнорировать мнение коллег и соратников⁸⁹.

Одновременно была проведена реформа партийных органов, которые разделились по отраслевому принципу. Производственный принцип, как предполагалось, должен был еще больше сфокусировать партийные инстанции на руководстве экономикой. Хрущев заявлял: «На практике дело складывается так, что партийное руководство часто носит кампанейский характер. <...> Необходимо, чтобы партийные организации не декларативно, а повседневно, действительно оперативно руководили хозяйством с глубоким знанием дела. <...> Назрела необходимость организационной перестройки партийных и советских органов, имея в виду повышение их роли и ответственности за руководство всей экономикой страны»⁹⁰. Создавалось по два обкома партии, промышленный и сельскохозяйственный, соответствующая реорганизация затронула и органы советской власти на местах.

Реформа охватила не все регионы, но их большинство. Например, в РСФСР имелись в 1962 г. 16 автономных республик, 6 краев, 54 области, в том числе 5 автономных. Но предполагалось сформировать «44 обкома, крайкома партии по руководству промышленностью и 45 обкомов, крайкомов КПСС по руководству сельским хозяйством»⁹¹.

⁸⁸ Шестаков В.А.: 1) Социально-экономическая политика Советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 36; 2) Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х гг. М., 2006. С. 123.

⁸⁹ Хрущевские времена / публ. Н.А. Барсукова // Неизвестная Россия. Вып. 1. М., 1992. С. 286.

⁹⁰ Записка Н.С. Хрущева в президиум ЦК КПСС по перестройке руководства партийных и советских органов. 10 сентября 1962 г. // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени... С. 673, 674.

⁹¹ Региональная политика Н.С. Хрущева... С. 469.

В постановлении бюро ЦК КПСС по РСФСР от 6 декабря 1962 г. «О реорганизации партийных и советских органов в областях, краях и автономных республиках РСФСР» предусматривалось образовать две самостоятельные партийные организации в краях: Алтайском, Краснодарском, Красноярском, Приморском, Ставропольском и областях: Белгородской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Воронежской, Горьковской, Ивановской, Иркутской, Калининской, Калужской, Кемеровской, Кировской, Костромской, Куйбышевской, Курганской, Курской, Ленинградской, Липецкой, Московской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Свердловской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Тюменской, Ульяновской, Челябинской, Читинской, Ярославской⁹².

Цель состояла в улучшении управляемости в партийной вертикали, что должно было повысить эффективность реализации реформ и социально-экономической политики в целом. Реформа партийных инстанций и внутренняя структура модифицированных органов партийного руководства, теперь жестко ориентированного на хозяйственную деятельность, во многом воспроизводили отраслевой принцип управления, ранее упраздненный с введением совнархозов. Но итоги реорганизации партийных структур также оказались разочаровывающими: они привели к еще большему организационно-управленческому хаосу.

Выводы и заключения

В первой половине 1960-х гг. в ходе укрупнения СНХ в их структуре фактически был воссоздан отраслевой принцип на всех уровнях, включая общесоюзный. Тем самым и совнархозы превращались в избыточные звенья в восстанавливавшейся системе отраслевого управления экономикой. Всего лишь за несколько лет реформы подошли к своему коллапсу. Уже это рано определившееся движение контрреформ и все более усиливавшийся возврат к централизации позволяют говорить о неподготовленности, поверхностности и в целом о неудаче «совнархозовской» реформы.

И крайне противоречивый процесс реорганизаций, и достигнутые результаты показали следующее. Политические цели реформы (несмотря на содержащееся в ней рациональное зерно), с одной стороны, не были в достаточной степени гармонизированы с экономической целесообразностью, с другой — не учитывали в должной мере интересы отраслевых элит центра и ВПК, которые смогли быстро восстановить и отстоять свои позиции.

То же можно сказать и об идеологическом подтексте реформ, имевшем отношение к продвижению Хрущевым тезиса о формировании «общенародного государства» с активным вовлечением населения во все сферы управления и направленном на деbüroкратизацию экономики страны.

⁹² Региональная политика Н. С. Хрущева... С. 475.

Вместе с тем при участии самого Хрущева, инициировавшего «совнархозовскую» реформу, произошла легитимизация своеобразного бюрократического дискурса при принятии решений, и это стало важнейшим следствием реорганизации системы управления экономикой. Первоначальные замыслы явно не предполагали таких результатов, и как авторитарный лидер Хрущев вряд ли осознавал риски оказаться в «институциональных ловушках». Скорее, он боролся с их проявившимися последствиями. Но вся история с осуществлением «совнархозовской» реформы и откатом от нее свидетельствовала о фактическом утверждении в СССР экономики согласования, включавшей в себя механизм обратной связи⁹³.

Как раз при Хрущеве произошел наиболее существенный шаг по институционализации подобных практик, и они стали превращаться в «ядро советской экономической системы» в рамках механизмов «бюрократического торга»⁹⁴, в ходе которого интересы регионов все же учитывались, хотя и не выглядели приоритетными. Основой модифицированной системы становилось «итеративное планирование, включающее в себя многократное согласование плановых заданий между “заказчиками” и “исполнителями”, <...> и планы, распределение ресурсов, административные инструкции, власть и положение в иерархических структурах. Как предмет административно-бюрократической торговли выступали планы. <...> Сама система согласований действовала по принципу *liberum veto*, который предусматривал принятие компромиссного решения всеми заинтересованными участниками административно-бюрократической торговли. Поэтому отныне распоряжения центра не являлись столь категоричными императивами для местного руководства»⁹⁵. Добавим к этому, что не только и не столько для «местного руководства», сколько для могущественных отраслевых элит и ведомств.

Такую систему отношений вряд ли можно было назвать либеральной: ее формирование совершенно не означало либерализацию экономики с точки зрения ее сущностных элементов. Реорганизация системы управления имела, по сути, лишь периферийное отношение и к процессам демократизации общества, и к идеям либерализации экономической системы. Не только содержание, но и сам ход реформы и отката от нее показывает это весьма убедительно. В практике политических решений реализация тенденций к децентрализации была, несомненно, связана с проходившими в стране интенсивными поисками сценариев экономической реформы. По логике, эта

⁹³ Авен П.О., Широкин В.М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Известия СО АН СССР. Сер. экономики и прикладной социологии. 1987. № 13. Вып. 3. С. 34; Найшуль В.: 1) Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991. С. 31–62; 2) Ключ к реформам находится в нерыночной сфере // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 5–14; Левин С.Н., Саблин К.С. Концепция рынков власти как методология исследования институциональной организации современной российской экономики и общества // Журнал институциональных исследований. Т. 10. № 4. 2018. С. 97–111; и др.

⁹⁴ Коваленко С.Г. Неформальные экономические практики на Дальнем Востоке в период активного формирования бюрократического рынка 1950–1960-х гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 3. С. 164–169.

⁹⁵ Белоногов Ю.Г. Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов... С. 37.

реформа должна была бы обеспечить восприимчивость советской экономики к инновациям, придав ей тем самым новую динамику, связать «достижения научно-технической революции с преимуществами социализма», а реформа системы управления могла бы стать ее частью. Но, как это неоднократно бывало в советской практике, «гора родила мышь».

Реформа, ограниченная противоречивой и непоследовательной реструктуризацией системы управления, в определенной мере лишь отвлекала внимание от более глубоких преобразований в экономике. Концептуальная необходимость структурного реформирования системы управления и формирования механизмов, стимулирующих хозяйственную самостоятельность предприятий, мотивацию к улучшению качества продукции, а также к повышению эффективности производства и запросу на инновации, была нарушена в самом начале. Реальные драйверы реформ управления оказались весьма далеки от декларированных, а ход трансформаций позволяет сделать вывод, что реформа в системе экономического управления связана с процессами демократизации во многом лишь формально. Более фундаментальные изменения в экономическом механизме были невозможны без столь же глубоких преобразований на социетальном уровне, в обществе в целом. Поверхностной корректировки экономической системы в рамках «десталинизации» и отказа от экономики ГУЛАГа оказалось явно недостаточно. Сохранявшаяся экономическая модель и до «хрущевской» реформы системы управления, и после отката к истокам оставалась далека от объективных потребностей трансформирующейся экономики. В ней увеличивался вес предприятий новых технологических укладов, и она по-прежнему не предоставляла какой-либо самостоятельности в рамках механизма принятия решений субъектам экономической деятельности.

В итоге «совнархозовская» реформа не привела к радикальному изменению институциональных основ советской административной модели управления в экономике. В то же время осмысление ее хода и последствий истеблишментом позволило ему сделать надлежащие выводы относительно опасности подобных пертурбаций для самой системы и сохранить управляемость в ней, хотя это и не обеспечило долговременного роста эффективности и повышения динамики советского народно-хозяйственного комплекса. Впереди маячили контуры «косыгинской» реформы, продолжающей «хрущевскую», со своей экономической логикой и политическими интригами, но в целом с похожей судьбой.

Библиография

- Artemov E., Vodichev E.* The Economic Policies of the Khrushchev Decade: Historiography // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. № 5. P. 1822–1839.
- Fortescue St.* Research Institute Party Organizations and the Right of Control // *Soviet Studies*. Vol. 35. № 2 (April 1983). P. 175–195.
- Linden C.A.* Khrushchev and the Soviet Leadership: With an Epilogue on Gorbachev. Updated Edition. Baltimore; London: John Hopkins univ. press, 1990. 287 p.
- Sakwa R.* Soviet Politics. An Introduction. London; New York: Routledge, 1989. 356 p.

- Авен П.О., Широкин В.М.* Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1987. № 13. Вып. 3. С. 33–37.
- Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 486.
- Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 254 с.
- Артемов Е.Т., Водичев Е.Г.* По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 2. С. 324–347.
- Байбаков Н.К.* Сорок лет в правительстве. М.: Республика, 1993. 317 с.
- Белоногов Ю.Г.* Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов в отечественной историографии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 35–41.
- Борисов Ю.С.* Становление командно-бюрократической системы // ЭКО. 1989. № 1. С. 145–161.
- Веденеев Ю.А.* Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР: историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М.: Наука, 1990. 250 с.
- Водичев Е.Г.* Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск: Гео, 2012. 346 с.
- Водичев Е.Г., Аблажей Н.Н.* Стратегический план «построения коммунизма» в СССР: амбиции и идеология хрущевской эпохи // ЭКО. 2023. № 2. С. 137–151.
- Воробьев А.П.* Развитие отраслевой науки в системе научного потенциала Сибири (сер. 50-х – 60-е гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: [б.и.], 1991. 19 с.
- Демичев Е.В.* Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2011. 292 с.
- Дрындин В.Л.* Попытки проведения хозяйственных реформ 1953–1964 гг. в контексте специфики российской истории. Оренбург: Пресса, 2002. 246 с.
- Коваленко С.Г.* Неформальные экономические практики на Дальнем Востоке в период активного формирования бюрократического рынка 1950–1960-х гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 3. С. 164–169.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9: 1956–1960. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политгиздат, 1986. 574 с.
- Коржихина Т.П.* Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления. Проблемы и факты: Межвузовский сборник научных работ / ред. Т.П. Коржихина. М.: РГГУ, 1992. С. 4–26.
- Левин С.Н., Саблин К.С.* Концепция рынков власти как методология исследования институциональной организации современной российской экономики и общества // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10. № 4. С. 97–111.
- Мерцалов В.И.* Реформа хозяйственного управления 1957–1965 гг.: предпосылки, ход, итоги (На материалах Восточной Сибири). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 266 с.
- Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991. С. 31–62.
- Найшуль В.* Ключ к реформам находится в нерыночной сфере // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 5–14.
- Некрасов В.Л.* «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М.: ИВИ, 2019. 174 с.
- Некрасов В.Л.* Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. Вып. 54. С. 71–91.
- Некрасов В.Л., Хромов Е.А.* Н.С. Хрущев и новая энергетическая политика (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): власть, реформы, идеология // Вестник ТГУ. 2011. № 349. С. 123–126.
- Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: документы из личного фонда Н.С. Хрущева: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. Н.Г. Томилина; сост.: А.Н. Артизов, Л.А. Величанская, И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков (отв. сост.), С.Д. Таванец. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2009. 876 с.
- Новиков В.Н.* В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 103–116.

- Организация управления в системе министерства / под ред. Н.Г. Калинина. М.: Изд-во Московского ун-та, 1974. 322 с.
- Пленум ЦК КПСС. 24–29 июня 1959 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1959. 832 с.
- Попов Г.Х.* С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65.
- Пыжиков А.В.* Хрущевская оттепель. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 509 с.
- Президиум ЦК КПСС, 1954–1964: черновые протокольные записи заседаний, стенограммы, постановления: в 3 т. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: РОССПЭН, 2004. 1359 с.
- Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 773 с.
- Устав Коммунистической партии Советского Союза: (Утв. XXII съездом КПСС). М.: Правда, 1961. 31 с.
- Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: НГТУ, 2008. 515 с.
- Хлевнюк О.В.* Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3(56). С. 71–80.
- Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. [Речи и документы]: в 7 т. Т. 7: Март 1962 года – март 1963 года. М.: Госполитиздат, 1963. 495 с.
- Хрущевские времена / публ. Н.А. Барсукова // Неизвестная Россия. Вып. 1. М.: Историческое наследие, 1992. С. 270–304.
- Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х гг. М.: Наука, 2006. 295 с.
- Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика Советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: [б.и.], 2006. 54 с.
- Щербакова Т.И.* Анализ предпосылок реформы управления промышленностью 1957–1964 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4(1). С. 206–211.
- Яшин В.* Причины кризиса административно-командной системы и ее противоречия // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 145–147.

Экономика переходного периода

Демчик Е.В.

Мирошкин Е.С.*

Газификация Алтайского края в условиях рыночных реформ 1990-х гг.

Аннотация. Статья посвящена вопросам реализации газификации Алтайского края в условиях кризисной ситуации 1990-х гг., вызванной распадом СССР и системными преобразованиями в постсоветской России, известными как рыночные реформы. Прослежена динамика событий, выделены проявления кризисной ситуации, создавшие специфические условия для осуществления строительства газотранспортной системы. Газификация является одним из важнейших социально-экономических и инфраструктурных проектов, который требует больших объемов стабильного финансирования и материально-технического обеспечения. Это было невозможно в условиях кризисного перехода к новой экономической модели. Тем не менее 1990-е гг. стали важной вехой в процессе газификации Алтайского края, который продолжается и в наши дни.

Ключевые слова: газотранспортная система, газопроводы, Алтайский край, природный газ, энергетическая эффективность, экономическая целесообразность, газификация, масштабное строительство, рыночные реформы, системный кризис, проблемы с финансированием.

Актуальность исследований, посвященных газификации регионов, определяется тем, что газовое хозяйство является одной из базовых отраслей экономики и оказывает серьезное влияние на ее структуру и динамику, обеспечивает значительные улучшения в социальной сфере, прежде всего — в жилищно-коммунальном хозяйстве, и создает предпосылки для более активного экономического роста. Газификация на протяжении нескольких десятилетий — важнейшая социальная программа государства, изучение которой при рассмотрении развития экономики и социальной сферы в исторической ретроспективе неизбежно и необходимо.

В исторической науке на данный момент не так широко распространены исследования по истории газового хозяйства регионов. При этом имеется множество трудов, посвященных изучению истории газовой отрасли всей России в целом (в т.ч. в имперский и советский периоды). Исследователи защищали диссертации, публиковали статьи, создали несколько учебных пособий по истории газовой промышленности для профильных специальностей. Однако широкий охват данных работ не позволяет отдельно осветить развитие газового хозяйства каждого региона и в должной мере уделить внимание на столь локальном уровне ходу и специфике газификации, ее влиянию на социально-экономическое развитие конкретной территории, если речь идет не о нефтегазоносных районах. В последнем случае, как правило, не принято выделять регионы в смысле субъектов федерации, речь идет о нефтегазовых

* Демчик Евгения Валентиновна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, Алтайский государственный университет, demtchikev@mail.ru;
Мирошкин Евгений Сергеевич — студент, Институт истории и международных отношений Алтайского государственного университета, emiroshkin@inbox.ru

комплексах, которые не всегда укладываются в границы субъектов (например, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, включающий Тюменскую, Томскую, Новосибирскую, Омскую, Курганскую, Свердловскую области и Красноярский край). Заметный успех в области изучения региональной истории газовой промышленности достигнут применительно к Оренбургской обл., где добыча газа является одной из важнейших составляющих региональной экономики. В частности были защищены диссертации – О.Ф. Лапаевой «Формирование и развитие топливно-энергетического комплекса России: На примере Оренбургской области» и Е.В. Овчаренко «Становление и развитие газовой промышленности в России» (одна из глав посвящена истории газовой промышленности Оренбуржья)¹. Отметим, что в них речь идет не об изучении процесса газификации, а об истории развития регионального топливно-энергетического комплекса, основу которого составляет газодобыча и газопереработка.

В большинстве исследований относительно последних десятилетий истории собственно Алтайского края газификацию либо оставляют за пределами внимания, либо ограничиваются кратким ее упоминанием в контексте социально-экономического развития края, не выделяя этот процесс как отдельный объект. Изучение газовой отрасли края ограничивается рядом изысканий экономистов, в которых, как правило, рассматриваются актуальные аспекты газификации в современных им условиях, т.е. в 2000–2020-х гг. Следовательно, газификация Алтайского края многократно и всесторонне рассмотрена учеными-экономистами. Однако ее изучения именно в исторической ретроспективе не проводилось, исследователи ограничивались анализом актуальных данных, выведением исходя из них рекомендаций и прогнозов относительно дальнейших перспектив газификации (которые впоследствии не всегда оправдывались). Между тем изучение данной проблемы с точки зрения исторической науки необходимо с целью более разностороннего исследования истории социально-экономического развития России, неотъемлемой частью которого стала газификация.

Этому процессу почти не уделялось внимания в краеведческой литературе по Алтайскому краю. Тем не менее некоторые научные работы по заявленной теме использованы при написании данной статьи, в частности, монография В.В. Мищенко «Депрессивный Алтай»² и третий том «Истории Алтая»³. Содержащиеся в них данные необходимы для понимания специфики условий, в которых осуществлялась газификация Алтайского края в 1990-е гг.

Особо отметим не являющуюся научным исследованием книгу А.И. Мельникова «Прорыв»⁴. Хотя ее автором заявлен А.И. Мельников (начальник краевого управления газового хозяйства «Алтайкрайгаз», 1986–1993 гг.; и.о. ген.

¹ Лапаева О.Ф. Формирование и развитие топливно-энергетического комплекса России: На примере Оренбургской области. Дис. ... канд. экон. наук. [б.м.], 2005; Овчаренко Е.В. Становление и развитие газовой промышленности в России. Дис. ... канд. экон. наук. Оренбург, 2005.

² Мищенко В.В. Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса. Барнаул, 2006.

³ История Алтая: в 3 т. Т. 3: Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века) / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул, 2019.

⁴ Мельников А.И. Прорыв. Барнаул, 2012.

директора ОАО «Алтайкрайгазсервис» 1993–1995 гг.; первый заместитель гендиректора ОАО «Алтайкрайгазсервис», 1995–2003 гг.), им написаны лишь отдельные главы. В целом книга – это сборник журналистских статей и не имеет связной последовательной линии изложения, но содержит ценный для исследователей материал, т.к. касается и биографии собственно Мельникова, и обширных успехов в области обустройства городского хозяйства Барнаула (Мельников возглавлял Барнаульский горисполком с 1972 по 1986 г.), и газификации края. Также в качестве источника важны воспоминания: Г.А. Слесарчук (в начале газификации – глава производственно-технического отдела управления «Алтайкрайгаз»; с 1993 г. – ОАО «Алтайкрайгазсервис»); З.Н. Косоруковой (в тот же период – инженер-строитель управления «Алтайкрайгаз»); А.В. Казакова (зампредседателя комитета ЖКХ Барнаула, 1987–1999 гг.); Л.М. Крамаренко (главный инженер головного проектного института по разработке технической документации объектов газификации – «Сибгипросельхозмаш»); Н.И. Золотарева (глава Павловского района, 1994–2008 гг.; один из первых объектов газификации); В.Н. Пьянкова (ген. директор Алтайского управления ОАО «Томсктрансгаз»); Г. Ремпеля (ген. директор ООО «Алтайский территориальный монтажный комплекс», 1992–2004 гг.).

Кроме того, в книге «Прорыв» в качестве приложений к нарративу, без какой-либо аналитики опубликован ряд документов (постановлений, распоряжений, протоколов заседаний и совещаний и т.д.), которые могут быть использованы в качестве источниковой базы исследования по нашей теме. Расположив в хронологической последовательности указанные акты центральных органов власти СССР, Российской Федерации, краевых органов власти и других, можно проследить, какие корректировки вносились в планы реализации проекта газификации за неимением возможности реализовать на практике оптимистичные показатели под влиянием сложившихся условий, и насколько указываемые в них данные отличались от первоначального плана. В качестве отправных точек с наиболее оптимистичными показателями в данной статье взяты распоряжение Совета Министров СССР от 27 сентября 1989 г. № 1710р (о строительстве газопровода Новосибирск – Барнаул) и постановление Совета Министров РСФСР от 4 января 1991 г. № 11 «О развитии газификации села». Также среди источников – периодическая печать в виде нескольких выпусков газеты «Алтайская правда», где представлена важная для раскрытия темы информация.

Цель данного исследования: показать ход реализации проекта газификации природным газом Алтайского края в последнем десятилетии XX в. на фоне системного кризиса, вызванного рыночными преобразованиями.

Вначале, для понимания обоснованности газификации и затрачиваемых на нее усилий, ознакомимся с преимуществами газового топлива, по сравнению с другими энергетическими ресурсами. Темпы развития газовой отрасли в значительной степени определяют состояние экономики как ряда государств, так и отдельных их регионов. Внедрение газа в энергетический, коммунально-бытовой и производственный секторы значительно повышает экономическую эффективность использования топлива: снижает издержки производства и повышает конкурентоспособность продукции предприятий;

позволяет рядовым потребителям сократить затраты на отопление, электроэнергию, товары потребления, производимые перешедшими на газ предприятиями⁵. Использование газового топлива значительно упрощает проведение отопительного сезона в плане экономии физических затрат (исчезает необходимость заготавливать твердое топливо в виде дров и угля), что, прежде всего, касается граждан, проживающих в сельской местности. Переход на природный газ способствует улучшению состояния окружающей среды. Так, при сжигании соответствующих по теплоемкости объемов природного газа, угля и мазута объем высокотоксичных выбросов от газа меньше в 2–4 раза, оксида серы – в 10–50 раз. Также отсутствуют такие отходы, как зола и шлаки, а КПД работающего на газе оборудования повышен на 25–40%⁶. В совокупности все эти преимущества газового топлива создают основу для повышения качества и уровня жизни населения. Единственный серьезный недостаток – повышенные требования к безопасности – полностью перекрывается преимуществами данного вида топлива.

Газификация Алтайского края сжиженным углеводородным газом (пропан-бутаном) началась еще в 1965 г. и продемонстрировала его экономическую эффективность и удобство использования в быту и на производстве⁷.

Наиболее действенным мог стать переход к газификации природным газом (метаном), который, по сравнению с пропан-бутаном (перевозка железнодорожным и автомобильным транспортом), широко применим, обладает меньшей стоимостью, устойчив к низким температурам и поставляется от месторождений посредством трубопроводов в более высоких объемах при меньших издержках⁸.

Во второй половине 1980-х гг. начались работы по экономическому обоснованию газификации Алтайского края природным газом, были составлены схемы сетей газоснабжения и отправлены на рассмотрение в Москву. Кроме того, регион уже имел собственное газовое хозяйство с развитой сетью управления и широким штатом квалифицированных сотрудников. В структуре краевого управления газового хозяйства «Алтайкрайгаз» (с 1965 г., цель – газификация края пропан-бутаном) к концу 1980-х гг. действовали 14 межрайонных трестов и 200 газовых участков, где работали около 4 тыс. сотрудников, обеспечивавших газом около 750 тыс. квартир и домов и 300 предприятий⁹.

Все это стало базой последовавших затем газификации метаном и обслуживания инфраструктуры газопроводов. Обозначение потенциального рынка потребителей упростило в конце 1980-х гг. процесс продвижения в центральные государственные органы решения о переходе Алтайского края на принципиально новый уровень газификации.

Что же касается имевшихся для ее начала возможностей, то еще в конце 1960-х гг. по заданию А.И. Мельникова (тогда начальник управления жилищно-коммунального хозяйства Алтайского крайисполкома) был подго-

⁵ *Ионин А.А.* Газоснабжение. М., 1983. С. 3.

⁶ *Мельников А.И.* Прорыв. С. 206–210.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ *Скафтынов Н.А.* Основы газоснабжения. Л., 1975. С. 7–11.

⁹ *Мельников А.И.* Прорыв. С. 14.

товлен проект строительства магистрального газопровода Мыльджино (Томская обл.) – Барнаул с отводами на Кемерово и Новосибирск. Это могло позволить уже в конце 1960-х – начале 1970-х гг. перейти к газификации метаном Алтайского края и попутно – Новосибирской и Кемеровской областей¹⁰.

Были подготовлены проектное задание, экономическое обоснование, определена трасса, но тогда эту инициативу реализовать не удалось. Главы Алтайского крайисполкома, Новосибирского и Кемеровского облисполкомов считали идею несвоевременной и отказались от ее вынесения на обсуждение во всесоюзные органы (в Москву). Краевое руководство решило, что имеющийся энергодефицит можно компенсировать за счет наращивания поставок кузбасского и хакасского угля и добычи древесины, на проблемы экологии «закрыло глаза», т.е. предпочло экстенсивный путь. Природный газ в Алтайский край придет на 20 с лишним лет позже, чем это могло бы быть в случае начала соответствующих работ в конце 1960-х гг., что является серьезнейшим упущением.

Помимо нежелания властей разных уровней брать на себя инициативу по продвижению и ответственность за осуществление коренной реконструкции регионального топливно-энергетического комплекса посредством реализации крупного инфраструктурного проекта, каковым является газопровод, имела место другая проблема. Она носила субъективный характер: уже в советский период в стране с господствующей госсобственностью выявилось «угольное лобби» («угольная мафия»). Будучи заинтересованным в сохранении своих экономических позиций, зависящих от поставок угля (прежде всего – для котельных и заводов), «лобби» не считалось с интересами рядовых граждан. Для последних явно более выгодным был переход на альтернативные источники энергии, в т.ч. на газ, но это неизбежно привело бы к сокращению использования угольного топлива и навредило бы интересам тех, кто получал прибыль за счет его поставок. В случае с Алтайским краем сдерживающую роль в продвижении газификации играло «лобби» из соседнего Кузбасса. Хотя Алтай потреблял в пределах 3–6% добываемого в Кузбассе угля, Кемерово делало все, чтобы край энергетически зависел только от него. Причем это продолжается и сегодня, когда производство угля выросло, и значительно увеличились объемы внешней торговли, а доля Алтайского края в потреблении кузбасского угля в связи с этим неуклонно снижается. Но поставки угля за границу в любой момент могут прекратиться, а Алтайский край – рядом, и потребление им угля играет важную роль в развитии Кузбасса¹¹.

Пойти на уступки, дав «добро» на начавшуюся в Алтайском крае с 1965 г. газификацию сжиженным газом, «угольное лобби» еще могло без значительного ущерба для себя. Пропан-бутан практически не мог серьезно потеснить уголь в топливно-энергетическом балансе края. Но началу сплошной газификации посредством газопроводов с природным газом «лобби» сопротивлялось до последнего, потому и сегодня оно однозначно является вредоносной силой, сдерживающей решение ряда экономических, социальных и экологических проблем региона.

---

¹⁰ Мельников А.И. Прорыв. С. 15.

¹¹ Мищенко В.В. Депрессивный Алтай... С. 85.

Инициатором перехода к новому этапу газификации Алтайского края вновь выступил Мельников. В 1986 г. он оставил занимаемый им с 1972 г. пост председателя Барнаульского горисполкома, а Алтайский крайисполком утвердил его в должности начальника краевого управления газового хозяйства «Алтайкрайгаз»¹².

Мельников, проявив себя как деятельный и инициативный управленец, умел найти общий язык с центральным руководством в Москве и много сделал для развития городского хозяйства Барнаула. Теперь он получил возможность больше уделять внимание газификации края, в свое время начавшейся по его инициативе (будучи начальником управления жилищно-коммунального хозяйства Алтайского крайисполкома в 1965 г. подписал приказ о создании краевого треста газового хозяйства «Алтайкрайгаз», позже ставшего управлением, которое он сам возглавил в 1986 г.). Настойчивость и предприимчивость Мельникова сыграли ключевую роль в дальнейшей газификации края природным газом. По этому поводу практически сразу после назначения Мельникова на пост начальника «Алтайкрайгаза» началась активная переписка центральных союзных учреждений Алтайского края с Госпланом, Госстроем, Госснабом, Министерством строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР (Миннефтегазстрой), Министерством газовой промышленности СССР (Мингазпром, в 1989 г. преобразовано в государственный газодобывающий концерн «Газпром») и т.д.¹³ Велись работы по технико-экономическому обоснованию строительства магистрального газопровода Новосибирск – Барнаул и внедрения в краевую экономику нового перспективного вида топлива; рассматривались варианты схем поставок газа в Алтайский край. Осуществлялось активное сотрудничество с проектными институтами Москвы, Киева, Саратова, Новосибирска, собственными краевыми проектными организациями¹⁴. Данные по перспективам потребления газа присылали все муниципальные образования, а также директора предприятий и объектов энергетики. С каждого населенного пункта собирались данные по численности жителей, количеству голов скота и птицы, числу котельных – отопительных и производственных¹⁵. Объемы энергопотребления в тоннах угля переводились в условные единицы, которые потом переводились в объемы газа с учетом перспективных темпов роста объемов энергопотребления. Происходило ознакомление с опытом других регионов, уже начавших газификацию природным газом.

Предполагалось, что 1990-е гг. станут для Советского Союза временем значительного прогресса в области газификации регионов как одного из инструментов оздоровления экономики и перехода на качественно новый уровень жизни, особенно в сельской местности. Кроме того, планировалось завершить газификацию всех городов¹⁶. В этой связи реализацию планов газификации

¹² *Егоров Ю.Г.* Градостроитель // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. Барнаул, 2009. № 4. С. 19.

¹³ *Мельников А.И.* Прорыв. С. 152–153.

¹⁴ Там же. С. 89, 95–97.

¹⁵ Там же. С. 93–94.

¹⁶ *Ионин А.А.* Газоснабжение. С. 3.

Алтайского края стоит рассматривать в контексте тенденции, характерной в целом для СССР (либо для РСФСР как крупнейшей его республики). С другой стороны, наибольшее внимание предполагалось уделить регионам европейской части страны; в процессе включения ряда сибирских регионов в амбициозные проекты развития газоснабжения особую роль сыграла инициатива региональных руководителей. К реализации разработанного и утвержденного в конце 1980-х гг. проекта газификации Алтайского края должны были приступить в 1991 г. в рамках общего для РСФСР плана (постановление Совета Министров РСФСР от 4 января 1991 г. «О развитии газификации села»)¹⁷.

В XIII пятилетнем плане (1991–1995) одним из основных инфраструктурных проектов было названо строительство газопровода Новосибирск – Барнаул. По этому поводу 27 сентября 1989 г. вышло распоряжение Совета Министров СССР¹⁸, подписания которого удалось добиться, пробиваясь через препятствия бюрократизма и «угольного лобби». Согласно постановлению «О развитии газификации села», в Алтайском крае за пять лет планировалось проложить суммарно 2 300 км магистральных газопроводов и газораспределительных сетей¹⁹.

В целом схема предусматривала строительство магистральных газопроводов Новосибирск – Барнаул – Бийск – Горно-Алтайск, с отводом на Белокуриху, и Барнаул – Рубцовск, с отводом на Славгород. От них предусматривались ответвления и межпоселковые газопроводы практически во все населенные пункты края (на тот момент около 1 800). С 1991 по 1995 г. планировалось газифицировать 140 населенных пунктов²⁰, в них – 153 тыс. домов и квартир (из них 16 тыс. – уже в 1991 г.), и перевести на газ около 1 000 котельных²¹.

В тот период неизбежно возникали проблемы стабильного финансового и материально-технического обеспечения, следовательно, и своевременного воплощения планов в жизнь. Это коснулось и инвестирования строительства газопроводов из центра. Положиться на него в полной мере, как предполагалось ранее, было невозможно. Да и сам центр впоследствии возложит основную ответственность за финансовое обеспечение строительства на краевую и муниципальные бюджеты, которые в Алтайском крае в 1990-е гг. оказались в тяжелейшей ситуации, т.к. его экономика пришла в упадок, причем ситуация оказалась значительно тяжелее, чем в целом по стране. Десятилетиями при развитии экономики Алтая основное внимание уделялось агропромышленному комплексу (АПК) и оборонной промышленности. Хотя у АПК была возможность эффективно «встроиться» в рыночную модель, коренные перемены в нем на первом этапе рыночных реформ имели далеко не позитивный характер. Многократно возрос диспаритет цен на аграрную продукцию и средства производства для АПК, устарела материально-техническая база, происходили деградация почв и хаотичный сброс земель сельскохозяйственного

¹⁷ Мельников А.И. Прорыв. С. 161–162.

¹⁸ Там же. С. 155–156.

¹⁹ Там же. С. 164.

²⁰ Газ приходит на Алтай // Алтайская правда. 1989. № 284. 12 декабря. С. 2.

²¹ Мельников А.И. Прорыв. С. 166.

назначения, усиливались уход из отрасли квалифицированных специалистов и люмпенизация части остальных.

В результате непродуманных реформ сельское хозяйство страны (как и сельский уклад жизни в целом) оказалось в крайне сложном положении. Поскольку доля аграрного сектора в экономике края была вдвое выше, чем в среднем по России, то и более выраженными в Алтае стали общий спад производства, падение показателей – уровня жизни сельского населения, занятости²².

Относительно промышленного сектора, где четверть всей производимой продукции региона принадлежала оборонным предприятиям (не была ориентирована на потребительский рынок и полностью функционировала за счет госзаказа и, соответственно, государственных дотаций), ситуация оказалась не менее плачевной. Резкое снижение госзаказов, нехватка оборотных средств, разрыв прежних экономических связей привели к спаду производства и поставили промышленность Алтайского края, ставшую в новых условиях практически нерентабельной, на грань выживания²³. В условиях такой ломки не могло быть и речи о полноценном функционировании экономики, как и о наполнении краевого бюджета и выделении из него достаточных средств на газификацию.

Еще до начала строительства газопровода государственным руководством (уже Российской Федерации) был поставлен вопрос о переносе газификации края на неопределенный срок. Однако, учитывая, что обширная подготовительная работа уже завершилась, сторонники газификации смогли «продать свою линию», проявив инициативу и добившись протекции В.С. Черномырдина²⁴, роль которого в решении «газовых» вопросов была ключевой. Таким образом, строительство газопровода Новосибирск – Барнаул все же стартовало, но с запозданием: вместо 1991 г. – в начале 1992 г.²⁵

14 мая 1992 г. в Москве на техническом совещании по рассмотрению схемы газоснабжения Алтайского края было принято важное решение. Оно изменило подход к планированию реализации проекта газификации: максимальный вариант газоснабжения региона могли осуществить «при условии обеспечения администрацией Алтайского края строительства объектов добычи и транспорта газа от месторождений до потребителя материально-техническими ресурсами и капитальными вложениями в порядке долевого участия с учетом инфляционных процессов. Схема газоснабжения может быть использована в дальнейшем при разработке перспективных планов газификации края в увязке с ресурсами газа, наличием капвложений, материально-технических ресурсов и готовностью потребителей к приему газа. Конкретные объемы, сроки подачи газа и строительства объектов газоснабжения

²² История Алтая. Т. 3. С. 376.

²³ Мельников А.И. Прорыв. С. 351–352, 360.

²⁴ Черномырдин В.С. – глава Министерства газовой промышленности СССР (1985–1989), государственного газодобывающего концерна «Газпром» (1989), в который было преобразовано Министерство газовой промышленности; заместитель председателя Правительства Российской Федерации по топливно-энергетическому комплексу (май 1992 г.); председатель Правительства РФ (декабрь 1992 г. – март 1998 г.).

²⁵ Мельников А.И. Прорыв. С. 161–162.

Алтайского края будут определяться с учетом изложенных фактов»²⁶. С этого момента скорость газификации зависела от законов рынка и из разряда «первостепенных по значению» перешла в разряд «по возможности». Теперь приходилось рассчитывать в большей мере на собственные силы, а не на инвестиции из центра. Ранее (в советскую эпоху) основной проблемой было добиться включения газификации в план, провести сложнейшую работу с расчетами, обоснованием, проектированием и т.д., чтобы бюрократический аппарат ее принял и одобрил. Далее реализация должна была идти по этому плану или в максимально близком соответствии с ним, если не произойдет нечто экстраординарное. «Чем-то экстраординарным» оказался распад СССР, за которым последовал отказ от принципов командно-административной экономики, при всех минусах которой была возможность мобилизовать ресурсы для последовательного достижения приоритетных целей. Проблема состояла в правильности и логичности расстановки этих целей, а также в том, какой ценой добиваться их признания, если вообще это было возможно. Вопросы об окупаемости, рентабельности проекта, целесообразности включения его в план решался на стадии рассмотрения. Если проект принимался к реализации, то потом любые вопросы уже не возникали (это одновременно и слабое место, в случае если выбрана заведомо неправильная или даже авантюристская цель). По поводу газификации сомнений в правильности выбранного направления для приложения усилий не было.

В условиях рыночных реформ газификация не перестала быть крупным инфраструктурным проектом с высокой социально-экономической значимостью, но теперь такой статус практически не влиял на темпы реализации проекта, на перераспределение ресурсов в его пользу. С одной стороны, более гибкая и рациональная новая система соответствовала условиям как сложившейся на тот момент кризисной ситуации, так и в принципе являлась прагматичной и соответствующей новому экономическому укладу. С другой стороны, к затягиванию на неопределенный срок реализации такого важнейшего социального проекта, как газификация (скорейшее ее осуществление не вызывало сомнений), привели нерешенные проблемы. Они касались рентабельности газификации, отсутствия свободных средств для ее финансирования, возложения основной финансовой ответственности за выполнение проекта на бюджеты — краевой и муниципальные (и это в регионе с глубоко депрессивной экономикой!).

Ведь сложившаяся в 1990-е гг. ситуация, когда заканчивались отпущенные на газификацию средства, была практически постоянной — их жесточайший дефицит коснулся буквально всего. Плюс еще одна проблема: стройка, по сравнению с проектом, неизбежно выявляет ряд не предусмотренных нюансов (строительство дополнительных коммуникаций, замена бракованных материалов — их процент невелик, но всегда есть), корректировка схемы газоснабжения и т.д. Поэтому смета требует постоянного пересмотра и практически всегда в сторону увеличения расходов²⁷. Дополнительные средства из центра в случае перерасхода в краевой и далее в муниципальные бюджеты, выделя-

---

²⁶ Мельников А.И. Прорыв. С. 181–182.

²⁷ Там же. С. 91–92.

лись редко, стоял вопрос о покрытии хотя бы заранее заявленных расходов, но даже на это средств не всегда хватало. Уже с началом стройки из-за проблем с финансированием неоднократно поднимался вопрос о ее заморозке на неопределенный срок и о «ропуске строителей». С выплатой им заработной платы возникали проблемы: вместо денежных средств газовикам периодически выдавали муку, сахар, масло, макароны, консервы, водку, уголь, обувь. Строителям приходилось реализовывать себе в убыток все, что они не могли употребить или использовать сами. Стабильные денежные выплаты задействованным в строительстве начались только с 1995 г.²⁸

В РФ газовая отрасль была одной из наименее пострадавших от кризиса (относительно других сфер), для функционирования в рыночных условиях она была вполне готова. В 1990-е гг. «Газпром» оставался своего рода воплощением стабильности среди общего экономического краха и лишь незначительно снизил добычу из-за резкого спада спроса на газ в России и других постсоветских республиках и по возможности инвестировал средства в строительство газопровода в Алтайском крае и его газификацию. Однако распад СССР не прошел бесследно: «Газпром» потерял значительную часть активов на территории бывших советских республик — треть трубопроводов и четверть мощности компрессорных станций, подземные хранилища. Все транзитные трубопроводы из России в Европу перешли под контроль стран СНГ и Балтии, создававших на базе республиканских отделений некогда всесоюзного «Газпрома» собственные национальные газовые компании; шли переговоры о согласовании цен за транзит газа²⁹. В новых условиях газовый концерн ориентировался уже на наиболее платежеспособных внешних потребителей. В этой связи газификация собственной страны также отошла на второй план. Тем не менее роль инвестиций «Газпрома» в газификацию Алтайского края и осуществление ее хотя бы на том уровне, который оказался возможен в сложившихся условиях, осталась ключевой — как и должно было быть в советский период. Однако в крае не было достаточных финансовых ресурсов на оплату газификации. Такая тенденция сохраняется до сих пор: темпы газификации полностью зависят от того, в каких объемах поступают инвестиции «Газпрома». На самостоятельное финансирование каких-либо масштабных подвижек в этом направлении краевой и муниципальные бюджеты оказались не способны, и в годы, когда внешние инвестиции отсутствуют или значительно уменьшаются, темпы газификации снижаются почти до нуля.

В связи с обозначенным выше изменением в подходе к осуществлению газификации особенно важным стало мнение местного населения. При отсутствии с его стороны интереса в газификации или неспособности оплачивать такую сам процесс не имеет смысла. Ведь одним из главных аргументов при подготовке газификации была ее социальная направленность, ориентация на рядового потребителя, заинтересованность в качественных изменениях удобства и уровня его жизни.

²⁸ Мельников А. И. Прорыв. С. 192.

²⁹ Пусенкова Н. Н. Российский «Газпром» в газпромовской России // История новой России / под общ. ред. П. С. Филиппова. Т. 2. СПб., 2011. С. 358–359.

В целом люди положительно восприняли газификацию, и заявки на включение в нее подавались активно. Но поданные списки значительно сокращались (иногда вдвое), когда доводилась окончательная информация о стоимости вопроса³⁰. Жители платили только за установку внутридомового газового оборудования и подвод газопровода к участку, если речь шла о частном домовладении, остальные расходы брали на себя краевой и муниципальный бюджеты. Однако даже в этом случае сумма зачастую оказывалась неподъемной, несмотря на быструю окупаемость.

Эта проблема есть и в наши дни, хотя финансовое положение большинства граждан, в сравнении с 1990-ми гг. относительно стабильно. Тогда же, когда падение уровня жизни в Алтайском крае в относительных показателях было одним из самых высоких в стране, и имели место ситуации с невыплатой зарплат (или с выплатой в виде продуктов), стоял вопрос не столько о газификации, сколько об оплате хотя бы имевшихся коммунальных услуг. Недостаточный отклик со стороны населения также сказывался на финансовом положении стройки и планах ее осуществления. Сроки строительства и сдачи объектов в эксплуатацию постоянно сдвигались. Такая практика сохранилась и до наших дней – жители уже газифицированных населенных пунктов не торопятся устанавливать газовое оборудование в силу тех же мотивов, что и 30 лет назад – дороговизна установки оборудования и/или опасения за безопасность, хотя скорейшая окупаемость установки такого оборудования доказана, а правила техники безопасности элементарны.

15 июля 1993 г. в Барнауле на совещании по вопросу развития газификации Алтайского края на период 1994–2005 гг. было заявлено, что введение в эксплуатацию газопровода Новосибирск – Барнаул состоится в 1994 г., а не в 1993-м, как планировалось ранее. Строительство газопровода Барнаул – Бийск должно было состояться в 1995 г.; второй нитки газопровода Новосибирск – Барнаул – в 1995–1996 гг.; Барнаул – Рубцовск – в 1996–1998 гг. Для газопровода Барнаул – Славгород предполагалось определить дату в технико-экономическом обосновании (впоследствии датами его реализации тоже будут 1996–1998 гг.)³¹. Скорректированной план тоже не удалось выполнить в срок.

12 октября 1993 г. в Москве на техническом совещании по рассмотрению схемы потоков газа по Западно-Сибирскому региону, Алтайскому и Красноярскому краям до 2010 г. неожиданно приняли решение: повысить перспективную проектную мощность газотранспортной сети Алтайского края с 6,3 до 10,8 млрд кубометров в год, но, «учитывая необходимость подачи дополнительных объемов газа потребителям Алтайского края, внести изменение всех потоков, в т.ч. исключить подачу газа северным и северо-восточным областям Казахстана»³².

Таким образом, был закрыт вопрос о строительстве газопровода Омск – Павлодар – Семипалатинск – Усть-Каменогорск. Нагрузка за подачу газа во все районы Алтайского края в будущем полностью перекладывалась на газо-

---

³⁰ Мельников А.И. Прорыв. С. 103–104.

³¹ Там же. С. 183–184.

³² Там же. С. 189–190.

провод Новосибирск – Барнаул – Бийск – Горно-Алтайск, который на тот момент еще не перешел границу Новосибирской обл. и Алтайского края, не говоря уже о строительстве отводов от него по всему краю.

Остановимся подробнее на отказе от газификации Северо-Восточного Казахстана. Схема газопроводов Алтайского края разрабатывалась с учетом того, что они станут составной частью более масштабной газотранспортной системы. В трассировании газопроводов в Павлодарской, Семипалатинской (ныне – Абайской) и Восточно-Казахстанской областях участвовали газовики из Алтайского края³³.

Газопроводы Омск – Павлодар – Семипалатинск – Усть-Каменогорск (его технико-экономическое обоснование было готово к маю 1991 г.) и Новосибирск – Барнаул – Бийск – Горно-Алтайск изначально предполагалось строить одновременно, отводы от них планировалось закольцевать и использовать совместно с целью газоснабжения указанных областей и Алтайского края. В частности по газопроводу Омск – Усть-Каменогорск по окончании строительства и вывода на проектную мощность предполагалось обеспечить подачу 2,5 млрд кубометров газа в юго-западные районы Алтайского края³⁴. Но развал страны сделал проблематичным строительство газопроводов и в самом крае, а не только в Казахстане (ставшим ближним зарубежьем). Расчеты показали, что обеспечение строительства еще более масштабной сети газопроводов и в этой связи наращивание добычи необходимых объемов газа в сложившихся экономических условиях были невозможны.

Далее следовали все новые и новые корректировки сроков. Газопровод Новосибирск – Барнаул ввели в эксплуатацию 14 декабря 1995 г. (вместо 1993 г. или 1994 г.) торжественным зажжением факела на территории Барнаульского шинного завода³⁵. В 1996 г. было заявлено, что полную газификацию Алтайского края завершат к 2005 г.³⁶ (но этого не произошло и по сей день). В 1996–2000 гг. шла газификация г. Барнаула, началась – в г. Новоалтайске и Первомайском, Тальменском, Павловском, Калманском и Косихинском районах. От предполагавшейся газификации Залесовского и Заринского районов с г. Заринском пришлось отказаться. К 1996 г. построили две газораспределительные станции в Барнауле, одну – в Тальменском р-не; в 1998 г. по одной – в Первомайском, Тальменском, Павловском районах, еще одну – в Барнауле³⁷.

Строительство газопровода до г. Бийска перенесли с 1995 на 1996 г., позже – на 1998–2000 гг. На техническом совещании по вопросу развития газификации Алтайского края и республики Алтай (18 февраля 1994 г.) было заявлено, что доведут газопровод до г. Белокурихи уже в 1996 г., до г. Горно-Алтайска – в 1997 г.³⁸

³³ Мельников А. И. Прорыв. С. 191.

³⁴ Там же. С. 176.

³⁵ Пламя над горелкой: газовой отрасли на Алтае исполнилось 40 лет // Алтайская правда. 2005. № 164. 9 июня. С. 2.

³⁶ Мельников А. И. Прорыв. С. 224.

³⁷ Там же. С. 201.

³⁸ Там же. С. 229.

Газопровод «дошел» до Бийска в 2006 г., до Белокурихи – в 2007 г., до Горно-Алтайска – в 2008 г.³⁹ Строительство газопроводов до Славгорода и Рубцовска и газификацию западных и юго-западных районов края – Каменской, Славгородской, Рубцовской зон (их изначально предполагалось газифицировать газопроводами-отводами с территории Казахстана) перенесли с 1995 на 1996–1998 гг.

Затем тоже последовали переносы. На данный момент строительство газопроводов Барнаул – Славгород и Барнаул – Рубцовск запланировано на 2021–2025 гг.⁴⁰

Тем не менее сложившаяся кризисная обстановка не помешала государственному руководству в 1997 г. инициировать проводимые с участием алтайских газовиков работы по разведке трассы для магистрального газопровода «Алтай» (как и в Казахстане). Он должен был пройти через территорию Алтайского края и Республики Алтай в Сынцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики и далее – в ее центральные провинции⁴¹. Однако этот проект до сих пор остается на бумаге. Можно предположить, что на тот момент важнее была его символическая роль в выстраивании в новых геополитических условиях отношений между РФ и КНР. К практической реализации магистралей для поставок газа в Китай Россия перешла только в 2010-е гг.

К 1999 г. в Алтайском крае эксплуатировались 340 км газовых сетей (вместо запланированных к 1995 г. 2 300 км), а природный газ использовался в 11 113 (153 тыс.) квартирах и на 33 (1000) котельных в 13 (140) населенных пунктах⁴².

Часть котлов на барнаульских ТЭЦ-2 и ТЭЦ-3 были переведены на природный газ, для ТЭЦ-1 он стал основным топливом. На ряде предприятий газ был эффективно внедрен в производственный процесс, например, на Черемновском сахарном заводе (Павловский р-н), Барнаульском меланжевом комбинате, вагоностроительном заводе в Новоалтайске и т.д.⁴³

Таким образом, задача по выполнению намеченных на 1990-е гг. планов по газификации Алтайского края не могла быть решена полностью в соответствии с первоначальными замыслами в силу объективных условий исторической действительности. Кризисная ситуация как до смены экономической модели, так и во время, и после нее, не позволяла своевременно претворять все задуманное в жизнь, вместо социальной ориентированности в новых условиях на первый план вышли понятия «спрос и предложение», «рентабельность», «скорейшая окупаемость», «инвестиционная привлекательность». Скорее негативную роль сыграло избрание такого подхода применительно к реализации крупных социальных проектов, в т.ч. газификации – по сравнению с советским периодом она существенно замедлилась⁴⁴.

³⁹ Мельников А.И. Прорыв. С. 125, 141.

⁴⁰ Программа газификации 2021–2025 в Алтайском крае. URL: <https://www.gazprommap.ru/altayk-gay/?ysclid=lc4hb6pr05d6774471> (дата обращения: 16.12.2022).

⁴¹ Мельников А.И. Прорыв. С. 193.

⁴² ОАО «Газпром газораспределение Барнаул». О компании. История компании. URL: https://altaigazprom.ru/about_us/istorija_kompanii_/ (дата обращения: 15.12.2022).

⁴³ Мельников А.И. Прорыв. С. 145–146, 218–220.

⁴⁴ Власов С.Д. Российское село в 1990-е годы: проблемы и решения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение, вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 3–2(77). С. 39.

Социально-экономическая ситуация в стране ни в первые годы рыночных преобразований, ни в настоящее время не позволяет обеспечить привлечения в газовую отрасль исчерпывающего объема инвестиционных средств через включение их в состав тарифа, устанавливаемого государственными органами регулирования для оплаты продукции и услуг газового сектора. Низкая стоимость газа на внутрироссийском рынке остается одним из важнейших сдерживающих факторов для инвесторов. Включение всего объема требуемых на развитие газовой сферы средств инвестиций в тарифы на газ приведет к такому их росту, который ни население, ни предприятия не смогут (либо не захотят) покрыть. Поэтому такой вариант решения проблемы неприменим – из-за реалий внутреннего рынка газа и уровня платежеспособного спроса местных потребителей. Зарубежные покупатели российского газа также не пойдут на пересмотр контрактных обязательств по поставкам газа в невыгодную для себя сторону. В этой связи названный путь привлечения финансовых ресурсов на газификацию регионов России тоже исключен. Поиск путей привлечения инвестиций в их газификацию остается одной из важнейших задач, решение которой определяет темпы развития газового хозяйства страны.

Итак, проблемы с планомерным и своевременным осуществлением проекта газификации Алтайского края, вызванные тяжелейшим системным кризисом, который переживала наша страна в последнем десятилетии XX в., имеют долгоиграющие последствия. До сих пор намеченный на 1990-е гг. план газификации не осуществлен в полной мере. Большая часть жителей края в сельской местности вынуждена заготавливать дрова и уголь с целью отопления (затрачивая на значительные финансовые средства и физические силы), думать над утилизацией золы и шлаков. Основным топливом для большинства котельных остаются каменный и бурый уголь, а также мазут, что негативно сказывается на экологической обстановке и размерах тарифов на отопление и электроэнергию, а также на стоимости продукции краевых предприятий и ее конкурентоспособности. Продолжение и завершение газификации остается одной из важнейших задач на пути оздоровления экономической и экологической обстановки Алтайского края.

Библиография

- Власов С.Д.* Российское село в 1990-е годы: проблемы и решения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение, вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. № 3–2(77). С. 37–39.
- Газ приходит на Алтай // Алтайская правда. 1989. № 284. 12 декабря. С. 2.
- Егоров Ю.Г.* Градостроитель // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. Барнаул: Азбука, 2009. № 4. С. 10–20.
- Ионин А.А.* Газоснабжение. М.: Стройиздат, 1983. 440 с.
- История Алтая: в 3 т. Т. 3: Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века) / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2019. 484 с.
- Лапаева О.Ф.* Формирование и развитие топливно-энергетического комплекса России: На примере Оренбургской области. Дис. ... канд. экон. наук. [б.м.: б.и.], 2005. 198 с.
- Мельников А.И.* Прорыв. Барнаул: Азбука, 2012. 280 с.
- Мищенко В.В.* Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса: монография. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 423 с.

- Овчаренко Е.В.* Становление и развитие газовой промышленности в России. Дис. ... канд. экон. наук. Оренбург: [б.и.], 2005. 180 с.
- Пламя над горелкой: газовой отрасли на Алтае исполнилось 40 лет // Алтайская правда. 2005. № 164. 9 июня. С. 2.
- Построивший город // Алтайская правда. 2011. № 207–209. 15 июля. С. 1, 3.
- Пусенкова Н.Н.* Российский «Газпром» в газпромовской России // История новой России. Т. 2 / под общ. ред. П.С. Филиппова. СПб.: Норма, 2011. С. 354–437.
- Скафтынов Н.А.* Основы газоснабжения. Л.: Недра, 1975. 339 с.

Байдаков И.М.*

Программа Грефа – стратегия первой постиндустриальной модернизации России

Аннотация. В статье анализируется первая долгосрочная стратегия развития России в XXI в. – Программа Грефа, документа, ставшего манифестом и планом реформ команды избранного в 2010 г. Президента РФ В.В. Путина. Исследуется соответствие стратегии постиндустриальному этапу развития экономики. Данный этап экономического развития общества характеризуется прямой зависимостью экономического развития страны от качества человеческого капитала государства. В этих условиях ключевым является поощрение индивидуализации, мелких производств, интеллектуального и научного труда; вес инновационной деятельности превалирует; основным производственным ресурсом становятся знания и информация, которые неотделимы от их носителя – человека. Следовательно, ключевую роль в развитии страны начинают играть социальная политика в сферах, обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала, – образовании и здравоохранении, а также система пенсионного обеспечения, налоговая политика, поддержка государством инновационной деятельности. Реформы в этих сферах стали основополагающими инициативами Стратегии-2010. По мнению авторов стратегии, центральное место в развитии и модернизации новой России займет социальная сфера, поэтому большая часть программы посвящена именно этим реформам. Программа Грефа – первый долгосрочный план развития государства, и главной задачей его являлся переход от индустриального уклада к постиндустриальному.

Ключевые слова: постиндустриальная модернизация России, стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, экономика Путинской России, постиндустриальное развитие, экономическое развитие России в XXI в.

Введение

«Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г.»¹ (более известная как Программа Грефа) – это первая фронтальная стратегия России XXI в., призванная задать вектор комплексного развития на десятилетие вперед. Документ фактически провозглашал намеченные реформы новой команды только что избранного Президента России – В.В. Путина. «Однако более глубокие причины (создания программы. – И.Б.) были связаны с реальным завершением первого этапа посткоммунистических реформ (Ельцина – Гайдара. – И.Б.) и появлением объективных и субъективных обстоятельств, свидетельствующих о начале новой фазы развития страны»², т.е. не строительства рыночных институтов, а уже их реформирования или развития.

* Байдаков Иван Михайлович – директор Центра прикладной истории Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Baydakov-im@ganepa.ru

¹ Далее, наравне с полным названием, будет использовано наименование «Стратегия-2010» и «Программа Грефа» (хотя в ряде работ используются термины «Стратегия-2000» и «Программа-2000»). См.: Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. // Информационно-аналитический комплекс «Бюджетная система РФ». Данный текст полностью сверен с версией, сохранившейся у авторов программы, в соответствии с которой далее в ссылках даются номера страниц.

² Мау В.А. Сочинения: в 6 т. Т. 4: Экономика и политика России: год за годом (1991–2009). М., 2010. С. 484–485.

В России на рубеже XX–XXI вв. сложилась уникальная политическая ситуация для перспектив проведения новых экономических реформ. Вотум доверия граждан новому правительству, экономические и политические обстоятельства, связанные с необходимостью выхода из социально-экономического кризиса, с одной стороны, вынуждали, а с другой – предоставляли возможность системно подойти к дальнейшим шагам по решению накопившихся в РФ проблем. Для этого была начата разработка именно долгосрочной стратегии развития страны.

Один из важнейших вызовов, стоявших и перед Россией, и перед всем миром, – постиндустриальный, связанный с выходом развитых стран на новый этап экономического развития. Подразумевается необходимость перестроения экономики под новый экономический уклад, целью которого являются преобразования не только в области обслуживания и управления и, как следствие, в повседневной бытовой жизни. Но главное – «в сфере непосредственного производства, что должно было обеспечить ее инновационное обновление»³. При этом драйвером экономического развития, вместо объемов и масштабов производства, становится наукоемкость, полностью зависящая от качества человеческого капитала.

Соответствие Стратегии-2010 постиндустриальному вызову анализируется в настоящей статье, однако, отметим, что здесь, кроме данного, сугубо исторического, вопроса никаких иных проблем экономического, социального или политического характера не рассматривается.

Создание программы стратегического развития России началось в декабре 1999 г., когда председатель Правительства РФ В.В. Путин поручил Г.О. Грефу возглавить учрежденный в тот же период Центр стратегических разработок (ЦСР)⁴. В марте 2000 г. была создана координационная рабочая группа между ЦСР, Правительством и Администрацией Президента РФ. Список ее участников (А.С. Волошин – руководитель Администрации президента; М.М. Касьянов – министр финансов, первый заместитель, с мая 2000 г. – председателя правительства; А.Л. Кудрин – с мая 2000 г. министр финансов; Г.О. Греф) показывает крайнюю заинтересованность руководства страны в подготовке документа.

Основная цель Программы Грефа: «достичь радикального повышения уровня жизни населения на основе самореализации каждого гражданина, снижения социального неравенства, сохранения независимости и культурных ценностей России, восстановления экономической и политической роли страны в мировом сообществе»⁵.

Итоговый текст «Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2010 г.», состоявший из почти 400 страниц, двух содержательных частей (не считая вводной и ожидаемых результатов), был представлен 23 мая 2000 г. в Правительство и Администрацию Президента РФ.

---

³ Рязанов В.Т. Новая индустриализация и экономическое возрождение России: восточный вектор // Известия УрГЭУ. 2017. № 5. С. 72.

⁴ В разработке Стратегии-2010 участвовала большая группа экспертов и сотрудников ЦСР, среди которых отметим О.В. Вьюгина, А.В. Дворковича, М.Э. Дмитриева, В.А. Мау, Д.Ф. Мезенцева, Э.С. Набиуллину, А.В. Улюкаева.

⁵ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 10.

М.Э. Дмитриев, один из авторов Программы Грефа, утверждал, что «еще до внесения в правительство из официального текста Стратегии-2010 был изъят один из ключевых разделов, касающийся реформы государства <...>. Тем не менее он реализовывался наряду с другими разделами»⁶.

28 июня 2000 г. на заседании правительства прошло предварительное рассмотрение и одобрение проекта «в целом». Окончательно документ принят не был и формально направлялся «в научные коллективы для дальнейшего обсуждения»⁷. Но как вспоминал В.А. Мау, один из участников событий, Стратегия-2010 начала реализовываться правительством, основываясь на мнении руководства страны⁸.

Отправная точка

Переход России к рыночной экономике стал главным экономическим и социальным итогом 1992–1999 гг. «Особенно важными для оценки того нового состояния российского общества, которое сложилось в 1999 г., были два взаимосвязанных фактора: исчерпание задач посткоммунистической трансформации и начало сближения позиций ведущих политических сил страны». Причем на основе «признания важности макроэкономической стабильности, неинфляционной денежной политики, сбалансированного бюджета»⁹.

К концу 1999 г. экономика РФ уже оправилась от финансового шока августа предыдущего года. Постепенно восстановилась тенденция роста объемов выпущенной продукции: если в 1998 г. падение объемов (к предыдущему году) составляло 5,2% (падение ВВП – 4,9%), то в 1999 г. рост составил 11% (ВВП восстановился, показав рост в 5,4%)¹⁰, улучшились и иные социально-экономические показатели. Например, реальные доходы населения начали увеличиваться (в 1999–2000 гг. на 12%), компенсируя существенное падение в 1998 г.¹¹ Все это в совокупности повлияло на перелом настроения населения в общей оценке качества жизни – тенденции роста числа мнений с «плохого» на «хорошее»¹².

Передача Б.Н. Ельциным президентских полномочий В.В. Путину, а затем и удержание власти в его руках поставило вопрос о создании системной программы модернизации и развития страны в экономически обозримой перспективе.

⁶ Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя / под науч. рук. М.Э. Дмитриева. М., 2010. С. 5.

⁷ *Смирнов К.С.* Жизнь и смерть программы Грефа // *Коммерсантъ*. 2000. 4 июля.

⁸ См.: Материалы научного исследования Центра прикладной истории ИОН РАНХиГС, проводимого в рамках научно-исследовательской работы «Социально-экономическая трансформация России в 1987–1999 гг. Между проектами реформ и социальной реальностью». М., 2023.

⁹ *Мау В.А.* Сочинения... Т. 4. С. 266, 463–464.

¹⁰ О существовании тенденции говорят цифры роста объемов продукции последующих годов: 2000 г. – 11,9%; 2001 г. – 4,9%; 2002 г. – 3,7%. См.: *Аганбегян А.Г.* Новой России – 30 лет. Достигновения и упущения (социально-экономический анализ). М., 2021. С. 11.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Готово ли российское общество к модернизации: аналитический доклад Института социологии РАН. М., 2010. С. 16.

Авторы документа исходили из понимания сложившегося к началу третьего тысячелетия положения России как индустриальной страны, утратившей статус сверхдержавы и имевшей все шансы оказаться на периферии развивающегося мира. В 90-е гг., в соответствии с программой первых посткоммунистических преобразований правительства Е.Т. Гайдара, была достигнута макроэкономическая стабилизация, проведены либерализация экономики и основополагающая институциональная рыночная трансформация – приватизация. Были созданы «условия для перехода к следующему этапу посткоммунистического развития – этапу структурных и институциональных реформ, обеспечивающих стабильность экономического роста»¹³. Требовалось не только создать новые рыночные институты, но и модернизировать уже сложившиеся – для планомерного и системного развития страны.

Важнейшим фактором для разработчиков Стратегии-2010 являлся переход индустриально развитой части мира в стадию постиндустриального развития, характеризующуюся резким ростом индивидуализированных потребностей и, соответственно, возможностей их удовлетворения. При этом наиболее распространенным типом экономической деятельности становится предоставление разнообразных услуг, наукоемкость характеризует основные используемые технологии¹⁴. Следовательно, постиндустриальный уклад отличается поощрением индивидуализации, мелких производств, интеллектуального и научного труда; основной производственный ресурс – знания и информация, неотделимые от их носителя – человека. Ведь знания всегда личностны, а информация «не может быть применена, не будучи осознанной», т.е. ставшей теми же знаниями; «собственники знаний становятся *defacto* основным производительным классом в постиндустриальной экономике»¹⁵.

Именно это заставляет государство, стремящееся занять свое место в постиндустриальном мире, озаботиться построением и успешным функционированием институтов, гарантирующих интеллектуальную и материальную собственность. Это необходимо для раскрытия свободных творческих и предпринимательских возможности людей в целях быстрого и успешного реагирования на потребности свободного рынка, товаров и услуг, научно-технических достижений, информационных потоков. Когда «каждый гражданин активно и сознательно работает на себя, но тем самым и на страну, повышая свои ответственность, компетенцию, производительность труда и опираясь на передовые науку и технологии <...>, когда у каждого гражданина появляется мотивация к активному, свободному и производительному труду»¹⁶.

Особое значение в развитии страны начинают приобретать системы воспроизводства человеческого капитала – образование и здравоохранение. Современное здравоохранение не только само по себе является высокотех-

¹³ *Мау В.А.* Сочинения... Т. 4. С. 485.

¹⁴ *Римский В.Л.* Постиндустриальное общество и социальный капитал в современной России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. № 5. Т. 2. С. 26–27.

¹⁵ *Иноземцев В.Л.* Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 147.

¹⁶ *Аринин А.Н.* О задачах Президента России в модернизации страны // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 12.

нологичной областью, но и тесно связано с другими научно-техническими и информационными секторами производства и сферы услуг, «а потому вложения в здравоохранение могут генерировать спрос, ориентированный на реальные потребности общества, по длинной цепочке сопряженных отраслей <...> Здравоохранение может сыграть ту же роль для постиндустриального роста, что и железнодорожное строительство — для индустриального»¹⁷.

Все это требовало, с одной стороны, бюджетного маневра в сферах воспроизводства человеческого капитала, с другой — интенсификации привлечения частных средств в их развитие, т.к. «на плечи» бизнеса легло тяжелое налоговое бремя¹⁸.

Также особое значение для формирования чувства «уверенности в завтрашнем дне» играет система пенсионного обеспечения, которая либо мотивирует, либо демотивирует людей в части оценки государством их вклада в жизнь и развитие страны.

Возрастанию спроса потребителя в условиях рынка соответствуют не только расширение возможностей удовлетворения этого спроса, но и рост темпа обеспечения рынка продукцией и услугами, т.е. происходит резкое повышение динамизма жизни. А этому способствует создание в обществе атмосферы благоприятной деловой среды, которая предоставит условия наиболее полного раскрытия возможностей человеческого капитала, а также поддержание структурной политикой государства социально-экономической инфраструктуры, обеспечивающей на всей территории страны эффективную хозяйственную деятельность.

Историческая необходимость догоняющего постиндустриального развития (или в более правильной терминологии — постиндустриального прорыва)¹⁹ поставило перед Россией задачу: стать конкурентом для ведущих технологических стран в борьбе за ключевой ресурс постиндустриального мира — человеческий капитал, что требовало общегосударственных усилий по созданию определенной институциональной среды, формирующей социально-экономические и политические основы постиндустриального общества.

Таким образом, перед разработчиками Стратегии-2010 возникли следующие важные вопросы: укрепления институтов государственной власти России, включая реформы — судебной системы (без доверия к справедливости и прозрачности которой бессмысленны шаги по совершенствованию законодательства) и государственного аппарата (имея в виду, в первую очередь, проблему его коррумпированности); перехода системы комплектования армии на контрактную (чтобы молодежь, основа будущего постиндустриального общества, была уверена в непрерывности своего карьерного и бизнес роста, не говоря уже об образовании); повышения эффективности органов правопорядка (в том числе «замещение их репрессивной мотивации на мотивацию защи-

¹⁷ *Мау В.А.* Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. 2002. № 7. С. 23.

¹⁸ В России в 1997 г. — 38,5% ВВП; 1998 г. — 32,5; 1999 г. — 31,1; 2000 г. — 33,9. См., напр.: *Васькина А.А., Гурвич Е.Т.* Структура российской налоговой системы // Экономическая экспертиза. 2004. 2 марта.

¹⁹ *Мау В.А.* Посткоммунистическая Россия... С. 6.

ты закона»)²⁰. Одним словом, требовалось создать инклюзивные рыночные институты.

К началу третьего тысячелетия история не знала прецедентов прорыва в постиндустриальный мир индустриального государства²¹. Все усложнялось не только необходимостью осуществления реформ в условиях ограниченности ресурсов²², но и невозможностью реформирования страны поэтапно. Целостность глобальной задачи подразумевала целостность самой Программы Грефа, представляющей и экономические, и политические, и социальные изменения в обществе. Кроме общего вектора движения общества она описывала ряд конкретных шагов для достижения поставленных целей, исполнение которых можно было проверить.

Исходя из этого, выделим основные, по нашему мнению, взаимосвязанные направления реформ в России, связанные с постиндустриальным вызовом:

- формирование социального базиса развития человеческого капитала: установление нового социального общественного контракта, изменение («пересоздание») системы социального обеспечения, реформы образования и здравоохранения, изменение пенсионной системы;
- выстраивание институциональных условий для постиндустриальной модернизации экономики страны, в первую очередь, включающих обеспечение гарантий собственности, установление благоприятного делового климата, налоговую реформу, дерегулирование;
- реформа государственной власти в целях ее соответствия стоящим задачам.

Отметим, что в данной статье не ставится задача подробного изложения всей Стратегии-2010. Мы обратим внимание лишь на то, что считаем важнейшим в рамках рассматриваемой темы, особо отмечая ключевые идеи и комплексность предложенных решений.

Социальный вектор

Выбор авторами Программы Грефа социально-экономической стратегии, «основанной на высвобождении частной инициативы и усилении роли государства в обеспечении благоприятных условий хозяйствования, включая финансовую и социальную стабильность», был не случаен. Он означал, что «вместо социального государства (патернализма) и приватизации социальных функций (радикального либерализма) создавалось “субсидиарное” государство, обеспечивающее социальные гарантии в той мере, в которой общество не мо-

---

²⁰ См.: *Крылов Д.С.* Программа-2000 – что сделано // Научно-образовательный портал IQ ВШЭ. 2010. 25 января.

²¹ *Май В.А.* Посткоммунистическая Россия... С. 9.

²² Экспертами отмечались на начало 2000 г. отсутствие инвестиций в значительном объеме; крайняя ограниченность бюджетных ресурсов; продолжение утечки капитала; сохранение высокого уровня номинальных неплатежей между хозяйствующими субъектами при резком сокращении бюджетных платежей; ненадежность банковской системы. См.: *Май В.А.* Сочинения... Т. 4. С. 470.

жет этого сделать самостоятельно». Такой подход был призван создать для трудоспособного населения условия, «позволяющие за счет собственных доходов обеспечивать более высокий уровень социального потребления»²³.

Требовалось решить двуединую задачу. Во-первых, заложить основы качественного подъема социальной сферы (прежде всего, образования и здравоохранения) и, как следствие, обеспечения граждан бесплатными качественными базовыми социальными услугами. Во-вторых, осуществить перераспределение социальных льгот: увеличение помощи нуждающимся с одновременным отказом от «веерной» поддержки всего общества и тем более — обеспеченных граждан. Такая система позволяет серьезно сократить финансовые затраты на социальную сферу, сделав их адресными, мотивирует самореализацию активной части населения.

Важнейшим фактором изменений в социальной политике стало использование в Программе Грефа понятия «домохозяйство»²⁴, что в корне меняет понимание долга государства перед индивидуальными лицами в предоставлении им соцобеспечения и льгот на адресную помощь группам людей, ведущих общее хозяйство, исходя из их совместного дохода. Это с первых строк документа ментально ориентирует общество на обязанность его трудоспособной части нести самостоятельную ответственность за свой уровень жизни и жизни близких.

С другой стороны, эта самоответственность граждан требует от государства создания системы обеспечения адресной «эффективной защиты социально уязвимых домохозяйств, не обладающих возможностями для самостоятельного решения социальных проблем»²⁵, включающей формирование условий для появления и функционирования институтов (причем не важно, каких форм собственности), предоставляющих социальные услуги и блага высокого качества. Организовывать финансирование этих институтов предлагалось посредством программно-целевых и конкурсных механизмов государственного финансирования через социальный заказ.

При такой постановке задачи разумным представлялось максимально расширить самостоятельность территорий в принятии социальных решений. Основной же задачей федеральной власти становилось «межбюджетное выравнивание, способствующее повышению эффективности системы социальной защиты населения». Указывался и источник ресурсов: «сокращение бюджетных субсидий производителям товаров и услуг, а также льгот и выплат, предоставляемых по категориальному принципу»²⁶.

В пенсионной сфере планировалось при минимальных изменениях (учитывая консерватизм пожилых людей) восстановить утраченную связь между

²³ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 10, 13.

²⁴ Домохозяйство — это группа людей, проживающих в одном жилом помещении или его части, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, т.е. полностью или частично объединяющих и расходующих свои средства. Эти люди могут быть связаны отношениями родства или отношениями, вытекающими из брака, либо быть не родственниками, либо и теми, и другими. Домохозяйство может состоять из одного человека, живущего самостоятельно и обеспечивающего себя пищей и всем необходимым для жизни.

²⁵ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 13.

²⁶ Там же. С. 16, 17.

размером пенсии и прошлыми заработками. Предлагалось внедрить индивидуальный коэффициент пенсионера в сочетании с «прямым поэтапным повышением пенсионного возраста», а чуть позже (по мере стабилизации финансовых рынков) создать накопительную часть пенсии.

Обеспечение выплат льготных пенсий предполагалось переместить в негосударственные структуры в совокупности с замещением досрочных пенсий страхованием утраты трудоспособности²⁷. Это предложение, во-первых, ярко демонстрировало комплексный подход авторов Программы Грефа к решению проблемы осуществления самой пенсионной реформы; во-вторых, давало серьезный толчок развитию страхового бизнеса; в-третьих, обеспечивало посредством страховых компаний дополнительный приток «длинных» денег на финансовый рынок, в том числе для инвестиционной и инновационной деятельности²⁸.

К образованию постиндустриальное общество предъявляет особые требования. Речь идет не только о соответствующих знаниях и умениях, но главное – о формировании ценностей: «ответственности за собственное благосостояние и за состояние общества через освоение молодыми поколениями основных социальных навыков <...>. Образование должно реализовать ресурс свободы, поле выбора для каждого человека, <...> инвестирующего в себя»²⁹.

Исходя из этой позиции, в Стратегии-2010 основной виделась реализация комплексности, непрерывности и преемственности образовательного процесса, – от системы дошкольных учреждений через среднюю школу и специализированные средние профессиональные заведения до университетов, включающих вузовскую науку как «ядра саморазвития всей национальной образовательной системы»³⁰.

Путем решения этой задачи была избрана интеграция образовательных ресурсов: «создание школьных округов, включающих учреждения дошкольного, общего, начального и среднего профессионального образования»: комплексов «детский сад – школа», межшкольных комплексов на уровне старшей школы, включение в них учреждений профобразования. На уровне высшей школы речь шла об организации университетских комплексов, интегрированных со структурами профессионального образования, где университет брал на себя, в первую очередь, методическую функцию «по целевой подготовке кадров для производственной и социальной сферы региона». Предлагался переход на «подушевое» финансирование из госбюджета преподавания общеобразовательных дисциплин в рамках утвержденных стандартов и предоставления прав на получение оплаты за дополнительные услуги через учащихся³¹.

Реализация предложенной модели позволяла начать интегративно решать проблемы эффективности образовательного процесса, оптимизации расходов на обновление инфраструктуры, снижения административно-управленческих

²⁷ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 22–24, 26.

²⁸ Черников В.В. В долг надолго: во что инвестируют страховые компании? // Финансовый маркетинг Banki.ru. 2019. 15 ноября.

²⁹ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 31.

³⁰ Там же. С 46.

³¹ Там же. С. 38, 43.

затрат, большей ориентации системы профобразования на региональные нужды, развития разумной деловой инициативы в образовательной системе.

Но передача возможностей «на места» вынуждала поднять вопрос единого контроля за качеством образования, что было предложено осуществить посредством независимого единого общенационального экзамена, результаты которого являлись основой для продолжения обучения в вузах (позже этот экзамен назовут ЕГЭ). Кроме контроля и управления качеством это сужало разрыв между средней и высшей школой, позволяло сделать более доступным высшее образование для молодежи из отдаленных регионов, а также снизить соответствующее коррупционное напряжение³².

Структурная реформа финансирования была положена в основу перестройки здравоохранения, причем авторы Программы Грета понимали, что «повышение зарплаты, инвестиции в оборудование и тому подобные финансовые шаги являются предпосылкой, но недостаточным условием решения ряда назревших проблем. Качество (предоставляемых. — *И.Б.*) услуг связано не только с уровнем оплаты и, следовательно, привлечением в социальную сферу квалифицированных кадров, но и с повышением эффективности их функционирования <...>. Рост финансирования без структурных реформ может дать даже отрицательные результаты»³³.

Следовало решить следующую задачу. Перейти «от оплаты фактических объемов медицинской помощи к (“подушевой”. — *И.Б.*) оплате планируемых объемов медицинской помощи, определяемых на основе заказа медицинским организациям» через систему ОМС и страховых компаний (от показателей, «характеризующих мощность сети (число коек, посещений в смену и т.п.) и численность персонала») к оплате итогов лечения конкретного пациента. При этом подразумевалась возможность предоставления лечебному учреждению права «свободного распоряжения основной частью экономии, достигаемой за счет отказа от необоснованных госпитализаций и сокращения длительности пребывания на больничной койке»³⁴.

Со стороны органов здравоохранения это означало придание лечебным учреждениям хозяйственной самостоятельности, что давало им возможность «широкого маневрирования кадровыми, материальными и финансовыми ресурсами <...> и создавало предпосылки для ориентации на конечные показатели здоровья населения и на поиск эффективных вариантов использования имеющихся ресурсов»³⁵.

Со стороны заказчиков — системы ОМС и страховщиков требовалось сконцентрировать усилия и ресурсы государства путем объединения Федерального фонда ОМС и Федерального фонда социального страхования

³² Безусловно, система ЕГЭ, вызывавшая вполне справедливую критику и по содержанию экзаменов, и по организации процесса, хотя и претерпела за прошедшие годы существенные изменения, все еще требует дальнейшего совершенствования. Но нельзя не отметить, что она в целом выполняет поставленные в Стратегии-2010 задачи. См. напр.: *Мальцев А.В., Шкурин Д.В.* Единый государственный экзамен в мнениях родителей крупного промышленного центра // Известия УрФУ. Сер. 3. Общественные науки. 2018. № 3. Т. 13.

³³ *Май В.А.* Сочинения... Т. 4. С. 645.

³⁴ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 55, 58, 60.

³⁵ Там же. С. 55, 61.

в единый Федеральный фонд медико-социального страхования (что также существенно, особенно в регионах, снижало административные издержки) и предоставление ему дополнительных обязанностей мониторинга деятельности страховщиков в области добровольного медстрахования³⁶.

Предполагалось, что переход на финансирование по планируемым конечным результатам побудит страховщиков «планировать наиболее рациональные варианты оказания (медпомощи. – *И.Б.*), предусматривая сокращение необоснованных госпитализаций, перемещение части помощи на амбулаторный этап, то есть более эффективное использование ресурсов здравоохранения»³⁷.

Безусловно, параллельно с реформой здравоохранения всем этим комплексно решались вопросы развития страхового российского бизнеса и получения на финансовом рынке в перспективе «длинных» денег, необходимых для инвестиционной деятельности.

Вопросы социальной политики в тексте Стратегии-2010³⁸ опережали экономические вопросы, подчеркивая базовое значение сохранения и воспроизводства «основного национального богатства – интеллектуального потенциала населения страны»³⁹.

Модернизация экономики

Среди причин, мешающих реализовывать имеющийся у страны экономический потенциал, в Программе Грефа выделялись три. Во-первых, общие институциональные условия: «излишнее вмешательство государства в хозяйственную деятельность и одновременно его недостаточная роль в обеспечении базовых рыночных условий – защиты прав собственности и создании равных условий конкуренции»⁴⁰, что пагубно сказывалось на деловом климате в стране.

Во-вторых, «обременительная для общества государственная финансовая система», при которой объемы государственных обязательств (в том числе социальной и отраслевой поддержки) были чрезвычайно высоки, а имеющиеся у государства реальные финансовые поступления и средства существенно

---

³⁶ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 54, 58.

³⁷ Там же. С. 57.

³⁸ В соответствии с исследованиями М.Э. Дмитриева и А.С. Юртаева по итогам реализации Стратегии-2010 отмечалось, что «по выполнению конкретных мер и по достижению целей» в общем реформа социальной сферы была выполнена менее чем на треть (31%). Наиболее реализованной оказалась реформа пенсионного обеспечения – на 63%, а образования – на 24%, социального страхования и здравоохранения – всего на 20%. См.: Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя. С. 23. Темпы роста объема медицинских услуг в тот период были высокими (в 2005–2010 гг. – по 21% в год). См.: *Ашер Я., О’Коннелл Ш., Уржаева Ю.В.* Эволюция системы здравоохранения в России // Вестник McKinsey. 2012. № 25.

³⁹ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 8.

⁴⁰ Более того, «органы власти зачастую вовлечены в переделы собственности», льготируют часть хозяйствующих субъектов, создают для некоторых из них «особый режим доступа к государственному заказу и государственным ресурсам». См.: Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 95.

ограничены⁴¹. Это неизбежно влекло, кроме внешних заимствований, или увеличение налогового бремени, или улучшение качества налоговой системы.

В-третьих, «неэффективная структура экономики, в которой преобладало производство товаров с низкой долей добавленной стоимости (главным образом, сырьевых) и нерыночных услуг». Итогом модернизационного прорыва России «должно было стать ее превращение из страны, вывозящей капитал и ввозящей товары с высоким уровнем добавленной стоимости, в страну, ввозящую капитал и вывозящую товары и услуги с высокой добавленной стоимостью»⁴², что в условиях постиндустриального вызова подразумевало и высокую наукоемкость производимой отечественной продукции, и развитие «новых» отраслей – информационной, медицинских услуг, IT, фарма- и биотехнологий и т.д.

Таким образом, речь шла о проблеме активизации человеческого капитала, привлечения частных инвестиций (в том числе в инновационную деятельность), «которые чрезвычайно чувствительны к условиям ведения бизнеса», и опоре на них. Что, в свою очередь, подразумевало решение выше изложенных проблем в следующем ключе: 1) формирование благоприятного делового климата и осознание экономической свободы; 2) обеспечение стабильности, открытости и справедливости финансовых взаимоотношений государства и общества; 3) способствование государству созданию «технологических» условий развития бизнеса и реализации инвестиционных проектов – переориентация структурной политики государства от оказания поддержки неэффективным предприятиям⁴³ на развитие инфраструктуры, содействие наукоемким и информационным «новым» секторам⁴⁴.

Для защиты собственности Программа Грета предполагала разработку соответствующей системы законодательства, «отражающей баланс между частным правом творца на защиту своей интеллектуальной собственности и правом общества на пользование достижениями в любой области искусства и науки». Необходимо было добиться четкого регламентирования авторско-правовой защиты изобретений, товарных знаков и промышленных образцов, использования результатов творческой деятельности в практической жизни общества⁴⁵.

Дерегулирование экономической жизни подразумевает «обеспечение оптимального баланса во взаимоотношениях частного предпринимательства и государства» – ослабление бюрократического (а следовательно, коррупционного) давления на бизнес, повышение уровня экономической свободы для всех участников хозяйственной деятельности, включая снижение барьеров входа на рынок и упрощения практики лицензирования; устранение излишнего административного регулирования предпринимательской деятельности,

⁴¹ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 95.

⁴² Там же. С. 95, 98.

⁴³ В 1999 г. доля убыточных предприятий в России составляла 40%. См.: Об итогах исполнения Федерального бюджета в 1999 г. и задачах органов финансовой системы на 2000 г. // Министерство финансов РФ. 2000. 15 марта.

⁴⁴ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 97–99.

⁴⁵ Там же. С. 113.

в первую очередь в сфере контроля и проверок, максимальное разделение функций регулирующих и контрольных органов; обеспечение согласованности действий федеральных и региональных частей власти, в том числе создания федерального координационного межведомственного института по дерегулированию и дерегламентации хозяйствования⁴⁶.

Был провозглашен принцип установления «естественного и жесткого предела избыточной активности должностных лиц и органов государственной власти введением в Конституцию нормы, закрепляющей правовой принцип: «для государственного органа, организации, должностного лица все, что не предусмотрено законом, запрещено»⁴⁷.

Подчеркивая системность и комплексность экономической части Программы Грефа, отметим основополагающее значение для будущего развития страны налоговой реформы, т.к. именно налоговая система играет ведущую роль в реализации регулирующей функции государства – как поощряющей экономическую деятельность, так и оказывающей негативное влияние на общественную активность в хозяйственной сфере.

В рамках налоговой реформы планировалось за 4–5 лет достигнуть следующих глобальных целей: повышения уровня справедливости и нейтральности налоговой системы, снижения общего налогового бремени, максимального упрощения налоговой системы и обеспечения ее стабильности и предсказуемости в последующем.

Достижение первой цели считали возможным за счет выравнивания условий налогообложения для всех налогоплательщиков через отмены необоснованных льгот, неэффективных и оказывающих негативное влияние на экономическую деятельность налогов и сборов. Кроме того, посредством сокращения числа контролирующих органов (с одновременным повышением инструментальной базы контроля), исправления деформаций в правилах определения налоговой базы, упрощения и ускорения процедур обжалования решений и действий налоговых органов.

Второй цели планировалось добиться отменой налогов, рассчитываемых в зависимости от выручки предприятий, снижением налоговой нагрузки на фонд оплаты труда, предоставлением возможности вычета из базы налога на прибыль всех обоснованных необходимых для ведения бизнеса расходов при поэтапном снижении ставки НДС⁴⁸.

В сфере законодательной и нормотворческой работы планировались отмена 12 налогов различной направленности и корректировка 22 налогов и сборов, внесение изменений и дополнений в Налоговый кодекс⁴⁹. Предлагалась система стимулов для налогоплательщиков:

- переход бухгалтерии к методу начисления, позволяющего относить доходы и расходы не к периодам прохождения денег по банковским счетам, а к периодам, в которые в соответствии с контрактами возникают права на доходы или обязанности осуществить расходы;

---

⁴⁶ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 104, 126–127.

⁴⁷ Там же. С. 128.

⁴⁸ Там же. С. 177–178.

⁴⁹ Там же. С. 181–182.

- уравнивание ставок, выплачиваемых налоговыми органами за излишне оплаченные налоги, и пени;
- запрет ареста банковских счетов при неуплате налогов⁵⁰.

Уже в первые годы реализации налоговой реформы руководитель Экономической экспертной группы при Минфине РФ Е. Т. Гурвич отмечал: снижение и справедливое перераспределение налогового бремени, ликвидация сдерживающих развитие «оборотных» налогов, введение «плоской» шкалы и снижение налогов на доходы граждан при практически неизменном размере уплаченных налогов позволили выровнять условия для отраслей с разной потребностью в инвестициях, дали существенный выигрыш в капитализации отечественного бизнеса, увеличили общую оплату труда и расширили внутренний спрос⁵¹.

В условиях постиндустриального вызова социально-экономическая инфраструктура, содействующая инновационной деятельности, начинает играть определяющую роль. Как декларировал немецкий экономист Г. Менш, «инновации преодолевают депрессию»⁵², расширяя конкурентоспособные сектора экономики. А это, в свою очередь, ведет к повышению занятости населения, его уверенности в будущем, следовательно, к возрастанию его самоответственности и, конечно, увеличению налогооблагаемой базы.

В Стратегии-2010 содержится широкий спектр предложений в инновационной сфере, мы рассмотрим наиболее «ключевые».

Следуя классической формуле: «инновация = коммерческое применение научных открытий»⁵³, авторы Программы Грефа поставили во главу угла реформ государственной инновационной политики коммерциализацию научно-инжиниринговой деятельности. Это было возможно через преобразование российских государственных научно-исследовательских и проектных институтов «в инжиниринговые фирмы с развитой финансово-экономической, маркетинговой и коммерческой структурой <...> с передачей промышленности прав на продукты и процессы (как особого товара нематериального вида), созданные за счет государственных средств, для последующей их коммерциализации»⁵⁴.

В целях содействия частному («малому») предпринимательству предлагалось создание и поддержание инновационной инфраструктуры (инновационные технопарки и т.д.), включая систему перераспределения оборудования из бывшего госсектора (информационные и лизинговые агентства, торговые предприятия по продаже подержанного оборудования и проч.), лабораторных, офисных и производственных площадей. Подчеркивалась ориентация системы образования «на местах» на подготовку специалистов для новых высокотехнологичных направлений, включая «формирование корпоративных объединений образовательных, научных и промышленных организаций»⁵⁵.

⁵⁰ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 188–190.

⁵¹ Гурвич Е. Т. Экономический анализ налоговой реформы. М., 2003. С. 11.

⁵² Mensch G. Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression. Cambridge, 1979. P. 1.

⁵³ Формула австрийского экономиста и социолога Й. Шумпетера, согласно которой именно инновационный процесс определяет степень прогресса конкретной экономической системы.

⁵⁴ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 252, 254.

⁵⁵ Там же. С. 256.

Для привлечения инвестиций (в том числе частных) планировалось «включение в сферу финансирования инноваций (в том числе и венчурные фонды) пенсионных фондов, страховых компаний и кредитных союзов», что требовало внесения соответствующих изменений в нормативно-правовую базу, которые были весьма подробно изложены⁵⁶.

Важнейшее значение авторы Стратегии-2010 придавали факту содействия государства «формированию спроса (на продукцию инновационного сектора. – *И.Б.*), в том числе, формированию новых областей спроса, в удовлетворении которого отечественная наукоемкая продукция играла бы доминирующую роль»⁵⁷. Эта задача напрямую коррелировала с привлечением инвестиций в здравоохранение и образование.

Преобразования в инновационной сфере⁵⁸ наиболее ярко демонстрируют комплексность подходов авторов Программы Грефа в социально-экономических реформах в целом. Вышеприведенные аспекты показывают взаимосвязь инноваций с решением вопросов защиты собственности; изменением вектора государственного регулирования – от отраслевого⁵⁹ к поддержке инфраструктуры и обеспечения добросовестной конкуренции в кооперации с наиболее важными социальными секторами – здравоохранением и образованием. Нельзя забывать и о содействии формированию источников денежных средств посредством страховых, пенсионных институтов и стимулированием инвестиций, с государственным содействием предпринимательской деятельности посредством установления справедливой налоговой системы⁶⁰.

В Стратегии-2010 все это предполагалось осуществлять в комплексе с реформой власти, т.е. с «превращением власти в инструмент обслуживания и защиты интересов общества»⁶¹.

Реформа власти

Следует отметить, что изъятие из официальной версии Программы Грефа раздела о реформе госвласти, безусловно, лишило элиту (и общество в целом)

---

⁵⁶ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 252, 254, 280–281.

⁵⁷ Там же. С. 252.

⁵⁸ Как отмечалось в докладе М.Э. Дмитриева и А.С. Юртаева, «по уровню реализации мер направление “развитие инновационной экономики” являлось лидером в блоке “структурная политика”, хотя была исполнена примерно на 50%». См.: Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя. С. 70.

⁵⁹ Т.к. наиболее перспективными и конкурентоспособными могут оказываться не отрасли, а конкретные предприятия. См.: *Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. P. 7.*

⁶⁰ В соответствии с исследованиями М.Э. Дмитриева и А.С. Юртаева наибольший положительный итог Стратегии-2010 состоит в налоговой реформе (73% выполнения), а минимальный – в вопросах дерегулирования хозяйственной деятельности (15%), защита прав собственности также не была отмечена высокими достижениями (20%). См.: Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя. С. 40, 41.

⁶¹ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. С. 11.

ряда целевых мотивационных импульсов⁶² и в определенной степени предопределило половинчатость выполнения Стратегии-2010. Это в ряде случаев, считает один из авторов документа – М.Э. Дмитриев⁶³, являлось следствием несоответствия между «декларируемыми (авторами Программы Грефа. – *И.Б.*) и реальными целями» тех, кто реализовывал реформы. Как говорил позже Г.О. Греф, «мы недостаточно внимания обратили на реформу власти и образования класса элиты и управленцев, которые занимались осуществлением реформ»⁶⁴.

Исключение текста раздела из официального варианта документа, а затем и из общественного и открытого научного оборота, не позволяет нам ссылаться на формальный источник и анализировать содержание предложенного в этой сфере авторами программы. Мы можем судить о его содержании лишь из доклада об итогах реализации Стратегии-2010⁶⁵ (под ред. М.Э. Дмитриева), косвенно – из ежегодных экономических обзоров, издаваемых в Институте экономики переходного периода (2000–2010 гг.)⁶⁶. В них среди целей предстоящего года подчеркивалось продолжение необходимых для общества изменений в областях – административной (включая госслужбу), судебной, военной⁶⁷.

Заключение

Рассмотренные нами аспекты Стратегии-2010 показывают, что предложенный в документе вектор движения страны соответствовал возникшему постиндустриальному вызову. В Программе Грефа ключевое место отводилось реализации политики, способствующей развитию и поддержке человеческого капитала, возрастанию самоответственности трудоспособного населения за свою достойную жизнь. В состав глубоких социальных реформ было заложено переустройство образования и здравоохранения как системных основ инвестирования в человека, с одной стороны, с другой – как одних из составных направлений развития инноваций, необходимых для активизации свободной хозяйственной деятельности. Была предложена программа поддержки инноваций государством через создание соответствующей инфраструктуры и продвижения спроса на наукоемкую продукцию. Планировалась реформа институциональной среды государства; приоритет отдавался институтам, со-

⁶² «Государство – главный инструмент элиты». См.: *Аринин А.Н.* О задачах Президента России... С. 13.

⁶³ Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя. С. 46.

⁶⁴ *Кувшинова О.В.* Путинская реформа выполнена только на треть // *Ведомости.* 2010. 2 июня.

⁶⁵ См.: Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя.

⁶⁶ См.: *Мау В.А.* Сочинения... Т. 4.

⁶⁷ Не имея возможность анализировать содержание предложенной авторами Программы Грефа в этой сфере, лишь отметим, что по оценке М.Э. Дмитриева и А.С. Юртаева, «наиболее высокий уровень реализации мер (примерно 75%) был достигнут в области федеративных отношений и местного самоуправления. Степень реализации реформ в сфере законодательной власти и правоохранительной деятельности была очень низкой (около 20%), а судебной и исполнительной власти – на уровне чуть выше среднего (около 40%)». См.: Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя. С. 11–21.

действующим творческой и предпринимательской свободе, обеспечению прав собственности, включая интеллектуальную, созданию стабильной, предсказуемой налоговой системы, мотивирующей самореализацию активной части населения.

«Замахнувшись на всю площадку»⁶⁸, авторы обрисовали в разработанной программе шаги, которые России необходимо сделать, чтобы не столько «догнать» развитые страны мира, но и встать наравне с ними в новом постиндустриальном мире. Россия – первая из индустриальных стран встала на путь постиндустриального прорыва, решая задачу формирования инклюзивных «институтов, которые в западном мире строились веками»⁶⁹. Новая Россия, родившись в 1991 г., пыталась пройти этот путь за два десятка лет.

Примерно с середины первого десятилетия XXI в. решение задач, изложенных в Стратегии-2010, начало заменяться ответами на новые вызовы времени. Как отмечал Г.О. Греф, «влияние разработчиков уменьшалось по мере накопления Стабилизационного фонда и сохранения профицита бюджета»⁷⁰.

Однако сам факт постановки проблемы, ее анализ и синтез комплексных решений (несмотря на невысокую оценку экспертами и самими авторами выполнения Программы Грефа – 36%) создали заделы⁷¹ последующих реализаций этих решений, критически важных для свободного поступательного движения развития человеческого капитала и деловой интеллектуальной инициативы. Вопросы, связанные с реализацией Стратегии-2010, станут будущими объектами исследований автора.

Библиография

- Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 465 p.
- Mensch G.* Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression. Cambridge: Ballinger Pub, 1979. 241 p.
- Асанбеян А.Г.* Новой России – 30 лет. Достижения и упущения (социально-экономический анализ). М.: Изд. центр ИНЭС, 2021. 48 с.
- Аринин А.Н.* О задачах Президента России в модернизации страны // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 7–34.
- Ашер Я., О’Коннелл Ш., Урожаева Ю.В.* Эволюция системы здравоохранения в России // Вестник McKinsey. 2012. № 25. С. 7–19.
- Готово ли российское общество к модернизации: аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2010. 179 с.
- Гурвич Е.Т.* Экономический анализ налоговой реформы. М.: Высшая школа бизнеса МГУ, ИКСП, 2003. 47 с.
- Иноземцев В.Л.* Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 140–152.
- Кувшинова О.В.* Путинская реформа выполнена только на треть // Ведомости. 2010. 2 июня.
- Мальцева А.В., Шкурин Д.В.* Единый государственный экзамен в мнениях родителей крупного промышленного центра // Известия УрФУ. Сер. 3. Общественные науки. 2018. № 3. Т. 13. С. 164–176.

⁶⁸ Слова Г.О. Грефа см.: *Кувшинова О.В.* Путинская реформа...

⁶⁹ См.: *Познер В.В.* В гостях Егор Гайдар // Первый канал. 2009. 2 марта.

⁷⁰ См.: Греф: без политических реформ в РФ не будет экономических // ВВС. 2010. 2 июня.

⁷¹ Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя. С. 6, 27, 76.

Материалы научного исследования Центра прикладной истории ИОН РАНХиГС, проводимого в рамках научно-исследовательской работы «Социально-экономическая трансформация России в 1987–1999 гг. Между проектами реформ и социальной реальностью». М.: РАНХиГС, 2023.

Мау В.А. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. № 7. 2002. С. 4–25.

Мау В.А. Сочинения: в 6 т. Т. 4: Экономика и политика России: год за годом (1991–2009) М.: Изд. «Дело» АНХ, 2010. 832 с.

Об итогах исполнения Федерального бюджета в 1999 г. и задачах органов финансовой системы на 2000 г. // Министерство финансов РФ. 2000. 15 марта.

Римский В.Л. Постиндустриальное общество и социальный капитал в современной России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. № 5. Т. 2. С. 26–37.

Рязанов В.Т. Новая индустриализация и экономическое возрождение России: восточный вектор // Известия УрГЭУ. 2017. № 5. С. 68–80.

Смирнов К.С. Жизнь и смерть программы Грефа // Коммерсантъ. 2000. 4 июля.

Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя / под науч. рук. М.Э. Дмитриева. М.: Фонд «ЦСР», Фонд «ИЭПП», 2010.

Summary

Galina N. Ulianova,
Elena M. Yukhimenko

Kozma Terentyevich Soldatenkov: Moscow entrepreneur, philanthropist, and Old Believer. A new biography

Summary: Drawing on new archival findings (38 files from five archival collections), this article contains a detailed reconstruction of the biography of an outstanding figure of the Russian history and culture as entrepreneur, philanthropist and publisher K.T. Soldatenkov. K.T. Soldatenkov was a parishioner of the Rogozhsky cemetery churches and his involvement into the Old Believers community had the most decisive influence on the formation of his personality and life principles, and mainly provided the circle of business connections. This work the production and commercial activities of K.T. Soldatenkov and his family, including his grandfather and father, are analyzed in such detail, as well as all areas of his extensive charity, contribution to the development of science and culture are highlighted. This study investigates in detail the industrial and trade activities of K.T. Soldatenkov and his family, including his grandfather and father, and covers all areas of his extensive charity, and support the development of science and culture.

Keywords: Entrepreneurship, Merchants, Industry, Trade, Textile factories, Imperial Russia, Moscow, 19th – Century Russian History, Old Believers, Rogozhsky cemetery, Soldatenkov

Peter S. Kabyitov,
Nailia F.Tagirova

Internal Trade In Russian Empire in the 1860–1890 years: Results and Perspectives of Study

Summary: The article provides an analysis of modern Russian historiography on the internal trades development in the Russian Empire during the years of active state reforms (1860–1890s). The authors note the emerging diversity of trends and research topics in this area, due to the gradual overcoming of materialistic determinism. Among the new directions in the study of internal trade, the authors name the researches about ethno-confessional specifics, the relationship of economic policy and acculturation of the peoples of remote territories, cultural and gender aspects. According to the authors, the following aspects of domestic trade remain poorly studied: the conjuncture of markets for various goods, prices and price regulation of various goods in cities and rural fairs, changes in the standard of living and consumer standard of living of the population. On the basis of a generalized description of historiographic and source studies, the authors recreate the general picture of the organization of internal trade in the country, the main forms and directions of its evolution during the period of active capitalist transformation. The rapid accumulation of capital and the growth of commercial profits, while maintaining the spiritual, moral and religious foundations, manifested itself in the widespread development of private charity at the end of the 19th century. Another, more obvious side of the trade transformation was the investment of capital in the banking business and industrial production, the results of which became visible already in the new century.

Keywords: Internal trade, Market, Fairs, Exchanges, Shops, Merchants, Prices, Russian Empire, Post-reform period, Capitalist modernization, 19th century

Alexander A. Bessolitsyn

Electric and technical companies in the capital of pre-revolutionary Russia: activity, profits and dividends

Summary. The article contains analysis of the activity of officially registered joint-stock electric and technical companies in the capital of Russia made on the basis of the archive documents of pre-revolutionary statistics books as well as published reports of companies. It was St. Petersburg where the largest and most successful companies were located, which were mainly reorganized from the branches of leading German joint-stock companies, developing most rapidly during the economic modernization at the edge of XIX–XX centuries and providing electricity to other branches of industry as well as private consumers. Electric and technical enterprises had a priority development in the capital not only because of the charters of these companies were officially approved by the Department of Trade of the Ministry of Finance and after 1906 – in the Ministry of Trade and Industry, but mostly because this is where the leading industrial enterprises of manufacturing industries engaged in military industries, receiving major state orders and being major consumers of electricity were located. This, in its turn, allowed joint-stock electric, technical and energy companies to receive significant profit, increase their share capital, issue additional shares and pay annual dividends to the shareholders. Main indicators of the activity of analyzed joint-stock companies are provided in 16 tables.

Keywords: Electric and technical industry, Modernization, Joint-stock companies, Main capital, Net profit, Dividend

Dmitriy B. Pavlov

Russian civilian population of the Kwantung lease, 1898–1905

Summary. Basing on diaries, memoires, Russian and foreign journalism and other sources the author investigates everyday colonial practices of late Imperial Russia through examples of Russian civilian population of the Kwantung peninsula in Manchuria leased by Russia from China in 1898–1905 – its quantity, social appearance, inhabitancy, ordinary life, interrelations with indigenous Chinese people before and during the Russo-Japanese war.

Keywords: Russian Empire, Colonialism, Russian civilian population of the Kwantung lease

Pavel V. Lizunov

Bankers of the russian imperial court second half of the XVIII century

Summary. In the middle of the 18th century, private banking was born in Russia, closely associated with the imperial court. Court bankers, mostly Western European merchants, in the second half of the 18th – early 19th centuries. played an important role in the business life of the country. They purchased and supplied various goods from abroad for the Russian court and institutions, they provided loans to nobles and merchants. Thanks to their connections with major foreign bankers, they acted as intermediaries in concluding the first external Russian loans. They paid bonds and interest on government debts, made settlements with European bankers. The court bankers were entrusted with the support of the exchange rate, the issuance of letters of credit and bills of exchange, the transfer of state money abroad to satisfy the army and navy, to pay salaries and various expenses to ambassadors and consuls. The strong position of the court bankers actually remained until the middle of the 19th century.

Keywords: Court banker, Russian imperial court, Merchant, Promissory note, Office of court bankers and commission agents

Victoriia G. Sharonova

Activities of the Russian-Chinese Bank in Yingkou (China) at the beginning of the 20th century

Summary. The article is devoted to the activities of the branch of the Russian-Chinese Bank («Daosheng») in Newchuang (Yingkou) (1898–1910), located in the Chinese province of South Manchuria. According to the Bank's charter, its purpose of establishing was «the production of trade operations in the countries of East Asia» and their conduct through the opened branches of the Bank. In 1896, the first branches of the Russian-Chinese Bank opened in China, with headquarter in Shanghai. One of the «opened» for foreigners under the agreement of 1858 between Great Britain and China was the most northern port of the Chinese province of «Manchuria», the city of Newchuang, which was called the «Gate of Manchuria». The Chinese Maritime and Junk Customs operating there ensured efficient logistics of foreign and domestic trade goods and contributed to the growth of trade in the local market. Taking into account the favorable geographical and economic position of the city, at the end of 1897, a branch of the Russian-Chinese Bank was opened here, which was the only credit institution in the city and was very popular. From 1900 to 1904, during the period of the Provisional Russian administration, in Newchuang (Yingkou), due to the well-established Russian city government, a well-organized financial and economic chain of commercial activities was organized here, in the center of which was a branch of the Russian-Chinese Bank. A major role in this was played by bank employees, diplomats and representatives of Russian and Chinese trade circles. After the defeat in the Russian-Japanese War, the local branch of the Russian-Chinese Bank was forced to move its activities to Harbin, and its borrowers experienced numerous difficulties due to the measures introduced by the Japanese administration of Newchuang. Since 1908, thanks to the joint actions of the employees of the bank and the Russian consul A.T. Beltchenko, the Newchuang branch of «Daosheng» almost restored its «pre-war» work, which continued successfully until 1910.

Keywords: Russian-Chinese Bank (Daosheng), Niuzhuang (Yingkou), Manchuria, Commercial activity, Imperial Consulate of Russia, CER

Valeriy V. Kerov

Merchants and peasants: two models of Old Believers' economic culture?

Summary. The article is devoted to the problem of factors in the formation of the economic culture of Old Believers peasants. The aim of the work is to find out the answer to the question about the differences between the economic culture of the merchant class and the peasantry, which made up about 90% of the zealots of ancient piety at the turn of the 19–20th centuries. The study contains a selective analysis of previously identified confessional and ethical factors of the entrepreneurial culture of Old Believers based on the material of the Old Believer peasantry. The analysis showed that it is possible to talk about the Old Believer peasants as mass carriers of a new economic culture. In the Old Believers' economic culture and economic behavior, it is impossible to identify two different models due to social correlation. Both entrepreneurs (merchants, first of all) and peasants – Old Believers acted according to a single model of economic behavior. The system of confessional and ethical factors of the formation of the Old Believers' economic culture was also unified.

Keywords: Economic history of Russia, Old Believers, Merchants, Peasantry, Business culture, Economic culture, Economic behavior, System of factors, Model

Victor V. Kondrashin

On the eve of total collectivization: 1928–1929 in the Soviet village

Summary. Based on the analysis of various archival and published sources, including those introduced into scientific circulation for the first time, the article attempts to characterize the mechanism of the Soviet village being drawn into continuous collectivization. The thesis about the crucial importance of the grain procurement crisis in this process is substantiated. The chronological framework of the study covers the period of 1928–1929, when the grain procurement crisis that began in 1927 reached its climax, and the exit from it made complete collectivization inevitable as a means of obtaining the necessary amount of marketable grain to continue forced industrialization.

Keywords: Grain procurement crisis, Emergency measures, Inner-party struggle, The course towards complete collectivization

Mikhail Yu. Mukhin

The defense industry of Soviet Russia during the Civil War

Summary. The article discusses the main trends in the development of the domestic defense industry during the Civil War. The formation of military production in Soviet Russia was influenced by the absence of any program developed in the pre-revolutionary period by the Bolshevik leaders for the practical reorganization of the economy after the establishment of Soviet power; the consequences of the hasty and largely unsuccessful evacuation of the Petrograd group of factories, the loss by the Soviet republic of a number of industries during the fighting of the Civil War, and finally, the general economic crisis that hit Soviet Russia in those years. Nevertheless, by concentrating the main efforts on the production of the most demanded elements of weapons – small arms and light artillery – the Soviet leadership managed, in general, to provide the Red Army with the necessary resources to win the Civil War. Written as part of the preparation of the multi-volume academic work «History of Russia from ancient times to the present day», the work is intended to summarize and aggregate the views of modern domestic historiography on the problem under consideration.

Keywords: Civil war, «War communism», Defense industry, Industrial history

Vladimir N. Kostornichenko

Petroleum Lend-lease during the Great Patriotic War (1941–1945)

Summary. The article is devoted to the analysis of the role of the petroleum lend-lease at different stages of the Great Patriotic War. The paper reveals the share of petroleum products in the total mass of lend-lease supplies, examines the importance of supplying aviation fuel, gasoline, etc. The history of the issue is shown, the motives of the actions of leading Soviet, American, British politicians in the field of oil policy are investigated. Special attention is paid to the influence of the petroleum factor on Soviet-British and Soviet-American relations.

Keywords: Petroleum, Lend-lease, The Great Patriotic War, Soviet-American relations, Soviet-British relations

Oleg B. Mozokhin

The use of the labor of convicted specialists in the «sharashki» of the OGPU–MGB of the USSR

Summary. During the pest control, a large number of specialists were transplanted. They came to their senses when it turned out that there was no one to do qualified work. Circulars were urgently sent out prohibiting the arrest of «specialists» without the permission of the People’s Commissariat. However, it was too late, the number of specialists who remained at large was not able to solve the tasks set. Many People’s Commissars began to write petitions with a request to release one or another specialist under the guarantee. Then the party and law enforcement authorities began to send petitions for the release of prisoners in whole lists. As a rule, positive decisions were made on them. In this situation, it turned out that the OGPU authorities arrested innocent people, and the judicial authorities, without understanding the investigation materials, condemned them. This shouldn’t have happened. A way out was found. It turns out that it was possible to solve two mutually exclusive tasks, to identify pests among specialists and at the same time with their help to promote the development of the national economy of the country. For this purpose, special design bureaus were created in which, in prison conditions, it was possible to force specialists to work for the benefit of the state. In the future, the conscientious work of specialists in these «sharashkas» contributed to the fact that the state security agencies began to petition for their early release, the removal of their criminal records, restoration of their rights and awarding state awards.

Keywords: VKP(b); Stalin; OGPU; NKVD; Special Design Bureau; OGPU Transport Department; Early release

Yuriy P. Golitsyn

People’s commissariat of trade and industry in the spring and summer of 1918 (according to the memoirs of A.A. Borman)

Summary. This article is based on the memoirs of Arkady Alfredovich Borman, the son of a well-known public activist and a member of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party A.V. Tyrkova-Williams. A. Borman, being a White Guard agent, worked for about six months in the central office of the People’s Commissariat of Trade and Industry. In his memoirs, he reflected some stories related to the activities of this commissariat: the composition and organization of the work of the first Soviet officials, the introduction of a monopoly of foreign trade, his participation as an expert in the preparation and conduct of Soviet-Ukrainian negotiations in the summer of 1918 in Kursk and Kiev, the reception and negotiations of the NCTP with the Ukrainian-German trade delegation and the British unofficial mission in June-July 1918 in Moscow. The source for writing the article was the unpublished memoirs of A.A. Borman, stored in the fund P-5881 «Collection of individual documents and memoirs of emigrants» of the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: People’s Commissariat of Trade and Industry, Preparation of the Soviet delegation in Moscow and Kursk for the Soviet-Ukrainian negotiations in the spring of 1918, The course of negotiations between the RSFSR and the UPR in Kiev in the summer of 1918, Negotiations of the Soviet and Ukrainian-German delegations in Moscow, Meeting of representatives of the People’s Commissariat of Trade and the British mission, M. Bronsky, A.I. Ashupp-Ilsen, H. Rakovsky, I. Stalin, L. Urquhart, P. Struve

Evgeniy G. Vodichev

Reorganization of the system of economic management during the years of the «Khrushchev decade»: intentions and results

Summary. The article is devoted to the reform of the economic management system in second half of 1950s – middle of 1960s. Combination of objective economic needs of decentralization, political factors, as well as factors of a subjective nature as drivers of the reform and counter-reform in their historical dynamics is considered in the paper. It is argued that historiography often exaggerates the significance of the democratization and the liberalization of the regime during the «Thaw» as an imperative of the reorganization of the economic management system that was de facto undertaken. Based on the analysis of the course of implementation of the reform and counter-reforms, it is concluded that the reform reflected the multi-vector and growing pressure from various actors without affecting the essential foundations of the economic model. However, it became a basis for adjusting the institutional platform in the decision-making system and led to strengthening the «bureaucratic bargaining» model. The latter circumstance, along with the «Kosygin» reform that became a continuation of the «Khrushchev» reform somewhat modified the system of economic administration and allowed it remaining manageable, although it did not ensure a long-term increase in the efficiency and dynamics of the Soviet economy.

Keywords: N.S. Khrushchev, Economic policy, Management reforms, Decentralization, Economic councils, Model of bureaucratic bargaining

Evgeniya V. Demchik,
Evgeniy S. Miroshkin

Gasification of the Altai Krai in the conditions of 1990s market reforms

Summary. The article is devoted to the implementation of gasification of the Altai Krai in the conditions of the crisis of the 1990s which caused by the collapse of the USSR and systemic changes in post-Soviet Russia, which are known as market reforms. We are traced the dynamics of events, the manifestations of the crisis situation that created specific conditions for the construction of the gas transmission system are highlighted. Gasification is one of the most important socio-economic and infrastructure projects that requires large amounts of stable financing and logistical support – it was impossible in the conditions of the crisis transition to a new economic model. Nevertheless, the 1990s became an important milestone in the history of gasification of the Altai Krai, which continues to this day.

Keywords: Gas transmission system, Gas pipelines, The Altai Krai, Natural gas, Energy efficiency, Economic reasonability, Gasification, Large-scale construction, Market reforms, Systemic crisis, Funding problems

Ivan M. Baydakov

Russian Federation`s postindustrial modernization in the Strategy-2010

Summary. The article analyzes the first long-term development strategy of Russian Federation in the XXI century known as the «Gref's Program». The development of the document began when Vladimir Putin came to power, in December 1999. The process was coordinated by a specially created Center of the Strategic Research, which included many prominent politicians of Putin's first term. By the beginning of the XXI century, Russia was finishing the economy transition's process from the Soviet type to the market. According to the program of the first post-communist

transformations of the Gaidar's government, macroeconomic stabilization was achieved, economic liberalization and privatization were carried out. Now Russia needed to solve the accumulated problems: to reform the health care system, education, to form a favorable economic institutes, to create a different system of governance of the country. The reforms had to be carried out in such a way that they would correspond to the new post-industrial economy. Up to this point, there was not a single precedent for post-industrial modernization. In this formation, the main driver of economic development is the knowledge-intensive production and country's human capital. The key place in the program was given to the social section. The deep social reforms included the restructuring of education and healthcare as a systemic basis for investing in a human capital. It was planned to create democratic state institutions, create a system of intellectual property rights protection ect. In this paper, the author examines how the Strategy-2010 react to the post-industrial challenge facing the country.

Keywords: Russian economy, Economic history, Modernization of Russia, Strategy of socio-economic development of the Russian Federation, Post-industrial development

Содержание

Предисловие	3
История предпринимательства	
<i>Ульянова Г. Н., Юхименко Е. М.</i> Московский предприниматель, меценат, старообрядец Козьма Терентьевич Солдатенков: новое прочтение биографии	9
Экономическая история Российской империи	
<i>Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф.</i> Внутренняя торговля в Российской империи 1860–1890-е гг.: итоги и перспективы изучения	69
<i>Бессолицын А. А.</i> Столичные электротехнические общества в дореволюционной России: деятельность, прибыли, дивиденды	103
<i>Павлов Д. Б.</i> Русское гражданское население Квантунской аренды (1898–1905)	138
История финансов и банков	
<i>Лизунов П. В.</i> Банкиры Российского императорского двора второй половины XVIII – начала XIX в. ...	173
<i>Шаронова В. Г.</i> Деятельность Русско-Китайского банка в г. Нючжуан (Инкоу) в начале XX в.	230
Аграрная история	
<i>Керов В. В.</i> Купцы и крестьяне: две модели старообрядческой хозяйственной культуры?	259
<i>Кондрашин В. В.</i> Накануне сплошной коллективизации: 1928–1929 гг. в советской деревне	280
Экономика войны	
<i>Мухин М. Ю.</i> Оборонная промышленность Советской России в годы Гражданской войны	313
<i>Косторниченко В. Н.</i> Нефтяной ленд-лиз в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	328
Принудительный труд в СССР	
<i>Мозохин О. Б.</i> Использование труда осужденных специалистов в «шарашках» ОГПУ–МГБ СССР	345
История советской экономики	
<i>Голицын Ю. П.</i> Наркомат торговли и промышленности весной и летом 1918 г. (по воспоминаниям А. А. Бормана)	375
<i>Водичев Е. Г.</i> Реорганизация системы управления экономикой в период «хрущевского десятилетия»: намерения и результаты	402
Экономика переходного периода	
<i>Демчик Е. В., Мирошкин Е. С.</i> Газификация Алтайского края в условиях рыночных реформ 1990-х гг.	435
<i>Байдаков И. М.</i> Программа Грефа – стратегия первой постиндустриальной модернизации России.....	450
Summary	467

Contents

Editorial notes	3
BUSINESS HISTORY	
<i>Galina N. Ulianova, Elena M. Yukhimenko. Kozma Terentyevich Soldatenkov: Moscow entrepreneur, philanthropist, and Old Believer. A new biography</i>	9
ECONOMIC HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE	
<i>Peter S. Kabyitov, Nailia F. Tagirova. Internal Trade I n Russian Empire in the 1860–1890 years: Results and Perspectives of Study</i>	69
<i>Alexander A. Bessolitsyn. Electric and technical companies in the capital of pre-revolutionary Russia: activity, profits and dividends</i>	103
<i>Dmitriy B. Pavlov. Russian civilian population of the Kwantung lease, 1898–1905</i>	138
THE HISTORY OF FINANCE AND BANKING	
<i>Pavel V. Lizunov. Bankers of the russian imperial court second half of the XVIII century</i>	173
<i>Victoriia G. Sharonova. Activities of the Russian-Chinese Bank in Yingkou (China) at the beginning of the 20th century</i>	230
THE AGRICULTURAL HISTORY	
<i>Valeriy V. Kerov. Merchants and peasants: two models of Old Believers’ economic culture?</i>	259
<i>Victor V. Kondrashin. On the eve of total collectivization: 1928–1929 in the Soviet village</i>	280
THE ECONOMY OF WAR	
<i>Mikhail Yu. Mukhin. The defense industry of Soviet Russia during the Civil War</i>	313
<i>Vladimir N. Kostornichenko. Petroleum Lend-lease during the Great Patriotic War (1941–1945)</i>	328
FORCED LABOR IN THE USSR	
<i>Oleg B. Mozokhin. The use of the labor of convicted specialists in the «sharashki» of the OGPU–MGB of the USSR</i>	345
HISTORY OF THE SOVIET ECONOMY	
<i>Yuriy P. Golitsyn. People ‘s commissariat of trade and industry in the spring and summer of 1918 (according to the memoirs of A.A. Borman)</i>	375
<i>Evgeniy G. Vodichev. Reorganization of the system of economic management during the years of the «Khrushchev decade»: intentions and results</i>	402
ECONOMY OF TRANSITIONAL PERIOD	
<i>Evgeniya V. Demchik, Evgeniy S. Miroshkin. Gasification of the Altai Krai in the conditions of 1990s market reforms</i>	435
<i>Ivan M. Baydakov. Russian Federation’s postindustrial modernization in the Strategy–2010</i>	450
Summary	467

Научное издание

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ**

Ежегодник. 2022

*Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Выпускающий редактор: М.И. Бълхова
Редактор: Е.В. Добычина
Макет и оформление: Л.В. Лобанова

Подписано к печати 27.09.2023
Формат 70×100/16. Гарнитура NewtonТТ.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 29,75. Уч.-изд. л. .
Тираж 300 экз.
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
